КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1904 г.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Къ характеристикѣ русской церковно-бытовой жизни въ первой трети XIX в.

(Письма архимандрита Іеронима Визерскаго къ архимандриту Филадельфу Пузынѣ).

1826—1832 гг.

Предлагаемыя ниже вниманію читателя письма представляютъ довольно цѣнный матеріалъ для характеристики нашего ученаго монашества въ началѣ 19-го вѣка—въ лицѣ двухъ его представителей. Это были два типическіе малоросса, прошедшіе всю тогдашнюю духовную школу—до самыхъ высшихъ ея ступеней, по праву стремившіеся во всю свою служебную жизнь къ *архіерейству*, какъ послѣдней цѣли своихъ желаній, и однако, по разнымъ случайностямъ капризной судьбы, не достигшіе своей завѣтной мечты... Въ письмахъ этихъ ярко отражаются задушевныя чаянія, предположенія и пониманія обоихъ корреспондентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рисуется и та историческая обстановка, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Все это дѣлаетъ предлагаемыя письма вообще очень интересными въ историко-бытовомъ отношеніи, а, кромѣ того, въ нихъ попутно попадаются такія или иныя характерныя замѣтки о разныхъ, болѣе или менѣе выдающихся, лицахъ и событіяхъ того, уже довольно далекаго отъ насъ, времени...

Архимандриты *Іеронимъ Визерскій* и *Филадельфъ Пузына*—личности, уже нѣсколько знакомые внимательнымъ читателямъ

Кіевской Старины. О нихъ довольно говорилось въ «Воспоминаніяхъ Іосифа Акимовича Самчевскаго», помѣщенныхъ въ *Кіевской Старинѣ* 1893—1894 гг. Поэтому, въ настоящемъ нашемъ предисловіи, а также въ подстрочныхъ своихъ примѣчаніяхъ къ сообщаемымъ нами теперь письмамъ мы будемъ иногда пользоваться выдержками изъ Самчевскаго—для характеристики личностей Іеронима и Филадельфа и для разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, встрѣчающихся въ печатаемыхъ теперь письмахъ Іеронима.

Архимандритъ Іеронимъ Визерскій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи, съ отличнымъ успѣхомъ прошедшій весь ея курсъ. Родился онъ, какъ видно изъ собственнаго его показанія въ одномъ изъ писемъ, въ 1731-мъ году. Изъ послужного списка его, хранящагося въ дѣлахъ правленія Волынской духовной семинаріи [1]), видно, что онъ былъ сынъ священника села *Карапашей*—нынѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи, о. *Гавріила Визерскаго,* служившаго впослѣдствіи нѣкоторое время священникомъ въ Козловскомъ полку, состоявшемъ подъ начальствомъ Суворова. Въ мірѣ Іеронимъ назывался *Игнатіемъ* и сначала учился въ каневскомъ базиліанскомъ училищѣ, а затѣмъ въ 1792 г. поступилъ въ Кіевскую академію, въ которой учился до 1804 г., проходя въ ней всѣ науки до философіи и богословіи включительно. Какъ отличный по успѣхамъ и поведенію студентъ академіи, Игнатій Гавриловичъ Визерскій былъ назначенъ въ 1804 г. учителемъ Волынской духовной семинаріи, находившейся въ то время въ г. Острогѣ, по предметамъ философіи и греческаго языка, а съ 1806 г.—и нѣмецкаго языка. Въ 1807 г. принялъ монашество съ именемъ *Іеронима* и, рукоположенный во іеромонаха тогдашнимъ волынскимъ епископомъ *Даніиломъ*

---

[1]) Этимъ спискомъ пользовался для краткой біографіи Іеронима Визерскаго—*Ник. Ив. Теодоровичъ,* авторъ книги: «Волынская Духовная Семинарія»—Почаевъ, 1901 г., составленной къ 100-лѣтнему юбилею этой семинаріи. Въ этой біографіи сказано, что Іеронимъ Визерскій родился въ 1769 г. (стран. 828-я); но это очевидная ошибка.

Наттонъ-Михайловскимъ, нѣкоторое время управлялъ острожскимъ Преображенскимъ монастыремъ, по случаю смерти настоятеля его архим. *Авдія Туровскаго*, перваго ректора волынской дух. семинаріи. Въ 1808 г. опредѣленъ въ члены Волынской духовной консисторіи, а въ 1809 г. произведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Загаецкаго монастыря, а въ 1812 г. опредѣленъ былъ ректоромъ Волынской дух. семинаріи и настоятелемъ острожскаго Преображенскаго монастыря. Благополучно жилось Іерониму въ ректорской должности на Волыни, пока въ семинаріи были все *свои люди*. Но вотъ въ 1817 г. Волынская дух. семинарія, вмѣстѣ съ другими семинаріями кіевскаго духовно-учебнаго округа, была преобразована по новому уставу, и въ ней появились—въ средѣ ея наставниковъ—новыя личности, назначенныя изъ академій Петербургской и Московской. Въ новой, непривычной для нихъ, средѣ они произвели нѣкоторое *броженіе*. Въ числѣ ново-пріѣзжихъ изъ Великороссіи наставниковъ были: одинъ—изъ Московской академіи—*Евгеній Потемкинъ*, а другой —изъ Петербургской—*Яковъ Кораблиновъ*. Послѣдній особенно былъ рѣзокъ и нетерпимъ по отношенію къ новой и необычайной для него бытовой обстановкѣ и привлекши на свою сторону перваго, путемъ доносовъ на тогдашняго волынскаго архіерея *Стефана Романовскаго*, произвелъ въ началѣ 1822 года громкое дѣло, тянувшееся болѣе двухъ лѣтъ и кончившееся разгромомъ почти всей тогдашней семинарской корпораціи и переводомъ членовъ ея въ разныя другія епархіи Малороссіи и Великороссіи... Отголоски этого дѣла долго еще отражались въ дальнѣйшей судьбѣ главныхъ участниковъ его и мѣшали имъ такъ или иначе въ ихъ жизненной карьерѣ. Къ числу прикосновенныхъ къ дѣлу Кораблинова и Потемкина былъ и ректоръ семинаріи, архим. Іеронимъ Визерскій—и вотъ уже въ началѣ процесса—въ 1822 г.—онъ переведенъ былъ на должность ректора же въ Черниговскую дух. семинарію, при чемъ назначенъ былъ настоятелемъ Елецкаго Успенскаго, что подъ Черниговомъ, монастыря. Вотъ здѣсь-то, въ Черниговѣ, и встрѣтилъ его назначенный въ 1823 г. въ профессоры Черниговской дух. семинаріи

магистръ 5-го курса С.-Петербургской дух. академіи *Іосифъ Аким. Самчевскій*. Нелишнимъ считаемъ и теперь привести нѣчто изъ того, что говоритъ онъ объ Іеронимѣ Визерскомъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

«Когда мы, съ Охотинымъ [1]) говоритъ Самчевскій,—прибыли въ Черниговскую семинарію, ректоромъ ея былъ архимандритъ *Іеронимъ*, получившій образованіе въ старой Кіевской академіи. Онъ хорошо зналъ преподаваемыя въ семинаріи науки и особенно былъ свѣдущъ въ языкахъ. Богословіе и науку проповѣдничества онъ преподавалъ по старому методу. Но дѣйствительно, пользу ученикамъ богословія онъ приносилъ своими практическими замѣтками и уроками—о томъ, какъ они должны поступать со своими прихожанами, когда сдѣлаются священниками, и ученики, ставшіе такими, были ему благодарны за такія наставленія. Будучи самолюбивъ, онъ бывалъ недоволенъ, когда мы на богословскихъ экзаменахъ дѣлали возраженія; ученикамъ богословія онъ у себя дома говорилъ, чтобы они его одного только слушали, давалъ имъ невыгодныя о насъ понятія и получалъ отъ нихъ на насъ разные доносы, что для насъ, конечно, было непріятно. Своею величавостію онъ прямо задѣвалъ наше самолюбіе. Однажды, когда я изъ домового отпуска возвратился тремя днями позже по положенію срока и по обыкновенію явился къ нему въ квартиру,—онъ долго не выходилъ ко мнѣ изъ своего кабинета, а вышедши, съ суровымъ видомъ сказалъ: «извините, Іосифъ Акимовичъ, что я заставилъ долго ждать себя; вы сами заставили насъ ждать вашего возвращенія изъ отпуска».—Я извинился тѣмъ, что семейныя обстоятельства заставили меня сдѣлать означенную отлучку. Іеронимъ серьезно сказалъ мнѣ: «если обстоятельства ваши удерживаютъ васъ въ домѣ, то вы можете просить увольненія отъ семинарской службы». Я вспыхнулъ и смѣлымъ голосомъ проговорилъ: «Коммиссія духовныхъ училищъ на-

---

[1]) *Яковъ Ивановичъ Охотинъ*, товарищъ Самчевскаго, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ С.-Петербуга—профессоромъ словесности въ черниговскую семинарію.

значила меня быть профессоромъ въ Черниговской семинаріи и она только можетъ отъ нея меня уволить, а ваше высокопреподобіе не имѣете права говорить мнѣ объ увольненіи; если же вы мою просрочку находите достойною увольненія отъ семинаріи, то должны предложить о томъ на обсужденіе семинарскому правленію, которое, надѣюсь, въ рѣшеніи своемъ не будетъ ко мнѣ такъ взыскательно». Сказавши это, я, не взявши отъ Іеронима благословенія, ушелъ изъ его квартиры. Іеронимъ одумался и послалъ келейника просить меня воротиться. Когда я пришелъ, онъ ласково сказалъ мнѣ, что не имѣлъ намѣренія оскорбить меня своими словами, попросту имъ сказанными, но такъ горячо мною принятыми. Мы примирились, и я тогда же созналъ, что съ своей стороны я сдѣлалъ глупую выходку, которую и теперь въ моей старости не извиняю ради моей молодости.—При непостоянствѣ и измѣнчивости своего характера, Іеронимъ въ личныхъ къ намъ отношеніяхъ былъ добръ, часто приглашалъ насъ, и въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, многорѣчивъ и казался искреннимъ. Въ такихъ нашихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ мы узнали отъ него, почему онъ изъ Острожской (т. е. Волынской) семинаріи, гдѣ былъ ректоромъ, перемѣщенъ въ Черниговскую семинарію. Въ городѣ Острогѣ находилась тогда семинарія и резиденція волынскаго архіерея, къ дому котораго приписано было большое помѣстье съ крестьянами. Архіерей Стефанъ жилъ роскошно и открыто; въ домѣ его часто бывали гости, а начальники и преподаватели семинаріи почти ежедневно тамъ угощались, и для ихъ забавы въ томъ же домѣ находился билліардъ. «Когда однажды я,—говорилъ Іеронимъ,—во время такого нашего пированія, сидя вдали съ каѳедральнымъ протоіереемъ, сказалъ ему: «какъ намъ хорошо и весело жить при архіереѣ Стефанѣ», протоіерей отвѣтилъ: «да, намъ слишкомъ весело, но это не передъ добромъ». И дѣйствительно такъ и случилось. Присланный изъ Петербургской академіи старшій кандидатъ 4 выпуска (т. е. 1821 г.) *Кораблиновъ*, человѣкъ безпокойнаго характера, завелъ между своими сослуживцами разныя интриги и ссоры, осуждалъ ихъ поведеніе и неприличную жизнь архіерея;

отсюда пошли взаимные доносы, началось слѣдствіе и кончилось тѣмъ, что архіерей и всѣ члены семинарскаго правленія изъ Острога были переведены въ другія мѣста на службу; по этому случаю Іеронимъ переведенъ въ Черниговскую семинарію [1]).—Послѣ моей глупой выходки Іеронимъ не оказывалъ мнѣ враждебнаго расположенія. Онъ весьма благоволилъ къ моему меньшему брату Николаю, который воспитывался въ Черниговской семинаріи на счетъ суммы, отпускаемой оберъ-священникомъ для содержанія дѣтей армейскаго духовенства, кончилъ въ ней ученіе съ званіемъ студента и поступилъ священникомъ въ полкъ» [2])...

Въ Черниговѣ Іеронимъ Визерскій служилъ еще цѣлые 8 лѣтъ ректоромъ, томился иногда однообразіемъ учебной службы и вздыхалъ, повторяя: «Боже мой, Боже! всякій день тоже!» (См. 3-е письмо). Все ждалъ съ нетерпѣніемъ вызова *на чреду́*—въ Петербургъ, послѣ чего, обыкновенно, слѣдовало архіерейство. Наконецъ, въ 1829 году столь желанный вызовъ на чреду послѣдовалъ... По обычаю, цѣлый годъ провелъ Іеронимъ въ С.-Петербургѣ—на чредѣ, «какъ испытываемый для архіерейства», занимаясь дѣлами въ С.-Петербургской духовной консисторіи и сказываніемъ проповѣдей по назначенію петербургскаго митрополита. Но по окончаніи чреды,—вмѣсто архіерейства получилъ только *пока* настоятельство въ богатѣйшемъ изъ великорусскихъ монастырей—именно въ свіяжскомъ Богородичномъ монастырѣ, казанской епархіи. Весною 1830 г. онъ возвратился въ Черниговъ, сдалъ ректорскую свою должность правленію семинаріи и въ началѣ лѣта прибылъ въ назначенный ему монастырь въ г. Свіяжскѣ. Здѣсь онъ прослужилъ настоятелемъ до 1836 г. и скончался, такъ и не дождавшись архіерейства...

---

[1]) Здѣсь считаемъ нужнымъ поправить ошибку Самчевскаго: архіерей (преосв. *Стефанъ Романовскій*) остался на мѣстѣ, и именно больше *въ угоду ему* и разосланы изъ Волыни члены подначальной ему Волынской дух. семинаріи. До архіерея дошла очередь только въ 1828 г., когда онъ былъ переведенъ въ г. Вологду.

[2]) См. «*Кіевск. Старину*» 1894 г. январь, стран. 34—36.

Архим. ***Филадельфъ Пузына*** былъ «*націи малороссійской*», какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, хранящемся въ архивѣ Кишиневской дух. семинаріи (о другихъ говорится здѣсь: *націи великороссійской*, *націи молдавской*; такое различеніе *націй* казалось тогда такъ естественнымъ и никого не смущало). Родился онъ въ 1790 г. въ полтавской епархіи и учился сначала въ Полтавской дух. семинаріи, что въ г. Переяславѣ. Отсюда, какъ отлично хорошій воспитанникъ, былъ назначенъ въ 1809 г. въ составъ перваго курса преобразованной и ново-открытой тогда С.-Петербургской духовной академіи и былъ здѣсь товарищемъ нѣкоторыхъ впослѣдствіи историческихъ знаменитостей, наприм.—протоіерея ***Герасима Павскаго***, архіепископа экзарха Грузіи ***Моисея Антипова*** (перваго ректора преобразованной Кіевской академіи), архіеп. ***Мелетія Леонтовича*** (тоже бывшаго ректоромъ Кіевской академіи) и другихъ... По окончаніи академ. курса, еще въ свѣтскомъ званіи, онъ посланъ былъ въ 1814 г. въ Вологодскую дух. семинарію профессоромъ еврейскаго и французскаго языковъ. Въ 1822 г. былъ постриженъ въ монашество въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, что въ Вологдѣ, и въ томъ же году въ мѣсяцѣ сентябрѣ назначенъ инспекторомъ Черниговской дух. семинаріи и профессоромъ въ ней философскихъ наукъ, причемъ предоставлено было ему и настоятельство въ козелецкомъ Георгіевскомъ монастырѣ (въ 5-ти верстахъ отъ г. Козельца). Вотъ здѣсь-то, въ Черниговѣ онъ познакомился въ первый разъ и подружился съ архим. Іеронимомъ Визерскимъ. Здѣсь же встрѣтилъ его въ 1823 г. Іос. Ак. Самчевскій. Послѣдній въ своихъ «Воспоминаніяхъ» вотъ что, между прочимъ, говоритъ: «инспекторъ, игуменъ ***Филадельфъ***, былъ кандидатъ перваго выпуска Петербургской дух. академіи. Кромѣ своей должности по семинаріи, онъ исполнялъ еще должность смотрителя находившагося при ней духовнаго училища. Будучи при томъ настоятелемъ Козелецкаго монастыря, онъ жилъ хорошо и былъ вообще гостепріименъ. Филадельфъ доставилъ мнѣ и Охотину удовольствіе, пригласивъ совершить съ нимъ въ монастырскомъ спокойномъ экипажѣ, безъ всякой отъ насъ платы, ***путешествіе въ Кіевъ***, который намъ

очень желательно было видѣть. (Это было лѣтними каникулами 1824 г.; дальше у Самчевскаго слѣдуетъ описаніе дивнаго вида Кіева, послѣ проѣзда чрезъ Броварской лѣсъ). «Долго стояли мы не отводя глазъ отъ этой картины, потомъ въ Никольской Слободкѣ сѣли въ лодку и по Днѣпру приплыли къ Подолу. Съ берега мы отправились прямо въ Братскій монастырь и явились къ ректору академіи архимандриту Мелетію (Леонтовичу). Обнявъ Филадельфа и благословивъ меня и Охотина, онъ всѣхъ насъ пригласилъ квартировать въ его домѣ во все время пребыванія нашего въ Кіевѣ; но мы пользовались этимъ пріютомъ только ночью, а днемъ все осматривали городъ... Осматривая городъ, мы посѣщали въ нѣмъ нашихъ знакомыхъ. Прежде всего мы были у родственника Охотина-Скворцова, котораго я видѣлъ, еще будучи мальчикомъ, на торжественномъ актѣ въ Петербургской дух. академіи (въ 1815 г.)... Здѣсь (въ Кіевской академіи) онъ преподавалъ философію... Пробывъ въ Кіевѣ около недѣли, мы пустились въ обратный путь. (Здѣсь Самчевскій кратко замѣчаетъ *о братѣ Филадельфа*, прибывшемъ изъ Полтавы для свиданія съ нимъ).—Въ Черниговъ мы прибыли къ началу ученія. Так. образомъ, благодаря Филадельфу, мы всѣ вакаціи провели весело и пріятно—и мы же, легкомысленные, подтрунивали надъ нашимъ менторомъ, что онъ, бывши въ Кіевѣ, не былъ въ пещерахъ, бесѣдуя съ своимъ товарищемъ Мелетіемъ. Но не даромъ Филадельфъ былъ въ Кіевѣ, не даромъ долго бесѣдовалъ съ Мелетіемъ, который, какъ ректоръ академіи, былъ его начальникомъ по зависимости семинаріи отъ академіи и, какъ первенствующій членъ академическаго правленія, могъ ходатайствовать о повышеніи его по службѣ, въ которой Филадельфъ отсталъ отъ своихъ сокурсниковъ, бывшихъ уже ректорами и архимандритами. И, дѣйствительно, Филадельфъ вскорѣ былъ сдѣланъ архимандритомъ и ректоромъ семинаріи въ Кишиневѣ, гдѣ знакомъ былъ съ поэтомъ Пушкинымъ, находившимся тогда въ изгнаніи и пользовавшимся его гостепріимствомъ» [1]). О дальнѣйшей судьбѣ Фила-

---

[1]) См. Кіев. Стар., янв. 1894 г. стр. 37—40.

дельфа ничего не говоритъ Самчевскій; очевидно, она оставалась для него неизвѣстною... Но мы должны исправить и то единственное свѣдѣніе, которое сообщилъ онъ о Филадельфѣ, по удаленіи послѣдняго изъ Чернигова. Дѣйствительно, послѣ поѣздки въ Кіевъ, Филадельфъ получилъ повышеніе по службѣ—именно былъ назначенъ на должность ректора семинаріи,—но только *не въ Кишиневѣ*, какъ говоритъ Самчевскій,—а *въ Воронежѣ*. Въ Кишиневъ же переведенъ былъ Филадельфъ гораздо позже—именно въ 1832 г., когда Пушкина тамъ давно уже не было,—и съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ Филадельфъ знакомымъ быть не могъ... Самчевскій, очевидно, смѣшалъ дошедшія до него свѣдѣнія. Это—другой ректоръ Кишиневской дух. семинаріи, болѣе ранній, именно архимандритъ *Ириней Несторовичъ*—жилъ въ Кишиневѣ во время пребыванія тамъ Пушкина (1820—1823 гг.) и дѣйствительно близко былъ знакомъ съ поэтомъ.—Итакъ, изъ Чернигова осенью 1825 г. Филадельфъ переѣхалъ въ Воронежъ на ректорскую должность въ духовную семинарію, при чемъ изъ игумена произведенъ былъ въ архимандриты и получилъ настоятельство въ воронежскомъ Акатовѣ монастырѣ. Въ Воронежѣ онъ жилъ до 1829 г. и, вѣроятно, по живости своего характера, допустилъ какую-либо провинность или по службѣ, или вообще въ монашескомъ поведеніи; ибо былъ уволенъ отъ семинарской службы (это показывало нѣкоторое неблаговоленіе къ нему начальства) и переведенъ настоятелемъ въ глухой и бѣдный монастырь калужской епархіи—именно въ *Лютиновъ* Троицкій, подъ Перемышлемъ. Но скоро отношеніе начальства къ нему смягчилось—и въ 1830 г. мы уже видимъ Филадельфа въ Москвѣ настоятелемъ одного изъ видныхъ тамошнихъ монастырей—именно Златоустовскаго. Это, конечно, произошло не безъ вліянія тогдашняго митрополита Филарета Дроздова, который былъ когда-то ректоромъ Филадельфа на первомъ курсѣ С.-Петербургской дух. академіи и могъ оцѣнить его способности для дальнѣйшей служебной карьеры... Изъ Москвы, очевидно, по рекомендаціи митроп. Филарета, Филадельфъ опять былъ выдвинутъ на духовно-учебную службу и въ 1832 г. былъ назначенъ ректоромъ духовной се-

минаріи въ Кишиневъ и настоятелемъ одного изъ бессарабскихъ монастырей—*Добрушскаго*[1]). Здѣсь—живой и жизнерадостный Филадельфъ, нѣсколько уже умудренный опытомъ, горячо принялся за дѣло... Кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей по службѣ учебной,—онъ предался проповѣднической дѣятельности: съ усердіемъ и талантомъ составлялъ онъ церковныя поученія и произносилъ ихъ въ кишиневскомъ соборѣ и въ другихъ церквахъ Кишинева. Многочисленныя подлинныя рукописи проповѣдей Филадельфа мы сами имѣли возможность видѣть... Но вотъ и документальное свидѣтельство объ этой сторонѣ его дѣятельности. Кишиневская дух. семинарія была тогда причислена къ Кіевскому духовно-академическому округу и состояла въ зависимости отъ Кіевской академіи. Въ 1836 г. ректоръ этой академіи, знаменитый Иннокентій Борисовъ, по предложенію митрополита Евгенія, сдѣлалъ циркулярное распоряженіе по округу о доставленіи въ академическую конференцію свѣдѣній о тѣхъ наставникахъ семинаріи, кои, сверхъ классическихъ занятій своихъ, *произвели что-либо особое*, наприм., написали какое-либо особое сочиненіе, или изготовили переводъ какой-либо полезной книги, или усердно занимались проповѣданіемъ слова Божія и проч.,—и вотъ, въ отвѣтъ на это, кишиневское семинарское правленіе представило академіи выписку слѣдующей резолюціи тогдашняго архіепископа кишиневскаго Димитрія Сулимы: «Дать знать кіевскому академическому правленію, что ни одинъ изъ наставниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ и состоящихъ въ священнической должности, не представлялъ епархіальному начальству доселѣ ни ученаго сочиненія, ни перевода какой-либо книги, *а что касается до проповѣдей*, то *кромѣ ректора семинаріи архим. Филадельфа, который, и сверхъ*

---

[1]) Поздравляя Филадельфа, по пріѣздѣ уже его въ Кишиневъ,—одинъ изъ его московскихъ пріятелей (*Вознесенскій, что на Гороховомъ полѣ, протоіерей Іоаннъ Іоанновъ*) такъ выражается: «поздравляю съ прибытіемъ на новое ваше мѣсто, со вступленіемъ въ новую или *возобновленную вашу должность, въ возобновленное ваше достоинство, которое недостойно было у васъ восхищено*»...

назначенныхъ ему по росписанію дней, занимался усердно проповѣданіемъ слова Божія и въ другіе дни, прочіе наставники сказывали проповѣди только по назначенію» [1]). Нѣкоторыя изъ своихъ проповѣдей Филадельфъ отправлялъ для напечатанія въ журналъ «Христіанское Чтеніе» (напр. *Слово о мирѣ*) [2]). Кромѣ того, по порученію архіеп. Димитрія Сулимы,—Филадельфъ трудился и на научно-литературномъ поприщѣ. Такъ, когда изъ Одессы графъ М. С. Воронцовъ прислалъ преосв. Димитрію для перевода съ греческаго «Периплъ Понта Эвксинскаго»—*Арріана*,—то этотъ переводъ, по просьбѣ Димитрія, былъ сдѣланъ Филадельфомъ... Мы видѣли цѣлыя тетради черновыя этого перевода въ бумагахъ Димитрія Сулимы. А потомъ этотъ переводъ былъ изданъ въ Одессѣ съ именемъ чиновника при гр. Воронцовѣ *Фабра* [3]). Но годы проходили, а между тѣмъ «движенія по службѣ» Филадельфъ не удостоивался... Уже онъ прослужилъ въ Кишиневѣ болѣе 15 лѣтъ, успѣлъ уже выучиться молдавскому языку... Однообразіе жизни нѣсколько утомляло его—и онъ, по природѣ живой, общительный, добродушный и гостепріимный, находилъ для себя нѣкоторое развлеченіе—при монотонной учебной жизни—въ томъ, что часто принималъ къ себѣ гостей изъ своей же духовной карпораціи (большею частію изъ наставниковъ семинаріи) и съ ними проводилъ время. Наконецъ, въ 1846 г. вызванъ онъ былъ въ С.-Петербургъ—на желанную «чреду», на которой заставили его заниматься консисторскими дѣлами... Здѣсь видѣлъ его въ январѣ

---

[1]) См. брошюру професс. *Ив. Игн. Малышевскаго:* «Дѣятельность митроп. Евгенія въ званіи предсѣдателя консисторіи Кіевской дух. академіи». Кіевъ, 1862 г. стран. 50--51.

[2]) См. «Русскій Архивъ» 1898 г. № 2: «Письма Филадельфу преосв. *Виталія Щепетева*, ректора С.-Пет. «духовн. акад.».

[3]) «Арріона—Периплъ Понта Евксинскаго». Перевелъ *Андрей Фабръ*. Одесса. 1836 г. Изданіе этой книги, какъ и многихъ другихъ по предмету древностей Новороссіи,—принадлежало гр. М. С. Воронцову. См. статью *Н. Мурзакевича*: «Очеркъ заслугъ, сдѣланныхъ наукамъ кн. М. С. Воронцовымъ» въ IV т. «Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и др.»—стран. 409—413.

1847 г. архим. *Порфирій Успенскій,* извѣстный ученый путешественникъ по Востоку (впослѣд. епископъ чигиринскій—въ Кіевѣ), и вотъ какую замѣтку сдѣлалъ онъ объ этомъ своемъ свиданіи съ Филадельфомъ въ своемъ «Дневникѣ»: «7-го января 1847 г. былъ я у архим. Филадельфа—*череднаго.* Увидѣлъ здѣсь у него бумаги консисторскія о своей участи... Отецъ Филадельфъ схватилъ консисторскій журналъ и началъ бранить свое послушаніе *по-молдавски*» [1]).—По отбытіи «чреды»,—Филадельфъ былъ отосланъ назадъ въ Бессарабію—на прежнее мѣсто... Пошла по прежнему монотонная учебная жизнь и прежнія развлеченія съ гостями по вечерамъ—зимою, а лѣтомъ—поѣздки въ подчиненный ему *Добрушскій* монастырь. Отъ бессарабскихъ старожиловъ-знакомцевъ и пріятелей Филадельфа мы слышали, какъ весело бывало имъ въ гостяхъ у добродушнаго и шутливаго Филадельфа. Престарѣлый протоіерей г. *Сорокъ* (бессарабской г.) о. *Θеодоръ Паховскій*—типъ стариннаго семинарскаго *латынщика* (онъ постоянно обращался къ намъ съ вопросами на латинскомъ языкѣ и цѣлыя тирады любилъ произносить на этомъ школьномъ языкѣ незабвенной своей молодости...),—служилъ нѣкогда въ Кишиневѣ и пользовался дружбою и гостепріимствомъ Филадельфа—и вотъ что между прочимъ разсказывалъ онъ намъ о веселости и шуткѣ Филадельфа (въ бесѣдѣ нашей съ о. Θеодоромъ въ Кишиневѣ—10 ноября 1877 г.): «послѣ экзаменовъ—непремѣнно уже было у Филадельфа обильное угощеніе, хотя оно нерѣдко случалось у него и въ другія времена. На этихъ угощеніяхъ въ числѣ другихъ гостей бывалъ непремѣнно полковой протоіерей *Дмитрій Жмакинъ.* И вотъ бывало, когда уже не станетъ вина, когда бутылки уже всѣ вышли,—Жмакинъ—бацъ на полъ, какъ будто съ нимъ сдѣлался ударъ, и лежитъ безъ движенія, словно мертвый...

---

[1]) См. «Описаніе бумагъ еписк. Порфирія Успенскаго, пожертв. имъ въ Импер. Акад. Наукъ» сост. П. *Сырку*— (приложеніе къ 64 т. «Записокъ Импер. Акад. Наукъ). Спб. 1891 г. стран. 112—113. О положеніи *чередныхъ* архимандритовъ въ С.-Пет.,—см. «Русск. Стар.» 1879, мартъ, стран. 562—563

«Вотъ,—говоритъ о. ректоръ, обращаясь ко всѣмъ,—нашъ Жмакинъ уже умираетъ... А затѣмъ, приблизившись къ нему, неподвижно лежащему: «Опять въ недугѣ?.. Ну, это болѣзнь не къ смерти... Мы сейчасъ вылѣчимъ». И распоряжается принести изъ погреба еще бутылокъ шесть-семь .. Чуть только бутылки принесены, Жмакинъ вдругъ поднимается съ пола, какъ ни въ чемъ не бывало, здоровый, веселый... Ну, конечно,--всеобщій хохотъ!..--Или бывало ѣдетъ Филадельфъ въ свой монастырь Добрушскій, возьметъ меня и протоіерея Петрова [1]). На дорогѣ вдругъ обращается къ намъ: «Вставайте, свиньи, мнѣ васъ не нужно»!.. Мы встаемъ, забираемся въ кусты... Онъ возвращается, ищетъ насъ... Шалили, шутили»...—И вотъ такими невинными шутками разнообразилась жизнь.—Но ужъ видно на роду была написана Филадельфу неудачливость по службѣ...—Скоро произошло одно событіе, которое съ корнемъ подорвало его благосостояніе—и физическое, и еще болѣе нравственное... Дѣло началось, какъ водится, съ пустяшныхъ причинъ, но окончилось трагически и оставило глубокіе, неизгладимые слѣды въ дѣйствующихъ лицахъ на всю жизнь. Въ Кишиневской дух. семинаріи служилъ съ 1839 года кандидатъ кіевской духовной академіи девятаго курса (выпуска 1839 г.) *Климентъ Алексѣевичъ Никитскій*, родомъ изъ орловской губ., прекрасный молодой человѣкъ—и по наружности, и по уму, а еще болѣе по своему великолѣпному голосу... У него былъ отличный басъ—и въ академіи кіевской Клим. Ал. Никитскій оставилъ по себѣ память, какъ талантливѣйшій регентъ академическаго хора. Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по академіи извѣстнымъ *Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ*, тоже обладавшимъ недюжиннымъ басомъ и понимавшимъ толкъ въ музыкѣ,

---

[1]) *Петровъ* былъ соборнымъ протоіереемъ въ Кишиневѣ и извѣстенъ въ кишиневскихъ преданіяхъ, какъ талантливый *духовный композиторъ*. Нѣкоторыя его церковно-музыкальныя пьесы и доселѣ съ особенною любовію исполняются въ Кишиневѣ и вообще въ Бессарабіи, въ особенности двѣ, поемыя на Страстной седмицѣ: одна—о Тайной Вечери, начинающаяся словами: «*Союзомъ любве...*», а другая—объ Іудѣ предателѣ, начин. словами: «*Уне тебѣ бяше, Іудо*»...

они поставили академическій хоръ на небывалую дотолѣ въ новопреобразованной академіи высоту... Въ Кишиневской семинаріи Кл. Ал. Никитскій преподавалъ математику и еврейскій языкъ. Вотъ именно на экзаменѣ по еврейскому языку и началось это несчастное дѣло... Предоставимъ разсказать о немъ очевидцу, человѣку высоко-нравственному и благороднѣйшему, *Евгенію Александровичу Сахарову*, тоже бывшему въ то время (въ 1849 г.) наставникомъ Кишиневской дух. семинаріи. Евг. Ал. Сахаровъ—магистръ Кіевской дух. академіи десятаго курса (выпуска 1841 г.), назначенный въ Кишиневскую семинарію, служилъ въ ней цѣлые 50-лѣтъ и даже больше—съ величайшею пользою для нея—по своему глубокому уму, добросердечію, терпѣнію и снисходительности къ воспитанникамъ, по благородству и независимости характера и по рѣдкой въ Кишиневѣ въ тогдашемъ духовномъ мірѣ *полнѣйшей трезвости*. Онъ скончался въ Кишиневѣ не такъ давно—въ 1902 г., въ глубокой старости—86 лѣтъ отъ роду... Это былъ незабвенный образецъ педагога, семьянина и сослуживца [1]). Въ одной изъ бесѣдъ съ нами (27 окт. 1877 г.), въ которой Евг. Ал. Сахаровъ вспоминалъ прошлое Кишиневской дух. семинаріи, онъ обстоятельно разсказалъ намъ—памятное для всѣхъ современниковъ Филадельфа—дѣло, поведшее къ увольненію этого добрѣйшаго ректора отъ службы и къ трагической судьбѣ талантливѣйшаго наставника Кл. Ал. Никитскаго. «Дѣло началось,—разсказывалъ Евг. Ал. Сахаровъ,—на экзаменѣ по еврейскому языку, который преподавалъ Никитскій. На экзаменѣ былъ, конечно, ректоръ. Былъ и я. Зашелъ споръ о какомъ-то еврейскомъ словѣ, не помню уже теперь—какомъ. Ректоръ доказывалъ одно, Никитскій—другое. Но помню, что справедливость была на сторонѣ ректора, который прекрасно зналъ языкъ и преподавалъ его еще въ Вологодской семинаріи. Но Никитскій не уступалъ... Спорили, спорили, наконецъ ректоръ въ заключеніе сказалъ шутливо—

---

[1]) *Некрологъ* его, съ большою теплотою написанный преподав. Кишин. дух. сем. *Іос. Мих. Пархомовичемъ*, помѣщенъ въ 22 № «Кишиневскихъ Епарх. Вѣдом.» 1902 г.

Никитскому: «не знаете вы еврейскаго языка». Обидѣлся этимъ Никитскій, задѣло это его за живое, какъ видно изъ послѣдующаго... Замѣчу, что ректоръ былъ человѣкъ добродушнѣйшій и благожелательнѣйшій.—Тогда былъ у насъ обычай: у кого экзаменъ, у того собирались послѣ экзамена на выпивку и закуску. Собрались у Никитскаго. Былъ и ректоръ. Тамъ тоже продолжался прежній еврейскій споръ, поднятый Никитскимъ... Опять спорили-спорили, и опять ректоръ въ заключеніе замѣтилъ: «нѣтъ, нѣтъ—не знаете вы еврейскаго языка»... Никитскій, понятно, еще болѣе послѣ этого былъ задѣтъ... Послѣ всѣхъ экзаменовъ былъ обычай собираться у архіерея, который давалъ всѣмъ наставникамъ семинаріи обѣдъ. Архіереемъ тогда былъ преосв. *Иринархъ*, который, помню, угощалъ отлично, гостепріимно,—нужно отдать ему въ этомъ честь [1]). Вина отличнаго было въ волю... Подкутили хорошо... Потомъ отъ архіерея—зашли еще всѣ къ ректору, по обычаю. Тамъ тоже еще дополнили выпивку. Всѣ начали расходиться... Не помню, кто тамъ еще оставался изъ наставниковъ, но Никитскій оставался до конца и, разгоряченный виномъ, все приставалъ къ ректору по поводу прежняго еврейскаго спора... Тому уже, должно быть, надоѣло это. А у него былъ длинный ножъ, привезенный имъ изъ Петербурга въ бытность его на чредѣ—въ родѣ кухоннаго; онъ держалъ его въ комодѣ. Когда Никитскій началъ все приставать, тотъ подошелъ къ комоду, вынулъ ножъ и сказалъ шутя, по своему обыкновенію, скороговоркой: «вотъ я тебя этимъ ножомъ, если не отстанешь». Напугать его, должно быть, хотѣлъ... Но Никитскій тотчасъ схватилъ за ножъ, началъ отнимать его и при этомъ другою рукою схватилъ ректора за бороду. Филадельфъ тоже усиливался отнимать ножъ и при этомъ, конечно, нечаянно порѣзалъ немного Никитскому руки... Этотъ въ раздраженіи схватилъ Филадельфа за волосы—и они—въ такомъ видѣ, сцѣпившись и тягаясь другъ съ другомъ,

---

[1]) Преосв. *Иринархъ Поповъ* управлялъ кишиневской епархіей съ 1844 г. по 1858 г., затѣмъ былъ послѣдовательно архіепископомъ подольскимъ и рязанскимъ. Съ 1867 г. жилъ на покоѣ и сконч. 25 сен. 1877 г.—въ рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ.

вышли изъ комнаты на дворъ... Тогда прибѣжали служителя семинарскіе и розняли ихъ... Но домашняя сцена сдѣлалась такимъ образомъ общеизвѣстной—и особенно была по сердцу инспектору семинаріи *Анастасію*, давно желавшему занять мѣсто ректора. Анастасій довелъ сейчасъ обо всемъ происходившемъ до свѣдѣнія преосв. Иринарха. Не знаю, что говорилъ ректору и Никитскому Иринархъ, когда они были на объясненіи у него,—но только по всему было видно, что онъ не хотѣлъ давать этому печальному дѣлу, нечаянно-негадано сложившемуся при совершенно смягчающихъ обстоятельствахъ для обоихъ его участниковъ, и хотѣлъ потушить его на мѣстѣ... Жалко было Иринарху губить людей —умныхъ, талантливыхъ и еще могшихъ съ пользою послужить обществу многіе годы, но только въ возбужденномъ состояніи духа допустившихъ въ отношеніи другъ къ другу нѣчто необычайное... Но бѣсъ не дремалъ. Никитскому стали совѣтовать какіе-то его пріятели-чиновники, а въ особенности подбивалъ его Анастасій, чтобы онъ занесъ жалобу на Филадельфа. Ему представляли, что выйдетъ плохо, если онъ будетъ молчать, а если *первый пожалуется*, то останется въ безпасности... Тотъ, несчастный, и послушался, и подалъ архіерею жалобу на ректора. Архіерей долженъ былъ дать ей ходъ чрезъ академическое правленіе. Присланъ былъ для изслѣдованія дѣла ревизоръ, архим. Іосифъ. Началось слѣдствіе. Ректору предложены были вопросные пункты. Но онъ ни слова не отвѣтилъ па нихъ. Вообще этотъ случай еще раньше произвелъ въ немъ рѣзкую перемѣну. Веселый прежде, сообщительный, любившій вечеркомъ у себя общество наставниковъ, игравшій иногда съ нами и въ картишки,—онъ сталъ грустнымъ, задумчивымъ, малосообщительнымъ. И здоровье его было сильно потрясено. Прежней свѣжести какъ не бывало,—безсонница и безпокойство ослабило его организмъ, дотолѣ крѣпкій... Все ходилъ онъ у себя по комнатѣ, заложивши назадъ руки, молчаливый, и въ послѣднее время сталъ харкать кровью... Когда пріѣхалъ ревизоръ, онъ не хотѣлъ ничего разсказывать... Какъ-то разъ, ходя по семинарскому двору, онъ подозвалъ меня и сказалъ: «Евгеній Александровичъ! Я уже—ста-

рикъ, а вы—вотъ постарайтесь выгородить какъ-нибудь молодого человѣка»... Хорошая была у него душа!—Но ревизоръ, по разслѣдованіи, понялъ, конечно, суть дѣла... Никитскій уволенъ былъ отъ духовно-училищной службы... Но и ректора не пощадили.. Его удалили на покой въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей,—кажется—въ Выдубицкій. Онъ тамъ скоро и скончался, Никитскій же не могъ бы и послѣ этого пропасть, но пьянство погубило его. Ему предлагали хорошія мѣста и въ свѣтскомъ вѣдомствѣ, но онъ не могъ удержаться нигдѣ. Съ самаго же начала послѣ увольненія отъ семинаріи, онъ пристроился у соборнаго протоіерея *Георгія Постики*, который далъ ему у себя квартиру и столъ, а Никитскій писалъ проповѣди—и прекрасныя!.. Дальнѣйшая судьба его вамъ болѣе или менѣе извѣстна. Онъ починялъ часы, дѣлалъ и продавалъ ваксу, чернила- и т. п.».

Въ Кишиневѣ—въ 1870 г.—мы застали еще въ живыхъ когда-то бывшаго кіево-академическаго регента—*Клим. Алекс. Никитскаго* и скоро съ нимъ познакомились. Онъ любилъ навѣщать молодыхъ семинарскихъ наставниковъ, особенно вышедшихъ изъ Кіевской академіи... Физіономія его казалась чрезвычайно симпатичною: большой, выдающійся лобъ, голубые глаза, на головѣ сзади вьющіеся, бѣлокурые, очевидно, когда-то прекрасные волосы... Лицо—бѣлое, съ нѣжной кожей, но уже увядшее, испытавшее слѣды большихъ треволненій жизни. Ростъ—ниже средняго. Въ голосѣ его еще гремѣла сильная басовая нота... Одежда на немъ была всегда нищенская—старая, изношенная. Въ обхожденіи его замѣтна была простота и деликатность... Общее впечатлѣніе отъ его личности давало понятіе о жизни когда-то цвѣтущей, умственно и художественно-богатой, но разбитой, уничтоженной... Но въ то же время замѣтно было нѣчто идейное въ его самосознаніи и самочувствованіи: видно было, что человѣкъ этотъ смирился и безропотно несетъ выпавшій на его долю крестъ... Даже больше: замѣтно было, что онъ нарочито принизилъ себя до послѣдней степени, нарочито дошелъ до нѣкотораго благородства въ поведеніи—Христа ради, для того, чтобы загладить допущенную въ жизни роковую ошибку, но при этомъ, несмотря на

жестокость судьбы, все таки сохранилъ въ себѣ нравственное человѣческое достоинство въ сознаніи добровольно, принятаго подвига... Онъ жилъ въ какомъ-то подвалѣ, окруженный разными инструментами для своихъ работъ—для починки часовъ и замковъ, для выдѣлыванія ваксы и проч.,—этимъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе... Но здоровье его было уже сильно надорвано... И поэтому, скоро онъ поступилъ, благодаря хлопотамъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей [1]), въ богадѣльню, что на кишиневскомъ кладбищѣ (на Малинѣ), и тамъ скончался въ 1873 г.

При отъѣздѣ своемъ въ Кіево-Выдубецкій монастырь, въ 1850 г.,—архим. Филадельфъ всѣ бумаги свои оставилъ у іеромонаха Серафима Кипера, который былъ впослѣдствіи игуменомъ Гиржавскаго монастыря въ Бессарабіи. Послѣ смерти отца Серафима Кипера, бумаги Филадельфа перешли къ племяннику о. Серафима—священнику *Александру Киперу*, который теперь соборнымъ священникомъ въ г. Кагулѣ, бессарабской губ.; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ (письма къ Филадельфу разныхъ лицъ, его проповѣди и проч.) о. Александръ Киперъ передалъ отчасти намъ, а отчасти бывшему преподавателю Кишиневской семинаріи и извѣстному изслѣдователю бессарабскихъ древностей—*Алекс. Егор. Стадницкому* (что нынѣ преосвящ. Арсеній, епископъ псковскій).—Сообщеніемъ печатаемыхъ ниже писемъ архим. Іеронима Визерскаго къ архим. Филадельфу мы обязаны частію о. Алекс. Киперу, а частію преосвященному епископу Арсенію Стадницкому, за что и приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

Л. М.

---

[1]) Воспитанниковъ кіевской академіи Петра Ѳедор. Паховскаго и Александра Вас. Кіетскаго, уже теперь тоже покойныхъ...

1.

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ игуменъ и ректоръ! Возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ новомъ семъ годѣ и на новомъ вашемъ мѣстѣ желаю вамъ отъ Христа Господа новыхъ благъ и милостей, по желанію сердца вашего, ко славѣ имени Его.

Увѣдомленіемъ вашимъ о прибытіи вашемъ въ Воронежъ я очень доволенъ былъ, и доволенъ, что далъ вамъ Богъ, прибывъ благополучно, усмотрѣть, что требуетъ улучшенія по ввѣренной управленію вашему части. Богъ милостивъ! мало-по-малу поуправившись, будете спокойнѣе, и молитва вѣры спасетъ васъ отъ всякія нетерпящія добраго порядка козни.

Я живу съ новымъ о. инспекторомъ, какъ и съ вами, спокойно, благодаря Бога [1]), хотя и радъ бы, чтобъ извѣстнаго вамъ законоискусника паки и паки, вмѣсто меня, кто-либо ближайшій къ Сем. правленію погонялъ почаще. То и дѣло, что думаетъ о расширеніи предѣловъ для себя и для другихъ, и не бережетъ, а беречься отъ него надобно. Подрядчикъ нашъ такъ печки въ Сем. церкви устроилъ, что уже до передѣлки и топить нельзя— а инако храни Богъ! и феіерверкъ послѣдовалъ бы при занятіи Игн Никифоровича [2]).

---

[1]) Этимъ «новымъ инспекторомъ» былъ іеромонахъ *Нилъ Исаковичъ*, воспитанникъ Могилевской д. семинаріи и затѣмъ магистръ С.-Петерб. дух. Акад. выпуска 1825 г.; скончался въ 1874 г.—архіепископомъ Ярославскимъ.

[2]) Подъ «извѣстнымъ законоискусникомъ» нужно разумѣть, конечно, тогдашняго эконома Черниговской духов. семинаріи и члена ея правленія—свящ. *Александра Кирилловича Огіевскаго*, который былъ воспитанникомъ еще старой Кіевской академіи и до преобразованія Черниговской д. семинаріи былъ въ послѣдней *префектомъ* и учителемъ риторики.—«Игнатій же Никифоровичъ»—это былъ тогдашній учитель Черниговъ. д. семинаріи *Пахаревскій*, воспит. С.-Пет. д. акад. выпуска 1821 г., отличавшійся, по словамъ Самчевскаго, «весьма тихимъ характеромъ».

13-го сего мѣсяца выѣхалъ Я. Ив. Охотинъ въ Нижегор. Епарх. вѣдомство. Счасливъ, что хотя до мѣста прогоны получилъ по предписанію начальства [1]. На его должность прибылъ изъ Кіева Янчевскій, питомецъ Черниг. семинаріи, росту высокаго—смирный и добрый, какъ видно [2]). Меня не двигаютъ съ мѣста. Хорошее и нагрѣтое—какъ знаете,—слава убо Богу о всемъ, о явленныхъ и не явленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. А кіевскій ректоръ нынѣ проѣхалъ чрезъ Черниговъ на очередь и съ 14-го на 15-ое ночевалъ у меня. Его должность исправлять велѣно о. Смарагду [3]).

Нашъ каѳедр. соборъ попромовался. О. Данилевскій musicus—произведенъ, въ силу отношенія Син. оберъ-прокурора, въ протоіерея на своемъ свящ. мѣстѣ, а X. Jan Pseudomonachus [4]) произведенъ въ намѣстника, въ самый день Богоявленія. О. Ал. Ог. [5]) получилъ новорожденнаго сына, а самъ соборъ 6000--съ прибавкою—оклада.

Здѣсь въ благословенной Малороссіи все тихо, мирно и спокойно, да дастъ Богъ миръ и всему міру,--и возлюбленному

---

[1]) *Яковъ Иван. Охотинъ*--это былъ товарищъ Самчевскаго по С.-Петерб. дух. академіи, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ 1823 г. въ Черниговскую семинарію—съ званіемъ профессора словесности. Онъ былъ родомъ изъ г. Арзамаса, нижегор. губ.,—куда и уѣхалъ изъ Чернигова и сдѣлался тамъ священникомъ. Это былъ отецъ нынѣшняго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго *Іустина Охотина*.—Самчевскій посвящаетъ характеристикѣ этого своего любимаго товарища много страницъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

[2]) *Василій Васил. Янчевскій*, воспитанникъ Кіевской д. академіи вып. 1825 г.,—былъ потомъ протоіереемъ и законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

[3]) «Кіевскій ректоръ»—это ректоръ Кіевской д. семинаріи архим. *Кириллъ Куницкій*.—*Смарагдъ Крыжановскій*—инспекторъ Кіевской академіи.

[4]) Подъ этимъ прозвищемъ былъ тогда извѣстенъ въ Черниговской духовной средѣ—соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, о коемъ говорится ниже.

[5]) Это—*Алекс. Огіевскій*, о коемъ говорилось выше.

отроку своему, благочестивому Царю нашему вышнюю помощь на покореніе всякаго врага и супостата, да паки кроткій Давидъ обезглавитъ чудовищнаго Голіаѳа, и вѣрные Божіи—гласы преподобными—воспоютъ побѣдную пѣснь Богу, запинающему премудрыхъ міра сего въ неистовомъ коварствѣ ихъ. О семъ намъ келейно и церковно молиться надобно [1]).

Зима здѣсь крѣпкая по снѣгу и морозамъ, я думаю и у васъ не хуже.

Простите! Пребываю вашъ всегда усерднѣйшій слуга и доброжелатель арх. Іеронимъ.

15-го генваря 1826 года. Черниговъ.

Волынское купанье прокрадывается ли и въ тѣхъ странахъ въ монашескія снѣди, яко пружіе, или надобно съ рыбами знаться? Также крепы можно ли безъ труда достать у васъ [2]) и правда ли, что тамъ цымлянское дешевле грибовъ [3])?!

О Козелецкомъ монастырѣ на рапортъ преосвященнаго доселѣ разрѣшенія не получено [4]). Напишите еще люб. о. игуменъ! о своемъ житьѣ-бытьѣ подробно.

2.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ и ректоръ! Возлюбленный о Господѣ братъ!

Благодарю васъ братски усерднѣйше за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ и братскія при семъ случаѣ пожеланія. Я

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

[2]) *Крепа*—это матерія для монашескихъ клобуковъ.

[3]) «Цымлянское»—это знаменитое вино—изъ виноградниковъ «Цымлянской Станицы» на Дону, насажденныхъ, по преданію, изъ виноградныхъ лозъ, привезенныхъ изъ Франціи.

[4]) Будучи инспекторомъ Черниговской семинаріи, игум. Филадельфъ былъ вмѣстѣ и настоятелемъ *Козелецкаго Георгіевскаго монастыря*, что въ 5 верстахъ отъ г. Козельца, на рѣкѣ Острѣ.— Послѣ отъѣзда Филадельфа въ Воронежъ,—въ монастырѣ семъ открылась вакансія настоятеля—и тогдашній преосвященный Черниговскій *Лаврентій Бакшеевскій* сдѣлалъ въ св. Синодъ представленіе о назначеніи новаго настоятеля.

взаимно и васъ отъ искренняго сердца поздравляю и желаю отъ Господа всѣхъ благъ на пользу вашу.

Дивному положенію обители Дивногорской удивляюсь и похваляю вашу дѣятельность въ объѣздѣ таковыхъ мѣстъ неприступныхъ среди учебнаго года [1]). Берегите здоровье;- такъ и я въ прошломъ году порисковалъ—объѣздилъ многія мѣста, часто даже гостилъ у нихъ *jejuno stomacho* [2]) и не надолзѣ казалось и благополучно,— но за пріѣздомъ едва не заплатилъ за таковое геройство жизнію, чего вамъ никогда не желаю. Felix, quem aliena pericula faciunt cautum [3]).

Съ 21-го по 22-ое ночевалъ у меня новый о. ректоръ академіи Кіевской, Кириллъ, о которомъ я къ вамъ писалъ [4]). Какъ говорили люди, такъ и сдѣлалось—это по пословицѣ, Божіи собаки какъ станутъ неустанно лаять, то кто-нибудь и идетъ. О. Кириллу чреда была легкая,—сказалъ 5 проповѣдей, а навидался и наслыхался при бывшихъ чрезвычайныхъ событіяхъ до воли. Жилъ постоянно у преосвященнаго митрополита Евгенія на Троицкомъ подворьи, вмѣстѣ съ владыкою имѣлъ столъ, чай и часто экипажъ. Подъ его былъ надзоромъ и аппробаціею, не приступенъ для *трапезныхъ* друзей и знакомцевъ, невкусный для *обиралъ*, страшный для завистниковъ. Экзамена на магистра онъ не держалъ и не искалъ сего, получилъ только второклассный Братскій монастырь и ректуру академіи, а псковскій Иннокентій также изъ старыхъ, хлопотавши въ то самое время въ

---

[1]) «Дивногорская обитель»—это *Дивногорскій монастырь*—въ г. Острогожскѣ, воронежской губ. Его, очевидно, посѣщалъ Филадельфъ въ вакаціонное время и описывалъ въ письмѣ къ Іерониму свои отъ него впечатлѣнія.

[2]) «При голодномъ желудкѣ».

[3]) «Счастливъ тотъ, коего дѣлаютъ осторожнымъ чужія опасности».

[4]) Архим. Кириллъ Куницкій—былъ любимецъ Кіевскаго митрополита *Евгенія Болховитинова*, по протекціи коего и вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ то время Евгеній засѣдалъ въ св. Синодѣ.—Кириллъ Куницкій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи и не имѣлъ никакой ученой степени—по ново-академич. уставу.

кадетскомъ корпусѣ, поѣхалъ во свояси въ 3-тьеклассный монастырь съ надеждою [1]). Теперь вызвали на чреду отставленнаго отъ рект. Московской семинаріи Ѳеоктиста, для повѣрки поведенія и налога,—и старичка Іасона изъ Ярославскаго первокласснаго Толгскаго монастыря [2]). Такъ найлучше, какъ Богъ строитъ: не чреда дóрога, а милость Божія, которой я вамъ желаю усердно, и вы мнѣ сего наипаче желайте, естьли любите,—а прочая приложатся намъ.—Представленныхъ къ орденамъ и другимъ отличіямъ, говорятъ, собственною рукою вымаралъ Государь Императоръ до 96 человѣкъ, и якобы впредь нúже сорокалѣтнихъ не велѣно представлять къ отличію,—разумѣется нашихъ духовныхъ.

Вчера гостилъ и обѣдалъ у нашего преосвященнаго и преосвящ. митрополитъ Евгеній, возвращаясь во свояси, по 3-ей просьбѣ [3]). За благословеніемъ являлись и мы съ о. инспекторомъ. Просилъ сидѣть—разговаривалъ на счетъ авкторовъ (*sic*) духовнаго ученія, охуждалъ нерадѣніе о знаніи церковнаго устава и самими учителями онаго, предлагалъ мнѣніе, чтобы заставлять богослововъ по очереди читать апостольскія посланія отрывками на литургіяхъ, какъ церкви обычно есть: мы сказали, что у насъ читаютъ; помолчавъ, откланялись,—сказалъ: благодарю, и мы уѣхали; чрезъ 2 часа послѣ обѣда и онъ уѣхалъ. Послѣ того я еще не былъ у преосв. и не знаю пересказанныхъ отъ митрополита новостей.

О выдачѣ Ивану Федоровичу [4]) кандидатскихъ вашихъ денегъ пришлите на простой бумагѣ краткую въ сем. правленіе

---

[1]) *Иннокентій Сельнокриновъ*—ректоръ Псковской семинаріи. Скоро онъ б. возведенъ въ санъ епископа—викарія Московскаго. Съ 1832 по 1840 г. былъ архіереемъ на Волыни.

[2]) Архим. Ѳеоктистъ *Орловскій*—послѣ «чреды» б. назначенъ въ Боголюбовъ монастырь, владимір. г., гдѣ и скончался въ 1829 г.— Архим. *Іассонъ Никольскій*—тоже не достигъ архіерейства послѣ чреды и возвращенъ въ свой монастырь.

[3]) Митрополитъ кіевскій Евгеній вызванъ былъ въ С.-Петербургъ еще въ декабрѣ 1824 г.—для присутствія въ св. Синодѣ.

[4]) *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*—магистръ Московской д. академіи—съ 1820 г. профессоръ Черниговской д. семинаріи,—былъ въ это время и секретаремъ семинарскаго правленія.

просьбу, ибо въ предписаніи академич. правленія слишкомъ, какъ нарочно, пояснено, чтобъ точно препроводить отъ семин. правленія въ семин. правленіе ваше, чтобъ вручить вамъ, и нѣтъ повода изворотъ какой-либо дѣлать, хотя и невинный, но все служба службою, и лучше дѣлать твердо на всякій случай. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго—на случай и преемника—мнительнаго съ нравомъ о. Иринарха, котораго вы знали *съ гарбузомъ* и именемъ Игната Никифоровича [1]).

Сей о. Иринархъ уже во діаконѣхъ и желаетъ, но не знаетъ, когда будетъ преосвященному угодно сказать объ немъ ἄξιος (достоинъ) во іеромонаха. Сей іеродіаконъ весьма рѣдко служить соизволяетъ въ семин. церкви,—когда служитъ, *мормолычетъ*, не хотя ни мало къ обычному тону приспособляться. Страненъ, мраченъ, противорѣчущъ и будетъ, кажется, тяжелый чиновникъ училищнаго правленія, хотя примѣтно сего и алчетъ [2]).

---

[1]) «Игнатій Никифоровичъ» вышеупомянутый учитель *Пахаревскій.* Неудачная женитьба *(гарбузъ)* побудила его принять монашество—съ именемъ *Иринарха.*

[2]) Самчевскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» нѣсколько иначе освѣщаетъ личность Иринарха. «Пахаревскій, во время обученія своего въ академіи и въ продолж. службы своей въ семинаріи, отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и 30-ти лѣтъ по собственному желанію... поступилъ въ монахи. Преосв. Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіаконы, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; Пахаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими своими учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской ц—ви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія,—послѣдній бранилъ его, называя *медвѣдемъ,* за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій, Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отсего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ»?.. (См. «*Кіевск. Стар.*» 1894 г. янв., стран. 24).

Антонію Ивановичу, объявивъ мой поклонъ и благословеніе съ его фамиліею [1]), скажите новость, которую мнѣ сообщилъ изъ С.-Петербурга одинъ волынецъ. Преосвященный Стефанъ, подозрѣвая одного ученика своей семинаріи, прозваніемъ Лопуховича, изъ Богословскаго отдѣленія, что якобы имѣетъ переписку съ Кораблиновымъ, послалъ членовъ семин. правленія на квартиру къ нему обыскать, нѣтъ ли писемъ? Сіи писемъ не сыскали, а сыскали какую-то записочку, самую пустую, отъ одного изъ офицеровъ Саратовскаго полка, тамъ квартировавшаго, который офицеръ задолго предъ тѣмъ, яко злоумышленникъ, увезенъ на судъ. Преосвященный завязываетъ дѣло за записочку, пишетъ въ Варшаву къ великому князю, думая, что преступника Лопуховича схватятъ въ Варшаву. Но князь сверхъ чаянія велитъ ученика отправить предъ лице Государя въ С.-Петербургъ. Монархъ распрашиваетъ милостиво мнимаго преступника, велитъ, не смотря на архіерейскія бумаги, взять объясненіе отъ представленнаго, представленный пишетъ отъ избытка сердца, его освобождаютъ изъ-подъ стражи, спрашиваютъ, не хочетъ ли на родину возвратиться, онъ отказывается. Дѣло и объясненіе у царя въ рукахъ. Преступникъ ходитъ по всему граду и проповѣдуетъ о благоутробіи царскомъ, о жестокости и злоупотребленіяхъ волынскаго дух. начальства. Что будетъ далѣе и чѣмъ это окончится, еще отъ проѣзжающихъ не узнано. Просилъ я петербургскаго корреспондента, чтобы увѣдомилъ. Тутъ кому-то грозитъ или носъ, или *штось* [2]).

---

1) *Антоній Иван. Собкевичъ,* волынскій уроженецъ, воспитанникъ Кіевской д. академіи 1-го курса (вып. 1823), былъ сослуживцемъ Іеронима въ Волынской д. семинаріи; но, по дѣлу Кораблинова, переведенъ наставникомъ въ Воронежскую д. семинарію.

2) Вся эта тирада показываетъ, что Іеронимъ Визерскій не сочувственно относился къ личности прежняго начальника на Волыни — Преосв. *Стефана Романовскаго.*—Предположеніе Іеронима, что преосв. Стефану грозитъ *штось*,—исполнилось. Преосв. Стефанъ скоро (въ ноябрѣ 1828 г.) былъ переведенъ епископомъ въ Вологду.—«Штось» это шутливое старо-академическое бурсацкое извращеніе малорусскаго слова *щось*—что-то).

Будьте здоровы и благополучны! У насъ все по старому. Въ Козелецкомъ монастырѣ вакансія, а мы только ждемъ, желая и вамъ сего. Пребываю усерднѣйшій слуга арх. Іеронимъ.

28 генваря 1827 года. Черниговъ.

Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или *Виктусъ* изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать [1]).

3.

Ваше высокопреподобіе! Любезнѣйшій о Господѣ братъ о. Филадельфъ!

Давно уже долженъ я вамъ отвѣтомъ и отвѣтами на многія пріятнѣйшія письма ваши. Не могъ собраться съ духомъ и, о срамъ, ради всегдашняго здѣшняго единообразія обстоятельствъ нашихъ и хлопотъ, мнѣ, уже притоптанному служивцу, наскучившихъ. Боже мой, Боже! всякій день тоже:—повторять, сближаясь къ старости, не лишнее. Теперь хочу кое-какъ расплатиться—хоть не дукатами, по польской амбиціи, а мѣдными бѣдными.—И у насъ, слава Богу разумовъ, прошедшій курсъ окончился публичнымъ экзаменомъ не не по желанію. Отвѣты были удовлетворительны, публика небольшая, но за то архипастырь сверхъ обыкновенія своего примовилъ—на благодарность ученика отъ имени семинаріи—родъ благороднаго комплимента съ благословеніемъ всѣмъ намъ. Въ академію посланы студенты: П. Крыловскій,

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, объ архим. *Викторѣ Черняевѣ*, бывшемъ настоятелѣ *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря въ г. Нѣжинѣ, черниг. губ. Мы не можемъ привести болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной личности. Въ «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей» П. М. Строева (Спб. 1877 г.) сказано, что Викторъ Черняевъ въ 1823 году отъ настоятельства *отставленъ*, а въ 1827 г. *уѣхалъ за границу*. (См. стран. 522-ю).

Иванъ Чернявскій и Николай Митькевичъ,—охотно, и безъ малѣйшаго безпокойствія отправились съ миромъ и благословеніемъ [1]).

Вакаціями пользуясь, мы съ отцемъ инспекторомъ Ниломъ и библіотекаремъ Иринархомъ ѣздили въ Домницу къ о. архим. Іову въ гости [2]). Застали *крутаго ангела* [3]); какъ водится, обрѣли безквасіе, безналивочность и другое сему соотвѣтствіе, но, впрочемъ, день прожили не худо и горлы не были сухи, ибо о. Цукровскій, сѣющій щедро *при пути*, не допустилъ до сего. Возвратились благополучно, но моимъ молодымъ спутникамъ мѣстоположеніе Домницы и житье весьма не понравилось.—Къ концу вакацій послѣднихъ чиселъ августа съ о. инсп. Ниломъ ѣздили мы вдвоемъ въ Нѣжинъ. Здѣсь у о. архим. Евгенія [4]) гостили не худо, хотя то чай былъ *весьма* греческій и ромъ *Волынско-рабиновскій,* сирѣчь уніятъ невкусный. Зато при концѣ сдѣлалось лучше—и мы открыли у нихъ въ лавкахъ [5]) въ продажѣ то, чего они—жители—не знали и говорили, что сыскать неможно. Это можетъ и вамъ въ проѣздахъ вашихъ случиться. Обѣдали также однажды у игуменьи [6]) скорымъ пріемомъ, но бабскіе

---

[1]) Указанные три студента вошли въ составъ *пятаго курса* Кіевской д. академіи (1827—1831 гг.). *Павелъ Алексѣев. Крыловскій*, по оконч. акад. курса,—былъ впосл. законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимн., гдѣ и сконч. 10 іюня 1858 г.—*Николай Васильевичъ Миткевичъ*—принялъ монашество съ именемъ *Григорія* и сконч. въ санѣ архіепископа Калужскаго—въ 1881 г. *Чернявскій* же выбылъ изъ академіи во время ученія и судьба его намъ неизвѣстна.

[2]) Архим. *Іовъ Куроцкій* былъ настоятелемъ Домницкаго (или Думницкаго) монастыря, черниг. г., съ 1823 г. по 1832 г.

[3]) Что́, или кого-нужно разумѣть подъ *крутымъ Ангеломъ,*—не знаемъ. Вѣроятно—это прозвище ниже упоминаемаго *о. Цукровскаго.*

[4]) Архим. *Евгеній Прозоровъ* былъ настоятелемъ Нѣжинскаго *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря съ 1823 по 1830 г.—24 іюня 1824 г. онъ торжественно освящалъ ново-устроенную церковь при Нѣжинской «Гимназіи Высшихъ Наукъ».

[5]) Разумѣются, конечно, лавки, помѣщавшіяся въ зданіяхъ, принадлежащихъ самому монастырю.

[6]) Въ Нѣжинѣ есть и женскій *Введенскій* монастырь.

взаимные упреки и переговоры худо приправляли пріемъ ихъ.— Въ Веркѣевкѣ [1]) у о. Грищенка—и туда и назадъ было хорошо, а за 30 верстъ отъ Чернигова подъ Кулиновкою задняя желѣзная ось въ коляскѣ треснула, ударились о полы; заѣхали въ село къ священнику, разыскали, сыскали кибиточку русскую подъ рогожею и инкогнито всунулись подъ вечеръ въ семинарію сякъ такъ, а оттуда я возвратился въ монастырь вытребованною каретою. Таково-то бываетъ въ пути, какъ и въ жизни!

Молебенъ у насъ отпѣтъ предъ начатіемъ ученія 12-го числа, а 13-го сего сентября, какъ я удостовѣрился предъ Воздвиженіемъ Креста Господня, который, какъ церковная исторія говоритъ, заброшенъ былъ и обрѣтенъ послѣ вѣрными—благочестивыми,—владыка нашъ представилъ къ награжденію св. Синоду трехъ епархіи своей чиновниковъ съ прописаніемъ службы долговременной, гдѣ помѣщенъ и извѣстный вамъ ректоръ семинаріи [2]), о которомъ вы, по усердію своему, какъ писали, у добрыхъ людей добрыми словами христіански интересовались. Теперь прошу отъ васъ братнихъ молитвъ и благожеланія—помяните, яко вси подъ эпитиміями есьмы, и не забудьте гдѣ знаете, какъ прилично, съ христіанскою простотою и мудростію, замолвить паки письмами доброе слово. Есть ли есть любовь братняя, то много учить ненадобно, и *bonum* будетъ сдѣлано, и *bene* [3]). И узрятъ нищіе и возвеселятся, яко Богъ помоглъ и утѣшилъ ны есть. Давно уже въ сей семинаріи увѣнчаніе начальниковъ праздновали, какъ сами знаете.

О. Нила съ утвержденія преосвящен. представили мы по порядку къ магистерской степени. Г. Мерцаловъ изъ новаго дома

---

[1]) Село *Веркѣевка*—вблизи Нѣжина—одно изъ имѣній графа *Александра Григ. Кушелева-Безбородка*, доходы съ котораго шли на первоначальное устройство знаменитой «Гимназіи Высшихъ Наукъ» въ Нѣжинѣ, давшей образованіе Гоголю...

[2]) Т. е. самъ авторъ письма, архим. Іеронимъ.

[3]) Т. е. будетъ сдѣлано *доброе дѣло*—и *добрымъ способомъ*—или кратче—по-малорусски: *добро́* и *до́бре*.

ходить въ семинарію по старому. X. Jan Сулятицкій [1]) совсѣмъ потерялся, прибилъ въ пьянствѣ мать свою, сосланъ въ Домницу на годичную эпитимію и тамъ не исправляется, а срамитъ самъ и безпокоитъ всѣхъ неистовыми поступками. Сынъ его принятъ въ бурсу, а мать съ дочерью предана сердолюбію попечительства о бѣдныхъ. Мѣста его просилъ Ос. Ак. Самчевскій и получилъ отказъ за молодостію къ присутствію въ дикастеріи.—Иванъ Федоровичъ надѣется получить мѣсто при Нѣжинской гимназіи законоучителя; директоръ Ясновскій обѣщаетъ, но еще мало успѣха [2]). Петръ Хрисаноичъ вдовствуетъ еще, и бываетъ иногда у меня и въ семинаріи. Привыкаетъ и живетъ кое-какъ.—Изъ Кіева о. ректоръ Кириллъ писалъ ко мнѣ о бывшихъ своихъ экзаменахъ и прочемъ подобномъ,—особенно любопытнаго ничего нѣтъ. Евгеній [3]) копается въ древностяхъ, а прочее идетъ своимъ порядкомъ.—Служащіе въ Астраханской семинаріи и въ Могилевской въ письмахъ къ о. Нилу жалуются на новыхъ своихъ меценатовъ и стонутъ отъ грубости ихъ [4]), а Вятскіе и Нижегородскіе

---

[1]) Это—тотъ самый, упомянутый выше, соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, котораго въ шутку прозывали: «X. Jan pseudo-monachus».—Букву X здѣсь, какъ и выше, нужно читать не какъ русскую, а какъ польскую,—и она, конечно, означаетъ здѣсь «Xiądz»—*ксёндзъ*.

[2]) *Данило Емельяновичъ Ясновскій* былъ директоромъ Нѣжинской гимназіи послѣ Орлая—съ 1826 г. по 1835 г. По его представленію, *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*, дѣйствительно, въ 1829 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ «Нѣжинской Гимназіи Высшихъ наукъ князя Безбородко» и назначенъ настоятелемъ Александровской при ней церкви, для чего и посвященъ былъ въ томъ же 1829 г. во священника.—Служилъ онъ при этой гимназіи и въ лицеѣ свыше 30-ти лѣтъ—до 1860 г.—Скончался въ Нѣжинѣ 12 авг. 1868 г.—на 75 году жизни. (См. его краткую біографію въ книгѣ: «Лицей князя Безбородко»—Спб. 1881 г., стр. 284—286-я).

[3]) Т. е. митрополитъ Кіевскій Евгеній.

[4]) Этими «меценатами» были: въ Астрахани—архіеп. *Павелъ Саббатовскій*, а въ Могилевѣ—архіеп. *Павелъ Моревъ-Павловъ*, оба изъ старинныхъ воспитанниковъ.

благословляютъ судьбу свою подъ учеными пастырями [1]). У насъ хоть не мудро, но, право, жить спокойно и надо Бога благодарить. Будьте здоровы и благополучны. Пребываю покорный и усердный слуга арх. Іеронимъ.

23 сент. 1827 г. Черниговъ.

Дѣло о замотанныхъ прежде еще деньгахъ по дикастеріи не упразднено манифестомъ всемил.—Теперь прислано къ разсмотрѣнію епархіальн. начальства и разложенію денегъ на бывшихъ присутствующихъ. Здѣсь и Екатериносл. архіерей замѣшанъ [2]). Экономъ архіерейскаго дома Антоній сдѣланъ Козелецкимъ игуменомъ. Живетъ при домѣ и описалъ казначея Кипріяна и другихъ. Теперь они подъ судомъ и въ бѣдѣ...

Думали ли вы, чтобы архіер. казначей Филаретъ, молодой, веселый и здоровый, опередилъ смертію всѣхъ тамошнихъ стариковъ? Такъ точно сдѣлалось въ половинѣ іюля; наѣлся вишенъ съ косточками, заболѣлъ и умеръ, а старики все живутъ по прежнему.

Охотинъ уже священникомъ въ Арзамасѣ, хвалится очень милостію преосв. Аѳанасія.

4.

Ваше высокопреподобіе, любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ Филадельфъ!

Наконецъ я, съ помощію Божіею, прибылъ въ свою Свіяжскую обитель прошедшаго маія 28 числа благополучно. Сблизился къ

---

[1]) Въ Вяткѣ въ это время былъ архіереемъ преосв. *Кириллъ Богословскій-Платоновъ*, а въ Нижнемъ-Новгородѣ—преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—оба воспитанники 1-го курса ново-преобразованной С.-Петербургской д. академіи—и товарищи Филадельфа.

[2]) Преосв. *Ѳеофилъ Татарскій*, епископъ Екатеринославскій, бывшій съ 1813 года нѣсколько лѣтъ ректоромъ Черниговской д. семинаріи и членомъ Черниговской д. *дикастеріи* (консисторіи).

обители ночью, и хотѣлъ въѣхать не безпокоя ни другихъ, ни себя, но нѣкто скоро—проѣзжій чиновникъ, замѣтивъ меня и опередивъ, пустилъ слухъ въ городѣ, что я буду скоро. Встрѣтили меня у св. вратъ съ духовною церемоніею—и я долженъ былъ покориться и итти въ церковь, какъ прилично, уже въ 11 часу ночи. Но все содѣлалось, слава Богу, благополучно, и слова мои привѣтственныя пали на землю благу.

Монастырь сей, по наружности, прекрасный и не безъ причины поставленъ выше Донскаго [1]). Фасадъ церкви и колокольни—отмѣнный, зданія огромныя подъ палевою краскою. Ограда вокругъ, какъ Кремль вашъ, но красивѣе, ибо палевого цвѣта и безъ трещинъ; крыши крашенныя и большею частію желѣзныя; верхи церквей зеленые,—снаружи картина, при высокихъ внутри деревахъ, коихъ верхушки издали показываются, какъ Лавра какая,—палевый цвѣтъ очень ее отъ обыкновенныхъ закоптѣлыхъ старыхъ монастырей отличаетъ. Но внутри присмотрѣвшись, во многихъ мѣстахъ увидишь правду словъ пр. Діонисія [2]). Мусору пропасть по мѣстамъ, согнившихъ ступеньковъ по крыльцамъ вокругъ церкви много,—окошки индѣ безъ цѣли почти и двери выломаны, какъ-бы кто въ горячкѣ хозяйствовалъ,—а сады и слѣдовъ не имѣютъ бывшаго старанія.

Церковь внутри украшена старинною живописью, и благолѣпія особеннаго нѣтъ. При томъ и тѣсно въ атарѣ, ризница средственная. Митра первая называется *Іеронимовская*: вырѣзано на обручѣ; «исправлена настоятелемъ архиманъритомъ Іеронимомъ» [3]). Вотъ судьбы Божіи! И я въ этой митрѣ въ недѣлю

---

[1]) Т. е. *Донского Богородичнаго*—первокласснаго въ Москвѣ, гдѣ въ это время уже былъ Филадельфъ.

[2]) Преосвящ. *Діонисій Цвѣтаевъ*, бывшій епископъ Пермскій, жилъ въ это время въ Москвѣ—на покоѣ и былъ пріятелемъ архим. Филадельфа и Іеронима.

[3]) *Іеронимъ Формаковскій*—былъ настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря съ 1767 г. по 1770 г., а затѣмъ посвященъ былъ во епископа Владимірскаго и Муромскаго. Сконч. 3 авг. 1783 г.

всѣхъ святыхъ служилъ уже; благодарю Бога! Церквей особо есть до 4-хъ,—но вездѣ нужны обновленіе и исправленіе.

Сокровища: единственное и превеліе: мощи св. Германа, ибо—св. Гурія и Варсонофія, бывшія въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ Спасскомъ монастырѣ, давно уже отъ пожарей *(sic)* истреблены и только малые ихъ. остатки тамо въ ракахъ находятся. Хотя Волга нынѣ отъ Свіяжска въ 2-хъ верстахъ, но и сухопутные прохожіе къ мощамъ св. усердствуя приходятъ— и кружка не можно сказать, чтобъ была бѣдная,—все, говорятъ, настоятелю около тысячи придетъ, а иногда и меньше; но предмѣстникъ мой получалъ, говорятъ, какъ хотѣлъ, болѣе любя умноженіе, нежели дѣленіе, чѣмъ были много притѣснены подчиненные, и не знали настоящей своей и его части [1]).

Теперь есть на лицо денегъ тыс. до 10-ти, а на долгахъ до 12-ти. Мельница отдается не за 14 тысячъ, какъ гласили бубны за горами, но за 7-мь тысяч., а рыбныя ловли за полторы тысячи; изъ сихъ получать третью часть настоятелю, какъ признаютъ, никто никогда не препятствовалъ, и даже не вникали, не больше ли онъ получаетъ. Настоятели управлялись, какъ хотѣли, а особливо послѣдній. Но вообразите, былъ изъ Питера, со свѣтскимъ тономъ, но даже одной кареты не исправилъ [2]). Есть колясочка, да бричка Адамовская, и мнѣ, какъ послѣ Черниговскаго Мелетія, и здѣсь придется покупать. Лошади средственныя—также къ Мелетіевскимъ прямо смотрятъ, но еще неблизко всмотрѣлись—и покупать надобно [3]).

---

[1]) Предмѣстникомъ Іеронима Визерскаго въ Свіяжскомъ монастырѣ былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*—съ 1808 г. по 1829 г., когда здѣсь же скончался.

[2]) Архим. Израиль до назначенія въ Свіяжскъ былъ настоятелемъ Троицко-Сергіевской пустыни—что въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа.

[3]) Предшественникомъ Іеронима по настоятельству въ *Черниговскомъ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ*, а равно и по ректурѣ въ Черниговской д. семинаріи,—былъ архим. *Мелетій Носковъ*, воспитанникъ и затѣмъ префектъ старой Кіевской академіи съ 1814 по

Братія средственная—человѣкъ до 30-ти, и содержаніе по здѣшней дешевизнѣ и довольству на хорошую рыбу имѣютъ хорошее. Іеродіаконовъ только два и есть нужда при служеніи, особливо по церемоніямъ близкомъ къ архіерейскому. Дополняютъ одѣвающіеся въ стихарь церковники и ученики здѣсь помѣщающагося уѣзднаго училища; сіи послѣдніе и пѣвческую составляютъ довольно приличную.

Теперь ознакомляюсь съ монастыремъ и тихонько все за прежнимъ житьемъ и людьми добрыми грустно. Чтожъ дѣлать? Такова наша жизнь, такъ Богу угодно. Я еще не могъ явиться и къ здѣшнему владыкѣ [1]). Онъ съ 20 маія уѣхалъ въ Симбирскъ и дальше по епархіи и возвратится, говорятъ, чрезъ Свіяжскъ развѣ около 21 іюня. Тогда предстану и побываю уже и въ Казани, а велѣлъ тамъ для пріѣзда на подворьи монастырскомъ, отдаемомъ въ наемъ за 800 р., обдѣлать для себя комнаты. Вотъ вамъ и подробности моего странничества! Напишите, прошу васъ, какъ вы живете и что у васъ добраго и пріятнаго слышно? Чрезъ сего подателя можете подать кучу писемъ въ Черниговъ. Я никогда не забуду вашей братской привязанности, нынѣ въ Москвѣ дознанной. Да утѣшитъ васъ Господь по благому желанію вашему и далъ бы намъ Господь взаимные способы соутѣшаться милостію Божіею о насъ.

Здѣсь люди учтивые; являлись ко мнѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, съ почтеніемъ; и у помѣщицы одной статск. совѣтницы, доброй сосѣдки, былъ вчера. У нея прекрасный садъ и оранжерея. Очень усердно приняла и обѣщала всѣмъ по воз-

---

1817 г.—На ректуру въ Черниговъ опредѣленъ въ 1818 г., а въ 1822 г. переведенъ въ Волынскую д. семинарію—на мѣсто Іеронима Визерскаго.—Въ 1824 г. былъ уволенъ въ число братіи Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и скончался въ 1851 г.

[1]) Этимъ владыкою былъ архіеп. *Филаретъ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.—Къ Казанской епархіи принадлежала тогда и территорія нынѣшней Симбирской епархіи—и Казанскій архипастырь именовался тогда *Казанскимъ и Симбирскимъ*.

можности обители прислуживать. Она же монастырю и деньги должна. Ratio sufficiens [1]).

Какова была новосовершившаяся хиротонія [2]) и явка ваша: jacendo, tacendo, petendo ко владыкѣ? Эй страшно! да нужно! [3]) Новый епископъ—добрый, думаю, человѣкъ, да дастъ ему Господь помощь Свою! [4])

Что со мною здѣсь далѣе явитъ Господь, напишу, а вы свое теперь напишите. Москва—не Свіяжскъ. Будьте здоровы и счастливы Богомъ.

Пребываю съ извѣстною и постоянною преданностію и почтеніемъ вашъ усерднѣйшій братъ и слуга А. Іеронимъ.

6-го іюня 1830 года. Свіяжскъ.

5.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, отецъ архимандритъ Филадельфъ!

Христосъ воскресе!

Миръ вамъ о Господѣ и мое братское цѣлованіе! Письмо ваше въ минувшемъ августѣ получилъ я съ удовольствіемъ и читалъ оное многократно, похваляя и благодаря за усердную обстоятельность и откровенность. За лѣность и коснѣніе я не въ претензіи, а паче когда нѣтъ чего сообщить, и мертвая монотонія обстоятельствъ не даетъ ни духа, ни пера къ писанію.

---

[1]) Т. е.: «Довлѣющая причина!»

[2]) Здѣсь разумѣется совершившаяся въ Москвѣ хиротонія во епископа Дмитровскаго, викарія митрополіи Московской, выше упомянутаго архим. *Иннокентія Сельнокринова.*

[3]) Филадельфъ, перемѣщенный въ Москву, долженъ былъ являться къ *страшному* тогда для всѣхъ ученыхъ монаховъ Московскому митрополиту *Филарету Дроздову.* Явка должна была быть, конечно, сопровождаема *лежаніемъ* у ногъ грознаго святителя, и *молчаливымъ прошеніемъ* о снисхожденіи...

[4]) Т. е. упомянутый *Иннокентій Сельнокриновъ.*

Нынѣ обстоятельства Московскаго горизонта запестрились перемѣнами, и вашъ откровенный геній имѣетъ матерію къ соображенію отъ избытка малороссійской нашей простодушной говорливости, которую и добрые русскіе за благо пріемлютъ, будучи не сродны съ успѣхомъ подражать оной.

Я, благодаря Творца, обживаюсь здѣсь довольно успѣшно, познакомился со многими и пользуюсь взаимною любовію знаемыхъ, какъ и въ Малороссіи. Запущенную было о. Израилемъ обитель Свіяжскую уже, съ помощію Божіею, при довольныхъ способахъ, довольно поправилъ и украсилъ, и стали люди добрые хвалить и изъявлять усердіе. Владыка здѣшній—добрѣйшій и въ истинномъ духѣ пастырь, меня-старца *шануетъ*, обращается братски откровенно, и хотя я сдѣланъ благочиннымъ и присутствующимъ, но живу въ Казани, когда и сколько хочу, и по малороссійски съ нимъ, при благомъ времени, подшучиваю [1]). Теперь получилъ 6-го маія архипастырь нашъ бриллiантовый крестъ на клобукъ отъ царя съ лестнымъ рескриптомъ. Весьма радъ онъ самъ украшеніемъ, да и получилъ достойно. Окрестилъ до 2-хъ тысячъ чувашъ (ибо татары непреклонны) и еще на дняхъ уѣхалъ въ

---

[1]) Преосв. *Филаретъ Амфитеатровъ*, будучи и митрополитомъ Кіевскимъ,—*любилъ малорусскій языкъ*. Такъ, когда въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» начальница хотѣла было перемѣнить тамошняго законоучителя протоіерея *Никиту Дашкевича* за то, что онъ, какъ истый украинецъ, выражался иногда—въ обращеніи съ сослуживцами и воспитанницами—обычнымъ малорусскимъ языкомъ,—то митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Экой вѣдь этотъ людъ женскій—капризный и прихотливый! Вотъ изволь ты для нихъ хоть переродиться! Не нравится, видишь, имъ говоръ малороссійскій... Какой-же имъ больно хотѣлось бы слышать... Небось лучше бы нравился имъ, пожалуй, въ родѣ польскаго *пшипршиканья*... Напротивъ, языкъ-то малороссійскій во многомъ близокъ къ церковно-славянскому, да и въ выраженіяхъ онъ—сжатый, но многосодержательный»... И не согласился іриснопамятный старецъ-митрополитъ на увольненіе протоіер. Дашкевича изъ института... (См. соч. архим. *Сергія Василевскаго:* «Высокопр. Филаретъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время» Казань, 1888 г., т III, стр. 264).

сызранскій уѣздъ до 9-ти сотъ крестить, а другіе св. владыки до него и не помышляли о томъ и даже не являли себя чувашскому мірови. Вамъ на мое объявленіе посылаетъ свое благословеніе. Шалости академическія назвалъ *дѣтскими* и не стоющими памятованія, ибо многіе изъ тогдашнихъ шалуновъ нынѣ сдѣлались важными и почтенными людьми. Онъ же разсудителенъ и духа прямо христіанскаго [1]).

Отъ 5-го апрѣля писали ко мнѣ изъ С.-Петербурга, что владыка Черниговскій Лаврентій уволенъ съ 3-мя тысячами на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь [2]), на его мѣсто переведенъ Курскій преосв. Владиміръ, довольно мнѣ на чредѣ извѣстный, и также слабаго здоровья, хотя добрѣйшій человѣкъ [3]), а въ Курскую переведенъ якобы вашъ преосв. викарій Иннокентій [4]); кто же будетъ на его мѣстѣ, еще, какъ писали, не извѣстно, но въ Казани уже гласятъ, что якобы утвержденъ товарищъ мой по чредѣ, о. архимандритъ Николай, Тамбовскій ректоръ. Дай Боже! [5]) Пора и ему обрѣсти искомое и желаемое. Онъ лѣтами меня моложе (ибо имѣетъ, какъ говорятъ, около 45

---

[1]) Въ бытность Филадельфа въ 1-мъ курсѣ С.-Петербургской академіи, Филаретъ Амфитеатровъ былъ нѣкоторое время *инспекторомъ* этой академіи...

[2]) Архіеписк. черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* уволенъ на покой 14 марта 1831 г.; жилъ въ Переяславскомъ Даниловѣ монастырѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 17-го декабря 1837 года.

[3]) Преосв. *Владиміръ Ужинскій* былъ архіепископомъ черниговскимъ съ 1831 г. по 1836 г., когда перемѣщенъ былъ на Казанскую каѳедру.—Въ Казани святительствовалъ до 1848 г., когда уволенъ былъ на покой—въ тотъ именно монастырь *Свіяжскій Богородичный*, гдѣ настоятельствовалъ нѣкогда *Іеронимъ Визерскій*. Сконч. здѣсь 16 дек. 1855 г.

[4]) Дѣйствительно, *Иннокентій Сельнокриновъ* былъ назначенъ въ Курскъ.

[5]) Это дѣйствительно и произошло: архим. *Николай Соколовъ* былъ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія московскаго, 8 мая 1831 г.

лѣтъ) и кончилъ ученіе въ 1808-мъ году,—но подвигами самоотверженія чуть ли не гораздо старше. Былъ учителемъ въ Калужской и Тамбовской семинаріяхъ двукратно, да еще, quod summa rei[1]), не будучи сибирякомъ, былъ пихнутъ въ Иркутскъ, и былъ тамъ ректоромъ четыре годы, какъ слышалъ я отъ безпристрастныхъ людей, съ похвалою отличною противъ прочихъ бывшихъ ректоровъ и настоятелей низкаго классомъ, но высокаго богатствомъ мощей св. Иннокентія и жертвами любезнаго усердія, монастыря [2]). За то и вывезъ оттуда не по нашему и вездѣ, гдѣ могъ щель сдѣлать дверью. Безъ бороды, но сметливъ по мірски. Онъ не воевалъ проповѣдью слова Божія на чредѣ, но всѣмъ вся былъ, чтобы свое пріобрѣсти. Только у вашего справедливѣйшаго владыки мы оба на одни двери ходимъ,—и теперь предлежитъ о. Николаю сдѣлать себѣ у него репутацію истинно святыми качествами. Да поможетъ ему Господь даромъ немощная наша врачующей благодати своей. Прошу увѣдомить меня объ опредѣлительностяхъ сего событія. Мы съ о. Николаемъ жили согласнѣйше, и другъ друга тяготы и недостатки сносили, и—слава Богу, не подали ни малѣйшаго повода къ оговоркѣ, часто даже на одномъ стулѣ въ церкви сидѣли къ удивленію всѣхъ,—хотя-то тайно и сокровенно неодинаково было обоихъ дѣйствіе. Характеръ малороссійскій обыкновенно, а паче въ пожилыхъ лѣтахъ, простъ, а кто захватитъ сибирской хитрости, того не проведешь; онъ и въ словѣ и въ дѣлѣ если не самъ ловитъ, то, по крайней мѣрѣ, увертывается отъ уловки возможной. Но Богъ воздаетъ всякому по мѣрѣ. Конецъ дѣло хвалитъ.

---

1) «Что составляетъ сущность дѣла».

2) Архим. Николай Соколовъ былъ настоятелемъ Иркутскаго *Вознесенскаго* монастыря съ 1822 г. по 1826 г. До 1836 г. этотъ монастырь былъ *третьеклассньмъ*. Въ немъ съ 1805 г. почиваютъ мощи св. *Иннокентія Кульчицкаго*, воспитанника Кіевской академіи и перваго архипастыря Иркутскаго, скончавшагося 1731 г. 26 ноября и погребеннаго въ этомъ же Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣдній въ 1836 г. обращенъ въ *первоклассный*.

Самъ владыка св. скоро ли уѣдетъ въ св. Синодъ [1])? Его присутствіе тамъ драгоцѣнно для истины, ничему не приступной. Также—не былъ ли уже переѣздомъ въ Москвѣ преосв. Лаврентій и являлись ли вы къ нему? Прошу, запретивъ на сей разъ именемъ Божіимъ всякой лѣности, скорѣе братски прошу отвѣтное написать ко мнѣ—съ объявленіемъ всѣхъ новыхъ московско-іерарішескихъ обстоятельствъ.—Изъ Чернигова имѣли проводить стараго владыку 1-го маія, и новаго встрѣтить 15 маія, но не знаю, какъ случилось.

Будьте здоровы, желаю вамъ отъ Господа благодати и милости.

Вашъ покорнѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

25 маія 1831 года. Свіяжскъ.

Въ жизни, не какъ въ училищной борьбѣ,—здѣсь мѣстныя и неизвѣстныя обстоятельства много берутъ. Посмотрите теперь и на своихъ первокурсныхъ,—иной и магистръ высокій, но еще за облако хватается [2]), а иной и кандидатъ, да уже въ *Костромѣ* [3]); иной членъ Синода [4]), а другой—и не семинарскаго правленія. Суета и произволеніе духа! Едино есть на потребу.

---

[1]) Т. е. митрополитъ московскій *Филаретъ Дроздовъ*. Его давно съ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ—для присутствія въ св. Синодѣ—и тогдашній оберъ-прокуроръ Синода С. Д. Нечаевъ все понукивалъ его скорѣе собираться въ путь. (См. книгу: «Переписка м. Филарета съ С. Д. Нечаевымъ» Спб. 1895 г.). Но холера и другія обстоятельства задержали его въ Москвѣ—и только къ концу сентября 1831 г. Филаретъ пріѣхалъ въ С.-Петерб.

[2]) Намёкъ на товарища Филадельфоваго—архимандрита *Поликарпа Гойтанникова*, доктора богословія и съ 1824 г. ректора Московской д. академіи. Къ нему не благоволилъ моск. митр. Филаретъ—и о. Поликарпъ такъ и недождался архіерейства...

[3]) Разумѣется *Павелъ Подлипскій*, тоже товарищъ Филадельфа, съ 26 мая 1830 г. уже *епископъ Костромской*.—Съ 1836 г. по 1859 онъ былъ архіеписк. *Черниговскимъ*, а затѣмъ уволенъ на покой и скончъ. 27 ноября 1861 г.

[4]) Разумѣется *Григорій Постниковъ*, тоже товарищъ Филадельфа,—любимецъ митроп. москов. Филарета, въ это время уже *архіепископъ Тверской* и еще съ марта 1829 г. членъ св. Синода...

Въ Черниговѣ до 1-го маія ради холернаго страха не учили и не учились. Живутъ всяко кое-какъ, ублажаютъ прошедшее *по-стариковски*. А я и здѣсь обрусѣлъ—слава Богу.

Посланъ ли кто ревизоромъ на Волынь или нѣтъ? Тамъ, какъ пишутъ уроженцы изъ Питера, племянники берутъ, да побираютъ [1]), а отъ каждаго причта привозятъ якобы благочинные явно по..... [2]) и открыто.

Каково теперь живутъ ваши *Полтавцы*? Хвалятся ли новымъ владыкою или нѣтъ [3])?—Архіерейство лестно, но не легко. Надо ума, терпѣнія и труда,—и плакать стыдно.

6.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ и ректоръ Филадельфъ!

Давно, давно уже не бесѣдуемъ мы съ вами! Я еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получилъ всепріятнѣйшее письмо ваше, и благодарилъ Бога, по охотѣ и лѣтамъ вашимъ паки васъ на ученое поприще призвавшаго, но не отвѣчалъ доселѣ—почему? и самъ не знаю почему. И вы и каждый знаетъ, что при всемъ усердіи и любви, не всегда человѣкъ готовъ и склоненъ бываетъ какъ къ словесной, такъ и письменной бесѣдѣ. Таковы мы всѣ, если не притворяемся, таковъ составъ нашъ, таково естественное устроеніе души и тѣла нашего.

Ваше описаніе страны той—любопытно [4]). Я сообщалъ оное на словахъ какъ владыкѣ здѣшнему, такъ и другимъ моимъ со-

---

[1]) Т. е. племянники тогдашняго епископа волынскаго *Амвросія Мóрева*, правившаго Волынью съ 1828 г. по 1832 г.

[2]) Не разобрано слово.

[3]) Этимъ «новымъ владыкою» былъ преосв., *Наѳанаилъ Павловскій*, управлявшій Полтавскою епархіею съ 1830 по 1834 г.

[4]) Т. е. описаніе Бессарабіи и Кишинева, куда Филадельфъ назначенъ былъ изъ Москвы ректоромъ Кишиневской д. семинаріи.

бесѣдникамъ, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ. Кушайте во здравіе какъ мидіи[1]), такъ и стридіи и кулбахи[2]), и поздравляю васъ, что живете въ странѣ, чуждой предразсудковъ касательно снѣдей, запиваете цѣльнымъ и чистымъ виноградным, но не худо припоминать и монашеское воздержаніе среди самыхъ невоздержнѣйшихъ обстоятельствъ, и что я говорю—не худо? весьма нужно и весьма полезно; ибо *ветхій нашъ человѣкъ*, утывъ, утолстѣвъ, разширѣвъ, можетъ расторгнуть всѣ оплоты, и довести насъ первое до нравственнаго, а послѣ, какъ обыкновенно бываетъ, и до физическаго ничтожества, отъ чего да сохранитъ насъ Господь, просвѣщеніе и Спаситель нашъ, и Пречистая Его Матерь, покровъ и заступленіе наше въ жизни и по смерти[3]). Какъ далѣе живете? Каковъ къ вамъ владыка?[4]) и есть ли знакомые добрые люди изъ свѣтскихъ и духовныхъ? Каковъ монастырь

---

[1]) *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ «скóпкахъ»)... При морскомъ волненіи, мальчишки собираютъ ихъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье *пилáвъ*, особенно любимое греками и молдаванами (по-молдавски: *пилáвъ ку-мидіи)*. Замѣтимъ, что въ то время приморская Одесса принадлежала къ Кишиневу—въ епархіальномъ отношеніи.

[2]) *Стрúдіи*—устрицы, приготовленныя съ лимономъ—кушанье, коимъ восторгаются мѣстные жители.—*Кульбáхи*—пирогú съ свѣжей капустой, очень вкусны.

[3]) Все это писано было къ Филадельфу въ чисто *пророческомъ духѣ*... Обиліе и дешевизна въ Бессарабіи прекраснаго вина—особенно въ то старое время—увлекли съ прямой дороги не одного попадавшаго туда *ученаго монаха*, да и не монахв только, а и изъ свѣтскихъ семинарскихъ наставниковъ... Послѣ Филадельфа въ Кишиневѣ вынужденъ былъ уйти на покой и преемникъ его по ректурѣ въ духовной семинаріи архим. *Тихонъ Солнцевъ*, воспитан. Кіевской академіи выпуска 1837 г...

[4]) «Владыкою» въ то время въ Кишиневѣ былъ архіеп. *Димитрій Сулима*, по матери родной дѣдъ извѣстнаго малорусскаго общественнаго дѣятеля *Алексѣя Алекс. Андріевскаго*,—личность въ исторіи Бессарабіи весьма замѣчательная.

вашъ по людямъ и выгодамъ [1]) и какъ вамъ нравится страна та противъ прочихъ, гдѣ жили вы? Написать въ отвѣтномъ прошу.

А я вамъ откровенно пишу по братски, что я живу нынѣ, милостію Божіею и начальства, съ строгимъ или милостивымъ намѣреніемъ сюда меня послѣ чреды пославшаго, какъ въ земномъ странствіи полагать, преблагополучно. Монастырь мой, теперь много обстроенный послѣ 20-тилѣтняго опущенія, и памятникомъ мнѣ будетъ служить, и есть уже и не бурное пристанище, и, 'такъ сказать, одинъ изъ тѣхъ островов, кои язычники назначали по смерти для душъ блаженныхъ. Una ex insulis fortunatis [2]).

Бѣдный преосв. Д—сій при своихъ сужденіяхъ и житіи столичномъ! [3]) Онъ и одного дня такъ тамъ не проживаетъ, и ни ночлега, ни пріема ни одному владыкѣ такъ дать не можетъ, какъ я пяти уже далъ. Денегъ еще не собралъ, ибо душевное усердіе имѣлъ рисковать даже своею частію, чтобъ скорѣе изъ развалинъ *Израильскихъ* [4]) сдѣлатьградъ обительный. По усердію и настоянію владыки и въ Казань для присутствованія пріѣзжаю—это разнообразитъ и приправляетъ уединеніе, и такъ благодаря Господу какъ во снѣ протекло уже 2 годы съ половиною... Собрались и люди въ монастырѣ, нашлись и знакомые изъ разныхъ сословій. Объ архіерействѣ моемъ только ученики да родные братья толкуютъ [5]); а я, относя, въ монашеской и христіан-

---

[1]) Въ качествѣ ректора Кишиневской д. семинаріи, архим. Филадельфъ былъ и настоятелемъ *Добружскаго монастыря*—въ Бессарабіи.

[2]) «Одинъ изъ счастливыхъ острововъ».

[3]) Это упомянутый выше епископъ *Діонисій Цвѣтовъ*, въ 1828 г. уволенный отъ епархіи съ пенсіею въ 3 тысячи рублей и назначенный въ Москву «для священнослуженія и крестныхъ ходовъ». Скончался 24 апрѣля 1846 г. въ Московскомъ Богоявл. монастырѣ.

[4]) Намекъ на запустѣніе 20-тилѣтнее монастыря при предшествовавшемъ настоятелѣ, архим. Израилѣ.

[5]) Изъ родныхъ братьевъ архим. Іеронима—одного, именно о. *Пантелеимона Гавриловича Визерскаго*, мы въ концѣ 50-хъ г.г. прошлаго XIX вѣка застали протоіереемъ и настоятелемъ *Воскресенской церкви*, что на Подолѣ—между Хоревой и Спасской ул. Онъ уже былъ

ской покорности, къ вышнему распоряженію возвышеніе или униженіе наше, благодарю Бога о всемъ—и настоящемъ, и будущемъ, какое Богъ устроитъ; не забываю и крѣпко помню, что уже 51 годъ назади, и что сближается и очевидно сближается то, предъ чѣмъ окажутся пустяками всѣ возвышенія человѣческія физическія и политическія; надобно отдать все моральности, и по ней назначутъ—вѣчную обитель... Я думаю, что и вамъ это, какъ и всякому благоразумному, часто на мысль приходитъ. Да и есть о чемъ думать, ибо это не сновидѣніе, которое произволомъ правящихъ смертныхъ и назначается и отнимается.

Что вамъ въ гостинецъ изъ Казанской области прислать? Стерлядей волжскихъ переслать не удобно, а прошу сюда пріѣхать ухи похлебать. Прислать же можно вамъ или крепы, когда тамъ нуждаетесь, или холстъ татарскій съ *ичиками* или вышитыми сапожками, или чайку лучшаго. Я вашъ должникъ еще по Москвѣ. Отозвитесь и скажите. Теперь отъ Макарьевской ярмонки возвращаться начали. Ибо знайте, что чрезъ Казань все идетъ изъ Китая и Сибири и злато и серебро,—но только *идетъ*, а покупать извольте на Нижегородской ярмонкѣ. Здѣсь же и показывать ни за что не станетъ. У васъ же нѣтъ ли хоть маленькой иконки св. Митрофана новаго Воронежскаго чудотворца [1]), или Флегонту напишите [2]), а *я вамъ отдячу*, только не забудьте прислать мнѣ это сокровище.

глубокимъ старикомъ и скончался въ концѣ 60-хъ гг.—Вотъ отъ этого-то о. Пантелеимона Визерскаго В. И. Аскоченскій и позаимствовалъ нѣсколько свѣдѣній объ *Іеронимѣ Визерскомъ* и помѣстилъ ихъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Кіевъ—съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею».—Кіевъ 1856 г. часть 2-я—стран. 408.

[1]) Открытіе мощей св. Митрофана Воронежскаго послѣдовало 7 авг. 1832 г.

[2]) Кто такой *Флегонтъ*,—не знаемъ. Кажется, братъ Филадельфа.— У него былъ другой братъ—*Поликарпъ Ивановичъ Пузына*, докторъ медицины и переводчикъ нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій на русскій яз.

На ваше мѣсто, какъ слышу, въ Златоустовъ произвели о. Даніила, китайскаго іеромонаха. Онъ былъ проѣздомъ съ о. архим. Петромъ у насъ и хорошо познакомились. Уроженецъ Пензенскій изъ семинаристовъ [1]).—Любезнѣйшій преосв. Кириллъ [2]), переведенный изъ Вятки въ Каменецъ, пишетъ ко владыкѣ нашему, что все ему тамъ не нравится: Каменецъ—какъ крѣпость, наполненная жидами, ляхами и армянами, и онъ сидитъ и на свое возвышеніе ***горько плачетъ.*** Аѳанасію въ Тобольскѣ также грустно, но этому по дѣломъ. Онъ совсѣмъ не похожъ на Кирилла [3]). Изъ Черн. Елецкаго—преемника моего Аѳанасія перевели въ Тверь, а на его мѣсто назначенъ изъ Тамбова Агапитъ, сейчасъ-же вызвали на чреду,—и о. Огіевскій паки проректорствуетъ, а Самчевскій учитъ богословію [4]).

Простите! Будьте Богомъ счастливы! Пребываю усерднѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

28 августа 1832 года г. Свіяжскъ.

Пишетъ ли къ вашему владыкѣ [5]) бывый Иркутскій преосв.Ириней изъ Вологды и какъ живетъ онъ? Это мнѣ по Кіевской академіи презнакомый человѣкъ. Чудное его вызвышеніе и судьба!

---

[1]) Въ «Спискахъ» Строева (стран. 197 и 564) онъ называется бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета.

[2]) Вышеупомянутый—*Кириллъ Богословскій-Платоновъ,* товарищъ Филадельфа по академіи. управлялъ Подольскою епархіею съ января 1832 г. по мартъ 1841 г. Замѣчательнѣйшая личность въ исторіи Подольской епархіи!..

[3]) Преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—тоже вышеупомянутый—товарищъ Филадельфа; переведенъ изъ Нижняго-Новгорода въ Тобольскъ, вслѣдствіе гнѣва на него московскаго митроп. Филарета...

[4]) Преемниками Іеронима въ Черниговѣ были: сначала—архим. *Аѳанасій Соколовъ*, впослѣд. архіепископъ Казанскій,—а затѣмъ—архим. *Агапитъ Вознесенскій*—впосл. епископъ Томскій.—При отсутствіи ректоровъ Черниговской семинаріи, должность ректора исправлялъ вышеупомянутый о. Ал. Огіевскій,—а І. Ак. Самчевскій вмѣсто ректора читалъ уроки по Богословію.

[5]) Т. е. къ вышеупомянутому *Димитрію Сулимѣ.*

Убо образомъ ходитъ возвышеніе человѣческое! [1]) Vanitas vanitatum!.. [2])

Что къ вамъ изъ Переяслава и Вологды пишутъ, да и пишутъ ли?—Въ Черниговѣ все не по старому—какъ пошли, такъ и пошли. Были ли вы у кого проѣздомъ въ Нѣжинѣ и Кіевѣ? и у кого и какъ?

О. Нилъ безъ монастыря въ Ярославѣ ректорствуетъ. Поликарпъ, Московской академіи ректоръ, издаетъ догматику, одо-

---

[1]) Смотр. *Псаломъ* 38-й, ст. 7-й.

[2]) «Суета суетъ»!— «Бывый Иркутскій преосв. Ириней»—это архіепископъ *Ириней Нестеро́вичъ*, судьба котораго дѣйствительно замѣчательна по своей превратности. Онъ былъ родомъ изъ села *Дмитрушекъ*, уманскаго уѣзда, кіевской губерн., сынъ священника этого села и въ мірѣ назывался *Иванъ Гавриловичъ Нестеро́вичъ*, учился въ старой Кіевской академіи и послѣ былъ въ ней учителемъ. Въ 1811 г. бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ *Гавріиломъ Банулеско* вызванъ былъ въ Яссы, а затѣмъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кишиневъ, гдѣ, принявши монашество съ именемъ *Иринея*, былъ сначала префектомъ, а потомъ и ректоромъ (*вторымъ*—по порядку) учрежденной въ 1813 г. митроп. Гавріиломъ Кишиневской д. семинаріи—съ 1820 г. по 1826. Въ это-то время и узналъ онъ поэта Пушкина и, по порученію извѣстнаго генерала Инзова, часто бесѣдовалъ съ нимъ.—Въ 1826 г. вызванъ былъ *на чреду* въ С.-Петербургъ и скоро посвященъ былъ во епископа Петербургскаго,—а въ 1830 г. назначенъ былъ архіепископомъ Иркутскимъ. Здѣсь, по горячности своего характера, вступилъ въ столкновеніе съ иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ *Лавинскимъ*, по доносу котораго былъ уволенъ отъ управленія Иркутскою епархіею—съ *указомъ* ѣхать на жительство въ Спасо-Прилуцкій монастырь вологодской губ. Но *подлинности* этого указа Ириней не призналъ—и вотъ возникло знаменитое дѣло о «*Бунтѣ архіепископа Иринея*», о которомъ въ первый разъ пикантныя извѣстія появились въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. (томъ 23-ій); теперь все это характерное дѣло въ подлинныхъ документахъ напечатано цѣликомъ въ 113 томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (*книга вторая*, стран. 4—60).—Изъ Вологды въ 1848 г. архіеп. Ириней переведенъ былъ въ *Толгскій монастырь*, ярославской губ., гдѣ и скончался въ 1864 г.

бренную въ классическія. Кораблиновъ купилъ деревню [1]). Суровцовъ профессорствуетъ.

Преосв. Псковскій Меѳодій упалъ на глаза и пріѣхалъ въ С.-Петербургъ лѣчиться [2]). Анатолій Максимовичъ заводитъ Симбирскую епархію [3]), Парѳеній Владимірскій лѣчится [4]).

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Уволенный отъ наставнической должности въ Волынской духовной семинаріи въ 1823 г., по извѣстному дѣлу—вышеупомянутому,—Кораблиновъ впослѣд. былъ профессоромъ дипломатіи въ Казанскомъ университетѣ.

[2]) Архіеп. *Меѳодій Писнячевскій*, уроженецъ полтавской губ. и воспитанникъ старой Кіевской академіи и Московскаго университета, управлялъ Псковскою епархіею съ 1825 г. по 1834 г., затѣмъ уволенъ былъ на покой--въ Лубенскій Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 г.

[3]) Архіеп. *Анатолій Максимóвичъ*, также изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,--изъ Минска былъ переведенъ въ новоучрежденную Симбирскую епархію—съ 10-го февраля 1832 г. Въ 1842 г. былъ уволенъ на покой въ Сызранскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февр. 1844 г.

[4]) Архіеп. *Парѳентій Чертковъ*—управлялъ Владимірскою епархіею съ 1821 г. по 1850 г., когда перемѣщенъ былъ на Воронежскую каѳедру, на которой и скончался 5 авг. 1853 г.—Въ началѣ сентября 1852 г. къ нему явился новый молодой наставникъ Воронежской духовной семинаріи *Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ*, окончившій въ 1851 г. курсъ Кіевской д. академіи,—съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тогдашняго кіевскаго митрополита *Филарета Амфитеатрова*. Письмо это напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1899 г. (№ 6-й, стран. 207—208).

рикъ, а вы—вотъ постарайтесь выгородить какъ-нибудь молодого человѣка»... Хорошая была у него душа!—Но ревизоръ, по разслѣдованіи, понялъ, конечно, суть дѣла... Никитскій уволенъ былъ отъ духовно-училищной службы... Но и ректора не пощадили... Его удалили на покой въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей,—кажется—въ Выдубицкій. Онъ тамъ скоро и скончался. Никитскій же не могъ бы и послѣ этого пропасть, но пьянство погубило его. Ему предлагали хорошія мѣста и въ свѣтскомъ вѣдомствѣ, но онъ не могъ удержаться нигдѣ. Съ самаго же начала послѣ увольненія отъ семинаріи, онъ пристроился у соборнаго протоіерея *Георгія Постики*, который далъ ему у себя квартиру и столъ, а Никитскій писалъ проповѣди—и прекрасныя!.. Дальнѣйшая судьба его вамъ болѣе или менѣе извѣстна. Онъ починялъ часы, дѣлалъ и продавалъ ваксу, чернила— и т. п.».

Въ Кишиневѣ—въ 1870 г.—мы застали еще въ живыхъ когда-то бывшаго кіево-академическаго регента—*Клим. Алекс. Никитскаго* и скоро съ нимъ познакомились. Онъ любилъ навѣщать молодыхъ семинарскихъ наставниковъ, особенно вышедшихъ изъ Кіевской академіи... Физіономія его казалась чрезвычайно симпатичною: большой, выдающійся лобъ, голубые глаза, на головѣ сзади вьющіеся, бѣлокурые, очевидно, когда-то прекрасные волосы... Лицо—бѣлое, съ нѣжной кожей, но уже увядшее, испытавшее слѣды большихъ треволненій жизни. Ростъ—ниже средняго. Въ голосѣ его еще гремѣла сильная басовая нота... Одежда на немъ была всегда нищенская—старая, изношенная. Въ обхожденіи его замѣтна была простота и деликатность... Общее впечатлѣніе отъ его личности давало понятіе о жизни когда-то цвѣтущей, умственно и художественно-богатой, но разбитой, уничтоженной... Но въ то же время замѣтно было нѣчто идейное въ его самосознаніи и самочувствованіи: видно было, что человѣкъ этотъ смирился и безропотно несетъ выпавшій на его долю крестъ... Даже больше: замѣтно было, что онъ нарочито принизилъ себя до послѣдней степени, нарочито дошелъ до нѣкотораго благородства въ поведеніи—Христа ради, для того, чтобы загладить допущенную въ жизни роковую ошибку, но при этомъ, несмотря на

жестокость судьбы, все таки сохранилъ въ себѣ нравственное человѣческое достоинство въ сознаніи добровольно, принятаго подвига... Онъ жилъ въ какомъ-то подвалѣ, окруженный разными инструментами для своихъ работъ—для починки часовъ и замковъ, для выдѣлыванія ваксы и проч.,—этимъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе... Но здоровье его было уже сильно надорвано... И поэтому, скоро онъ поступилъ, благодаря хлопотамъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей [1]), въ богадѣльню, что на кишиневскомъ кладбищѣ (на Малинѣ), и тамъ скончался въ 1873 г.

При отъѣздѣ своемъ въ Кіево-Выдубецкій монастырь, въ 1850 г,—архим. Филадельфъ всѣ бумаги свои оставилъ у іеромонаха Серафима Кипера, который былъ впослѣдствіи игуменомъ Гиржавскаго монастыря въ Бессарабіи. Послѣ смерти отца Серафима Кипера, бумаги Филадельфа перешли къ племяннику о. Серафима—священнику *Александру Киперу*, который теперь соборнымъ священникомъ въ г. Кагулѣ, бессарабской губ.; нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ (письма къ Филадельфу разныхъ лицъ, его проповѣди и проч.) о. Александръ Киперъ передалъ отчасти намъ, а отчасти бывшему преподавателю Кишиневской семинаріи и извѣстному изслѣдователю бессарабскихъ древностей—*Алекс. Егор. Стадницкому* (что нынѣ преосвящ. Арсеній, епископъ псковскій).—Сообщеніемъ печатаемыхъ ниже писемъ архим. Іеронима Визерскаго къ архим. Филадельфу мы обязаны частію о. Алекс. Киперу, а частію преосвященному епископу Арсенію Стадницкому, за что и приносимъ имъ здѣсь нашу глубокую благодарность.

Л. М.

---

1) Воспитанниковъ кіевской академіи Петра Ѳедор. Паховскаго и Александра Вас. Кіетскаго, уже теперь тоже покойныхъ...

1.

Высокопреподобнѣйшій Господинъ отецъ игуменъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Въ новомъ семъ годѣ и на новомъ вашемъ мѣстѣ желаю вамъ отъ Христа Господа новыхъ благъ и милостей, по желанію сердца вашего, ко славѣ имени Его.

Увѣломленіемъ вашимъ о прибытіи вашемъ въ Воронежъ я очень доволенъ былъ, и доволенъ, что далъ вамъ Богъ, прибывъ благополучно, усмотрѣть, что требуетъ улучшенія по ввѣренной управленію вашему части. Богъ милостивъ! мало-по-малу поуправившись, будете спокойнѣе, и молитва вѣры спасетъ васъ отъ всякія нетерпящія добраго порядка козни.

Я живу съ новымъ о. инспекторомъ, какъ и съ вами, спокойно, благодаря Бога [1]), хотя и радъ бы, чтобъ извѣстнаго вамъ законоискусника паки и паки, вмѣсто меня, кто-либо ближайшій къ Сем. правленію погонялъ почаще. То и дѣло, что думаетъ о расширеніи предѣловъ для себя и для другихъ, и не бережетъ, а беречься отъ него надобно. Подрядчикъ нашъ такъ печки въ Сем. церкви устроилъ, что уже до передѣлки и топить нельзя— а инако храни Богъ! и феіерверкъ послѣдовалъ бы при занятіи Игн Никифоровича [2]).

---

[1]) Этимъ «новымъ инспекторомъ» былъ іеромонахъ *Нилъ Исаковичъ*, воспитанникъ Могилевской д. семинаріи и затѣмъ магистръ С.-Петерб. дух. Акад. выпуска 1825 г.; скончался въ 1874 г.—архіепископомъ Ярославскимъ.

[2]) Подъ «извѣстнымъ законоискусникомъ» нужно разумѣть, конечно, тогдашняго эконома Черниговской духов. семинаріи и члена ея правленія—свящ. *Александра Кирилловича Огіевскаго*, который былъ воспитанникомъ еще старой Кіевской академіи и до преобразованія Черниговской д. семинаріи былъ въ послѣдней *префектомъ* и учителемъ риторики.—«Игнатій же Никифоровичъ»—это былъ тогдашній учитель Черниговъ. д. семинаріи *Пахаревскій,* воспит. С.-Пет. д. акад. выпуска 1821 г., отличавшійся, по словамъ Самчевскаго, «весьма тихимъ характеромъ».

13-го сего мѣсяца выѣхалъ Я. Ив. Охотинъ въ Нижегор. Епарх. вѣдомство. Счасливъ, что хотя до мѣста прогоны получилъ по предписанію начальства [1]). На его должность прибылъ изъ Кіева Янчевскій, питомецъ Черниг. семинаріи, росту высокаго—смирный и добрый, какъ видно [2]). Меня не двигаютъ съ мѣста. Хорошее и нагрѣтое—какъ знаете,—слава убо Богу о всемъ, о явленныхъ и не явленныхъ благодѣяніяхъ, бывшихъ на насъ. А кіевскій ректоръ нынѣ проѣхалъ чрезъ Черниговъ на очередь и съ 14-го на 15-ое ночевалъ у меня. Его должность исправлять велѣно о. Смарагду [3]).

Нашъ каѳедр. соборъ попромовался. О. Данилевскій musicus—произведенъ, въ силу отношенія Син. оберъ-прокурора, въ протоіерея на своемъ свящ. мѣстѣ, а Х. Jan Pseudomonachus [4]) произведенъ въ намѣстника, въ самый день Богоявленія. О. Ал. Ог. [5]) получилъ новорожденнаго сына, а самъ соборъ 6000—съ прибавкою—оклада.

Здѣсь въ благословенной Малороссіи все тихо, мирно и спокойно, да дастъ Богъ миръ и всему міру,—и возлюбленному

---

[1]) *Яковъ Иван. Охотинъ*—это былъ товарищъ Самчевскаго по С.-Петерб. дух. академіи, прибывшій вмѣстѣ съ нимъ въ 1823 г. въ Черниговскую семинарію—съ званіемъ профессора словесности. Онъ былъ родомъ изъ г. Арзамаса, нижегор. губ.,—куда и уѣхалъ изъ Чернигова и сдѣлался тамъ священникомъ. Это былъ отецъ нынѣшняго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго *Іустина Охотина.*—Самчевскій посвящаетъ характеристикѣ этого своего любимаго товарища много страницъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

[2]) *Василій Васил. Янчевскій*, воспитанникъ Кіевской д. академіи вып. 1825 г.,—былъ потомъ протоіереемъ и законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи.

[3]) «Кіевскій ректоръ»—это ректоръ Кіевской д. семинаріи архим. *Кириллъ Куницкій.*—*Смарагдъ Крыжановскій*—инспекторъ Кіевской академіи.

[4]) Подъ этимъ прозвищемъ былъ тогда извѣстенъ въ Черниговской духовной средѣ—соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, о коемъ говорится ниже.

[5]) Это—*Алекс. Огіевскій*, о коемъ говорилось выше.

отроку своему, благочестивому Царю нашему вышнюю помощь на покореніе всякаго врага и супостата, да паки кроткій Давидъ обезглавитъ чудовищнаго Голіаѳа, и вѣрные Божіи—гласы преподобными—воспоютъ побѣдную пѣснь Богу, запинающему премудрыхъ міра сего въ неистовомъ коварствѣ ихъ. О семъ намъ келейно и церковно молиться надобно [1]).

Зима здѣсь крѣпкая по снѣгу и морозамъ, я думаю и у васъ не хуже.

Простите! Пребываю вашъ всегда усерднѣйшій слуга и доброжелатель арх. Іеронимъ.

15-го генваря 1826 года. Черниговъ.

Волынское кушанье прокрадывается ли и въ тѣхъ странахъ въ монашескія снѣди, яко пружіе, или надобно съ рыбами знаться? Также крепы можно ли безъ труда достать у васъ [2]) и правда ли, что тамъ цымлянское дешевле грибовъ [3])?!

О Козелецкомъ монастырѣ на рапортъ преосвященнаго доселѣ разрѣшенія не получено [4]). Напишите еще люб. о. игуменъ! о своемъ житьѣ-бытьѣ подробно.

2.

Высокопреподобнѣйшій господинъ отецъ архимандритъ и ректоръ!
Возлюбленный о Господѣ братъ!

Благодарю васъ братски усерднѣйше за поздравленіе меня съ Новымъ Годомъ и братскія при семъ случаѣ пожеланія. Я

---

[1]) Очевидно, рѣчь идетъ о событіяхъ 14-го декабря 1825 г.

[2]) *Крепа*—это матерія для монашескихъ клобуковъ.

[3]) «Цымлянское»—это знаменитое вино—изъ виноградниковъ «Цымлянской Станицы» на Дону, насажденныхъ, по преданію, изъ виноградныхъ лозъ, привезенныхъ изъ Франціи.

[4]) Будучи инспекторомъ Черниговской семинаріи, игум. Филадельфъ былъ вмѣстѣ и настоятелемъ *Козелецкаго Георгіевскаго монастыря*, что въ 5 верстахъ отъ г. Козельца, на рѣкѣ Острѣ.— Послѣ отъѣзда Филадельфа въ Воронежъ,—въ монастырѣ семъ открылась вакансія настоятеля—и тогдашній преосвященный Черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* сдѣлалъ въ св. Синодъ представленіе о назначеніи новаго настоятеля.

взаимно и васъ отъ искренняго сердца поздравляю и желаю отъ Господа всѣхъ благъ на пользу вашу.

Дивному положенію обители Дивногорской удивляюсь и похваляю вашу дѣятельность въ объѣздѣ таковыхъ мѣстъ неприступныхъ среди учебнаго года [1]). Берегите здоровье;- такъ и я въ прошломъ году порисковалъ—объѣздилъ многія мѣста, часто даже гостилъ у нихъ *jejuno stomacho* [2]) и не надолзѣ казалось и благополучно,— но за пріѣздомъ едва не заплатилъ за таковое геройство жизнію, чего вамъ никогда не желаю. Felix, quem aliena pericula faciunt cautum [3]).

Съ 21-го по 22-ое ночевалъ у меня новый о. ректоръ академіи Кіевской, Кириллъ, о которомъ я къ вамъ писалъ [4]). Какъ говорили люди, такъ и сдѣлалось—это по пословицѣ, Божіи собаки какъ станутъ неустанно лаять, то кто-нибудь и идетъ. О. Кириллу череда была легкая,—сказалъ 5 проповѣдей, а навидался и наслыхался при бывшихъ чрезвычайныхъ событіяхъ до воли. Жилъ постоянно у преосвященнаго митрополита Евгенія на Троицкомъ подворьи, вмѣстѣ съ владыкою имѣлъ столъ, чай и часто экипажъ. Подъ его былъ надзоромъ и аппробаціею, не приступенъ для *трапезныхъ* друзей и знакомцевъ, невкусный для *обиралъ*, страшный для завистниковъ. Экзамена на магистра онъ не держалъ и не искалъ сего, получилъ только второклассный Братскій монастырь и ректуру академіи, а псковскій Иннокентій также изъ старыхъ, хлопотавши въ то самое время въ

---

1) «Дивногорская обитель»—это *Дивногорскій монастырь*—въ г. Острогожскѣ, воронежской губ. Его, очевидно, посѣщалъ Филадельфъ въ вакаціонное время и описывалъ въ письмѣ къ Іерониму свои отъ него впечатлѣнія.

2) «При голодномъ желудкѣ».

3) «Счастливъ тотъ, коего дѣлаютъ осторожнымъ чужія опасности».

4) Архим. Кириллъ Куницкій—былъ любимецъ Кіевскаго митрополита *Евгенія Болховитинова*, по протекціи коего и вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, гдѣ въ то время Евгеній засѣдалъ въ св. Синодѣ.—Кириллъ Куницкій былъ воспитанникъ старой Кіевской академіи и не имѣлъ никакой ученой степени—по ново-академич. уставу.

кадетскомъ корпусѣ, поѣхалъ во свояси въ 3-тьеклассный монастырь съ надеждою [1]). Теперь вызвали на чреду отставленнаго отъ ректъ. Московской семинаріи Θеоктиста, для повѣрки поведенія и налога,—и старичка Іасона изъ Ярославскаго первокласснаго Толгскаго монастыря [2]). Такъ найлучше, какъ Богъ строитъ: не чреда дóрога, а милость Божія, которой я вамъ желаю усердно, и вы мнѣ сего наипаче желайте, естьли любите,—а прочая приложатся намъ.—Представленныхъ къ орденамъ и другимъ отличіямъ, говорятъ, собственною рукою вымаралъ Государь Императоръ до 96 человѣкъ, и якобы впредь нúже сорокалѣтнихъ не велѣно представлять къ отличію,—разумѣется нашихъ духовныхъ.

Вчера гостилъ и обѣдалъ у нашего преосвященнаго и преосвящ. митрополитъ Евгеній, возвращаясь во свояси, по 3-ей просьбѣ [3]). За благословеніемъ являлись и мы съ о. инспекторомъ. Просилъ сидѣть—разговаривалъ на счетъ авкторовъ (sic) духовнаго ученія, охуждалъ нерадѣніе о знаніи церковнаго устава и самими учителями онаго, предлагалъ мнѣніе, чтобы заставлять богослововъ по очереди читать апостольскія посланія отрывками на литургіяхъ, какъ церкви обычно есть: мы сказали, что у насъ читаютъ; помолчавъ, откланялись,—сказалъ: благодарю, и мы уѣхали; чрéзъ 2 часа послѣ обѣда и онъ уѣхалъ. Послѣ того я еще не былъ у преосв. и не знаю пересказанныхъ отъ митрополита новостей.

О выдачѣ Ивану Федоровичу [4]) кандидатскихъ вашихъ денегъ пришлите на простой бумагѣ краткую въ сем. правленіе

---

[1]) *Иннокентій Сельнокриновъ*—ректоръ Псковской семинаріи. Скоро онъ б. возведенъ въ санъ епископа—викарія Московскаго. Съ 1832 по 1840 г. былъ архіереемъ на Волыни.

[2]) Архим. Θеоктистъ *Орловскій*—послѣ «чреды» б. назначенъ въ Боголюбовъ монастырь, владимір. г., гдѣ и скончался въ 1829 г.—Архим. *Іассонъ Никольскій*—тоже не достигъ архіерейства послѣ чреды и возвращенъ въ свой монастырь.

[3]) Митрополитъ кіевскій Евгеній вызванъ былъ въ С.-Петербургъ еще въ декабрѣ 1824 г.—для присутствія въ св. Синодѣ.

[4]) *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*—магистръ Московской д. академіи—съ 1820 г. профессоръ Черниговской д. семинаріи,—былъ въ это время и секретаремъ семинарскаго правленія.

просьбу, ибо въ предписаніи академич. правленія слишкомъ, какъ нарочно, пояснено, чтобъ точно препроводить отъ семин. правленія въ семин. правленіе ваше, чтобъ вручить вамъ, и нѣтъ повода изворотъ какой-либо дѣлать, хотя и невинный, но все служба службою, и лучше дѣлать твердо на всякій случай. И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго—на случай и преемника—мнительнаго съ правомъ о. Иринарха, котораго вы знали *съ гарбузомъ* и именемъ Игната Никифоровича [1]).

Сей о. Иринархъ уже во діаконѣхъ и желаетъ, но не знаетъ, когда будетъ преосвященному угодно сказать объ немъ ἄξιος (достоинъ) во іеромонаха. Сей іеродіаконъ весьма рѣдко служить соизволяетъ въ семин. церкви,—когда служитъ, *мормолычетъ*, не хотя ни мало къ обычному тону приспособляться. Страненъ, мраченъ, противорѣчущъ и будетъ, кажется, тяжелый чиновникъ училищнаго правленія, хотя примѣтно сего и алчетъ [2]).

---

[1]) «Игнатій Никифоровичъ» вышеупомянутый учитель *Пахаревскій.* Неудачная женитьба *(гарбузъ)* побудила его принять монашество—съ именемъ *Иринарха.*

[2]) Самчевскій въ своихъ «Воспоминаніяхъ» нѣсколько иначе освѣщаетъ личность Иринарха. «Пахаревскій, во время обученія своего въ академіи и въ продолж. службы своей въ семинаріи, отличался весьма тихимъ характеромъ; онъ былъ бережливъ, воздержанъ, удалялся отъ шумныхъ обществъ и увеселеній, и 30-ти лѣтъ по собственному желанію... поступилъ въ монахи. Преосв. Лаврентій, посвятивъ его въ іеродіаконы, болѣе года держалъ его въ этомъ санѣ; Пахаревскій долженъ былъ діаконствовать въ сослуженіи съ бывшими своими учениками, которые, сдѣлавшись священниками, служили литургію въ семинарской ц—ви, чѣмъ онъ всегда оскорблялся. Однажды, когда я съ нимъ вмѣстѣ былъ у Лаврентія,—послѣдній бранилъ его, называя *медвѣдемъ*, за уклоненіе его отъ общества, какъ будто это качество въ монахѣ заслуживало укоризны. Вслѣдствіе такихъ притѣсненій, Пахаревскій сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, сталъ пить и пилъ даже по посвященіи его въ іеромонахи, отсего на должности инспектора въ Новгородѣ и умеръ. Кто тутъ виноватъ»?.. (См. «*Кіевск. Стар.*» 1894 г. янв., стран. 24).

Антонію Ивановичу, объявивъ мой поклонъ и благословеніе съ его фамиліею [1]), скажите новость, которую мнѣ сообщилъ изъ С.-Петербурга одинъ волынецъ. Преосвященный Стефанъ, подозрѣвая одного ученика своей семинаріи, прозваніемъ Лопуховича, изъ Богословскаго отдѣленія, что якобы имѣетъ переписку съ Кораблиновымъ, послалъ членовъ семин. правленія на квартиру къ нему обыскать, нѣтъ ли писемъ? Сіи писемъ не сыскали, а сыскали какую-то записочку, самую пустую, отъ одного изъ офицеровъ Саратовскаго полка, тамъ квартировавшаго, который офицеръ задолго предъ тѣмъ, яко злоумышленникъ, увезенъ на судъ. Преосвященный завязываетъ дѣло за записочку, пишетъ въ Варшаву къ великому князю, думая, что преступника Лопуховича схватятъ въ Варшаву. Но князь сверхъ чаянія велитъ ученика отправить предъ лице Государя въ С.-Петербургъ. Монархъ распрашиваетъ милостиво мнимаго преступника, велитъ, не смотря на архіерейскія бумаги, взять объясненіе отъ представленнаго, представленный пишетъ отъ избытка сердца, его освобождаютъ изъ-подъ стражи, спрашиваютъ, не хочетъ ли на родину возвратиться, онъ отказывается. Дѣло и объясненіе у царя въ рукахъ. Преступникъ ходитъ по всему граду и проповѣдуетъ о благоутробіи царскомъ, о жестокости и злоупотребленіяхъ волынскаго дух. начальства. Что будетъ далѣе и чѣмъ это окончится, еще отъ проѣзжающихъ не узнано. Просилъ я петербургскаго корреспондента, чтобы увѣдомилъ. Тутъ кому-то грозитъ или носъ, или *штось* [2]).

---

[1]) *Антоній Иван. Собкевичъ,* волынскій уроженецъ, воспитанникъ Кіевской д. академіи 1-го курса (вып. 1823), былъ сослуживцемъ Іеронима въ Волынской д. семинаріи; но, по дѣлу Кораблинова, переведенъ наставникомъ въ Воронежскую д. семинарію.

[2]) Вся эта тирада показываетъ, что Іеронимъ Визерскій не сочувственно относился къ личности прежняго начальника на Волыни—Преосв. *Стефана Романовскаго.*—Предположеніе Іеронима, что преосв. Стефану грозитъ *штось,*—исполнилось. Преосв. Стефанъ скоро (въ ноябрѣ 1828 г.) былъ переведенъ епископомъ въ Вологду.—«Штось» это шутливое старо-академическое бурсацкое извращеніе малорусскаго слова *щось*—что-то).

Будьте здоровы и благополучны! У насъ все по старому. Въ Козелецкомъ монастырѣ вакансія, а мы только ждемъ, желая и вамъ сего. Пребываю усерднѣйшій слуга арх. Іеронимъ.

28 генваря 1827 года. Черниговъ.

Вашъ нынѣ полтавскій Викторъ или *Виктусъ* изъ досады на правленіе, удалившее его туда изъ Нѣжина на покой, отказался отъ пенсіона, называя себя чужестранцемъ. Чѣмъ это кончится, легко знать [1]).

3.

Ваше высокопреподобіе! Любезнѣйшій о Господѣ братъ о. Филадельфъ!

Давно уже долженъ я вамъ отвѣтомъ и отвѣтами на многія пріятнѣйшія письма ваши. Не могъ собраться съ духомъ и, о срамъ, ради всегдашняго здѣшняго единообразія обстоятельствъ нашихъ и хлопотъ, мнѣ, уже притоптанному служивцу, наскучившихъ. Боже мой, Боже! всякій день тоже:—повторять, сближаясь къ старости, не лишнее. Теперь хочу кое-какъ расплатиться—хоть не дукатами, по польской амбиціи, а мѣдными бѣдными.—И у насъ, слава Богу разумовъ, прошедшій курсъ окончился публичнымъ экзаменомъ не не по желанію. Отвѣты были удовлетворительны, публика небольшая, но за то архипастырь сверхъ обыкновенія своего примовилъ—на благодарность ученика отъ имени семинаріи—родъ благороднаго комплимента съ благословеніемъ всѣмъ намъ. Въ академію посланы студенты: П. Крыловскій,

---

[1]) Дѣло идетъ, очевидно, объ архим. *Викторѣ Черняевѣ*, бывшемъ настоятелѣ *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря въ г. Нѣжинѣ, черниг. губ. Мы не можемъ привести болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой интересной личности. Въ «Спискахъ іерарховъ и настоятелей монастырей» П. М. Строева (Спб. 1877 г.) сказано, что Викторъ Черняевъ въ 1823 году отъ настоятельства *отставленъ*, а въ 1827 г. *уѣхалъ за границу*. (См. стран. 522-ю).

Иванъ Чернявскій и Николай Митькевичъ,—охотно, и безъ малѣйшаго безпокойствія отправились съ миромъ и благословеніемъ[1]).

Вакаціями пользуясь, мы съ отцемъ инспекторомъ Ниломъ и библіотекаремъ Иринархомъ ѣздили въ Домницу къ о. архим. Іову въ гости[2]). Застали *крутаго ангела*[3]); какъ водится, обрѣли безквасіе, безналивочность и другое сему соотвѣтствіе, но, впрочемъ, день прожили не худо и горлы не были сухи, ибо о. Цукровскій, сѣющій щедро *при пути*, не допустилъ до сего. Возвратились благополучно, но моимъ молодымъ спутникамъ мѣстоположеніе Домницы и житье весьма не понравилось.—Къ концу вакацій послѣднихъ чиселъ августа съ о. инсп. Ниломъ ѣздили мы вдвоемъ въ Нѣжинъ. Здѣсь у о. архим. Евгенія[4]) гостили не худо, хотя то чай былъ *весьма* греческій и ромъ *Волынско-рабиновскій*, сирѣчь уніятъ невкусный. Зато при концѣ сдѣлалось лучше—и мы открыли у нихъ въ лавкахъ[5]) въ продажѣ то, чего они—жители—не знали и говорили, что сыскать неможно. Это можетъ и вамъ въ проѣздахъ вашихъ случиться. Обѣдали также однажды у игуменьи[6]) скорымъ пріемомъ, но бабскіе

---

[1]) Указанные три студента вошли въ составъ *пятаго курса* Кіевской д. академіи (1827—1831 гг.). *Павелъ Алексѣев. Крыловскій*, по оконч. акад. курса,—былъ впосл. законоучителемъ Новгородъ-Сѣверской гимн., гдѣ и сконч. 10 іюня 1858 г.—*Николай Васильевичъ Митькевичъ*—принялъ монашество съ именемъ *Григорія* и сконч. въ санѣ архіепископа Калужскаго—въ 1881 г. *Чернявскій* же выбылъ изъ академіи во время ученія и судьба его намъ неизвѣстна.

[2]) Архим. *Іовъ Куроцкій* былъ настоятелемъ Домницкаго (или Думницкаго) монастыря, черниг. г., съ 1823 г. по 1832 г.

[3]) Что́, или кого-нужно разумѣть подъ *крутымъ Ангеломъ*,—не знаемъ. Вѣроятно—это прозвище ниже упоминаемаго *о. Цукровскаго.*

[4]) Архим. *Евгеній Прозоровъ* былъ настоятелемъ Нѣжинскаго *Назаретъ-Богородичнаго* монастыря съ 1823 по 1830 г.—24 іюня 1824 г. онъ торжественно освящалъ ново-устроенную церковь при Нѣжинской «Гимназіи Высшихъ Наукъ».

[5]) Разумѣются, конечно, лавки, помѣщавшіяся въ зданіяхъ, принадлежащихъ самому монастырю.

[6]) Въ Нѣжинѣ есть и женскій *Введенскій* монастырь.

взаимные упреки и переговоры худо приправляли пріемъ ихъ.—Въ Веркѣевкѣ [1]) у о. Гриценка—и туда и назадъ было хорошо, а за 30 верстъ отъ Чернигова подъ Кулиновкою задняя желѣзная ось въ коляскѣ треснула, ударились о полы; заѣхали въ село къ священнику, разыскали, сыскали кибиточку русскую подъ рогожею и инкогнито всунулись подъ вечеръ въ семинарію сякъ такъ, а оттуда я возвратился въ монастырь вытребованною каретою. Таково-то бываетъ въ пути, какъ и въ жизни!

Молебенъ у насъ отпѣтъ предъ начатіемъ ученія 12-го числа, а 13-го сего сентября, какъ я удостовѣрился предъ Воздвиженіемъ Креста Господня, который, какъ церковная исторія говоритъ, заброшенъ былъ и обрѣтенъ послѣ вѣрными—благочестивыми,—владыка нашъ представилъ къ награжденію св. Синоду трехъ епархіи своей чиновниковъ съ прописаніемъ службы долговременной, гдѣ помѣщенъ и извѣстный вамъ ректоръ семинаріи [2]), о которомъ вы, по усердію своему, какъ писали, у добрыхъ людей добрыми словами христіански интересовались. Теперь прошу отъ васъ братнихъ молитвъ и благожеланія—помяните, яко вси подъ эпитиміями есьмы, и не забудьте гдѣ знаете, какъ прилично, съ христіанскою простотою и мудростію, замолвить паки письмами доброе слово. Есть ли есть любовь братняя, то много учить ненадобно, и *bonum* будетъ сдѣлано, и *bene* [3]). И узрятъ нищіе и возвеселятся, яко Богъ помоглъ и утѣшилъ ны есть. Давно уже въ сей семинаріи увѣнчаніе начальниковъ праздновали, какъ сами знаете.

О. Нила съ утвержденія преосвящен. представили мы по порядку къ магистерской степени. Г. Мерцаловъ изъ новаго дома

---

[1]) Село *Веркѣевка*—вблизи Нѣжина—одно изъ имѣній графа *Александра Григ. Кушелева-Безбородка*, доходы съ котораго шли на первоначальное устройство знаменитой «Гимназіи Высшихъ Наукъ» въ Нѣжинѣ, давшей образованіе Гоголю...

[2]) Т. е. самъ авторъ письма, архим. Іеронимъ.

[3]) Т. е. будетъ сдѣлано *доброе дѣло*—и *добрымъ способомъ*—или кратче—по-малорусски: *добрó* и *дóбре*.

ходить въ семинарію по старому. X. Jan Сулятицкій [1]) совсѣмъ потерялся, прибилъ въ пьянствѣ мать свою, сосланъ въ Домницу на годичную эпитимію и тамъ не исправляется, а срамитъ самъ и безпокоитъ всѣхъ неистовыми поступками. Сынъ его принятъ въ бурсу, а мать съ дочерью предана сердолюбію попечительства о бѣдныхъ. Мѣста его просилъ Ос. Ак. Самчевскій и получилъ отказъ за молодостію къ присутствію въ дикастеріи.—Иванъ Федоровичъ надѣется получить мѣсто при Нѣжинской гимназіи законоучителя; директоръ Ясновскій обѣщаетъ, но еще мало успѣха [2]). Петръ Хрисанѳичъ вдовствуетъ еще, и бываетъ иногда у меня и въ семинаріи. Привыкаетъ и живетъ кое-какъ.—Изъ Кіева о. ректоръ Кириллъ писалъ ко мнѣ о бывшихъ своихъ экзаменахъ и прочемъ подобномъ,—особенно любопытнаго ничего нѣтъ. Евгеній [3]) копается въ древностяхъ, а прочее идетъ своимъ порядкомъ.—Служащіе въ Астраханской семинаріи и въ Могилевской въ письмахъ къ о. Нилу жалуются на новыхъ своихъ меценатовъ и стонутъ отъ грубости ихъ [4]), а Вятскіе и Нижегородскіе

---

[1]) Это—тотъ самый, упомянутый выше, соборный священникъ *Іоаннъ Сулятицкій*, котораго въ шутку прозывали: «X. Jan pseudomonachus».—Букву X здѣсь, какъ и выше, нужно читать не какъ русскую, а какъ польскую,—и она, конечно, означаетъ здѣсь «Xiądz»—*ксёндзъ*.

[2]) *Данило Емельяновичъ Ясновскій* былъ директоромъ Нѣжинской гимназіи послѣ Орлая—съ 1826 г. по 1835 г. По его представленію, *Иванъ Федоровичъ Мерцаловъ*, дѣйствительно, въ 1829 г. опредѣленъ былъ законоучителемъ «Нѣжинской Гимназіи Высшихъ наукъ князя Безбородко» и назначенъ настоятелемъ Александровской при ней церкви, для чего и посвященъ былъ въ томъ же 1829 г. во священника.—Служилъ онъ при этой гимназіи и въ лицеѣ свыше 30-ти лѣтъ—до 1860 г.—Скончался въ Нѣжинѣ 12 авг. 1868 г.—на 75 году жизни. (См. его краткую біографію въ книгѣ: «Лицей князя Безбородко»—Спб. 1881 г., стр. 284—286-я).

[3]) Т. е. митрополитъ Кіевскій Евгеній.

[4]) Этими «меценатами» были: въ Астрахани—архіеп. *Павелъ Саббатовскій*, а въ Могилевѣ—архіеп. *Павелъ Моревъ-Павловъ*, оба изъ старинныхъ воспитанниковъ.

благословляютъ судьбу свою подъ учеными пастырями [1]). У насъ хоть не мудро, но, право, жить спокойно и надо Бога благодарить. Будьте здоровы и благополучны. Пребываю покорный и усердный слуга арх. Іеронимъ.

23 сент. 1827 г. Черниговъ.

Дѣло о замотанныхъ прежде еще деньгахъ по дикастеріи не упразднено манифестомъ всемил.—Теперь прислано къ разсмотрѣнію епархіальн. начальства и разложенію денегъ на бывшихъ присутствующихъ. Здѣсь и Екатериносл. архіерей замѣшанъ [2]). Экономъ архіерейскаго дома Антоній сдѣланъ Козелецкимъ игуменомъ. Живетъ при домѣ и описалъ казначея Кипріяна и другихъ. Теперь они подъ судомъ и въ бѣдѣ...

Думали ли вы, чтобы архіер. казначей Филаретъ, молодой, веселый и здоровый, опередилъ смертію всѣхъ тамошнихъ стариковъ? Такъ точно сдѣлалось въ половинѣ іюля; наѣлся вишень съ косточками, заболѣлъ и умеръ, а старики все живутъ по прежнему.

Охотинъ уже священникомъ въ Арзамасѣ, хвалится очень милостію преосв. Аѳанасія.

4.

Ваше высокопреподобіе, любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ Филадельфъ!

Наконецъ я, съ помощію Божіею, прибылъ въ свою Свіяжскую обитель прошедшаго маія 28 числа благополучно. Сблизился къ

---

[1]) Въ Вяткѣ въ это время былъ архіереемъ преосв. *Кириллъ Богословскій-Платоновъ*, а въ Нижнемъ-Новгородѣ—преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—оба воспитанники 1-го курса ново-преобразованной С.-Петербургской д. академіи—и товарищи Филадельфа.

[2]) Преосв. *Ѳеофилъ Татарскій*, епископъ Екатеринославскій, бывшій съ 1813 года нѣсколько лѣтъ ректоромъ Черниговской д. семинаріи и членомъ Черниговской д. *дикастеріи* (консисторіи).

обители ночью, и хотѣлъ въѣхать не безпокоя ни другихъ, ни себя, но нѣкто скоро—проѣзжій чиновникъ, замѣтивъ меня и опередивъ, пустилъ слухъ въ городѣ, что я буду скоро. Встрѣтили меня у св. вратъ съ духовною церемоніею—и я долженъ былъ покориться и итти въ церковь, какъ прилично, уже въ 11 часу ночи. Но все содѣлалось, слава Богу, благополучно, и слова мои привѣтственныя пали на землю благу.

Монастырь сей, по наружности, прекрасный и не безъ причины поставленъ выше Донскаго [1]). Фасадъ церкви и колокольни—отмѣнный, зданія огромныя подъ палевою краскою. Ограда вокругъ, какъ Кремль вашъ, но красивѣе, ибо палевого цвѣта и безъ трещинъ; крыши крашенныя и большею частію желѣзныя; верхи церквей зеленые,—снаружи картина, при высокихъ внутри деревахъ, коихъ верхушки издали показываются, какъ Лавра какая,—палевый цвѣтъ очень ее отъ обыкновенныхъ закоптѣлыхъ старыхъ монастырей отличаетъ. Но внутри присмотрѣвшись, во многихъ мѣстахъ увидишь правду словъ пр. Діонисія [2]). Мусору пропасть по мѣстамъ, согнившихъ ступеньковъ по крыльцамъ вокругъ церкви много,—окошки индѣ безъ цѣли почти и двери выломаны, какъ-бы кто въ горячкѣ хозяйствовалъ,—а сады и слѣдовъ не имѣютъ бывшаго старанія.

Церковь внутри украшена старинною живописью, и благолѣпія особеннаго нѣтъ. При томъ и тѣсно въ атарѣ, ризница средственная. Митра первая называется *Іеронимовская*: вырѣзано на обручѣ: «исправлена настоятелемъ архимандритомъ Іеронимомъ» [3]). Вотъ судьбы Божіи! И я въ этой митрѣ въ недѣлю

---

[1]) Т. е. *Донского Богородичнаго*—первокласснаго въ Москвѣ, гдѣ въ это время уже былъ Филадельфъ.

[2]) Преосвящ. *Діонисій Цвѣтаевъ*, бывшій епископъ Пермскій, жилъ въ это время въ Москвѣ—на покоѣ и былъ пріятелемъ архим. Филадельфа и Іеронима.

[3]) *Іеронимъ Формаковскій*—былъ настоятелемъ Свіяжскаго Богородицкаго монастыря съ 1767 г. по 1770 г., а затѣмъ посвященъ былъ во епископа Владимірскаго и Муромскаго. Сконч. 3 авг. 1783 г.

всѣхъ святыхъ служилъ уже; благодарю Бога! Церквей особо есть до 4-хъ,—но вездѣ нужны обновленіе и исправленіе.

Сокровища: единственное и преведіе: мощи св. Германа, ибо—св. Гурія и Варсонофія, бывшія въ Казанскомъ каѳедральномъ соборѣ и въ Спасскомъ монастырѣ, давно уже отъ пожарей *(sic)* истреблены и только малые ихъ остатки тамо въ ракахъ находятся. Хотя Волга нынѣ отъ Свіяжска въ 2-хъ верстахъ, но и сухопутные прохожіе къ мощамъ св. усердствуя приходятъ—и кружка не можно сказать, чтобъ была бѣдная,—все, говорятъ, настоятелю около тысячи придетъ, а иногда и меньше; но предмѣстникъ мой получалъ, говорятъ, какъ хотѣлъ, болѣе любя умноженіе, нежели дѣленіе, чѣмъ были много притѣснены подчиненные, и не знали настоящей своей и его части [1]).

Теперь есть на лицо денегъ тыс. до 10-ти, а на долгахъ до 12-ти, Мельница отдается не за 14 тысячъ, какъ гласили бубны за горами, но за 7-мь тысяч., а рыбныя ловли за полторы тысячи; изъ сихъ получать третью часть настоятелю, какъ признаютъ, никто никогда не препятствовалъ, и даже не вникали, не больше ли онъ получаетъ. Настоятели управлялись, какъ хотѣли, а особливо послѣдній. Но вообразите, былъ изъ Питера, со свѣтскимъ тономъ, но даже одной кареты не исправилъ [2]). Есть колясочка, да бричка Адамовская, и мнѣ, какъ послѣ Черниговскаго Мелетія, и здѣсь придется покупать. Лошади средственныя—также къ Мелетіевскимъ прямо смотрятъ, но еще неблизко всмотрѣлись—и покупать надобно [3]).

---

[1]) Предмѣстникомъ Іеронима Визерскаго въ Свіяжскомъ монастырѣ былъ архим. *Израиль Звягинцевъ*—съ 1808 г. по 1829 г., когда здѣсь же скончался.

[2]) Архим. Израиль до назначенія въ Свіяжскъ былъ настоятелемъ Троицко-Сергіевской пустыни—что въ 10-ти верстахъ отъ Петергофа.

[3]) Предшественникомъ Іеронима по настоятельству въ *Черниговскомъ Елецкомъ Успенскомъ монастырѣ*, а равно и по ректурѣ въ Черниговской д. семинаріи,—былъ архим. *Мелетій Носковъ*, воспитанникъ и затѣмъ префектъ старой Кіевской академіи съ 1814 по

Братія средственная—человѣкъ до 30-ти, и содержаніе по здѣшней дешевизнѣ и довольству на хорошую рыбу имѣютъ хорошее. Іеродіаконовъ только два и есть нужда при служеніи, особливо по церемоніямъ близкомъ къ архіерейскому. Дополняютъ одѣвающіеся въ стихарь церковники и ученики здѣсь помѣщающагося уѣзднаго училища; сіи послѣдніе и пѣвческую составляютъ довольно приличную.

Теперь ознакомляюсь съ монастыремъ и тихонько все за прежнимъ житьемъ и людьми добрыми грустно. Чтожъ дѣлать? Такова наша жизнь, такъ Богу угодно. Я еще не могъ явиться и къ здѣшнему владыкѣ [1]). Онъ съ 20 маія уѣхалъ въ Симбирскъ и дальше по епархіи и возвратится, говорятъ, чрезъ Свіяжскъ развѣ около 21 іюня. Тогда предстану и побываю уже и въ Казани, а велѣлъ тамъ для пріѣзда на подворьи монастырскомъ, отдаемомъ въ наемъ за 800 р., обдѣлать для себя комнаты. Вотъ вамъ и подробности моего странничества! Напишите, прошу васъ, какъ вы живете и что у васъ добраго и пріятнаго слышно? Чрезъ сего подателя можете подать кучу писемъ въ Черниговъ. Я никогда не забуду вашей братской привязанности, нынѣ въ Москвѣ дознанной. Да утѣшитъ васъ Господь по благому желанію вашему и далъ бы намъ Господь взаимные способы соутѣшаться милостію Божіею о насъ.

Здѣсь люди учтивые; являлись ко мнѣ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, съ почтеніемъ; и у помѣщицы одной статск. совѣтницы, доброй сосѣдки, былъ вчера. У нея прекрасный садъ и оранжерея. Очень усердно приняла и обѣщала всѣмъ по воз-

---

1817 г.—На ректуру въ Черниговъ опредѣленъ въ 1818 г., а въ 1822 г. переведенъ въ Волынскую д. семинарію—на мѣсто Іеронима Визерскаго.—Въ 1824 г. былъ уволенъ въ число братіи Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и скончался въ 1851 г.

[1]) Этимъ владыкою былъ архіеп. *Филаретъ Амфитеатровъ*, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій.—Къ Казанской епархіи принадлежала тогда и территорія нынѣшней Симбирской епархіи—и Казанскій архипастырь именовался тогда *Казанскимъ и Симбирскимъ*.

можности обители прислуживать. Она же монастырю и деньги должна. Ratio sufficiens [1]).

Какова была новосовершившаяся хиротонія [2]) и явка ваша: jacendo, tacendo, petendo ко владыкѣ? Эй страшно! да нужно! [3]) Новый епископъ—добрый, думаю, человѣкъ, да дастъ ему Господь помощь Свою! [4])

Что со мною здѣсь далѣе явитъ Господь, напишу, а вы свое теперь напишите. Москва—не Свіяжскъ. Будьте здоровы и счастливы Богомъ.

Пребываю съ извѣстною и постоянною преданностію и почтеніемъ вашъ усерднѣйшій братъ и слуга А. Іеронимъ.

6-го іюня 1830 года. Свіяжскъ.

5.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, отецъ архимандритъ Филадельфъ!

Христосъ воскресе!

Миръ вамъ о Господѣ и мое братское цѣлованіе! Письмо ваше въ минувшемъ августѣ получилъ я съ удовольствіемъ и читалъ оное многократно, похваляя и благодаря за усердную обстоятельность и откровенность. За лѣность и коснѣніе я не въ претензіи, а паче когда нѣтъ чего сообщить, и мертвая монотонія обстоятельствъ не даетъ ни духа, ни пера къ писанію.

---

1) Т. е.: «Довлѣющая причина!»

2) Здѣсь разумѣется совершившаяся въ Москвѣ хиротонія во епископа Дмитровскаго, викарія митрополіи Московской, выше упомянутаго архим. *Иннокентія Сельнокринова.*

3) Филадельфъ, перемѣщенный въ Москву, долженъ былъ являться къ *страшному* тогда для всѣхъ ученыхъ монаховъ Московскому митрополиту *Филарету Дроздову.* Явка должна была быть, конечно, сопровождаема *лежаніемъ* у ногъ грознаго святителя, и *молчаливымъ прошеніемъ* о снисхожденіи...

4) Т. е. упомянутый *Иннокентій Сельнокриновъ.*

Нынѣ обстоятельства Московскаго горизонта запестрились перемѣнами, и вашъ откровенный генiй имѣетъ матерiю къ соображенiю отъ избытка малороссiйской нашей простодушной говорливости, которую и добрые русскiе за благо прiемлютъ, будучи не сродны съ успѣхомъ подражать оной.

Я, благодаря Творца, обживаюсь здѣсь довольно успѣшно, познакомился со многими и пользуюсь взаимною любовiю знаемыхъ, какъ и въ Малороссiи. Запущенную было о. Израилемъ обитель Свiяжскую уже, съ помощiю Божiею, при довольныхъ способахъ, довольно поправилъ и украсилъ, и стали люди добрые хвалить и изъявлять усердiе. Владыка здѣшнiй—добрѣйшiй и въ истинномъ духѣ пастырь, меня-старца *шануетъ*, обращается братски откровенно, и хотя я сдѣланъ благочиннымъ и присутствующимъ, но живу въ Казани, когда и сколько хочу, и по малороссiйски съ нимъ, при благомъ времени, подшучиваю [1]). Теперь получилъ 6-го маiя архипастырь нашъ брилліантовый крестъ на клобукъ отъ царя съ лестнымъ рескриптомъ. Весьма радъ онъ самъ украшенiемъ, да и получилъ достойно. Окрестилъ до 2-хъ тысячъ чувашъ (ибо татары непреклонны) и еще на дняхъ уѣхалъ въ

---

[1]) Преосв. *Филаретъ Амфитеатровъ*, будучи и митрополитомъ Кiевскимъ,—*любилъ малорусскiй языкъ*. Такъ, когда въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» начальница хотѣла было перемѣнить тамошняго законоучителя протоiерея *Никиту Дашкевича* за то, что онъ, какъ истый украинецъ, выражался иногда—въ обращенiи съ сослуживцами и воспитанницами—обычнымъ малорусскимъ языкомъ,—то митрополитъ Филаретъ сказалъ: «Экой вѣдь этотъ людъ женскiй—капризный и прихотливый! Вотъ изволь ты для нихъ хоть переродиться! Не нравится, видишь, имъ говоръ малороссiйскiй... Какой-же имъ больно хотѣлось бы слышать... Небось лучше бы нравился имъ, пожалуй, въ родѣ польскаго *пршипршиканья*... Напротивъ, языкъ-то малороссiйскiй во многомъ близокъ къ церковно-славянскому, да и въ выраженiяхъ онъ—сжатый, но многосодержательный»... И не согласился приснопамятный старецъ-митрополитъ на увольненiе протоiер. Дашкевича изъ института... (См. соч. архим. *Сергiя Василевскаго:* «Высокопр. Филаретъ, митрополитъ Кiевскiй и Галицкiй и его время» Казань, 1888 г., т III, стр. 264).

сызранскій уѣздъ до 9-ти сотъ крестить, а другіе св. владыки до него и не помышляли о томъ и даже не являли себя чувашскому мірови. Вамъ на мое объявленіе посылаетъ свое благословеніе. Шалости академическія назвалъ *дѣтскими* и не стоющими памятованія, ибо многіе изъ тогдашнихъ шалуновъ нынѣ сдѣлались важными и почтенными людьми. Онъ же разсудителенъ и духа прямо христіанскаго [1]).

Отъ 5-го апрѣля писали ко мнѣ изъ С.-Петербурга, что владыка Черниговскій Лаврентій уволенъ съ 3-мя тысячами на покой въ Переяславскій Даниловъ монастырь [2]), на его мѣсто переведенъ Курскій преосв. Владиміръ, довольно мнѣ на чредѣ извѣстный, и также слабаго здоровья, хотя добрѣйшій человѣкъ [3]), а въ Курскую переведенъ якобы вашъ преосв. викарій Иннокентій [4]); кто же будетъ на его мѣстѣ, еще, какъ писали, не извѣстно, но въ Казани уже гласятъ, что якобы утвержденъ товарищъ мой по чредѣ, о. архимандритъ Николай, Тамбовскій ректоръ. Дай Боже! [5]) Пора и ему обрѣсти искомое и желаемое. Онъ лѣтами меня моложе (ибо имѣетъ, какъ говорятъ, около 45

---

[1]) Въ бытность Филадельфа въ 1-мъ курсѣ С.-Петербургской академіи, Филаретъ Амфитеатровъ былъ нѣкоторое время *инспекторомъ* этой академіи...

[2]) Архіеписк. черниговскій *Лаврентій Бакшевскій* уволенъ на покой 14 марта 1831 г.; жилъ въ Переяславскомъ Даниловѣ монастырѣ до самой своей кончины, послѣдовавшей 17-го декабря 1837 года.

[3]) Преосв. *Владиміръ Ужинскій* былъ архіепископомъ черниговскимъ съ 1831 г. по 1836 г., когда перемѣщенъ былъ на Казанскую каѳедру.—Въ Казани святительствовалъ до 1848 г., когда уволенъ былъ на покой—въ тотъ именно монастырь *Свіяжскій Богородичный*, гдѣ настоятельствовалъ нѣкогда *Іеронимъ Визерскій*. Сконч. здѣсь 16 дек. 1855 г.

[4]) Дѣйствительно, *Иннокентій Сельнокриновъ* былъ назначенъ въ Курскъ.

[5]) Это дѣйствительно и произошло: архим. *Николай Соколовъ* былъ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія московскаго, 8 мая 1831 г.

лѣтъ) и кончилъ ученіе въ 1808-мъ году,—но подвигами самоотверженія чуть ли не гораздо старше. Былъ учителемъ въ Калужской и Тамбовской семинаріяхъ двукратно, да еще, quod summa rei [1]), не будучи сибирякомъ, былъ пихнутъ въ Иркутскъ, и былъ тамъ ректоромъ четыре годы, какъ слышалъ я отъ безпристрастныхъ людей, съ похвалою отличною противъ прочихъ бывшихъ ректоровъ и настоятелей низкаго классомъ, но высокаго богатствомъ мощей св. Иннокентія и жертвами любезнаго усердія, монастыря [2]). За то и вывезъ оттуда не по нашему и вездѣ, гдѣ могъ щель сдѣлать дверью. Безъ бороды, но сметливъ по мірски. Онъ не воевалъ проповѣдью слова Божія на чредѣ, но всѣмъ вся былъ, чтобы свое пріобрѣсти. Только у вашего справедливѣйшаго владыки мы оба на одни двери ходимъ,—и теперь предлежитъ о. Николаю сдѣлать себѣ у него репутацію истинно святыми качествами. Да поможетъ ему Господь даромъ немощная наша врачующей благодати своей. Прошу увѣдомить меня объ опредѣлительностяхъ сего событія. Мы съ о. Николаемъ жили согласнѣйше, и другъ друга тяготы и недостатки сносили, и—слава Богу, не подали ни малѣйшаго повода къ оговоркѣ, часто даже на одномъ стулѣ въ церкви сидѣли къ удивленію всѣхъ,—хотя-то тайно и сокровенно неодинаково было обоихъ дѣйствіе. Характеръ малороссійскій обыкновенно, а паче въ пожилыхъ лѣтахъ, простъ, а кто захватитъ сибирской хитрости, того не проведешь; онъ и въ словѣ и въ дѣлѣ если не самъ ловитъ, то, по крайней мѣрѣ, увертывается отъ уловки возможной. Но Богъ воздаетъ всякому по мѣрѣ. Конецъ дѣло хвалитъ.

---

[1]) «Что составляетъ сущность дѣла».

[2]) Архим. Николай Соколовъ былъ настоятелемъ Иркутскаго *Вознесенскаго* монастыря съ 1822 г. по 1826 г. До 1836 г. этотъ монастырь былъ *третьеклассным*ъ. Въ немъ съ 1805 г. почиваютъ мощи св. *Иннокентія Кульчицкаго*, воспитанника Кіевской академіи и перваго архипастыря Иркутскаго, скончавшагося 1731 г. 26 ноября и погребеннаго въ этомъ же Вознесенскомъ монастырѣ. Послѣдній въ 1836 г. обращенъ въ *первоклассный*.

Самъ владыка св. скоро ли уѣдетъ въ св. Синодъ [1])? Его присутствіе тамъ драгоцѣнно для истины, ничему не приступной. Также—не былъ ли уже переѣздомъ въ Москвѣ преосв. Лаврентій и являлись ли вы къ нему? Прошу, запретивъ на сей разъ именемъ Божіимъ всякой лѣности, скорѣе братски прошу отвѣтное написать ко мнѣ—съ объявленіемъ всѣхъ новыхъ московско-іераршескихъ обстоятельствъ.—Изъ Чернигова имѣли проводить стараго владыку 1-го маія, и новаго встрѣтить 15 маія, но не знаю, какъ случилось.

Будьте здоровы, желаю вамъ отъ Господа благодати и милости.

Вашъ покорнѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

25 маія 1831 года. Свіяжскъ.

Въ жизни, не какъ въ училищной борьбѣ,—здѣсь мѣстныя и неизвѣстныя обстоятельства много берутъ. Посмотрите теперь и на своихъ первокурсныхъ,—иной и магистръ высокій, но еще за облако хватается [2]), а иной и кандидатъ, да уже въ *Костромѣ* [3]); иной членъ Синода [4]), а другой—и не семинарскаго правленія. Суета и произволеніе духа! Едино есть на потребу.

---

[1]) Т. е. митрополитъ московскій *Филаретъ Дроздовъ*. Его давно съ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ—для присутствія въ св. Синодѣ—и тогдашній оберъ-прокуроръ Синода С. Д. Нечаевъ все понукивалъ его скорѣе собираться въ путь. (См. книгу: «Переписка м. Филарета съ С. Д. Нечаевымъ» Спб. 1895 г.). Но холера и другія обстоятельства задержали его въ Москвѣ—и только къ концу сентября 1831 г. Филаретъ пріѣхалъ въ С.-Петерб.

[2]) Намёкъ на товарища Филадельфоваго—архимандрита *Поликарпа Гойтанникова*, доктора богословія и съ 1824 г. ректора Московской д. академіи. Къ нему не благоволилъ моск. митр. Филаретъ—и о. Поликарпъ такъ и недождался архіерейства...

[3]) Разумѣется *Павелъ Подлипскій*, тоже товарищъ Филадельфа, съ 26 мая 1830 г. уже *епископъ Костромской*.—Съ 1836 г. по 1859 онъ былъ архіеписк. *Черниговскимъ*, а затѣмъ уволенъ на покой и сконч. 27 ноября 1861 г.

[4]) Разумѣется *Григорій Постниковъ*, тоже товарищъ Филадельфа,—любимецъ митроп. москов. Филарета, въ это время уже *архіепископъ Тверской* и еще съ марта 1829 г. членъ св. Синода...

Въ Черниговѣ до 1-го маія ради холернаго страха не учили и не учились. Живутъ всяко кое-какъ, ублажаютъ прошедшее *по-стариковски*. А я и здѣсь обрусѣлъ—слава Богу.

Посланъ ли кто ревизоромъ на Волынь или нѣтъ? Тамъ, какъ пишутъ уроженцы изъ Питера, племянники берутъ, да побираютъ [1]), а отъ каждаго причта привозятъ якобы благочинные явно по..... [2]) и открыто.

Каково теперь живутъ ваши *Полтавцы*? Хвалятся ли новымъ владыкою или нѣтъ [3])?—Архіерейство лестно, но не легко. Надо ума, терпѣнія и труда,—и плакать стыдно.

6.

Любезнѣйшій о Христѣ Господѣ братъ, о. архимандритъ и ректоръ Филадельфъ!

Давно, давно уже не бесѣдуемъ мы съ вами! Я еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ получилъ всепріятнѣйшее письмо ваше, и благодарилъ Бога, по охотѣ и лѣтамъ вашимъ паки васъ на ученое поприще призвавшаго, но не отвѣчалъ доселѣ—почему? и самъ не знаю почему. И вы и каждый знаетъ, что при всемъ усердіи и любви, не всегда человѣкъ готовъ и склоненъ бываетъ какъ къ словесной, такъ и письменной бесѣдѣ. Таковы мы всѣ, если не притворяемся, таковъ составъ нашъ, таково естественное устроеніе души и тѣла нашего.

Ваше описаніе страны той—любопытно [4]). Я сообщалъ оное на словахъ какъ владыкѣ здѣшнему, такъ и другимъ моимъ со-

---

[1]) Т. е. племянники тогдашняго епископа волынскаго *Амвросія Мóрева*, правившаго Волынью съ 1828 г. по 1832 г.

[2]) Не разобрано слово.

[3]) Этимъ «новымъ владыкою» былъ преосв., *Иаванаилъ Павловскій*, управлявшій Полтавскою епархіею съ 1830 по 1834 г.

[4]) Т. е. описаніе Бессарабіи и Кишинева, куда Филадельфъ назначенъ былъ изъ Москвы ректоромъ Кишиневской д. семинаріи.

бесѣдникамъ, какъ на словахъ, такъ и на письмѣ. Кушайте во здравіе какъ мидіи[1]), такъ и стридіи и кулбахи[2]), и поздравляю васъ, что живете въ странѣ, чуждой предразсудковъ касательно снѣдей, запиваете цѣльнымъ и чистымъ виноградnымъ, но не худо припоминать и монашеское воздержаніе среди самыхъ невоздержнѣйшихъ обстоятельствъ, и что я говорю—не худо? весьма нужно и весьма полезно; ибо *ветхій нашъ человѣкъ*, утывъ, утолстѣвъ, разширѣвъ, можетъ расторгнуть всѣ оплоты, и довести насъ первое до нравственнаго, а послѣ, какъ обыкновенно бываетъ, и до физическаго ничтожества, отъ чего да сохранитъ насъ Господь, просвѣщеніе и Спаситель нашъ, и Пречистая Его Матерь, покровъ и заступленіе наше въ жизни и по смерти[3]). Какъ далѣе живете? Каковъ къ вамъ владыка?[4]) и есть ли знакомые добрые люди изъ свѣтскихъ и духовныхъ? Каковъ монастырь

---

[1]) *Мидіи*—это устрицы въ черепашкахъ (въ «скóпкахъ»)... При морскомъ волненіи, мальчишки собираютъ ихъ на берегу цѣлыми тысячами. Изъ нихъ приготовляется кушанье *пилáвъ*, особенно любимое греками и молдаванами (по-молдавски: *пилáвъ ку-мúди)*. Замѣтимъ, что въ то время приморская Одесса принадлежала къ Кишиневу—въ епархіальномъ отношеніи.

[2]) *Стрúдіи*—устрицы, приготовленныя съ лимономъ—кушанье, коимъ восторгаются мѣстные жители.—*Кульбáхи*—пирогú съ свѣжей капустой, очень вкусны.

[3]) Все это писано было къ Филадельфу въ чисто *пророческомъ духѣ*... Обиліе и дешевизна въ Бессарабіи прекраснаго вина—особенно въ то старое время—увлекли съ прямой дороги не одного попадавшаго туда *ученаго монаха*, да и не монахе только, а и изъ свѣтскихъ семинарскихъ наставниковъ... Послѣ Филадельфа въ Кишиневѣ вынужденъ былъ уйти на покой и преемникъ его по ректурѣ въ духовной семинаріи архим. *Тихонъ Солнцевъ*, воспитан. Кіевской академіи выпуска 1837 г...

[4]) «Владыкою» въ то время въ Кишиневѣ былъ архіеп. *Димитрій Сулима*, по матери родной дѣдъ извѣстнаго малорусскаго общественнаго дѣятеля *Алексѣя Алекс. Андріевскаго*,—личность въ исторіи Бессарабіи весьма замѣчательная.

вашъ по людямъ и выгодамъ [1]) и какъ вамъ нравится страна та противъ прочихъ, гдѣ жили вы? Написать въ отвѣтномъ прошу.

А я вамъ откровенно пишу по братски, что я живу нынѣ, милостію Божіею и начальства, съ строгимъ или милостивымъ намѣреніемъ сюда меня послѣ чреды пославшаго, какъ въ земномъ странствіи полагать, преблагополучно. Монастырь мой, теперь много обстроенный послѣ 20-тилѣтняго опущенія, и памятникомъ мнѣ будетъ служить, и есть уже и не бурное пристанище, и, такъ сказать, одинъ изъ тѣхъ островов, кои язычники назначали по смерти для душъ блаженныхъ. Una ex insulis fortunatis [2]).

Бѣдный преосв. Д—сій при своихъ сужденіяхъ и житіи столичномъ! [3]) Онъ и одного дня такъ тамъ не проживаетъ, и ни ночлега, ни пріема ни одному владыкѣ такъ дать не можетъ, какъ я пяти уже далъ. Денегъ еще не собралъ, ибо душевное усердіе имѣлъ рисковать даже своею частію, чтобъ скорѣе изъ развалинъ *Израильскихъ* [4]) сдѣлать градъ обительный. По усердію и настоянію владыки и въ Казань для присутствованія пріѣзжаю—это разнообразитъ и приправляетъ уединеніе, и такъ благодаря Господу какъ во снѣ протекло уже 2 годы съ половиною... Собрались и люди въ монастырѣ, нашлись и знакомые изъ разныхъ сословій. Объ архіерействѣ моемъ только ученики да родные братья толкуютъ [5]); а я, относя, въ монашеской и христіан-

---

[1]) Въ качествѣ ректора Кишиневской д. семинаріи, архим. Филадельфъ былъ и настоятелемъ *Добружскаго монастыря*—въ Бессарабіи.

[2]) «Одинъ изъ счастливыхъ острововъ».

[3]) Это упомянутый выше епископъ *Діонисій Цвѣтовъ*, въ 1828 г. уволенный отъ епархіи съ пенсіею въ 3 тысячи рублей и назначенный въ Москву «для священнослуженія и крестныхъ ходовъ». Скончался 24 апрѣля 1846 г. въ Московскомъ Богоявл. монастырѣ.

[4]) Намекъ на запустѣніе 20-тилѣтнее монастыря при предшествовавшемъ настоятелѣ, архим. Израилѣ.

[5]) Изъ родныхъ братьевъ архим. Іеронима—одного, именно о. *Пантелеимона Гавриловича Визерскаго,* мы въ концѣ 50-хъ г.г. прошлаго XIX вѣка застали протоіереемъ и настоятелемъ *Воскресенской церкви*, что на Подолѣ—между Хоревой и Спасской ул. Онъ уже былъ

ской покорности, къ вышнему распоряженію возвышеніе или униженіе наше, благодарю Бога о всемъ—и настоящемъ, и будущемъ, какое Богъ устроитъ; не забываю и крѣпко помню, что уже 51 годъ назади, и что сближается и очевидно сближается то, предъ чѣмъ окажутся пустяками всѣ возвышенія человѣческія физическія и политическія; надобно отдать все моральности, и по ней назначутъ—вѣчную обитель... Я думаю, что и вамъ это, какъ и всякому благоразумному, часто на мысль приходитъ. Да и есть о чемъ думать, ибо это не сновидѣніе, которое произволомъ правящихъ смертныхъ и назначается и отнимается.

Что вамъ въ гостинецъ изъ Казанской области прислать? Стерлядей волжскихъ переслать не удобно, а прошу сюда пріѣхать ухи похлебать. Прислать же можно вамъ или крепы, когда тамъ нуждаетесь, или холстъ татарскій съ *ичиками* или вышитыми сапожками, или чайку лучшаго. Я вашъ должникъ еще по Москвѣ. Отозвитесь и скажите. Теперь отъ Макарьевской ярмонки возвращаться начали. Ибо знайте, что чрезъ Казань все идетъ изъ Китая и Сибири и злато и серебро,—но только *идетъ*, а покупать извольте на Нижегородской ярмонкѣ. Здѣсь же и показывать ни за что не станетъ. У васъ же нѣтъ ли хоть маленькой иконки св. Митрофана новаго Воронежскаго чудотворца [1]), или Флегонту напишите [2]), а *я вамъ отдячу*, только не забудьте прислать мнѣ это сокровище.

глубокимъ старикомъ и скончался въ концѣ 60-хъ гг.—Вотъ отъ этого-то о. Пантелеимона Визерскаго В. И. Аскоченскій и позаимствовалъ нѣсколько свѣдѣній объ *Іеронимѣ Визерскомъ* и помѣстилъ ихъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи: «Кіевъ—съ древнѣйшимъ его училищемъ—академіею».—Кіевъ 1856 г. часть 2-я—стран. 408.

[1]) Открытіе мощей св. Митрофана Воронежскаго послѣдовало 7 авг. 1832 г.

[2]) Кто такой *Флегонтъ*,—не знаемъ. Кажется, братъ Филадельфа.—У него былъ другой братъ—*Поликарпъ Ивановичъ Пузына*, докторъ медицины и переводчикъ нѣкоторыхъ медицинскихъ сочиненій на русскій яз.

На ваше мѣсто, какъ слышу, въ Златоустовъ произвели о. Даніила, китайскаго іеромонаха. Онъ былъ проѣздомъ съ о. архим. Петромъ у насъ и хорошо познакомились. Уроженецъ Пензенскій изъ семинаристовъ [1]).—Любезнѣйшій преосв. Кириллъ [2]), переведенный изъ Вятки въ Каменецъ, пишетъ ко владыкѣ нашему, что все ему тамъ не нравится: Каменецъ—какъ крѣпость, наполненная жидами, ляхами и армянами, и онъ сидитъ и на свое возвышеніе *горько плачетъ*. Аѳанасію въ Тобольскѣ также грустно, но этому по дѣломъ. Онъ совсѣмъ не похожъ на Кирилла [3]). Изъ Черн. Елецкаго—преемника моего Аѳанасія перевели въ Тверь, а на его мѣсто назначенъ изъ Тамбова Агапитъ, сейчасъ-же вызвали на чреду,—и о. Огіевскій паки проректорствуетъ, а Самчевскій учитъ богословію [4]).

Простите! Будьте Богомъ счастливы! Пребываю усерднѣйшій братъ и слуга о. Іеронимъ.

28 августа 1832 года г. Свіяжскъ.

Пишетъ ли къ вашему владыкѣ [5]) бывый Иркутскій преосв. Ириней изъ Вологды и какъ живетъ онъ? Это мнѣ по Кіевской академіи презнакомый человѣкъ. Чудное его вызвышеніе и судьба!

---

[1]) Въ «Спискахъ» Строева (стран. 197 и 564) онъ называется бывшимъ профессоромъ Казанскаго университета.

[2]) Вышеупомянутый—*Кириллъ Богословскій-Платоновъ*, товарищъ Филадельфа по академіи. управлялъ Подольскою епархіею съ января 1832 г. по мартъ 1841 г. Замѣчательнѣйшая личность въ исторіи Подольской епархіи!..

[3]) Преосв. *Аѳанасій Протопоповъ*—тоже вышеупомянутый—товарищъ Филадельфа; переведенъ изъ Нижняго-Новгорода въ Тобольскъ, вслѣдствіе гнѣва на него московскаго митроп. Филарета...

[4]) Преемниками Іеронима въ Черниговѣ были: сначала—архим. *Аѳанасій Соколовъ*, впослѣд. архіепископъ Казанскій,—а затѣмъ—архим. *Агапитъ Вознесенскій*—впосл. епископъ Томскій.—При отсутствіи ректоровъ Черниговской семинаріи, должность ректора исправлялъ вышеупомянутый о. Ал. Огіевскій,—а І. Ак. Самчевскій вмѣсто ректора читалъ уроки по Богословію.

[5]) Т. е. къ вышеупомянутому *Димитрію Сулимѣ*.

Убо образомъ ходитъ возвышеніе человѣческое! [1]) Vanitas vanitatum!.. [2])

Что къ вамъ изъ Переяслава и Вологды пишутъ, да и пишутъ ли?—Въ Черниговѣ все не по старому—какъ пошли, такъ и пошли. Были ли вы у кого проѣздомъ въ Нѣжинѣ и Кіевѣ? и у кого и какъ?

О. Нилъ безъ монастыря въ Ярославѣ ректорствуетъ. Поликарпъ, Московской академіи ректоръ, издаетъ догматику, одо-

---

[1]) Смотр. *Псаломъ* 38-й, ст. 7-й.

[2]) «Суета суетъ»!— «Бывый Иркутскій преосв. Ириней»—это архіепископъ *Ириней Нестеро́вичъ*, судьба котораго дѣйствительно замѣчательна по своей превратности. Онъ былъ родомъ изъ села *Дмитрушекъ*, уманскаго уѣзда, кіевской губерн., сынъ священника этого села и въ мірѣ назывался *Иванъ Гаврилович Нестеро́вичъ*, учился въ старой Кіевской академіи и послѣ былъ въ ней учителемъ. Въ 1811 г. бывшимъ митрополитомъ Кіевскимъ *Гавріиломъ Банулеско* вызванъ былъ въ Яссы, а затѣмъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Кишиневъ, гдѣ, принявши монашество съ именемъ *Иринея*, былъ сначала префектомъ, а потомъ и ректоромъ (*вторымъ*—по порядку) учрежденной въ 1813 г. митроп. Гавріиломъ Кишиневской д. семинаріи—съ 1820 г. по 1826. Въ это-то время и узналъ онъ поэта Пушкина и, по порученію извѣстнаго генерала Инзова, часто бесѣдовалъ съ нимъ.—Въ 1826 г. вызванъ былъ *на чреду* въ С.-Петербургъ и скоро посвященъ былъ во епископа Петербургскаго,—а въ 1830 г. назначенъ былъ архіепископомъ Иркутскимъ. Здѣсь, по горячности своего характера, вступилъ въ столкновеніе съ иркутскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ *Лавинскимъ*, по доносу котораго былъ уволенъ отъ управленія Иркутскою епархіею—съ *указомъ* ѣхать на жительство въ Спасо-Прилуцкій монастырь вологодской губ. Но *подлинности* этого указа Ириней не призналъ—и вотъ возникло знаменитое дѣло о *«Бунтѣ архіепископа Иринея»*, о которомъ въ первый разъ пикантныя извѣстія появились въ «Русской Старинѣ» за 1878 г. (томъ 23-ій); теперь все это характерное дѣло въ подлинныхъ документахъ напечатано цѣликомъ въ 113 томѣ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (*книга вторая*, стран. 4—60).—Изъ Вологды въ 1848 г. архіеп. Ириней переведенъ былъ въ *Толгскій* монастырь, ярославской губ., гдѣ и скончался въ 1864 г.

бренную въ классическія. Кораблиновъ купилъ деревню [1]). Суровцовъ профессорствуетъ.

Преосв. Псковскій Меѳодій упалъ на глаза и пріѣхалъ въ С.-Петербургъ лѣчиться [2]). Анатолій Максимовичъ заводитъ Симбирскую епархію [3]), Парѳеній Владимірскій лѣчится [4]).

Сообщ. **Л. М.**

---

[1]) Уволенный отъ наставнической должности въ Волынской духовной семинаріи въ 1823 г., по извѣстному дѣлу—вышеупомянутому,—Кораблиновъ впослѣд. былъ профессоромъ дипломатіи въ Казанскомъ университетѣ.

[2]) Архіеп. *Меѳодій Писнячевскій*, уроженецъ полтавской губ. и воспитанникъ старой Кіевской академіи и Московскаго университета, управлялъ Псковскою епархіею съ 1825 г. по 1834 г., затѣмъ уволенъ былъ на покой—въ Лубенскій Преображенскій монастырь, гдѣ и скончался 10 іюля 1845 г.

[3]) Архіеп. *Анатолій Максимо́вичъ*, также изъ воспитанниковъ Кіевской академіи,—изъ Минска былъ переведенъ въ новоучрежденную Симбирскую епархію—съ 10-го февраля 1832 г. Въ 1842 г. былъ уволенъ на покой въ Сызранскій Вознесенскій монастырь, гдѣ и скончался 14 февр. 1844 г.

[4]) Архіеп. *Парѳентій Чертковъ*—управлялъ Владимірскою епархіею съ 1821 г. по 1850 г., когда перемѣщенъ былъ на Воронежскую каѳедру, на которой и скончался 5 авг. 1853 г.—Въ началѣ сентября 1852 г. къ нему явился новый молодой наставникъ Воронежской духовной семинаріи *Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ*, окончившій въ 1851 г. курсъ Кіевской д. академіи,—съ рекомендательнымъ письмомъ отъ тогдашняго кіевскаго митрополита *Филарета Амфитеатрова*. Письмо это напечатано въ *Русскомъ Архивѣ* 1899 г. (№ 6-й, стран. 207—208).

Гервасій Линцевскій.

(Матеріалы по исторіи Переяславской епархіи третьей четверти XVIII ст.).

---

22 декабря 1904 года исполнится 135 лѣтъ со дня кончины одного изъ замѣчательныхъ архипастырей полтавско-переяславской епархіи, Гервасія Линцевскаго, занимавшаго каѳедру епископа переяславскаго и бориспольскаго съ 1757 г. по 1769 г. Недюжинная личность этого архіерея памятна не только въ лѣтописяхъ полтавско-переяславской епархіи; къ личности Гервасія невольно привлекается вниманіе—и ученаго, разрабатывающаго исторію южно-русской церкви, и историка, занятаго политическими судьбами Малороссіи.

Гервасій—малороссъ по происхожденію и въ мірѣ назывался Григоріемъ Линцевскимъ, (Линчевскимъ, Лѣнцевскимъ). Родился онъ въ семьѣ кіевскаго священника; время рожденія точно не извѣстно. Хотя въ печати встрѣчаются указанія, въ силу которыхъ годомъ рожденія Гервасія можно считать 1684 г., но другія данныя склоняютъ отнести рожденіе его къ 1690 году.

Образованіе Гервасій получилъ въ Кіевской академіи, которую окончилъ въ 1727 г. Принявъ монашество, онъ состоялъ нѣкоторое время профессоромъ родной академіи, а затѣмъ 8 лѣтъ проходилъ должность намѣстика Кіево-Михайловскаго монастыря [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Гервасія до назначенія въ Пекинъ см. у проф. Н. И. Петрова въ изданныхъ имъ «Актахъ

24 января 1743 года Гервасій назначенъ былъ архимандритомъ пекинскаго Срѣтинскаго монастыря съ правами начальника русской духовной миссіи въ Китаѣ [1]). Пробывъ въ Китаѣ съ 1745 по 1755 г., Гервасій возвратился въ Россію и, поселившись въ Москвѣ, скоро получилъ назначеніе на каѳедру епископа переяславскаго и бориспольскаго [2]). Получивъ указъ объ этомъ назначеніи, Гервасій писалъ въ переяславскую духовную консисторію: «Сего настоящаго 1757 года мая 5 дня изъ святѣйшаго правительствующаго синода мною полученъ о милостивѣйшемъ Ея Імператорскаго Величества пожалованіи мене въ епархію переяславскую и святѣйшаго синода благоизволенію указъ такой и къ вамъ въ консисторію переяславскую объ томъ же посланъ. По силѣ же онаго что надлежитъ виправѣ такъ духовнихъ, какъ и мирскихъ людей къ намъ въ Москву и прочихъ потребностей сами изволите, сколко чого безъ излишества и скудости будетъ надобно, благоразсудити. А наипаче примѣнятися къ виправѣ антецесора [3]) нашего, почившого въ блаженихъ преосвященого Іоанна, оберѣгая прилѣжно излишного кошту. И мнѣ доволно будетъ зъ духовнихъ людей іеромонахъ единъ честний и при немъ диякони два, да зъ мирскихъ котори бъ могли прочитати и пропѣти чоловѣки три или чотирѣ. Зъ ризницѣ сакоси два свѣтлии и травернии [4]) и прочее къ тому надлежное. Поизди такоже неизлишнии: берлинъ единъ, зъ лошадей пару и къ онимъ на пе-

---

и документахъ, относящихся къ исторіи Кіевской духовной академіи», Кіевъ 1904 г. отд. 2, т. I, ч. 2, и у Д. Вишневскаго «Кіевская академія въ первой половинѣ 18-го столѣтія», Кіевъ 1903 г.

[1]) О пекинскомъ періодѣ жизни Гервасія см. «Православная миссія въ Китаѣ» іером. Николая Адоратскаго («Православный Собесѣдникъ» 1887 г., ч. 2-я).

[2]) Извѣстіе Строева («Списки іерарховъ», Москва, 1877 г.) о томъ, что Гервасій въ 1757 г. занималъ нѣсколько мѣсяцевъ должность настоятеля черниговскаго Елецкаго монастыря, врядъ-ли достовѣрно.

[3]) Антецесора—предшественника по управленію переяславской епархіей.

[4]) Т. е. 2 саккоса—1 свѣтлый, праздничный и 1 траурный.

ремѣну пара другая. Спалню такожде зъ перемѣною лошадей, верхнихъ доволно два. Наипаче же взять зъ собою чоловѣка вѣжливого въ писмахъ и въ дѣлахъ приказнихъ; водка добрая ганишкая [1]), такоже и сочнихъ вишневихъ и сливнихъ велми потребнихъ, котории могутъ вмѣсто виноградних винъ гораздо послужить. Отправите же зъ обозомъ вѣжливого человѣка, который и прежде сего бивалъ въ Москвѣ и знаетъ поступокъ. Приезжая же къ Москвѣ, ставъ въ разстоянии отъ Москви и прислати передъ въ домъ его преосвященства преосвященого Іларiона Крутицкаго загородни Крутицкий и объ томъ извѣстити. Прежде же объ всемъ отправленомъ взять виписъ зъ канцелярии зъ Глухова. Когда же будетъ прыбитие въ Москву въ небытии моемъ въ Москвѣ, то мене тутъ и дожидатися до возвращения зъ Питербурга. О другомъ же я надѣюся и на разсужденія вашихъ превелебностей полагаюся. Вашихъ превелебностей отцевъ и возлюбленихъ о Христѣ братии моея всепокорный слуга Хинскій архимандритъ Гервасій Л. Мая 5 дня, 1757 года Москва» [2]). Это письмо было получено въ Переяславѣ 23 мая, а 30 мая получилось другое, въ которомъ Гервасій просилъ поспѣшить—«скорѣе оную виправу здѣлати и отпустити къ намъ», такъ какъ «прежде прибытія отправленія» изъ Переяслава онъ не предполагалъ ѣхать изъ Москвы въ Петербургъ. Первая «виправа» отправлена была къ Гервасію въ Москву въ іюнѣ, а въ августѣ, уже въ Петербургъ, снова былъ посланъ изъ консисторіи посланецъ—іеромонахъ Меркурій Севериновъ, повезшій, между прочимъ, съ собою къ новопоставленному епископу «перепусканного вина 15 вѣдеръ, да простого 15 вѣдеръ» [3]).

---

[1]) Вѣроятно, ганусковая, т. е. анисовая.

[2]) Это письмо найдено нами въ архивѣ Полтавской духовной консисторіи. Вслѣдствіе хаотическаго состоянія дѣлъ въ этомъ архивѣ, равно какъ и въ архивахъ Кіевской духовной консисторіи и Переяславскаго Вознесенскаго монастыря, мы лишены возможности дѣлать указанія на №№, связки и шкафы.

[3]) Тоже въ архивѣ полтавской духовной консисторіи.

23 іюля 1757 года въ Петербургѣ состоялось нареченіе, а 27 іюля въ Петропавловскомъ соборѣ хиротонія Гервасія во епископа переяславскаго и бориспольскаго. На епархію Гервасій прибылъ только къ ноябрю. Въ то время епархія переяславская составлялась изъ частей нѣсколькихъ нынѣшихъ губерній—полтавской (въ уѣздахъ переяславскомъ, золотоношскомъ, пирятинскомъ и кременчугскомъ), кіевской (въ юго-восточныхъ уѣздахъ), херсонской (сѣрово-восточная часть) и екатеринославской (небольшой клочекъ земли въ сѣверо-западной части). Епархія была обширна, но бѣдна. Насколько бѣдна была переяславская епархія, видно, напримѣръ, изъ дѣла объ учрежденіи въ епархіи переяславской особаго кошельковаго сбора въ 1763—64 гг. [1]).

Консисторія и протопопы представили епископу Гервасію, что учрежденіе новаго кошельковаго сбора немыслимо въ переяславской епархіи, при чемъ ссылались именно на крайнюю бѣдность церквей. Управляющіе монастырями сообща донесли Гервасію: «Здѣшней епархіи вашего преосвященства монастирѣ находятся въ скудости и обветшаніи». При этомъ каждый изъ нихъ представилъ подробное донесеніе о состояніи своего монастыря. Настоятель каѳедральнаго переяславскаго Вознесенскаго монастыря объяснялъ такъ: 1) тяжелымъ бременемъ на монастырь ложится содержаніе семинаріи, такъ какъ ея «учителы на произвожденіи денежнаго жалованья и на всей пищи катедралной содержатся»; 2) монастырь сильно пострадалъ отъ пожара 1748 г. и еще не оправился до этого времени (1764 г.)—«какъ трапезы, колокольнѣ, такъ и ограды не имѣется въ немъ крайнѣ; 3) учрежденіе въ Малороссіи въ 1755 г. таможенъ лишило монастырь доходовъ ежегодно на сумму 477 р. 85½ к.; 4) въ 1763 г. гетманъ отобралъ монастырскую вотчину при селѣ Лозовой; 5) хотя другія вотчины при монастырѣ имѣются, но онѣ малодоходны «по внѣшнимъ народнимъ отягощеніямъ, а паче чрезъ всегдашніе

[1]) Сборъ предназначался «на возобновленіе и снабженіе неимущихъ монастырей и церквей, въ Польшѣ находящихся». См. въ архивѣ старыхъ дѣлъ при Кіевской духовной консисторіи.

армейскихъ полковъ переходы» и постои, обусловливаемые близостью границы; 6) «многіи зъ старшинъ и козаковъ завладѣли неналежно многими грунтами», монастырю принадлежащими, вслѣдствіе чего возникли судебныя тяжбы, причиняющія немалые убытки. Игуменъ Михайловскаго переяславскаго монастыря доносилъ, что обитель эта «и съ начала своего основанія за малость земель, подданихъ и угодій снабдѣніе получала и препитаніе болше съ милостины», «нынѣ въ крайнее обнищаніе пришла съ того наипаче», что въ 1757 г. козаки села Помокель отняли у монастыря принадлежащую ему степь, а въ 1764 г. также—лѣса, поля и сѣнокосы; «ветхія строенія, которія въ нутрѣ онія обители находятся, требуютъ подчинкы и перестройкы», между тѣмъ средства обители таковы, что нечѣмъ и братію «препитать», а тутъ еще приходится на семинарію отпускать ежегодно—«пшона четверть, сала пудъ, масла пудъ, сира вѣдеръ пять». Правящій золотоношскимъ Красногорскимъ монастыремъ писалъ, что этотъ монастырь «въ крайней скудости и ветхости находится нынѣ и всего вновь строенія требуетъ», въ кельяхъ «великая вездѣ течь» бываетъ во время дождя; жаловался на «малолюдное число подданихъ и скота» монастырскаго, на то, что принадлежащія монастырю мельницы на рѣкѣ Золотоношѣ лѣтомъ не работаютъ «по причинѣ изсихающей тогда воды»; между тѣмъ, ежегодно на семинарію монастыремъ отпускается «пшона четвертей двѣ съ половиною, сала пудовъ два, масла коровьего пудовъ два, сира вѣдеръ десять».—При бѣдности монастырей и церквей епархіи доходы переяславскаго архіерея были крайне скудны,—это видно, напримѣръ, изъ переписки епископа Гервасія съ митрополитомъ кіевскимъ Арсеніемъ Могилянскимъ, относящейся къ 1764 и 1765 годамъ [1]. Митрополитъ Арсеній вслѣдствіе «приключившейся немощи» «въ такое слабаго здравія состояніе пришелъ, что черезъ нѣсколько времени и священно-

---

[1]) Переписка эта сохранилась въ старомъ архивѣ Кіевской духовной консисторіи, частію-же въ архивѣ Полтавской духовной консисторіи.

служенія имѣть не моглъ»; поэтому онъ обратился къ Гервасію съ просьбой о рукоположеніи послѣднимъ ставлениковъ Кіевской епархіи. Гервасій отвѣтилъ, что хотя «людей къ служенію свободнихъ» онъ не имѣетъ и «отъ дѣлъ другихъ къ показанному отривать» ему придется, тѣмъ не менѣе изъявилъ полную готовность «услужити» кіевскому владыкѣ.

Въ благодарность за услугу Арсеній послалъ Гервасію «маленькій презентикъ десять червонихъ» при письмѣ отъ 11 сентября 1764 года, въ другой разъ послалъ «тростку гебанову». Гервасій за подарки горячо благодарилъ,—«столко одолженъ вашимы милостмы»—и со скорбью указывалъ на скудость своихъ матеріальныхъ средствъ, не позволяющихъ отблагодарить,—«наши обстоятелства неважніи знати изволите», и добавлялъ: «стижуся, ибо самъ чимъ достойно благодариты не умѣю»; въ заключеніе просилъ еще присылать ставленниковъ.—Сборы съ епархіи, назначавшіеся на содержаніе архіерейскаго дома и семинаріи, получались крайне неисправно. Въ 1761 г. крайнее пришло оскудѣніе въ семинаріи въ харчахъ», такъ что «учениковъ нѣчимъ покормить» было, вслѣдствіе чего Гервасій вынужденъ былъ, разослать по епархіи строгія предписанія выслать неприсланное въ семинарію съ 1750 по 1761 гг. [1]).

Прибывъ къ началу октября 1757 года на епархію, Гервасій съ чрезвычайною энергіею принялся за дѣла епархіальнаго управленія. Вскорѣ по прибытіи, 13 января 1758 г., онъ издалъ окружное посланіе къ своей новой паствѣ [2]). Въ этомъ обширномъ посланіи Гервасій является предъ нами пастыремъ ревностнымъ, для своего времени высокообразованнымъ и гуманнымъ. Къ священникамъ онъ предъявляетъ, главнымъ образомъ, требованіе—быть заботливыми блюстителями своего храма и свѣтомъ для темнаго люда, просвѣщающимъ его словомъ назиданія, благоче-

---

[1]) См. въ архивѣ при переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.

[2]) Напечатано—«Маякъ» 1843 г. т. XI, стр. 122—132; а съ нѣкоторыми измѣненіями—въ видѣ «наставленій» въ «Странникѣ», 1872 г., августовская книжка.

стивымъ житіемъ и дѣлами благотворительности.—Въ 1758, 59 и началѣ 60 года Гервасій предпринялъ рядъ поѣздокъ по епархіи для ознакомленія съ нею. Предъ глазами его встала печальная картина небрежности и невѣжества пасущихъ, духовной тьмы пасомыхъ. Эти наблюденія вызвали Гервасія на другое пастырское посланіе, которое, какъ нигдѣ еще ненапечатанное, мы здѣсь и приводимъ [1]).

Божіею милостію православній Гервасій епископъ переяславскій и бориспольскій.

Сего настоящого года по должности нашей пастирской мы, пастиръ, во многихъ церквахъ градскихъ и селскихъ имѣли посѣщеніе и смотреніе и едва где усмотренно нами въ онихъ церквахъ, чтобъ тое было, что Духъ Святий псаломникомъ повелѣваетъ, что дому Господню подобаетъ святиня, сіе есть всякая чистота, благочиніе, благолѣпіе, благоговѣніе, но тому противное: гнюсности, мерзости, нечистоти во храмахъ Божіихъ какъ внутръ ихъ, такъ и внѣ ихъ, священнослужители же онихъ церковъ, иніи невѣжествомъ будь би то не знаютъ, какъ чистоту онихъ, какъ благочиніе содержати, другіе противо обличающей и вопіющей совѣсти сіе или иное суетно и бездѣлно во оправданіе безстудно приносятъ, и всѣ они по правому ума разсужденію, много же паче по совѣсти и по нелицемѣрному Божію суду безсовѣстни, всѣхъ же ихъ виновнѣе предпоставленіи надъ ними власти протопопи, съ которихъ нѣкоторіе нѣкако, хотя и не равно наказанни, хотя не по равенству своего нерадѣнія и несмотрѣнія, всячески въ своей должности нерадиви и несмотреливи, ниже предъ очеса своя приводятъ онаго Божія угроженія: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, и хотя праведно надлежало за вишше показаннія причини по правиламъ святихъ наказивати и не послабляти, обаче еще хотя мнимому невѣжеству снисходя и вѣдущимъ да не творящимъ на время нѣкое послабленіе преподается въ подтвержденіе прежнихъ нашихъ наставленій о чи-

---

[1]) Найдено нами въ бумагахъ частнаго лица.

стотѣ и благолѣпіи Божіихъ церквей симъ доволнимъ наставленіемъ изъясняемъ.

1.

Всемѣрно неотложно и всѣми возможными образи Божія церкви ветхія обновляти и которія точію начинають ветшати и порчъ малую имѣти, тотъчасъ во всякой порчъ малую малимъ коштомъ исправляти и до болшой порчи и кошту не допускати, и хотя новіи будуть создани, то спустя годъ абіе ихъ ради предохраненія омаліовати, когда жъ хотя бы где теча малая показалася, тотъ часъ задѣливати, понеже и малая теча, отъ времени до времени вознерадѣнная, великій вредъ и коштъ причинить.

2.

Внѣ предъ церковними дверми помости древяніе подѣлати, каменей же мелничнихъ не полагати, какъ у многихъ мы видѣли, ибо неприлично тое есть церкви, мелницамъ же свойственно. Вокругъ храмовъ, начавъ отъ церковныхъ подвалинъ землю посравнивать и дерномъ викласти, пригоже тако жъ и цвинтари, мѣста святія, на которихъ святіи храми Господа и Вседержителя стоять, свято, чисто и благоговѣйно сохраняти, ями и могили посравнивати, бурянамъ рости не допущати и въ лѣтѣ часто викошивати, пристойно же и благопріятно есть цвинтари святіи древами благосѣновними и благоовощними во благолѣпіе святини и въ отраду и прохлажденіе приходящихъ порядочно насаживать, ограде же всячески по возможности, обаче не гнюснія, окрестъ святилищъ потребно имѣти.

3.

Внутръ святихъ церквей такову чистоту и благолѣпіе содержати: внутръ божественнихъ олтарей престолы во указную мѣру поставити, какъ висотою, широтою и долготою, наипаче въ разсужденіи великости или малости олтаря, украсити по возможности имущества шолковими или бѣлими чистими холстяними

индитіями и покривалами, обаче гладко би и украшеніе тое дѣланно из разсужденіемъ, что и где приложити; степеней окрестъ престола опасности ради въ дѣйствіяхъ священнихъ не полагати. На божественномъ престолѣ таковимъ токмо вещамъ подобаетъ полагатися: святѣйшая дароносица съ пребожественными дарами, евангеліе, крести, антиминсъ, подсвѣщники со свѣщами, потирѣ, воздухи и воздушки; кромѣ же сего иное ничто же, мѣсто бозѣло свято и страшно есть, на немъ же Сидяй на херувимѣхъ превишше небесъ на престолѣ величества почиваетъ, и ниже книги церковніи какія либо, ниже служебныя. Видѣхомъ нѣкіихъ неразумливихъ и ужасохомся, которіи шапку, очки, рукавецъ и прочая полагали, имже зѣло угрозихомъ и запретихомъ сего жестоко, и отъ казни едино ихъ безуміе едва свободитъ. И жертвеннику божественному воздавати подобаетъ, ниже общихъ просфиръ, кромѣ приношенія, полагати за жертвенникомъ, какъ за обичай отъ глупой увелось простоти, ради умитія рукъ уліи или придѣланнія умивальници не держать, дѣръ въ помостѣ не дѣлать, и тамо рукъ не умивать, и ручниковъ не вѣшати, и во всемъ олтарѣ никакихъ поличокъ и вѣшалокъ не придѣливати, ибо оная олтарная запрестольная часть церкви всѣхъ прочіихъ частей есть честняе и святяе, понеже здѣ есть сѣдалище горное, еже есть престолъ онаго великаго, прошедшаго небеса и сѣдящаго одесную Бога Отца Архіерея, его же ради и служители Его благоговѣніе архіереи благоговѣнія ради мѣста не смѣютъ въ сидѣніи приближатися или посѣдати, есть же оное мѣсто и чело всего святилища, чего для надлежитъ его всячески украшати; огнь потребъ ради олтарнихъ въ пристойнихъ блюдахъ глинnихъ держати на желѣзномъ триполькі; всячески же и неотложно при всякомъ олтару придѣлати камарки, и въ тѣхъ всякіе церковніи олтарніе и всякіе вещи, огнь, угліе, воду и кадило, свѣщи и протчое все содержати, храмъ же Божій, паче же олтаръ божественній весма били би чисти и отъ показаннихъ вещей праздни. Проскомидіи печатніи, какіе гдѣ имѣются, честно подклеити и въ рями оправити, неподалъ жертвенника повѣсити или малими гвоздочками прибити. Катапетасма надъ дверми царскими

также била би чиста, на колцахъ малихъ пристойнихъ желѣзнихъ или мѣднихъ, на прутки желѣзномъ випиляномъ гладкомъ, а не на крученомъ повѣшенна, которая когда открывается шуму и звуку не дѣлала бъ, но тихо би открывалася.

4.

Внутрь святилища, си есть внутрь храма или церкви, елико возможно иконостаси всякою возможностію краснія разумнаго изобрѣтенія, икони же доброю живописею устрояти и въ дѣло онихъ никакого либо невѣжу майстра, столяра такожъ и икономаза, но вѣжливихъ майстеровъ взисковати; хотя ради ихъ исскуства и кошту болѣе что прибавити, въ якомъ дѣлѣ священники селскіи, а хотя би и градскіи, мало вежливіи таковихъ художествъ, должни зъ розумними въ томъ дѣлѣ съ искусними совѣтовати и ихъ совѣтъ пріймати и не только би чтобъ что ни есть въ церквѣ было, но било би красно и удало, и все намѣреніе на тое обратити, чтобъ церковъ Божію въ красоту привести.

5.

Подсвѣщники болшіе, которіе предъ намѣстними иконами или предъ другими поставляются, должни имѣти съ тѣми иконами пропорцѣю или возмѣріе, то есть не високи столко, сколко би могли икони онія закривать и отъ людскаго зрѣнія заслоняти; но мѣрою били би такови: верхнія блюда, на которихъ свѣщи поставляются, били би висотою точію противу икони ногъ, или края одежи, на блюдѣ же онѣмъ поставленніи свѣщи, хотя мало и заслоняютъ очесъ икону, обаче не столко, какъ самія подсвѣщники или свѣтилники, какъ то ми во многихъ церквахъ видѣли, оніе же подсвѣщники или свѣтилники по имуществу казны церковнія били би деревяннія, рѣзаннія, а хотя и точеннія, обаче пригожія, не гнюснія и красками викрашенія, такожде и станки желѣзніи на блюдахъ для уставленія свѣчъ утвержденія, не грубо бы отъ кузнеца неумѣлаго здѣланніи, но художно нѣкако, оніи же подсвѣщники всегда чисто содержати, не омаліовати, не обжигати, свѣщами ниже сажою оторванною марати, какъ то и гнюсніи

невѣжи священники и пономари заобикли, и свѣщи поставленніи на свѣщницѣхъ всегда въ чистотѣ хранити, течи воцанія гладко ножами оскобливати, и прилѣпками на прилѣпки не запаскуживати.

6.

Столци, на которихъ икони или евангеліе ради цѣлованія народу полагается, таможъ имѣли би къ народу и разному возрасту пропорцѣю, или возмѣріе, на которихъ когда ради цѣлованія евангеліе или икони предлагаются, удобно би и безъ трудности отроковъ и юношъ средній и младолѣтній возрастъ возмогли бы досязати цѣлованіемъ; украшати же и сія столци по имуществу церковнаго имѣнія, обаче пристойно, честно и пригоже, а не гнюсно было бы, и на сихъ столцахъ всегда облеченіе и покривала чистіе и незамараніе и убраны вѣжливо и красно.

7.

Аналогіи, на которихъ святіи кныгы чтенія ради предпоставляются, надлежитъ имѣти такожде честно и художно точенныи или инако, единаче художно содѣланныи и висотою въ пропорцею меншихъ и болшихъ четцовъ, не билобъ имъ въ чтеніи такожде неудобства, и покривати я не гнюсними какими кожами или загнюшенними платами, но хотя и кожею, но красною, доброю или матеріею какою чистою и честною.

8.

Клироси, в которихъ поютъ пѣвцы, не гнюсно жъ бы и нерадиво, какъ то во многихъ церквахъ видѣли есмы овъ на овую, другій же на другую страну поваленніи и развращенніи, но майстерно и красиво устроеніи; внутрь же или внѣ клиросовъ мѣста пристойніи ради полаганія или спряту книгъ церковнихъ; столци или шафки тому приличніи покрити такожде какими покривалами, да не нагимъ деревомъ книги отиралися бы и портилися, во чтеніи же онихъ и употребленіи дячкамъ и четцамъ о храненіи онихъ крѣпко и крѣпше приказать и того самимъ же священникамъ воспрілѣжно наблюдати.

9

Которія церкви древяними помостами или цегелними вимощени били, по времени онія осѣли, помости же вишшереченнія поднялися вгору, чего для и дверемъ церковнимъ не свободно есть отверзеніе и ходъ, такожде и онія самія доски въ великомъ неравенствѣ начали бити и хожденію народному опасно мѣшаютъ. Нѣкоторіе же неразумци священници по неразумію и неразсужденію грубому двери церковнія добрія ради вознесшагося помоста понадрубовали и попортили; землю, на которой такіи помости застряли, виносивъ, помости опустити застряліе и равностію всяческою сравнити, а дверей бы церковнихъ безумно не портити, и ямъ ради хода двернаго не продѣловати, помости же показанніи, гладко и чисто вимощеніи, почасту смивати, иногда же чисто смѣтати или витирати.

10.

Икони въ храмѣхъ Божіихъ имѣти спотребу токмо, и тіе имѣти, какъ древній обичай церковній, содержать въ иконостасахъ расположенніи такожъ и на стѣнахъ въ лѣпоту и чиннимъ расположеніемъ расчиняти съ разсужденіемъ, гдѣ коимъ иконамъ бить пристойно, и въ томъ разсуждати священникамъ и чего они разсужденіемъ не дойдутъ, другихъ себе умѣлшихъ испросить, какъ въ пропорцію где что поставити, с чего благолѣпіе храму Божію будетъ приложено; злишнихъ же иконъ по сылѣ духовнаго регламента надъ икони не поставляти и не завѣшивати иконостасовъ и другихъ иконъ, какъ то намъ вѣдати по нѣскольку случилося, такожъ и не вѣшати на веровкахъ ово тамъ, ово индѣ, понеже тое не отъ благоразумія войшло, но отъ простоти и невѣжества, такожде и ко благолѣпію Божіихъ храмовъ не пособляютъ, но и предосужденіе и толкъ противній нѣкіимъ, паче жъ иновѣрнимъ, приносятъ, чего и правовѣрнимъ умнимъ не абіе удобно защитити; того ради благопристойнѣе естъ икони излишніи, оставивъ спотребу во благолѣпіе храма, во скудніе святіи храми распредѣлити; подобножъ и оніи завѣшанніи снявъ

или при стѣнѣ въ приличномъ мѣстѣ поставити, или буди нѣтъ мѣста, и онія також въ храми, которіе скудостію иконъ лишаются, во украшеніе отдати.

11.

Хотящіи отъ благоговѣнія ко Богу или святимъ Божіимъ въ честь ихъ какову икону купити въ какой либо храмъ, должни того храма священника спросится, какова икона храму тому есть нужна, и какія еще въ ономъ не имѣются. Священникъ же о томъ благоразсудивъ доволно, коей еще нѣтъ, или какая естъ потребна, дастъ совѣтъ и тотъ совѣтъ желающему икону купити пріймати, самоволніи же, ненужніи и излишніи священникамъ въ церковъ не принимати; понеже хотя кто и обѣтъ въ тому имѣетъ, то должно имѣть благоразсудно, и хотящіи пособити храму Божію должни пособити въ нуждахъ и потребахъ, а не безъ потреби, понеже что дѣлается безъ потреби, то дѣлается всуе и безъ ползи, ниже естъ противно обѣту желателя, понеже того обѣта естъ крайнее намѣреніе слава Божія, потому честь святихъ Божіихъ; святіи же Божіи взаимно толикимъ любве союзомъ соединенніи, яко егда почитаемъ единого, почитаемъ и другаго, почитаемъ и всѣхъ единого взаимъ соединенныхъ духа любовію, якоже егда чтимъ Бога, чтимъ и Его святія Богу духомъ и любовію и протчіимъ соединенніи по оному апостола ученію; прилѣпляйся Господевѣ единъ духъ есть съ Господемъ.

12.

Свѣщи приносніи возженніи и невозженніи до самихъ иконостасовъ и иконъ святихъ не прилѣпляти, но на свѣщницѣхъ, которія предъ иконами поставленни, оніи прилѣпляти или полагати, ибо таковіи свѣщи едва не вездѣ видимо, что иконостаси и икони ово портятъ, ово же обжигаютъ и сожигаютъ, да еще же отъ нихъ опасность возженія и сожженія храмовъ биваютъ; свѣщи, которія для отмѣни въ церковъ па продажу дѣлаются, били би вѣрно, необманно и чисто з воску чистого здѣланніи и неоскудніи, которія би достойни били бить внесени въ церковъ

и предъ святими поставлени, ибо кто в семъ обману купующимъ творитъ, велми на Бога и на ближнихъ согрѣшаетъ, всевидца Бога и простоту обманиваетъ, и сего ради сугубое пріиметъ осужденіе и сугубій бичъ и руку господню и паче онихъ во евангеліи показанних на себе почувствуетъ и третье наказаніе, и изгнаніе отъ лица Господня воспріиметъ, якоже и оніи, ихже Спаситель изгна и изверже изъ храма Іерусалимля.

13.

Икони какови имѣютъ писатися въ церковъ поелику можно писати ихъ искуствомъ живописнимъ, что бъ елико мощно лице писанное коего святаго имѣло би живость и красоту подобія человѣческого, да не худимъ и не грубимъ и неискуснимъ изображеніемъ отъято будетъ чести написаннаго лица, и поданна будетъ причина къ посмѣху и шуткамъ, худимъ толкамъ и соблазнамъ, яко то часто слишится въ народѣ и говорится, что вмѣсто великого Божія угодника святителя Николая худимъ безхудожнаго писателя майстерствомъ изображено медведя, такожъ и другихъ всесвятихъ и високихъ божественнихъ лицъ таковіи злохудожніи изображенія распорчиваютъ и обезчещаютъ, и буде таковіи безобразніи и злохудожніи икони имѣли би кто въ церковъ вносити, таковихъ священникамъ въ церковъ не принимать.

14.

При всякомъ приходу книгу пригоже оправленную въ кожу имѣти з доволною бумагою, которой би доволно било на уписаніе вещей церковнихъ, на лицо имѣющихся и вновъ прибилныхъ, въ оную книгу всякія церковнія вещи, какія би они ни били, по различію вещей разніи надписи болшими лѣтерами надписавъ, и подъ тими надписами вещи тимъ надписомъ прислучающія вѣрно и обстоятелно по примѣтамъ вещей означая, уписовати, вещи же уписуемія таковія: всякія утвари, ризи, подризники, епитрахиліи, потирѣ, дискоси, звѣзди, кадила, лямпади и что либо имѣется, книгу же показанную шнуромъ противъ печатію протопопскою опечатати и рукою онаго жъ по листамъ закрѣпити

и вѣчно при церквѣ въ добромъ сохраненіи между оними жъ вещами въ сундуки содержати и отъ потерянія велми беречи.

15.

Кромѣ же вишшепоказанной книги, другія имѣти шнуромъ же прошитія и печатію протопопскою запечатанная поежегодніи книги, и оніи на двѣ части раздѣливъ; въ едную часть значала всякіи церковніи приходи денежніи, такожъ и свѣщи и ладанъ отъ приношенія биваемая записивати ясно и обстоятелно по мѣсяцамъ, когда сколко чего пройдетъ, и того ради первую книги часть на двѣ статіи раздѣлити: въ первой приходъ денежной, откуду и с чего, ясно и обстоятелно означати; в другой же статіи другихъ вещей, то естъ свѣчей и ладану записивати. Другую же часть книги показаннія такожде на двѣ статьи раздѣлити: в первой еденъ расходъ денегъ со изявленіемъ обстоятелно писати, в другой же статіи расходъ свѣчей и ладану означати.

16.

Священникамъ и діяконамъ во время отправленія божественнія литургіи в первомъ входѣ, идя с олтара з святимъ евангеліемъ, мирскимъ лицамъ подносити евангеліе ради цѣлованія есть против обичаю церковному и не по уставу и того ради впредъ не дѣлать, ибо которіи священники тое дѣлаютъ, то или отъ незнанія, или отъ ласкательства; во уставѣ же церковномъ кому и когда подносити показанно, чего же не показанно, самоволнимъ и не разсуднимъ мнѣніемъ того не дерзати дѣлать.

17.

Между пѣніемъ херувимскимъ на великомъ входѣ по формѣ, в служебникахъ показанной, высочайшое Імператорское имя, такожъ и височайшія императорскія фамиліи имена какъ показанно возносити, такожъ иное, которое указомъ показанное на своемъ мѣстѣ возносити, такожъ и другія таможъ показаннія, иныхъ же самоволно никакихъ не причиняти и сверхъ видѣнія

и повелѣнія святѣйшаго синода собою ничего не прибавляти, ибо таковое дерзновеніе подлежати будетъ опасности истязанія.

18.

Священници и діякони когда съ олтара или во святилищи людскомъ преходя кадятъ, или когда врата отверзаютъ, или когда миръ глаголютъ народу, не должни имъ кланятися, какъ то невѣжи въ обичай себѣ приняли и затвердили; ибо правило собора карѳагенскаго седмое на десятъ всѣмъ клирикамъ того запрещаетъ; паче же противно естъ священнику, в дѣйствіи литургіи лице Христово на себе образующему.

19.

Всякъ какій ни будь священникъ долженъ естъ санъ свой великій, отъ благодати Божіей на него положенній, чувствовати и прилежно честъ онаго побѣрегати, да не его неразсужденіемъ повреждена будетъ честь онаго и похулится похуленіемъ, чести возложивій на него сицево великолѣпіе Духъ святій. И того ради, аще гдѣ будетъ іерей позванъ какимъ либо образомъ въ домъ каковъ, въ которомъ имѣетъ бить сана его поврежденіе какимъ либо презрѣніемъ, впредъ тамъ не ходить; не подобаетъ же священникамъ людемъ таковихъ дѣлати прислугъ и учинностей, которіе безчестятъ или умаляютъ, или предсудительство кое-либо сану и чести его приносятъ. Должни іереи время молитвъ или правилъ церковнихъ вечернаго, утренняго, наипаче божественнія литургіи крѣпко беречи, не пропущати, понеже и то естъ велми противно правиламъ и уставу церковному, и буди тое на кого будетъ донесенно, по тимъ же правиламъ безъ всякихъ извиненій будетъ наказанъ. Слишимъ бо по нѣсколку, что нѣціи малодушніи и ласкающіися священници во время литургіи подобное и уставленное съ приказу нѣкіихъ владѣлцевъ продерживаютъ и пропущаютъ въ неподобное и позное время, и тако человѣкомъ угождающе, волѣ и повелѣнію Божію злоугождаютъ.

20.

Какъ въ ветхой моисейской, такъ и в Христовой Божественной Церкви места ради моленій священникамъ мѣсто—святая святыхъ, мирскимъ же людемъ святилище, глаголюще святое людское, Богомъ, апостоли и богоносними отцы естъ опредѣленно; и того ради священницы во моленіяхъ должни на своихъ во олтарѣхъ святихъ мѣстахъ предстояти и молитися; такожде и мирскіи во святомъ людскомъ пребивати и молитви возсилати, да не повреждено будетъ оное божественное богоносныхъ отецъ уставленіе и правила, которіе мирскимъ велми запрещаютъ входити во святій олтаръ; ниже мирстіи власти да вредятъ своея совѣсти непщеваніемъ фарисейскимъ, мняще себе предъ лицемъ Божіимъ во общемъ моленіи лутшихъ и святшихъ бити паче общаго во святилищи людскомъ предстоящаго народа. Не подобаетъ мирскимъ людемъ, еще и властемъ, при олтарнихъ дверехъ стоя, дерзновенно приближатися къ престолу, и чрезъ двери на вся дѣйствуемая божественіи тайни взирати, ибо нѣкая таинства явно предъ очеси всѣхъ предстоящихъ бываютъ отправляемая, другая же отъ очесъ людей мирскихъ дверми и завѣсами укриваются, и сіе божественное апостолское и древное богоносныхъ отецъ преданіе вся православная восточная церковъ, опасно и до нинѣ сохраняетъ. И того ради камарки, въ которихъ прежде бивало показанное мирскихъ людей стояніе, опредѣлите на содержаніе церковнихъ потреби къ спряту утварей, свѣчъ, огня, води и протчаго; мирскимъ же всякаго чина людемъ отъ нинѣ при дѣйствіи божественнія литургіи въ нихъ не стояти, стояти же въ общемъ святилищи людскомъ, яко же Богомъ и богоносними отци есть повеленно.

21.

Всѣмъ священникамъ крѣпко смотрѣти и наблюдати, дабы нищіи и калѣки притворніи между сущіе нищіе и калѣки не мѣшалися и не почиталися, и притворнихъ, крѣпкихъ и могущихъ себе и другихъ промислами кормити и снабдѣвати, имати и въ

приказы отсилать по указомъ, сущимъ же калѣкамъ и нищимъ приказовать трезво, свято и честно жительствовати и имѣть объ нихъ попеченіе. Во время же моленій церковнихъ, а наипаче же литургіи не допущать имъ внутръ храмовъ Божіихъ сноватися, помѣшивать молитвы и стужати, о чемъ всемъ показанномъ многіе указы Святѣйшаго Правительствующаго Синода отправлены.

22.

Во всякомъ приходѣ при всякой церкви всякъ священникъ имѣлъ бы честнихъ и вѣрнихъ себѣ и радѣтелнихъ трехъ человѣкъ: 1) ктиторъ отъ всего прихода опредѣленій, и другіе два, съ которими би священникъ совѣтовалъ и прилѣжалъ о добрѣ церковномъ, и они би зъ священникомъ вси все церковное имѣніе, какое либо у тоя церкви имѣется, такожъ и приходи и всякіе малѣйшіе расходы вѣдали, и напрасно и безвѣстно нѣкому би, ниже священнику и безъ вѣдома ихъ не допущали расточати, но когда би церковная какая нужда востребовала, то священникъ с ними, они же со священникомъ согласно посовѣтовавъ, с казни или съ чого-либо церковнаго взимали и на тое употребляли; и повсягодно книги своя приходовъ и расходовъ исчисляли и очищали, и когда что-либо и малѣйшое кимъ било потерянно или испорченно, безъ послабленія би взисковали, и на самихъ тихъ же священникахъ отци протопопи всякъ въ своей протопопіи вѣдали о имѣніи всякомъ при церквахъ вѣдомства ихъ имѣющомся, такожъ и о цѣлости онаго или убели; и оную на комъ надлежитъ принуждали би взисковати, и ежели би якое въ томъ доправленіи явилося препятствіе, доносили архіеревѣ или консисторіи.

23.

Древній святій и достославній христіянскій обичай свято и благочестно скончавшихся христіянъ свѣтло и нарочито елико возможно естъ погребеніе чинили, керимонѣями [1]) и благолѣпіями

---

[1]) Т. е. церемоніями.

внѣшними украшали, и не точію во христианехъ, но и въ невѣрнихъ, честнихъ и человѣчнихъ, тоежъ обикновеніе велми прилежно отправляется; въ мѣстахъ же нашихъ грубость застарѣлая зъ обидою святих о в Бозѣ христіянъ почившихъ зѣло затвердѣла, умершія како-либо мало нѣчто отъ скота разлѣчно тѣлеса вѣрнихъ погребати, з чего срамніе иновѣрнимъ толко происходятъ на поруганіе вѣри святія, усопшимъ же святимъ христіяномъ во безчестіе; того ради надлежитъ ради погребенія при всякой церкви пристойнія тому имѣти орудія.

1. Чистіи и покрашенніи носилки или мари.

2. Внутръ тихъ носилокъ постилати чистый коврикъ или килимецъ, на коемъ гробъ или труну съ тѣломъ поставляти, потомъ покровъ или сукно чистое и честное, и по возможности богатое, не ветхое и не дѣравое и не загнюшенное, какъ то едва не при всѣхъ церквахъ ми видѣли, которимъ по верху тѣло покривати, имѣти же и свѣщи для провожденія усопшихъ, которія предносити усопшимъ. Въ тѣхъ же керимонѣяхъ священникамъ съ клиромъ благоговѣйно, умилно и учтиво поступати, чтенія и пѣнія учтиво отправляти, народъ ко провожденію увѣщати и возбуждати. Учити же народъ простой не просто и не безъ пользи въ томъ провожденіи ходити, но коликое что кто вѣдаетъ о преставшемся моленія Господу приносити купно со священниками и клиромъ, сихъ бо ради винъ какъ священници с клиромъ такъ и мирстіи вси ко провожденію собираются, во еже усопшихъ душамъ чимъ кто можетъ пособити.

24.

Въ здѣшнѣхъ нѣкоторихъ церквахъ православнихъ, мню за невѣжество и за нерачителство апостолскихъ и церковнихъ правилъ, внійде обичай, что христіяне, творяще поминанія усопшимъ, приносятъ ястія различная, в которихъ пероги з сиромъ и другими вещми, паче же и мясивами начиняннія, паче же и самія мяса различная приносятся, и внутръ святилища, си есть во святое людское вносима биваютъ, идѣже священници надъ сицеви вещми поютъ панахиди малія или болшія, что и в наши

церкви и тѣхъ же ради показанних винъ внійде; сіе же естъ грѣховно, еже вносити таковіе вещи во внутрное святилище церкви Божія, велми бо сего правила апостолская запрещаютъ, священници же, сія попущающе, или невѣжествомъ обяти, паче же за лѣнивство не хотяще вникнути в правила апостолская и церковная, согрѣшаютъ и велми суть повинни, и того ради, какъ то донинѣ ни било, впредъ сего силою апостолскихъ и церковнихъ правилъ запрещаемъ, іереи впредъ дерзающе сія творити, тѣми жъ правилами имѣютъ бити осужденни. Мощно же таковому вещей вишеявленнихъ приношенію внѣ церкви въ притворѣхъ или предѣлѣхъ церковнихъ бивати, лучше же сія тако дѣлати: внутръ святилища священникомъ отпѣвше понахиди, в домъ ихъ реченнія снѣди во память усопшимъ или для поминанія, или для милостини въ домъ ихъ посилати.

25.

Вещи божественнія и святіи почитаемія во всяко время и во всякихъ обстоятелствахъ суть свято и благоговѣйно почитаемія, славимія и превозносимія: тако знаменіе креста Господня спасителное, каково препрославленное и превознесенное почитаніе въ день праздника воздвиженія своего имѣетъ, таково преподавать и творить ему въ кія либо другія дни празничнія и общія подобаетъ. По сему жъ образу и божественнихъ и святихъ лицъ изображенія икони святія имѣть должни. Въ нашихъ же многихъ церквахъ или за неразсужденіе, или за невѣжество, какъ спасителнимъ крестнимъ знаменіемъ, такъ и з иконами святими дѣлается другое противное, кромѣ бо вишше явленнаго празника, крестъ святій видимо какъ въ церквахъ, такъ и въ протчихъ мѣстахъ едва что въ почтеніи или кромѣ всякаго почтенія биваетъ. Иногда бо показаннія святини сѣмо и овамо в презрѣнніихъ и нечестнихъ мѣстахъ, иногда же и в нечистихъ брошеннія и помараннія валяются, иногда же безъ почтенія какой-либо мірскій болшій или меншій и робята руками безъ разсужденія безчестно или малочестно обращаютъ, и о таковихъ случаяхъ священници, ихъ же дѣлъ есть всякими мѣрами чести Господнимъ святимъ подобающія хранити и соблю-

дати, имѣютъ отвѣтъ въ день онъ воздати, нинѣ же въ отвращеніе того и славу и прославленіе святинь Божіихъ сей образъ представляя, повелѣваемъ. 1) Когда спасителное знаменіе крестъ святій или святія икони потребно естъ народу предъявляти, или къ лобизанію представляти, то сами бъ священници или дияконы во облаченіихъ священнихъ, образомъ благоговѣйнимъ и всепочтеннимъ представляли и предполагали: мирскіи жъ дячки, пономари или школники робята того дѣлати не дерзали, какъ то доселѣ во время постовъ прежде пріобщенія таинъ божественнихъ дѣланно бивало, такожъ и въ протчія тому подобнія времена. 2) Когда священници божественними дари къ болнимъ ходятъ, священници в единой руцѣ потиръ со святинями, в другой крестъ святій носили би; пономари же, предъидя имъ, свѣщу и колоколъ въ рукахъ носили. 3) Въ праздники Рождества Христова, Богоявленія и свѣтлаго Воскресенія Христова, когда обичай есть славленія, когда священници похотятъ славити, мощно естъ точію для благоговѣнія креста Господня или святихъ иконъ имѣти на себе епитрахилій, благоговѣйно и всепочтенно в рукахъ противу персей онія носити, в домѣхъ же, вшедше, на пречестномъ и послашномъ украшеніи полагати и паки благоговѣйно взимати. Дячки же и школники безъ крестовъ и иконъ славили би, ибо слишимъ, паче же и видимъ, какови безчестія и поруганія святимъ знаменіямъ в показаннихъ случаяхъ дѣлаются. Въ показаннихъ случаяхъ церквей презвитерамъ своихъ церковниковъ обхожденія и поступленія крѣпко наблюдати, да безчиніями каковими либо народу соблазни не подадутся, за которія, яко началници и надсмотрители, имѣютъ подпасти истязанію. 4) Въ навечеріи Богоявленій священници съ церковниками когда по приходамъ для кропленія священнія води ходятъ и когда кто будетъ просити крестъ в домъ написати, какъ то завелося отъ нѣякого обичая в нашихъ мѣстахъ точію, в правилахъ же апостольскихъ и церковнихъ в требницѣхъ и уставѣ того не обрѣтаемъ, если бъ священници на мѣстѣхъ пристойнихъ и честнихъ, и честнимъ и пристойнимъ писмомъ написовали, дячки же и другіе школники, какъ то и нинѣ съ со-

блазнами и святаго изображенія презрѣніями и непочтеніями дѣлается, в мѣстѣхъ же не пристойнихъ, не писали би. Мощно же и во вся, яко отъ церкви не уставленнаго и не узаконеннаго, не писати, но точію води святія окропленіемъ в храмѣхъ и во всякихъ мѣстѣхъ доволствоватися.

26.

Священникомъ научати народъ и самимъ, показати благочиніе, каковое въ церквахъ Божіихъ восточнихъ содержится и в нашихъ нѣкоторихъ, когда божественному собщенію приступаетъ народъ, приступали бъ таковимъ образомъ: благочинно и благоговѣйно во время чтенія часовъ къ честному кресту и къ святимъ иконамъ прикладалися бъ всѣ хотящіи причащатися; егда же божественная литургія, благоговѣйно и со страхомъ стояли би до пѣнія канонника, во время же пѣнія предъ святими врати всѣ би стали чинами тако: первіе маліи, потомъ болшіи, потомъ еще болшіе и старіе и благовременно устроилися би, и егда святая врата отверзутся, уже тогда никакова смущенія и шатанія между ими не било би, но велика тихость и молчаніе, и тако егда глаголетъ священникъ молитву, всѣмъ видимо слишно и ясно будетъ, за священникомъ глаголати, егда же начнется причащеніе, тогда би сряду всякъ по единому, первіе маліи, потомъ болшіе, потомъ еще болшіе и старіе благоговѣйно и безъ всякаго мятежа с единія страни приступали, на другую отступали и отходили, приступая же согбенно крестообразно на персѣхъ имѣли би руки.

27.

При проскомисаніи священници, сверхъ уготованнихъ для проскомисіи обикновеннихъ просфиръ, з другихъ принесеннихъ со всѣхъ ихъ винимали би частицю и с воспоминаніемъ принесшаго имени полагали би на дискосѣ, ибо хотя и по невѣжеству священници с показаннихъ прочіихъ просфиръ частицѣ вынимая, куда-нибудь бросаютъ, или своимъ пономарамъ священнимъ или несвященнимъ велятъ дѣлати тое жъ, беззаконуютъ и велми согрѣшаютъ винъ ради сихъ, каковія удобъ благоразсуждающему

покажутся. Такожде когда священници на антидоръ просфири раздѣляютъ, надлежитъ раздѣляти просфиру, з коя агнецъ или болшая четвероугольная часть винимается или хотя другая какая-либо обаче з коя часть принесенна в жертву Богу на дискосѣ, можетъ ради антидору раздѣлятися. Да видятъ бо священници тайну сего, еже дѣлаютъ; проскомидія или приношеніе есть Господу Богу Вседержителю представленіе отъ человѣкъ трапези, в ней же вомѣсто всякихъ и разнихъ яствій первѣйшое, израднѣйшое и сокращеннѣйшое яствіе—хлѣбъ предлагается, иже суть частицы вся на дискосѣ полагаемая, вомѣсто же всякаго и различнаго питія сокращеннѣйшій и израднѣйшій и всеизвѣстнѣйшій напой—вино поставляемъ, и того ради весь прочій отъ реченнихъ частицъ оставшій хлѣбъ суть отъ трапези Божія остатки, избитки, укрухи и куски, чего ради великую честь и благословеніе онія остатки имѣютъ, и ми ихъ должни со великимъ благовѣніемъ во благословеніе наше принимати; и сего ради грѣхъ есть и не подобаетъ каковій либо хлѣбъ несвященній, какъ то сплошъ за невѣжество іерейское дѣется, къ оному таковому велми святому и благовѣйному примѣшивати, и народъ простій за благословеніе неблагословеніемъ обманивати.

28.

Предъ празниками святаго Спасителя нашего Рождества такожъ и святаго воскресенія священници, ходя прихода своего по домамъ и молитви и благословеніе подая, имѣютъ поступати тако: всѣхъ, яже въ дому обрѣтаютъ, з собою к моленію устроити, такожде молитву безмятежно и во молчаніи прочитати, такожъ отъ руки всему дому знаменіемъ креста благословеніе преподати, по всемъ же томъ нѣкакое краткое по разсужденію времени наставленіе и наученіе и ползованіе душевное удѣлати, напримѣръ: какъ крестимся, какъ персти кресту слагаемъ, каку молитву знаемъ, вѣдаемъ ли Господа Бога, люби Его, таковаго благодѣтеля, бойся прогнѣвати, худо не дѣлай, почитай родителей и прочая. И тако священници домамъ съ благословеніемъ и инія ползы имѣютъ преподати.

29.

Ради чистоти церковнія внутри нужнія таковъ священникомъ и народу подается: въ притворахъ или придѣлахъ внѣ или внутрь дверей нѣколикія вѣники держати, и когда священно и церковнослужители з двора внутръ притвора входятъ, тѣми би вѣниками обувъ блатомъ замаранній дочиста велми отирали, даби во время блата и каловъ церковъ гноями и блатами не марали и не сквернили, к чему и ввесь народъ отъ мала до велика увѣщати; и тако домъ Божій не толико внутръ замаранній будетъ гнюсомъ, церковникомъ же около очищенія храмовъ много будетъ облегченія.

30.

Всякъ священникъ отъ благодати Духа Святаго въ Божіи тяжаніи в семъ Господина своего Христа владики в приходѣ своемъ поставленъ естъ Божія тяжанія споспѣшникъ, Божія села экономъ, или искреннѣе и простѣе рещи, приказчикъ, по оному глаголу апостола: Богу споспѣшници есми, Божіе тяжаніе есте, души бо в приходѣ его сущія Божіе суть тяжаніе, великою цѣною, кровію Божіею куплени, и сего ради коликое имать о нихъ всѣми образи прилагать смотрѣніе, попеченіе и соблюденіе, воздаетъ бо о преставленіи своемъ отъ мала до велика отвѣтъ в день оный Господину онаго тяжанія. И того ради всякъ имѣетъ долгъ, кромѣ всякаго извиненія, вѣдати, кто есть всякъ приходжанинъ, каково его обхожденіе, каковъ к Богу, каковъ к ближнему, и когда что-либо порочное, неприемное Богу и закону Его противное на комъ явится, хотя би и слухомъ и отъ людскихъ повѣстей, не подобаетъ оставити и того всуе, но наединѣ, в дому ли его, или священникъ въ домъ свой призвавъ, ко исправленію увѣщати, показивати дѣла худость, закону противленіе, христіанству порокъ, и самой честности человѣческой непристойность. Творити же сіе не единожди, но многажди, покамисть о которомъ порочніи слухи носятся, исправится. Подобаетъ же іерею всякому приходскому всячески вѣдати, кто в

его приходѣ боленъ, и не дожидаясь, пока званъ будетъ, онихъ болнихъ посѣщати, утѣшительними словеси души болящихъ развеселяти, к совѣсти и разсужденію в житіи содѣяннихъ приводити, к покаянію и исповѣданію грѣховъ увѣщати, и тое не единожди дѣлати и не единому, но всякому; сіе бо есть заповѣдь Божія и должность священническая. И того ради священникъ, имѣя таковое знаніе о прихожанахъ своихъ, способнѣе будетъ имѣти случай нуждъ ради своихъ отъ прихода отлучитися; когда же понуждаетъ отъ прихода на день, на другій или на третій имѣетъ отлучитися, то хотя би в приходѣ и все било здраво и благополучно, вблизъ сущаго брата своего іерея просити для присмотру своего прихода до времени своего въ приходъ возвращенія; ибо хотя время показанное кратко кажется, обаче в томъ случаи много пакостей приносятъ, какъ то и прежде сего причини показовали, такожъ и нинѣ приносятся, которія и совѣстей іерейскихъ касаются, и подъ вини тяжолія ихъ приводятъ.

Вся сія ввишеписанная о благолѣпіи и чистотѣ и порядки церковномъ довлѣютъ и к прежнимъ нашимъ наставленіямъ и сія присовокупляются. И должни онія нашея епархія священники и діякони и причетници и вси благопослушливіи синове православнія церкви всячески исполняти и исправляти. И паче братія наша протопопи и намѣстники тое предъ дѣйствовати и другихъ увѣщати и понуждати; буди же кто в показанномъ и нерадивъ или ослушенъ покажется, не оставленъ будетъ безъ истязанія и чего достоинъ будетъ безъ наказанія, пастирски увѣщаемъ, молимъ и предостерегаемъ. Писано в обители нашей Святовознесенской, Переясловской, 1760 года, априля 28 дня. Выше именованній Гервасій епископъ».

Ежегодно чрезъ протопопскія правленія Гервасій напоминалъ священникамъ объ исполненіи ими пастырскихъ обязанностей, а также время отъ времени вызывалъ къ себѣ въ каѳедральный монастырь священнослужителей для священнослуженія и испытанія ихъ въ знаніи катихизиса; неискуснымъ въ священнослуженіи и незнающимъ катихизиса угрожало «немалое затрудне-

ніе» [1]).—Кромѣ того, еп. Гервасіемъ, особенно въ началѣ управленія Переяславскою епархіею, изданъ былъ цѣлый рядъ указовъ, преслѣдовавшихъ цѣли епархіальнаго благоустройства и повышенія умственнаго и нравственнаго уровня духовенства. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ [2]).

№ 1. Указъ консисторіи о непредставленіи для рукоположенія во священники лицъ, не окончившихъ класса риторики, и о порядкѣ пріисканія жениховъ для дѣвицъ, сиротъ священниковъ.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Настоящаго 1757 года, ноября 13 дня, его же въ Богу преосвященство господинъ Гервасій, епископъ Переяславскій и Бориспольскій, архипастиръ нашъ, труда и прилѣжанія въ семинаріи здешней учащихся учениковъ разсуждая, соизволилъ словесно опредѣлить,—учинить чтобъ отъ духовной его преосвященства консисторіи къ духовнимъ властямъ всѣмъ предложено было: впредъ никого не токмо изъ козачого или другого какова званія, но и священническихъ дѣтей, не обученнихъ до риторическаго ученія, къ полученію священства не представлять, а представлять тѣхъ только, которіе реторики обучени; а ежели в каковомъ приходѣ по измерших священникахъ дѣтей мужескаго пола не будетъ, а имѣтимутся женска пола, то вдовѣющимъ священническимъ женамъ представлять в духовную консисторію такихъ женскаго полу сиротъ, которимъ по усмотренію консисторіи изъ обучающихся въ семинаріи честнихъ и достойнихъ учениковъ, з засвидѣтелствованіемъ здѣшнея семинаріи префекта о ихъ добропорядочномъ состояніи и ученіи, опредѣленни имѣютъ бить в мужей съ надеждою удостоенія ихъ во священство. И по Ея Імператорскаго Величества указу и по опредѣленію его преосвящества духовной консисторіи приказали:

[1]) См. въ архивѣ Переяславскаго Вознесенскаго монастыря ордеры переяславскаго протопопскаго правленія.

[2]) Отысканы въ бумагахъ частнаго лица.

ко всѣмъ властямъ здѣшней епархіи духовнимъ, въ томъ числѣ и къ вамъ, послать сей указъ, которимъ предложить, даби ви впредъ никого не токмо изъ козачого или другого какова званія, но и священническихъ дѣтей, необученнихъ хотя до реторики, къ полученію священства не представляли, а представляли би тѣхъ токмо, которіе хотя риторическому ученію обучались; а ежели в которомъ приходѣ по измершихъ священникахъ дѣтей мужеска полу не будетъ, а имѣтимутся женска полу, то удовѣвшимъ священническимъ женамъ велѣли представлять своихъ дочерей в консисторію для опредѣленія имъ изъ учащихся въ семинаріи реторики учениковъ достойнихъ въ мужей съ надеждою удостоенія ихъ безотмѣнно во священство, и протопопу Басанскому Андрею Туманскому о томъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу 1757 года, ноября 27».

№ 2. Указъ консисторіи о представленіи къ преосвященному дѣтей духовенства свыше пятилѣтняго возраста.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи правителю протопопіи Бориспольской Стефану Деревецкому и протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Сего октября 8 дня, настоящаго 1759 г., его преосвященству господину Гервасію, епископу переяславскому и бориспольскому архипастиревѣ нашему, семинаріи Переяславской префектъ іеромонахъ Павелъ поданимъ доношеніемъ представилъ: височайшими де Ея Імператорскаго Величества указами при здешней Переяславской семинаріи священно и церковнопричетническимъ дѣтемъ славено-латинскаго языка обучатися велѣно, къ якому ученію и учителѣ опредѣлени и уже отъ минувшаго 6 сентября начали обучать, токмо де священно и церковнопричетническихъ дѣтей въ школахъ такъ мало находится, что въ риторикѣ не болше 5, в піитики 4, в синтаксимѣ и грамматики 3, в инфимѣ и аналогіи 3 человѣкъ представленихъ имѣется, в домѣхъ же священно и церковнопричетническихъ дѣтей годящихся уже учити (не сумнително вѣдать мощно) многіе содержатся и за особенимъ огурствомъ и нерадѣніемъ отцевъ ихъ и по нинѣ не представляются, отъ чего они отци, какъ знатній урокъ въ

ученіи дѣтямъ своимъ приключаютъ, такъ и школному ученію за нескоримъ представленіемъ помѣшателство причинить могутъ,— просилъ о немедленномъ онихъ дѣтей в семинарію представленіи резолюціи; по которомъ доношенію его преосвящество опредѣлить соизволилъ, чтобъ священнослужителскіе отъ пяти лѣтъ мужеска пола, кромѣ которіи женати или реторику кончили, всѣ дѣти безъ утайки представлени били его преосвященству, и в силу онаго опредѣленія духовная консисторія приказали: во всѣ вѣдомства протопопскіе здѣшней епархіи подчиненніи послать укази съ тѣмъ, чтобъ всѣ священно и церковнослужителскіе дѣти, кои вишше пяти лѣтъ, в немедленности его преосвященству представлени били, кромѣ тѣхъ точію, которіе женати или риторики обучени, о чемъ сей къ вамъ и посилается, и правителю Борисполскому Стефану Деревецкому, да протопопу Басанскому Андрею Туманскому, о томъ вѣдая, чинить по сему Ея Імператорскаго Величества указу 1759 года, октября 24 дня».

№ 3. Указъ консисторіи, опредѣляющій покрой, цвѣтъ и достоинство верхней одежды и шапокъ для священниковъ.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія из духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. На поданномъ отъ протопопа Переяславскаго Павла Скрипчинскаго сего 760 года, 14 генваря преосвященнѣйшему господину Гервасію, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыреви нашему, доношеніе с представленіемъ подъ разсмотреніе, что многіе священники, по небреженію своему, какъ одѣяній священству приличнихъ, такъ и шапокъ не имѣютъ и не стараются споряжать, единственно тѣмъ толко извиняясь, что бобровъ или готовихъ шапокъ з околицею бобровою негде купить, яко таковихъ шапокъ не шиютъ и не продаютъ, и потому иніи з лисичою околицею, а иніе простіе мужичіе каплоухіе шапки и яломки безъ зазору носить не стидятся, такожъ и в рясахъ короткихъ и узкихъ, свѣтлаго сукна и в непокритихъ простихъ кожухахъ между народомъ публично ходятъ. Сего ярмарку болше десяти шапокъ священническихъ з бобровими околицями продавани, с коихъ только три куплено, а остальніе онъ,

протопопъ Скрипчинскій, ценою лутшіе по пять копъ, а хужшіе по два рублѣ принялъ; тотъ же шапочникъ, коего шапки, сколко надобно вистачить можетъ подрядиться. Состоявшимся его жъ преосвященства опредѣлечіемъ веленно: предъ командою или предъ народомъ, кромѣ домашняго приватнаго обращенія, благославныя священникамъ и діяконамъ, благоповажнія, не короткія, черныя или темноцвѣтнія одежди верхнія носити безъ всякаго винословія, бѣлія же шуби и юпки по верху, такожъ и шапки каплоухія и другія мирскія не носити; кто же в такихъ впредъ явится, протопопамъ в духовное правленіе отбирать и гдѣ у кого и сколко будетъ отобрано, репортовать; для всѣхъ, в коихъ показанныхъ приличнихъ священству шапокъ не имѣется епархіи здешней священниковъ, реченнія шапки сдѣланни подрядити и о томъ з духовной консисторіи ко всѣмъ протопопамъ, въ томъ числѣ и к вамъ, отпустить указъ, и отпущенъ, и протопопу Басанскому Андрею Туманскому, вѣдая, чинить по сему Е. И. В. указу. 1760 года, генвара 31 дня».

№ 4. Указъ консисторіи съ опредѣленіемъ количества платы за повѣнчаніе.

«Указъ Е. И. В. Самодержици Всероссійскія изъ духовной епископіи Переяславской консисторіи протопопу Басанскому Андрею Туманскому. Понеже его преосвященству господину Гервасію, епископу Переяславскому и Бориспольскому, архипастыревѣ нашему, с нѣкоторого его преосвященству представленія учинилось извѣстно, что здешней епархіи священство за обвѣнчаніе желающихъ брачитися многіи издирства и разлишніи взятки приключаютъ, того ради в прекращеніе ихъ лакомствъ его жъ преосвященство соизволилъ опредѣлить, даби такъ своего прихода отъ прихожанъ, какъ и отъ постороннихъ, з багатшихъ више рубля, з убогих више полтини за обвѣнчаніе священство вашей епархіи не взимали; и во исполненіе того его преосвященства опредѣленіе о томъ з духовной консисторіи всѣмъ протопопамъ для опубликованія по ихъ вѣдомствамъ указомъ предложить велѣно, коимъ и предлагается, и протопопу Басанскому

Андрею Туманскому о томъ вѣдать и чинить по сему указу. Марта 8 дня, 1759 года» [1]).

Энергичный, просвѣщенный архипастырь Гервасій замѣчателенъ не только какъ талантливый администраторъ, много сдѣлавшій для благоустроенія Переяславской епархіи; особенную извѣстность стяжала ему борьба съ уніей въ юго-восточныхъ уѣздахъ нынѣшней кіевской губерніи, состоявшихъ въ то время подъ владычествомъ Польши. Вмѣстѣ съ знаменитымъ архимандритомъ Мелхиседекомъ Значко-Яворскимъ (род. около 1720 г., ум. 1809 г.), Гервасій былъ руководителемъ и вождемъ сильнаго движенія среди подвластныхъ Польшѣ украинцевъ въ пользу православія противъ уніи [2]).

Движеніе, направлявшееся Гервасіемъ и Мелхиседекомъ къ религіознымъ цѣлямъ, въ концѣ концовъ выразилось политическимъ бунтомъ противъ польскаго господства, извѣстнымъ подъ именемъ «Коліивщины» (1768 г.). Одинъ писатель называетъ «*Коліивщину*» «великимъ движеніемъ во имя вѣры» [3]). Если другіе, писавшіе объ этомъ предметѣ, кромѣ религіознаго, указываютъ и иные факторы этого движенія, то во всякомъ случаѣ религіозный элементъ въ немъ, рядомъ съ другими, несомнѣненъ. Несомнѣннымъ также должно быть признано то положеніе, что противоуніатское движеніе въ Кіевщинѣ стояло въ связи съ политическимъ движеніемъ 1768 года. Съ этой точки зрѣнія, ду-

---

[1]) Нѣсколько интересныхъ указовъ Гервасія опубликованы покойнымъ протоіереемъ І. Крамаренко въ «Странникѣ», 1872 г. августов. книж.

[2]) Объ этой дѣятельности Гервасія и Мелхиседека см. «Архивъ Юго-Западной Россіи» ч. І, т.т. II и III съ предисловіемъ Ѳ. Г. Лебединцева, и въ сочиненіи покойнаго проф. Спб. духовной академіи М. О. Кояловича—«Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ», Спб. 1873 годъ.

[3]) «Кіевская Старина», 1882 г. сент. кн., стр. 530.

мается, легче и вѣрнѣе всего можетъ быть разрѣшенъ спорный вопросъ объ участіи Гервасія и Мелхиседека въ Коліивщинѣ.

Намъ кажется, что писатели, приписывающіе Гервасію и Мелхиседеку видную роль въ возстаніи 1768 года, правы въ томъ смыслѣ, что оба эти лица оказали несомнѣнное вліяніе на ходъ событій; съ другой стороны, по нашему мнѣнію, правы и тѣ, которые горячо защищаютъ Гервасія и Мелхиседека отъ обвиненій въ организаціи гайдамацкихъ отрядовъ и благословенія «оружія отмщенія». Скудость опубликованныхъ доселѣ матеріаловъ (это признаютъ занимающіеся исторіею *Коліивщины*, какъ живущіе по сю, такъ и по ту сторону рубежа) не даетъ права вполнѣ категорически высказаться по вопросу о роли Гервасія и Мелхиседека въ гайдамацкомъ возстаніи 1768 года. По этому вопросу могутъ существовать пока лишь болѣе или менѣе правдоподобныя предположенія. На основаніи знакомства съ личностью Гервасія по его письмамъ, резолюціямъ, посланіямъ и указамъ, а также на основаніи изученія опубликованныхъ доселѣ матеріаловъ о *Коліивщинѣ* и дѣятельности Гервасія, мы смѣемъ предложить такое рѣшеніе этого вопроса. Фактическое участіе Гервасія въ возстаніи, въ видѣ «благословенія оружія отмщенія» или инымъ способомъ, намъ кажется не только недоказаннымъ, но и несообразнымъ съ личностью Гервасія, насколько можно освѣтить ее теперь, спустя 135 лѣтъ послѣ его смерти.—Человѣкъ для своего времени высоко просвѣщенный, старикъ, помышляющій уже о смерти, архипастырь, настойчиво проповѣдывавшій своей паствѣ «евангеліе мира и любви» [1]), убѣжденный христіанинъ, особенно заботившійся о сохраненіи чистоты и незапятнанности своей совѣсти и исполненіи своего долга [2]), Гервасій измѣнилъ бы себѣ, если бы благословилъ то кровавое дѣло, которое совершено было по ветхозавѣтному закону—«око за око», но ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо христіан-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ посланій, его резолюціи, какія намъ приходилось видѣть въ названныхъ выше архивахъ.

[2]) См. напр. въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» ч. I, т. II, стр. 125 и др.

скимъ. Къ тому же Гервасій порицаетъ гайдамакъ въ августѣ 1768 года[1]), а это было бы дѣломъ уже черезчуръ вопіющаго лицемѣрія со стороны человѣка, благословившаго будто бы въ маѣ того же года ихъ «крестовый походъ» противъ поляковъ и евреевъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе Гервасія на возникновеніе возстанія 1768 года врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію. Гервасій не хотѣлъ кроваваго дѣла, но своею ревностью въ борьбѣ съ уніею онъ косвенно немало содѣйствовалъ возбужденію среди украинцевъ политическаго движенія. Заботясь объ успѣхахъ православія въ Кіевщинѣ, Гервасій вызывалъ своихъ пасомыхъ на борьбу съ поляками за вѣру, подчеркивалъ, что поляки—гонители вѣры отцовъ, указывалъ, что единовѣрная и единоплеменная Россія—ихъ вѣрная и надежная защитница. Правда, Гервасій училъ своихъ пасомыхъ терпѣливо переносить страданія, въ борьбѣ за вѣру подражать христіанамъ первыхъ вѣковъ и т. под., но въ толпу вѣдь западало то, что ей было доступнѣе и понятнѣе. Читая окружныя посланія Гервасія на тему о мужественномъ стояніи за вѣру и терпѣливомъ перенесеніи страданій, украинцы ловили въ нихъ отдѣльныя слова, по которымъ сильнѣе убѣждались въ мысли, что поляки—это исконные враги и притѣснители, что имъ нужно сопротивляться, что отъ Россіи можно ждать поддержки и т. под.

Гервасій съ Мелхиседекомъ всколыхнули народную массу, вызвали въ ней броженіе, пробудили сознаніе ненормальности положенія. Боль, ярче сознанная и локализованная, всегда сильнѣе чувствуется и скорѣе побуждаетъ къ принятію соотвѣтствующихъ мѣръ противъ нея.

Гервасій и Мелхиседекъ вызвали движеніе религіозное, но отсюда былъ одинъ шагъ до политическаго бунта, до кровавой «помсты» угнетителямъ за все...

Какъ отнеслись въ Петербургѣ къ Коліивщинѣ? Большинство ученыхъ вполнѣ основательно вовсе отрицаютъ участіе русскаго

---

[1]) См. напр. «Архивъ Юго-Западной Россіи» ч. I, т. III, стр. 745—748 и др.

правительства въ самомъ поднятіи возстанія. *Въ данный моментъ Россіи это возстаніе было невыгодно.* «Въ началѣ 1768 г. Россія занимала безусловно господствующее положеніе въ Польшѣ»,—русская дипломатія въ это время какъ разъ достигла въ Варшавѣ всѣхъ своихъ цѣлей [1]). Всякаго рода возстанія и безпорядки въ предѣлахъ польскаго государства были интересны не Россіи, а ея политическимъ соперникамъ, желавшимъ ослабить вліяніе петербургскаго двора въ Польшѣ. Поэтому извѣстіе о возстаніи на Украинѣ не могло быть пріятно Екатеринѣ. Когда въ концѣ августа 1768 г. въ Петербургъ поступили донесенія о томъ, что Гервасій былъ «нѣкоторой причиной» возстанія, Екатерина сильно разгнѣвалась на него. Вѣроятно, къ этому именно времени относится записка ея къ гр. Н. И. Панину, въ которой она, съ явнымъ раздраженіемъ противъ Гервасія, высказывала намѣреніе вызвать его въ Петербургъ и «отъ него требовать отчетъ, для чего мѣшается въ заграничныя дѣла безъ повелѣнія» [2]). Гнѣвъ императрицы вполнѣ понятенъ: обвиняемый—членъ малороссійскаго духовенства, которое, по мнѣнію Екатерины, въ то время все заражено было «многими ненасытнаго властолюбія началами» [3]) и къ которому принадлежалъ ненавистный государынѣ Арсеній Мацѣевичъ; къ тому же, этотъ «смиренный отецъ» Гервасій дерзнулъ вмѣшиваться въ «дѣла ему не принадлежащія» [4]), благодаря чему могли нарушиться планы Екатерины относительно Польши.

Но тутъ въ дѣло Гервасія, кажется, вмѣшался руководившій тогда русской внѣшней политикой гр. Н. И. Панинъ, съ которымъ Екатерина совѣтовалась, какъ быть съ Гервасіемъ. Панинъ, надо полагать, умѣрилъ гнѣвъ императрицы на переяславскаго

---

[1]) Н. Д. Чечулинъ. «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II» въ «Зап. истор.-филол. факульт. Спб. универс., ч. 40, стр. 290—293.

[2]) „Чтен. въ Общ. исторіи и древн.“, 1863 г., кн. 2, стр. 138—139, № 349.

[3]) Сборникъ Русск. Историч. Общества, томъ 7.

[4]) „Чтен. въ Общ. ист. и древн.“, 1863, кн. 2, № 349.

епископа и побудилъ ее обождать выясненія обстоятельствъ дѣла и доказательствъ виновности Гервасія. 2 сентября онъ послалъ Гервасію письмо, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Не подавая вѣры всему тому, что на собственный вашъ счетъ приписывается, хочу только по истинному моему почтенію къ сану вашему, равно какъ и по долгу званія моего, благовременно и благонамѣренно остеречь васъ»... Онъ, далѣе, просилъ Гервасія принять съ своей стороны всѣ мѣры къ пресѣченію волненій въ народѣ и способствовать «совершенному покоренію» возставшихъ «законамъ рѣчи посполитой польской» [1]. Между тѣмъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября выступилъ было съ защитой Гервасія правитель Малороссіи гр. П. А. Румянцевъ [2].

Но обстоятельства сложились не въ пользу обвиненнаго епископа. Въ это время прусскій король Фридрихъ II сталъ принимать всевозможныя мѣры «для оторванія Польши отъ Россіи и для утвержденія своей тамо инфлюэнціи»; агенты Фридриха «первые разнесли» по Европѣ «слухъ, якобы Россія бунтъ въ Польшѣ дѣлаетъ и подкупаетъ крестьянъ польскихъ, дабы убивали своихъ господъ» [3].

Подъ давленіемъ европейской дипломатіи, Турція обнаружила вмѣшательство въ польскія дѣла и приняла по отношенію Россіи вызывающій тонъ. Какъ разъ въ сентябрѣ 1768 г. обострились русско-турецкія отношенія, поведшія въ ноябрѣ къ войнѣ; въ сентябрѣ же снова усилилось гайдамацкое возстаніе, предъ тѣмъ начавшее было стихать. Въ виду этого въ Петербургѣ рѣшено было принять мѣры къ скорѣйшему подавленію возстанія; одною изъ такихъ мѣръ было удаленіе изъ Переяслава Гервасія. 29 сентября Екатерина дала Синоду указъ, коимъ по-

---

[1]) Письмо напечатано въ видѣ приложенія къ 27 т. „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, Москва, 1877 г., стр. 335—336.

[2]) См. „Переписка Румянцева“ въ Кіев. Стар. за 1882 г., октябрь, стр. 110—117, №№ 22—24.

[3]) См. ркп. Имп. Публ. Библ. F. XVII. 46. Сборникъ (въ немъ № 49 „Свѣдѣніе о Польшѣ“).

велѣвалось Гервасію немедленно переѣхать изъ Переяслава въ Кіевъ и тамъ ожидать новаго указа о своей участи. Въ Петербургѣ, надо думать, видѣли связь гайдамацкаго возстанія 1768 г. съ предшествовавшимъ ему противоуніатскимъ движеніемъ въ Украйнѣ, и въ удаленіи Гервасія изъ Переяслава находили нѣкоторое средство къ ослабленію обоихъ движеній—прежде всего религіознаго и затѣмъ уже связаннаго съ нимъ политическаго.

Указъ Синода отъ 30 сентября, возвѣщавшій волю Екатерины о переѣздѣ Гервасія въ Кіевъ, послѣдній получилъ 25 октября и, наскоро собравшись, 3 ноября явился въ Кіевъ, гдѣ и поселился на кіево-подольскомъ подворьѣ переяславской епископіи.

Былъ ли судимъ Гервасій? Думаемъ, что *нѣтъ*. Видимо, уликъ, доказывавшихъ участіе Гервасія въ возстаніи, не было никакихъ, да ихъ, думается, не могло быть. Гервасія просто удалили изъ Переяслава, чтобы пресѣчь ему «сообщеніе противное съ уніатскими попами» [1]), которое не согласовалось съ тогдашними политическими разсчетами петербургскаго двора; этимъ удаленіемъ цѣль была достигнута, и тѣмъ, кажется, дѣло кончилось.

Въ архивѣ св. Синода нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы Гервасій былъ судимъ, и въ спискѣ архіереевъ, бывшихъ подъ судомъ, онъ не значится. Здѣсь есть только дѣло о переѣздѣ его изъ Переяслава въ Кіевъ, оканчивающееся рапортомъ Гервасія о томъ, что переѣздъ имъ совершенъ во исполненіе указа [2]). Другое же дѣло—о смерти Гервасія и его погребеніи [3]) побуждаетъ насъ совершенно *отвергать мысль о судѣ* надъ нимъ. Изъ этого дѣла видно, что Гервасій до самой смерти жилъ въ Кіевѣ на своемъ подворьѣ на основаніи указа синодскаго отъ 30 сентября 1768 г., давшаго повелѣніе только о переѣздѣ, что другого указа по его дѣлу не было (а если бы онъ былъ судимъ, то, безъ сомнѣнія, такой указъ долженъ былъ бы существовать непремѣнно), и что онъ до самой смерти непрерывно управлялъ дѣлами своей

---

[1]) Кіев. Стар., 1882 г., октябрь, стр. 117, № 25.

[2]) Архивъ св. Синода, дѣло 1768 г., № 95.

[3]) Архивъ св. Синода, дѣло 1770 г., № 102.

епархіи изъ Кіева [1]), что, конечно, не могло бы имѣть мѣста во время суда надъ нимъ.

Около 8 часовъ утра, 22 декабря 1769 года Гервасій скончался въ Кіевѣ на своемъ подворьѣ, послѣ непродолжительной болѣзни.

По указу Синода, тѣло его 9 февраля 1770 года, послѣ отпѣванія, было отправлено въ Переяславъ; здѣсь оно 12 февраля было торжественно встрѣчено духовенствомъ и народомъ и 13 февраля погребено въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Послѣ Гервасія осталось 568 рублей 29 копѣекъ денегъ и 168 различныхъ вещей, между которыми—рясы, матеріи, очки, 6 зрительныхъ трубъ, книги, цѣлый рядъ бездѣлушекъ «штучекъ каменныхъ, раковинныхъ и хрустальныхъ» и проч. Имущество и часть денегъ розданы были родственникамъ Гервасія, другая же часть денегъ пошла на погребеніе, на раздачу лицамъ, участвовавшимъ въ отпѣваніи въ Кіевѣ [2]) и въ погребеніи въ Переяславѣ, а также «на поминки» [3]).

Вл. П.

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ и дѣла бывшей Переяславской консисторіи—см. въ арх. Кіев. и Полт. дух. консисторіи и Переясл. Вознесенскаго мон.

[2]) Между прочимъ, митрополитъ кіевскій Арсеній Могилянскій, по болѣзни въ отпѣваніи не принимавшій участія, получилъ 25 руб.; жившій же въ Кіевѣ на покоѣ, бывшій тобольскій митрополитъ Павелъ Конюшкевичъ, совершавшій отпѣваніе, „подаянія не принялъ“.

[3]) См. въ арх. св. Синода дѣло, 1771 г., № 124.

Чинъ изверженія изъ священства, совершавшійся въ кіевской митрополіи въ XVII вѣкѣ.

Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора подъ № 77 значится рукописный архіерейскій Чиновникъ, который «року Божія ахн мѣсяца октобрія исписалъ недостойный Іоаннъ Васильковичъ повеленіемъ ясне въ Богу превелебнѣйшаго его милости отца Куръ Діонисія Балабана[1]) Холмскаго и Белзскаго, Володимерскаго, Берестейскаго и Кременецкаго епископа православнаго». Въ этомъ Чиновникѣ, въ числѣ другихъ архіерейскихъ священнодѣйствій, переписанъ и «Чинъ изверженія изъ священства законопреступнаго и непокорливаго священника». Такъ какъ таковаго чина мы не встрѣчали въ другихъ тоговременныхъ рукописныхъ архіерейскихъ Чиновникахъ и такъ какъ чинъ этотъ не вошелъ въ составъ печатныхъ архіерейскихъ Чиновниковъ, то считаемъ небезъинтереснымъ опубликовать его для любителей отечественной старины.

---

[1]) Преосвященный Діонисій Балабанъ съ 1657 по 1661 годъ былъ Кіевскимъ митрополитомъ, но по причинѣ смутнаго времени не жилъ въ Кіевѣ, а въ Онуфріевскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ м. Корсуна, каневскаго уѣзда. Переписанный для него Чиновникъ, при митрополитѣ Гедеонѣ, былъ переданъ въ Кіево-Софійскую каѳедральную библіотеку.

«Святитель, возложъ на ся всю одежду святительскую и въземъ жезлъ свой въ руки, сѣсти имать во олтари предъ престоломъ, идѣже есть обычай сидѣти ему, егда посвящаетъ діакона или пресвитера». Достойный же изверженія приводимъ бываетъ отъ діакона предъ царскіе врата во всей одеждѣ іерейской, имуще въ рукахъ потиръ со дискосомъ. Егда же веденъ будетъ ко вратамъ царскимъ, пресвитеры и клирицы, прилучившіеся, глаголютъ псаломъ Давидовъ—*Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи* и проч. Изверзаемый же пришедъ до Царскихъ вратъ, не входитъ въ олтарь, но предъ Царскими враты преклоняетъ колѣнѣ, Святитель же, по скончаніи псалма, сѣдя на мѣсцѣ своемъ, возвѣстити имать, во всеуслышаніе всѣмъ, вину, ея-же ради изверзаетъ пресвитера, и посемъ во осужденіе его глаголетъ изреченіе сицево: Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа аминь. Мы (имя рекъ) Божіею милостію Архіепископъ (имя рекъ); понеже по извѣстномъ и опасномъ испытаніи, отъ неложныхъ свидѣтелей, судомъ нашимъ обрѣтохомъ его пресвитера (имя рекъ) законопреступника и сана пресвитерска недостойна, беззаконій его ради, зѣло тяжкихъ и Бога раздражаючихъ, и людей соблазняючихъ, тѣмже властію Бога всемогущаго, осудивши его по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Богоносныхъ Отецъ, изъ святительскаго сана его изверзаемъ вовѣки, и отъ священнодѣйства церковнаго отлучаемъ его, и яко непотребна раба отъ престола и олтаря Божія жезломъ нашимъ пастырскимъ его отмѣтаемъ, и сіе не точію словомъ, но и дѣломъ абіе творимъ. Посемъ самъ Святитель, вставши и изверзаемому востати повелѣвши, пріиметъ отъ руку его потиръ со дискосомъ, глагола сице: отъимую отъ тебе власть приношенія пречистыя жертвы къ Богу о живыхъ и умершихъ, понеже недостоинъ еси явился къ нему приносити его; и полагаетъ потиръ со дискосомъ на престолѣ. Посемъ снимая съ него ризы, Святитель глаголетъ *анаксіосъ;* тажъ поясъ пріемлетъ отъ него и, снимая съ него епитрахиль, глаголетъ *анаксіосъ*. Тажъ глаголетъ, снимая съ него поручіе и прочая вся. Снимая съ него стихарь, Святитель глаголетъ: совлекаю съ тебе всю одежду пресвитерскую, въ ней же предстояти

Господеви, ради лукавыхъ своихъ дѣлъ, къ тому не достоинъ еси. Тажъ начинаетъ постригати его Святитель глаголя: исполнися лице его безчестія, яко бо чести сый не разумѣя. Останокъ же власъ его остригаетъ діаконъ, пѣвцемъ же поющимъ сію стихиру гласъ ӣ: Днесь Іуда оставляетъ учителя и пріемлетъ діавола; отлучается благочестія и чуждъ бываетъ дарованія, ослѣпляется страстію сребролюбія; отпадаетъ свѣта омраченный; како бо можеши зрѣти Свѣтило предавый на тридесятихъ сребреницѣхъ; но намъ возсія Страдавый за міръ, къ Нему же возопіемъ: пострадавый и сострадавый человѣкомъ Господи слава тебѣ. Сему же поему діаконъ растризаетъ его до конца.

- Посемъ снимаютъ съ него одежды внѣшняя священническія, поюще стихиру сію гласъ в҃: Днесь ученикъ Христовъ отчуждается чести Его и благодати: возлюби бо паче служенія Ему работати беззаконникомъ; тѣмже нынѣ, яко недостоинъ, отъ святилища отверженъ бываетъ. Сего ради вси со умиленіемъ Христу возопіемъ: пощади насъ, Владыко, пощади, во чистотѣ же и правдѣ служити Тебѣ насъ сподоби, яко Единъ благъ и Человѣколюбецъ. Тажъ одѣваютъ его въ одежды мірскія, глаголющи: да облечешися во срамъ, и да одеждешися, яко одеждою, студомъ своимъ.

Сія вся содѣявши, сядетъ паки Святитель на мѣсцѣ своемъ во вратѣхъ царскихъ и держа жезлъ въ руцѣ десной сице глаголетъ: понеже не достоинъ явился еси степени пресвитерскаго, ни предстояти жертвеннику Божію, ниже священнодѣйствовати слова его истины, и приносити Ему дары же и жертвы и ино что священнодѣйствовати можеши ктому, винъ ради нанесенныхъ на тя лукавствомъ твоимъ, сего ради азъ властію отъ Христа Бога мнѣ данною, яко неключимаго тя раба, отъ святаго престола и алтаря Господня отлучаю, отметаю и до конца симъ жезломъ пастырскимъ вовѣки отрѣваю. И се доглаголя, отринетъ его жезломъ отъ Царскихъ вратъ. И абіе воставъ, царскія врата затворяетъ и изложивъ съ себя одежду, отходитъ во свояси».

Міряне, присутствовавшіе при совершеніи этого чина, останавливали свое наблюденіе и вниманіе, главнымъ образомъ, на

остриижкѣ длинныхъ волосъ на головѣ извергаемыхъ изъ священства и потому послѣднихъ стали называть и теперь называютъ растригами.

Въ настоящее время лишеніе священства совершается безъ всякаго церемоніала и совершается не въ храмахъ Божіихъ, а въ присутствіи духовныхъ пастырей, гдѣ секретарь консисторіи, при собраніи членовъ ея, читаетъ синодальный указъ лишаемому священства о снятіи съ него пресвитерскаго сана, и затѣмъ берется отъ него подписка впредь не именоваться священникомъ, не носить священнической одежды и не совершать никакихъ церковныхъ священнодѣйствій.

Въ нашей православной церкви совершается не только изверженіе законопреступныхъ пресвитеровъ, но бывали, хотя и рѣдкія случаи, что и архіереи наши извергались изъ святительскаго сана. Такъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича лишенъ былъ святительскаго сана патріархъ Никонъ; въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны—архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ; при императрицѣ Екатеринѣ II—митрополитъ Арсеній Маціевичъ, а при императорѣ Александрѣ I—архіепископъ могилевскій Варлаамъ Шишацкій. Такъ какъ въ нашихъ архіерейскихъ Чиновникахъ, ни рукописныхъ, ни печатныхъ, не было особаго чина, по которому надлежало совершать изверженіе изъ святительскаго сана, то таковому изверженію предшествовало составленіе соборомъ нашихъ архипастырей церемоніала для совершенія этого крайне прискорбнаго акта. Въ настоящей статьѣ мы опишемъ причины и церемоніалъ изверженія послѣднихъ двухъ изъ упомянутыхъ святителей.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, Екатерина II замыслила отнять у архіерейскихъ каѳедръ и монастырей вотчины; но предъ коронаціей своей сперва было утѣшила и успокоила духовенство возвращеніемъ по прежнему въ управленіе духовныхъ властей отобранныхъ у нихъ имѣній и даже уничтожила, «впредь до приведенія въ порядокъ духовныхъ штатовъ», коллегію экономіи, завѣдывавшую при императорѣ Петрѣ III монастырскими вотчинами. «Мы не имѣемъ намѣренія», писала она, «присвоить

себѣ церковныя имѣнія, но только предписать законъ о лучшемъ устройствѣ ихъ». Но вслѣдъ затѣмъ, подъ наблюденіемъ Екатерины II, была учреждена особая коммисія изъ двухъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ; въ числѣ первыхъ находился непріязненный Арсенію Мацѣевичу митрополитъ Димитрій Сѣченовъ, старавшійся заслужить благоволеніе императрицы содѣйствіемъ видамъ ея политики. Коммиссіи поручено было «составить правила о лучшемъ употребленіи церковныхъ имѣній, во славу Божію и пользу отечества». Коммиссія эта отправила во всѣ монастырскія вотчины и архіерейскіе дома приходо-расходныя книги, для записыванія денежнаго и хлѣбнаго сбора, и избранныхъ ею отставныхъ оберъ-офицеровъ для точнѣйшей повѣрки сообщенныхъ духовными властями свѣдѣній о состояніи и количествѣ церковныхъ имѣній. Командированные коммиссіею оберъ-офицеры, исполняя возложенныя на нихъ обязанности, не оказывали должнаго уваженія не только къ личности духовныхъ властей, но и къ принадлежностямъ церковнаго богослуженія; нерѣдко они входили въ олтари безъ всякаго благоговѣнія и дерзали касаться церковныхъ престоловъ, потировъ и другихъ священныхъ сосудовъ. Что же касается обыкновеннаго церковнаго имущества, то къ нему они всегда относились слишкомъ самоправно и съ крайнею обидою для духовныхъ властей.

Въ распоряженіяхъ коммиссіи и дѣйствіяхъ оберъ-офицеровъ ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ видѣлъ нарушеніе правъ церковной завѣтной собственности, а въ отобраніи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ крайнее униженіе духовенства и даже стремленіе къ прекращенію монашества и архіерейства, безъ котораго «не оное что воспослѣдуетъ, токмо отъ древнія нашея церкви апостольской отступство, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдуетъ поповщина, а потомъ безпоповщина... и тогда наше государство перейдетъ на раскольническое, или на Кальвинское государство». Опираясь на соборное правило, что посвященное Богу не можетъ быть отчуждаемо, онъ ставилъ это правило выше смысла клятвеннаго своего обѣщанія, даннаго имъ при хиротоніи въ архіерея, во всемъ повиноваться царской власти и надлежа-

щимъ образомъ, по совѣсти своей, исполнять инструкціи, регламенты и указы, именемъ государя отъ предуставленныхъ начальниковъ объявленные.

Увлеченный негодованіемъ м. Арсеній въ началѣ 1763 г. подавалъ въ Св. Синодъ одинъ протестъ за другимъ противъ отнятія вотчинъ у монастырей и архіерейскихъ домовъ и противъ вмѣшательства свѣтскихъ людей въ духовныя дѣла. Имѣя въ виду не столько свои личныя выгоды, сколько интересы своего сословія, нелюбостяжательный архипастырь въ протестахъ слишкомъ рѣзко излилъ всю желчь своего оскорбленія. «Горе намъ бѣднымъ архіереямъ», писалъ онъ въ протестѣ 6 марта», яко не отъ поганыхъ, но отъ своихъ мнящихся быти овецъ правовѣрныхъ толикое мучительство претерпѣваемъ». О членахъ коммиссіи отзывался онъ, что «они насилу въ Бога вѣруютъ». Между тѣмъ разосланы были къ архіереямъ и по монастырямъ печатныя инструкціи и формы описей церковныхъ имуществъ. «Церковь», жаловался онъ, «еще и отъ прошедшаго, недавно бывшаго удара и разоренія не отдохнула и въ чувства не пришла, а тутъ опять на нее навѣты и нападенія. Прошлаго года, мы остались безъ яроваго хлѣба и съ малымъ числомъ сѣна, то же будетъ и теперь съ превосходствомъ. Крестьянамъ сперва понравится платить оброкъ, вмѣсто работы; а какъ опустошатъ лѣса и луга, то, хоть и душу отъ нихъ возьми, не будутъ платить оброка; архіерейскія домы не только безъ дровъ, но и безъ хлѣба, безъ денегъ, безъ водовоза и послѣдняго работника останутся. Въ малое время благочестіе можетъ перевестись, такъ что и слѣда его не останется»...

Еще прежде подачи въ Синодъ письменныхъ протестовъ, Арсеній словесно выражалъ свои мнѣнія объ этомъ предметѣ, который лежалъ у него на печеняхъ; даже въ недѣлю Православія, къ чинопослѣдованію на этотъ день, отважился прибавить «анаѳему обидчикамъ церквей и монастырей». Всѣ дѣйствія этого святителя доходили до чуткаго слуха Екатерины, которая не любила гласности и видѣла въ нихъ дерзкое противодѣйствіе своимъ предпріятіямъ, а въ Арсеніи *лицемѣра*, *пронырливаго и*

властолюбиваго, бѣшенаго враля, не безопаснаго для себя, какъ она сама выражалась; но Арсеній дѣйствовалъ и говорилъ нетайно, а открыто, смѣло шелъ на крестъ, зная, что его ожидаетъ за протесты отъ самодержавной государыни и святѣйшаго Синода. Но видно, что слова и протесты этого архипастыря за живое задѣли императрицу и она поспѣшила положить предѣлъ его неустрашимымъ дѣйствіямъ. По ея распоряженію, протесты м. Арсенія были заслушаны и осуждены членами св. Синода. Вслѣдъ затѣмъ синодальный оберъ-прокуроръ Глѣбовъ представилъ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ о виновности м. Арсенія. Разсмотрѣвши докладъ, она возвратила его Синоду съ тѣмъ, чтобы онъ самъ «судилъ своего сочлена, какъ злонамѣреннаго и преступника».

Въ это время м. Арсеній продолжалъ свое служеніе на Ростовской каѳедрѣ. Въ половинѣ марта 1763 г., возвратясь въ свои покои отъ вечерни, онъ сказалъ своему келейнику: «не запирай воротъ на ночь! Гости будутъ ко мнѣ въ полночь». Келейникъ недоумѣвалъ, какихъ гостей ожидаетъ преосвященный. Но въ самую полночь является къ нему гвардейскій офицеръ Дурново и подаетъ синодальный указъ слѣдующаго содержанія: «14 сего марта опредѣлено ваше преосвященство, чрезъ нарочно отправленнаго гвардіи оберъ-офицера привезть въ Москву, а при томъ отъѣздѣ ризницы и людей, кромѣ трехъ нужнѣйшихъ вашему преосвященству, съ собою не брать, и имѣющіяся въ келіяхъ вашего преосвященства письма, кромѣ печатныхъ книгъ, собравъ въ одно мѣсто, вашею и того оберъ-офицера печатью запечатавъ, взять оному оберъ-офицеру въ Москву». По пріѣздѣ въ Москву 14 апрѣля Арсеній уже содержался подъ крѣпкою стражею въ Симоновомъ монастырѣ, какъ государственный преступникъ. Въ тотъ же день императрица писала оберъ-прокурору Глѣбову: «Александръ Ивановичъ! Нынѣшнюю ночь привезли *враля*, котораго исповѣдывать должно; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ». Неизвѣстно, какого рода была эта исповѣдь; въ присутствіи императрицы, Орлова, Глѣбова и Шиш-

ковскаго Арсеній до того простеръ свою дерзость въ объясненіяхъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему «заклепили ротъ».

Послѣ *исповѣди* въ императорскомъ дворцѣ Арсеній подъ карауломъ препровожденъ былъ въ полное присутствіе Синода и при допросѣ, какъ объявлено было въ московской газетѣ (14 апрѣля 1763 г.), «сознался въ своей продерзости». Его собратія и сочлены присудили его къ лишенію архіерейскаго сана и монашества и затѣмъ къ смертной казни за оскорбленіе Ея Величества. Такой приговоръ поднесенъ былъ государынѣ для конфирмаціи, но она, какъ значится въ Синодскомъ указѣ, «по великодушію и милосердію своему природному», соизволила освободить Арсенія отъ казни и повелѣла оставить ему монашескій чинъ и сослать въ отдаленный монастырь подъ строгій надзоръ настоятеля.

Подсудимый опять призванъ былъ въ Синодъ для объявленія ему высочайшей конфирмаціи. Онъ явился въ Синодское присутствіе, какъ-бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ, въ бѣломъ клобукѣ, съ панагіею на персяхъ и съ архипастырскимъ посохомъ въ рукѣ. По прочтеніи высочайшей конфирмаціи члены Синода, одинъ послѣ другого, снимали съ митрополита Арсенія архіерейскіе принадлежности, кто митрополичій клобукъ, кто мантію, кто омофоръ, кто панагію, кто другія принадлежности. Во время совершенія этого печальнаго акта Арсеній, убѣжденный въ справедливости своихъ протестовъ, обнаружилъ полное негодованіе къ своимъ собратіямъ—членамъ Синода и предсказалъ нѣкоторымъ изъ нихъ плачевный жребій. Такъ первенствующему члену Синода Димитрію предрекъ, что задохнется собственнымъ языкомъ, Амвросію Зертисъ-Каменскому предрекъ смерть отъ мясника. Лишенному архіерейства подано было простое монашеское одѣяніе и была взята съ него подписка, что впредь ни подъ какимъ видомъ не будетъ именоваться и писаться не только архіереемъ, но даже іеромонахомъ.

Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе жизни своей Арсеній Мацѣевичъ сперва провелъ, подъ строгимъ надзоромъ, въ Ѳерапонтовомъ

и Николо-Корельскомъ монастыряхъ, а потомъ, по лишеніи монашества, будучи названъ *Андреемъ Вралемъ*, былъ сосланъ въ Ревель, гдѣ и скончался въ казематѣ, походившемъ болѣе на могилу, чѣмъ на жилище тяжкаго преступника.

Причина, по которой Могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій былъ лишенъ святительскаго сана, заключалась въ слѣдующемъ проступкѣ его. 8 іюля 1812 г. французскія войска вступили въ Могилевъ. Учрежденная французскимъ правительствомъ коммиссія для управленія гражданскаго въ могилевской губерніи отнеслась $^{13}/_{25}$ іюля къ тогдашнему могилевскому архіепископу Варлааму съ оповѣщеніемъ, чтобы на другой день онъ архіепископъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и прочими сословіями учинилъ присягу на вѣрноподданничество французскому императору Наполеону и лично совершилъ литургію и молебствіе и чтобы поминалъ во время всякаго богослуженія, вмѣсто императора Александра,—французскаго императора Наполеона. Требованіе прописанной коммиссіи архіепископъ Варлаамъ безпрекословно исполнилъ и предписалъ, чрезъ консисторію, исполнять его всѣмъ подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ. По высочайше утвержденному Синодальному докладу, который состоялся 19 мая 1813 г., было постановлено: «архіепископа Варлаама, яко оказавшагося явнымъ клятвопреступникомъ и потому нетерпимаго болѣе въ семъ санѣ, лишить архіепископства и священства, оставивъ только въ монашескомъ чинѣ, и пребываніе ему имѣть въ Новгородсѣверскомъ Спасскомъ монастырѣ Черниговской епархіи». Совершить обрядъ лишенія архіепископа Варлаама архіерейскаго сана и священства поручено было Черниговскому архіепископу Михаилу и была указана форма обряда, который при этомъ соблюсти надлежало. Въ указѣ преосвященному Михаилу сказано было, что «когда архіепископъ Варлаамъ доставленъ къ нему будетъ, въ то время, по сношенію съ губернаторомъ назнача день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и городское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи и поставя посреди церкви, объявить прочитаніемъ чрезъ конси-

сторскаго секретаря высочайшій конфирмованный докладъ, а по объявленіи, снявъ съ него чрезъ ключаря съ протодіакономъ, все архіерейское облаченіе съ знакомъ ордена св. Анны 1 степени и возложа приличное монаху одѣяніе, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ отнюдь ни подъ какимъ видомъ, ни письменно, ни словесно не именовался и не писался». Печальный обрядъ снятія сана совершенъ 29 іюня 1813 г. (Арх. св. Синода дѣло за № 972).

Прот. **Петръ Орловскій.**

Переписка М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ.

(Окончаніе [1]).

1871 годъ.

Переписка этого года представляется особенно интересной, такъ-какъ она раскрываетъ нѣкоторыя странички изъ исторіи учрежденія въ Кіевѣ историческаго ученаго общества, открывшагося вскорѣ затѣмъ подъ именемъ Общества Нестора-Лѣтописца. Кромѣ того, въ 1871 году рѣшено было друзьями М. А. Максимовича устроить празднованіе пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности, о чемъ тоже находимъ не мало данныхъ въ перепискѣ.

Первое письмо этого года написано было П. Г. Лебединцевымъ, какъ дополнительное къ письму, отправленному имъ наканунѣ новаго года, но не сохранившемуся въ нашихъ матеріалахъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Еще медовой новаго года мѣсяцъ не ушелъ, а потому, въ дополненіе къ письму моему наканунѣ новаго года, примите и въ самомъ новомъ году привѣтъ мой съ прибавочкой къ числу честной старости Вашей, которой сила не въ одномъ числѣ лѣтъ. Простите, что я умедлилъ отвѣтомъ. Теперь—праздникомъ я имѣлъ особенную

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 11.

работу по комитету, такъ что, при болѣзни глазъ, едва покончилъ во время, и притомъ обнадеженъ былъ графомъ Уваровымъ, что онъ всю суть самъ напишетъ Вамъ, что онъ и дѣйствительно сдѣлалъ. Вѣроятно онъ писалъ Вамъ то-же, что говорилъ и мнѣ, т. е. что предполагаемое общество не должно быть припертымъ къ какой либо стѣнѣ; онъ не допускаетъ никакихъ *при*, *при*, а предсѣдатель долженъ быть выборный. Съ своей стороны, пользуясь товариществомъ и дружбой графа Д. А. Толстого, обѣщаетъ похлопотать обо всемъ, что потребуется для общества, какъ съ формальной или легальной, такъ и матеріальной стороны. Когда бы въ Кіевѣ такъ горячо хватились, какъ графъ горячо здѣсь желаетъ Кіев. общества! Завчера я былъ у него вечеромъ, гдѣ познакомился съ Пекарскимъ и Крузе. Пекарскій—весьма пріятный человѣкъ, лѣтъ 40. Графъ спрашивалъ, не пишутъ ли мнѣ чего изъ Кіева по поводу его письма. Собирается онъ уѣхать изъ Петербурга около 1-го февраля. Поторопитесь что нибудь выслать ему до сего термина, ибо онъ уже что-нибудь сдѣлалъ бы для осуществленія предположеннаго дѣла. Пекарскій вспомнилъ Васъ добромъ.

Статью Вашу въ Епарх. Вѣдомостяхъ [1]) уже прочиталъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ и все Ваше, и приношу искреннюю благодарность за участіе, украшающее бѣдную газетку.

Ради новаго года поблагословите поднять или начать дѣло о юбилеѣ 50-лѣтней Вашей литературно-ученой дѣятельности, въ видахъ возможности, при семъ, увеличить Вашъ пенсіонъ. Добрые люди совѣтуютъ не откладывать, не стѣсняясь, что начало—переводъ, а пользоваться, что теперь благовременно: есть лица, которые имѣютъ и силу и желаніе сдѣлать полезное для обезпеченія Вамъ и Вашего семейства. Что будетъ и въ близкомъ будущемъ—Богъ вѣсть.

Владыка нашъ здравствуетъ и Васъ вспоминаетъ. Кіеву желаю душевно имѣть голову здоровую, и таковою признаю главу Григорія Павловича [2]). За доброю головою добре и намъ буде жить.

Съ глубокимъ уваженіемъ Вашъ душевно преданный П. Лебединцевъ.

23 янв. 1871 г. Петербургъ.

---

[1]) Извѣстіе о книгѣ „Благоутробіе Марка Аврелія" (Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г. № 1).

[2]) Идетъ рѣчь объ избраніи въ Кіевѣ городского головы по нововведенному тогда городовому положенію. Кандидатами называли П. П. Демидова и Г. П. Галагана, о которомъ и упоминается здѣсь.

Въ отвѣтъ на это письмо Максимовичъ, проводившій ту зиму въ Кіевѣ, сейчасъ-же написалъ Лебединцеву, главнымъ образомъ указывая на свое бѣдственное матеріальное положеніе, въ силу чего онъ, послѣ большихъ колебаній, соглашается на празднованіе своего юбилея.

Вчера, т. е. въ первый день февраля и честной масляницы, много обрадованъ былъ я письмомъ Вашимъ, почтеннѣйшій Петръ Гавриловичъ, отъ 23 генваря... Необычайно снѣжная зима задерживаетъ, а можетъ быть иногда и поглощаетъ письменную корреспонденцію. Представьте, что то письмо ко мнѣ гр. Уварова, на которое ожиданъ былъ отвѣтъ мой, до меня не дошло; а потому и не было отвѣта. Жаль, если оно пропало! По крайней мѣрѣ, я желалъ бы, чтобы онъ былъ объ этомъ извѣстенъ и не вмѣнилъ-бы мнѣ въ вину моего молчанія. Не поможете ли Вы мнѣ въ этомъ оповѣщеніи его? А на всякъ случай напишу объ этомъ и Погодину... Но отъ него, также какъ и отъ другихъ москвичей, нѣтъ и до сего дня ни листочка, написаннаго 1871 годомъ. Не знаю, дошло-ль мое письмо крещенское къ гр. Блудовой,—за вторую половину котораго, гдѣ я писалъ о себѣ, сильно встревоженный одною случайностью, крѣпко сержусь на себя.—Въ нынѣшнемъ генварѣ стукнуло ровно *тридцать* лѣтъ, какъ я получилъ отставку отъ службы; и какъ вспомню свою жизнь въ эти тридцать лѣтъ, то—ажъ сердце вьяне!... Наконецъ, чувствую себя старымъ, уже приставшимъ конемъ, поставленнымъ на изъѣды, остающіяся отъ молодыхъ быдлятъ: такъ выразился я въ томъ письмѣ къ графинѣ о моемъ скудномъ для нынѣшняго времени пенсіонѣ, и сказалъ: хоть-бы *Господа Петербургъ* помогли мнѣ докончить вѣкъ мой довольнѣе, чѣмъ онъ тянулся донынѣ. И вижу, что въ Петербургѣ радушнѣе думаютъ объ улучшеніи моего быта, чѣмъ въ Кіевѣ, хотя и тутъ уже съ половины генваря зашла рѣчь о томъ... Даютъ же бывшимъ профессорамъ и теперь аренды,—да и кому ихъ не даютъ!

По Вашей доброй ко мнѣ дружбѣ, Вы говорите о *юбилеѣ*, какъ предлогѣ къ улучшенію моего быта... Не по сердцу мнѣ эта незаслуженная мною почесть, и я отклонялъ отъ себя мысль о томъ моихъ доброжелателей, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ сухоребрая жница жизней, своею неминучею никого косою, сниметъ меня съ пажити сего міра... Но если уже *Вы* полагаете, что это и необходимо и благовременно,—и что только этимъ путемъ и способомъ можно достичь того: то я

съ благодарностью разрѣшаю Вамъ отдать меня въ петербургскую опеку и распорядиться мною по ея благоусмотрѣнію! Я въ самомъ дѣлѣ, на исходѣ вѣку, не совладаю съ собою, и дѣлаю не то, чтобы надо. Знаете-ли, что я три дня уже занятъ отвѣтомъ на статью Закревскаго-дурня о Копыревѣ-Концѣ, помѣщенную въ Трудахъ Моск. Арх. Общества?—Простите!—Съ Вашимъ дружескимъ благословеніемъ, остаюсь неизмѣнно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

22 февраля 1871 г. Кіевъ.

Долго не получая вѣстей отъ своего корреспондента и томясь одиночествомъ, Максимовичъ въ началѣ марта написалъ Лебединцеву еще одно письмо.

8 марта 1871 г. Кіевъ.

Добраго здоровья желаю Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, на довершеніе Вашихъ Петроградскихъ трудовъ и на радостное возвращеніе ваше въ Кіевъ.—Еслибъ знали Вы, какъ мнѣ скучно здѣсь, и особенно въ послѣднія недѣли по вечерамъ, въ одиночествѣ, не могшему читать и писать... Берегите свое зрѣніе, и особенно отъ вечерняго чтенія газетныхъ столбцовъ и отъ писанія на лощеной бумагѣ, весьма вредящей глазамъ своимъ блескомъ. Я все домосѣдствую безвыходно и рѣдко съ кѣмъ вижусь теперь... Вычиталъ кое-что я для кіевознанія, но все мелочи, почти микроскопическія. Вчера отправилъ въ «Бесѣду» (которой, впрочемъ, еще не видѣлъ) статью: «Нѣчто о Копыревѣ-Концѣ» въ отвѣтъ Закревскому [1]). Это надо было сдѣлать; но чуть ли это уже не послѣдняя моя статья полемическая. Для Еп. Вѣдомостей Вашихъ напишу нѣчто свое, оставляя въ сторонѣ чужія брехни. Жаль, нѣтъ въ Кіевѣ Пономарева; онъ бывало заходитъ иногда въ мою скучную квартиру и принесетъ объ Васъ вѣсточку...

Отзовитесь, ради Бога, хоть страничкою на эту мою грамотицу и отведите душу—поскорѣе. Скажите хоть коротенько: что сталось по вопросу Вашему обо мнѣ и по моему Вамъ отвѣту? Пошла ли въ ходъ Ваша заботливая, дружеская мысль, и можно ли надѣяться мнѣ, что она не останется втунѣ? Въ тридцать лѣтъ, послѣ отставки, я привыкъ уже къ неудачамъ всяческимъ; такъ мнѣ и тутъ онѣ чудятся

[1]) Въ „Бесѣдѣ“ эта статья не была напечатана, а появилась въ „Кіев. Епарх. Вѣд.“ 1871 г., № 7.

и чуются. Но освѣдомиться у Васъ не мѣшаетъ; ибо скоро весна, а мнѣ для здравія душевнаго и тѣлеснаго необходимо убираться въ маѣ изъ Кіева куда нибудь подальше на югъ, на синее море, если не къ водамъ кавказскимъ... Когда ждать Васъ изъ Питера, къ Великодню?— Да хранитъ Васъ Господь на всякомъ мѣстѣ владычества своего!— Вспоминайте иногда въ молитвахъ своихъ душевно преданнаго Вамъ М. Максимовича.

Наконецъ, уже передъ Свѣтлымъ праздникомъ, Лебединцевъ откликнулся на эти письма, извѣщая между прочимъ о томъ, какъ рѣшено повести дѣло о празднованіи юбилея и объ улучшеніи матеріальнаго положенія Максимовича.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Христосъ воскресе!

Обнимаю Васъ сердечно, привѣтствуя со свѣтлымъ праздникомъ. Свѣтлый праздникъ да оживитъ лучомъ радости и Ваше уединеніе среди немалаго града, а людямъ кіевскимъ грѣхъ, что они не то забыли Васъ, не то слишкомъ ужъ занялись своими дѣлами. Жаль, что Великъ-день для меня пройдетъ въ Петроградѣ, да и весна красная кіевская уплыветъ, кажется, до моего возвращенія. Что дѣлать? Гость-невольникъ, такъ и я. Дѣло—не дѣло, а сиди.

Мысль, заявленная Вамъ, идетъ въ ходъ чрезъ Хрущова и Н. А. Ѳаворова къ синклиту университетскому. Предполагается возможный такой порядокъ: университетъ, котораго почетнымъ членомъ Вы состоите, можетъ чрезъ попечителя и министра испросить разрѣшеніе праздновать Вашъ юбилей; при испрошеніи будетъ присовокуплено и ходатайство о Монаршей милости для юбиляра. Когда будетъ получено разрѣшеніе, тогда къ университету примкнетъ все кіев. ученое общество и всѣ Ваши почитатели. Назарій Антоновичъ, отправившійся предъ вербой въ Кіевъ и нынѣ уже вѣрно священнодѣйствующій въ университетской церкви, обѣщалъ именно предложить эту мысль историко-филологич. факультету, а Хрущову о томъ же писалъ Полѣновъ по предложенію Николая Пл. Барсукова. Этотъ путь одобренъ и Аѳа-

[1]) И. П. Хрущовъ, тогда доцентъ по каѳедрѣ русской литературы въ Кіевск. университетѣ.

насіемъ Фед. Бычковымъ. Мнѣ вѣрится, что эта мысль осуществится, а пока скажемъ—дай Боже!

Между дѣломъ я заглянулъ въ Архивъ уніат. митрополитовъ и нашелъ здѣсь интересные для Кіева документы, напр.: Опись имуществу и привилегій Лавры Печерской—1554 года (это постарше напечатаннаго въ Актахъ), опись имуществъ Соф. собора по смерти Рогозы и Поцѣя; буллу папскую Соф. собору—о переходѣ Васильев. церкви къ уніатамъ и обратно къ православнымъ; указаніе на обвалившіяся лѣтъ за 30-ть до уніи на Соф. слободѣ церкви Воздвиженія и св. *Никиты*(?) и проч. Нынѣ я занимаюсь списываніемъ этихъ документовъ, изъ которыхъ одни на польскомъ, другіе на русскомъ языкѣ, но премудрые по почерку. Чтеніе ихъ отзывается болью въ глазахъ, но на эти вещи сами глаза напрашиваются.

Письмо графа Уварова Вами получено: что же Вы отвѣтили ему, а главное, какъ приняли его предложеніе? Весьма интересно знать, потому что графъ горячо желалъ его осуществленія. Онъ обѣщалъ въ Москвѣ показать мнѣ Археологич. домъ, но едва ли я застану его въ Москвѣ на обратномъ пути изъ Петербурга. Въ Кіевъ къ намъ на лѣто многіе отсюда собираются, а также и графъ Уваровъ хочетъ побывать. Застанутъ ли они Васъ въ это лѣто въ Кіевѣ? Застану ли и я? Думаете ли и когда прогуляться на Михайлову Гору?

Андрей Н. Муравьевъ пустилъ сюда мысль, чтобы снять пристройки Соф. соб. и возстановить его по первоначальному фасаду. Мыслію этой здѣсь нѣкоторые занимаются; доведена она и до высочайшаго свѣдѣнія. Какъ она Вамъ кажется? Лучше ли будетъ Соборъ безъ 6-ти куполовъ, равняющихся по величинѣ древнему-среднему?

Поносное время холеры, слава Богу, проходитъ, а отъ оспы Господь сохранилъ Петербургъ градъ. Погода на страстной недѣлѣ стоитъ добропорядочная, а что будетъ на святой—Богъ вѣсть.

Душевно христосуясь съ Вами, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ, Вашъ искренно преданный пр. П. Лебединцевъ.

24 марта 1871 года. С.-Петербургъ.

Въ отвѣтъ на это письмо Максимовичъ написалъ цѣлыхъ три письма въ теченіе апрѣля мѣсяца, все еще живя въ Кіевѣ, такъ-какъ болѣзнь и безденежье не позволяли ему сняться съ мѣста.

Христосъ Воскресъ!

— *Радъ міръ увесь*... Невольно пишется мнѣ сегодня это стародревнее отзвучіе—къ Вамъ, дорогой и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Да здравствуете радостно на берегахъ Невскихъ!

Благодарю Васъ за письмо Ваше, полученное мною въ великую субботу... Мнѣ оно было въ усладу горемычнаго пребыванія моего въ домѣ Горецкаго [1]) именно съ вербной недѣли, продолжающагося и до сего дня, до проводнаго понедѣльника... Горе мое въ заболѣвшей лѣвой ногѣ моей,—помните, еще съ 1864 года страдавшей расширеніемъ венъ; два мѣсяца теперь сидѣлъ я безвыходнымъ сиднемъ, чтобы на страстной и свѣтлой седмицахъ за то повидать Кіева, яко подобаетъ православному христіанину русскому; но мои ножныя вены, отъ колѣна и до пятки,—ни съ того ни съ сего—вдругъ обратились въ низку твердыхъ желваковъ или галушекъ, а потомъ это пошло и вверхъ ноги... Пачкаюсь болѣе двухъ недѣль уже аптечными мазями; но отъ нихъ не легче, и сегодня перейду къ разбивкѣ вышепомянутыхъ желваковъ—іодомъ. Надо лежать или сидя держать ногу въ лежачемъ видѣ; а какъ стану на мѣстѣ минутъ на нѣсколько, щемитъ нога моя несносно, такъ что и помолиться хотя вкратцѣ нельзя спокойно. Вотъ какое невзгодье постигло меня на свѣтлый праздникъ!

Новою усладою, на третій день праздника, былъ мнѣ самъ благовѣстникъ, Назарій Антоновичъ, невидѣнный мною около 4-хъ мѣсяцевъ... Отъ него, и отъ Григорія Павловича [2]), пріятно было мнѣ услышать живую вѣсть о Васъ. Послѣдній съ Екатериною Вас. навѣстили меня въ среду,—съ лекціи Хрущова, который и самъ былъ у меня, съ третьей и послѣдней своей лекціи публичной,—въ субботу. Лекцій публичныхъ въ нынѣшнемъ году читается университантами много, да публики на нихъ бываетъ мало. Пришлись видно не въ пору,—или не въ коня кормъ,—или по пословицѣ: не корми меня тѣмъ, чего я не ѣмъ!

Дѣло моего полувѣчья, возложенное Вами на университетъ, не знаю какъ пойдетъ; на этой недѣлѣ будутъ выборы въ ректоры, хо-

---

[1]) На Бибиковскомъ бульварѣ, гдѣ тогда занималъ М-чъ квартиру.

[2]) Г. П. Галаганъ.

рошо, если бы Наз. Ант. и Хрущовъ успѣли дать этому дѣлу такой толчекъ, чтобъ изъ Кіева оно представлено было въ Питеръ къ маю мѣсяцу. А если тутъ пойдетъ оно въ проволочку и прійдетъ въ Питеръ, когда тамъ вся сила разъѣдется, то изъ того ничего желаннаго и предполагаемаго не выйдетъ. Такъ мнѣ, пассивному въ этомъ дѣлѣ, сдается!

Я пробуду здѣсь—до половины мая; нога моя, кажется, не пуститъ меня далѣе Михайловой-Горы; тамъ и предполагаю быть до половины августа; но когда бы уже мнѣ хоть 15 мая выбраться отсюда на просторъ Михайлогорскій.—И вообразить не можете, какъ я здѣсь занудился во глубинѣ душевной!—Превозмогая однакоже—я все еще продолжаю даже читанье и писанье. Вы, конечно видѣли уже и мою отповѣдь *о Копыревѣ-Концѣ*, въ 7 нум. Кіев. Еп. Вѣдом., преисполненномъ опечатокъ. Пономарева нѣтъ въ Кіевѣ, какъ слышу; удралъ въ свой Конотопъ, послѣ вербной субботы, въ которую былъ у меня съ вербовою вѣтвію изъ Софійскаго храма, стоящею и нынѣ въ образномъ углѣ.

Радуюсь, что Вы извлекаете старописьменныя перлы о Кіевѣ: привозите ихъ побольше; будемъ вкупѣ любоваться ими и пристроивать ихъ умѣстно, въ августѣ,—коли Богъ благоволитъ мнѣ къ тому времени оздоровѣть и пошлетъ средства для пребыванія въ Кіевѣ: ибо нынѣшнее пребываніе мое—сущее мнѣ разореніе,—прибыли, кромѣ несчастнаго пенсіона, ни откуда ни гроша, и долгу набѣжало уже сотни полторы; безъ Васъ не знаю у кого бы спросить и вѣдомостнаго заработка (рублей до *семидесяти*), которымъ пробавляюсь бывало отъ Васъ въ нерѣдкіе припадки безденежья. Не служитъ мнѣ *хвортуна* съ самой отставки моей 1841 года!.. Видно *нетягою* быть и до конца дней—Вашему другу и почитателю. М. Максимовичъ.

5 апр. 1871 г. К.

---

30 апрѣля, 1871 г. Кіевъ.

Пишу Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, привѣтъ изъ Кіева въ памятный мнѣ день Іакова: въ этотъ день 1853 года, было бракосочетаніе мое въ Драбовѣ, въ Михайловской церкви, и какое торжественное, соборомъ трехъ іереевъ,—и какой прекрасный весенній день тогда былъ!.. А здѣсь, въ нынѣшнемъ году, ночью былъ снѣжокъ съ морозцемъ, такъ что термометръ у меня въ комнатѣ, вчера протопленой, спустился на 14°... Тѣмъ не менѣе я бодрюсь; отъ іодоваго

умащенія уже мякнуть и убавляются венозные желваки лѣвой ноги моей; я начинаю уже ходить подъ открытымъ небомъ и чувствовать себя какъ бы пробуждающимся отъ зимней спячки. Вотъ сегодня написалъ уже и отвѣтъ на недавнее письмо гр. Уварова, который при семъ прилагаю, чтобы и Вы знали его содержаніе. Если графъ въ Петербургѣ, то потрудитесь, заклеивъ и запечатавъ пакетъ, немедленно ему доставить; если онъ уѣхалъ уже, надпишите: въ *Москву*, и поскорѣе пошлите туда.

О полувѣчьи писательства моего представленіе факультетское лишь сегодня будетъ заслушано въ совѣтѣ, ибо въ прошлую пятницу не было совѣта, за отъѣздомъ ректора Матвѣева куда то далеко на практику и нездоровьемъ проректора Митюкова. Что тамъ усовѣтуютъ сегодня, буду знать завтра; но медленіе кстати, ибо попечитель Антоновичъ, ко мнѣ благопріятный, вернется развѣ къ половинѣ мая. Раньше того срока я не успѣю выбраться отсюда, ни по здоровью, ни по средствамъ моимъ денежнымъ. Спасибо Вамъ; въ Егорьевъ день о. Ждановъ весьма кстати вручилъ мнѣ 75 р. отъ редакціи К. Е. В.—Къ тому въ дополненіе, на слѣдующей недѣлѣ, получу еще мой пенсіонъ за апрѣль—62 р. изъ Кіевскаго казначейства, куда я перевелъ свой пенсіонъ, въ предположеніи здѣсь коротать остатокъ дней своихъ. Но гдѣ я водворюсь съ конца августа или съ начала сентября на новую зимовку, если Богу угодно, чтобы я вернулся сюда къ тому времени изъ моей Михайлогорской пустыни?... Конечно, мнѣ надо привитать или на Старомъ Кіевѣ, или невдалекѣ университета и первой гимназіи.—Пишу Вамъ эти мелочи, зная дружеское Ваше во мнѣ участіе, чтобы Вы, принявши въ свое вниманіе странную судьбу мою, извѣстны были и о нынѣшнемъ ея моментѣ, вслѣдствіе котораго я могу застрянуть окончательно и безвозвратно тамъ, противъ устья р. Роси [1])...

О многомъ, многомъ, болѣе мнѣ интересномъ, хотѣлось-бы поговорить съ Вами,—вотъ напр. и по случаю одесскаго событія... У меня на душѣ чуется, что если правительство не укоротитъ распространеніе жидовства, хоть бы и въ жалкой Переяславщинѣ или Полтавщинѣ, гдѣ на моихъ очахъ, въ продолженіе 35-ти лѣтъ жидовство усилилось во сто разъ, то лѣтъ черезъ десять или около того повторится непремѣнно, не только Аккерманская или Одесская исторія, а

---

[1]) Т. е. на Михайловой Горѣ.

исторія 1648 или 1768 годовъ. Но что будетъ, то Богъ дастъ. въ Его-же волѣ и силѣ пребываемъ и всѣ мы, единичныя личности, и множественныя миліардныя единицы государственныя,—и совершается на бѣломъ свѣтѣ подлунномъ то, что не можетъ быть предвидѣно никакими умозрѣніями, никакими телескопами и микроскопами... Господь да хранитъ Васъ на Невскихъ берегахъ для благополучнаго возвращенія и пребыванія на Днѣпровскомъ берегу, въ богохранимомъ стольномъ Кіевѣ. Когда-то я увижу и обниму Васъ въ ономъ?... Душевно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

P. S. Брату Вашему и Николаю Платоновичу прошу передать мой сегодняшній поклонъ. Для живѣйшаго о себѣ напоминанія прилагаю свою образинку... Снимитесь Вы въ Питерѣ, и пришлите мнѣ сюда,— только безъ камилавки, какъ, помните, я просилъ Васъ въ прошломъ году, послѣ Вашего служенія въ Софійскомъ храмѣ...

Господь да хранитъ Васъ и благодѣетъ Вамъ, на всякомъ мѣстѣ владычества своего!—Помолитесь и обо мнѣ, душевно преданномъ Вамъ землякѣ!

1 мая, 1871 г. Кіевъ.

Привѣтъ Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ нынѣшнимъ праздникомъ Кіево-Софійскимъ [1]). Вы мыслію своею, конечно, здѣсь, въ дому и храмѣ Ярославлемъ, у мощей преподобнаго мученика - митрополита. Но знаете ли, что нынѣ съ утра до 11-го часу шелъ непрерывный дождь,—да и до сего часу полудня перемежался онъ уже неоднократно...

Чуть ли не прійдется мнѣ сегодня быть домосѣдомъ до вечера. А мое вчерашнее къ Вамъ посланіе—представьте себѣ, самъ я донесъ до почты и воротился тихимъ ходомъ во свояси, зѣло уставшій: такъ стараюсь разшевелить всѣ зимнія залежи и застои моего устарѣлаго организма... А факультетское представленіе и вчера не заслушалось въ совѣтѣ, который не состоялся и вчера, понеже не собралось узаконенное число $^2/_3$ наличныхъ членовъ.. Блаженная пора настала для «наукъ вызволéныхъ!»... Хорошо тому на свѣтѣ жить, кто нынѣ поступаетъ въ ихъ университетскій причетъ: и вольно, и привольно!

Порадуйте меня еще разъ въ Кіевѣ, до 15 мая, Вашими хотя немногими строками: когда Вы надѣетесь вернуться сюда,—и о про-

---

[1]) Митр. Макарія, мощи котораго въ Софійск. соборѣ.

чемъ, что набѣжитъ подъ Ваше перо, на листокъ, для меня предназначенный.

Мнѣ сегодня что-то особенно грустно, и не съ кѣмъ отвести душу... Не прійдетъ-ли къ обѣду хоть *Алексѣйко* мой изъ гимназіи, которая однакоже—сказавъ правду—не возбудила въ немъ и доселѣ любви къ чтенію и занятію...

Съ моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и дружествомъ, остаюсь навсегда преданный Вамъ М. Максимовичъ.

Вскорѣ по полученіи послѣднихъ двухъ писемъ, Лебединцевъ отвѣтилъ, все еще изъ Петербурга, сообщеніемъ объ успѣхѣ затѣяннаго празднованія юбилея Максимовича.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ.

Два письма Ваши отъ 30 апрѣля и 1-го мая изъ нашего Кіева дышутъ не только полнотою Вашего довѣрія и теплотою Вашей сердечности, но и теплотою кіев. мая (а мы еще его и не видали): все это какъ бы тянетъ меня поскорѣе въ Кіевъ. Жаль только, что я не застану Васъ въ немъ, послѣ 8-ми мѣсячнаго пребыванія моего на семъ хладномъ сѣверѣ. Утѣшаюсь, что увижу Васъ съ сентябрѣ, въ его началѣ, и въ лучшемъ здоровьи и въ подобающей Вашимъ заслугамъ чести. Основаніе думать о возможности, что все устроится по нашему общему желанію, есть. Какъ сочувственно отнеслись добрые люди къ вѣсти о Вашемъ юбилеѣ, доказательствомъ служитъ, во-первыхъ, прилагаемое при семъ письмо г. Коссовича къ М. Н. Каткову. Деляновъ и А. Ѳ. Бычковъ, съ своей стороны, по словамъ Н. Барсукова, полнѣйшее содѣйствіе обѣщаютъ къ тому, чтобы все это окончилось для васъ не однѣми рѣчами и кормленіемъ часовымъ, а и существеннымъ для Васъ и Вашего семейства—въ родѣ увеличенія пенсіона или назначенія аренды. Графъ Уваровъ получилъ Ваше письмо отъ меня лично. О предполагаемомъ юбилеѣ онъ до того ничего не слыхалъ, и весьма обрадовался, узнавши отъ меня. Пока я окончилъ періодъ о семъ, онъ карандашемъ черкнулъ замѣтку у себя на бумажкѣ, и потомъ пояснилъ, что онъ, съ своей стороны, имѣя быть въ тотъ же день (9-го мая) въ 9-ть часовъ вечера у графа Д. А. Толстого, употребить свое ходатайство, чтобы графъ принялъ это дѣло, какъ должно, и сдѣлалъ полезное для Васъ. Графъ Уваровъ даже обѣщалъ меня письмецомъ извѣстить на другой день о содержаніи

своего разговора съ министромъ нар. просв. какъ о Вашемъ юбилеѣ, такъ и объ основаніи Кіевскаго истор. общества. Но, вѣроятно, или онъ не успѣлъ этого сдѣлать за скоростью отъѣзда, предполагавшагося на третій день, или онъ рѣшился прописать сіе въ письмѣ къ Вамъ, которое обѣщалъ (послать) отсюда еще въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ, на благой исходъ дѣла благаго задатковъ не мало. А Богъ своею благостью все устроитъ къ лучшему.

Степанъ Ив. Пономаревъ обѣщалъ прислать статейку по поводу предположеннаго торжества Вашего въ журналъ Мин. Народн. Просв. Ожидаю.

Отъѣздъ Владыки изъ Петербурга назначенъ 20 мая. Въ то же время, или около того же времени, предпріиму и я свое теченіе къ берегамъ Днѣпра.

Вчера въ Исаакіевскомъ соборѣ весь св. Синодъ молебствовалъ св. Кириллу и Меѳодію, а вечеромъ былъ я въ Слав. Комитетѣ, гдѣ была такая духота, что препод. Несторъ и о нихъ могъ бы сказать: сами себе мучатъ, никимъ же мучими. Въ 11-ть часовъ ушелъ я во время чаепитія, но засѣданіе было еще на половинѣ.

Да благословитъ Господь Вашъ путь на Михайлову Гору и даруетъ Вамъ укрѣпленіе силъ.

Васъ глубокопочитающій и душевно преданный Пр. Петръ Лебединцевъ.

12 мая 1871 г. С.-Петербургъ,

Слѣдующее коротенькое письмецо съ приложеніемъ статьи, вѣроятно—«Библіографическое объясненіе г. Гильтебрандту» (Кіев. Епарх. Вѣд. 1871 г., № 15), было передано черезъ С. И. Пономарева, впервые посѣтившаго тогда Михайлову Гору. С. И. Пономаревъ готовилъ для Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. статью о Максимовичѣ и потому пріѣзжалъ къ нему на хуторъ получить библіографическія и біографическія справки. Здѣсь онъ такъ увлеченъ былъ мѣстоположеніемъ хутора Максимовича на горѣ, видами съ горы и вообще всей обстановкой, что составилъ описаніе Михайловой Горы, напечатанное имъ тогда же, въ 1871 г., не припомню гдѣ. Объ этомъ описаніи упоминаетъ и Лебединцевъ въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ изъ Кіева, куда онъ пріѣзжалъ въ кратковременный отпускъ изъ Петербурга.

13 іюня 1871 г.

Привѣтствую васъ и кланяюсь вамъ въ Кіевъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ моей Михайловой-Горы. Уѣзжающій сегодня гость мой перескажетъ вамъ обо мнѣ, лучше меня, мое пребываніе здѣсь съ 21 мая, и передастъ вамъ статью мою, еще до его посѣщенія написанную; а письменную корреспонденцію съ друзьями и благожелателями начинаю вотъ этимъ только листикомъ къ вамъ, *13 іюня 1871 г.* Мысленно обнимаю и цѣлую васъ въ уста и десницу, любящій и уважающій васъ М. Максимовичъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Приношу Вамъ искреннюю благодарность за привѣтъ изъ Вашего Михайлогорскаго уединенія, привезенный Ст. Ив. Пономаревымъ. Да будетъ Ваше пребываніе на Михайловой Горѣ къ укрѣпленію Вашихъ силъ для предстоящаго торжества Вашего и къ обновленію Вашей почтенной старости. А пока судъ и милость Высочайшія придутъ, спасибо князю Дундукову и за его милость, состоящую въ ассигнованіи Вамъ 500 рублей. Но какъ между Вами и канцеляріей кіев. генералъ-губернатора и разстояніе и пропасть Днѣпровская не малы, то благоволите, въ ожиданіи оной милости посыпать Михайлову Гору прилагаемыми при семъ *сто рубл.* Статью, Вами пожалованную вновь редакціи Кіевск. Епарх. Вѣдомостей, я передалъ о. протоіерею Жданову въ печать, ибо по кратковременности отпуска и множеству другихъ нелитературныхъ дѣлъ, не принимаюсь за редакцію; корректура этой статьи будетъ прислана мнѣ.

Степанъ Ивановичъ до того увлекается описаніемъ пребыванія на Михайл. Горѣ, что невольно увлекся бы и я посѣтить оную, если бы не препятствовали обстоятельства.

19-е іюня 1871 г.

Въ ожиданіи встрѣтить васъ въ началѣ сентября, остаюсь съ всегдашнимъ глубокимъ моимъ уваженіемъ Вашъ душевно-преданный П. Лебединцевъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Канцелярія генералъ-губернатора, или лучше г. Снѣжко былъ такъ обязателенъ къ Вамъ, что предложилъ мнѣ получить талонъ на

ассигнованныя Вамъ княземъ Дундуковымъ 500 р., который лежитъ у нихъ безъ дѣла съ января мѣсяца за незнаніемъ, гдѣ вы обрѣтаетесь; обращались въ началѣ мая даже къ полиціймейстеру, но и тотъ будто не отыскалъ Вашей квартиры. Препровождаю сей талонъ на Ваше усмотрѣніе: если Вы желаете его обратить скорѣе въ капиталъ, то благоволите извѣрить на оборотѣ полученіе денегъ, а я на два мѣсяца положу въ частный К. Банкъ, а если угодно, получите сами деньги по возвращеніи въ Кіевъ.

Вчера Ив. П. Хрущовъ съ сожалѣніемъ сказывалъ мнѣ, что лишь вчера поѣхала въ Петербургъ бумага о Вашемъ юбилеѣ; до того лежала въ канцеляріи и отправлена уже по его настоянію. Впрочемъ, все это будетъ не поздно.

Въ Кіевѣ ничего особеннаго, тишь и Божія благодать; душевно желая Вамъ того же, остаюсь съ искреннею преданностью и уваженіемъ Вашъ покор. слуга П. Лебединцевъ.

25 іюня 1871 г., Кіевъ.

Отвѣтъ на оба послѣднія письма Лебединцева былъ исполненъ благодарности за его дружеское вниманіе.

13 іюля 1871 г. Мих. Гора.

Винюсь передъ вами, достопочтенный и дорогой Петръ Гавриловичъ, въ медленности моего отвѣта на ваши два письма ко мнѣ, не только прелюбезныя, но и многокорыстныя для меня своими приложеніями—*ста рублями* къ первому отъ 19 іюня и *пятисотнымъ талономъ* по второму отъ 25 іюня. Но сущность отвѣта напередъ вамъ извѣстна: искренняя и сугубая благодарность за ваше дружеское ко мнѣ вниманіе и обо мнѣ попеченіе. Самъ не знаю, что это за безписьменность нашла на меня въ нынѣшнее лѣто на Михайловой Горѣ: лишь второе это письмецо, а первое было тоже къ вамъ... а предстоитъ къ написанію по меньшей мѣрѣ дюжина. Впрочемъ, виною тому не перобоязнь, въ иныя лѣта на меня здѣсь нападавшая; то можете видѣть по моей второй уже статьѣ для Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей; по статьѣ объ Иліи Муромцѣ [1]), посланной письмомъ, отданнымъ для ускоренія на пароходъ, шедшій въ Кіевъ, ве-

[1]) Въ какомъ вѣкѣ жилъ Илья Муромецъ? (Кіев. Епархіальн. Вѣд. 1871 г. № 15).

черомъ 11-го іюля и приставашей къ здѣшней *Прохоровской* пристани. Да благоволитъ редакція помѣстить ту мою вторую статью въ ближайшемъ нумерѣ, какъ для того, чтобы не утратился ея литературно-полемическій интересъ [1]), такъ и потому, что дней черезъ десять я предполагаю прислать еще статью: о кіевскихъ первопечатныхъ книгахъ достовѣрныхъ и мнимыхъ (послѣдній надалъ Кіеву о. Троцкій, накликавшій даже *Тріодь*, якобы напечатанную въ первой половинѣ XVI в., въ воображаемой лаврской типографіи, по мнѣнію о. Леонида Новоіерусалимскаго). Это будетъ вѣроятно уже послѣдняя моя дань книжной старинѣ южнорусской... Лежитъ еще на совѣсти Покровскій монастырекъ Каневскій; но тотъ уже отлагаю до зимы или осени [2]); да и весь матеріалъ для него, какъ и для всего Кіевоописанія, и для юго-западнаго края, заключенъ въ двухъ сундукахъ, оставленныхъ въ домѣ Горецкаго, у Науменка, вмѣстѣ со столомъ, въ которомъ также есть бумаги и картины мои;—а ключи отъ нихъ у него же. Предполагаю увидѣть снова Кіевъ, почти невиданный мною въ послѣднее мое пребываніе въ немъ— около *15 августа*. Впрочемъ, это сбудется лишь тогда, если поправлюсь моимъ здоровьемъ. Если жъ оно будетъ по нынѣшнему, то быть мнѣ здѣсь и въ августѣ, и въ сентябрѣ,—при всемъ стремленіи мыслей моихъ къ богоспасаемому граду, при всей томящей меня и пугающей меня мысли зазимовать здѣсь, на отцвѣтающей уже Михайловой Горѣ. Странное состояніе и теченіе моихъ дѣлъ! Съ 20 генваря лежитъ бездѣйственно талонъ на 500 рублей, назначенныхъ мнѣ благодѣющимъ княземъ Дондуковымъ, и не находитъ меня въ Кіевѣ; между тѣмъ, какъ я, почти раззорясь зимовкою въ Кіевѣ, передъ выѣздомъ изъ Кіева, объявлялъ посѣщавшимъ меня пріятелямъ, чтобъ нашли мнѣ рублей 200 на годъ, или 500 на два года, подъ залогъ Михайловой Горы, за 10 процентовъ; и нашелся лишь одинъ добрый человѣкъ, снабдившій меня на безсрочную и безпроцентную уплату *ста* рублями, которые и помогли мнѣ расквитаться съ квартирой и прочими мелочами, и добраться до ночлега на пароходѣ Александрѣ,—куда г. Щербакъ весьма обязательно доставилъ мнѣ еще мѣсячный пенсіонъ мой, изъ Кіевскаго казначейства

---

[1]) „Библіограф. объясненіе Гильтебрандту" (Кіев. Епарх. Вѣдом. 1871 г. № 15).

[2]) Обѣ эти статьи, очевидно, не были имъ написаны, т. к. въ печати мы ихъ не знаемъ, а въ рукописяхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, мы ихъ не нашли.

имъ взятый: вотъ я и не съ пустыми руками добрался, бурнымъ въ тотъ день (царя Констант. и Елены) Днѣпромъ, до своего двора Михайлогорскаго. Я прерываю бесѣду съ вами на половинѣ ея, желая чтобы хоть она скорѣе достигла вашего слуха: мои ѣдутъ опять на Тарасову могилу гулять, съ своими гостями и сосѣдями, покидая меня сиднемъ на своей Горѣ, однимъ одного; а я тому и радъ, чтобы на самотѣ прійти сколько-нибудь въ себя, послѣ предшедшихъ дней, и отдохнуть отъ усталости. Моя жизнь... но что говорить о ней? Чья жизнь на этомъ свѣтѣ удовлетворительна—обладающимъ ею, даже счастливѣйшимъ носителямъ ея, даже баловнямъ ея?.. А я никакъ не могу сопричислить себя къ ихъ сонму, даже съ самаго отрочества моего, когда Золотоношская черница Варсонофія, выучившая меня грамотѣ, давала мнѣ ночлегъ въ кухонной половинѣ своей келіи, на лавкѣ, возлѣ своей старой колченогой послушницы, которая иногда видѣлась мнѣ во снѣ въ видѣ простоволосой, растрепанной вѣдьмы, вслѣдствіе ея же разсказовъ.

Отъ всей души обнимаю васъ, уважающій и любящій васъ М. Максимовичъ.

Затѣмъ наступаетъ довольно продолжительный перерывъ въ перепискѣ, объясняемый тѣмъ, что Максимовичъ въ концѣ августа пріѣхалъ въ Кіевъ для празднованія своего юбилея, состоявшагося 6 сентября. Время пребыванія Максимовича въ Кіевѣ, гдѣ въ то время былъ и Лебединцевъ, устраняло потребность въ перепискѣ, а затѣмъ, когда Лебединцевъ поѣхалъ опять въ Петербургъ, онъ считалъ, что Максимовичу, всецѣло занятому долго тянувшимся чествованіемъ его въ Кіевѣ и отписками на всякія привѣтствія, полученныя имъ, не до переписки. Это и объясняетъ Лебединцевъ въ началѣ своего письма, писаннаго уже въ половинѣ ноября въ Петербургѣ и адресованнаго на Михайлову Гору, куда Максимовичъ отправился проводить зиму 1871—72 г. Письмо это представляетъ особенный интересъ, заключая въ себѣ описаніе г. Владиміра на Клязьмѣ и сравненіе его съ Кіевомъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

На привѣтствія Ваши мнѣ чрезъ г. Барсукова едва собрался теперь откликнуться Вамъ. Причиной сего были нѣкоторыя служебн.

занятія, и болѣе предположеніе, что письмо сіе удобнѣе прочтется Вами въ уединеніи Михайловой Горы, чѣмъ въ Кіевѣ, окружавшемъ Васъ въ минувшемъ мѣсяцѣ постоянными знаками почитанія и, можетъ быть, даже до утомленія Вашего. Хотя это было достойное вполнѣ достойному, но все же Вы лучше сдѣлали, что на время дали себѣ отдыхъ и отъ похвалъ.

Позвольте сказать Вамъ нѣчто о своемъ посѣщеніи новаго Кіева, Владиміра Клязьменскаго.

Съ праздника Вашего, когда еще раздавались въ ушахъ патріот. воспоминанія о Кіевской Руси, оживленной въ памяти соотечественниковъ Вашими трудами, понесся я въ Суздальскую землю съ быстротою, о которой не могъ и гадать Юрій Долгорукій и Андрей Боголюбскій. Если бы въ ихъ время Кіевъ отстоялъ отъ Владиміра не болѣе на 3 дня пути, не грабили бы они сокровищъ и святыни Кіева, не создали бы новой великокняжеской столицы на берегахъ Клязьмы, менѣе тужили бы о томъ, что нѣтъ ихъ потомству удѣла въ русской (кіев.) землѣ. Тѣмъ не менѣе, глядя изъ вагона на все еще покрытую лѣсами и ровную мѣстность отъ Москвы до Владиміра, я вспоминалъ слова Юрія: «не забыть мнѣ русской земли», имѣющей другую физіономію. Къ вечеру, на сумеркахъ, подъѣхали мы къ возвышенной мѣстности, на которой показались вершины храмовъ и огоньки домовъ; по правую сторону была Клязьма и обширная за ней луговая мѣстность, точно заднѣпровье наше, окаймленное вдали лѣсомъ. У подошвы горнаго хребта, по теченію Клязьмы, какъ будто подъ угор. мѣстомъ, проѣхали мы мѣстность Владиміра, миновавъ стоящіе вверху храмъ Николая Мокраго, Успенскій, Дмитріевскій и Рождественскій соборы. Отъ вокзала проѣхалъ вверхъ я мимо церквей Ильинской и Богословской, стоящихъ недалеко отъ берега одна противъ другой, и миновавъ и съ другой стороны соборы Рождественскій, Дмитріевскій и Успенскій, остановился въ гостинницѣ, на улицѣ, ведущей къ Золотымъ вратамъ. Утромъ изъ окна моей квартиры открылся предъ нею взвозъ къ Клязьмѣ, какъ будто Панкратьев. спускъ къ Днѣпру, съ горами одесную и ошуюю; налѣво отъ взвоза былъ Успенскій соборъ, а направо гора или урочище Козловъ, по крутому склону котораго пріютились долинки съ огородами; выходъ взвоза, казалось, былъ подъ моей квартирой, но оказалось, что онъ обходилъ ее и, миновавъ, выходилъ на Златовратскую улицу. Все это живо напомнило что то. Кіевское. Въ 8-мь часовъ при холодной погодѣ съ дождикомъ, защищаясь зонти-

комъ, вышелъ я взглянуть на Владиміръ. Пройдя пересѣкающій Златоврат. улицу валъ, направился я вокругъ Успенск. собора, по окружающему его бульвару, усаженному тѣнистыми деревьями; мѣстность его точь въ точь похожа на мѣстность Златоверхомихайл. монастыря въ Кіевѣ, гора такой же высоты и округлости, внизу Клязьма, справа взвозъ, слѣва оврагъ въ родѣ Боричева взвоза, нѣтъ только монастыр. построекъ и большой ограды, но все это усажено деревьями съ дорожками; на углу, какъ и за Михайл. нынѣ монастыремъ, бесѣдка. По окраинѣ горы и здѣсь былъ валъ, но тоже снятъ. Это что-то въ родѣ город. сада. Рядомъ почти съ Успенскимъ Златоверхимъ соборомъ стоитъ Дмитріевскій соборъ, къ сѣверу, какъ бы съ правой стороны Боричева взвоза, отдѣляясь отъ Успенскаго собора только зданіемъ присутств. мѣстъ. Далѣе отъ Дмитріев. собора, сѣвернѣе его, на другой горѣ, имѣющей тоже овальную форму съ восточн. стороны, стоитъ монастырь Всеволода Юрьевича, Большое гнѣздо, съ зубчатой оградой и башнями вокругъ. Эта мѣстность много напоминаетъ Кіев. Трехсвятит. гору, если обрѣзать ее у Монькина дома, подлѣ минист. женской гимназіи; дальше внизъ, только не такъ ужъ внизъ, какъ на нашъ Подолъ, у подошвы Рождест. монастыря, пересѣкали Иванов. ворота Золотоврат. улицу, они были въ валу, за которымъ начинался *ветшаной* городъ съ церковью Ивана Богослова, Ильинской и Богор. монастыремъ, что нынѣ семин. церковь. Это что то въ родѣ Подола, только онъ идетъ скатомъ къ Клязьмѣ и къ Лыбеди, впадающей въ Клязьму выше этого Подола, съ сѣверной его стороны. Я забылъ предварительно сказать Вамъ еще, что Владиміръ раздѣляется на три части 3-мя валами, идущими параллельно отъ востока къ сѣверу, или отъ Клязьмен. обрыва къ оврагу, по которому протекаетъ ручей Лыбедь: 1-я часть отъ Золотыхъ воротъ до Успен. собора Печер. градъ: здѣсь Княгининъ монастырь у берега Лыбеди, на небольшой крутизнѣ, съ мощами Аврамія Болгарина; и близъ него Никит. церковь, у самыхъ Золотыхъ воротъ Николо-Златовр. церковь, влѣво отъ Златовратской улицы, или отъ Золот. воротъ на востокъ: Георгіевская, Пятницкая, Никитская, Спасопреображенская и Петропаловская, еще восточнѣе— какъ бы къ нашему Печерску: Воскресенская, Вознесенская, Никольская, а были еще здѣсь же *Успенская и Рождественская.* Какъ много здѣсь подражанія Кіеву! Правда у насъ нѣтъ на старомъ городѣ церквей Никитской, Петропавловской, Спасской, но что онѣ были, на это у меня есть свидѣтельства 17-го вѣка, а

Петропавловскую еще помнитъ старуха Королева. Дмитріевская, Іоанна Богослова и созданная Ярополкомъ во имя св. Петра были по всѣмъ примѣтамъ справа Михайл. моностыря, гдѣ и видны остатки 3 церков. фундаментовъ, гдѣ былъ Богословскій монастырь, а св. Симеона была между Трехсвятительской и нынѣшней Андреевской, гдѣ Вы полагали мѣсто Воздвиженской, ибо Воздвиженская церковь była na słobodzie, po polsku podniesienie s. Krzyża, a gdy tu cerkiew obwalilasię, ztamtąd pop przeprowadzil się na górę i potym popie drugi pop Philip mieszkał tamże na górże przy Cerkwie S. Wasyla, i trzymał ten pop trzy Cerkwi: *s. Wasyla, S. Mikitę i Cerkiew podniesienie S. Krzyża*, а отцы сіи жительствовали въ концѣ 16 вѣка. Да и въ лѣтописяхъ нѣтъ свидѣтельства о церкви Воздвиженской на старомъ Кіевѣ, а только объ Андреевской—Янчиномъ монастырѣ. Огородъ св. Іоанна могъ быть на склонѣ къ Кожемякамъ, отдѣльно отъ церкви, и притомъ вѣроятно были въ Кіевѣ и подавно Іоанно-Златоустов. церковь надъ спускомъ въ кожемякскую дебрь отъ Софійскихъ воротъ, бывшихъ подлѣ нынѣшней Златоустовской, какъ была во имя того же святого церковь въ Холмѣ. Огородъ могъ принадлежать и другому Іоанну. Народъ почему то называетъ Трехсвятит. церковь *Пятницкимъ монастыремъ*, примите къ свѣдѣнію. Спасская церковь murowana также была на słobodzé sophieyskiey и называлась Metropolu, ktòra obwaliła sie trzydziestu kilka lat до начала 17-го вѣка. Троицкой мѣсто и мы помнимъ. Вотъ Вамъ черты Владиміра, поясняющіе старину Кіевскую. Золотыя ворота весьма похожи на рисунокъ Кіев. Золот. воротъ въ 17 вѣкѣ, и надъ ними церковь *ризы положенія*, какъ было въ старину, и служба тамъ идетъ, а подъ воротами ѣздятъ, да ворота эти проѣзжія, на главной улицѣ, а не спрятаны въ уголкѣ, подобно Кіевскимъ. Поклонился я гробамъ Андрея Боголюбскаго, Глѣба Андреича и Юрія Всеволодича, убитаго при р. Сити, и Максимов. Богородицѣ стоящей надъ его гробомъ или лучше надъ его косточками, лежащими на $^1/_4$ аршина отъ поверхности пола, а гробъ сгнилъ. Видѣлъ и древній склепъ княжескій, и фрески Рублевскія, и прочія примѣчательности. Былъ я и въ княгининомъ монастырѣ, гдѣ лежатъ обѣ супруги Всеволода III и св. Александра Н., не попрепятствовавшія послѣднему и быть святымъ, несмотря на двоеженство, и гдѣ прожила 16 лѣтъ Ксенія Борисовна. Дмитріев. соборъ снаружи лучше, чѣмъ внутри, и примѣчательнѣе, но обновители оторвали отъ него древнюю папертъ, признавъ по ошибкѣ за новую, а соборъ Все-

володовъ Рождественскій развалили и изъ фундаментовъ построили вновь уже. Не зная толку въ церковн. археологіи, эти господа соорудили въ томъ и другомъ соборѣ иконостасы во всю высоту храмовъ, съ глухими досчатыми дверьми. И это называется возстановлять въ древній видъ! На Златоглавомъ соборѣ мало злата, да и трудно его пріобрѣсть съ проведеніемъ желѣзн. дороги въ Нижній, быстро, безъ остановки мчащей торговцевъ нынѣ въ Нижній на ярмарку и обратно. Въ Боголюбовѣ не могъ быть за холодомъ и сыростью. Но все же я весьма доволенъ, что Богъ привелъ меня быть и въ семъ древнемъ градѣ хотя нѣсколько часовъ.

Въ Петербургѣ сидимъ благополучно и состязаемся, а время идетъ въ безполезныхъ преніяхъ. Познакомился я съ П. И. Савваитовымъ—интересный человѣкъ. Николай Пл. Барсуковъ Вамъ усердно кланяется; онъ пришлетъ Вамъ смѣту на изданіе брошюры о юбилеѣ Вашемъ—это будетъ стоить 58 рублей. Человѣкъ онъ весьма усердный ко всякому доброму дѣлу и Вамъ весьма благожелательный и радѣтельный. Жаль только, при ограниченныхъ своихъ средствахъ поусердствовавши издать Ваши письма, онъ едва выручилъ 60 руб., тогда какъ изданіе ему стоило 300 рублей—ему, а не Савваитову, который участвовалъ совѣтомъ, а не карманомъ.

Братъ мой Даніилъ свидѣтельствуетъ нижайшій поклонъ.

М. П. Погодинъ—тайный совѣтникъ и докторъ Русской исторіи, но его, кажется, не покормили, а тотъ только блаженъ, кто и *снѣстъ обѣдъ*...

Богъ да хранитъ Ваши силы и да продлится Ваша славная старость...

Вамъ душевно преданный съ глубокимъ уваженіемъ прот. П. Лебединцевъ.

Отъ удѣла въ русской землѣ не отказывайтесь, ибо иначе Вы отчуждитесь ея, какъ Андрей Боголюбскій, и отчуждится Ваше потомство [1]).

Слѣдующія два письма Максимовича, изъ которыхъ первое, прерванное на половинѣ, не датировано даже, но изъ замѣтки,

[1]) Рѣчь идетъ о льготномъ пріобрѣтеніи участка земли въ юго-западн. краѣ изъ имѣній, конфискованныхъ у польскихъ помѣщиковъ.

сдѣланной на немъ рукою Лебединцева о срокѣ полученія ея 1 декабря, ясно, что оно писано въ концѣ ноября. Продолженіемъ его служитъ письмо отъ 3 декабря, гдѣ главнымъ образомъ и идетъ рѣчь объ описаніи г. Владиміра, сдѣланномъ Лебединцевымъ въ послѣднемъ его письмѣ, и объ археологическомъ обществѣ въ Кіевѣ.

Добраго здоровья желаю Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ! Мой голосъ къ Вамъ изъ Михайлогорской хаты на берега Невы, въ письмѣ къ Ник. Пл. сказавшійся, конечно, дошелъ уже давно до Вашего услышанія. А вслѣдъ за тѣмъ, я много обрадованъ былъ еще новымъ знакомъ Вашей дружеской памяти обо мнѣ—Вашею карточкой безъ камилавки, которою и почтилъ новопріобрѣтенный мною въ Кіевѣ альбомъ. Вашей статьей о городѣ Владимірѣ Залѣскомъ (о немъ же, помните, замѣтку мою, при Васъ гр. Блуд. сказанную), если Вы дадите ей форму письма ко мнѣ, можетъ начаться не малочисленный рядъ переписки нашей *о кіевской старинѣ*, гдѣ, по пословицѣ, чѣмъ дальше въ лѣсъ... Перекличкою этою оживятся опять Кіев. Еп. Вѣдомости,—и въ этомъ предположеніи я напишу и о первопечатныхъ кіевскихъ книгахъ въ формѣ письма къ Вамъ. Вы, безъ сомнѣнія, на это согласитесь...

Далъ бы только Господь мнѣ силу и благосостояніе душевное на дальнѣйшіе труды. До настоящихъ-же дней время мое на Михайловой-Горѣ было какимъ-то безцвѣтнымъ и безплоднымъ отдыхомъ послѣ многотруднаго полувѣчья моей жизни. Къ тому же и погода почти весь ноябрь, туманная, со мрякой, а нерѣдко и съ краплистымъ дождемъ, какъ и сегодня съ самаго утра. Солнца давно уже не видится здѣсь; да и мѣсяцъ сполнился, ущербляется едва видный сквозь туманную атмосферу, о звѣздахъ-же и говорить нечего, какъ будто и нѣтъ ихъ на небѣ... а безъ свѣтилъ небесныхъ скучно быть на землѣ, даже и на нашей украинской,—даже и на моей Михайлогорской. Можетъ быть на водахъ Невскихъ и веселѣй въ такіе дни; но о томъ Вы скажете мнѣ, когда—дастъ Богъ—перезимуя здѣсь, я прибуду къ Вамъ на страстную недѣлю и мы похристосуемся съ Вами на Великдень. Теперь-же, оповѣстите меня хоть коротенько о себѣ, когда будете Вы снова на Старомъ Кіевѣ, въ дому святософійскомъ? Хоть для душъ и нѣтъ, говорятъ, пространства и времени; но для души,

еще привитающей въ сихъ предѣлахъ, временныхъ и мѣстныхъ, и не отрѣшившейся отъ состава вещественнаго, желательно свѣдѣніе о родной и дружной душѣ, на этомъ вольномъ свѣту пребывающей, и по полученіи его она утоляется...

«Можно ли къ Вамъ старшинѣ войти?—спрашиваетъ у меня служанка. Зови,—говорю я... И вотъ, приспѣвшій къ обѣду моему волостной голова Панченко, на просвѣщеніе котораго я нѣкогда подарилъ его отцу четырехъ-томное «Училище Благочестія», своимъ разглагольствіемъ о всякой всячинѣ нашего земскаго бытія, перебилъ мое къ Вамъ разглагольствіе, и я препровождаю его Вамъ недоконченное, лишь бы поскорѣе заявить Вамъ этими строками моими ту постоянную думу сердечную о Васъ, съ которою былъ, есмь и буду— вѣковѣчно преданный Вамъ М. Максимовичъ.

P. S.—Если Вы еще въ Петроградѣ, то прошу Васъ передать мой поклонъ и привѣтъ Даніилу Гавриловичу.

3 декабря 1871 г. Мих. Гора.

Благодарю Васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, за Ваше усладительное письмо отъ 13 ноября, которымъ усугублено было веселіе мое на Введеніе, въ день рожденія и именинъ моей Марьи Васильевны [1]). Дважды прочелъ я тогда его своими собственными очами,—пока не прибылъ еще нашъ престарѣлый о. Иванъ Дроздовскій, для чтенія Акаѳиста—такимъ тихимъ гласомъ, что я только и слышалъ изъ устъ его: *Радуйся!...* Только этимъ молитвеннымъ воззваніемъ въ горняя, прерываемо было историческое помышленіе мое о богоспасаемомъ нашемъ Кіевѣ, наведенное живописнымъ наведеніемъ на него Вашихъ впечатлѣній Владиміромъ Залѣскимъ... Жалѣю, что написано оно Вами между прочимъ, останется пока только моимъ достояніемъ: его слѣдовало бы передать и въ общую извѣстность, зане въ немъ больше питательнаго, чѣмъ въ письмахъ М. В. Толстаго о томъ же градѣ... Меня же особенно возбудила на вниманіе къ нему чтомая наканунѣ дребедень Стрыйковскаго, будто Владиміръ Великій или святой не только создалъ этотъ городъ, но и перенесъ въ него свою столицу! Надо было мнѣ снова перечесть знаменитаго нѣкогда и авторитетнаго для кіевлянъ польскаго писателя, въ отличномъ эклемплярѣ подареннаго мнѣ, въ юбилей мой, кіевскимъ пріятелемъ моимъ Веригою-Даровскимъ.—Писанія Тихонравова я вовсе не знаю; но Ваши замѣча-

---

[1]) Жена М. А. Максимовича.

нія я представлю Вамъ, когда свидимся—дастъ Богъ—на Великдень въ Кіевѣ.

У Васъ въ Петрополѣ теперь на 7-е декабря будетъ *второй* Археологическій съѣздъ. Вы, конечно, будете въ немъ участникомъ, и кстати было-бы тамъ сказать Вамъ свое кіевское слово о русской древности Залѣсскаго края, возобновляемой не по-древнему.

Графу А. С. Уварову, когда будете видѣться съ нимъ, прошу передать мой поклонъ и сказать ему, что образованіе *Археологическаго Общества* въ Кіевѣ составляетъ завѣтную задачу мою; но къ исполненію ея не было возможности приступить въ минувшую осень, и потому оно отложено на предстоящую весну, на апрѣль мѣсяцъ...

Вчера прочелъ я въ «Кіевлянинѣ», что и нашъ кіевскій владыка Арсеній устремится на зиму къ сонму невожителей... Покорно прошу Васъ передать ему мой михайлогорскій поклонъ.

А между тѣмъ скоро будетъ именинникомъ мой возлюбленный—заочно Н. Пл. Барсуковъ. Прибавьте, къ моему привѣтствію ему, Ваше доброе словцо,—и какъ нѣкогда въ Кіевѣ, съ Вашей легкой руки, сошло благополучно новое изданіе «Книги Наума», такъ нынѣ поблагопріятствуйте Вашимъ наставленіемъ и содѣйствіемъ къ освобожденію Николая Платоновича отъ оныхъ *остальныхъ* «Писемъ о Кіевѣ»: изданы хорошо, на славу хорошо; но вѣдь не должны же они быть по-польски: *накладемъ* автора и издателя!

Авторъ тѣхъ *писемъ* и донынѣ еще не вышелъ на тропу писателя и, пока-что, все еще остается читателемъ и слушателемъ чужихъ писаній, отъ древней Иліады Омировой—до писаній сего времени, полковника Г. А. Милорадовича, антагониста Костомаровскаго—Карпова, Кіевлянина Шульгинскаго и прочаго, тому подобнаго, въ томъ числѣ изданій Ивановскаго о совездралѣ-Снегиревѣ... Пора-бы, кажется, все это отложить въ сторону и приняться за себя и за свое дѣло,—чтобы не безплодно и небезслѣдно прошла и эта зимовка моя; но вдохновеніе не слетаетъ, а безъ него не для-чего и приниматься за книжный трудъ на 51-мъ году своего писательства—Вашему... М. Максимовичу.

Послѣднимъ письмомъ этого года было письмо Лебединцева, написанное 37 декабря; въ немъ особенный интересъ представляетъ сообщеніе о томъ, что И. П. Хрущовъ, доцентъ кіевскаго университета, какъ бы создавши что-то самостоятельное, оказы-

вается инициаторомъ научнаго историческаго общества въ Кіевѣ (Общество лѣтописца Нестора). Изъ писемъ, напечатанныхъ выше, видно, какъ объ этомъ вопросѣ хлопоталъ Максимовичъ, подготовляя въ разныхъ сферахъ почву для созданія подобнаго общества, о чемъ зналъ и И. П. Хрущовъ. Неудивительно поэтому, что Максимовичъ очень обиженъ былъ игнорированіемъ его со стороны Хрущова, даже не пригласившаго его подписаться подъ уставомъ Общества въ качествѣ одного изъ учредителей. Мнѣ лично неоднократно приходилось въ то время слышать отъ Максимовича упреки по адресу Хрущова, иногда даже съ рѣзкими эпитетами.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Привѣтствую Васъ съ Новымъ годомъ, душевно желая провести и сей въ добромъ здоровьи и любви Вашихъ почитателей, подобной той, какая явлена Вамъ въ минувшемъ 1871 году, да и на предбудущій годъ пошли, Боже, жито, пшеныцю и всякую пашныцю.— Археологическій съѣздъ, при нѣкоторыхъ обязательныхъ работахъ, такъ увлекъ меня, что я отвѣчаю теперь на два Ваши письма разомъ. Прошу не осудить меня и извинить. Посѣщалъ я засѣданія съѣзда весьма усердно и слышалъ тамъ много хорошаго, благодаря благосклонности А. Θ. Бычкова, приславшаго мнѣ членскій билетъ. Но отъ себя я ничего не привнесъ въ сокровищницу съѣзда, несмотря на предложеніе графа Уварова, оставляя свое слово для 3-го съѣзда въ Кіевѣ. Графъ Уваровъ былъ душей съѣзда; къ сожалѣнію я по чему то вообразилъ, что онъ останется праздновать въ Петербургѣ, да и не сдѣлалъ ему визита, при всемъ его вниманіи ко мнѣ, а также и его супруги: опростоволосился. Графъ въ претензіи къ Вамъ, не получивши отъ Васъ отвѣта или отклика на привѣтствіе, которое за своею подписью послалъ Вамъ въ Кіевъ къ 8-му сентября по случаю Вашего юбилея; онъ весьма сожалѣетъ о семъ, тѣмъ болѣе, что привыкъ отъ юношества уважать Васъ. Графъ уѣхалъ въ Москву и Порѣчье.

За добрый отзывъ Вашъ о моемъ сказаніи про г. Владиміръ приношу благодарность, но оно писано не для печати и потому не годится въ печать. Если же когда Вы благоволите прислать мнѣ копію моего этого письма, то я поправлю его для печати, куда оно и можетъ пойти съ Вашимъ отвѣтомъ. Г. И. П. Хрущовъ, при содѣйствіи попечителя Антоновича, пригласивши нѣсколько членовъ въ Истор. Общество,

учрежденное въ Кіевѣ, прислалъ мнѣ приглашеніе о вступленіи въ оное, прописывая въ письмѣ [1]), что онъ долго думалъ надъ этимъ вопросомъ, но успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Не отказываясь отъ предложенной чести, я просилъ его разъяснить мнѣ, то ли это общество, о которомъ была переписка М. А. Максимовича съ графомъ Уваровымъ, или что то особое, новое. Отвѣта не получилъ еще и говорятъ, что онъ долженъ быть теперь въ Петербургѣ. Между тѣмъ на Археол. съѣздѣ сдѣланы заявленія—отъ Академіи объ учрежденіи коммиссіи для собиранія и храненія церк. древностей; отъ М. Вл. Юзефовича объ учрежденіи Археол. отдѣленія при Кіев. Археогр. коммиссіи и отъ Сементовскаго—объ учрежденіи Археолог. общества въ

---

[1]) Вотъ это письмо:

26-го ноября 1871 г.

Многоуважаемый Петръ Гавриловичъ.

Въ средѣ кіевскихъ ученыхъ возникаетъ общество ученое. Мы уже окрестили его „Историческимъ Обществомъ Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ“ хотя еще не увѣрены, останется ли за нимъ это названіе. Но дѣло не въ названіи. Намъ нужна ученая среда, намъ потребно единеніе духа въ союзѣ науки, намъ необходимо знать другъ друга и крѣпнуть въ обществѣ людей, занимающихся однородными предметами.

Общество, вновь возникающее въ Кіевѣ, на Институтской улицѣ, имѣетъ цѣлью разрабатывать русскую историческую науку и всѣ ея отрасли—*археологію, литературу, право и даже этнографію* здѣшняго края. Ближайшею цѣлью общества—личная связь ученыхъ и взаимная польза ихъ. Сомнѣвался я въ успѣхѣ, когда задумалъ это доброе дѣло, но успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Всѣ тѣ, къ кому я обратился съ просьбою быть членами-учредителями съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу согласились быть ими. Вотъ Вамъ наши имена: я, Антоновичъ (профессоръ), Иконниковъ, Пѣвницкій, Малышевскій, Тарновскій, Петровъ, Туловъ, Лашкаревъ—и вѣроятно Вы. Да, Петръ Гавриловичъ, безъ Васъ не обойтись намъ. Дайте скорѣе Ваше согласіе и тѣмъ придайте намъ силы и упованія на успѣхъ. Пр. митрополитъ уже далъ намъ свое благословеніе (я былъ у него въ прошлое воскресенье) и съ удовольствіемъ услышалъ, что и Вы входите въ первоначальный составъ общества. Кромѣ членовъ учредителей, у насъ будутъ члены дѣйствительные и почетные. Взносъ 5 рублей въ годъ. Современемъ издадимъ что нибудь. Пока Шульгинъ охотно и безвозмездно предлагаетъ намъ столбцы своего „Кіевлянина“. Максимовичу я уже писалъ объ этомъ.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ отвѣта Вашего, достоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Пишущій же сіи строки свидѣтельствуетъ Вамъ теплое чувство уваженія и благодарности. Иванъ Хрущовъ.

Въ институтскомъ флигелѣ.

Кіевѣ. Графъ умолялъ, чтобы открыто или учреждено было одно что нибудь, а не два или 3 общества въ Кіевѣ. Съѣзду 3-му положено быть въ Кіевѣ чрезъ два года, если будетъ на то желаніе Кіева и иниціатива отъ него.

Имѣлъ я особенное удовольствіе познакомиться на съѣздѣ съ почтеннѣйшимъ другомъ м. Евгенія—Мурзакевичемъ.

Въ Петроградѣ придется мнѣ пробыть вѣрно еще мѣсяца два; такъ ужъ, думаю, Богъ осудилъ нашъ комитетъ на 40-мѣсячное странствованіе, пока попадетъ на путъ. Владыка здѣсь и здравствуетъ.

Карточку безъ камилавки при семъ прилагаю. Съ глубокимъ уваженіемъ душевно преданный Вамъ пр. П. Лебединцевъ.

1872 г.

Переписка за этотъ годъ оказалась очень незначительной, что объясняется особыми условіями въ жизни Максимовича въ 1872 году. Нѣсколько поправившіяся, благодаря юбилею, матеріальныя обстоятельства (Максимовичъ получилъ 3000 р. единовременнаго пособія отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, а также 500 р. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи генералъ-губернатора) пріободрили старика, и онъ въ маѣ 1872 года рѣшилъ совершить поѣздку въ Петербургъ и Москву, какъ онъ говорилъ, чтобы попрощаться со своими старыми друзьями. Это путешествіе, очень его утомившее, было причиной, что онъ во вторую половину года, возвратившись на свою Михайлову Гору, чувствовалъ себя совсѣмъ разбитымъ и почти прервалъ переписку со всѣми, о чемъ онъ и заявлялъ потомъ въ письмѣ отъ 2 февр. 1873 г. къ Лебединцеву. Въ нашихъ рукахъ находится очень небольшая пачка писемъ 1872 года, при чемъ послѣднее письмо Максимовича писано было въ Москвѣ 17 іюня. Можетъ быть, были еще письма его къ Лебединцеву, но они затерялись, хотя изъ дальнѣйшей переписки въ 1873 году можно предполагать, что ихъ или совсѣмъ не было, или было очень мало.

Первое письмо въ 1872 году было послано Максимовичемъ въ отвѣтъ на послѣднее письмо Лебединцева, писанное въ концѣ

декабря 1871 года; здѣсь у Максимовича звучитъ нота обиды по поводу извѣстія объ историческомъ обществѣ, открытомъ безъ его участія. Второе письмо Максимовича было написано имъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго.

17 генв. 1872 г. Мих. Гора.

Наканунѣ Водохрестья я имѣлъ великую радость получить письмо Ваше, дражайшій и многоуважаемый Петръ Гавриловичъ. Сердечно благодарю Васъ за привѣтное благожеланіе мнѣ и за карточку съ Вашею подписью, и за извѣстія, Вами мнѣ сообщенныя, о дѣяніяхъ втораго собора археологическаго, между которыми особенно любопытна показалась мнѣ съ одной стороны—забота разныхъ Кіянъ о разныхъ учрежденіяхъ въ Кіевѣ историко-археологическихъ. Это показываетъ настоятельную потребность въ Кіевѣ этого дѣла. Но всѣ знали, что оно почти совсѣмъ подготовлено было мною, въ долгой перепискѣ о немъ съ графомъ Уваровымъ, въ переговорахъ съ попечителемъ, съ Вами, съ Малышевскимъ, съ Юзефовичемъ, Иванишевымъ и другими юнѣйшими, и всѣ изъявили свое согласіе на то, такъ что въ сентябрѣ я говорилъ о томъ и съ княземъ Ал. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, который выразилъ свою готовность содѣйствовать археологическому обществу, предположенному быть при университетѣ. Въ сентябрѣ не удобно было собрать мнѣ членовъ-основателей на первое совѣщаніе—за отсутствіемъ изъ Кіева кого-либо изъ главнѣйшихъ, за моимъ юбилеемъ, а потомъ за открытіемъ Галагановской коллегіи, академическимъ актомъ,—и за моимъ личнымъ утомленіемъ, и я отложилъ дѣло на *Свѣтлую седмицу* сего года. Слышу теперь, что И. П. Хрущовъ, съ Иконниковымъ, доцентомъ Антоновичемъ и другими, поспѣшилъ предвосхитить честь этого, уже много лѣтъ завѣтнаго мнѣ дѣла... На это мнѣ приходится сказать, какъ говорилъ Несторъ быстроногому Ахиллесу, въ 23 п. Иліады:

— Прежде таковъ я бывалъ! Но теперь молодымъ оставляю
Трудные подвиги славы, пора, пора уступить мнѣ—старости скорбной...

Порадуюсь издалека, если благоуспѣшно состоится оное общество *при университетѣ*, на что я особенно настаивалъ и согласилъ гр. Уварова, какъ это особенно Вамъ извѣстно. Радъ буду не менѣе, если приведетъ Богъ мнѣ побывать лично хоть на третьемъ кіевскомъ

съѣздѣ археологическомъ, о которомъ давно уже замышляетъ Уваровъ,—ему же за то подобаетъ честь и слава. Что же касается до его привѣтственной телеграммы мнѣ, то она была отъ *3 октября*, когда уже отпечатанъ былъ мой юбилей въ «Кіевлянинѣ», и Шульгинъ отказалъ Пономареву напечатать ее, чтобы не переполнять своей газеты все тѣмъ же... Васъ я воображалъ въ Питерѣ—до Великаго поста. Но Конотопецъ [1]) пишетъ мнѣ, въ полученномъ вчера письмѣ, что Вы будете въ Кіевѣ въ исходѣ генваря. По этому случаю—прекращаю на время письменную бесѣду съ Вами, и адресую Вамъ этотъ листикъ еще на Неву, къ нашему достолюбезному жителю Турова дома [2]),—и съ Вашимъ дружескимъ благословеніемъ остаюсь навсегда преданный Вамъ неизмѣнно М. Максимовичъ.

—

1872 г. 12 февраля Мих. Гора.

Привѣтъ и поклонъ мой Вамъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ!

Изъ моего послѣдняго письма къ Вамъ, черезъ нашего благопріятеля Барсукова посланное, Вы знаете причину, почему оно было прерваннымъ и недоговореннымъ. Слышу теперь, что Вы все еще тамъ въ Петроградѣ, а не въ Кіевѣ, а потому и устремляюсь къ Вамъ туда моими мыслями и словами, и прилагаемою при семъ копіей съ письма Вашего, давно уже списанной рукою питомицы Вашего училища [3]).

Въ недолгій промежутокъ времени не малый переворотъ произошелъ въ бытіи Вашего стараго пріятеля Михайлогорскаго. Чѣмъ больше нуждается онъ въ сосредоточеніи и покоѣ душевномъ, чтобы свести концы своей исходящей жизни и завершить ее чѣмъ нибудь дѣйствительно дѣльнымъ, тѣмъ болѣе развлекается онъ и мелочными, повседневными подробностями своей домашней жизни, и весьма лестными для него, но все же суетными, выраженіями общественнаго вниманія къ нему, по случаю 50-го юбилея, еще въ сентябрѣ начавшагося, и до сихъ дней все еще продолжающагося... Меня особенно

---

[1]) С. И. Пономаровъ—житель г. Конотопа.

[2]) Н. П. Барсуковъ.

[3]) Ө. А. Радецкая состояла чтицей при Максимовичѣ. Она была рекомендована Лебединцевымъ, знавшимъ ее, какъ воспитанницу Кіев. Женск. Епарх. Училища. Ея-же рукой написано и это письмо подъ диктовку.

и радуетъ и тяготитъ вниманіе, оказанное мнѣ Академіей Наукъ, доселѣ какъ бы не хотѣвшей и знать меня, но удостоившей меня, наконецъ, не только званіемъ своего *члена-корреспондента*, но и ущедрившей меня присылкою *въ трехъ увѣсистыхъ* тюкахъ *тридцати томовъ* ея изданія, въ числѣ которыхъ чуть не третья часть твореній высокопреосвященнаго историка русской церкви Макарія, съ которымъ Вы тамъ на Невѣ подвизаетесь нынѣ о правахъ и правдѣ русскаго духовенства. Несмотря на его святительскій санъ, онъ намъ родной академистъ Кіевскій, и я прошу Васъ испросить у него мнѣ архипастырское, любовное благословеніе и принять къ сердцу то выраженіе моего къ нему почтенія, которое на этихъ же дняхъ пошлю къ нему въ видѣ бандерольной посылочки (помнится, я замѣчалъ уже Вамъ, что никто изъ *епископовъ*, нѣкогда мнѣ благопріятныхъ—ни Димитрій, ни Антоній казанскій, ни даже нашъ достолюбезный Іоаннъ, ни гу-гу въ отвѣтъ и привѣтъ на письменный отзывъ къ нимъ Михайлогорскому старцу; лишь одинъ кишиневскій старичина *Антоній*—царство ему неб.!—написалъ ему отвѣтную грамотку, стоющую даже и обнародованія... Но не для чего было бы и то въ нынѣшнемъ письменномъ многословномъ мірѣ.

Было у меня предположеніе писать для печати письма къ Вамъ о Кіевѣ—*третье*, *четвертое* и т. д., но пока еще ничего не пишется мнѣ на 51-мъ году моей словопечатной службы; а чѣмъ она начнется, еще и самъ не знаю; задачи, темы роятся тьмами въ головѣ моей, но только докучаютъ собою и не даютъ мнѣ покоя, какъ мошки и комары здѣшніе, въ началѣ лѣтней поры, не даютъ спокойно ни работать, ни гулять подъ открытымъ небомъ. А тутъ еще и здоровье мое въ послѣднія недѣли сильно измѣняетъ, особенно зрительные нервы: почитаешь часъ или два, даже и крупнаго шрифта (о петитѣ уже и покушенія нѣтъ!), и голова такъ разболится, глаза тоже, что уже и слушать читаемое мнѣ становится неспособнымъ, и хандра нападаетъ... О, когда-бы уже скорѣй пролетали и этотъ *лютый* мѣсяцъ, и преемникъ его *Маржецъ*, чтобы къ Великодню мнѣ очутиться въ Кіевѣ, а тамъ въ Москву и въ Петроградъ,—чтобы еще разъ увидѣть ихъ, и освѣжась душею и тѣломъ воротиться способнымъ на дѣланіе своего привычнаго, завѣтнаго дѣла... Тринадцатый годъ уже, какъ маюсь я между Кіевомъ и своею Горой, словно заржавѣлый маятникъ закоптѣлыхъ стѣнныхъ часовъ съ зозулею!.. Поневолѣ встоскуешься, засмутишься,—особенно сидючи безвыходно въ четырехъ

стѣнахъ, иногда цѣлые дни, въ зимнее время, въ длинныя ночи. Но это старую пѣсню затянулъ я... простите старому нетягѣ!

А видались ли Вы въ Питерѣ съ моимъ тёзкою и старѣйшимъ братомъ, съ Погодинымъ?.. Вотъ подвижникъ!—Но время уже мнѣ прекратить писаніе, зане уже половина 3-го по-полудни; а я просыпаюсь всегда до-свѣта. Господь да споспѣшествуетъ и пребыванію Вашему на Невѣ, и возвращенію Вашему на родимый нашъ Днѣпръ!—Съ неизмѣннымъ къ Вамъ почтеніемъ и полносердечною преданностью остаюсь Вашъ М. Максимовичъ.

14-го февраля.

Лебединцевъ, все еще находившійся въ Петербургѣ, впервые откликнулся въ этомъ году только въ концѣ марта слѣдующимъ письмомъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Благодати Божіей и мира душевнаго желаю Вамъ въ наступившіе уже для Украины благодатные весенніе дни Съ весной и Вы ободритесь и опять явитесь ученому мірови изъ своего Михайлогорскаго уединенія. Да благословитъ Господь Вашъ путь къ Кіеву, гдѣ Вы снѣсте пасху со ученики своими. Тамъ встрѣтите Вы у Н. А. Ригельмана и графиню А. Д. Блудову, которая уже въ Москвѣ, а на страстной прибудетъ въ Кіевъ—провести свѣтлый праздникъ въ св. градѣ.

А я все еще на берегахъ хладной, покрытой льдомъ, Невы, и хожу въ кожухѣ; здѣсь придется и Пасху эту провести. Если Вы не вдругъ на святой двинетесь изъ Кіева, то едва ли не встрѣтимся мы въ Москвѣ—на Политехнич. выставкѣ. Какъ бы не разъѣхаться! Не соблаговолите ли прислать еще изъ Кіева адресъ Вашей квартиры въ Москвѣ? Мы такъ долго сидимъ здѣсь, что нужно бы насъ провезти на Политех. выставку.

Старѣйшаго брата Вашего и тёзку видѣлъ я въ Петроград. гостинницѣ Клея. Онъ прожилъ здѣсь чуть ли не съ мѣсяцъ, разумѣется не сидя и часу на мѣстѣ одномъ. Книгу [1]) поднесъ Его Величеству и всей знати, а едва ли исполнено все, чего онъ желалъ,

[1]) Древняя Русская Исторія до Монгольскаго ига. М. Погодина.

или хотя нѣчто изъ того, за чѣмъ пріѣзжалъ. У него же я имѣлъ честь познакомиться съ уважаемымъ мною давно—Н. С. Аксаковымъ.

Съ вниманіемъ Академіи Наукъ поздравляю Васъ и весьма обрадованъ былъ, прочитавши Ваше имя рядомъ съ именемъ *Мольтке* въ «Голосѣ». Преосв. Макарію Вашего поклона я не передалъ, ибо у меня съ нимъ по комитету не совсѣмъ ладится, а чрезъ несовсѣмъ пріятнаго человѣка и поклонъ выйдетъ не такъ пріятный. Впрочемъ это отношеніе можетъ перемѣниться.

Графъ Уваровъ не въ претензіи на то, что его привѣтствіе Вамъ не попало въ печать, и скорбитъ о томъ собственно, что не получилъ отъ Васъ отвѣта на это привѣтствіе. Это я и сообщалъ Вамъ въ генварѣ, да видно—не совсѣмъ ясно. Теперь поясняю.

Объ утвержденіи Кіев. историч. Общества что-то ничего не слышно. Кажется, не нравится уставъ общества, въ которомъ нѣтъ предсѣдателя.

По части исторіи позвольте Васъ спросить, напечатана ли гдѣ на оригинальн. языкѣ русскомъ опись Кіевскаго замка изъ Литов. метрики? Н. Ив. Костомаровъ не знаетъ. На польскомъ есть въ zródłach 1844. Вамъ сообщилъ Баронъ Шодуаръ на русскомъ оригинальномъ; но вся ли эта опись у Васъ? Я просматривалъ ее въ литов. метрикѣ 1552 года и, находя ее весьма важнымъ матеріаломъ для исторіи Кіева, хотѣлъ списать, но отъ меня потребовали разрѣшеніе Министра Юстиціи, къ которому затѣмъ и пошло отношеніе митрополита о допущеніи меня къ выпискѣ изъ Литов. метрики свѣдѣній о Кіев. церквахъ, но еще отвѣтъ не послѣдовалъ. И такъ покорно прошу сказать, вся ли у Васъ опись Кіев. замка, или только часть оной? А при семъ позвольте спросить, что же Вы доселѣ не сдѣлали никакого употребленія изъ описи имущества Кіево-печер. монастыря, юже вручилъ Вамъ 5-го сентября 1871 г. въ обители св. Архистратига Михаила? Мнѣ перевела здѣсь одна барыня съ аглицкаго выдержки изъ путешествія діакона Павла, бывшаго спутникомъ Антіох. патріарху Макарію въ половинѣ 17 вѣка, именно его замѣтки о пребываніи въ Кіевѣ. Это весьма любопытная вещь, и я на дняхъ отправлю сіе въ редакцію Кіев. Еп. Вѣдомостей. Братъ мой и Николай Платоновичъ свидѣтельствуютъ Вамъ усерднѣйшій поклонъ, къ коему присоединяетъ и свой нижайшій Вамъ душевно преданный прот. П. Лебединцевъ.

30 марта 1872 г. С.-Петербургъ.

Отвѣтилъ на это письмо Максимовичъ уже изъ Кіева, куда пріѣхалъ онъ проводить Пасху и откуда собирался непосредственно ѣхать въ Москву и Петербургъ.

20 апр. 1872 г. Кіевъ.

Христосъ воскресъ!

Привѣтствую Васъ, достопочтенный и дражайшій Петръ Гавриловичъ, съ Свѣтлымъ праздникомъ, который провожу въ Кіевѣ съ семьею моею и со многими изъ учениковъ моихъ.

Напутственное письмо Ваше получилъ я въ день отъѣзда моего изъ Михайлогорской обители, 9 апрѣля, и оно было для меня чрезвычайно пріятно, какъ дружеское благожеланіе. И какой теплый, даже знойный апрѣль здѣсь на Днѣпрѣ!—Жена моя завтра возвратится восвояси съ дочкою и племянницей (Марковою); а я, послѣ Щекавицкаго понедѣльника, черезъ день или два отправлюсь въ Москву, гдѣ и будетъ мое пребываніе майское—по всей вѣроятности въ домѣ Кошелева на Поварской! О поѣздкѣ въ Питеръ, весьма желательной для меня, не смѣю обѣщать самому себѣ: увижу въ Москвѣ, изъ которой вернуться въ Кіевъ, а отсюда на М. Гору, предполагаю въ половинѣ іюня.

Опись кіевскаго замка, полученная мною отъ Шодуара, та самая, что напечатана польскими буквами у Грабовскаго; выдана выпись ея Станиславу Жолкевскому, помнится 1608 года, когда онъ сталъ воеводою Кіевскимъ по смерти Острожскаго. Если въ Л. метрикѣ списокъ половины 16 в., а не начала 17-го, то о немъ можно позаботиться.

Отрывки о Кіевѣ изъ діакона Павла были давно напечатаны, чуть ли не въ Библ. для чт., но они мало кому нынѣ извѣстны, и въ К. Еп. Вѣд. слѣдуетъ повторить ихъ, тѣмъ болѣе, что не все относящееся къ Кіеву было переведено въ тѣхъ отрывкахъ.

Лаврская опись, Вами мнѣ сообщенная, весьма любопытна; но къ ней необходимъ коментарій, преимущественно о нѣкоторыхъ князьяхъ и княгиняхъ, требующихъ разысканія и справокъ нарочитыхъ: вотъ почему и отложено мною впредь сіе дѣло, до будущей зимовки въ Кіевѣ.

Если увидите А. Ѳ. Бычкова, прошу Васъ передать ему глубокую благодарность мою за его академическое ко мнѣ вниманіе, ко-

торую не смогъ я выразить письменно... Вы и не подозрѣваете, какъ я впродолженіе зимовки въ своей хатѣ былъ тупъ головою, нерасположенъ къ общенію съ людьми... словомъ сказать, ипохондриченъ.— Если Москва не возстановитъ моего мозга и сердца, плохо мнѣ на старости будетъ. Сказать ли, что я въ десять дней кіевскаго житія моего не собрался еще побывать у князя Ал. Мих., ни у Порфирія. Между тѣмъ, видя здѣсь, что изъ Общества Несторіанскаго ничего дѣйствительно полезнаго для исторической науки не выйдетъ, я рѣшаюсь возобновить въ нынѣшнее лѣто прежнюю думу объ основаніи *Археологическаго* Общества,—увѣренный, что Вы не откажетесь отъ даннаго мнѣ слова: быть въ числѣ *основателей*. При встрѣчѣ нашей въ Москвѣ, въ началѣ іюня, рѣшимъ вмѣстѣ этотъ вопросъ.

Жаль, если не увижусь съ Пономаревымъ, котораго надѣялся я видѣть въ Кіевѣ.

А Н. Пл. Барсукову я готовъ бы и на веснѣ нынѣшней воспѣть:

Цвѣли, цвѣли цвѣточки—и поблекли;
Любилъ меня милый другъ—и покинулъ.

До свиданія въ Москвѣ—дражайшій Петръ Гавриловичъ! Я сегодня затормошенъ страшно,—и съ самаго утра заправленъ печально видомъ умирающаго пріятеля и земляка моего Павла Ос. Науменка [1])...

Грустная жизнь наша на семъ свѣтѣ!.. «Уже умеръ»—прибѣжалъ сказать это Алексѣйко. Иду туда—прощайте, до свиданія!—Вашъ М. Максимовичъ.

Когда Максимовичъ въ маѣ и іюнѣ жилъ въ Москвѣ, оба корреспондента обмѣнялись слѣдующими двумя коротенькими письмами, которыми и заканчивается переписка этого года.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Петербургское сидѣніе мое кончилось, наконецъ, и Богу слава. Завтра съ почтовымъ поѣздомъ отправляюсь въ Москву, предполагая по пути посѣтить Новый Іерусалимъ. Весьма радъ буду, если застану Васъ еще въ Москвѣ и съ вами хоть разъ проѣдусь по Бѣлокамен-

---

[1]) Бывшій директоръ Бѣлоцерк. гимназіи, жившій въ Кіевѣ въ отставкѣ.

ной, а былъ бы также не менѣе радъ, еслибы Вамъ вздумалось побывать въ наступающее воскресенье въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ, откуда я вѣрно къ вечеру прибуду въ Москву.

Въ ожиданіи вскорѣ увидѣться съ Вами во всякомъ случаѣ, остаюсь истинно почитающій Васъ и душевно преданный П. Лебединцевъ.

15 іюня 1872 г. С.-Петербургъ.

—

17 іюня, 1872 г. Москва.

Вчера я обрадованъ былъ письмомъ Вашимъ, дражайшій и многочтимый Петръ Гавриловичъ, что Вы, наконецъ, выбыли изъ числа невожителей и уже на пути къ Кіеву и къ своему двору святософійскому. Полетѣлъ бы я въ Новоіерусалимскую обитель, не видѣнную мною съ 1822 года: но я все еще остаюсь—седьмой день уже—безвыходно, какъ птица въ клѣткѣ, изъ-за малой рожицы, расцвѣвшей-было на щекахъ моихъ.. вчера поспѣшилъ умыться, но пришлось опять помазаться коллодіемъ и посидѣть еще денька два... И такъ, мы свидимся въ Москвѣ, а не въ Воскресенскомъ, куда сбирается Бодянскій, куда завернетъ и петербургскій проф. Орестъ Миллеръ, пріѣхавшій изъ Кіева и вчера меня посѣтившій. Жалѣю, что, заѣхавъ въ Москву, такъ мало видѣлъ ее въ нынѣшнемъ ея нарядѣ,—что не удалось побывать и въ Сергіевской лаврѣ, не видѣнной мною съ 1824 года... Нѣтъ, не годится уже ни для Питера, ни для Москвы, душевно преданный Вамъ Михайлогорецъ. До свиданія! Вашъ М. Максимовичъ.

Отцу архимандриту Леониду прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ и поручить меня въ его знакомство и пріязнь.

1873-й годъ.

Это былъ послѣдній годъ переписки, такъ-какъ 10 ноября этого года Максимовичъ скончался на своемъ хуторѣ Михайловой Горѣ.

Хотя первое письмо этого года писано Лебединцевымъ, но изъ содержанія его видно, что оно было отвѣтомъ на письмо Максимовича, не сохранившееся въ перепискѣ, такъ какъ Лебе-

динцевъ указываетъ въ своемъ отвѣтѣ, что онъ передалъ какую-то просьбу Максимовича А. Ѳ. Бычкову. Можно до извѣстной степени даже выяснить, о чемъ была эта просьба. Дѣло въ томъ, что ко времени празднованія 50-тилѣтняго юбилея своего Максимовичъ хлопоталъ объ усиленной пенсіи, но вмѣсто того ему было выдано единовременное пособіе въ 3000 р. (за вычетомъ 10% составилось всего 2700 р.). Очевидно, теперь Максимовичъ опять возбудилъ ходатайство о пенсіи, что и было передано имъ въ видѣ просьбы къ А. Ѳ. Бычкову. Лебединцевъ, исполнивъ эту просьбу, сейчасъ-же и извѣстилъ Максимовича о результатахъ, въ отвѣтъ на что послѣдовало письмо его отъ 2 февраля.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Оставляя Петербургъ, спѣшу и однакожъ желаю сказать нѣчто доброе Вамъ о немъ при всей моей торопливости сегодняшней. Вашу просьбу я передалъ Афанасію Ѳ. Бычкову; онъ съ большимъ усердіемъ взялся напомнить И. Д. Делянову его обѣщаніе и пошелъ, кажется, и самъ дальше. Результатомъ совѣщаній ихъ и переговоровъ вышло то, что графъ Д. Андр. Толстой велѣлъ представить ему дѣло объ исходатайствованіи Вамъ 3000 р. по случаю юбилея вмѣсто предполагавшагося усиленія Вашего пенсіона и обѣщалъ предварительно, по разсмотрѣніи онаго дѣла, переговорить съ министромъ финансовъ. Сообщаю сію вѣсть Вамъ на тотъ конецъ, что вѣроятно Вы напишете что нибудь по сему случаю А. Ѳ. Бычкову. Полагаю, что ни Делянову пока, ни министру писать не слѣдуетъ, а нужно дѣйствовать уже чрезъ одного. Дѣло сіе свѣжее, именно на прошлой недѣлѣ я передалъ Вашу просьбу А. Ѳ. Бычкову, а вчера узналъ отъ него и прописанный выше отвѣтъ.

За симъ поздравляя Васъ съ новымъ годомъ, искренно желаю Вамъ здоровья, долгоденствія, семейныхъ радостей и исполненія онаго желанія о обезпеченіи почтенной Вашей старости.

Вашу полемику съ Хрущовымъ читалъ. Попечитель Антоновичъ, не зная о моемъ пребываніи въ Петербургѣ, приглашалъ меня въ засѣданіе 3-го декабря объ учрежденіи Истор. Общеста при университетѣ.

Вчера Полѣновъ[1]) сообщилъ мнѣ, что было 1-е собраніе общества св. Нестора, въ которомъ предсѣдателемъ избранъ Туловъ[2]), а почетными членами: Вы, Антоновичъ и Юзефовичъ.

Н. Ил. Барсуковъ здравствуетъ.

Душевно преданный Вамъ П. Лебединцевъ.

18-е генваря 1873 г. С.-Петербургъ.

—

2 февр. 1873 г. Мих. Гора.

Въ великій праздникъ Срѣтенія возобновляю надолго прерванную переписку почти со всѣми этимъ отзывомъ на ваше письмо ко мнѣ, многоуважаемый и дражайшій Петръ Гавриловичъ, отъ 18 генв. Привѣтствую возвращеніе ваше въ Кіевъ, поздравляю съ окончаніемъ вашего велико-долгаго дѣла въ Петроградѣ, въ продолженіе котораго вы успѣли добыть столько историческаго добра и для Кіева съ его краемъ. Благодарю васъ и за вашу дружескую тамъ заботу обо мнѣ; и на этихъ же дняхъ буду писать къ достопочтенному Афанасію Өеодоровичу Бычкову. О моемъ 15-дневномъ пребываніи въ Питерѣ сохраняю пріятнѣйшія воспоминанія. Московское житье мое въ іюнѣ, какъ вы знаете, смущено было болѣзнію; Кіевское житіе въ сентябрѣ, по отъѣздѣ вашемъ, было еще болѣзненнѣе и скучнѣе; а здѣсь нынѣшняя зимовка моя такая тяжкая для меня и скучная, что и говорить объ ней не хочется: сидень, лежень, изнемогшій не только тѣломъ, но и головою, въ хандрѣ и спячкѣ. Обновлюсь-ли духомъ и тѣломъ съ наступленіемъ новой весны—то *Онъ* единый вѣдаетъ.

Моя Марья Вас., съ Өеодорою[3]), вернулась сейчасъ изъ церкви и поручила свидѣтельствовать вамъ ея глубочайшее почтеніе и сердечный привѣтъ. Ѳ. Радецкая, еще въ августѣ отпущенная въ Кіевъ, для держанія экзамена по географіи и исторіи, который кончила она только передъ святками рождественскими,—и къ намъ явилась вновь 12 генваря. Я назначилъ ей по 10 р. с. въ мѣсяцъ, при всемъ готовомъ, пока найдется для нея выгодное мѣстечко, преимущественно въ Кіевѣ, гдѣ у нея три брата и двѣ сестры. Прошу и васъ имѣть въ виду эту достойную питомицу вашего Кловскаго училища, посвящающую себя педагогическому дѣлу.

[1]) Тесть И. П. Хрущова.
[2]) М. А. Тулэвъ, помощн. попечителя Кіев. Уч. Округа.
[3]) Ѳ. А. Радецкая (см. раньше).

О многомъ, многомъ хотѣлось бы, и надобно мнѣ, говорить съ вами, когда уже возобновилось письменное общеніе съ вами; но на первый разъ довольно и вамъ читать, и мнѣ писать.

Съ вашимъ дружескимъ благословеніемъ, остаюсь неизмѣнно преданный вамъ Михаилъ Максимовичъ.

P. S. 3 февраля.—Попытался было я вчера настрочить замѣтку для К. Е. Вѣдомостей; но вышла неудачная и потому отложена до иного дня.

А вотъ сейчасъ принесли съ почты письмецо изъ Кіева, отъ Платона Александровича [1]), гдѣ онъ и Мих. Влад. Юз. привѣтствують меня, что мнѣ *разрѣшена ферма*, но гдѣ и какъ еще неизвѣстно... Скоро будетъ извѣстно, и тогда возблагодаримъ князя Александра Михайловича [2]).

Начавшееся еще въ 1871 году дѣло о пріобрѣтеніи Максимовичемъ отъ казны фермы въ юго-западномъ краѣ на льготныхъ условіяхъ закончилось въ январѣ 1873 года; ему былъ данъ участокъ въ 382 десятины въ балтскомъ уѣздѣ за сумму 5500 р., съ долгосрочной выплатой этой суммы въ казну. Дѣло это устроено было генералъ-губернаторомъ кн. А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ, при непосредственномъ участіи попечителя учебнаго округа П. А. Антоновича. Когда Максимовичъ получилъ въ февралѣ мѣсяцѣ оффиціальное извѣщеніе объ этомъ, можно сказать, подаркѣ, онъ написалъ Лебединцеву письмо съ рядомъ сомнѣнныхъ для него вопросовъ, на которые Лебединцевъ даетъ отвѣтъ въ своемъ письмѣ отъ 7 марта.

Въ первыхъ числахъ февраля я писалъ къ вамъ, дражайшій и глубокочтимый Петръ Гавриловичъ,—въ Кіевъ, гдѣ и нынѣ васъ воображаю, въ упованіи, что васъ не отзовутъ уже отъ него и въ предстоящую весну. Съ отбытіемъ вашимъ изъ Кіева, не поздоровился мнѣ прошлогодній сентябрь, также какъ и вся зимовка моя 1869—1870 г. въ печальной квартирѣ Горецкаго... Вотъ почему, я желалъ бы знать заблаговременно, будете ли вы въ своемъ Софійскомъ дому въ *маѣ* мѣсяцѣ, прежде котораго не двинусь отсюда, по сложившимся всяческимъ тяготамъ житейскимъ и санитарнымъ, весь вѣкъ мой одолѣвающимъ меня.—

---

[1]) П. А. Антоновичъ—попечитель Учебн. Округа.

[2]) Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Мой отзывъ на провозвѣстіе о фермѣ Платона Алекс.[1]) и Михаила Владим.[2]), имъ обоимъ написанный въ письмѣ къ первому, не засталъ его уже въ Кіевѣ, какъ вижу по его письму, при отъѣздѣ въ Питеръ писанному.

Наконецъ 14 февраля я получилъ здѣсь письмо отъ самаго князя Александра Михайловича[3]), 6 февраля подписанное съ извѣщеніемъ и поздравленіемъ меня. Дай Богъ ему здоровье и всякое благоуспѣяніе за его вниманіе ко мнѣ, порадовавшее меня на исходѣ вѣку!—Я отвѣчалъ ему благодарственнымъ письмомъ на другой же день (15 ф.), и полагаю, что оно получено уже благодѣющимъ мнѣ княземъ Кіевскимъ, по милости котораго съ 22 генваря я становлюсь въ балтскомъ уѣздѣ собственникомъ Маншуровскаго 2-го участка въ 382 десятины за 5500 р., т. е. вдесятеро противъ моего Михайлогорскаго землевладѣнія, въ 38-ми десятинахъ нынѣ округлившагося (въ томъ числѣ 10 неудобныхъ!), но стоившаго мнѣ не меньше оныхъ 382 матеріально, а душевно—и вдесятеро больше; но за то впрочемъ давшаго мнѣ неожиданныхъ 32 года новой жизни, длящейся и до сего дня. А потому я надднѣпровскій Михайлогорецъ даже до конца дней моихъ.

Въ совершенномъ невѣденіи нахожусь, откуда будетъ мнѣ свѣдѣніе, въ чемъ состоитъ оный Маншуровскій участокъ, гдѣ именно онъ, въ какомъ разстояніи отъ Балты и желѣзной дороги,—въ безводной-ли онъ степи, или прилежитъ къ какой-либо рѣчкѣ или ручью,—есть-ли тамъ какое-нибудь жилье, и почемъ тамъ можно арендовать десятину окружающему православному люду южнорусскому, съ условіемъ, чтобы тамъ не было мѣста ни ляхамъ, ни жидамъ, ни армянамъ?.. Кто меня введетъ во владѣніе тѣмъ участкомъ Подольской земли?.. А кромѣ того,—на сколько лѣтъ разсрочена уплата оныхъ 5500 р., и по-скольку въ годъ надо взносить въ казну, и куда именно?—Мнѣ къ маю мѣсяцу хотѣлось бы объ этомъ быть въ извѣстности, но къ кому обратиться съ моимъ желаніемъ того и просьбой о томъ,—если не къ вамъ, мой драгоцѣннѣйшій другъ и совѣтникъ кіевскій?—Припоминается при этомъ мнѣ ассигновка княземъ 500 р., въ генв. 1870 г., которую вы съ г. Снѣжкомъ прислали мнѣ сюда; а безъ того... А чего стоило мнѣ горемычное житье мое въ ту зиму въ д.

[1]) П. А. Антоновичъ.
[2]) М. В. Юзефовичъ.
[3]) Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.

Горецкаго, да и здѣшнее пребываніе, до поѣздки въ Кіевъ съ оной ассигновкою въ августѣ?—Такую долю уже судилъ мнѣ Господь,—весь вѣкъ проводить бѣднякомъ; да и награды получать въ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ напримѣръ, за 50-лѣтній юбилей—*3000* (безъ *300*). Не почувствовать мнѣ себя въ полномъ довольствѣ, что называется—на широкую руку, и до конца дней;—развѣ слѣпая фортуна, 2 іюля, повернетъ свое колесо на одинъ изъ тѣхъ четырехъ билетовъ перваго займа, которые взялъ я изъ оныхъ юбилейныхъ 2700 р. 1871 г., и которые въ прошломъ сентябрѣ заложилъ у Теднера [1]) за *480* рублей, чтобъ было чѣмъ продовольствоваться... Къ Великодню будетъ мнѣ изъ Кіева пенсіону за генварскую треть *248* р., на которые ужъ набѣжало уплаты около сотни. Весь этотъ лѣтній мѣсяцъ (февраль) я хлопоталъ, наконецъ, о метрическихъ и иныхъ свидѣтельствахъ для представленія въ Полтавскій окружной судъ, въ утвержденіе мнѣ права получить наслѣдство послѣ брата моего Виктора, состоящее въ *2100* р., которые, по моему прошенію, михайловское (Ряз. г.) полицейское управленіе переслало въ золотоношское. Въ будущемъ мартѣ ожидать буду отвѣтовъ на мои писанія и посланія—въ Полтаву и Лебедянь. Быть можетъ въ апрѣлѣ неумолимый непреклонный въ формализмѣ полтавскій окружной судъ разрѣшитъ мнѣ получить въ Золотоношѣ оныя *2* т. Тогда уже будетъ мнѣ съ чѣмъ двинуться отсюда въ Кіевъ и въ Балту, а оттуда на южный берегъ Тавриды, въ которомъ такъ давно уже нуждается мое изнеможенное бытіе.

Къ Аѳанасію Ѳ. по письму вашему, я написалъ 15 февр. достолюбезное посланіе, отправивъ еще 22 генваря ему и Гроту, и Заблоцкому бандерольные пакеты, съ моимъ фотогр. портретомъ и поясненіемъ, напечатаннымъ въ 149 н. прошлогодняго Кіевлянина, въ отповѣдь г. Хрущову.—Гротъ уже отвѣчалъ мнѣ—(NB. своимъ *первымъ*, безъ моего небывшаго никогда къ нему писанія, несмотря на то, что ему преимущественно обязанъ я цѣлою полкою академическихъ изданій... сказано нѣмецъ, разумѣется нѣмецъ русскій, не нашей русской, и особенно украинско-русской братіи,—къ ней же принадлежитъ и Костомаровъ, съ Кулишемъ, Бѣлозерскимъ и т. п.).

Мнѣ въ нынѣшнемъ февралѣ неудача на отвѣтныя письма: ни отъ кого и сегодня нѣтъ отголоска, ни изъ Кіева, ни изъ Полтавы. Получилъ только XII кн. *Бесѣды* да 23-й н. *Кіевлянина*.

---

[1]) Мѣняльная контора.

А мой милый *Алексѣйко*, какъ написалъ свое послѣднее письмо въ концѣ генваря, полученное мною 31 ч., и того же дня ему отвѣченное мною черезъ И. С. Паліенка[1]),—и послѣ нѣсколькихъ писемъ ему отъ меня и жены, не отзывается доселѣ, и никто о немъ не извѣщаетъ насъ,—даже Алексѣй Ѳомичъ [2]), которому 8 февраля писалъ я, по поводу его письма, чтобъ онъ своею ласкою ободрялъ моего сынишка.—Вскорѣ послѣ того писалъ я въ Кіевѣ и къ Г. П. Галагану, ведя рѣчь съ нимъ и о моемъ Алексѣйкѣ. Но и отъ него мнѣ ни полслова въ отвѣтъ. Такъ и отовсюду, куда писалъ я, не пришло еще мнѣ отзыва въ нынѣшній день послѣдній *Лютаго* мѣсяца.

Но кто меня смущаетъ всѣхъ болѣе своимъ упорнымъ молчаніемъ,—это, мой милый, такъ лелѣявшій меня въ маѣ мѣсяцѣ Барсуковъ. На три мои письма къ нему—въ началѣ ноября, въ половинѣ декабря, и въ началѣ февраля,—по поводу замѣтки вашей, что онъ «здравствуетъ», онъ не отзывается ко мнѣ, и мнѣ это чрезвычайно грустно, ибо не могу себѣ и вообразить, чѣмъ бы могъ я такъ охладить къ себѣ его прежнюю ко мнѣ пріязнь.

Немало печалитъ меня и неизвѣстность о благопріятелѣ нашемъ С. И. Пономаревѣ. Не говорю о ежедневномъ, по-истинѣ великодружественномъ его посѣщеніи меня въ юбилейное время мое и проводахъ его меня въ октябрѣ изъ Михайловской гостинницы на пароходъ;—его такъ мило болтливыя писанія сюда изъ Конотопа окончились 31 генваря 1872 г., съ моимъ отвѣтомъ ему того числа. И вотъ уже 11 мѣсяцевъ о немъ ни слуху, ни духу.

Съ 22 февраля (день рожденія Алексѣйкова) выпалъ здѣсь новый снѣгъ и разрушилъ рождавшіяся уже надежды на настоящую весну. Долго ли продолжатся эти снѣга, невыносимые своей бѣлизной для зрѣнія другой мѣсяцъ уже безвыходнаго изъ своей хаты отшельника, никто же вѣсты! А ужъ какъ бы хотѣлось мнѣ подъ открытый сводъ небесный, для дыханія свѣжимъ воздухомъ и ходьбы по простору Михайловой-Горы!..

Съ вашимъ дружескимъ благословеніемъ, мысленно лобзая уста и десницу вашу, остаюсь неизмѣнно преданный вамъ М. Максимовичъ.

28 февр. 1873 г., Михайлова-Гора.

---

[1]) Инспекторъ Кіевской 1-й гимназіи.

[2]) Андріяшевъ—директоръ той-же гимназіи.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Оба письма Ваши получены и лежатъ на письменномъ моемъ столѣ—первое, какъ и второе. Простите, что отвѣчаю на два за множествомъ накопившагося въ отсутствіе мое дѣла. И первѣе о дѣлѣ. Душевно порадовался и я вмѣстѣ съ многими Вашими почитателями, что и Васъ, наконецъ, пріурочили къ юго-западному краю хотя малою толикою, и прошу принять мое поздравленіе съ титуломъ землевладѣльца правой стороны Днѣпра. Надлежало бы Вамъ дать въ самой сердцевинѣ Украины—въ черкасскомъ или чигиринскомъ уѣздѣ, а не на турецкой границѣ, но чья власть, того и право. Какъ же Вамъ достать оную свою землю и что она,—желаете знать? Чтобы разрѣшить сіи вопросы, вчера я былъ въ канцеляріи генералъ-губернаторской. Но въ оной мнѣ, по приказанію Ф. П. Сабанѣева [1]), могли сообщить только то, что и Вамъ извѣстно, т. е. что Маншуровскій участокъ въ 382 десятины въ балтскомъ уѣздѣ, ибо всѣ спеціальныя свѣдѣнія въ Каменцѣ. Въ добавокъ Сабанѣевъ сказалъ, что кажется, это чистая земля, безъ всякихъ построекъ, что Вамъ первѣе всего нужно получить купчую крѣпость, совершивъ оную въ Каменецъ-Подольской казенной палатѣ, а затѣмъ съ купчею сдѣлать вводъ во владѣніе. Купчую крѣпость можетъ совершить и кто-нибудь по довѣренности Вашей въ Каменцѣ съ уплатой рублей 7-ми или 10 пошлинъ гербовыхъ. Ѣхать туда лично не стоитъ, ибо нужно проѣхать 90 верстъ отъ желѣзной дороги, а, по мнѣнію Сабанѣева, можно удобнѣе и дешевле совершить чрезъ довѣренное лицо, живующее въ Каменцѣ. Для ввода во владѣніе необходимо быть Вамъ или супругѣ Вашей лично въ Балтѣ и на мѣстѣ владѣнія. Теперь вопросъ: есть ли у Васъ въ Каменцѣ лицо, которое взялось бы быть Вашимъ повѣреннымъ для совершенія купчей крѣпости? Если бы Вы были въ Кіевѣ, то конечно не трудно найти таковое лице чрезъ Сабанѣева или Воронина [2]), а иначе не знаю. У меня тамъ есть только одинъ знакомый учитель гимназіи Николай Ивановичъ Гріельскій, котораго я думаю попросить о сообщеніи спеціальныхъ свѣдѣній касательно Вашей земли. Если онъ отозвется, тогда, пожалуй, можно навязать ему и совершеніе купчей крѣпости. Уплатить Вамъ придется на первый разъ

---

[1]) Правитель канцеляріи генералъ-губернатора.

[2]) А. Ф. Воронинъ—чиновникъ канцеляріи генер.-губерн.

по вводѣ во владѣніе 257 рублей сер. Вѣроятно по стольку же и за каждый годъ; стало быть это пойдетъ уплата лѣтъ на двадцать.

Къ Алексію Ѳомичу заѣду и спрошу Вашего Алексійка, а отъ Вашего имени попеняю того и другого. Съ Г. П. Галаганомъ видѣлся раза три. Онъ хлопочетъ о пріисканіи директора на мѣсто г. Григорьева, съ которымъ почему то разошелся.

Ник. Платон. Барсукову вчера въ письмѣ я прописалъ Вашъ отзывъ о его молчаніи: можетъ устыдится свидѣтеля. Впрочемъ мы разстались немножко сухо. Посмотрю, какъ отзовется нынѣ. Онъ изъ натуръ скоро возгрѣвающихся. Ст. Ив. Пономаревъ нынѣ, должно быть, у гроба Господня, куда направлялъ свой путь съ Аѳона. Куда онъ дѣвалъ оттиски Вашего біограф. очерка, высланные ему въ количествѣ 200 или 300 экз.? Въ Петербургѣ ихъ нѣтъ ни одного экземпляра, такъ какъ типографія распорядилась всѣ до одного услать къ Степану Ивановичу. Барсуковъ очень просилъ ихъ достать нѣсколько экземпляровъ. Не къ Вамъ ли они отправлены? Мнѣ впрочемъ, по возвращеніи моемъ, доставленъ одинъ экземпляръ съ надписью автора.

Изъ Петрограда отбылъ я 23 генваря и, отдохнувши день въ Москвѣ, благополучно прибылъ въ свой градъ. Петербургъ ужъ пресытилъ меня, и его погода, особенно минувшую осень, отзывается какъ мясо крастелей во устахъ израильтянъ. Но добрымъ людямъ спасибо, тамъ ихъ много, и всегда буду вспоминать ихъ съ удовольствіемъ и благодарностью. Работы наши внесены въ св. Синодъ въ послѣднее засѣданіе предъ масляной, но что изъ онаго проекта выйдетъ, трудно угадать, доколѣ всего не перечтетъ графъ Д. А. Толстой. Можетъ быть придется сказать отъ насъ св. Синоду: *пискахомъ и не плясасте, рыдахомъ вамъ и не плакасте*..

Общество св. Нестора собирается и бесѣдуетъ. И я былъ въ одномъ засѣданіи, въ которомъ И. И. Малышевскій разсказывалъ содержаніе посланія матери къ сыну окатоличевшемуся, въ родѣ посланія Исаіи Копинскаго къ кн. Вишневецкому, а оное посланіе въ одной изъ рукописей Соф. библіотеки, тоговременное. Предсѣдатель сдерживаетъ Хрущева, выжидая, что министерство сольетъ оба кіев. общества воедино, а уставъ историч. общества повезъ съ собою Пл. Алек. Антоновичъ въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я таки добылъ планъ Кіева и не одинъ еще, а два, одинъ изъ депо главн. штаба, а другой изъ главн. инженерн.

управленія. Побесѣдуемъ надъ нимъ, когда пожалуете въ Кіевъ. А что же опись Кіево-печер. лавры 16 вѣка? Страницы Кіевск. Епарх. Вѣдомостей ждутъ отъ васъ сего подарка нынѣ, при старомъ редакторѣ оныхъ.

Богъ да укрѣпитъ Васъ и благополучно въ здравіи препроводитъ въ нашъ градъ, а пока свидѣтельствуя Вамъ и почтеннѣйшей супругѣ Вашей Маріи Васильевнѣ глубокое почтеніе и прося сказать, мой поклонъ и благословеніе Өеодорѣ Радецкой, остаюсь неизмѣнно преданнымъ Вамъ съ душевнымъ уваженіемъ П. Лебединцевъ.

7-е марта 1873 г. Кіевъ.

Завтра диспутуетъ на степень доктора инспекторъ Академ. арх. Сильвестръ, а ректоръ съ своимъ Іовомъ сидитъ аки Іовъ.

Въ отвѣтъ на это любезное сообщеніе Лебединцева объ участкѣ земли въ балтскомъ уѣздѣ и о томъ, что и какъ надо устроить, Максимовичъ написалъ 12 марта длинное письмо, главнымъ образомъ посвященное личнымъ дѣламъ, равно какъ и вся остальная переписка этого года.

12 марта, 1873 г. Михайлова-Гора.

Отъ всего сердца благодарю васъ, дражайшій Петръ Гавриловичъ, за полученное мною вчера письмо ваше отъ 7 марта, усладившее мнѣ душу: оно такое прекрасное, проникнутое такимъ свѣтлымъ, спокойнымъ, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и міръ,—не говорю уже о дружескомъ участіи во мнѣ, по которому вы мнѣ такъ драгоцѣнны... Дай Богъ вамъ и на дальнѣйшіе годы того же душевнаго строя, при добромъ здравіи тѣлесномъ!..

Я долженъ вамъ признаться, что мое второе письмо къ вамъ писалъ въ неувѣренности—найдетъ ли оно васъ въ Кіевѣ, въ предположеніи, что можетъ быть васъ опять потянутъ туда на Неву,—какъ и мое письмо къ попечителю отъ 5 февр. не застало его уже въ Кіевѣ. Потому я въ началѣ марта написалъ о томъ же и къ М. В. Юзефовичу, зане онъ, во время зимовки моей въ несносной квартирѣ Горецкаго, говорилъ мнѣ, что въ случаѣ надѣла меня участкомъ, онъ возьмется устроить его такъ, что мнѣ будетъ доходъ вѣрный, безъ моего объ томъ попеченія. Конечно, то было любезно-пріятельское словосочиненіе, которое однако дало мнѣ право просить его потрудиться увѣдомить меня, что это за Маншуровскій участокъ, далеко ли онъ отъ

Балты и желѣзной дороги, и кто дастъ мнѣ на него данную?.. При этихъ вопросахъ, я былъ въ совершенномъ заблужденіи: мнѣ воображалось, что та ферма, со дня Высочайшаго повелѣнія, съ 22 генваря, уже моя, и что мнѣ откуда то послѣдуетъ формальная на нее данная!.. Вашимъ письмомъ вчера вразумился я, что дѣло состоитъ совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ оно вообразилось!..

Премного благодаренъ вамъ за вашъ запросъ въ Каменецъ г. Гріельскому; но для совершенія купчей крѣпости (отъ кого?) тамъ есть у меня директоръ гимназіи В. П. Должиковъ, о которомъ нѣкогда я говорилъ Пл. Ал., и которому нынѣ довлѣетъ похлопотать объ оной купчей. Но для того, чтобы дать ему формальную довѣренность, мнѣ надо или протрястись на таратайкѣ въ Золотоношу 32 в. и 32 обратно, или спокойнѣе приплыть въ Кіевъ, но тамъ восходить на верхній этажъ присутственныхъ мѣстъ, тратя въ обоихъ случаяхъ деньги, и тѣлесныя силы, при настоящей скудости моей тѣхъ и другихъ.—Затѣмъ послѣдуетъ еще горшая операція—поѣздка мнѣ самому съ женою (что сама она тамъ безъ меня сдѣлаетъ?!) въ Балту хлопотать, чтобъ оттуда ввели меня онымъ маншуровскимъ участкомъ во владѣніе... Поѣздка туда и вводъ во владѣніе потребуютъ не мало деньги и подвига немощныхъ силъ. По вводѣ во владѣніе—тамъ, надо же будетъ и устроить оную ферму, отдачею ея въ наймы на извѣстные годы, на прочныхъ условіяхъ, и взнести 257 р. по вводѣ во владѣніе. Что же это за успокоеніе на исходѣ жизни моей,—когда мнѣ такъ необходимъ только, хотя и скудный, но тихій, беззаботный отдыхъ отъ трудовъ моей многопечальной жизни, при которомъ хотѣлось бы свести концы и привычныхъ мнѣ научныхъ работъ? Съ прошлогодняго августа, какъ я уже писалъ къ вамъ, кажется, одолѣваетъ голову мою постоянно забота о насущномъ продовольствіи,—при которой всѣ присѣсты мои за что-либо научное оказывались напрасными попытками, при которой смѣшались въ моей устарѣлой памяти даже послѣдніе годы моей собственной жизни: мнѣ вообразилось, что я зазимовалъ въ Кіевѣ (въ д. Горецкаго) подъ исходъ 1869 года, и съ этимъ недоумѣніемъ соединились разныя неправильныя представленія въ моихъ частныхъ письмахъ, даже въ запискѣ моей объ учрежденіи Истор. Общ. при университетѣ, даже въ печатной статейкѣ въ Кіевлянинѣ, на которую соблазнилъ меня Хрущовъ своею, тамъ же напечатанною выходкою, и безтактнѣйшею бесѣдою укоризненною, вечеромъ 23 сент., наканунѣ моего выѣзда изъ Кіева, когда Өеодора съ

Алексѣйкомъ приготовляли и укладывали мои пожитки къ завтрашнему, раннему выѣзду на пароходъ.—Онъ оказался совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ сначала мнѣ показался. Но чтобы развязаться съ помыслами о подобныхъ людяхъ, напишу вамъ 8-стишіе, набѣжавшее въ концѣ 1872 года.

Щелкопёры, марадёры,
Все впередъ идутъ, идутъ,
И науки въ свои руки
На барышъ себѣ берутъ,
Горе, горе, что актёры
Заглушаютъ тихій трудъ!
Но и прежде было тоже...
Будь же милостивъ къ намъ, Боже!

Мнѣ грезилось, что къ маю мѣсяцу состоится, наконецъ, утвержденіе меня Полтавскимъ окружнымъ судомъ въ правѣ получить наслѣдство послѣ брата—питомца моего, состоящее въ 2100 рубляхъ. Тогда бы я былъ въ возможности проѣздиться на южный берегъ Крыма, для поправленія совершенно разстроеннаго здоровья и головы моей и туловища, да потомъ заглянуть кстати и въ оный Маншуровскій участокъ. Но и въ этомъ, два года томящемъ дѣлѣ меня, есть своего рода замедленіе; а пока не прекратится оно, и пока я не получу тѣхъ денегъ, пересланныхъ уже въ Золотоношу, до тѣхъ поръ мнѣ не съ чѣмъ будетъ двинуться отсюда не только въ Крымъ и Балту, но и въ нашъ богоспасаемый градъ Кіевъ, всякій день, когда посѣщаю его, извлекающій изъ моего кармана болѣе дневного оклада, дающагося мнѣ моимъ пенсіономъ.—Но довольно объ этомъ говорить мнѣ, вспомянувши себѣ въ извиненіе слова незабвеннаго друга моего Гоголя: «Что жъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя, что, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже и не можетъ онъ изображать ничего другаго, какъ только бѣдность, да бѣдность да несовершенства нашей жизни...»

По отправленіи моего втораго письма къ вамъ, я получилъ уже извѣстіе и отъ Алексѣйка, и отъ Алексѣя Ѳ., о книжныхъ дѣлахъ его и о моемъ сынишкѣ; но я радъ буду, если вы ихъ обоихъ попеняете; не завтра, такъ послѣзавтра, вѣроятно, отзовется и г. Паліенко на мое письмо о сынишкѣ, 2 марта писанное. Получилъ я

9-го марта отвѣтное письмо отъ Г. П. Галагана; но еще не успѣваю къ нему откликнуться.

На мое третье письмо къ Барсукову, гдѣ я привелъ слова письма вашего изъ Спб., что *Н. П. Б. здравствуетъ*, онъ немедленно отозвался достолюбезно, и я отвѣчалъ ему 6 марта.

Кому С. И. Пономаревъ поручилъ всѣ эти экз. біографическаго очерка меня грѣшнаго,—не вѣдаю; лишь одинъ экземпляръ, 6 сент., доставилъ мнѣ Ф. А. Терновскій.

Изъ вышесказаннаго, вы снисходительны будете, что я недѣльки двѣ-три не примусь еще ни за что либо научное, хотя съ удовольствіемъ читалъ я въ вашихъ К. Е. В-хъ не только архид. Павла, но и Ляссоты сказаніе и щелчокъ Ипатьичу за чепуху московскую. Лаврскую опись пришлю вамъ, хотя и безъ того комментарія, какой желательно было мнѣ сдѣлать къ нему; но его сдѣлать можно было, находясь въ Кіевѣ, а не здѣсь. Планы Кіева, вотще желанные мною отъ покойнаго П. А. Муханова, добыты вашимъ стараніемъ: исполать вамъ; но не пускайте ихъ въ ходъ, пока мы съ вами вмѣстѣ не разглядимъ ихъ; тогда и рѣшимъ вмѣстѣ, что сдѣлать. Авось еще благоволитъ Богъ, претерпѣвъ мнѣ годичное отрѣшеніе отъ научнаго дѣла—отъ сентября 1872 до сентября 1873 г., опять къ нему возвратиться, съ водвореніемъ на новую зимовку въ Кіевѣ.

Моя Марья Васильевна свидѣтельствуетъ вамъ глубочайшее почтеніе свое и благодарность за ваше о ней воспоминаніе. Ѳеодора, питомица ваша, тоже съ живѣйшею признательностью къ вамъ поручаетъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ ея благодарный поклонъ за вашъ ей привѣтъ и благословеніе. Она донынѣ чистая сердцемъ и добрая дѣтина. У васъ въ кабинетѣ есть отъ меня и погодинскій портретъ, и фотографическій многоглавый листъ, гдѣ и моя рожица въ шапкѣ, но мнѣ весьма пріятно было-бы, чтобъ тамъ, объ руку съ Погодинымъ, на стѣнкѣ виднѣлась и моя ипостась; а для того препровождаю къ вамъ, съ сею же почтою, въ бандерольномъ пакетѣ, мой «кабинетный портретъ», работы кіевскаго Мезера, 2-го сент. 1872. г., когда мнѣ стукнуло 68.

«О, для чего я не младъ и не силенъ, какъ въ прежніе годы!»

Этимъ стихомъ Одиссея изъ Одиссеи кончаю нынѣшнее письмо мое къ вамъ, мой дражайшій кіевскій другъ, лобзая мысленно уста и десницу вашу, и прося вашихъ молитвъ о многонемощномъ и многоскорбномъ Михайлогорцѣ Максимовичѣ.

Въ дополненіе извѣстій о Вашей землѣ, имѣю честь сообщить Вамъ, глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ, слѣдующее свѣдѣніе, полученное мною изъ Каменца отъ г. Гріельскаго: 2-й маншуровскій участокъ заключаетъ въ себѣ земли пахатной 362,40 д., пастбищной 1,70 дес., неудобной 10,00 д., подъ водою 8,75 дес., лѣсу и строеній нѣтъ; почва земли глинисто-черноземная и песчано-черноземная, отъ Балты въ разстояніи 64 в., отъ желѣзной дороги 16 вер., отъ р. Днѣстра 120 в.; участокъ этотъ въ прежнее время былъ еврейской колоніей (слѣдов. хорошаго качества). Слѣдоват., Вамъ не трудно добраться изъ Кіева до Вашей землицы и удобно съѣздить въ Балту по желѣзной же дорогѣ для совершенія ввода во владѣніе. Взносъ вѣроятно Васъ не затруднитъ, такъ какъ уплата по вводѣ уже во владѣніе, и вступая во владѣніе, Вы тогда же можете и отдать въ аренду эту землю не менѣе какъ *по 4 руб.* десятину, а пожалуй и по 6 руб., какъ у нихъ въ черкас. уѣздѣ, т. е. получить 1,500 р. по меньшей мѣрѣ. Полагаю, что всего удобнѣе это можно будетъ сдѣлать Вамъ при посредствѣ приход. священника, ибо батюшки знаютъ и арендаторовъ, и цѣну земли. Не думаю, чтобы сдѣланы были Вамъ затрудненія и въ кіев. гражд. палатѣ при засвидѣтельствованіи Вами довѣренности, а впрочемъ Вамъ болѣе извѣстно, гдѣ для Васъ сіе болѣе удобно. Мнѣ кажется, что кто-нибудь арендуетъ же и нынѣ маншуровскій участокъ, и вѣрно Вамъ уплатитъ за провладѣніе со дня пожалованія Вамъ онаго.

Что Вы такъ влечетесь на югъ? Устройтесь лучше въ Кіевѣ прежде, а потомъ прогуляетесь и на югъ въ Крымъ. Поѣздка въ Балту вѣрно укрѣпитъ Ваши силы, ибо она такъ удобна; притомъ же она доставитъ Вамъ лучшія средства, а лучшія средства придаютъ всегда силы и тѣлу и душѣ. Если бы Вамъ угодно было, я предложилъ бы Вамъ квартиру на Соф. площади, бывшую мою, въ Сухобрусовскомъ домѣ, гдѣ есть всѣ удобства для семейнаго человѣка—цѣна 400 руб., весьма недорогая нынѣ, только дайте мнѣ знать о Вашемъ согласіи къ 1-му апрѣля.

Сегодня Михаилъ Владиміровичъ [1]) собираетъ у себя засѣданіе комиссіи. Попечитель возвратился изъ Питера въ субботу 16-го марта и объявилъ, что графъ Толстой посѣтитъ Кіевъ въ сентябрѣ сего

---

[1]) Юзефовичъ.

года, а то, какъ говоритъ Муравьевъ, все угодники печерскіе не допускали.

За кабинетную карточку приношу Вамъ глубокую благодарность, а свою новую некабинетную представлю по прибытіи Вашемъ въ Кіевъ. Съ Епарх. Вѣдомостями кое-какъ управляюсь, хотя весьма скучно читать корректуру. Вспоминаю Степана Ивановича Пономарева и его великую помощь въ семъ дѣлѣ. Матеріалецъ есть, да Епархіальн. дѣла поглощаютъ время. Впрочемъ, дѣлаемъ какъ можемъ.

Богъ да укрѣпитъ Васъ и благополучно препроводитъ въ нашъ градъ.

Душевно преданный Вамъ съ глубокимъ уваженіемъ П. Лебединцевъ.

19 марта 1883 г. Кіевъ.

---

27 марта, 1873 г. М. Гора.

Въ день св. Благовѣщенія получилъ я достолюбезное писаніе ваше, многочтимый и многолюбимый мною Петръ Гавриловичъ!—Благодаря вамъ, а черезъ васъ и г. Гріельскому, теперь я знаю, въ чемъ состоитъ будущее владѣніе мое,—и восемь десятинъ его, подъ *водою* сущихъ, радуютъ меня, что оно—не безводная степь. Вижу, что мнѣ прійдется поступить по вашему слову, отложа южный берегъ Крыма до иного времени, когда совсѣмъ уже устроятся дѣла мои житейскія въ Балтѣ и здѣсь. Подправить хотя нѣсколько свое здоровье приходится мнѣ на кіевскихъ минеральныхъ водахъ, водворясь бивачно въ какой-либо сосѣдней гостиницѣ, если не найдется тамъ спокойной квартирки у кого-либо. Но самый пріѣздъ мой въ Кіевъ можетъ быть тогда, какъ уже рѣшится, наконецъ, давнее, истомившее меня и опротивѣвшее мнѣ дѣло о полученіи наслѣдства, состоящаго въ 2,100 р., которые давно уже, по прошенію моему въ Михайловское (ряз. губ.) полицейское управленіе, оно переслало въ Золотоношское, для удобнѣйшаго тутъ полученія мною. Но мой присяжный повѣренный, г. Квачевскій, которому я уже переслалъ всѣ документы и справки, какихъ требовалъ онъ отъ меня для ходатайства о моемъ дѣлѣ въ Окружномъ судѣ, еще не могъ начать его, понеже—затормозилась выдача ему метрическихъ свидѣтельствъ о рожденіи моемъ (1804 г.) и брата Виктора (1810 г.), о нихъ же было мое формальное прошеніе и частное письмо, въ началѣ февраля, къ преосвящен-

ному нашему архипастырю, къ которому я вчера еще писалъ благодарственно за его. умилившее меня, прелюбезное писаніе и присланіе, съ выраженіемъ его добрѣйшаго, непреходящаго обо мнѣ памятованія и пастырской любви.—Пусть будетъ, какъ сбудется!—Комедію о метрическихъ свидѣтельствахъ перескажу вамъ, при нашемъ личномъ свиданіи въ Кіевѣ; а въ Кіевъ я непремѣнно буду во *второй* половинѣ *мая*, если бы даже и не кончилось къ тому времени оное дѣло мое въ *Полтавѣ*, столь противной душѣ моей, что я и донынѣ въ ней не былъ ни разу,—что не захотѣлось мнѣ видѣть ее даже въ 1850 г., когда я находился въ 30-ти верстахъ отъ нея, будучи въ гостяхъ у Гоголя, когда предлагали мнѣ прокатиться туда отправлявшіеся сутокъ на двое родичи Гоголевы...

Что касается до Кіева, то для меня еще преждевременно обзаводиться въ немъ постоянною квартирою; дума и дѣло о томъ могутъ быть—съ наступленіемъ сентября. А потому и прежняя ваша квартира въ д. Сухобрусова—пусть достается другимъ жильцамъ. Мнѣ она и не нравится: словно придавлена, угнетена верхнимъ этажемъ. Я и вамъ тогда—если припомните—желалъ болѣе возвышеннаго отъ половъ, болѣе просторнаго и свѣтлаго обиталища.

Сплю и вижу, чтобы съ наступленіемъ будущей осени обзавестись въ Кіевѣ постоянною квартирою, гдѣ-бы я могъ на исходѣ вѣку, до конца его, угнѣздиться и расположиться съ своими книгами и прочею бумажною рухлядью. Славную половину ихъ оставлю въ достояніе общественное послѣ себя. Въ той квартирѣ желалъ-бы я себѣ, для кабинета и логовища, возможно просторной и высокой горницы, сухой, и на зиму теплой; другая горница—гостинная, тоже не малая; третья, хотя и малая, для временнаго въ зимнее время посѣщенія меня жены и дѣтей; да четвертая—прихожая, съ ширменнымъ отдѣломъ для служителя.—Найдется-ли такая квартира мнѣ гдѣ-либо, на пространствѣ между Софійскимъ дворомъ и университетомъ? Увидимъ.

Моя Марья Васильевна будетъ въ Кіевѣ 30 и 31-го марта и доставитъ вамъ лично этотъ листокъ мой;—помолится она обо мнѣ немощномъ и въ нынѣшніе дни—у св. Софіи, и привезетъ сюда на свѣтлопраздничную вакацію нашего Алексѣйка Прошу васъ вспоминать меня, въ двѣ великія седмицы, въ святыхъ молитвахъ своихъ! Вседушевно преданный вамъ М. Максимовичъ.

Глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ!

Приношу Вамъ душевную благодарность и за Ваше всегда чтимое мною посланіе, и за Ваши книжицы, всегда мнѣ дорогія, равно какъ и другимъ южноруссамъ. Опись лавры хотя и безъ Вашихъ примѣчаній напечатается, но будетъ считаться по редакціи Вашей, ибо Вамъ она отъ меня поднесена. Во всякомъ случаѣ обнародованіе сего документа, хотя и въ голомъ видѣ, необходимо. А. Ѳ. Бычковъ совѣтовалъ мнѣ издать сборникъ историч. статей, помѣщенныхъ въ Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ. Оно конечно хорошо бы, да какая будетъ выручка? Возвратится-ли затраченный капиталъ?

Ваши замѣчанія о бывшей моей квартирѣ вѣрны; я забылъ уже ея неудобство отъ низменности потолка. Если услышу о квартирѣ, подходящей подъ Ваши требованія, то сообщу или намѣчу.

Богъ да укрѣпитъ Ваши немощи молитвами Маріи Васильевны, позвонившей у моихъ дверей и явшейся было бѣгу послѣ врученія Вашего письма, но по моей просьбѣ удостоившей посѣтить мою квартиру хотя на нѣсколько минутъ; кажется, это можно считать первымъ еще нашимъ знакомствомъ, ибо не могу я считать знакомствомъ совершенное мною помазаніе ея елеемъ въ Соф. соборѣ, когда я только по присутствію Алексѣйка догадался, что имѣю честь видѣть Вашу супругу.

Духов. власть начала избивать докторантовъ своихъ: забастовали Янышева и Хрисанѳа, затормозили Филарета и проф. каз. Академіи Знаменскаго. Если сіи недостойны или лучше не православны, то что студенты? Аще въ суровѣ древѣ сіе творится, въ сусѣ что будетъ? Покойнѣе быть православнымъ магистромъ (?) чѣмъ попасть въ еретики.

В. Антоновичъ полагаетъ Кіев. Звенигородъ подлѣ Хотова, а я говорю, что это не совсѣмъ по дорогѣ, скорѣе въ Будаевкѣ, на пути, который идетъ отъ Шулявки къ Василеву справа почтовой дороги и котораго поднесь придерживаются мужички, какъ болѣе удобнаго и менѣе песчаного. И тамъ и здѣсь городище.

Дай Богъ Вамъ встрѣтить и радостно провести свѣтлый праздникъ

Душевнопреданный Вашъ П. Лебединцевъ.

31 марта 1873 г. Кіевъ.

2 апр. 1837 г. Мих. Гора.

Вчера, подъ исходъ дня, я обрадованъ былъ пріѣздомъ изъ Кіева моихъ Михайлогорцевъ и вашимъ посланіемъ, съ приложеніемъ новой свѣтописной ипостаси вашей, дражайшій Петръ Гавриловичъ?!... Благодарю многократно за все, за все ваше дружеское вниманіе ко мнѣ престарѣлому труженику!

Сегодня—въ базарный здѣсь день—такъ заторочили мнѣ голову, что я не силахъ уже написать вамъ ничего, что на разсвѣтѣ роилось въ головѣ моей сказать вамъ о нашей достолюбезной кіевской старинѣ и древности. Вспомяну развѣ, что о погребеніи Кн. Глѣба Всеславича въ Печерской церкви при гробѣ пр. Θеодосія упоминается не только въ Пат. І. Тризны, но и въ Тератургимѣ.

О подкіевскомъ *Звенигородѣ* вопросъ былъ мною поднятъ въ Москвѣ 1858 года, въ спорѣ съ Бѣляевымъ, и потомъ съ Погодинымъ, о мѣстѣ ослѣпленія Василька. И думать нечего, что его скорѣе надо предположить въ *Будаевкѣ*, чѣмъ въ *Хотовѣ* (удивительная несообразительность!). Но въ моей посылочкѣ бандерольной, съ этою-же почтою посылаемой, найдете вы первоначальную догадку или загадку мою, что оный городишко былъ—на р. Ирпени, въ *Дзвонковой*. Тамъ могло быть, на полудорогѣ къ Василькову, благонадежное перепутье для сбора воевъ Кіевской области въ походъ къ Василькову, и обратно оттуда въ Вышгородъ, не заходя даже въ Кіевъ.—Утвердительно просилъ бы я Вл. Б. Антоновича отречься отъ пріуроченья онаго Звенигорода—къ Хотову!—А вотъ что неоспоримо, что *Желань* есть *Желяне*, до сего дне такъ нарицаемые,—и что не разуменъ будетъ тотъ исторіографъ, который, подобно Берлинскому и Закревскому, не признаетъ этой мѣстности исторической, угаданной еще здравымъ смысломъ исторіографа Карамзина.

Объ изданіи сборника историческихъ статей въ К. Е. В. я раздѣляю выше сомнѣніе, не плакали бы денежки, на ихъ напечатанье истраченныя.—Подождать еще надо, какъ означатъ себя грядущіе годы сего десятилѣтія.

Сегодня отсюда послѣдняя надежная земская почта на Золотоношу; а потому я, благодаря васъ за вниманіе дружеское къ семейству моему, разстаюсь съ вами дней на десять, прося вашихъ молитвенныхъ воспоминаній, при богослуженіяхъ вашихъ въ Софійской церкви, о многонемощномъ еще и съ наступленіемъ апрѣля мѣсяца, сердечно любящемъ васъ и почитающемъ Михаилѣ Максимовичѣ.

P. S.—Говорятъ мнѣ, что теперь уже 3 четверти четвертаго по-полудни; пора же уже и за обѣдъ приняться, кто пробудился еще до восхода солнечнаго. Будьте здравы, свѣтлы духомъ на всѣ дни свѣтлопраздные!

Этимъ письмомъ и заканчивается переписка. Лѣтомъ 1873 г. Максимовичъ видѣлся съ Лебединцевымъ въ Кіевѣ, а потому переписка была не нужна; когда же онъ возвратился на Михайлову Гору, то начался послѣдній періодъ его болѣзни, вслѣдствіе чего переписка не возобновилась. Въ бумагахъ покойнаго П. Г. Лебединцева мы нашли только коротенькую записочку отъ 29 октября М. Товбычъ [1]), писавшей Лебединцеву съ Михайловой Горы, по порученію Максимовича, что «онъ очень желаетъ Васъ видѣть и проситъ, чтобы Вы поспѣшили его навѣстить», при чемъ отъ себя М. Товбычъ добавила: «и я прошу Васъ покорнѣйше поспѣшить, потому что онъ бѣдный очень боленъ и всякій день Васъ ожидаетъ; ему очень худо». А 14 ноября написано было Лебединцеву письмо М. В. Максимовичъ, которая извѣщала его, «что мой дорогой Михаилъ Александровичъ умеръ 10-го ноября въ половинѣ второго дня, а хоронили моего дорогого друга 12-го».

Сообщ. **В. Науменко.**

---

[1]) Мареа Вас. Товбычъ—сестра жены М. А. Максимовича.

Буде паномъ.

Лавринъ Козубъ литъ 12 служыть на зализныци кондухторомъ. Уси ёго колышни товарышы уже давно «óберы», а винъ тильки у останни часы «исполняе» та й то на товарному. А все черезъ що? Разъ те, що не вміе винъ кланятысь начальству, а вдруге— мала ёго наука. Колы по дорози збиралы статистычни видомосты, Лавринъ запысавъ—«домашнёи освиты». А се, бачте, було трохы инакше, та Лавринъ не хоче оповидаты. Вчывсь винъ у дячка одну зиму. Дякъ лежыть на печы, бо у хати холодно, а вченыкы—ихъ трое—на лави, узброени велыкымы указкамы. «Азъ!» гука дякъ зъ печы. «Азъ!» репетують ученыкы, дывлячысь на дякови чоботы. «Букы», гуде наче зъ комина, «виды».

Оттáка та наука.

«Якъ умерла моя маты, розсказувавъ Лавринъ своій жинци, то батько звелилы мени псалтырь чытаты надъ нею. А я зовсимъ забувъ! Що ёго робыты? Бабивъ повна хата... Отъ я й почавъ швыденько торохтиты, що выгадаю. Поторохчу тамъ скильки хвылынъ, а потимъ голосно: «Господы помылуй, Господы помылуй»... Бабы ажъ уприваютъ, бьючы поклоны, та похваляють мене, що такъ добре, выразно чытаю».

Вже жонатымъ трохы наломывся винъ пысаты; такы справди трохы, бо не що-разу прочыта те, що напыше. А попередъ нижъ напысаты яку литеру, Козубъ замахнется разивъ пьять, наче въ паци грае.

Отто вамъ и «домашня освита»

За таку освиту винъ и «йисть дрыжакы», бо лыха та служба стояты на тормази, колы и морозъ и витеръ разомъ вытають подорожнёго.

У ёго четверо дитей—тройко дивчатъ и одынъ сынъ. И «невыгласъ» же той сынъ! А проте вчытся въ повитовій школи добре. Якъ що батько й зве ёго и «дрючкомъ» и «ломакою», то це тильки для того, абы Йваня «не розопсивъ». Заклопотаный Лавринъ; усе думае, куды дытыну виддаты, у яку школу. Чы нехай кончае повитову, чы такы заразъ виддаты до техничнои школы. Се ёго давня, люба мрія—техпычна школа. Звидты, абы кончывъ, заразъ на машыну беруть, а черезъ рикъ, два—«машынистъ»... У думци винъ докладно переличуе, яки велыки грошы заробляють машынисты. Йистыме сынокъ хлибъ, буде й до хлиба; та й батькови старому буде прытулокъ. Ось же подумайте: жалування 50 кар., верстовыхъ линуючысь выйиздыпъ на 50 кар., а ще жъ «премія» за дрова, угалля, то що... Бильшъ сотни карбованцивъ! «Нехай мени не поталаныло, то хочъ диты людьмы будуть», дума Лавринъ.

Козубъ жыве у злагоди зъ «брыгадою», бо винъ не такый, якъ инпы жмыкруты-оберы, що потай видъ товарыства позбирають грошы зъ слипакывъ, а брыгади набрешуть. Ни, у ёго иншый звычай. Слипакы—се манна небесна: колы йе, а колы бигма; имы на товарному пойизди багато не заробышъ, не одкладешъ на хазяйство; тому найкраще у купи зъ брыгадою пропыты сю выпадкову копійчыну.

Отъ и сёгодня, заразъ якъ Лавринъ випписъ рапортъ до начальства, уся брыгада гуртомъ посунула до Хаймыды, що держыть шынокъ саме коло вокзала.

— «Чулы, Лаврине Петровычу, спытавъ молодшый кондукторъ свого обера,—Рубцеви скынулы пьятёрку»?

— «Ни... А за вищо»?

— Э, ни за що! Васильковській давно на ёго лютый, а до того заразъ пісця Велыкодня у ёго брыгади разъ не було одного

тормазного: выпылы, ну десь и загубылы коло буфета, а тутъ контроль.

— Дурный Рубець! У мене гиршъ бувало, та й то ничого. Обыдва тормазни и на станцію не прыходылы. Чую—у дижурній гомонять: на станціи N контролеръ буде; а я вже прыйнявъ вси документы, пидпысавъ що треба, отъ-отъ-о йихать. Уже й свыстка давъ, а моихъ нема. Що робытымешъ? А тутъ слипакы просятся. Сидайте, кажу, на тормази. Одному давъ свое литне пальто, другому поясъ и капелюхъ, фынари. Звеливъ, щобъ сказалы контролю, що недавно служать на цёму участку. Знаете, якый контроль: зійшло! Попереду було якось зручнійше.

Ось и Хаймыда. Брыгада, наче у своій хати, зайшла ажъ у самый кинець будынку, розташувалась коло столу. Незабаромъ выпылы по першій и охоче заходылысь закусуваты. Гомонилы гуртомъ, не дуже дослухаючысь одно другого; уважнійшъ слухалы тильки обера, бо якъ хочте, а все такы винъ начальство. А Лавринови давно кортыть погомониты на свою любу тему про те, якъ винъ сеи осены виддасть сына до технычнои школы,— ось дайте прычепку. Прычепка знайшлась дуже швыдко: Лавринивъ помищныкъ, довгый рудый чоловикъ, дуже охочый до сну, ставъ лаяты кондукторську службу.

— И яка се служба! Не зйисы до смаку, не выпъешъ у свій часъ; уставай опивночы, тягайся съ фынаремъ по станціи, лазь пидъ вагонамы. Та вы, обере, знаете,—здавна служыте!»

— Знаю, знаю. Тому й хочу вывесты сына въ люде. Се такы добре, що зъ насъ не беруть грошей за вчення въ технычному вчылыщи. Не люблю я тыхъ батькивъ,—додавъ Лавринъ дали,—що все переводять на себе, а дитей старцямы зоставляють.

Рыпнулы дверы. Увійшовъ Лавринивъ кумъ, Пицъ, що служыть стрилошныкомъ. Ёго сталы частуваты, прысоглашаты до розмовы.

— Отъ, порадьте куме,—звернувсь до нёго Козубъ,—чы не виддаты мени вашого хрыщеныка до технычнои школы. Тамъ такый башковытый! По совисти, то Козубови байдуже було, що кумъ порадыть. Ёму бильшъ усёго хотилось похвалытысь передъ

тымъ, що ёго дытына скоро паномъ буде. Хай, мовлявъ, визьмуть кума завыдкы. Кумъ бачывъ, куды витеръ віе, и пибы справди щыро ухвалывъ сю думку. Лавринъ хотивъ за таку щырисить подякуваты Пицови:

— «А чому-бъ тоби не виддаты разомъ и твого Андрія, га?»—промовывъ винъ.

— «Чому?—перепытавъ Пицъ, и въ очахъ ёго вже свитылась усмишка,—тому, що я виддавъ ёго до гимназіи у Кыивъ! Жыве тамъ у брата и жытыме. Дасть Бигъ, кончыть гимназію, та и въ унызерситетъ пиде; а тамъ и самъ буде вчытелемъ у гимназіи, отъ якъ»!

— «Опъ якый ты»,—наче байдужно сказавъ Лавринъ, а тымъ часомъ у думци почувавъ себе дуже ображенымъ. «Що воно таке! Стрилошныкъ, мае 12 кар. що мисяця, а дывиться, якъ пнется? Отъ ще й справди Андрій буде вчытелемъ... Невже-жъ мій Иваня чымъ поганьшый?»—снувалы гадкы у трохы спьянилій ёго голови.

Розмова перервалась, ухылылась на иншы темы; Лаврипове облычча выявляло досаду и стурбованнисть. «И якъ то такъ вый-шло, що я й не подумавъ про гимназію?»—нарикавъ винъ у гадкахъ. «Мабуть що гимназія такы выща за технычне вчылыще».

Брыгада писля горилкы надолужувала пывомъ. Гоминка була така поплутана, що годи прыслухатысь; настрій робывся веселымъ, выбухувавъ голосною лайкою, роскотыстымъ реготомъ. Нарешти распочалась кумедна писня:

«Щепетытельный вопросъ
Кандухтóры и матросъ...

Іи спивано на голосъ салдацькыхъ, въ униссонъ одно одному, але ладу якось не було.

«Иване?»—сходячы зъ кганку, гукала свого сына Лавринова жинка, Марта. Вона дывылась у той бикъ двора, де не було ніякои огорожы, а темнивъ велыкый яръ, що зарисъ густымъ бурьяномъ, лозою, вербамы, и де, якось ненарокомъ, бовванивъ ве-

лычезный дубъ. Марти довелося гукнуты тричы, й тоди тильки почула вона, що десь далеко триснула лиса, щось гукнуло, зашамотило мижъ лопушыннямъ. Черезъ хвылю у двиръ убигло кругловыде хлопья, одягнене у сорочечку, убгану у куци штанци. Иванъ, не доходячы до матеры ступнивъ на десять, спынывся, бо зъ чымалого власного досвиду знавъ, якъ то гирко буває, колы втратыть можлывисть утикты.

— «Чого вамъ?»—запытавъ винъ несмилыво.

— И де ты, лобуре, гасаешъ день-у-день, що тебе й не догукаешся? Хочешъ, мабуть, «робынзоныть», якъ Парасчына Одарка? Гляды, лышень, щобъ и тоби такъ не було, якъ ій»!

Иванъ бувъ напоготови даты драла, бо добре знавъ Одарчыну прыгоду. Та про се увесь кутокъ зна, бо прылюдно діялось. Пишла кудысь Одарка зранку, та й нема іи до вечора. Отъ маты пидстерегла доньку ще на вулыци и дуже іи выбыла, прыказуючы: «я тебе навчу «робынзоныть», я тебе»... То теперъ уси кутчане лякають дитей сымъ словомъ.

— «Клычъ сестеръ, нехай йдуть вечерять, бо батько дома и жде васъ»,—звелила Марта и зайшла у хату. Иванъ побигъ шукаты сестеръ, розмахуючы новымъ цинкомъ. Винъ его вырызавъ сёгодни у провалли и вже марыть, якъ завтра уранци обыграе у цуркы свого прыятеля Панька. Передъ вечерею ципокъ бувъ схованый десь у синцяхъ пидъ усякымъ громостомъ видъ злодія, наче бо'зна якій скарбъ.

Отъ и вечеря. Диты счыняють лементъ, бо бачать, що батько веселый, не гриматыме. Лаврииъ розсказуе Марти, що на другому кинци свого участка бачывся зъ кумомъ, що той хвалывся, яка добра картопля уродыла на ёго городи, заклыкавъ до себе погостюваты. «А нуте,—звернувсь винъ до дитей—«Йваня, Улянко, засмійтесь»! Ти охоче вволылы батькову волю.

— А у нашихъ дитей, Марто,—пояснывъ винъ жинци,—окуратненьки роты, се по усмишци зразу выдко. Ты бъ глянула на кумыного Андрія—тамъ таке жабеня! Вже зроду не помылышся, що не панського вопо кодла. Йваня,—казавъ винъ дали—завтра я поведу тебе опрыдиляты въ гымназію. Хочешъ? Щобъ мени не

липувався, вчывся пыльно—папомъ будешъ... Батько на васъ, диты, ничого не жалуе, може такы на старисть складете подяку!»

— «Чы ты не здуривъ часомъ, Лаврине?»--здывувалась Марта,--«чы у тебе скрыни грошей, чы що? Зъ чого настачышся? Тамъ же-жъ й одежынку треба, и кныжкы, и платыты за вчення, а дома робыты дило за нёго. Ось не дурій, старый»!

— Що ты знаешъ, дурна баба! Будуть гроши! На сёму тыжни намъ прывезуть казённи кожухы, валянкы, башлыкы. Я обгледивъ,—у мене и старе ще добре; а помишныкъ просе, чы не продамъ ёму, бо винъ ще годивъ зо два не получатыме, не выслужывъ. Оть и гроши. Укукобымо Йваню у «форму», а тамъ подумаемо. А ты, Марто, жывы скупійшъ, то й будуть зайви гроши».

— Забажалось мерзлого въ Петривку! Та вже хай твое зверху. Лягайте, диты!

— Ще рано,—перепынывъ батько. «Нехай мени заспивають, тай ты слухатымешъ».

Якъ то любыть Лавринъ спивы! Винъ якъ пиде до церквы, то стае биля крылоса, щобъ пидтягуваты, и завжды коло правого, бо на ливому таке верзуть, тилькы въ грихъ уводять. И дитей паломывъ у гурти спиваты, за рукой дывытысь.

Диты посидалы на кровати урядъ, а батько проты ныхъ на ослинчыку. Сей вечиръ Лавринъ дуже налягавъ на найулюблену свою писню.

Диты мои, диты,
Рожевыи квиты—
Вы у моёму саду
Щебечете до ладу.

Довго свитылося у хати надъ проваллямъ, ажъ сусиде дывувалыся, чого то Козубы не лягають спаты. А про те й не гадають, якъ то швыдко часъ плыне, колы передъ очыма у чоловика яскраво зазоріе надія, выклыче ёму пышни малюнкы будуччыны, геть усуне буденни турботы.

———

Пробигъ мисяць. Довго його памьятатыме Йванъ, бо чы й зазнае колы ще такого свята. Заразъ писля испытивъ, якъ було прочытано, що Йвана Козуба прыняли у першу клясу, батько повивъ його до камьяныхъ крамныць и купывъ картуза зъ гербомъ. Иванови здавалося, що вси дывлятся на нёго, бачать, що винъ сёгодни зробывся панычемъ, и ёму було и соромно и такъ весело, що сами губы складалыся въ усмишку. Эге-жъ! Ось и перекупкы клычуть: «панычу, возьмить у мене на почынъ бублыкивъ—дешево дамъ»! А попереду—то було гукають: «малый, бижы до мене»!

И на кутку пошана: хлопци прыйнялы граты «зъ наця» (се бачте, уси ставляють на кону по «пари» нацивъ, а винъ тильки «наця», бо не було бильшъ); а якъ програвъ того наця, то Панько прысогласывъ—«грай за мене!», хочъ и знавъ, що така спилка ёму не дуже на корысть выйде. А якъ булы на майдани, то Павло (губошлёномъ дряжнять) давъ Иванови подержать свого змія зъ гуркаломъ. Зате-жъ и Иванъ дававъ хлопцямъ роздывлятысь, чы шкурятяный, чы зъ кардону козырёкъ въ ёго картузи; винъ навить не боронывъ имъ прыдягнуты, щобъ попробуваты, чы зручный «шкурятяный» козырёкъ.

На другый день, заразъ якъ изъ пойизда, Лавринъ повивъ сына до «кравця замовляты блюзу, штаны и «мундыръ». Головною умовою було—«до вивторка скинчыты».

У вивторокъ Иванъ, одягнутый въ усю «форму», що такъ прыязно блыщала золотенькымы кгудзыкамы, йшовъ зъ батькомъ у «дворянську» баню. Знаете, що то таке «дворянська» баня? Казённа вакзальна баня топытся двичы на тыждень—у суботу и у вивторокъ; отъ же въ суботу мыются пыжчи служащи: стрилошныкы, слюсары, нагружчыкы й инши; а у вивторокъ—вышчи, то-бъ-то «дворяне». Кондукторы, хочъ и «ныжчи», або якъ воны звутся—«пойиздна прыслуга», але имъ прывилегія, бо-жъ иноди воны не можуть потрапыты у суботу, то дозволено и у вивторокъ Лавринъ ходе тильки по вивторкахъ, бо тоди немае «мужланивъ», не чуты смороду ихнихъ портянокъ и менче московськои лайкы.

У прыбанныку пара, мовъ туманъ, застылала одягнутыхъ и роздягнутыхъ людей. Лавринъ бережно за руку провивъ сына у выгиднійше мисце до викна, помигъ ёму роздягнутыся и поклавъ высоко на полыцю капелюха гербомъ впередъ, такъ що знаты було «N. Г.»

Де-хто зъ «оберивъ» зразу помитывъ гимназиста коло Лаврина и, дывуючысь, поспытавъ: «чы не твій се сынъ, Козубе»? Мета була осягнута!...

Сёгодни воны мылысь довше звычайного, ажъ покы хлопець не вчадивъ и не почавъ плачучы прохатысь до-дому.

Та й яка дорога «форма»! До кожуха та валянокъ Марта прыклала свои дивочи оздобы: разкивъ пьять буйного коралю—«доброго намыста» и срибни дукачи. Навищо воны ій теперъ? Этъ, однаково, що дома у прыскрынку, що у Хаймыды у схованци, бо-жъ Уляна ще мала.

А такы,—осычына ёму гирка!—не выстачыло на кныжкы, але то ничого, не въ тому лыхо. И справди, на другому тыжни инспекторъ звеливъ зъявытысь усимъ у мундырахъ, зъ кныжкамы и зъ усимъ потрибнымъ ученыкови прычандаллямъ. Середъ класу биля столу сивъ инспекторъ зъ двома надзырателямы. Сталы выклыкаты. Коженъ пидходывъ до столу, прыносывъ усе свое збижжя й роскладавъ на столи. Инспекторъ дуже гостро прыдывлявся, чы йе нанысъ на козырку, чы дебела бляха; сипавъ за реминци ранця; личывъ кгудзикы на мундырахъ, котрыхъ повынно було буть обовьязково девьять и котри тыслысь иноди такъ густо, якъ на гною гадючкы, або печерыци. Було и такъ, що инспекторъ пучкою мирявъ, чы не дуже довге волосся, зазыравъ пидъ полы и въ кышени и за малымъ не вывертавъ хлопця, якъ панчоху. Але-жъ покы дійшла черга до Ивана, винъ вже мавъ уси кныжкы, олывци, каламарци й иншый «струментъ». Товарышы навить дозволылы зробыты напысы на палятуркахъ, нибы то його кныжкы, звычайно олывцемъ, щобъ потимъ вильно було стерты. Оттакъ и зійшло.

Не чуе Йванъ лыха, щыро берется коло свого дила. «Вы-бъ глянулы,—хвалытся людямъ Марта,—яки въ нёго буквы, наче

насиннячка. Нехай хочъ и выженуть, то хлибъ йистыме». Теперъ винъ дома не попыхачъ. Онъ батькови перепысавъ «Докладную запыску», та й ще не разъ стававъ у прыгоди. А онъ за що Лавринъ подарувавъ ёму свій старый гаманець. Якось знову стрився Козубъ зъ Пицомъ. Маючы дитей по гимназіяхъ, воны обыдва почувають себе освиченымы, а тому заразъ и счепылысь. Пицъ розсказуе: «мій сынъ уже «лепетыторомъ», а Лавринъ тутъ же прылюдно выправляе ёго: «не лепетыторъ, а репертыторъ треба казаты». Зъ того й посварылысь. И що-жъ?? Иваня и се знае и тежъ каже «репетыторъ», бо на Лавринову думку зовсимъ не чутноніякои рижныци видъ зайвого «р». За це й дарунокъ.

А лыхо наблыжалось. Одного дня у класи було прочытано, хто не прынисъ грошей за вчення, а инспекторъ додавъ, що черезъ тры дни выжене всихъ неокуратныхъ. Иванови звелено нагадаты про це батькови: хай не барытся та прыносе гроши, якъ се уже казано у перши дни, колы брато «подписку».

Иванъ переказавъ.

Ранокъ. У коридори биля «инспекторской» кимнаты сыдыть Лавринъ на довгій, наче покутній ослинъ, скрыни для ховання колошъ. Винъ жде десяты годынъ,—тоди ёго поклычуть до инспектора. Нудно тягнется кожна хвылына, здается не диждаты тыхъ десяты годынъ. Апе се тильки такъ здается Лавринови, бо не спокійно ёму на серци, «не буде дила»—вищуе ёму думка.

— «Пожалуйте!»—заклыкалы Козуба. «Що маете казаты?»—пыта ёго инспекторъ, гладкый, высокый, зъ насмишкуватымъ поглядомъ ажъ по-за двома парамы окулярівъ. Тремтяче, поплутаною мовою почына Лавринъ выкладаты свое прохання. Винъ просе узяты заразъ 11 карб., а останни 9 пидождаты до другого мисяця; винъ запевняе, що акуратно сплачуе довгы; що ёму можна пойняты виры...

Спершу инспекторъ ёго не розуміе; ажъ ось винъ почына чухаты свою кострубовату бороду—се погана ознака, казавъ батькови Йваня, и Лаврина пойняло холодомъ:—«Що вы?»—го-

лосно, на всю кимнату, почына инспекторъ. «Ніякъ не можно! Такыхъ прыкладивъ не було. Сёгодни гроши одправлятымутся до казначейства,—невже-жъ я власни докладатыму»? Лавринови й не сказаты якъ соромно; ёму здается, що голосна инспекторова гоминка мае метою звернуты на нёго увагу всихъ учытеливъ, пидняты на глумъ.

По дорози до-дому у голови Лаврина коилось щось незвычайне: думкы, якъ ти полёвы коныкы зъ-пидъ ниґъ подорожнёго, стрыбалы у-ростичъ,—шурхне и зныкне. И все якись недодильни: то майне надія на нагороду, хочъ Риздво ще бо'зна де; то—чы не прышле квартырантъ за батькову сильську хатыну, хочъ плата йшла впередъ на пивъ року и треба було ждаты й ждаты...

«Чы не порадытысь зъ Мартою?»—надумавъ винъ у останне и на сёму спынывся.

Марта справди параяла добре: «Ты-бъ, Лаврине, пишовъ та позычывъ у Довженка—у ныхъ одынъ сынъ, то, мабуть, складають гроши».

Лавринъ зрадивъ та задарма, бо Довженко не тилькы не позычывъ, а ще й насміявся: «И що вы соби думаете, Козубы? якъ уси будуть панамы, хто-жъ греблю гатытыме»?

Ще Козубъ бувъ на тому боци проваллл, а вже по ёго ходи и похнюпленій голови Марта вгадала, що іи чоловикъ вхонывъ шыломъ патокы.

— «И чого це ты, невигласе, парядывся, якъ чырка на болячци?»,—мокрымъ рядномъ напалась вона на сына, що не пишовъ до школы, але одягся, якъ звычайно, у форму.

— «Годи панить! Знимай блюзу та йды доглядаты мени жлукта! Чуешъ»?

Иванъ Труба.

Кіевъ въ 1654—1855 гг.

(*Окончаніе* [1]).

XVIII.

Близкіе свидѣтели совершившихся перемѣнъ въ Ю. З. краѣ говорятъ, что «никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію краемъ не могъ понять тогдашняго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры... Отличительными свойствами всѣхъ его начинаній и мѣропріятій были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, быстрота и рѣшительность дѣйствій; твердое и непоколебимое выполненіе однажды задуманнаго»; а, обладая «могучимъ и сильнымъ характеромъ», онъ «платилъ дань времени», когда не стѣснялся въ выборѣ «формъ и способовъ въ достиженіи своихъ цѣлей». По этому поводу сложилась своего рода анекдотическія сказанія. Ему ничего не значило, если «отцы города» во время холеры 1847—1848 дѣлали затрудненія въ предоставленіи контрактоваго дома, гдѣ веселились ихъ семейства, больнымъ, напомнить о возможности осуществленія этого требованія черезъ полицію [2]; но онъ не могъ измѣнить

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1904 г., № 11.

[2]) «Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей былъ предоставленъ обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго харак-

глубоко укоренившихся **нравовъ, хотя доходили до него слухи**, что его ближайшій подчиненный всѣмъ распоряжается по своему. «Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника; но, съ другой стороны, зная твердый характеръ непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ такой возможности» [1]). Хотя онъ старался не доводить опасность до ея крайнихъ послѣдствій и тѣмъ нерѣдко

тера совершенный произволъ... Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ... Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ.... старшій полиц. (кол. ассес. Голяткинъ) чинилъ расправу непосредственно... По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули... Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно» (Зап. П. Д. Селецкаго, К. Стар., 1884, т. X, 87, 89; ср. Ист. Вѣстн. 1901, № 9, с. 814; № 10, с. 51).

[1]) Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар., 1884, т. X, 82—103): зап. Э. И. Стогова, бывш. дежурн. штабъ-офиц. (Р. Стар., т. CXV, 385—385), впрочемъ многорѣчивыя и хвастливыя; зап. Н. И. Мамаева, быв. слѣд. по полит. дѣл. (Ист. Вѣст. 1899, т. LXXXV, стр. 800—826; LXXXVI, 46—72, 428—470, 861—876; Кіевъ и дѣла на Волыни); Къ характ. Д. Г. Бибикова, воспом. кіевлян. (К. Стар. 1882. III, 61—80); Обозр. Кіев., Под. и Волын. губ. съ 1838—1850 г. (Р. Арх. 1874, III, 1—42 и др., см. ниже). «Бибиковъ хорошо говорилъ и читалъ пофранцузски и понѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. «Не удивляйтесь этому, сказалъ онъ мнѣ однажды меня вѣдь учили на мѣдный грошъ» (Зап. Селецкаго», 82—90), какъ и часто тогда случалось. «Человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія», замѣчаетъ другой современникъ (Автоб. зап. ф. Брадке, 1875, Р. Арх., т. I, с. 282). Его замѣчательная библіотека (до 14000 томовъ) была пожертвована недавно его дочерью унив. св. Владиміра. О прав. канц. Писаревѣ (ib. 86—90); Мамаевъ, 60—61; ѣдкое замѣчаніе гр. Бутурлина (Русск. Арх., 1897, № 8, с. 586—587). Ср. еще зап. А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5. с. 232—36 и № 6, с. 420—422); а также Р. Арх. 1884, III, 42.

предупреждалъ необходимость болѣе суровыхъ мѣръ (впослѣдствіи поляки говорили: «ten karał po ojcowsku» [1]); но привлечь поляковъ къ службѣ ему не удалось [2]). На это обстоятельство имп. Николай обратилъ вниманіе въ 1848 г. Разсмотрѣвъ списки дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губ., которые въ возрастѣ 16—30 лѣтъ не служили, онъ предложилъ Комитету мин. сообщить, какія мѣры должно предпринять къ отклоненію такого преступнаго направленія дворянства въ томъ краѣ; но первоначально спрошено было мнѣніе Бибикова, который далъ такой отзывъ: «Оно (дворянство), по его словамъ, состояло изъ двухъ разрядовъ: 1) стариннаго высшаго дворянства, которое пріобрѣло о время польскаго неустройства разныя права и незнало надъ собою никакихъ законовъ, и 2) дворянства низшаго, обра-

---

1) Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова (Кіев. Стар. 1882, III, 61—80).

2) Между тѣмъ, по донес. ген.-губ. Желтухина, «многіе помѣщики Кіев. губ., избѣгая дѣйствительной службы, но желая имѣть между дворянами какой-нибудь почетный титулъ, весьма часто, по связямъ, пріобрѣтаютъ званія предсѣдателей главнаго суда и повѣтовыхъ маршаловъ, не исправляя до того никакой должности по выборамъ дворянства. Сверхъ того, по обыкновенію, существующему въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, повѣтовые маршалы считаютъ себя въ V классѣ, пользуются титуломъ высокородія, носятъ шляпы съ плюмажемъ и вообще присваиваютъ преимущества, соединенныя съ чиномъ V класса, чѣмъ они пользуются и по выходѣ въ отставку—обыкновеніе, получившее начало «во время безпорядковъ послѣдняго аристократическаго правленія Польши». Ген. Желтухинъ предлагалъ установить чиновную градацію и запретить пользоваться по оставленіи службы преимуществами, если служащія лица не получили соотвѣтственнаго чина. Мин. вн. дѣлъ нашло, однако, что «при выборахъ дворяне не могутъ быть стѣсняемы чинами избираемыхъ, доколѣ причина къ тому существовать будетъ, *ибо въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и присоединенныхъ, чиновныхъ дворянъ слишкомъ мало*», а противъ пользующихся титулами по увольненіи отъ службы предлагалось «принять приличныя мѣры и прибѣгать ко внушеніямъ» (К. Стар. 1904, № 2, с. 50—51). Кн. Чарторижскій не одобрялъ стремленія къ чинамъ въ ученомъ классѣ въ Вилен. округѣ (ibid. 1887, XVII, 655).

зовавшагося изъ родовъ, служившихъ не правительству, а магнатамъ. Знатное дворянство можетъ быть раздѣлено на утвержденное герольдіей и неутвержденное [1]). Бибиковъ высказался противъ принудительныхъ мѣръ: во-первыхъ, невыгодно и неудобно для правительства было бы большую часть должностей въ краѣ замѣстить лицами польскаго происхожденія; во-вторыхъ, такія мѣры представлялись бы какъ нарушеніе дворянской грамоты, вызвали бы ропотъ и противодѣйствовали бы постепенному сближенію поляковъ съ русскими, между тѣмъ какъ бѣдные дворяне, роднясь съ простымъ русскимъ народомъ, мало-по-малу сливаются съ этимъ въ одну массу; богатыхъ же дворянъ полезно было бы, по мнѣнію Бибикова, назначать на службу въ великорусскія губ., въ противномъ случаѣ, при отказѣ съ ихъ стороны, облагать ихъ особымъ сборомъ съ ревизскихъ душъ (по 3 чет. муки и овса), не обращая, однако, сбора на крестьянъ. Послѣ обмѣна мнѣній въ Комитетѣ мин., вопросъ этотъ былъ отложенъ; но въ 1852 г. состоялся указъ о разборѣ молодыхъ дворянъ (18 лѣтъ), неправославнаго исповѣданія, родители которыхъ обладаютъ менѣе 100 душъ крестьянъ, въ военную и гражданскую службу (послѣднихъ въ великорос. губ.) и т. д. [2]). Заслуживаетъ также вниманія, что въ теченіе многихъ трехлѣтій въ Кіевѣ, губ. предвод. двор. состоялъ Генр. Юр. Тышкевичъ, «весьма ловкій и уживчивый человѣкъ», а уѣзд. предв.—Ламбертъ (Маврикій) Осип. Понятовскій [3]), и такъ было до событій 1862—1863 гг.

---

[1]) Неслужилыхъ дворянъ числилось:

	утвер. герольдіей:	неутвержденныхъ:
	1357	6732
быв. въ уч. завед.	637	571
не бывшихъ	720	6161
неграмотныхъ	267	4528

[2]) Ист. Комит. мин., I, 233, 240—243.

[3]) Зап. Селецкаго, 92; зап. гр. Бутурлина (Рус. Арх., 1897, № 8, 584).

Въ началѣ управленія кн. Васильчикова введены были «дополненія» къ инвентарнымъ правиламъ, которыхъ не допустилъ Бибиковъ и которыя парализовали самыя правила, и никогда утѣсненія крестьянъ помѣщиками не достигали такой сильной степени, какъ въ это время [1]); а введеніе инвентарей въ сѣв.-западномъ краѣ, когда Бибиковъ сталъ мин. вн. дѣлъ (22 авг. 1852), вопреки его настояніямъ, было задержано [2]). «Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими въ Кіевѣ, говоритъ современникъ, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью» [3]). Но уже преемнику Бибикова (1855) гу-

---

[1]) К. Стар. 1882, II, 104. При кн. Васильчиковѣ наступили облегченія для поляковъ даже въ учебномъ вѣдомствѣ (ib. 1892, № 8, стр. 211) и для евреевъ (ib. 1899, № 12, стр. 500). Перемѣнились порядки и въ личныхъ сношеніяхъ администраціи (1900, № 4, стр. 25).

[2]) Самаринъ, Сочин. I, 314; Семевскій, II, 512—513.

[3]) Записки П. Д. Селецкаго (К. Стар., 1884, т. X, 89). «Когда ѣхали мы (въ к. 40-хъ годовъ) черезъ Старый городъ у ц. св. Андрея обходъ опросилъ насъ: «кто ѣдетъ?» Подумаешь, что за время было тогда въ Кіевѣ! Въ 11 часовъ уже обходъ по городу, тишина гробовая» (Воспом. Н. Д. Богатинова; Р. Арх. 1899, № 3, стр. 438—439).

Число особенныхъ смертныхъ случаевъ распредѣляется такъ:

	1842	1843	1844	1845	1846.
Нечаян.	20	5	2	10	22
Невоздерж.	2	2	—	4	5
Болѣз. прип.	12	18	20	21	28
Утон.	13	16	9	18	30
Самоуб.	8	1	7	8	8
Убійствъ	4	2	4	2	7
Всего	59	44	42	63	100

Что составляетъ противъ общаго числа ум. (2647) 2—5% (Фундуклей, I, 358—359). Въ 1844 г. всѣхъ преступленій показано 328 (въ томъ числѣ грабежей 2, мошеннич. 19, кражъ 144, поджоговъ 15, побоевъ и дракъ 131, смертоуб. 4 и пр.). Всѣхъ дѣлъ производилось 1607 уголовн. и 382 гражд. (въ томъ числѣ личныхъ обидъ 250). Ibid., 395. Впрочемъ, въ 1844 Кіев. губ. показана въ числѣ мѣстн., въ которыхъ было наиболѣе убійствъ (Варадиновъ, ч. III, кн. III, 148).

бернаторъ доносилъ: «Въ городѣ Кіевѣ безпрестанно случаются воровства, повидимому происходящія образовавшеюся шайкою, подъ руководствомъ какого-нибудь мошенника довольно опытнаго. Средства полиціи такъ ограничены, что трудно ожидать прекращенія сего зла; къ предупрежденію онаго необходимо было бы усилить ночные патрули по городу и принять мѣры особенной предупредительности» [1]).

Пріѣзжій посѣтитель въ началѣ 30-хъ годовъ, побывавъ въ кіевскихъ храмахъ, писалъ: «Любопытны, величественны и очаровательны окрестности города, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостнаго вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы. При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразваленныхъ, на Печерскѣ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы, монастыри, зданія въ крѣпости, присутственныя мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ, то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подолъ заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти 15 вѣковъ(!), бывшій

---

[1]) Кіев. Стар. 1903, № 11, стр. 060.

Какъ видно, ослабѣлъ надзоръ и въ другомъ отношеніи. Въ томъ же донесеніи читаемъ: «Съ нѣкотораго времени ввелось и нынѣ, къ сожалѣнію, продолжается, что идущіе и ѣдущіе по городу днемъ и вечеромъ курятъ сигары и папиросы, даже извощики примѣру сему слѣдуютъ. Легко можетъ случиться, чего Боже храни, что по малѣйшей неосторожности курящаго произойдетъ какое несчастье» и пр. (донес. губ. воен. губ.). Вслѣдствіе этого сдѣлано было распоряженіе о напечатаніи объявленій, чтобы никто по улицахъ и въ городскомъ саду «не рѣшался курить». Объявленіе это приказано было разослать по дворамъ и вывѣсить въ гостиницахъ. (К. Стар. 1903, № 11, 060—61). При тогдашнемъ положеніи городовъ, куреніе на улицахъ считалось весьма опаснымъ и подвергалось суровымъ взысканіямъ.

долгое время столицей вел. князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ. Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева» [1]).

Въ началѣ 40-хъ годовъ Кіевъ представлялся инымъ, по своему расположенію и внѣшности. «Кіевъ былъ не тотъ, какъ теперь—онъ былъ главнымъ образомъ на Печерскѣ, Московская и Никольская улицы были главныя улицы; въ Липкахъ, какъ и теперь, затѣмъ на Подолѣ и на Старомъ Кіевѣ, который кончался у Золотыхъ воротъ, гдѣ былъ валъ, защищающій городъ. Остальное—были пустыри и провалья, носившіе разныя названія. На одномъ изъ пустырей строился университетъ и мѣсто это называлось «Новое строеніе» [2]). «Остановились мы въ извѣстной тогда «Зеленой гостиницѣ» (противъ лавры), изъ оконъ которой былъ виденъ плацъ для военныхъ упражненій; ходили мы по улицамъ и заходили каждый день въ конд. Беккерса, на Московской улицѣ» [3]),—такъ повѣствуетъ о Кіевѣ одинъ изъ многихъ провинціальныхъ жителей, наѣзжавшихъ сюда съ исключительною цѣлью—учиться [4]). Внѣшній видъ города принималъ другой обликъ, но это соединялось съ большимъ безпокойствомъ для жителей. Нѣсколько позже (въ к. 40-хъ годовъ) мы читаемъ: «Построеніе крѣпостныхъ зданій на Печерскѣ и ломка домовъ подъ эти сооруженія, а равно для очищенія мѣста передъ крѣпостью, уничтоженіе совершенное цѣлой части города (Клова)—вотъ событія кіевской городской жизни, бывшія предметомъ оживленныхъ разговоровъ въ семьяхъ кіевлянъ... Одновременно съ ломкою

---

[1]) Записки И. М. Сбитнева (К. Стар. 1887, т. XVII, 305—306). «Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ» и т. д., прибавляетъ путешественникъ, съ жалобой, впрочемъ, на неимовѣрную пыль въ городѣ (294).

[2]) Образовалось оно съ 1837 т. (Фундуклей, I, 329).

[3]) На Крещатикѣ потомъ была извѣстна конд. Финке (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 597), въ домѣ нын. № 10; Ист. Вѣст. 1901, № 9, с. 787.

[4]) Кіев. 1-я гимназія въ 40-хъ годахъ. Воспом. Н. Ге (Сборн. въ пользу недост. студ. унив. св. Владиміра, Спб. 1895, стр. 52—53).

Клова и Печерска подъ крѣпость, шла ломка и на Старомъ городѣ: очищалась площадь между Софійскимъ соб. и Михайловскимъ мон. подъ постройку присутственныхъ мѣстъ вмѣсто сломанныхъ на Печерскѣ. У Бибикова была мысль вообще обновить уже очень обветшалый Кіевъ. На Печерскѣ, гдѣ и не предположено было ломать, строго воспрещены были по домамъ всѣ починки... Впослѣдствіи починки дозволялись, но много хлопотъ нужно было, чтобы добиться дозволенія. Но и по всему Кіеву во всѣхъ частяхъ всѣ строенія были осмотрѣны и ветхія изъ нихъ отмѣчены съ улицы прибитою дощечкою: «предназначенъ къ сломкѣ». Но въ то время, какъ шла въ большихъ размѣрахъ ломка въ центрѣ города, городъ разрастался за своими окраинами: возникало мало-по-малу Новое строеніе. Домохозяева, чьи дома были сломаны на Печерскѣ, Кловѣ, Старомъ Кіевѣ, получали участки, которые образовали громадную часть города, начиная отъ Золотыхъ воротъ на Старомъ Кіевѣ и отъ Ббессарабской площади за Крещатикомъ. Участки отводились по новому составленному плану, который мало-по-малу приводился въ исполненіе... Долѣе прочихъ строеній оставалась, не мѣшая ничему, ц. св. Троицы, пока не построена была новая на «Новомъ строеніи». На моихъ же глазахъ пробивалась улица Владимірская, черезъ холмы, окружавшіе городъ и исполнявшіе въ то время назначеніе крѣпостныхъ валовъ, черезъ развалины храма св. Ирины, которыя я видилъ еще во всей ихъ обширности... Тотчасъ за «Золотыми воротами» дорога спускалась среди валовъ на поляну, совершенно свободную, на поле настоящее, и такъ полемъ доходили мы до университета, проходя мимо какихъ-то военныхъ или интендантскихъ сараевъ-магазиновъ. Гимназія (1-я) и Левашовскій институтъ уже начали строиться позже, а гдѣ намѣчена была Владимірская улица былъ построенъ уже по линіи ея одинъ только домъ (тамъ временно помѣщался анотомическій театръ [1]). Теперь» центръ торговли переносился съ Печерска, разрушеннаго и опустошеннаго, гдѣ Московская ул. была въ свое время гла-

[1]) Домъ давно сломанъ, гдѣ нынѣ усадьба № 45.

вною улицею въ городѣ, сосредоточивавшею всю лучшую торговлю вмѣстѣ съ лавками восточной Сибири, гдѣ тоже были въ то время лучшія лавки въ городѣ, братьевъ Литовыхъ [1]), и все это городское движеніе и торговля тогда же уже направлялись къ новому торговому руслу—Крещатицкой долинѣ, которая съ того времени и стала обстраиваться, скоро смѣняла свою первобытную простоту, свою тихую жизнь. Понятно само собою, что толкамъ, разговорамъ, въ городѣ во всѣхъ слояхъ населенія не было конца, что въ городѣ шла необычайная работа общаго обновленія и оживленія и многіе были живо затрогиваемы предстоящею имъ судьбою, особенно гдѣ уже висѣла эта роковая дощечка: «къ сломкѣ» [2]). Кіевъ какъ бы съизнова раждался, перетворялся, впрочемъ не покидая еще своей столь незабвенной простоты. Дѣти слышали всѣ эти толки, разговоры; на устахъ у всѣхъ было звучное имя великаго администратора Бибикова, предъ которымъ, кажется, и дѣти дрожали, не только взрослые, встрѣчая «безрукаго» въ прогулкѣ по улицамъ Крещатика [3]). По показанію другого наблюдателя, на Старомъ городѣ въ это время было два или три одноэтажныхъ дома изъ камня и столько же двухъэтажныхъ; были двѣ-три ветхія деревяныя церкви; одна изъ нихъ «Скорбящей Б. Матери», которую каждую субботу посѣщала вся кіевская знать женскаго пола [4]) и гдѣ часто бывалъ всемогущій Д. Г. Бибиковъ (двѣ другія св.

---

[1]) Обѣ книжныя (К. Стар. 1892, № 4, стр. 76)—въ каменныхъ Никольскихъ рядахъ. Главный изъ нихъ Степ. Ив. Литова, пріобрѣтенный у книгопрод. Лапицкаго, въ 1830 г., съ переходомъ на Крещатикъ, помѣщался сначала на углу, на мѣстѣ дома № 1, а потомъ, гдѣ нынѣ Grand-Hôtel (оба дома были деревянные, но съ колоннами, по архитектурѣ того времени); а также лучшій мануф. маг. Быльцева, потомъ на Крещатикѣ въ д. Эйсмана (В. Евр. 1903, № 1, с. 166).

[2]) Большая часть казенныхъ и частныхъ домовъ строилась плотниками и каменщиками, приходившими изъ великорос. губ. По скорости и прочности работы, если не по чистотѣ, они предпочитались мѣстнымъ мастеровымъ (Фундуклей, I, 344).

[3]) Р. Ар. 1899, № 3, с. 422—425. Лѣвую руку онъ потерялъ въ битвѣ при Бородинѣ.

[4]) Описаніе этихъ посѣщеній въ дневн. Аскоченскаго (Историч. Вѣстн. 1882 г.).

Троицы и І. Златоуста). Старый Кіевъ былъ обнесенъ еще валами; были въ немъ запустѣлые неогороженные сады и развалившіяся лачужки, вросшія въ землю. Одна изъ нихъ находилась противъ Софійскаго собора, подлѣ развалинъ ц. св. Ирины. На Старомъ Кіевѣ не было вовсе лавокъ. Все пространство между университетомъ, валами и житомирской заставой представляло пустырь, изрытый оврагами и холмами... За ботаническимъ садомъ строилось большое зданіе тюрьмы [1]), а оттуда къ Лыбеди и митроп. рощѣ стали строиться маленькіе деревянные домики, крытые гонтомъ и дранью; такими же домиками застроено было все пространство налѣво до Васильковской улицы и заставы—Новое Строеніе; такъ что вся эта мѣстность представляла совершенную деревню [1]). На Васильковской ул. тоже стояли старые деревянные дома, но было и нѣсколько каменныхъ одноэтажныхъ, напр. аптека... По лѣвую сторону пустыря тянулся къ Крещатику бульваръ, засаженный молодыми тополями, а за нимъ подъ старокіевскими валами вытягивалась улица къ Крещатику же со вновь строющимися полутораэтажными каменными домами (нын. Функлеевская, быв. Кадетская). Прямо съ бульвара можно было, поднявшись по тропинкамъ на гору, пройти къ крѣпости черезъ такъ наз. «кресты» (остатки кладбища), заселенные опаснымъ людомъ. Аристократическою частью считались Липки, гдѣ жили высшіе чиновники въ собственныхъ одноэтажныхъ домахъ съ садиками и нѣсколько помѣщиковъ, между которыми выдавался (на спускѣ Лютеранской ул.) огромный домъ съ круглымъ фронтономъ и колоннами—Сулимы [3]), завѣщ. благотв. заведеніямъ. По

---

[1]) Арест. роты гражд. вѣдомства. На Лыбеди тогда еще охотились. (К. Стар. 1889, № 12, с. 509).

[2]) Въ этой части, близъ университета, выдавался только домъ проф. Новицкаго, существующій до настоящаго времени (К. Стар., 1892, № 24, с. 74).

[3]) Потомъ жены ген. Ловцова; онъ долго стоялъ запущеннымъ и послужилъ предметомъ легендъ. Устройству въ немъ заведеній благотворит. общества способствовала жена быв. ген. губ. кн. Ек. Ал. Васильчикова; а открыты они уже въ 1859 г., въ присутствіи имп. Александра II (Сементовскій, 133—134).

другую сторону Липокъ противъ Царскаго сада (парка) шли каменные двухъ-этажные дома [1]). На Крещатикѣ возвышался двухъ-этажный домъ почтамта и большой трехъ-этажный домъ, еще неоконченный; сверхъ того нѣсколько каменныхъ лавокъ [2]), да два-три дома между Институтской (быв. Ивановской) улицей и другой, поднимавшейся къ крѣпости мимо Царскаго сада (Александровская [3]). Всѣ прочіе дома были одноэтажные, деревянные, даже

---

[1]) Въ Кіевѣ находился «смотритель государственныхъ садовъ» (въ 1828 г. имъ состоялъ кол. ас. Спиридоновъ). Въ к. XVII в. садовымъ мастеромъ былъ Лангаузъ, завѣдыв. теплицами и оранжереями, а въ это время—П. Волковъ. Подъ надзоромъ его были сады Кловскій, Виноградный (ул. того же имени) и Шелковичный (К. Стар. 1902, № 9, стр. 112—113). Признано было, что виноградъ въ Кіевѣ достигаетъ зрѣлости, но вино изъ него не выдѣлывалось. Въ Шполѣ находился «изрядный виноградный садъ и выдѣлывалось изъ него нѣсколько вина, но вкусомъ не отличнаго». Въ Яготинѣ Полт. губ. существовали виноградники, но также не винодѣліе (Варадиновъ, ч. III, кн. I, 185). При многихъ домахъ устроены были сады и огороды. Въ 40-хъ годахъ частныхъ садовъ считалось 127, б. ч. въ Плоской и Старокіевской чч. и въ предмѣстіяхъ Куреневкѣ и Звѣринцѣ, въ которыхъ находилась и б. ч. огородовъ, число коихъ простиралось до 409 (Фундуклей, I, 348). Картофель появился въ Кіевѣ въ к. XVIII стол. Печальную эпопею шелководства въ Кіевѣ до 50-хъ годовъ XIX ст. см. тамъ же II (453—463).

[2]) Почтовая контора въ XVIII ст. находилась на Подолѣ, а послѣ пожара (1811) въ камен. домѣ близъ набережн. ц. св. Николая. Въ 20-хъ годахъ пріобрѣтенъ для нея камен. домъ на углу Александр. и Андр. ул. (потомъ отдѣл.). Съ 1849 г. она помѣщается на Крещатикѣ, въ быв. домѣ помѣщ. поляка Он. Юр., Головинскаго (въ одномъ изъ флигилей помѣщался его оркестръ). Въ 1829 г. въ этомъ домѣ находился врем. лазаретъ для плѣн. турокъ, которыхъ лѣчилъ город. врачъ Гаммъ (Закревскій, 723). Въ 1851 сталъ строиться на Крещатикѣ новый дворянскій 2-хъ этажн. домъ съ магазинами (Москвит. 1851, VI, № 15, с. 20), потомъ надстроенный и расширенный.

[3]) Въ 1843 г., на Крещатикѣ, противъ театра, устроенъ былъ фонтанъ на счетъ губ. Фундуклея и на Крещатицкой площади, на счетъ ген.-губ. Бибикова (Фундуклей, 334; ср. Закревскій, 429). Вода однако считалась непріятною и пригодною лишь для пожара (Москвит. 1843, № 3, 261). Старожилы помнили на площади возлѣ думы остатки плотины и мельницы (К. Стар. 1902, № 5, с. 246).

крытые гонтомъ. Таковъ былъ внѣшній видъ полуразрушенныхъ, полустроящихся возвышенныхъ частей города, оспаривавшихъ уже первенство у Подола, гдѣ еще продолжала имѣть мѣсто торговля и ея главный двигатель—контракты. На Подолѣ особенно выдавались зданіе контрактоваго дома, магазинъ Барскаго и складъ хрусталя Мальцева, на набережной Днѣпра [1]). Если «ломка» старыхъ жилищъ много способствовала украшенію города, то такимъ средствомъ служили также жестокіе пожары [2]), много зависѣвшіе отъ устройства самыхъ жилищъ и недостатка воды, на который постоянно жаловалась администрація [3]).

Вотъ нѣкоторыя цифры, знакомящія насъ съ состояніемъ города въ разсматриваемый періодъ:

Народонаселеніе.

	1835 г.		1845 г.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Дух. монаш.	83	64	632	77
« бѣлаго	219	220	301 бѣлицъ	165

[1]) Лучшими домами въ нач. 50-хъ годовъ считались: Эйсмана и Миклашевскаго (на Крещатикѣ №№ 20 и 12), Серебряникова и Чернышева (на Подолѣ, по Александровской у.). Москвит. 1851, № 15, с. 20; К. Стар. 1892, № 4. (Изъ зап. Солтановскаго), стр. 73—77.

[2]) «Начались страшные пожары. Были изданы строгія предписанія домохозяевамъ имѣть на крышахъ бочки съ водою, держать ночныхъ сторожей... Разсказывали, какъ полиціймейстеръ и даже самъ Бибиковъ объѣзжаютъ ночью и повѣряютъ сторожей. Съ тревогой мы ложились спать, всегда ожидая несчастья» (Р. Арх. 1899, № 5, с. 47).

[3]) Въ 1817 г. считалось (при частныхъ домахъ) 54 колодца: на Печерскѣ 30, на Старомъ городѣ 12, на Подолѣ 4, въ Плоской ч. 8 (Берлинскій, 126). Въ 1845 ихъ было: 282; по частямъ города: въ Печерской 65, Лыбедской (Новое строеніе) 20, Дворцовой (Липки) 69, Старокіевской 30, Подольской 15, Плоской 22, на Куреневкѣ 57, въ Звѣрин. предм. (близъ Печерска) 4 (Фундуклей, I, 348). Пожаровъ показано ежегодно 2—5, въ 1841—10, въ 1843—6, въ 1844—11 (I, 396).

Дух. монаст. служит.	143	—	252	—
« р.-катол.	3	—	4	—
« лютер.	1	2	1	4
« церк. служ.				
« р.-католич.	5	—	5	—
« лютеран.	1	1	1	1
Православныхъ	—	—	168	213
Двор. потом.	1875	1602	2686	4533
« личныхъ	1123	1256	2807	1912
Куп. 1 гил. (п. гр.)	—	—	18	14
« 2 гильдіи	15	20	93	67
« 3 гильдіи	342	228	586	547
Мѣщанъ и цехов.	8689	8751	11885	9966
Гражд. и однодв.	—	—	343	238
Разночинц.	327	230	2247	985
Вольноотпущ.	25	14	484	268
Крест. (быв. магист.)	126	97	183	105
Казен. крест.	384	19	1345	739
Помѣщич.	543	144	972	572
Дворов.	632	340	1960	754
Отст. солдатъ	526	184	2330	2188
Безсроч. отпуск.	75	21	262	72
Кантон., нах. у род.	—	—	378	—
Казаковъ	—	—	268	—
Иностранцевъ	285	257	486	380
Учащ. въ уч. завед.	—	—	3253	293
Призр. въ завед.				
Прик. Общ. призр.	—	—	—	483

Такимъ образомъ, не считая войскъ, городскихъ жителей числилось въ 1835 г. не свыше 29000 (нѣк. не показаны); а въ 1845 до 50137 (муж. 24648, жен. 25489). Слѣдовательно, населеніе въ 1845 г. противъ 1797 г. нѣсколько болѣе, чѣмъ удвоилось, и въ значительной степени вслѣдствіе внѣшняго прироста [1]).

[1]) Показанія о бóльшемъ количествѣ жителей въ прежнее время, основанныя на теоретическихъ соображеніяхъ (Берлинскій, 129—131), не могутъ быть приняты.

Войска, постоянно пребыв. въ Кіевѣ, составляли: по артил. части: офиц. 89, ниж. чин. 1732; по инж. части: 68, ниж. чин. 494; воен. арест. роты: офиц. 30, ниж. чин. 1534; по пѣхотѣ: офиц. 148, н. чин. 6253; батал. кантон. 15 и 1741; жанд. 24 и 675; въ разн. управл., воен., духов. и чин. 328 и 910; а всего офицеровъ 705 и 13339 нижн. чин. Такимъ образомъ всего, гражд. и воен. насел. Кіева, было до 64000. Кромѣ того, въ Кіевѣ, въ теченіе года, при хорошихъ урожаяхъ, бывало свыше 80000, а при дурныхъ до 50000 богомольцевъ, простого класса; проходящихъ войскъ—до 1200 офиц. и 61367 солд. и пересылочныхъ командъ до 11772 чел. и нѣсколько десятковъ тысячъ судорабочихъ. Независимо отъ того, по разнымъ надобностямъ, въ Кіевъ пріѣзжало до 60000 чел. [1]), въ томъ числѣ 7650 чел. пріѣзж. на богомолье достат. классовъ, иностр. 949, евреевъ до 39000. На судахъ мимо Кіева проѣзжавшихъ было 108868 чел. [2]). Пріѣзжавшихъ на контракты показано:

	Въ 1835 г.	Въ 1846 г.	Въ 1852 г.
Помѣщ. дворянъ	944	1597	1357
Купцовъ	78	118	287
Иностр.	39	115	130
Евреевъ	1656	1731	1805
Прислуги	1936	3486	3905
При нихъ лошадей	3813	10130.	7100

Пріѣзжавшіе на контракты были преимущественно изъ южныхъ и западныхъ губ. и отчасти средней полосы Россіи; изъ

---

[1]) Въ 1846 г. пользовалось минерал. водами 114 чел., отчасти пріѣзжихъ (Фундуклей, 375).

[2]) Въ 1842 г. на Днѣпрѣ впервые появились два парохода (Закревскій, 121—275). Существовала и контора Днѣпр. пароходства, впослѣдствіи уничтожившаяся. Были, кромѣ того, конторы транспортовъ, застрах. отъ огня и застрахованія доходовъ и капиталовъ (Фундуклей, I, 375—76). Въ 1838 представленъ былъ проектъ желѣзной дороги отъ Петербурга черезъ Москву въ Кіевъ, сост. кол. сов. Зотовымъ, но признанъ неисполнимымъ (Варадиновъ, III, ч. 2, с. 361).

иностранцевъ большинство приходилось на Австрію, затѣмъ слѣдовали: Пруссія, Франція, Англія и др. Слѣдовательно, въ Кіевѣ. въ теченіе года, по своимъ надобностямъ, бывало свыше 200000 чел. Раждаемость выражается въ цифрахъ для 1835 г.—1815, для 1844 г.—2489 (въ этомъ послѣднемъ году—правосл. 2103, катол. 62, лютер. 27, раскольн. 2, и въ воен. частяхъ—муж. пола 175, ж. пола 295. Число умершихъ въ 1835—3835 (въ томъ числѣ въ воен. госпит. 1363), въ 1844—2138 (въ воен. госпит. 409 [1]).

Отмѣчая большую смертность, имѣвшую мѣсто до 30-хъ годовъ XIX стол., указываютъ на сильныя эпидеміи, свирѣпствовавшія въ то время (оспа, тифъ въ разныхъ формахъ, скарлатина, поносы и т. п.), не говоря о постоянныхъ болѣзняхъ (чахотка, воспаленія). Почти не проходило года, въ которомъ небыло бы большаго числа умершихъ отъ оспы; диссентерія свирѣпствовала почти постоянно. Особенно губительны были годы, совпадавшія съ передвиженіемъ войскъ (1826, 1827, 1828, 1831). Съ 1832—1842 г. населеніе Кіева увеличивалось быстрѣе; смертность на возвышенныхъ частяхъ города вообще была меньше; а Подолъ, по прежнему, находился въ худшихъ санитарныхъ условіяхъ, чѣмъ другія части города, что̀ продолжалось до конца разсматриваемаго періода [2]). Одной изъ причинъ болѣзней признавалась вода въ колодцахъ, непріятная для вкуса и къ употребленію негодная, а потому ей предпочитали рѣчную и ключевую [3]). Въ 1830—31,

---

[1]) Фундуклей. I, 348—359. Статист. свѣдѣнія о контрактахъ 1835—1852 гг. (Москвитян. 1851, № 28, с. 327; 1852, № 13, с. 43).

[2]) Въ 1845 г. разливъ Днѣпра (на Подолѣ и Плоской части) уничтожилъ 77 дом., а 451 домъ были повреждены, причемъ пострадали лавки и магазины (Закревскій, 125—126; Фундуклей; I, 329). Въ 1839 г., послѣ проливнаго дождя, на Крещ. ѣздили въ лодкахъ (Р. Вѣст. 1881, № 11, с. 740).

[3]) Фундуклей, I, 348; ср. Пантюховъ, Статист. и санит. очерки Кіева, К. 1875 (стр. 20—49); Куреневка. Медико-антропол. очеркъ, К. 1904. Населеніе и позже (1856) выражало недовѣріе къ оспопрививанію (Пам. кн. 1858, с. 240).

1847 и 1852—53 и 1855 гг. въ Кіевѣ свирѣпствовала холера [1]. Въ 1826 г. впервые упоминается оффиціально сифилисъ, распространенный въ Кіевской губ. [2])

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, Кіевъ медленно улучшалъ свои жилища: съ 1832—1846 было сломано 533 дома, за которые хозяева получили 270133 р. серебр., но каменныя постройки все еще составляли незначительный процентъ [3]). Вотъ въ какомъ видѣ представляется это дѣло въ 1845 г.

	Печер.	Лыбед.	Дворц.	Старокіев.,	Под.,	Плос.	Отд. кварт. (Курен. и Звѣр.).	Всѣхъ.
Камен.								
3-хъэтаж.	4	—	4	3	6	—	—	17
2-хъэтаж.	28	—	11	15	122	3	2	181
1-этаж.	14	—	10	19	15	17	8	83
Деревян. на камен. этаж.	30	7	19	22	35	61	—	174
Деревян. на камен. фундам.	240	26	137	147	308	320	16	1374
Деревян.	1383	422	226	595	80	500	834	4040

---

[1]) Въ 1847 г. изъ 1680 заболѣв. ум. 990; въ 1853 г. заболѣло 1437. ум. 813 (Закревскій, 126, 127). Мѣры предосторожности, рекомендованныя ген. губ. Княжнинымъ отъ холеры въ 1831 г. (К. Стар. 1903, № 11 стр. 72—73). Въ Волын. губ. были распространены особые образки (ib. 1901, №№ 7—8, с. 016); въ Кіевѣ—молитвы, обращенныя къ Богородицѣ, которыя носились въ зашитыхъ ладонкахъ.

[2]) Варадиновъ, ч. III, кн. I, 104. Оффиц. статистика изъ года въ годъ отмѣчаетъ въ Кіев. губ. тифъ, оспу, поносы (ib. ч. II, 158, 221, 328, 490, 493, 494, 584, 585; III, 96, 99, 101, 158, 180, 181, 233, 267, 322, 392, 709, 711; ч. IV, 92, 170, 207), цынгу (1849, ib., ч. III, кн. III, 520).

[3]) Страховка домовъ производилась въ 1 и 2 Рос., въ Лонд. и Гамбургскомъ страх. общ. (Фундуклей, I, 346). Поднятый въ 1836 г. мин. вн. дѣлъ вопросъ о взаимномъ страхованіи не осуществился, по причинѣ малого количества изъявившихъ согласіе, а въ нѣк. городахъ жители требовали учрежденія компаній на акціяхъ съ присвоеніемъ имъ исключительныхъ правъ (Варадиновъ, III, ч. 2, 196).

Съ 1834 убыло 825 домовъ (отъ сломки 264, уничт. и поврежд. 500, сгорѣло 61), построено вновь и перестроено 1505, чистая прибыль=681 дому; 1% сборъ въ пользу города=11465 р., слѣд. стоимость имущества=1146500 или 200 р. за каждый домъ. Впрочемъ страховая сумма была поставлена гораздо выше. Въ 1856 г. камен. домовъ было 361, деревян. 4512 [1]).

Въ 1845 г. улицъ въ Кіевѣ считалось 80 и 30 переулковъ, изъ нихъ всего 30 мощеныхъ (не вполнѣ), преимущественно въ Печерской и Подольской частяхъ (въ 1817 г. было 49 ул. и 101 переулокъ [2]). Въ 1856 г. въ Кіевѣ населенія числились 57168 ч. (мужч. 38672, жен. 18496), потом. двор. 426 м. п., 385 жен., личн. 81 и 76; купц. 1-й гильдіи 41 и 34, 2-й г. 29 и 32, 3-й 265 и 268 (всего 335 и 334), мѣщ. 10418 и 10289, поч. гражд. (бывш. шляхты) 108 и 89; ремесл. 4399 и 2652; помѣщ. крест. 339 и 416. Смертность выражались цифрою 2207 и 1672 [3]).

Заводовъ въ 1845 г. считалось 59, фабрикъ 14, и, кромѣ того, 6 заведеній для пригот. варенья [4]), съ 820 чел. рабочими, про-

---

[1]) Памят. кн. на 1858 г., с. 243. Для сравненія присоединяемъ данныя за позднѣйшее время. По послѣднимъ окладнымъ книгамъ городской управы для плательщиковъ оцѣночнаго сбора значится 7043 усадьбы, въ которыхъ возведено 14015 жилыхъ построекъ и 13675 нежилыхъ сооруженій. Изъ общаго числа жилыхъ построекъ въ 1904 году каменныхъ домовъ было 4355, деревянныхъ 9574 и есть даже глиняные—7; кромѣ того, въ данное время еще строится 79 новыхъ домовъ. Изъ числа нежилыхъ построекъ каменныхъ сооруженій 2087 и деревянныхъ 11688. Изъ этихъ цифръ видно, что число деревяныхъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ превышаетъ въ Кіевѣ болѣе чѣмъ вдвое число каменныхъ сооруженій. (Кіевлянинъ 1904 № 211).

[2]) Берлинскій 123; Фундуклей, I. 332. Въ городѣ было 6 частн. аптекъ.

[3]) Памятн. книж. Кіевс. губ. на 1858 г., 187—191. Въ 1862 г. въ Кіевѣ было католиковъ 8604, протест. 976, евреевъ 1411 (Семеновъ, Словарь, 622).

[4]) Заводы мало измѣнились по характеру производства. Необходимо имѣть въ виду, что еще въ началѣ XIX ст. Мед. хир. академія освѣщалась лучинами; послѣ пожара 1803 г. были введены свѣчи въ фонаряхъ, а затѣмъ лампады съ постнымъ масломъ. При вечернихъ

изводившими издѣлій на сумму 737600 р. сер., изъ которыхъ на 360000 сбывалось внѣ города, въ томъ числѣ на 15000 р. съ 1 завода стеар. свѣчей). Всѣхъ мастеровыхъ (16 родовъ мастерства) въ городѣ было 6048 (2089 иногор.); извощиковъ до 200 [1]).

занятіяхъ зажигались сальныя свѣчи (Г. Скориченко, Имп. Военно-мед. акад. Спб. 1904; Ист. Вѣст. 1904, № 10, с. 349). Въ 1832 г., при посѣщеніи имп. Николаемъ Кіева, для свиты покупались восковыя и сальныя свѣчи (К. Стар. 1888, № 7, с. 185). Заводъ сальныхъ свѣчъ (Ходунова), осн. въ 1811 г., перенесенъ въ 1840 г. въ Лыбед. часть. Другой заводъ устроенъ былъ куп. Бубновымъ въ 1844 г., а въ 1840 г.—заводъ стеар. свѣчъ (Финке). Заводы мѣдныхъ, желѣзн. и чугунныхъ издѣлій принадлежали бр. Дехтеревымъ въ Плоской части. Въ 1842 г. устроенъ былъ въ Лыбед. ч. заводъ химическихъ издѣлій учен. аптек. Сегетомъ. Ок. 1807 г. возникъ кожевен. заводъ иностр. Ланге (на Куреневкѣ), перешедшій въ 1837 г. къ орловскому купцу, Серебренникову и значительно расширенный (Фундуклей, III, 147, 159—187, 217—221). Работы на желѣзныхъ заводахъ, каменщиковъ, плотниковъ, печниковъ, выполнялись главнымъ образомъ мастерами изъ великорус. губ. и вообще мѣстные мастера и ремесленники считались небрежными и посредственными въ работѣ (Фундуклей, III, 256—257, 260—261, 275. 312; Памят. кн. Кіев губ. на 1858 г., 219).

Фабрики были: красильныя (2), табачныя (3), инструментальная (1), шляпная (1); мастерства, заслуживающія вниманія: часовое (11), золотыхъ дѣлъ (4), серебр. (30), ювелир. (3), рѣзчик. (13), переплетч. (28), фортеп. (6 иностр.) и особенно, по численности, выдавались мастерства одежды и обуви (Фундуклей, 379—80). Издѣлія фаянсовой фабрики все еще не отличались тщательной отдѣлкой и изяществомъ. (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 737); но образцы ихъ попадали и въ Парижъ (1883, № 6, с. 697).

[1]) Фундуклей, I, 373—80, 387. Количество пріобрѣтаемаго вина крымскихъ садовъ (144980 бут.) беретъ верхъ надъ иностр. (75786 бут.; ромъ 10149 и 4965 и т. д.). Въ Кіевѣ производился значительный сбытъ хлѣба. Для этого были устроены обширныя магазины (8), изъ нихъ самый обширный гр. Браницкаго на берегу Днѣпра (371).

Въ к. 30-хъ годовъ посредническая роль контрактовъ въ хлѣбной торговлѣ слабѣетъ, благодаря увеличивающемуся значенію Одессы, какъ важнаго хлѣботорговаго пункта. Роль новаго фактора на контрактахъ занялъ сахаръ, которую и удерживаетъ до сихъ поръ. Смѣлу

Значительный доходъ доставляла городу и жителямъ зимняя ярмарка (контракты), а именно въ 1838 г. жителямъ (преимущественно подольскимъ)—25373 р. и городу 6584; въ 1846 г.—28465 р. и 9287 р. [1]). Обороты ярмарки въ этотъ періодъ достигли значительныхъ размѣровъ. Въ 1830 г. привозъ товаровъ=1482452 р., продажа=626875 р. [2]), въ 1836=34800650 и 30630250, въ 1838 г.—2236800 и 600610; въ 1839—1546800 и 467780 р. ас. [3]), въ 1847—1058704 и 473590 р. сер. [4]); въ 1856 г.,—1485020 и 869352 р. сер. [5]).

Еще съ начала XIX в. былъ учрежденъ рядъ комитетовъ для приведенія въ порядокъ городскаго хозяйства и устраненія дефицитовъ (1803, 1806, 1822, 1828), при постоянныхъ настояніяхъ о составленіи смѣты доходовъ и расходовъ, которая должна была представляться начальнику губерніи, повѣряться казенной па-

---

съ прилегающими деревнями купилъ у гр. Самойлова гр. Бобринскій, который на широкихъ началахъ завелъ здѣсь новую отрасль промышленности, устроивъ сахарный заводъ и свекловичныя плантаціи. Примѣру его послѣдовали гр. Потоцкій, Браницкій, Шуваловы и др. Въ 1824 г. въ Ю. З. краѣ былъ только одинъ сахарный заводъ, въ Кіев губ.—«Троцинскій», устр. гр. Понятовскимъ. Первые сахарные заводы были незначительны. Рафинированныя отдѣленія были только у гр. Потоцкаго и Бобринскаго, и только въ 1843 г. бр. Яхненко и Симиренко устроили первый въ Россіи паровой сах. заводъ съ рафинаднымъ отдѣленіемъ. Сахарные заводы росли какъ грибы. Въ 1842 г. въ Кіевской губ. было всего 15 заводовъ съ производствомъ на сумму св. 85000 р., въ 1843 г. прибав. 8; въ 1844—11, а въ 1847 г. было 56 съ ежегоднымъ производствомъ на $3^1/_2$ мил. слишкомъ р. (Фундуклей, II, 140—153; III, 12—82; Ulaszyn, 33—43). Въ 1850 г. половина сах. промышленности въ Россіи приходилась на Кіев. губ. (Москвит. 1850, № 9, с. 18).

[1]) Фундуклей, I, 372.

[2]) Варадиновъ, III, ч. I, 318.

[3]) Ibid. ч. II, 212, 406, 430.

[4]) Ibid. ч. III, 382—83.

[5]) Памят. кн. Кіев. губ. на 1858 г., с. 261. На остальныя четыре ярмарки привозилось товаровъ свыше 1 мил. р. (Семеновъ, 624).

латой и ревизоваться депутатами отъ города [1]). Требованія эти постоянно подтверждались [2]), но только въ 1834 г. поступили въ мин. вн. дѣлъ въ первый разъ смѣты изъ всѣхъ городовъ [3]). Такимъ обр. въ этомъ году доходъ города показанъ въ 192706 р. 94 к. ас. и расходъ въ 189928 р. 79 к. (остат.=2778 р. 15 к.). Уже въ 1840 г. Кіевъ причислялся къ наиболѣе доходнымъ городамъ Россіи [4]). Въ 1842 доходъ=79657 р., расходъ=88497 (передержка=8840); въ 1846 г. дох.=82016, расходъ=75104 (остатокъ=6912). До 1833 изъ доходовъ города отпускалось на заведенія Прик. общ. призр. по 10000 р., но такъ какъ состояніе приказовъ улучшилось вообще, а кіевскаго въ особенности, то эта статья была отмѣнена [5]). Въ 1845 и 1849 гг. прик. открылъ въ Кіевѣ два дѣтскихъ пріюта [6]). Въ 1833 г. въ Кіевѣ образовалось «общество для вспоможенія бѣднымъ»; въ 1837 г. была устроена губернская сельско-хоз. выставка [7]); а въ 1852 выставка сельскихъ произведеній и фабричныхъ издѣлій, въ контрактовомъ домѣ [8]). Въ 1840 г. по ходатайству Бибикова, было открыто общество врачей, еще до учрежденія медицин-

---

[1]) Кіев. Стар. 1888, № 9, стр. 617—620.

[2]) Варадиновъ, III, ч. I, 382; II, 205.

[3]) Ibid., 618.

[4]) Ibidem, III, кн. II, 572. Въ началѣ 60-хъ годовъ доходъ города=189224 р. (Семеновъ, 622), причемъ сборы съ промысловъ и косвенные налоги достигали 30000 р. (Дитятинъ, II, 349).

[5]) Варадиновъ, III, кн. I, 527; II, 219. Больше всѣхъ суммъ въ 1839 г. имѣли прик. петерб., моск. и кіевскій (9306183 р.) Ibid., III, 482. Въ 1847 г. вкладовъ поступило больше всего (2573218 р.) въ Кіевскій приказъ (III, 386). О доходахъ, расходахъ города, суммахъ и дѣятельности приказовъ см. прилож. ко II и III книгамъ.

[6]) Фундуклей, I, 393; Кіевлян. 1897, № 258.

[7]) Варадиновъ, III, кн. I, 525; кн. II, 274. Вполнѣ организовался «Комитетъ о бѣдныхъ» позже и предсѣд. его была ж. ген.-губ. С. С. Бибикова, ур. Кушникова (Ист. В. 1901, № 10, с. 62).

[8]) Закревскій, I, 121—27. Въ Кіевѣ находился складъ сел.-хоз. машинъ бр. Бутеноповъ изъ Москвы (Фундуклей, I, 376) и депо Моск. Общ. сельскаго хозяйства (Москвитян. 1843, № 3, с. 257).

скаго факультета, по иниціативѣ 12 врачей-практиковъ [1]). Въ концѣ 1854 г. кіевское городское общество черезъ своего голову (куп. 1-й г. Бухтѣева) изъявило желаніе устроить домъ призрѣнія для 30 раненыхъ офицеровъ, внося ежегодно по $^1/_2$% съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ. Между тѣмъ, по примѣрному вычисленію, оказалось, что потребуется единовременно до 3000 р. и ежегодно—6000 р., а съ объявленнаго капитала (842000 р.) давало бы всего 4212 р. Тогда нач. края кн. Васильчиковъ убѣдилъ жертвователей отказаться отъ дома призрѣнія и ограничиться выдачею пособій, каковыхъ до 1856 года было оказано свыше 9000 р. 34 лицамъ [2]).

XIX.

Въ связи съ разсмотрѣнными нами правительственнымъ распоряженіями, касающимися Ю. З. края и въ частности Кіева, къ царствованію Николаю I относится рядъ мѣръ, направленныхъ къ развитію учебной части въ краѣ въ различныхъ ея отрасляхъ, соотвѣтственно тѣмъ же основнымъ началамъ. Въ 1831 г. въ Кіевской губ., существовали: Кіевская гимназія на особыхъ правахъ, наз. Вышнею, по окончаніи курса которой воспитанники получали чинъ 14 класса. Преподаватели ея были присылаемы изъ Педагогическаго института и Харьковскаго университета; кіево-подольское уѣзд. училище; каневское и уманское повѣтовыя училища о 6 классахъ, на степени гимназіи, находившіяся на иждивленіи базиліанъ, съ гимназическимъ преподаваніемъ и обученіемъ польской словесности и преподавателями, частью изъ монаховъ базиліанъ, а частью изъ Виленскаго ун. Кромѣ того, въ губерніи было 18 приход. училищъ. Въ Волынской губ., кромѣ

---

[1]) Записка о немъ въ Учрежд. унив. св. Владиміра, стр. 302—308.

[2]) К. Стар. 1903, № 11, с. 62—63.

Въ 1807 г. Кіев. губ. пожертвовала на милицію 176899 р. и 47 черв., въ томъ числѣ кіев. купеч. 15000 р. (Р. Арх. 1904, № 8, с. 542—543).

Кременецкаго лицея (или Волынской гимназіи, изъ 7 классовъ— 3 высшіе, препод. съ высшими учен. степенями, присыл. изъ Виленск. унив.), нѣсколько повѣтовыхъ училищъ (Клеванское, Овручское, Бердичевское, Меджирецкое, Теофипольское, Владимірское, Любарское, Домбровицкое), содержавшихся на счетъ монаховъ разныхъ орденовъ, за исключеніемъ перваго, существовавшаго на счетъ казны, и 137 приходскихъ училищъ, содержавшихся на счетъ латинскаго духовенства или помѣщиковъ. Въ Подольской губ., состояли Винницкая гимназія на счетъ казны, 3 повѣтовыхъ уч. (Меджибожское и Кам.-подольское на счетъ казны и Барское на счетъ тринитаровъ) о шести классахъ и приход. училищъ, содержимыхъ большею частью латинскимъ духовенствомъ. Дешевизна въ учебныхъ пособіяхъ, квартирахъ и содержаніи, свобода въ одеждѣ и любовь поляковъ къ образованію, при участіи богатыхъ и вліятельныхъ магнатовъ и духовенства, привлекали воспитанниковъ въ учебныя заведенія, которыя вообще были многолюдны: въ Кременецкомъ лицеѣ число воспитанниковъ доходило до 1000, а въ нѣкоторыхъ повѣтовыхъ училищахъ до 500 и болѣе того; языкъ преподаванія для всѣхъ предметовъ (въ томъ числѣ и русскаго языка) былъ польскій, за исключеніемъ Кіевскаго народ. училища (гимн.). Вообще, по выраженію гр. С. С. Уварова, «языкъ русскій едва былъ слышанъ на этомъ огромномъ пространствѣ» [1]). Всѣ училища часто посѣщаемы были визиторами, которые присылались изъ Виленскаго университета. Дѣвицы съ порядочнымъ состояніемъ получали воспитаніе преимущественно въ женскихъ монастыряхъ у визитокъ, которые визитировались лишь только бискупомъ или уполномоченнымъ отъ него. Вообще училища были обезпечены болѣе или менѣе щедрыми фундушами [2]). Въ значительной степени, если не вполнѣ, успѣхи

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 1, 26. Даже русское духовенство въ Волынской, какъ и въ Подольской губ., а отчасти и Кіевской, употребляло въ обиходѣ польскій языкъ (Сбитневъ, т. XVIII, 60).

[2]) О состояніи ихъ передъ закрытіемъ и преобразованіемъ см. въ запискахъ И. М. Сбитнева (Кіев. Стар. 1887, т. XVII, 438—

такого роста училищъ были достигнуты благодаря энергіи и настояніямъ генер. визитатора трехъ губерній—Θ. Чацкаго († 1813[1]). Кременецкій лицей всецѣло былъ обязанъ ему и своими средствами, и своимъ значеніемъ въ краѣ [2]), какъ и самый городъ [3]). Въ 1831 г. послѣдовало выс. повелѣніе о закрытіи училищъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губ. Такимъ обр. въ теченіе 1831—32 г. было закрыто 245 учеб. заведеній, а оставалось 19, которые должны были подвергнуться преобразованію по уставу 1828 г. [4]). До реформы учебныхъ заведеній смотрители училищъ

468, 649—666); ср. также: Е. Крыжановскій, Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ (ib. 1882, I, 263—300; 441—78 и т. II). «Производя ревизію въ Подольской и Волынской губ., я нашелъ школы въ гораздо лучшемъ состоянія, чѣмъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, хотя и тутъ обнаруживались весьма существенные недостатки, а господствующее направленіе отличалось вполнѣ монашескимъ характеромъ», говоритъ ф.-Брадке (Р. Арх. 1875, I. 273).

[1]) Характеристику Чацкаго, по разнымъ даннымъ см. въ запискахъ Сбитнева (стр. 456—468). Оцѣнку его дѣятельности съ разныхъ точекъ зрѣнія см. въ ист. унив. св. Владиміра проф. Шульгина и Владимірскаго-Буданова, а также: T. Zemba, Czacki i jego zasługi zwłaszcza w dziejach naszego szkolnictwa, Krak. 1873; Majchrowicz, T. Czacki i jego poglądy za sprawy wychowania publicznego, Lw. 1894; Encyklop. wychow. (ст. П. Хмѣлевскаго, стр. 28—81).

[2]) Еще въ 1807 г. предположено было одновременно съ высылкою Чацкаго въ Харьковъ, послѣ его шумнаго объѣзда трехъ губерній, перевести лицей изъ Кременца въ Кіевъ, но предположеніе это было отклонено Чацкимъ, успѣвшимъ оправдаться отъ обвиненій, какъ и вновь въ 1810 и 1812 гг. (К. Старина XVII, 466—68). При принятіи имъ должности визитатора въ означенныхъ губ. было 5 учеб. заведеній, а когда онъ умеръ—127 (Шульгинъ, 25—26).

[3]) О состояніи Кременца послѣ закрытія лицея (зап. Сбитнева, К. Стар., т. XVIII, 59—60): «Бывало въ богатыхъ магазинахъ блестѣло золото, серебро, бронза, ослѣпляли дорогія ткани, произведенія Востока. Съ переводомъ лицея въ Кіевъ все исчезло какъ сновидѣніе и изъ Аѳинъ Волыни Кременецъ сталъ лишь уѣзднымъ городомъ Волынской губерніи».

[4]) Шульгинъ, 28—30.

и большинство учителей были поляки; даже русскій языкъ читали—поляки [1]).

Вскорѣ по усмиреніи польскаго мятежа (1830—31 г.) въ Юго-Западномъ краѣ предприняты были существенныя измѣненія въ системѣ народнаго образованія. Въ бытность импер. Николая въ Кіевѣ въ 1832 г. ему представлена была записка попечителя Харьковскаго учебнаго округа о переводѣ Кременецкаго лицея вмѣсто предположеннаго прежде Житомира, въ Кіевъ, но въ то же время ген.-губ. Левашовъ вошелъ съ представленіемъ объ учрежденіи въ Кіевѣ для образованія чиновниковъ «института правовѣдѣнія», подъ именемъ «института св. Владиміра». Между тѣмъ, 14 дек. 1832 г. состоялось учрежденіе отдѣльнаго Кіевскаго учебнаго округа изъ губерній Кіевской, Черниговской, Волынской и Подольской [2]), первымъ попечителемъ котораго назначенъ былъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке, и предстояло преобразованіе среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній по уставу 1828 г.; а недавнее закрытіе (1831 г.) Виленскаго университета еще болѣе подкрѣпляло мысль о необходимости учрежденія въ Кіевѣ не института или лицея, а университета, который въ то время давалъ тонъ и направленіе всему учебному дѣлу въ округѣ [3]). Благодаря такимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, 31 октября 1833 г. состоялось утвержденіе доклада управл. мин. народн. просв. С. С. Уварова

---

[1]) Записки А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 234—237): «Нужно отдать справедливость, что они преподавали не дурно и гуманно обращались съ дѣтьми въ томъ числѣ и русскими».

[2]) Учрежденіе округа рѣшено было еще въ мин. кн. Ливена. Въ метрической книгѣ Кіевской лютеран. общины значится, что первое крещеніе (1767) было совершенно пасторомъ Гралемъ надъ сын. полк. О. Г. Ливена—Карломъ Христоф. Ливеномъ (Карлъ Андреевичъ), впослѣдствіи мин. народн. просвѣщенія (Закревскій, 302), ум. въ 1844 г.

[3]) Кіевъ былъ намѣченъ для университета еще въ нач. царствованія Александра I и тогда же П. Г. Демидовъ заявилъ мин. нар. просв. о пожертвованіи на предполагающіеся университеты въ Кіевѣ и Тобольскѣ 100000 р., частію на учрежденія, а частію на содержаніе неимущихъ учениковъ.

объ учрежденіи въ Кіевѣ университета съ наименованіемъ его университетомъ св. Владиміра, пока изъ двухъ факультетовъ: философскаго (соединявшаго въ себѣ нынѣшній историко-филологическій и физико-математическій факультеты) и юридическаго, а медицинскій положено было имѣть въ виду. Важность скорѣйшаго открытія университета настолько признавалась правительствомъ, что сначала онъ помѣщенъ былъ въ наемныхъ домахъ (открытъ 15 іюля 1834 г. [1]), впредь до возведенія зданій въ 1842—43 гг., постройкою которыхъ завѣдывалъ архит. В. И. Беретти.

Открытіе университета вызвало большой съѣздъ дворянства Кіевской, Подольской и Волынской губ., а отчасти Черниговской и Полтавской [2]). Съѣхалось вообще больше, чѣмъ пріѣзжало обыкновенно на контракты, такъ что за три рубля въ сутки нельзя было достать крошечной комнаты. Многіе богатые люди распо-

---

[1]) Въ течніе 1834—42 гг. университетъ занималъ 3—7 частныхъ домовъ (б. ч. камен. двухъэтаж.) на Печерскѣ и въ Липкахъ б. ч. близъ нын. Никольскихъ воротъ (капит. Корта—для аудиторій и кварт. студентовъ, подп. Самойловича—для архива и отч. библіотеки, ген.-м. Ахте – для больницы, вдовы Иванской—для канцелярій, надв. сов. Гудимъ-Левковича—для кабинетовъ и р.-к. каплицы, ген. ад. Гербеля—для помѣщ. недост. студентовъ, ген.-м. Севастьянова—для больницы, купца Бухтѣева, противъ нын. губ. дома—для библіотоки). См. Шульгинъ, 94—96 (во дворѣ гимназіи былъ устроенъ манежъ). Средства университета составились изъ суммъ, назначенныхъ отъ казны, общаго училищнаго фундуша и доходовъ съ недвижимыхъ имѣній отъ прежнихъ училищъ (Всепод. рапортъ о сост. унив. св. Владиміра въ 1835 г., В. Науменка, К. Стар. 1890, № 2 стр. 349 - 355; а также ист. унив. Шульгина и Владимірскаго-Буданова). Какъ переходили фундуши въ распоряженіе правительства—зап. Сбитнева (К. Стар., тт. XVII и XVIII). Исторія фундушей, процессы о нихъ и т. п. см. въ прилож. къ Циркул. по управл. Кіев. учеб. окр. за 1900 г. (Приходскія фундушевыя училища въ Ю. З. краѣ, ихъ возникновеніе и средства содержанія, К., 1900, стр. 1—171 (крат. зам. В. Д. въ Кіев. Стар. 1901, т. LXXI, № 1, стр. 030—35).

[2]) Приглашеніе къ откр. унив-та и правила поступленія въ оный (Кіев. Стар. 1884, IX, 529—537).

лагались по сараямъ и въ клѣтяхъ, не находя нигдѣ подходящаго пристанища. «До такой степени три западныя губерніи сочувствовали этому торжеству», замѣчаетъ ф.-Брадке; «между тѣмъ актовая зала едва вмѣщала въ себѣ 350 чел. Зала, сосѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности: хотѣли по крайней мѣрѣ присутствовать. Для стараго фельдм. Сакена, ген.-губернатора (Левашова), духовенства (м. Евгеній, ректъ, ак. Иннокентій и др.), начальниковъ губерній и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста. Когда прочли императорскіе рескрипты и проф. исторіи Цыхъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія университета и намѣренія правительства, послѣ чего три дворянскихъ предводителя въ нѣсколькихъ словахъ выразили государю благодарность за оказанное благодѣяніе и это были не пустыя слова: собраніе обнаруживало явно радостное и восторженное возбужденіе. Такое отношеніе объясняется, быть можетъ, и тѣмъ, что открытіе унивеоситета въ Кіевѣ въ оффиціальномъ актѣ объявлялось какъ преобразованіе Кременецкаго лицея въ высшее учебное заведеніе преимущественно для жителей тѣхъ же трехъ губерній» [1]), замѣчаетъ ф.-Брадке.

Въ тотъ же день, на деньги, собранныя членами университета, устроенъ былъ обѣдъ для властей и дворянства на 300 человѣкъ, который продолжался до поздняго времени. Затѣмъ слѣдовали большой обѣдъ у генералъ-губернатора, балъ отъ дворян-

---

[1]) Послѣ рѣчи ф.-Брадке въ рѣчахъ губ. предвод. двор.—кіев. гр. Тышкевича, волын.—Ленкевича и под. Раковскаго была выражена признательность за открытіе унив.; поднесены были дипломы на зв. поч. членовъ (м. Евгенію, кн. Сакену и ген.-губ. Левашову, врученныя ректъ. Максимовичемъ, а въ слѣд. году, въ числѣ нѣск. другихъ лицъ и представителямъ польской аристократіи: гр. Я. А. Илинскому поч. попеч. гимн. и гр. Ф. М. Чацкому, быв. предс. учил. фундуша). Сказаны были рѣчи проф. Якубовичемъ «De pulchro Platonico» и Цыхомъ: «О цѣли и пользѣ высшихъ уч. заведеній» (Шульгинъ, 55—59, 80—81).

ства и многія другія торжества [1]). По поводу открытія университета мѣстнымъ педагогомъ была написана кантата, впрочемъ въ псевдо-классическомъ стилѣ [2]). Левашовъ, въ интересахъ увеличенія числа студентовъ, настаивалъ на смягченіи испытаній, но ф.-Брадке отклонилъ его требованіе, на что имѣлъ основанія, такъ какъ письменныя работы студентовъ въ первые годы (1834—39), въ большинствѣ случаевъ, оказывались крайне слабыми въ отношеніи стиля и особенно грамотности. Впрочемъ необходимо имѣть въ виду и то, что на первыхъ порахъ въ университетѣ собралось юношество въ огромномъ большинствѣ не русскаго происхожденія, вовсе не учившееся или плохо учившееся русскому языку [3]).

Отношенія между администраціей и учебнымъ округомъ измѣнились съ отозваніемъ Левашова и назначеніемъ ген.-губ. гр. Гурьева. «Хотя лично между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университскимъ дѣламъ вышли столкновенія, такъ что дѣла доходили до государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу», замѣчаетъ фонъ-Брадке [4]).

Съ 1840 г. возникаетъ уже медининскій факультетъ въ замѣнъ мед. хир. академіи въ Вильнѣ, съ необходимыми при немъ учрежденіями (1844), которыя оставались въ главномъ зданіи, по 1888 г. [5]). Среди развалинъ Стараго города и легкихъ построекъ

---

[1]) Записки ф.-Брадке (Р. Арх. 1875, I, 278—279).

[2]) Кіев. Стар. 1885, XII, 483—490.

[3]) Владимірскій-Будановъ, 101; Изъ прошлыхъ лѣтъ Кіев. унив. (на осн. сборн. сочин. студентовъ 1834—39 въ библ. унив. св. Владиміра) В. К. Пискорскаго (Кіев. Стар. 1894, № 4, стр. 49—60). О практич. занят. студ. по предм. рос. слов. въ первые годы жизни ун. св. Владиміра, В. П. Науменка (ib., 169—74).

[4]) Русскій Арх. 1875, I, 282.

[5]) Постройка зданій продолжалась съ 1837—42 и обошлась до 4 мил. ас. (Владимірскій-Будановъ, 286—300). По переходѣ въ него оказалось не мало больныхъ въ инст. казеннокоштныхъ студентовъ (помѣщавшемся въ верхнемъ полуэтажѣ), вслѣдствіе сырости (К. Стар. 1889, № 12, стр. 507—508). Проектъ церемоніала, предполагавшагося при закладкѣ зданій университета (ibid. 1890, № 8, с. 323—324).

Новаго строенія, зданіе университета производило впечатлѣніе грандіозной постройки [1]), какой она оставалась до послѣдняго времени. Университетъ св. Владиміра, занявъ мѣсто Виленскаго университета и Кременецкаго лицея, унаслѣдовалъ отъ нихъ вполнѣ или отчасти принадлежавшіе имъ фундуши, коллекціи и библіотеку [2]). Такъ, на первыхъ порахъ были устроены: 1) нумизматическій кабинетъ; 2) музей изящныхъ искусствъ; 3) физическій кабинетъ; 4) химическая лабораторія; 5) минералогическій кабинетъ; 6) зоологическій кабинетъ; 7) ботаническій кабинетъ; 8) ботаническій садъ [3]). Благодаря же передачѣ въ вѣдѣніе университета типографскихъ и литографскихъ принадлежностей бывшаго главнаго штаба 1-й арміи (1835), съ отчисленіемъ на первое время части, находившейся при военной типографіи, служащихъ нижнихъ чиновъ, при университетѣ св. Владиміра учреждена была и типографія, существовавшая при немъ по 1885 г. [4]).

Въ 1841—1845 г. была построена отдѣльная отъ университета астрономическая абсерваторія (на возвышенной мѣстности

---

[1]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Евр. 1903, № 1, стр, 165).

[2]) Сюда поступили: кременецкая библіотека въ полномъ своемъ составѣ, съ библ. польск. короля Станислава Понятовскаго, пріобрѣтенною послѣ его смерти Чацкимъ; значительная часть виленской университ. библ., виленской духов. рим.-катол. академіи и вилен. мед. хир. академіи. Въ началѣ 1841 г. въ библ. унив. считалось 34939 назв. книгъ и рукописей, въ 52157 тт., и 147 назв. періодич. изданій, всего на сумму 86177 р. сер., а число книгъ, пріобрѣтенныхъ университетомъ=лишь 3421 тому. Въ 1856 г. библ. имѣла 64841 соч. въ 96170 тт. и 250 назв. період. изданій. Еще въ 40-хъ годахъ учреждена была библіотека для казеннокошт. студентовъ (Учр. Имп. унив. св. Владиміра, К. 1884, стр. 309—334; пам. кн. на 1858 г., стр. 274).

[3]) Свѣдѣнія объ означен. учрежденіяхъ см. вь Учрежд. Имп. унив. св. Влад. К. 1884, а также въ ист. унив. Шульгина и Владимірскаго-Буданова. Ботан. садъ обязанъ своимъ возникновеніемъ на обширномъ пустырѣ проф. Р. Э. Траутфеттеру (см. его біогр. въ Біогр. Словарѣ профессоровъ унив. св. Владиміра, К. 1884).

[4]) См. Учрежден. унив. св. Владиміра, 341—366.

по Бульварно-Кудрявской ул.), возведеніе которой обошлось (съ устройствомъ подвижной башни для рефрактора) въ 34432 р., а въ 1851—1853 г.—построенъ былъ и анатотомическій театръ (по Фундуклеевской ул.), до того времени не разъ мѣнявшій свое помѣщеніе [1]), стоимостью въ 135000 р., въ счетъ суммы, перешедшей въ университетъ изъ Кременецкаго лицея [2]). Освященіе этого зданія (25 окт.) происходило во время пребыванія импер. Николая I въ Кіевѣ и онъ назначилъ для присутствованія на немъ лейбъ-медика Енохина.

Въ рѣчи своей, по поводу освященія зданія анатомическаго театра, проф. анатоміи А. П. Вальтеръ стремился опредѣлить все значеніе положительной медицинской науки, въ противоположность обветшалымъ теоріямъ, еще имѣвшимъ мѣсто. «Анатомическій театръ есть монументъ, говорилъ онъ, выражающій то направленіе, которому до сихъ поръ слѣдовалъ медицинскій факультетъ университета св. Владиміра, и состоящее въ томъ, что факультетъ дѣлаетъ ее благотворною для жизни». Упомянувъ объ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ основаніе медицинскаго факультета въ Кіевѣ, онъ съ чувствомъ глубокой признательности произнесъ имя бывшаго своего наставника знаменитаго Пирогова, «котораго геній служитъ путе-

---

[1]) Сначала на Лютеран. ул. въ д. Краузе (потомъ Черкесова), а, по отстройкѣ зданія университета, въ этомъ послѣднемъ. Уединенность его отъ остального жилья въ то время послужила предметомъ легендъ о зарѣзанныхъ людяхъ или евреяхъ—такъ относились тогда къ обычнымъ секціямъ, а мѣсто вокругъ университета было вообще не безопасно въ ночное время (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1884, № 21, стр. 508). По неудобству имѣть анат. театръ въ зданіи ун-та, онъ былъ выведенъ сначала въ д. Ѳадѣева на Тарасовской ул. (потомъ усадьба Матвѣева), а затѣмъ въ д. Беретти по Владимірской ул. (быв. усадьба кн. Репнина; нын. №№ 43 и 45).

[2]) Обѣ постройки исполнены архит. и препод. архитектуры въ унив. св. Владиміра А. В. Беретти—сыномъ, строителемъ (позже) Владимірскаго собора въ Кіевѣ (Учрежд. унив. св. Владиміра, 158—163, 246—286).

водною звѣздою къ наукѣ анатоміи и котораго указаніями руководствовался и здѣшній медицинскій факультетъ, не дающій у себя хода ни радемахеризму, ни гомеопатіи, ни старому эмпиризму, но слѣдующій вообще учено-практическому направленію, а изъ новѣйшихъ направленій давшій полное развитіе органической химіи, физіологической методѣ и патологической анатоміи». Далѣе, представивъ въ краткомъ очеркѣ исторію анатоміи въ Россіи, проф. Вальтеръ напомнилъ, что первымъ основателемъ анатоміи въ Россіи былъ Петръ В., который, изучая въ Саардамѣ искусство караблестроенія, учился въ то же время анатоміи у Рюйша и затѣмъ, обозрѣвъ успѣхи, оказанные съ тѣхъ поръ русскими этой наукѣ, замѣтилъ, что «если бы Великій преобразователь могъ посмотрѣть на великолѣпное зданіе кіевскаго анатомическаго театра, духъ его обрадовался бы, сравнивъ его съ душною и мрачною комнатой Рюйша, въ которой онъ самъ учился анатоміи». Въ то время специалисты утверждали единогласно, что «новый анатомическій театръ, удовлетворяя вполнѣ своему назначенію, *по великолѣпію и удобству* не имѣетъ ничего подобнаго *не только въ Россіи, но и въ чужихъ краяхъ*». Съ тѣхъ поръ требованія въ этомъ отношеніи существенно измѣнились [1]).

Составъ преподавателей университета въ теченіе 1834—55 гг. былъ чрезвычайно разнообразный, а въ начальный періодъ и случайный [2]). Такимъ образомъ, на 93 преподавателя, вступив-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, т. LXXX, отд. VII, стр. 85—88; Учрежд. унив. св. Владиміра, 251.

[2]) Въ началѣ Кіевскій унив. управлялся уставамъ 1833 г., а потомъ уст. 1842 г., въ который вошли нѣк. особенности нѣмецк. университетовъ и нѣк. (невыгодныя) черты общаго устава 1835 г. Новыя ограниченія въ сферѣ автономіи произведены были подъ вліяніемъ событій 1848 г. Ректорами университета были: М. А. Максимовичъ (13 іюля 1834—дек. 1835, вышелъ по болѣзни); В. Ф, Цыхъ († 19 апр. 1837), правосл. испов. Историкъ университета Шульгинъ передаетъ, что слушатели Цыха считали его «врагомъ клерикальнаго направленія» (124—128), а ф.-Брадке сообщаетъ о его религіозномъ настроеніи въ послѣднее время (Р. Арх. 1875, I, 279—284). За нимъ

шихъ въ это время въ университетъ (не считая препод. богословія и новыхъ языковъ [1])—12 бывшихъ препод. Волынскаго лицея (б. ч. получившихъ образованіе въ Виленскомъ унив.), въ числѣ которыхъ выдавались лишь: А. Н. Мицкевичъ (братъ поэта), читавшій римское право, О. В. Коржневскій, читавшій рим. и польскую литературы, извѣстн. писатель, и матем. Выжевскій; 2 препод. Виленск. ун. и акад. (юристъ Даниловичъ и химикъ Фонбергъ; затѣмъ наибольшій контингентъ (14 преподавателей) падаетъ на воспитанниковъ Дерптскаго унив., нѣмцевъ и русскихъ всѣхъ факультетовъ, но преимущественно потомъ медиковъ (Гофманъ, Ѳедоровъ, Нейкирхъ, Траутфеттеръ, Миддендорфъ, Делленъ; Караваевъ и Козловъ—Казан. и Дерпт. ун.; Мирамъ, Беккеръ, Вальтеръ, Цильхертъ, Гюббенетъ, Мацонъ); Харьковскаго ун. (10: историки Цыхъ и Костомаровъ, словесникъ Метлинскій, математики бр. Дьяченки, медики Леоновъ, Курдюмовъ и Цыцуринъ, астр. Ѳедоренко). Главнаго педаг. института (9, въ томъ числѣ бр. Тихомандрицкіе, математикъ и технологъ, юристы Иванишевъ и Цвѣтковъ, минералогъ Ѳеофилактовъ, историкъ Павловъ, филологъ Яроцкій); нѣсколько менѣе приходится на долю Московскаго унив. (Максимовичъ, Красовъ и Селинъ по словесности, Корнухъ-Троцкій по ботаникѣ, Рахманиновъ по механикѣ, Кожевниковъ и Матвѣевъ по медицинѣ); почти въ равной степени дали: Петербургскій ун. (зоологъ Кесслеръ, агрономы Якубовскій и Ходецкій), Кіевская дух. академія (4, въ томъ числѣ даже физикъ);

слѣдовали: «чиновный», но образцовый предсѣдатель и властно державшій себя въ совѣтѣ К. А. Неволинъ (—фев. 1842); В. Ѳ. Ѳедоровъ (—мая 1847), «благороднѣйшая и добрѣйшая личность» (К. Стар. 1889, № 62, стр. 499); Р. Э. Траутфеттеръ (—мая 1859), съумѣвшій, въ качествѣ избраннаго и назначеннаго (съ окт. 1849) ректора, сохранять равновѣсіе (Владимірскій-Будановъ, 546—558). Заслуживаетъ упоминанія, что Иннокентій послѣ Максимовича ожидалъ избранія Даниловича (Письма о Кіевѣ, 67: «это обида!»).

[1]) Въ 1834 г. изъ 20 преподав. было 16—кременецкихъ; въ 1835 г. изъ 29—20 (Шульгинъ, Ю. З. край, Древ. и Н. Рос. 1879, II, 21).

юридическій институтъ при II отд. Е. В. канц. (слушали лекціи въ Глав. пед. инст., Петерб. унив. и за границею), изъ котораго четверо поступили въ Кіевскій ун. (Орнатскій, Богородскій, Неволинъ, Ѳедотовъ) и иностранные университеты (Бессеръ—ботаникъ, Кнорръ—физикъ, Мерингъ—медикъ), наконецъ Мед. хир. академія (Алферьевъ) и гимн. высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ (Домбровскій—историкъ).

Подавляющее большинство кременецкихъ преподавателей въ начальномъ періодѣ объясняется обстоятельствами возникновенія университета и было непродолжительно. Дерптъ считался тогда лучшею университетскою школою и вскорѣ (во второмъ періодѣ) ученики его стали давать тонъ въ Кіевскомъ университетѣ настолько, что можно было говорить уже о «нѣмецкой партіи» въ этомъ послѣднемъ [1]), получившей главное значеніе на медиц. факультетѣ. Юридическій институтъ, созданный Сперанскимъ, настолько оказался удачнымъ, что этотъ факультетъ въ Кіевѣ вскорѣ занялъ выдающееся мѣсто [2]). Кіевская академія въ короткое время дала университету трехъ философовъ (Авсеневъ, Новицкій, Гогоцкій), изъ которыхъ первый является представителемъ философскаго аскетизма и кончилъ жизнь монахомъ [3]); второй отличался воодушевленною рѣчью, простотою изложенія и строгой системой чтеній, а третій замѣчательнымъ трудолюбіемъ и терпимостью въ философскихъ мнѣніяхъ. Москва дала и краснорѣчиваго историка литературы, вышедшаго изъ школы Шевы-

---

[1]) Біогр. Слов. профессоровъ унив. св. Владиміра, стр. 502; Владимірскій-Будановъ, Ист. университета, 224—25, 318.

[2]) Слушатели его, побывавшіе въ иностранныхъ университетахъ, утверждали, что лекціи Неволина и Богородскаго не уступали нѣмецкимъ профессорамъ, а новые проф. Берлинскаго унив. не могли даже сравниться съ ними (Зап. Селецкаго, Кіев. Стар. 1884, VIII, 614).

[3]) Онъ ум. наст. рус. миссіи въ Римѣ въ 1850 г. Направленіе указанныхъ лицъ см. въ Біогр. Слов. ун. св. Владиміра, К. 1884. Въ порывѣ ревности Авсеневъ уничтожилъ экз. чит. имъ соч. Штрауса „Das Leben Jesu“, принадлежавшій унив. библіотекѣ (тамъ же, стр. 516).

рева [1]), и поэта-романтика, Красова, вращавшагося въ кружкѣ Станкевича, а потомъ Бѣлинскаго и Грановскаго, несомнѣнно обладавшаго эстетическимъ вкусомъ, близко знакомаго съ нѣмецкой и англійской литературой, подражавшаго въ своихъ произведеніяхъ Пушкину и Байрону; но не обладавшаго качествами ученаго и потому пребываніе его въ университетѣ было непродолжительно (1837—1839 [2]). Уже съ нач. 40-хъ годовъ каѳедры замѣщаются собственными учениками университета, число которыхъ по 1855 г. достигаетъ 18 (Костырь, Романовскій, Страшкевичъ, Тутковскій, Вернадскій, Слободзинскій, Пилянкевичъ, Митюковъ, Вигура, Роговичъ, Эйсманъ, Горецкій, Шульгинъ,

---

[1]) Любопытная характеристика его въ Воспом. Буслаева (Вѣст. Евр. 1890, № 10): «Способность всегда оригинальничать, вѣчно играть роль, всегда позировать, всегда казаться чѣмъ-то другимъ» и т. д. (682—683). «Впечатлѣнія Москвы и Шевырева, и восторженно поклоненіе умственнымъ и эстетическимъ богатствамъ З. Европы (съ 1843—45 г. онъ провелъ за границею), опредѣляютъ ту смѣсь въ натурѣ Селина, съ которою онъ и ушелъ въ могилу, не давши ключа къ его разгадкѣ. Онъ состоялъ въ тѣсной связи съ пражскими славистами, но не былъ славянофиломъ; онъ ввѣми симпатіями примыкалъ къ русскимъ либеральнымъ дѣятелямъ 40-хъ годовъ, но не былъ западникимъ» (Владимірскій-Будановъ, 356). О преподаваніи въ тогдашемъ университетѣ см. воспомин. Чалаго К. Стар. 1889, №№ 10 и 11) и Солтановскаго (1892, № 5).

[2]) Диссертаціи его, а также Домбровскаго по исторіи и по ботаникѣ Андржеіовскаго были признаны неудачными по защитѣ (см. Біогр. Слов.).

Стихотв. Красова печатались въ Биб. для Чт., Москвит., Галатеѣ, Моск. Наблюд., Кіевлянинѣ и др., преим. Отеч. Зап. 1830—50 гг.; отд. «Стихотворенія В. И. Красова», изд. П. Шейна, М. 1859. Всѣхъ поэтическихъ произведеній насчитывается до 100. Въ свое время имя его ставилось рядомъ съ именами выдающихся поэтовъ. Переводы онъ дѣлалъ изъ Овидія, Гёте Гейне, Байрона и преклонялся передъ Шекспиромъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній были положены на музыку («Опять передъ тобой я стою очарованъ»). Бѣлинскій находилъ многія изъ нихъ прекрасными и поэтическими (Сочин., Ш, 93—94, 551).

Бунге, Чугаевичъ, Незабитовскій, Эргардтъ, Линниченко). Задачи общаго развитія ставились тогда шире: почти весь нын. историко-филологическій фак. былъ обязателенъ для естественниковъ [1]).

Политическія и мѣстныя условія, отражавшіяся на составѣ профессорскаго персонала, давали себя чувствовать и въ средѣ студентовъ: число послѣднихъ, состоявше въ началѣ изъ 62, въ 1838 г. доходитъ до 267, а въ 1839 г. падаетъ до 125 (катол. 35). Громадный процентъ въ числѣ ихъ (268) приходится на долю дворянскаго сословія (237), притомъ польскаго элемента (р. кат. 164, прав. 93 и 10 другихъ) и весьма незначительный на остальныя сословія (духов. зв. 7, гражд. 3, купц. 8, мѣщ. 5, иностр. 4, шлях. 1, козак. 1). По факультетамъ преобладающимъ былъ юридическій (145), затѣмъ физико-матем. отд. (67) и наконецъ ист. филологическое философскаго факультета; но вскорѣ затѣмъ верхъ беретъ медицинскій факультетъ, сохраняя это преимущество до конца періода и долго потомъ. Нѣсколько цифръ помѣщенныхъ здѣсь, даетъ полную иллюстрацію для характеристики этого послѣдняго. Такъ, въ 1844 г. (по откр. медиц. фак.) было студентовъ 403 (прав. 184, кат. 207, прот. 10, евр. 2), изъ нихъ дворянъ 331; по 1-му отд. фил. фак. 54, по 2-му 97 и 156, по медиц. 96, въ 1848 г. всего 656 (прав. 244, катол. 639, прот. 13, евр. 27; въ томъ числѣ двор. 509); по 1-му отд. фил. фак. 88, по 2-му—106, по юрид. 163, по мед. 209; въ 1849—всего 561 (прав. 209, кат. 289, прот. 15, евр. 21; двор 402; по фак. 77, 78, 112, 294). Подобное отношеніе сохраняется до конца періода и въ 1855 г. представляется въ такомъ видѣ: всего 806 (прав. 336, кат. 413, прот. 13, евр. 33, двор. 643, дух. 41,

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 240. Въ 1844 г. возникла мысль, чтобы избѣжать многопредметности I отд. философ. фак. (т. е. ист. филол.), о раздѣленіи его на два разряда, по примѣру II отд. (физ. матем.), а именно *историко-политическій* и *литературно-филологическій*, съ присоединеніемъ къ первому нѣк. юридическихъ наукъ, но она была отклонена министерствомъ, какъ и попытка въ 1848 и 1849 гг. о раздѣленіи того же фак. на *филологическій и философско-историческій разряды*. (Владимірскій-Будановъ, 349—353).

город. сост. 110, сел. 14; гимн. образ. 766, семин. 35, домаш. 7); по факультетамъ: 58, 75, 88, 587 [1]). Такимъ обр. университетъ является русскимъ по составу преподавателей и въ значительной степени польскимъ по составу слушателей [2]). Въ виду такого состава слушателей пришлось возбуждать вопросы, къ какому исповѣданію причислять студента уніата (послѣ 1839 г.), впрочемъ рожденнаго отъ католическихъ родителей (рѣшенный въ пользу послѣдняго испов.) и выдавать ли евреямъ дипломы (евреи поступали въ унив. съ 1836 г.), рѣшенный Сенатомъ въ ихъ пользу [3]).

Не смотря на недавнія репрессивныя мѣры въ краѣ, движеніе не улеглось совсѣмъ: въ 1837 г. оно обнаружилось появленіемъ пасквилей въ стихахъ на зданіи университета и возмутительныхъ прокламацій, которыя оказались потомъ у нѣкоторыхъ студентовъ [4]). Затѣмъ было открыто сообщество между польскими

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, прилож. с. XL. Дѣти кіев. гражданъ часто учились тогда въ духов. училищахъ (Р. Арх. 1899, № 3, стр. 439).

[2]) Ibid., 210. Студенты университета съ самаго его основанія въ большинствѣ были поляки Ю. З. и С. З. края и ополяченныя дѣти русскихъ чиновниковъ изъ тѣхъ же мѣстностей. Меньшинство составляли малороссы; не только въ тѣхъ домахъ, гдѣ матери были католички-шляхтянки, но даже и въ семьяхъ, прибывшихъ изъ Малороссіи (и Россіи) домашнимъ разговорнымъ языкомъ былъ языкъ польскій; православная прислуга также говорила попольски (К. Стар. 1895, № 6, стр. 234).

[3]) Ibid. 261—62, 263. Въ 1837 г. еврей Ак. Циммерманъ принялъ крещеніе причемъ воспріемникомъ былъ рект. К. Неволинъ; въ 1894 г. крещенъ еврей Гринбаумъ, который принялъ не только отчество, но имя и фамилію своего пріемнаго отца—рект. Вас. Ѳедорова,—оба занимавшіе потомъ не безъизвѣстное положеніе въ обществѣ; но большинство евреевъ принимало католическое исповѣда- (Владимірскій-Будановъ, 145, 478; о Ѳедоровѣ воспом. М. К. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, стр. 500).

[4]) Виноватыми оказались студенты поляки: Буяльскій, Богдановичъ и Рушковскій (Селецкій, VIII, 286; Шульгинъ, 178).

студентами, во главѣ котораго стоялъ—студ. Гордонъ; послѣдній бѣжалъ за границу, а четверо другихъ поплатились опредѣленіемъ въ армію солдатами, изъ которыхъ трое дослужились до офицерскаго званія, а одинъ умеръ въ Оренбургѣ. Фонъ-Брадке полагалъ, что въ этомъ случаѣ дѣло было преувеличено Гурьевымъ, какъ выяснилось потомъ [1]. Дѣло Конарскаго, нашедшее болѣе широкій пріемъ въ Кіевѣ, повлекло за собой болѣе суровыя мѣры. Открыта была филіація «союза польскаго народа», распространеннаго по Волынской губ., въ Кіевскомъ университетѣ. Въ Кіевѣ главными дѣйствующими лицами оказались: содержатель благород. муж. пансіона Боровскій, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ въ обществѣ и не малымъ значеніемъ въ глазахъ начальства [2]. У него жили студенты и гимназисты, происходили сходки, на которыхъ созрѣлъ и планъ дѣйствій. Сюда же примыкали докторъ Бопре и помѣщ. Михальскій. Когда заговоръ былъ открытъ, то всѣ трое, по совершеніи надъ ними обряда смертной казни, были сосланы въ каторгу. Прочіе участники, не принадлежавшіе къ учебному вѣдомству, поплатились также каторгой, ссылкой, высылкой во внутреннія губерніи и отданы были въ солдаты съ выслугой или безъ выслуги. Прикосновенныхъ къ дѣлу студентовъ оказалось 35, часть которыхъ (6) была отдана въ солдаты безъ выслуги, другая часть (5) съ выслугой, безъ лишенія дворянскаго званія, 14 опредѣлены въ службу на правахъ вольноопредѣляющихся, а остальные переведены въ Ка

---

[1]) Автобіогр. записки, (Рус. Арх. 1875, I, 286). Ср. Волын. револ. 1-й четв. XIX в. (К. Стар. 1883, т. V, №№ 1, 2, 4). Секретное предписаніе кіев. губ. звенигор. городничему отъ 23 дек. 1834 г. съ примѣтами высланныхъ изъ Парижа въ разныя государства злоумышленниковъ и заговорщиковъ, кои обращаютъ на себя особенное вниманіе (французы, поляки, нѣмцы, итальянцы и пр.). Ibid., 1903, № 11, стр. 73—74).

[2]) По словамъ Максимовича, онъ признанъ былъ отъ мѣстнаго начальства самымъ способнымъ воспитателемъ польскаго юношества (Письма о Кіевѣ, 78, 101).

занскій университетъ. Нити этого движенія скрывались въ Парижѣ [1]).

Впрочемъ этимъ дѣло не ограничилось. Въ ноябрѣ 1839 г. университетъ былъ закрытъ на годъ (лекціи открылись однако раньше—6 сент.); студентамъ, не подлежавшимъ слѣдствію, предложено было перейти въ другіе университеты или поступить на службу на разныхъ льготныхъ условіяхъ, а послѣдняго курса подвергнуться испытанію; профессора—поляки были уволены отъ службы съ пенсіей или перемѣщены въ другіе университеты (Мицкевичъ въ Харьковъ, Даниловичъ и Якубовичъ въ Москву и т. п.) и замѣнены новыми. Такимъ обр. изъ 267 студ. университетъ лишился 211, въ числѣ которыхъ только 19 было окончившихъ курсъ [2]). Высшая администрація края была перемѣнена (вмѣсто гр. Гурьева—Бибиковъ; вмѣсто попечителя ф.-Брадке—минскій губерн. кн. С. И. Давыдовъ; вм. пом. попеч. безцвѣтнаго полк. Гинцеля—бывш. полк. гвардіи Карлгофъ [3]). Въ 1837 и 1839 гг. посѣтилъ университетъ имп. Николай и высказалъ свое негодованіе по поводу случившихся событій; поэтому дважды былъ присланъ въ Кіевъ мин. нар. просв. (Уваровъ) для водворенія лучшаго порядка [4]). Несомнѣнно, что предшествовав-

---

[1]) Одинъ изъ агентовъ на слѣдствіи объяснялъ что мѣры, принятыя въ краѣ, заставляли опасаться (особенно реформа школы), что патріотизмъ совсѣмъ угаснетъ: «мы сочли себя обязанными начать борьбу во что бы то ни стало за наше дѣло и принять мѣры противъ возраставшаго разложенія» (Зап. ф.-Брадке, 285, 187).

[2]) Владимірскій-Будановъ, 161—186; 197—210; Шульгинъ, Исторія унив., 177—178; Древ. и Нов. Россія 1879, II, 26—27.

[3]) Зап. ф.-Брадке, 285—288; Зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, VIII, 283—288; Прожить не поле перейти, зап. жены Карлгофа (Р. Вѣст. 1881, №№ 9, 10, 11; 1882, № 5; 1883, № 6; см. № 10, стр. 730—31), впрочемъ не поладившаго съ Давыдовымъ и вскорѣ перемѣщеннаго въ Одессу (742) и тамъ умершаго. Мѣсто его надолго занялъ М. В. Юзефовичъ, который игралъ видную роль въ послѣдующій періодъ.(В. Евр. 1903, № 2, стр. 609—610).

[4]) Записки Селецкаго (К. Скар. 1884, VIII, 285—286, 293—294). Въ 1837 мин. обозрѣвалъ университетъ съ австр. посл. гр. Фикель-

шія событія повліяли на измѣненія, внесенныя въ уставъ университета 1842 года [1]).

Современники говорятъ, что дѣятельность ф.-Брадке была изумительна. Независимо отъ канцеляріи, онъ ежедневно посѣщалъ гимназію и училища, поспѣвалъ къ ихъ обѣду; собиралъ у себя собранія для педагогическихъ совѣщаній и т. п.; «его неутомимая дѣятельность побуждала къ дѣятельности другихъ: всѣ суетились, работами весело и охотно» [2]). Онъ зналъ по фамиліямъ не только студентовъ, но и гимназистовъ. Преемникъ его былъ человѣкъ крайне лѣнивый; въ университетъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа также не входилъ и потому все зависѣло отъ всемогущаго правителя канцеляріи (Лазова [3]).

мономъ и тогда же были въ университетѣ Сперанскій и Жуковскій, избран. въ поч. члены (Шульгинъ, 227—228).

[1]) Въ 1837 г., говоритъ Максимовичъ, попеч. съ инспекторомъ Люце, своимъ шуриномъ, озаботились выучить студентовъ даже церемоніальному маршу» (Письма о Кіевѣ, 57). «И ходятъ вереницею по университету распространители русской народности: попеч. ф.-Брадке; за нимъ помощникъ его Гинцель; за нимъ инспекторъ студ. Гинглингъ, а за нимъ помощ. его Рутенбергъ» (86). Въ теченіе этого и слѣдующаго періодовъ инспекція состояла б. ч. изъ военнослужащихъ и отставныхъ военныхъ (Шульгинъ и Владимірскій-Будановъ).

[2]) Зап. Сбитнева (К. Стар. XVIII, 57—58). Максимовичъ выражается о Брадке, что онъ распоряжался «съ барабанною скоропоспѣшностью» (Письма, 10).

[3]) Воспом. М. К. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, стр. 495—96); т. с. кн. С. И. Давыдовъ былъ попеч. 1839—45; за нимъ: ген.-м. Траскинъ (1846—48), кавказскій генералъ, знакомившійся съ научными вопросами по энц. словарямъ (Будановъ, 531), часто посѣщавшій университетъ (не смотря на свою тучность) и рѣшавшійся иногда спорить съ Бибиковымъ; Д. Г. Бибиковъ (1848—1852) и кн. И. И. Васильчиковъ (1855—1856).

Ф.-Брадке заботился о сліяніи разнородныхъ элементовъ подчиненнаго ему вѣдомства [1]). Ежедевно приглашаемы были къ обѣду нѣсколько чиновниковъ, а по воскресеньямъ преподаватели, административныя лица, нѣсколько студентовъ и воспитанниковъ изъ пансіоновъ. Кромѣ того, по разнымъ поводамъ, бывали у него парадные обѣды и разъ въ недѣлю профессорскій вечеръ, а съ 8 час. до 11 ежедневно собиралось множество лицъ. Когда разъѣзжались всѣ посторонніе, тогда начинались серьезные разговоры, придававшіе вечерамъ педагогическое значеніе. По воскресеньямъ собиралось на вечеръ отъ 40—50 лицъ и устраивались танцы [2]). Разъ пять и болѣе въ зиму давалъ онъ балы, на которые приглашались дѣвицы изъ высшихъ частныхъ заведеній. Въ посты давались концерты, при содѣйствіи кіевскихъ и пріѣзжихъ музыкантовъ (м. прочимъ знаменитаго Липинскаго). «Въ западныхъ губерніяхъ, говоритъ Брадке, открытый домъ есть необходимое условіе для того чтобы пользоваться довѣреніемъ и уваженіемъ. Иначе мнѣ невозможно было войти въ близкія отношенія къ высшимъ сословіямъ, а равно къ преподавателямъ и воспитанникамъ». Так. обр. за семь лѣтъ жизни въ Кіевѣ ему пришлось всего одинъ вечеръ провести въ тѣсномъ семейномъ кругу и прожить до 50000 р. ас., доставшихся ему по наслѣдству. При отъѣздѣ онъ былъ вознагражденъ радушными проводами и прощаніемъ, устроенными ему студентами, не смотря на недавнія печальныя событія [3]). Близкій наблюдатель этихъ отношеній говоритъ: «Е. Ф. ф.-Брадке пользовался особенною любовью и высокимъ уваженіемъ всѣхъ студентовъ... У него собирались старшія воспитанницы частныхъ пансіоновъ, студенты и профессора.

---

[1]) При его назначеніи государь указалъ ему цѣль: «содѣйствовать укрѣпленію пріязненной связи между населеніемъ и правительствомъ» (281).

[2]) Такъ какъ въ Кіевѣ тогда трудно было найти подходящую квартиру, то пришлось купить домъ, что было легче. Поэтому почти всѣ служащіе обзаводились домами.

[3]) Автобіографія, 281—282, 288.

Танцовали и проводили время очень пріятно» [1]). Подобные вечера, по словамъ другого современника, много содѣйствовали сближенію; здѣсь сталкивался житель Кременца и Волыни съ москвичемъ и жителемъ Петербурга... Матеріальныя средства, при тогдашней дешевизнѣ, дѣлали возможнымъ подобныя собранія и въ профессорскомъ кругу. Чаще другихъ собирались у Выжевскаго, Якубовича и Мицкевича. Разговоръ шелъ о городскихъ и университетскихъ событіяхъ и новостяхъ, да кое-когда прерывался разсказами и воспоминаніями о старинѣ, впрочемъ не касавшимися тѣхъ серьезныхъ сторонъ старины, которыхъ всѣ, по безмолвному соглашенію, не затрогивали. Если же случалось, что разговоръ неосторожно шевелилъ неостывшее прошлое, проф. Мицкевичъ тотчасъ предлагалъ сѣсть за карточные столы. Одни (Цыхъ, Неволинъ, Богородскій, Ставровскій и др.) садились за карты (играли въ винтъ и бостонъ); а тѣ, которые не играли, вели общій разговоръ, перемѣнивъ разумѣется щекотливую тему его. Научные вопросы рѣшались на этихъ вечерахъ изрѣдка, развѣ бывало старикъ Зѣновичъ начнетъ, размахивая руками, одушевленный разсказъ о происхожденіи міра и людей изъ атомовъ. Глубиною и основательностью отличались разсказы и бесѣды Неволина. Живостью и практическимъ смысломъ поражала рѣчь Цыха. Своего рода неутомимостью и юморомъ отличались рѣчи Абламовича. Но, когда нитью разговора овладѣвалъ Максимовичъ, все умолкало и обращалось въ одинъ слухъ и вниманіе... Разсказъ былъ всегда спокойный и удивительно простой; онъ открывалъ поэтическіе таланты у женщинъ-писательницъ. Объ одномъ только не могъ говорить спокойно и интересно Максимовичъ: о Брамбеусѣ и его литературной лѣтописи. Тутъ онъ выходилъ изъ себя и, по поводу барона, подымалъ неосторожно такой разговоръ, при которомъ проф. Мицкевичу не разъ приходилось предлагать гостямъ карты. Максимовичъ обыкновенно бывалъ душею бесѣдъ и въ дамскомъ обществѣ [2]).

---

[1]) Зап. Селецкаго (VIII, 153).

[2]) Шульгинъ, Ист. унив., 166—174; воспом. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 740—741). «Не смотря на свои долгія страданія

XX.

Вступивъ во второй періодъ своего существованія, университетъ не избѣгнулъ потрясеній. Въ 1841 г. (15 іюля, въ д. Корта [1]) проф. Иванишевъ произнесъ свою актовую рѣчь «объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ», на которой присутствовалъ м. Филаретъ [2]) и въ которой говорилось о конкубинатѣ. Она была прервана митрополитомъ и послужила предметомъ переписки съ министерствомъ и доклада государю, и хотя была напечатана въ Ж. М. Нар. просв., однако съ пропускомъ мѣста, вызвавшаго замѣчанія [3]). Тѣмъ не менѣе, не смотря на несочувствіе этой исторіи министерства, Иванишевъ не былъ утвержденъ тогда ордин. профессоромъ «по молодости въ службѣ» [4]). Въ 1846—47 въ Кіевѣ собрался кружокъ интеллигентныхъ южно-руссовъ; это были: Н. И. Гулакъ, В. М. Бѣлозерскій, П. А. Кулишъ [5]), Т. Г. Шевченко и др., на котораго уже тогда члены кружка взирали, какъ «на небесный свѣтильникъ», но

(ревматизмъ всѣхъ членовъ, особенно въ ногахъ), онъ сохранилъ очень пріятную наружность и поэтому, можетъ быть, возбуждалъ такое общее сочувствіе» (ibid.).

[1]) «Давно уже нѣтъ на Печеркѣ того Кортова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было кратковременно и мое первое пристанище въ Кіевѣ», писалъ Максимовичъ въ 1868 г. (Письма, 54)

[2]) Замѣч. о немъ въ зап. Селецкаго (К. Стар., т. X, 84—85).

[3]) См. Ром.-Славатинскій, Жизнь и дѣят. Н. Д. Иванишева 93—95, съ возстановленіемъ опущеннаго мѣста; Будановъ, 244—246; Актъ въ Кіев. унив. 15 іюля 1841 г., М. Сухомлинова (Древ. и Н. Россія 1876, № 5, стр. 60—64). Въ полномъ видѣ рѣчь напеч. въ книгѣ: Сочин. Иванишева, изд. унив. св. Владиміра, К. 1876.

[4]) См. въ письмѣ проф. Деллена (К. Стар. 1897, № 12, стр. 073). Вслѣдствіе того же инцидента Иванишевъ прекратилъ свои поиски въ лавр. библіотекѣ (ibid., 1898, № 11, стр. 057).

[5]) Въ 1839 г., въ числѣ весьма немногихъ, онъ былъ допущенъ въ вольные слушатели унив-та (Владимірскій-Будановъ, 252, 260, 275, 278), но переходилъ съ факультета на факультетъ.

средоточіемъ его служилъ Н. И. Костомаровъ, не задолго передъ тѣмъ получившій каѳедру русской исторіи въ Кіевѣ. Они образовали (послѣдніе два не были приняты) такъ наз. общество Кирилла и Меѳодія, которое не имѣло устава, но самое названіе и перстень славянскихъ апостоловъ, найденный у нѣкоторыхъ, какъ аттрибутъ, послужили основаніемъ для привлеченія ихъ къ отвѣтственности: члены общества (а также Кулишъ и Шевченко) были отправлены въ 3-е отдѣленіе, потерпѣли заключеніе и были посланы въ разныя мѣста со служебными ограниченіями—Костомаровъ въ Саратовъ, а Шевченко отданъ въ солдаты [1]). Одни видѣли въ этомъ обществѣ панславистскія стремленія, прежде всего опасныя Австріи, откуда будто бы шли первыя указанія, а другія—украинофильскія тенденціи на славянофильской подкладкѣ, отчего все это произвело безпокойство среди московскихъ славянофиловъ, впрочемъ вскорѣ улегшееся [2]). По этому же поводу гр. Уваровъ далъ циркулярное предписаніе попечителямъ уч. округовъ о томъ, какого понятія о «народноси» и «народномъ началѣ» слѣдуетъ держаться въ наукѣ и литературѣ. По его словамъ, мечты славянофильства безполезны и вредны; идея народности, которою слѣдуетъ руководиться, есть исключительно идея русской народности. Преподавателямъ русской словесности, русской исторіи и исторіи рус. законодательства предпочтительно передъ другими принадлежитъ «возбужденіе духа отечественнаго не изъ славянства, *игрою фантазіи созданнаго*, а изъ начала русскаго, въ предѣлахъ науки, безъ всякой примѣси современныхъ идей политическихъ. На преподавателяхъ же унив. св. Вла-

---

[1]) См. Біогр. Слов. проф. (автоб. Костомарова); Владимірскій-Будановъ, Исторія унив., 365—368; П. А. Кулишъ и его послѣдняя литер. дѣят., Костомарова (съ указаніемъ именъ двухъ студентовъ, сдѣлавшихъ сообщеніе), Кіев. Стар. 1883, V, 221—234; Воспом. о Шевченкѣ Костомарова (Р. Стар., 1880, XXVII, 597—610); Р. Стар. 1891, LXIX, 483—490 (автоб. очеркъ Костомарова). Въ 1847 г., мин-во имѣло въ виду допустить Шевченка къ преподаванію рисованія въ университетѣ (К. Стар. 1901, № 6, стр. 139).

[2]) Барсуковъ, Погодинъ, IX, 228—234; XII, 148—150.

диміра лежитъ обязанность тѣмъ настоятельнѣйшая, что подъ личиною славянства легко можетъ укрыться мятежный духъ польскій, готовый уловить умы неопытнаго юношества и коварно увлечь его за собою» [1]).

Любопытна характеристика тогдашняго студентства въ показаніяхъ одного (Андрузскаго) изъ лицъ, участвовавшихъ въ выясненіи роли Кирилло-Меѳод. общества. «Кромѣ нашего общества, студенты Кіев. унив. никакихъ другихъ тайныхъ обществъ не составляютъ и проектовъ не пишутъ, показывалъ онъ. Дѣлятся же на аристократію и бѣдняковъ; аристократы-богачи не различаютъ ни народа, ни вѣры, кромѣ увеселеній ничего знать не хотятъ. Бѣдные же за ними тянутся; но поляки любятъ поговорить о Польшѣ, занимаются чтеніемъ польскихъ книгъ и питаютъ тайное желаніе и надежду на возстановленіе Посполитой Рѣчи, но сборищъ и какихъ либо условій, соединявшихъ ихъ, не имѣютъ. Малороссы, меньшая часть, любятъ вспоминать гетманщину и чтеніе малороссійскихъ книгъ; но этимъ и ограничивается ихъ политическая дѣятельность. Русскіе большею частью занимаются науками и объ нихъ ничего нельзя сказать особеннаго. Смѣло можно утверждать, что кіевскихъ студентовъ болѣе интересуетъ психологія и биліардъ, чѣмъ политика... Съ котораго времени начались подобныя идеи (славянскаго общества) въ студентахъ, то должно полагать, что это послѣдки 1839 года... Отъ кого они получаютъ эти идеи, мнѣ неизвѣстно, хотя и должно предполагать, что поляки отъ своихъ родителей, а прочіе студенты отъ поляковъ. Профессора на лекціяхъ ничего недолжнаго не говорятъ и проф. Ф-въ открыто выражаетъ преданность къ царю. Притомъ же почти каждый день на лекціяхъ бываетъ попеч. ген. Траскинъ» [2]). Однако, лѣтомъ 1848 г., на стѣнѣ костела въ г. Летичевѣ, въ праздникъ Божьяго тѣла, появилась прокламація на польскомъ и русскомъ яз. (на послѣднемъ въ высшей степени безграмотная) съ

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 532—534; Къ исторіи славяноф. на Руси (Кіев. Стар. 1892, № 1, стр. 131—136); Кіев. славянисты 40-хъ годовъ (ib. 1897, № 2, с. 176—187).

[2]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, 531.

заглавіемъ отъ «славянскаго союза», въ которой высказывалась полная солидарность поляковъ и русскихъ въ оппозиціи правительству. Подозрѣніе пало на двухъ студентовъ Кіевскаго университета, проѣзжавшихъ въ то время черезъ городъ и расписавшихся въ почтовой книгѣ чужими, вымышленными именами, на польскомъ языкѣ. По рѣшенію Бибикова, они были отправлены оканчивать курсъ въ Казанскій университетъ съ тѣмъ, что потомъ будутъ опредѣлены на службу въ великорос. губерніи на три года [1]).

Между тѣмъ, событія 1848 г. всецѣло отразились на судьбѣ русскихъ университетовъ. Свидѣтель того, что происходило тогда въ Кіевѣ, притомъ историкъ, вотъ какъ характеризуетъ эти явленія: «Каждый помнитъ, что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Россіи февральскія событія дали сильный толчекъ умственнымъ движеніямъ въ нашемъ обществѣ, въ нашихъ университетахъ. Оживились и зашевелились умы и въ университетѣ св. Владиміра (появленіе молодыхъ ученыхъ, пять изъ которыхъ только-что воротились изъ-за границы): соціальные и политическіе вопросы выдвинуты были на первый планъ и стали интересовать даже медиковъ—спеціалистовъ; старое поколѣніе пробудилось отъ усыпленія, молодое съ увлеченіемъ кинулось слушать лекціи наукъ политическихъ и соціальныхъ. Въ университетѣ явилась борьба мнѣній и партій; въ результатѣ готово было уже явиться живое отношеніе къ наукѣ и у преподавателей, и у слушателей. Университетъ начиналъ быть университетомъ. И вотъ тутъ-то разомъ и круто обрушились на него суровыя мѣры, вызванныя также европейскими волненіями 1848 года» [2]).

Еще въ 1839 г. импер. Николай обратилъ вниманіе на бѣдность одежды и грубость манеръ нѣкоторыхъ студентовъ. Послѣ этого было положено, что всѣ студенты безъ исключенія (два раза въ недѣлю, по вечерамъ) должны упражняться въ искусствахъ танцованія, фехтованія и, по мѣрѣ удобства, гимнастики

[1]) Ibidem, 531—532.

[2]) Шульгинъ, Юго-Зап. край (Древ. и Н. Рос. 1879, II, 127).

(а желающіе и верховой ѣзды), для чего отдѣляется особая сумма отъ платы за слушаніе лекцій; а чтобы доставить студентамъ случай бывать въ хорошемъ обществѣ, какъ можно чаще, министръ разрѣшилъ попечителю завести въ залѣ института казеннокоштныхъ студентовъ танцовальные и литературные вечера, «которые, какъ полагалъ Уваровъ, при содѣйствіи ген.-губ. и по приглашенію попечителя, будетъ посѣщать все здѣшнее лучшее общество», на что также было ассигновано изъ платы за ученіе 1000—1800 р. сер. [1]). «Съ 1839 г., говоритъ современникъ, были введены новыя правила; правила эти несвоевременныя и въ существѣ совершенно безполезныя, значительно стѣсняли разумную свободу, которою мы пользовались доселѣ. Вся административная дѣятельность университета была обращена на водвореніе внѣшняго порядка между студентами и на улучшеніе ихъ наружнаго вида: стригли, брили [2]), одѣвали по формѣ и старались придать всѣмъ приличную и по возможности однообразную наружность... Между нами, какъ истыми буршами, продолжаетъ авторъ записокъ, въ большомъ ходу было фехтованіе. Училъ насъ драться на рапирахъ плѣненный въ 1812 г. французъ Базанкуръ; въ этомъ упражненіи я сдѣлалъ большіе успѣхи, и не разъ изъ состязанія съ учителемъ выходилъ побѣдителемъ. Вмѣсто шпагъ никуда негодныхъ, присвоенныхъ студенческой формѣ, мы завели длинныя шпаги, съ отпущенными клинками, и никогда съ ними не разставались, исключая лекцій. Часто ходили на охоту; въ стрѣльбѣ никто не могъ со мной соперничать, пистолетомъ владѣлъ я пре-

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, 254—255, 279; Зап. Селецкаго (Кіев. Стар., VIII, 294).

[2]) Ношеніе усовъ и бороды гражданскими лицами тогда строго преслѣдовалось (что называлось «по образцу жидовъ или подражая французскимъ людямъ») и начальникамъ гражд. вѣдомства предписывалось строго смотрѣть, чтобы ихъ подчиненные «ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру» (Письмо ст. секр. Танѣева кіев. ген.-губ. А. Д. Гурьеву, К. Стар. 1901, № 5, 082). Студентамъ запрещалось носить и бакенбарды (Воспом. Ге, стр. 67).

восходно, изъ ружья также промаховъ не давалъ» [1]). «По вечерамъ, послѣ занятій, говоритъ другой современникъ, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы, а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре и гимнастъ Урсо́ и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго вахтмейстера: «rompez»! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 г. и была переловлена крестьянами. Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался непонимающимъ ни слова порусски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ ферулою монаховъ и ходить полюдски, по причинѣ длиннополой одежды. Они-то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, «для моціона». Распотѣшить веселую кампанію и побѣсить Дебре козлиными прыжками и обезьянними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено извѣстное четверостишіе» [2]).

На внѣшность студентовъ было обращено особенное вниманіе. «Бибиковъ, разъѣзжая верхомъ по Кіеву и окрестностямъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, замѣчалъ студентовъ, которые не застегивали на всѣ пуговки сюртуковъ и мундировъ, или не имѣли всѣхъ пуговицъ; такихъ студентовъ Бибиковъ строго наказывалъ... На крупныя шалости, буйные кутежи студентовъ Би-

---

[1]) Записки Селецкаго (К. Стар., VIII, 293—295).

[2]) Воспом. М. К. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, стр. 519—520). Позже учит. музыки былъ Шмидтъ де-Бергъ, а танцевъ Сентъ-Мари.

биковъ смотрѣлъ сквозь пальцы и наказывалъ снисходительно, общимъ всему университету предостереженіемъ на словахъ, выговаромъ виновнымъ и рѣдко карцеромъ [1]). Но несоблюденіе формы, дисциплины, чинопочитанія (м. прочимъ отданіе чести генераламъ) наказывались строго» [2]). Тотъ же свидѣтель этихъ событій за-

---

[1]) Въ 1844 г. студентамъ воспрещено было посѣщать по субботамъ литургію и акаѳистъ въ ц. «Всѣхъ скорбящихъ», такъ какъ въ это время тамъ стекались всѣ страждующія сердечными недугами и установился такимъ обр. сборъ невѣстъ, что подавало поводъ къ разнымъ шалостямъ. Въ 1846 г., вслѣдствіе буйства въ купеческомъ клубѣ, воспрещалось студентамъ бывать въ кондитерскихъ, исключая баловъ, концертовъ, театровъ и клубовъ, позже 10 часовъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія. Входъ въ трактиры, исключая контрактовой залы, вовсе воспрещался. Привлекались къ отвѣтственности за излишній шумъ и хлопанье въ театрахъ, за крикъ «виватъ мазуры», «виватъ краковякъ», за карточную игру (1851), за демонстрацію, учиненную по случаю высылки товарища (1853) и т. п. Обычными наказаніями были карцеръ, хлѣбъ и вода, назначеніе на должность, отправка къ родителямъ; но любопытно, что битье прислуги или сторожей ботанич. сада взыскивалось слабѣе, чѣмъ нарушеніе формы—таковы были воззрѣнія крѣпостнической эпохи (Владимірскій-Будановъ, 284, 608). Въ 1856 г. отст. шт. кап. Г. заявилъ, что живущіе у него студенты (кажется поляки), во время контрактовъ устроили пирушку на 100 чел. «студентовъ и дворянъ» съ музыкой, нескромными танцами и пѣснями съ 7—3 час., причемъ хозяинъ жаловался на убытки, ему причиненные и пр. (ib., 519, 522, 611—622). Не смотря на мягкость, князь Васильчиковъ также строго взыскивалъ за нарушеніе дисциплины: въ 1852 г. одинъ студентъ, за неотданіе ему чести, былъ посаженъ въ карцеръ на 8 сутокъ. Въ особенности хлопоты администраціи причинялъ пріѣздъ тогда же гр. Клейнмихеля въ Кіевъ. По этому поводу, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, объявлено было студентамъ, чтобы никто изъ нихъ, во время пребыванія Клейнмихеля въ городѣ, не посѣщалъ дворцоваго сада, а кто пожелаетъ прогуляться, тотъ пусть гуляетъ въ ботаническомъ саду (ibid., 609—610).

[2]) Зап. А. А. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 246); далѣе (247—48)—характеристика инспекціи и штрафауза; ср. также объ «инспекціи» въ книгѣ М. Ф. Буданова, стр. 280, 513, 602. Казенныя квартиры студентовъ занимали верхній полуэтажъ въ универси-

мѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ: «Въ польскомъ университетскомъ кружкѣ 46, 47, 48 и 49 годовъ при ген.-губ. Бибиковѣ, который такъ строго слѣдилъ за польскими затѣями и пановъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, организовалось все то, что въ 1863 г. вывело въ Кіевской и Волынской губ. шляхту и пановъ въ банды [1]). Видную роль въ польскомъ кружкѣ, кромѣ Гедройцевъ [2]), игралъ сынъ учителя верховой ѣзды при университетѣ

тетѣ; общія кв. (такъ наз. штрафгаузъ) vis-à-vis юж. стор. (быв. домъ Лыбедскаго уч., нынѣ д. Рахманинова, В. Евр. 1903, № 2, стр. 625).

[1]) Въ 1845 г. студентомъ Нагурнымъ († 1847) было положено основаніе между студентами Волын. губ. особой тайной корпораціи, по образцу которой въ к. 50-хъ годовъ формировались «гмины». Послѣ него эта община находилась подъ руководствомъ студ. Козачинскаго († 1850). О своей дѣятельности она стала заявлять въ 1857 г., а въ 1861 г. демонстраціями (Древ. и Н. Рос. 1879, II, 127—128).

[2]) Солтановскій о нихъ говоритъ: «Два брата, князья Гедройцы, очень богатые, изъ С. З. края; но они не водились съ аристократическимъ кружкомъ, а пристали къ шляхетскому, политикующему кружку, который часто цѣлыми десятками собирался въ ихъ обширной квартирѣ по вечерамъ, гдѣ, разумѣется, шли трактаты о политикѣ и читались запрещенныя сочиненія. Гедройцы, внѣ лекцій, особенно по вечерамъ, ходили въ нагольныхъ тулупчикахъ или въ свиткахъ и въ этихъ костюмахъ посѣщали театръ, всегда исключительно помѣщаясь въ райкѣ вмѣстѣ съ братьей шляхтой. При ихъ помощи и руководствѣ для образованія польской молодежи учреждена была очень богатая секретная студенческая библіотека, состоявшая изъ собранія сочиненій лучшихъ польскихъ писателей заграничнаго изданія, запрещенныхъ сочиненій политическаго и соціальнаго содержанія, такихъ же брошюръ и капитальныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ университетскаго образованія. Въ униврситетѣ находился еще настоящій аристократъ князь Коріатовичъ-Курцевичъ; но онъ былъ до такой степени пригнетенъ бѣдностью, что не только не связывался съ кружкомъ аристократовъ, но удалялся и отъ шляхетскаго кружка и спѣшилъ уничтожать конверты отъ писемъ изъ дому, чтобы товарищи не узнали о его громкомъ княжескомъ происхожденіи. Онъ жилъ въ такъ наз. штрафгаузѣ, гдѣ болѣе бѣднымъ студентамъ, за небольшое вознагражденіе, отпускалась пансіонерская пища, а помѣщеніе, освѣщеніе, прислуга, отопленіе и мытье бѣлья давались даромъ» (К. Стар. 1892,

Ольшанскій, который въ 63 году самъ исполнялъ эту должность и вывелъ изъ Кіева конный и вооруженный отрядъ въ 60 человѣкъ, состоявшій исключительно изъ студентовъ университета. Отрядъ этотъ былъ разбитъ, а Ольшанскій пойманъ и повѣшенъ» [1]).

Большинство своекоштныхъ студентовъ были сыновья помѣщиковъ западныхъ и малоросійскихъ губ. и большею частью люди достатка. Между ними встрѣчалось не мало титулованныхъ, графы Тышкевичъ и Нелинъ (дравшіеся на дуэли), князья Дабижа, Яблоновскій и др. Болѣе достаточные студенты квартировали у профессоровъ, чтобы пройти университетскій курсъ безъ работы. За это они платили большія деньги. Квартирантовъ держали проф. Новицкій, Дьяченко, Ѳедотовъ-Чеховскій, Ставровскій. «Вообще, студенчество въ то время было запечатлѣно аристократическимъ характеромъ: демократическіе элементы едва проступали... Въ аудиторіяхъ преобладалъ польскій яз. Составъ должностныхъ лицъ университетской библ. и канцеляріи былъ такъ же польскій» [2])... Русскіе либералы, профессора и студенты печаловались о судьбѣ Польши и ненавидѣли Бибикова, ополчившагося съ своей инвентарной политикой за права хлоповъ, которымъ почти негдѣ было молиться... «Русское студентство въ университетѣ не представляло собою такой сплоченной, солидарной группы, какъ студенчество польское. Состоя большею частью изъ сыновей лѣвобережныхъ помѣщиковъ, менѣе хозяйственныхъ и достаточныхъ, чѣмъ помѣ-

№ 5, стр. 240). Впрочемъ студенты тогда проживали и за 2 р. 83 к., имѣя квартиру со столомъ (ibid. 1889, № 10, стр. 123—136).

[1]) Ib., 1902, № 5, с. 240—341. «Университетскій берейторъ Ольшанскій въ своемъ манежѣ образовалъ кавалерійскую школу и, по данному сигналу, выступилъ во главѣ ея изъ Кіева. Въ концѣ апрѣля разнеслась вѣсть, что въ окрестностяхъ Кіева (Бородянка) идетъ война польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками» и т. д. описаніе этого предпріятія (Моя жизнь, проф. Романовича-Славатинскаго, В. Европы 1903, № 5, 182—183).

[2]) См. Библіотека унив. (Учрежденія, стр. 309—334).

щики праваго берега, они проникнуты были атомизмомъ и распадались на маленькіе кружки—нѣжинцевъ, полтавцевъ. новгородсѣверцевъ, черниговцевъ и т. д. [1]). Не было у насъ никакихъ организацій: слова *сходка* въ студенческомъ лексиконѣ нашего времени совсѣмъ не было, не было ни кассы, ни библіотеки (послѣднія явились позже), ни общаго вожака. Выдѣлялась уже группа хлопомановъ—Чернышъ, Мельникъ, Носъ, но съ программой еще не опредѣлившейся [2]). Демократическіе элементы, напр. въ новгородсѣверской группѣ, уже были болѣе замѣтны въ русскомъ студенчествѣ, чѣмъ въ студенчествѣ польскомъ. Замѣтнѣе проглядывалъ и студенческій пролетаріатъ... Я не засталъ уже въ университетѣ, продолжаетъ авторъ воспоминаній, племянника ген.-губ. Бибикова, знаменитаго бурша и шалуна Сипягина [3]), о которомъ воспоминанія были еще такъ свѣжи, не засталъ и знаменитаго Котюжинскаго, обыгравшаго дочиста Листа, но засталъ много разсказовъ о немъ. Изъ аристократовъ я засталъ Судіенка и Ризнича, но демократы имѣли своихъ героевъ: поэта Рудольфа, силача Колесникова и др. [4]). Вообще, періодъ

---

[1]) «Впрочемъ нѣкотораго рода отчужденіе проявлялось между студентами—уроженцами лѣваго и праваго берега Днѣпра. Малороссіяне, въ особенности полтавцы и черниговцы, рѣдко сближались съ поляками. Между ними бывали иногда столкновенія, кончавшіяся по большей части посредничествомъ благоразумныхъ и развитыхъ товарищей, въ которомъ всегда почти добродушный юморъ малоросса бралъ верхъ надъ увлеченіемъ и заносчивостью поляка» (Зап. Селецкаго, VIII, 289—290).

[2]) Подъ вліяніемъ Шевченка многіе тогда стали писать малорусскіе стихи (В. Евр. 1903, № 1, стр. 169).

[3]) О немъ см. воспом. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 5, стр. 239—240). Бибиковъ былъ его опекуномъ. С-нъ, гр. М., Ризничъ К—скій и св. кн. Л—нъ принадлежали къ одному кружку; но послѣднему не позволялъ участвовать въ кутежахъ гувернеръ, сопровождавшій его даже въ университетъ на лекціи и просиживавшій на скамейкѣ вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ».

[4]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Европы 1903, № 1, стр. 168, № 2, стр, 623—624).

этотъ въ исторіи кіевской студенческой жизни называется «героическимъ», а потому и сохранилась о немъ масса анекдотовъ и разсказовъ. Къ этому времени, относится и «сонъ студента» 1849—50 (экзаменъ у Курдюмова, пом. дир. хирур. клиники, который читалъ лекціи только въ этомъ году),—стихотворное произведеніе, описывающее неудачный экзаменъ «кутилы-мученика», который смутился на испытаніи и провалился, хотя онъ признается, что:

Средь жизни буйной, разудалой,
Среди студенческихъ проказъ,
Видалъ опасность я не разъ
И не тревожился нимало
И не терялся никогда.

Онъ припоминаетъ свои подвиги:

Я помню, какъ въ былые годы,
Зажавши гривны двѣ въ кулакъ,
Я расколачивалъ обходы:
Но сердце не болѣло такъ,
Когда и въ карцеръ запирали
За эти штуки молодца,..

Предъ нимъ картина прошлаго:

Я помню какъ-то разъ...
Меня купцы въ полночный часъ
Порядкомъ притузить хотѣли,
Но одному я вышибъ глазъ;
Другой, бутылкой оглушенный,
Качался долго, какъ шальной;
А я отправился домой
Разбитый, но не побѣжденный.
И страхъ былъ чуждъ душѣ, моей;
Ему не было мѣста въ ней.

Его желанья небольшія. Онъ хотѣлъ бы попасть врачемъ въ захолустный уѣздный городъ:

Гдѣ добродушный городничій,
Блюститель нравовъ и приличій,
Какъ древній патріархъ живетъ
И мирный судъ для всѣхъ даетъ
По долгу совѣсти и чести.

. . . .

Гдѣ всѣ въ объятьяхъ сладкой лѣни
Живутъ спокойно день за днемъ,
Не зная свѣтскихъ треволненій,
И не заботясь ни о чемъ.
Туда-бъ хотѣлъ я поселиться
Въ тиши природу наблюдать,
Въ странахъ фантазіи носиться
И плотно ѣсть, и крѣпко спать.
Въ бесѣдѣ съ музой и ланцетомъ
Я былъ бы медико-поэтомъ
И жизнь чудесную-бъ повелъ...

Но блаженство сна его нарушено:

Всѣ ждутъ; вотъ входитъ тихо гордо
Деканъ своей походкой твердой.

Приходится предстать предъ факультетомъ,

Гдѣ предъ зерцаломъ вкругъ стола,
Вся знаменитость тутъ была:
Цыцуринъ, Беккеръ и Матвѣевъ,
И Караваевъ, и Козловъ,
Короче, чтобъ не тратить словъ—
Соборъ всѣхъ нашихъ корифеевъ,
Весь сокъ ученыхъ докторовъ.

. . . .

Пришлося тяжкій дать отвѣтъ
За всѣ прошедшія пять лѣтъ!
Они, увы! прошли безплодно—
И въ медицинѣ я дуракъ,
Разсудокъ шепчетъ мнѣ холодный:
Ну, что жъ? пускай себѣ и такъ!

Какъ много дураковъ отмѣнныхъ
Мы видимъ на мѣстахъ почтенныхъ [1]).

Общій уровень умственнаго развитія студентовъ былъ не высокъ. Научныя стремленія, любовь къ наукѣ и увлеченіе ею составляли рѣдкое исключеніе; большинство занималось, сколько это было нужно, чтобы сдать экзамены и получить какую нибудь степень. Но существовали переклички и за пропускъ лекцій полагался карцеръ. Въ бибиковское время форма студентская соблюдалась строжайшимъ образомъ. За разстегнутый крючекъ, за незастегнутую пуговицу иногда исключали изъ университета, казеннокоштныхъ медиковъ отдавали въ фельдшера, а словесниковъ и др. въ учителя приходскихъ училищъ (впрочемъ скоро и возвращали). Въ праздничные табельные дни студенты должны были быть въ мундирѣ, при треуголкѣ и шпагѣ. Однажды Бибиковъ посѣтилъ клиники, которыя были въ зданіи университета. Собравъ студентовъ-медиковъ, онъ сказалъ имъ: «вы, господа, пляшите, картежничайте, ухаживайте, но политикой не занимайтесь» [2]). Такова была его этическая программа, прибавляетъ современникъ. Правда, это была этика сомнительная; но за нее мы получили царское спасибо на смотру имп. Николая I въ сент. 1850 г. Сообщенное студентамъ Бибиковымъ и оправленное въ въ золоченую рамку, оно висѣло въ нашей сборной залѣ, пока не было разорвано студентами-поляками во время безпорядковъ въ 1861 г. При преемникѣ Бибикова (1863), кн. Васильчиковѣ, многіе участники безпорядковъ (не политическаго характера) были исключены изъ университета. Бибиковъ, замѣчаетъ тотъ же повѣствователь, вѣрно не поступилъ бы столь сурово, такъ какъ

---

[1]) (Кіев. Стар. 1892, № 4, стр. 128—139).

[2]) Очевидно существовало нѣсколько версій этой рѣчи. Въ зап. Солтановскаго она связана съ шуткой студентовъ «о спасеніи дѣвицы N. Б.», въ поминаніяхъ на субботней литургіи въ ц. «Всѣхъ скорбящихъ», гдѣ присутствовалъ и Бибиковъ, благосклонный тогда къ последней (К. Стар. 1897, № 10, стр. 011—12).

событіе это не нарушало его программы. Поляки, напротивъ, занимались политикой и занимались крѣпко» [1]).

Въ особенные дни, а именно въ день акта и высокоторжественные праздники, студенты должны были посѣщать богослуженіе въ лаврѣ, но не всѣ, а имѣющіе хорошіе мундиры. Съ ними ректоръ и прочее начальство ходили послѣ обѣдни на закуску къ митрополиту. Надзоръ въ эти дни, разумѣется, усиливался. Иногда предписывался общій походъ въ лавру и въ такомъ случаѣ посѣщеніе послѣдней было обязательно и для католиковъ, какъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ; но абсентеизмъ какъ неправославныхъ, такъ и православныхъ, имѣлъ нерѣдко мѣсто и вызывалъ напоминанія. Напр. въ спискѣ за 15 іюля 1849 г. встрѣчаемъ такія объясненія: одинъ не былъ въ церкви по неимѣнію шпаги, другой по неимѣнію панталонъ, а 5 студентовъ-католиковъ объявили, что они, по исповѣданію своему, располагаютъ быть въ католической церкви. Прежде было обязательно для студентовъ посѣщеніе лишь литургіи, но съ 1850 г. и прочихъ службъ православной церкви; а это снова сопровождалось разными замѣчаніями и взысканіями [2]).

---

[1]) Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго (В. Европы 1903, № 2, стр, 625—628).

[2]) Владимірскій-Будановъ, 510—521. Кромѣ названныхъ статей и трудовъ, для бытовой жизни университета имѣютъ интересъ: 1) Преданія о Рудольфѣ, студентѣ-гулякѣ и поэтѣ (Кіевлян. 1870, №№ 32 и 33); 2) Резановъ, послѣдній студентъ-рыцарь въ Кіев. унив. (ib. 1870, № 58); 3) Воспом. изъ унив. жизни конца 50-хъ годовъ (ib. 1876, №№ 85—88, 113, 115, 116); 4) Унив. воспом. (ib. 1865, №№ 3 и 5); 5) Эпизодъ изъ мѣстн. унив. жизни (1869, № 29); Записки студента (ib. 1871, №№ 148, 149); 6) Записки объ унив. жизни 1860—1874 гг. (1864, №№ 10, 12, 13, 19, 24, 27). Въ статьѣ подъ № 3—характеристика типовъ студентовъ: поляковъ, малороссовъ, евреевъ, семинаристовъ; ихъ быта (квартиры въ 3 р.); преобладаніе польскаго языка; ученіе—переклички, репетиціи и пр.; подъ № 5—разрывъ между русскими и польскими студентами; скандалы въ городѣ; первые признаки броженія (1861); рѣчь Пирогова къ студентамъ-полякамъ.

Событія 1848 г., вызвавшія новыя опасенія, сопровождались перемѣною министерства (кн. Ширинскій-Шихматовъ), ограниченіемъ университетской автономіи, подчиненіемъ учебнаго округа ген.-губернатору въ качествѣ попечителя (въ Харьковѣ это произошло еще въ 1847 г.), отмѣною преподаванія философіи и установленіемъ нормальнаго числа слушателей (300), которое, уменьшивъ количество послѣднихъ (а еще раньше повышеніе платы) на основныхъ факультетахъ [1]), не сократило, однако, ихъ общаго количества, такъ какъ на медицин. факультетъ (вслѣдствіе практическихъ и военныхъ потребностей) эта мѣра не распространялась: по прежнему польскій элементъ преобладалъ въ университетѣ (см. выше), какъ и оставалось до 1863 года [2]). Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ 1854 и 1855 гг. многіе изъ студентовъ, особенно малороссійскихъ губерній, по случаю формированія конныхъ казачьихъ полковъ, а студенты изъ южныхъ славянъ почти поголовно, ушли въ военную службу. Современникъ этихъ перипетій въ жизни университета говоритъ: «Плодомъ сильнаго умственнаго возбужденія съ одной стороны и строго-дисциплинарныхъ правилъ съ другой,—было въ массѣ учащагося

---

[1]) Стремились къ тому, «чтобы молодые люди, не получившіе въ домахъ бѣдныхъ и низкаго происхожденія родителей никакого наружнаго образованія и не вознаграждающіе сей недостатокъ отличными способностями, не принимались въ университетъ, дабы чрезмѣрнымъ, стремленіемъ къ высшимъ предметамъ ученія не поколебать нѣкоторымъ образомъ порядокъ гражданскихъ сословій, возбуждая въ юныхъ умахъ порывъ къ пріобрѣтенію роскошныхъ знаній, практическое приложеніе коихъ впослѣдствіи весьма часто, не подтверждаясь успѣхомъ, обманываетъ надежды недостаточныхъ родителей и мечтательное ожиданіе юношей», причемъ распоряженіе это должно было оставаться никому неизвѣстнымъ, кромѣ попечителя и ректора (К. Стар. 1898, № 12, стр. 76—80). Такъ узко смотрѣли въ то время на просвѣщеніе массы даже самые просвѣщенные изъ сановниковъ, когда въ средѣ служилаго класса царило полное невѣжество, а между тѣмъ въ самой мѣрѣ, рекомендуемой этимъ предписаніемъ, всецѣло имѣлась въ виду именно практическая цѣль.

[2]) Владимірскій-Будановъ, 623.

молодого поколѣнія (особенно на медицинскомъ фак.) ремесленное, механическое обученіе наукѣ, какъ ремеслу, и нравственное огрубѣніе среди кутежей, и только въ очень немногихъ избранныхъ, сильная внутренняя работа духа, которая хотя вырабатывала развитыя и энергическія натуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ готовила изъ нихъ озлобленныхъ враговъ общества и всякаго порядка» [1]).

Вообще, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ» [2]), замѣчаетъ одинъ изъ его старожиловъ. Гр. Уваровъ называлъ университетъ «умственною крѣпостью» [3]), которая, можно сказать, создавалась на виду другой, матеріальной крѣпости, располагавшейся на высотахъ Печерска. Старая академія служила своей спеціальной цѣли. Но на первыхъ порахъ между этими двумя умственными центрами, старымъ и новымъ, существовали еще точки весьма тѣснаго соприкосновенія.

Университетъ получилъ отъ академіи первыхъ насадителей философскаго міросозерцанія въ умахъ юношества; однако это не предохранило философію отъ погрома, нанесеннаго ей въ 1849 году [4]).

---

[1]) Шульгинъ (Др. и Н. Рос. 1879, II, 127).

[2]) Воспом. М. К. Чалаго (Кіев. Стар. 1889, № 12, стр. 508).

[3]) Владимірскій-Будановъ, 298.

[4]) Вотъ въ какомъ видѣ продставляетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи положеніе общеобразовательныхъ предметовъ въ настоящій переходный моментъ: «Кромѣ аккуратнаго посѣщенія университета, соблюденія формы, исправности въ пуговицахъ и чинопочитанія, обращено было строжайшее вниманіе на то, чтобы профессора, особенно исторіи, философіи и словесности, читали свои предметы, строго придерживаясь предписанной программы; не смѣли зарождать въ умахъ слушателей недовѣріе или неуваженіе къ существующему порядку. Проф. Селинъ изощрялъ все свое краснорѣчіе на древнихъ памятникахъ русской литературы, едва скользя по памятникамъ XVIII в. и не позволяя себѣ проникать въ XIX стол. Проф. всеобщ. исторіи Ставровскій читалъ фактически, по гимназическому, позволяя только себѣ подолѣе останавливаться на безобразіяхъ инквизиціи, индульгенцій, католическихъ монастырей и жизни и дѣяніяхъ папъ (по Ранке), а также щекоталъ нервы своихъ слушателей изображеніемъ

Но была еще не менѣе тѣсная связь, это нравственная—между ф. Брадке (попеч.) и Максимовичемъ (ректъ. унив.) съ ректоромъ академіи (1830—1837; еп. чигир.—1841) Иннокентіемъ (Борисовымъ). «Двери келлій моихъ всѣ и всегда для васъ отверсты», писалъ онъ Максимовичу; онъ часто звалъ его къ себѣ и навѣщалъ его. Онъ принималъ близкое участіе въ его трудахъ и предпріятіяхъ. «Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ и его длинная келлія въ Братскомъ мон., говоритъ Максимовичъ, вся заваленная книгами и газетными листами, и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный (по выраженію Гоголя) устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда, истомленный служебными дѣлами, и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душею и мыслью». Мысль объ изданіи альманаха «Кіевлянинъ» и планъ «Историческаго общества» въ Кіевѣ были рѣшены ими совмѣстно [1]). Когда университетъ былъ закрытъ (1839), Иннокентій убѣдилъ

гаремной жизни восточныхъ властителей и описаніемъ приготовленія къ брачной ночи дѣвицъ для персидскихъ царей. Новицкій прекрасно, толково и ясно излагалъ логику, психологію (онъ издалъ краткія и обширныя руководства этихъ предметовъ) и весьма сжато и сухо исторію философскихъ системъ древняго міра. Еще большею сухостью и туманностью отличалось изложеніе исторіи новыхъ философскихъ системъ Гогоцкаго. Но уже предполагалось упразднить эту каѳедру въ университетѣ. (Отрывки изъ зап. А. А. Солтановскаго, К. Стр. 1892, № 5, стр. 242—243; ср. еще о Новицкомъ, Кіев. Стар. 1899, № 3, с. 309) о фак., В. Г. Авсѣенка (Школьные годы. Ист. Вѣст. 1881, VI, 70—71, 734).

[1]) Письма о Кіевѣ, 10, 17, 76, 79, 88, 115; записки Карлгофъ (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 741). «У Максимовича при всѣхъ его литературныхъ достоинствахъ, не хватало настойчивости для совершенія какого-нибудь важнаго труда: онъ за все брался и ничего не кончалъ. Причиной этому вѣроятно было его разстроенное здоровье» (ревматизмъ во всѣхъ членахъ; а одной ногой онъ почти не владѣлъ и ходилъ на костыляхъ, ib. 740).

Максимовича написать записку въ его защиту и вызвался дать ей ходъ, а когда университетъ открыли раньше назначеннаго, то выражалъ свою радость по этому поводу [1]). Онъ принималъ дѣятельное участіе въ университетскихъ диспутахъ [2]) и подавалъ иногда здѣсь рѣшающій голосъ. «Онъ жилъ (позже) въ Михайловскомъ мон. (въ качествѣ и викарія) по сосѣдству съ нами, и мы почти ежедневно видались, пишетъ ф. Брадке. Глубокое и основательное знакомство съ нѣмецкими философами навлекало на него подозрѣніе въ свободомысліи; онъ былъ также вполнѣ знакомъ съ богословскими сочиненіями исповѣданій евангелическаго и католическаго и отзывался о нихъ съ большою ясностью, глубокомысліемъ и терпимостью. Его лекціи въ академіи слушались съ восторгомъ; сочиненія его переведены на многіе языки; но въ общественномъ отношеніи онъ отличался великимъ даромъ сообщать поучительное и образовательное направленіе бесѣдѣ даже съ самыми пустыми людьми: тутъ проявлялись сила и ясность его духа и кротость его характера. Онъ умѣлъ всегда сказать кстати рѣшительное и мѣткое слово. Въ санѣ архіепископа херсонскаго и таврическаго онъ снискалъ себѣ между прочимъ любовь и уваженіе старовѣровъ, съ которыми вступалъ въ открытыя пренія, держа св. Писаніе въ рукахъ. Наша лютеранская церковь въ Кіевѣ находилась въ печальномъ состояніи» [3]). Большое свѣтское общество Иннокентій принималъ иногда на дачѣ въ «Виѳаніи» (Ѳеофанія). «Находчивость ума, разнообразіе свѣдѣній, увлекательность въ выраженіи мыслей изумляли меня. Съ ген. Ридигеромъ (корп. командиръ) и другими, бывшими тутъ военными, онъ говорилъ о турецкой кампаніи, съ Бибиковымъ разсуждалъ объ администраціи края, съ другими говорилъ о политикѣ, съ дамами о литературѣ и поэзіи, даже коснулся французскихъ романовъ въ разговорѣ съ баронессой Фредериксъ, женой начальника штаба, очень

---

1) Письма о Кіевѣ, 86—87 (записка, 93—103); Карлгофъ, 741. Записка напеч. также въ Рус. Стар. 1902, № 6, стр. 610—616.

2) Домбровскаго и «поэта» Красова (Письма, 81—82).

3) Рус. Арх. 1875, I, 284—285.

модною дамой. Глубоко любилъ онъ природу» [1]). Объ этой послѣдней чертѣ свидѣтельствуетъ и Максимовичъ: «Иннокентій былъ великій любитель природы, говоритъ онъ, да и во мнѣ, кажется, полюбилъ онъ прежняго естествоиспытателя и сочинителя «Размышленій о природѣ» (50).

Академія мало оказывала вліянія на внѣшнія отношенія. И здѣсь первенствовала философія, отчасти въ лицѣ тѣхъ же представителей (Новицкій, Карповъ, Михневичъ, Авсеневъ; но исторія, и словесность не процвѣтали [2]), а богословіе и исторія русской церкви имѣли своихъ едва ли не самыхъ даровитыхъ представителей въ теченіе этого періода: Иннокентія Борисова, Димитрія Муретова, Макарія Булгакова. Послѣднему принадлежитъ обработка лекцій по исторіи русской церкви въ его обширномъ трудѣ и исторія Кіевской академіи до позднѣйшаго времени [3]). «Десять лѣтъ начальствованія его (Иннокентія), академіей, по словамъ м. Макарія, могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это была, если не самая лучшая, то самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника» [4]).

---

[1]) Зап. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, с. 737—738).

[2]) См. дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣстн. 1882, VII, 319, 338—341, преподаватели; ср. также, т. VIII и IX—черты обществ. жизни и духовенства). Иннокентій выражался, что нигдѣ въ Россіи философія не читается лучше, какъ въ Кіевской академіи (Девн. Аскоченскаго, VII, 337—338).

[3]) Иннокентій, архіеп. херсон. и таврич., 1800—1857, Н. М. Востокова (Р. Стар. 1878, тт. XXI—XXIII; 1879, т. XXIV); переписка и бумаги его, изд. Н. И. Барсовымъ (Хр. Чтеніе, Тр. К. Дух. акад., въ Чт. Общ. ист. 1884—87 гг.) и отд. (изъ Хр. Чт., 2 вв. 1887—88); Нѣскол. словъ объ архіеп. Иннокентіѣ Борисовѣ, его же (Хр. Чт., 1884, №№ 3—4; 1886, № 11—12; Библіогр. 1890, № 11); И. Стрѣльбицкаго (Тр. К. ак. 1889, № 8); Макарій Булгаковъ, м. московскій; Ѳ. Титова, т. I, К., 1895; Пятидесятилѣтній юбилей К. Д. академіи К. 1869 (въ немъ ист. зап. И. И. Малышевскаго).

[4]) Барсуковъ, VI, 404—405.

Въ 1856 г. въ духовн. акад. было учащихся 89, въ семин. 486 (Пам. кн. на 1858 г. 272). Акад. библ. заключала въ себѣ 12760 назв. въ 21415 том. (ib., 274).

XXI.

Открытіе учебнаго округа въ Кіевѣ почти совпало съ назначеніемъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова (1833—1848). До образованія округа въ трехъ западныхъ губерніяхъ училищъ оставалось всего 19. Всѣ они подлежали преобразованію по уставу 1828 г.; ни одно не имѣло ни полнаго состава, ни опредѣленной системы управленія и обученія; рѣдкое имѣло прочную осѣдлость, ожидая перевода съ одного мѣста въ другое. Учениковъ было мало: старые разошлись подъ вліяніемъ паническаго страха, новые приходили нерѣшительно и боязливо оглядываясь назадъ [1]).

Съ открытіемъ университета въ Кіевѣ, въ 1834 г., Высшая гимназія была преобразована по уставу 1828 г. и сравнена въ правахъ съ остальными гимназіями [2]). При ней учреждены были два благородныхъ пансіона: 1831—при гимназіи [3]); въ 1834—на Подолѣ. Въ 1836 г., при поддержкѣ ген.-губ. Левашова, хлопотавшаго объ умноженіи училищъ въ районѣ его края, изъ послѣдняго, Кіево-подольскаго пансіона, образована была 2-я гимназія [4]), ставшая губернскою и предназначавшаяся для вольно-приходящихъ воспитанниковъ; между тѣмъ, какъ первая продолжала сохранять характеръ закрытой,

---

[1]) Шульгинъ, Ист. унив., 30.

[2]) Въ связи съ этимъ содержаніе гимназіи въ 1833 г. отнесено на счетъ государственнаго казначейства; всѣ же доходы съ гимназич. капитала, составлявшаго тогда 740,683 р. ассигн., назначены были въ университетъ св. Владиміра, за исключеніемъ 31,000, опредѣленныхъ на содержаніе 2-хъ училищъ (Махновскаго и Радомысльскаго) и пансіона при гимназіи—21,528 р. с.

[3]) Онъ помѣщался въ Липкахъ, на углу Лютеранской и Левашовской уу., № 22 (Воспом. Ге, с. 55).

[4]) Н. С. Тумасовъ, Истор. Кіев. 2-й гимназіи (К. Стар. 1902, № 1, с. 40). Открыта на суммы съ доходовъ отъ имѣній упраздн. въ 1832 г. р.-католическ. монастырей и на средства, собранныя по подпискѣ (41).

дворянской гимназіи и была преобразована на общихъ основаніяхъ, въ 1860 г.

Въ 1835 г., предъ прибытіемъ импер. Николая въ Кіевъ, составлены были статистическія свѣдѣнія объ учебныхъ заведен. въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. Свѣдѣнія эти представляются въ слѣдующемъ видѣ: университетъ св. Владиміра съ 123 учащимися; лицей кн. Безбородка въ Нѣжинѣ съ 170 воспитанниками. Въ Кіевской губ. 1 гимназія (губернская) съ 591 учащимся; уѣздныхъ училищъ въ губерніи—4 съ 324 уч.; приходскихъ училищъ 12 съ 251 уч. муж. пола и женскихъ 7 съ 196 уч. Въ Волынской губ.—2 гимназіи, Житомирская (губернская) съ 320 уч., и Клеванская съ 254 уч.; уѣздныхъ училищъ 4 съ 266 уч.; приходскихъ 19 съ 351 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ женскихъ пансіоновъ 3 съ 48 учащ. Въ Подольской губ. 2 гимназіи: Каменецъ-Подольская (губернская) съ 210 уч. и Винницкая съ 322 уч.; уѣздныхъ училищъ 2 съ 146 уч., приходскихъ училищъ 3 съ 237 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ пансіоновъ мужск. 2 съ 19 учащ. и женскихъ 4 съ 47 учащимися.—Въ Черниговской губ. 2 гимназіи: Черниговская (губернская) съ 160 уч. и Новгородъ-Сѣверская съ 268 уч., уѣздныхъ училищъ 17 съ 1005 уч. (въ томъ числѣ Александровское греческое въ Нѣжинѣ); приходскихъ училищъ 17 съ 669 уч. (всѣ муж. пола); частныхъ пансіоновъ не было.

Итого во всемъ округѣ было: 2 высшихъ учебныхъ заведенія съ 293 уч., 7 гимназій съ 2135 уч., 27 уѣздныхъ училищъ съ 1741 уч., 51 приходское училище съ 1508 уч. муж. пола и 94 женскаго; 5 частныхъ мужск. пансіоновъ съ 131 уч. и 14 женскихъ въ 291 уч. Такимъ образомъ всѣхъ учебныхъ заведеній было 106, всѣхъ учащихся—5808 муж. пола и 385 жен.[1]). Въ частности въ Кіевѣ показаны: кіево-подольское уѣздное училище со 162 уч., 4 приходскихъ училища: кіево-печерское мужское ланкастерское съ 45 уч., кіево-печерское дѣвичье съ 42 уч., кіево-

---

[1]) Брадке говоритъ, что онъ принялъ 2000 воспитанниковъ, а своему преемнику оставилъ 12000.

подольское муж. съ 47 уч. и кіево-подольское женское съ 52 уч.; 5 частныхъ пансіоновъ; мужской съ 20 уч. и 4 жен. съ 140 уч. [1]). Всего въ Кіевѣ 12 среднихъ учебныхъ заведеній съ 882 уч. муж. пола и 164 женскаго [2]).

Въ 1836 г., какъ сказано выше, была учреждена 2-ая гимназія съ пансіономъ при ней, сначала помѣщавшаяся на Подолѣ, а затѣмъ переведенная въ верх. часть города и, до отстройки собственнаго зданія, размѣщавшаяся въ частныхъ домахъ. Первымъ дир. ея былъ И. П. Милашевичъ, воспитан. Педаг. института [3]), а съ 1839—1848 г. проф. С. О. Богородскій [4]). Одинъ изъ воспитанниковъ

---

[1]) Муж. панс. Коваленкова (на Старомъ городѣ); женскіе—Тютэ съ 65 учениц., Залѣской (образцовый) съ 40 учащ. (на Старомъ гор.) и Смирновой съ 24 учащ. (на Подолѣ). О панс. Тютэ (Р. Стар. 1904, № 6, с. 627). О пансіонѣ въ Златополѣ (Кіевск. Стар. 1901, № 3, с. 151).

[2]) Нѣсколько данныхъ о состояніи Кіев. учебн. окр. въ 1835 г.. В П. Науменка (К. Стар. 1890, № 1; 127—130).

[3]) Въ началѣ 2-ю гимн. имѣлось въ виду помѣстить на мѣстѣ усадьбы Бѣгичева, предоставленной потомъ институту благ. дѣвицъ. Поэтому часть гимназіи (первыя отдѣленія) помѣщались противъ Царск. сада въ д. Гербеля (н. № 43), а другая (вторыя отдѣленія) въ Липкахъ въ д. Коробки, затѣмъ въ д. Киселевскаго, нынѣ Попова (уг. Лютер. у. и Крещатика), Бринкена, (№ 31) и Верхаловскаго (№ 43), на Крещатикѣ (домъ теперь новый). Затѣмъ парал. отд. были переведены въ дд. Матросова, Иржикевича (на Лютеранск. ул.). и Головни. Для гимназіи былъ отстроенъ новый домъ, предоставленный тогда же кадет. корпусу, а по возведеніи для него постройки (1857)—1-й гимназіи. Поэтому 2-я гимназія была помѣщена въ д. Козлова (нынѣ военно-окружной судъ), пока не было построено новое зданіе, въ настоящей усадьбѣ по Бибиков. бульв., въ 1856 г. (ib., 45—46; № 4, с. 137; Р. Арх. 1899, с. 247). Содержаніе учениковъ въ пансіонахъ обходилось 90—120 р., на частныхъ квартирахъ 70—300 р. По оффиціальнымъ даннымъ $^2/_5$ воспитанниковъ въ каждой гимназіи «недостаточнаго состоянія до такой степени, что значительная часть не можетъ пріобрѣсть книгъ для обученія за деньги» (К. Стар. 1900, № 3, стр. 141—142).

[4]) Противоположные взгляды на его управленіе (Шульгинъ, 76; Тумасовъ, Ист. Кіев. 2-й гимн., К. Стар. 1902, № 6, с. 449—452).

первой гимназіи 40-хъ годовъ съ большой похвалой отзывается о своихъ учителяхъ: по математикѣ Гренковѣ и Тихомандрицкомъ, по русской словесности Арсеньевѣ,—большомъ поклонникѣ Жуковскаго, и особенно о Костомаровѣ, разсказы котораго приковывали вниманіе учениковъ, не исключая и поляковъ. Ученики охотно занимались музыкой и многіе изъ поляковъ отлично играли на фортепіано. Съ такой же похвалой авторъ говоритъ о директорѣ Ал. Гр. Петровѣ (сынѣ названнаго раньше), назначенномъ уже Брадке [1]) и о которомъ одинъ изъ дѣятелей той же эпохи выражается, какъ «о блестящемъ молодомъ человѣкѣ по образованію, уму и службѣ» [2]). Наши враги были надзиратели, говоритъ Ге; тутъ были всякіе люди: былъ французъ, котораго любимое занятіе было говорить о гадостяхъ; нерѣдко онъ былъ пьянъ; былъ одинъ швейцарецъ, старый, въ парикѣ, большой чудакъ, былъ грекъ, одинъ полякъ, нѣмецкій еврей и даже одинъ графъ; но ни объ одномъ ничего нельзя сказать—самое лучшее забыть. У насъ были въ ходу наказанія ѣдой; были такіе уче-

---

Послѣ него директорами были: Н. М. Трахимовскій (—1850), Н. А. Ригельманъ (—1853), Е. П. Стеблинъ-Каменскій (—1854), Н. М. Гренковъ (—1860). Ист. Кіев. 2-й гимн. (К. Стар. 1902, № 4, с. 141—144); Первые годы Кіев. 2-й гимназіи, Слѣпушкина. Въ началѣ 1836 г. въ ней было 246 уч., а въ концѣ 354, изъ коихъ 308 поступило изъ 1-й гимназіи (ibid, № 1, с. 42); въ 1845 г.—453. Въ 1856 г. въ ней числилось уже 586 учен. (Памят. кн. на 1858 г., 271); а въ 1860—659 (Андріяшевъ, 81).

[1]) Кіев. 1-я гимн. въ сорок. годахъ (Сборн. въ пользу недост. студ. унив. св. Владиміра), 52—65; зап. ф. Брадке (Р. Арх. 1875, I, 275); ср. зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, LVIII, 276: «директоръ былъ умный и просвѣщенный человѣкъ»).

[2]) Зап. Сбитнева (К. Стар., т. XVII; с. 307). Преемникомъ А. Г. Петрова (—1850) былъ А. П. Любимовъ (—1857). Позже выдавались преподаватели: матем. Рощинъ, физики Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, естеств. наукъ— В. П. Девьенъ (Андріяшевъ, 102); словесности—А. П. Иноземцевъ и латин. яз.—И. Я. Ростовцевъ (Школьные годы, В. Г. Авсѣенка, Истор. Вѣстн. 1881, IV, 716. 729).

ники, которые оффиціально никогда не обѣдали. При 1-й гимназіи былъ частный панс. француза Гедуэна на 15 учен., считавшійся лучшимъ въ городѣ. «Не смотря на раздѣленіе насъ на двѣ національности, на поляковъ и русскихъ, вражды у насъ не было и этотъ вопросъ насъ совсѣмъ не занималъ. Насъ занималъ вопросъ о крѣпостныхъ. У насъ были слуги, крѣпостные родителей, которыхъ въ видѣ охраны дѣтямъ даже отъ начальствъ посылали родители. Они были вмѣстѣ съ тѣмъ слуги въ пансіонѣ, т. е. всѣхъ. И вотъ по поводу этихъ слугъ у насъ шли споры, среди насъ хотя немного, но были угнетатели слугъ (это—будущіе крѣпостники). Въ «Колоколѣ» Герцена я встрѣтилъ имя одного изъ такихъ нашихъ товарищей—вотъ имъ и доставалось отъ большинства послѣднихъ—за дурное обращеніе со слугами» [1]).

---

[1]) См. воспом. Ге (53) и зап. Солтановскаго (К. Стар. 1892, № 4, с. 75). Число учащихся въ 1-й гимназіи было: въ 1831 г.—320; въ 1835—586; въ 1837—279; въ 1847—300; въ 1849—260; въ 1850—216; въ 1856—213. Число выб. до окончан. курса: въ 1831—45; въ 1837—110; въ 1847—12; въ 1849—27; въ 1856—40. Число выб. по оконч. курса: 1831—16; 1837—14; 1849—51; 1856—22. Съ 1837 г. количество учениковъ падаетъ вслѣдствіе учр. 2-й гимназіи и перевода въ нее вольноприход. учен. 1-й гимназіи. Въ 40-хъ годахъ опять увеличивается, вслѣд. запрещ. принимать въ ун-тъ лицъ домашняго воспитанія и запрещенія учащимся жить по частнымъ квартирамъ, а также развитія системы закрытыхъ заведеній во всемъ Кіевскомъ окр. (Отчетъ Кіев. уч. окр. 1849 г.). Съ 1850 г., запрещеніе относительно помѣщенія на частныхъ квартирахъ ослабѣваетъ, а въ 1856 г. совсѣмъ отмѣняется, а также и запрещеніе принимать въ ун. неокончившихъ курса гимназіи. До 1837 г. 1-я гимн. состояла изъ благ. панс., фундушеваго конвикта, а съ 1838 г. и *училища землемѣровъ*. Въ 1837 г. учр. былъ 2-й благ. панс., а въ 1847 и 3-й (съ которымъ соедин. былъ и фунд. конвиктъ) «исключительно для гоноровыхъ пановъ съ очень почтенною платою и такою же обстановкою» (Шульгинъ, 128). Въ 1850 г. закрытъ былъ 2-й панс., а въ 1851 г. уч. землемѣровъ переведено во 2-ю гимн., а вслѣд. постояннаго уменьшенія своекошт. пансіон., въ 1861 г. гимназія была обращена въ открытое заведеніе (Андріяшевъ, 43, 82—83). Ученики обязаны были въ извѣстные дни говорить по-французски и по-нѣмецки (52).

Въ числѣ преподавателей 2-й гимп. были: извѣстный экономистъ И. В. Вернадскій, К. И. Гиршъ, трудившійся надъ исторической географіей Россіи, А. А. Николаевскій, воспит. Кіев. академіи, составившій учебникъ «исторіи русской литературы», одобренный факультетомъ, В. Я. Шульгинъ, И. В. Лашнюковъ, И. О. Самчевскій, извѣстный нѣсколькими статьями и участіемъ въ изданіи памятниковъ Кіев. арх. ком.—всѣ историки; В. А. Унтиловъ, З. Ф. Коробкинъ, А. И. Селинъ и М. К. Чалый—по исторіи словесности и русскому языку, Линовскій, Роговичъ—математики, Юскевичъ-Красковскій по латинскому яз. и др. [1]). Начало новаго учебнаго заведенія было омрачено, однако, печальнымъ эпизодомъ. Въ 1837 г. изъ учениковъ 2-ой гимп. и печерскаго училища (числомъ 11) образовалась, подъ предводительствомъ посторонняго лица, воровская банда, грабившая въ контрактовомъ домѣ магазины, а въ домѣ фельдм. Сакена похитившая сундукъ съ деньгами и цѣнными вещами, распродававшая ихъ и предававшаяся полному разгулу. Почти всѣ они подверглись тѣлесному наказанію и были исключены. Въ донесеніяхъ того времени мы постоянно встрѣчаемся съ весьма тяжкими пороками учениковъ, свидѣтельствующими о низкомъ уровнѣ среды, въ которой имъ приходилось вращаться [2]). Требованія относительно формы и внѣшней дисциплины поддерживались въ среднихъ уч. заведеніяхъ не менѣе строго, чѣмъ въ университетѣ, составляя предметъ заботъ не только своего начальства, но и высшей власти; а такъ наз. *субботники* вполнѣ процвѣтали и, вѣроятно превосходили систему наказаній, существовавшую въ иныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ того времени; по крайней мѣрѣ имена многихъ изъ педа-

---

[1]) К. Стар. (Тумасовъ), 1902, № 4, стр. 146, № 6, 153—154. Къ концу періода требованія русскаго языка были усилены (№ 3, с. 390) и обязанность эта возлагалась на университетъ, которому, какъ поставленному во главѣ здѣшняго народнаго образованія, вмѣнялось «возстановить, утвердить и усовершенствовать это основное начало отечественной народности».

[2]) К. Стар. 1902, № 5, с. 264—66. О 2-й гимн. также воспом. Н. Д. Богатинова (Р. Арх., 1899, № 6, с. 247—52).

гоговъ этого порядка до сихъ поръ сохраняются въ памяти потомковъ; а изобрѣтательность ихъ въ наказаніяхъ доходила до виртуозности. «Въ мое время никто не возмущался такими наказаніями», прибавляетъ Ге[1]). Но усердные исполнители требованія дисциплины доводили его до крайности. Въ 1849 г. Бибиковъ писалъ: «строго наблюдать, чтобы воспитанники занимались и играли всегда разстегнутые, такъ какъ сжатіе одеждой груди въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ можетъ имѣть вредное вліяніе на развитіе физическихъ силъ». Въ 50-хъ годахъ въ среднихъ[2]) учебныхъ заведеніяхъ введена была маршировка и военная выправка[3]). Увидавъ гимназистовъ, импер. Николай велѣлъ срѣзать воротники, подпиравшіе голову, чтобы дать свободу головѣ[4]).

Всѣ мѣры, предпринятыя въ разсматриваемомъ періодѣ, выясняютъ вполнѣ основную мысль законодателя—сдѣлать гимназіи исключительно мѣстомъ для образованія дворянскаго сословія. Къ причинамъ назначенія гимназій преимущественно для дворянъ служило и то обстоятельство, что съ 1827 г. поприще службы гражданской открыто было главнѣйшимъ образомъ дворянскому сословію[5]); а такъ какъ идея законодателя не всѣми была по-

---

1) Воспоминанія, 54, 63—64. Директоры, инспекторы и надзиратели часто назначались, а послѣдніе преимущественно изъ воен. лицъ (Ге, с. 62, К. Ст. 1902, № 1, с. 43; № 4, с. 150 и др.). Въ 1834 г. сдѣлана попытка ввести польскій яз., но была отклонена министерствомъ (К. Стар., 1902, № 4, с. 44). Впрочемъ, въ то время, какъ оффиціально говорилось (Отчетъ, 1848) объ успѣхахъ русскаго языка въ краѣ, было установлено умноженіе домашнихъ польскихъ школъ (Др. и Н. Рос. 1879, II, 129—130). Поч. попечителями въ учебн. заведеніяхъ обыкновенно бывали польскіе магнаты.

2) К. Стар. 1902, № 3, с. 391.

3) Ibidem, 1892, № 5, с. 246.

4) Воспом. Ге, 64. Распоряженія попеч. Давыдова о соблюденіи формы (К. Стар. 1900, № 12, с. 147—148).

5) Въ 1834 г. окончившимъ курсъ въ гимназіи въ западныхъ губерніяхъ, за успѣхи въ русскомъ языкѣ, предоставляется право на

нята и не вездѣ была приведена въ исполненіе, то въ 1837 г. признано было необходимымъ еще точнѣе и положительнѣе, особымъ постановленіемъ выразить новыя начала. Въ постановленіи этомъ прямо сказано, что «смѣшеніе состояній въ однихъ и тѣхъ же училищахъ нарушаетъ порядокъ соразмѣрности въ степеняхъ ученія и вводитъ противорѣчіе въ гражданскомъ положеніи лица съ умственнымъ его образованіемъ». Въ предупрежденіе вредныхъ послѣдствій, отъ сего произойти могущихъ, предписано было строгое соблюденіе условій принятія въ училища, сообразно предназначенію каждаго рода ихъ. Въ силу этого постановленія, подтвержденнаго въ 1852 г. запрещеніемъ принимать въ гимназію Кіевской, Подольской и Волынской губерній дѣтей податныхъ состояній, мало-по-малу установился порядокъ, по которому крестьяне пользовались одними приходскими училищами, а дворяне гимназіями. При этомъ, параллельно съ развитіемъ идеи о гимназіи, какъ о заведеніи, предназченномъ для образованія дворянскаго сословія и приготовленія воспитанниковъ къ служебному поприщу, развивается учрежденіе благородныхъ пансіоновъ при гимназіяхъ [1]).

«Благородное юношество, писалъ С. С. Уваровъ, въ оффиціальномъ отчетѣ въ 1843 г., лучшій цвѣтъ возрастающаго поколѣнія, предназначеннаго самимъ происхожденіемъ своимъ и способами жизни къ занятію важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, долженствовало по возможности имѣть и воспитаніе отдѣльное. Раздѣляя въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ выгоды публичнаго образованія съ юношествомъ другихъ свободныхъ сословій, оно получило еще и особые способы къ воспитанію: въ Москвѣ въ дворянскомъ институтѣ, въ С. Петербургѣ и Кіевѣ—въ опредѣленныхъ на то гимназіяхъ, въ Вильнѣ—въ

чинъ XIV класса; а съ 1849 г. обучающіеся въ гимнязіяхъ съ 4-го класса раздѣляются на два отдѣленія: готовящихся въ университетъ и въ службу, съ замѣною для послѣднихъ латинскаго языка русскимъ законовѣдѣніемъ.

[1]) Андріяшевъ, Истор. статист. обозр. 50-лѣтняго существов. Кіевск. 1-ой гимназіи, К. 1862, с. 36--40.

дворянскомъ институтѣ; въ другихъ же городахъ—въ благородныхъ пансіонахъ, заводимыхъ не только при гимназіяхъ, но и при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ.

«Съ самаго начала вступленія моего въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я обратилъ вниманіе попечителей учебныхъ округовъ, гражданскихъ губернаторовъ и предводителей дворянства на эти полезныя учрежденія. Я объяснилъ имъ въ подробности прямую цѣль пансіоновъ, которые по преимуществу должны сосредоточивать въ себѣ благородное юношество, но при всемъ томъ не даютъ окончательнаго образованія молодымъ людямъ, а только приготовительное къ слушанію лекцій университетскихъ. Сіи внушенія не замедлили принести плоды самые утѣшительные.

«Дворянство съ готовностью приняло на себя обязанность устроить и содержать своимъ иждивеніемъ благородные пансіоны и нынѣ число ихъ возрасло уже до 46... Воспитаніе, даруемое такимъ образомъ юношамъ, не оставлено безплоднымъ для тѣхъ губерній, въ которыхъ юношеству доставляется ученіе на счетъ казны или жертвуемыхъ дворянскимъ сословіемъ суммъ... Сословію купеческому, мѣщанскому и, по мѣрѣ возможности, самымъ поселянамъ открыты приличные способы къ образованію, сообразному съ ихъ потребностями, образами жизни и положеніемъ въ государствѣ. Имъ, особенно двумъ первымъ классамъ, предоставлено пользоваться ученіемъ въ приходскихъ, уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ; дѣтямъ почетныхъ гражданъ открытъ безпрепятственно, наравнѣ съ дворянскими, доступъ къ университетскимъ курсамъ. Не принимая на себя обязанности учреждать на свой счетъ учебныя заведенія для мѣщанъ и поселянъ тамъ, гдѣ въ самыхъ жителяхъ еще не пробудилось стремленіе къ образованію, правительство разрѣшаетъ открывать приходскія училища всюду, гдѣ это желаніе развивается успѣхами промышленности и другими мѣстными причинами. Съ своей стороны оно обезпечиваетъ содержаніе 51-го изъ нихъ ежегоднымъ назначеніемъ достаточныхъ на то суммъ. Не исключая даже лицъ крѣпостнаго состоянія отъ участія въ благотворныхъ плодахъ знаній

и просвѣщенія, министерство, однако, считало необходимою обязанностію для себя привести ихъ въ мѣру истинныхъ нуждъ и прямой пользы умственной и нравственной людей этого сословія. Объемъ ихъ обученія ограниченъ одними приходскими и уѣздными училищами. Переходъ изъ низшихъ въ среднія учебныя заведенія, а изъ сихъ въ высшія, вездѣ и для всѣхъ состояній, подчиненъ опредѣлительнымъ правиламъ, всегда соблюдаемымъ въ точности, въ отношеніи же къ людямъ крѣпостнаго состоянія эта строгость еще болѣе усилена: они не иначе допускаются въ эти заведенія, какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія. Мѣщанъ, свободныхъ поселянъ, вообще людей податнаго состоянія разрѣшено допускать въ высшія учебныя заведенія и даже университеты, но не иначе, какъ по представленіи ими свидѣтельствъ объ увольненіи изъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они принадлежатъ» [1]).

Политическое положеніе Юго-Западнаго края вызвало полное сочувствіе этой системѣ со стороны главнаго его начальника. Закрытыя учебныя заведенія Бибиковъ почиталъ «важнѣйшимъ пособіемъ къ утвержденію воспитанія на незыблемыхъ нравственныхъ началахъ», и потому, по его собственнымъ словамъ, система этихъ заведеній въ подчиненныхъ ему губерніяхъ

---

[1]) Десятилѣтіе мин. нар. просвѣщенія 1883—1843, Спб. 1864, стр. 8—12.

Въ 1847 г., въ запискѣ, представленной государю, во время пребыванія его въ Кіевѣ, Бибиковъ писалъ: «По моему мнѣнію было бы полезно образованію молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ дать направленіе болѣе матеріальное, которое, занимая умъ ихъ знаніями положительными, не давало бы времени воображенію отвлекать ихъ отъ полезныхъ занятій. Для сего нужны только нѣкоторыя преобразованія, особенно въ курсахъ гимназій и училищъ; тогда можно надѣяться, что мечтамъ о народности, о самостоятельной Польшѣ и пр. не было бы мѣста: дѣятельность матеріальная уничтожила бы обманы воображенія и успѣхи на этомъ поприщѣ увлекли бы всѣхъ и каждаго» (Шульгинъ, 125). Впослѣдствіи была признана вредная сторона этой сословной отчужденности (Барсуковъ, X, 264, 270, 259).

была доведена «до тѣхъ предѣловъ, которыхъ нельзя переступить, не касаясь правъ родителей надъ дѣтьми». И вотъ на постройку зданій для закрытыхъ заведеній дворянство 3-хъ губерній приглашено было жертвовать по 3 коп. съ души въ теченіе 12 лѣтъ. Сверхъ того, графы Браницкіе и гр. Б. Потоцкій построили на свой счетъ закрытыя гимназіи въ Бѣлой церкви и Немировѣ, гр. Пржездецкій—училище въ м. Черномъ-Островѣ, кн. Любомирскій и гр. Злотницкій пожертвовали дома: первый для гимназіи въ Ровно, второй—для училища въ Радомыслѣ. Вообще, закрытыя гимназіи (съ пансіонами или общими квартирами) устроены были: въ Кіевѣ (двѣ), Каменцѣ, Житомирѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Бѣлой церкви, Немировѣ, Ровно, Винницѣ, Нѣжинѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, и уѣздныя училища въ Черномъ-Островѣ, Златополѣ, Меджибожѣ и Ромнахъ [1]). Въ 1852 г. въ закрытыхъ заведеніяхъ изъ 9765 учащихся помѣщалось 1800, т. е. $^1/_9$ всѣхъ учащихся [2]). Д. Г. Бибиковъ въ непосредственное вѣдѣніе котораго съ 1848 г. перешелъ учебный округъ, стремился «водворить въ училищахъ вообще и особенно въ университетѣ св. Владиміра тотъ нравственный духъ покорности, который, по словамъ его доклада, представленнаго въ 1850 г., долженъ служить основою нашего отечественнаго воспитанія». А на сколько это удалось ему, можетъ служить подтвержденіемъ свидѣтельство одного современника, описывающаго сцену прощанія бывшаго начальника края съ дворянствомъ:

---

[1]) Десятилѣтіе, 42—43; Шульгинъ, Юго-Западный край, 124—125. При университетѣ св. Владиміра также устроены были общія квартиры (см. выше).

[2]) Къ 1845 г. всѣхъ учащихся въ Кіевѣ было 3546, муж. п. 3253, жен. п. 293 (Фундуклей, I, 450); въ 1856—3803 (муж. 2991, жен. 812), не считая дух. уѣзд. учил. (2) до 800 учен. и батал. кантон. 3619 (Пам. кн. 1858 г., с. 271—273). Въ частности, кромѣ гимназій, въ уѣзд. двор. учил. 83, уѣзд. (подольск.) 41; 6-ти приход. 190, въ 2-хъ дѣт. пріютахъ—55, част. муж. панс. (Гедуэна и Вейля)—38, муж. школѣ—43. Первый изъ нихъ—въ Липкахъ, второй на Ст. городѣ (н. Фунд. ул.).

«Въ большой актовой залѣ университета послѣ торжественнаго молебствія собраны были воспитанники кіевскихъ гимназій. Вошелъ ген. губернаторъ въ сопровожденіи болѣе 30 предводителей дворянства трехъ губерній, съѣхавшихся тогда въ Кіевъ. Все это было облечено въ полную мундирную форму. Началась команда ученикамъ: «ложись, вставай, спи, храпи, садись». Когда всѣ эти приказанія безъ словъ, послушно, какъ однимъ человѣкомъ, выполнены были цѣлою массою молодого поколѣнія—генер. губернаторъ обратился къ предводителямъ дворянства и, устремивъ на нихъ свой, многимъ памятный, взглядъ, сказалъ: «смотрите, вотъ, что значитъ повинованіе—и вотъ какъ я учу дѣтей вашихъ! Довольны ли вы?»—«И вся эта масса шитыхъ дворянскихъ мундировъ въ безмолвіи отвѣсила низкій поклонъ передъ оригинальнымъ наставникомъ въ повиновеніи», говоритъ историкъ событій [1]).

Преемнику Бибикова кн. Васильчикову [2]) приходилось уже наставлять о недостаточности «однѣхъ полицейскихъ мѣръ», «о необходимости нравственной власти», чтобы имѣть вліяніе «на умъ и сердце учениковъ», а эти качества пріобрѣтаются разумными требованіями, справедливостью и благодушіемъ съ ними. Съ дѣтьми прежде всего надо быть добрымъ... Боже сохрани уничтожать въ дѣтяхъ чувство ихъ нравственнаго достоинства. Теперь говорилось (а это было еще въ 1853 г.): «тѣлесное наказаніе допускается какъ необходимая крайняя мѣра, безъ которой *всевозможно должно* стараться обходиться. По числу тѣлесныхъ наказаній въ заведеніи можно *безошибочно заключить о его неудовлетворитель-*

---

[1]) Шульгинъ стр. 111.

[2]) «Убѣжденный аристократъ князь Васильчиковъ (1852—62 ген. губ.) былъ истиннымъ антиподомъ демократа Бибикова: если послѣдній заботился объ интересахъ крестьянъ, то главной заботой перваго было оберегать интересы мѣстнаго дворянства. Подъ охраной такой политики зрѣла мысль о возстановленіи Рѣчи Посполитой въ самыхъ стародавнихъ предѣлахъ» и т. д. (Моя жизнь, Романовича-Славатинскаго, В. Европы 1903, № 5, с. 182). Васильчиковъ—«человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ», по выраженію Бибикова.

номъ состояніи, а удаленіе изъ заведенія онъ считалъ такою мѣрою, которая не можетъ быть приведена въ исполненіе безъ подробныхъ каждый разъ свѣдѣній о всей школьной жизни воспитанника, представляемыхъ на его усмотрѣніе [1]) И ученикъ повстрѣчавшійся въ разстегнутомъ мундирѣ съ кн. Васильчиковымъ, на его вопросъ, могъ уже отвѣтить: «теперь не то, что было; нашъ князь очень добръ и навѣрное проститъ» [2]).

Женское воспитаніе въ западныхъ губерніяхъ также не было оставлено безъ вниманія, въ связи съ развитіемъ общей системы. Но преобразованіе его вначалѣ встрѣчало преграды особаго рода: съ давнихъ поръ жители этого края привыкли видѣть образованіе своихъ дочерей въ рукахъ нѣкоторыхъ женскихъ монашескихъ орденовъ, которые въ этомъ занятіи полагали исполненіе своего церковнаго обѣта и способы къ существованію. Не легко было преодолѣть вмѣстѣ и народныя предубѣжденія, и религіозныя чувства. Не смотря, однако, на эти затрудненія, заведенія министерства вскорѣ наполнились воспитанницами и достигли процвѣтанія. Благородный институтъ въ Бѣлостокѣ занялъ первое мѣсто между этими учрежденіями. Затѣмъ послѣдовали такіе же институты въ Кіевѣ и близъ Могилева (на дачѣ Пипенбергъ) и рядъ образцовыхъ частныхъ пансіоновъ въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Гроднѣ, Вильнѣ. Подобные же пансіоны возникаютъ въ Кіевѣ, Житомирѣ, Винницѣ, Каменцѣ, Ровно и др. Содержательницами такихъ пансіоновъ назначались русскія, преимущественно бывшія воспитанницы институтовъ. Во всѣхъ частныхъ дѣвичьихъ пансіонахъ введено было преподаваніе русскаго языка. Въ 1840 г. всѣ монастырскія училища въ западномъ краѣ были закрыты и отпускавшаяся на нихъ изъ фундушеваго капитала сумма обращена на устройство свѣтскихъ женскихъ учебныхъ заведеній [3]).

---

[1]) К. Стар. 1902, № 3, стр. 391—394.

[2]) Шульгинъ, Ю. З. край, 116, 117, 123.

[3]) Десятилѣтіе мин. нар. просв. 43—44. Матеріалы для исторіи женск. образованія въ Россіи (1828—1856), Е. Лихачевой, 26.

Мысль объ учрежденіи института въ Кіевѣ возникла еще въ 1833 г. Кіев. ген. губ. гр. Левашовъ, въ своемъ представленіи государю, писалъ, что, присмотрѣвшись къ образу жизни мѣстнаго населенія, особенно высшихъ его слоевъ,и тщательно наблюдая за образомъ мыслей жителей Юго-Западнаго края, онъ пришелъ къ заключенію, что ни въ училищахъ этого края, ни въ семействахъ никто не стремится къ пріобрѣтенію полезныхъ для общества знаній, никто не заботится о нравственномъ себя усовершенствованіи; «одно только упражненіе ума пріятными искусствами, писалъ онъ, составляетъ цѣль образованія; отъ сего гражданскія добродѣтели и государственныя обязанности остаются въ небреженіи или затмеваются превратными понятіями». Для борьбы съ такими понятіями гр. Левашовъ считалъ необходимымъ поощрять жителей края къ воспитанію дѣтей въ общественныхъ заведеніяхъ и «примѣрному въ нихъ образованію». Но еще болѣе необходимымъ, чѣмъ воспитаніе юношей, онъ считалъ «нравственное и сообразно пользѣ общественной умственное образованіе будущихъ матерей семействъ», мотивируя это тѣмъ, что «владычество ихъ надъ сердцами и умами мужей и дѣтей своихъ все производитъ».

Такого же мнѣнія о необходимости правительству взять въ свои руки женское воспитаніе въ юго-западныхъ губерніяхъ былъ и попечитель Кіевскаго учебнаго округа фонъ-Брадке, который, во время своей ревизіи училищъ въ Подольской и Волынской губ., вынесъ убѣжденіе, что женщины въ западномъ краѣ питаютъ фанатизмъ молодежи и что онѣ имѣютъ большую надъ нею власть [1]).

Отчасти Левашову удалось осуществить эту цѣль пока въ болѣе скромныхъ размѣрахъ. Еще 1834 г. въ Кіевѣ было учреждено «училище для бѣдныхъ дѣвицъ, круглыхъ сиротъ всѣхъ сословій», на средства Общества вспоможенія бѣднымъ, предсѣдательницею котораго была супруга ген.-губ. графиня Ле-

---

[1]) Автобіогр. записки Е. Θ. ф.-Брадке (Рус. Арх. 1875, III, 273); ср. рѣчь Д. Г. Бибикова (Кіев. Стар., 1882, II, 532).

вашова [1]). По данному уставу въ 1840 г., которымъ оно передано было въ завѣдываніе совѣта Кіевскаго института и поступило подъ покровительство императрицы, цѣль его опредѣлялась «призрѣніемъ бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ всѣхъ свободныхъ состояній, доставленіемъ имъ содержанія и нѣкотораго образованія до того возраста, когда онѣ сами будутъ въ состояніи добывать себѣ пропитаніе честно и благородно». По окончаніи курса воспитанницы могли поступать надзирательницами за домашнимъ хозяйствомъ въ частныхъ домахъ, наблюдать за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и обучать ихъ грамотѣ. Впослѣдствіи въ немъ введено было преподаваніе иностранныхъ языковъ, а въ 1854 г. училище было преобразовано въ заведеніе для 80 воспитанницъ, дочерей недостаточныхъ чиновниковъ и дворянъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, въ числѣ которыхъ 50 могли быть лишь своекоштными пансіонерками изъ дочерей личныхъ дворянъ, гражданъ и купцовъ 1 и 2-ой гильдіи. Цѣль училища заключалась въ приготовленіи домашнихъ учительницъ для края и поэтому въ программу ученія были включены и иностранные языки [2]). Въ 1865 г. училище вновь было преобразовано—въ пансіонъ гр. Левашовой при Фундуклеевской гимназіи, на сто воспитанницъ.

Одновременно съ тѣмъ гр. Левашовъ входилъ съ представленіемъ о разрѣшеніи на скорѣйшее открытіе въ Кіевѣ института для Кіевской, Волынской и Подольской губерній и уже въ началѣ 1834 г. состоялось повелѣніе московскому опекунскому совѣту выдать изъ доходовъ воспитательнаго дома 500000 р. ассигн. на устройство означеннаго института, которому повелѣно отпускать и ежегодныя суммы, выдававшіяся до тѣхъ поръ приказами юго-

---

[1]) Хлопоты его о денежныхъ средствахъ увѣнчались успѣхомъ. (Р. Ар. 1894, № 10, с. 164).

[2]) Лихачева, Матер. для ист. женск. образ. въ Россіи (1828—56), стр. 31—32. Въ 1851 г. для училища гр. Левашовой построенъ былъ домъ на Владимірской ул. противъ усадьбы 1-ой гимназіи, архит. А. В. Беретти.

западныхъ губерній (по 14000 р.) институту полтавскому. При составленіи устава и штата Кіевскаго института, гр. Левашовъ руководствовался уставами и штатами названнаго заведенія, присланными ему ген.-губ. кн. Репнинымъ. Цѣль его заключалось въ томъ, чтобы «доставить безденежное воспитаніе дѣтямъ дворянъ бѣднаго состоянія губерній Кіевской, Волынской и Подольской и дать возможность за умѣренную плату получать такое же образованіе дочерямъ достаточныхъ родителей сихъ губерній» [1]). Совѣтъ института долженъ былъ состоять изъ ген.-губернатора, который, въ качествѣ предсѣдателя, былъ непосредственнымъ начальникомъ института во всѣхъ частяхъ его управленія; членами совѣта назначались: попечитель учебнаго округа, губернаторъ, членъ по хозяйственной части, избираемый изъ лицъ значительныхъ, кіевскій губернскій предводитель дворянства и три депутата отъ дворянъ югозападныхъ губерній. Всѣ они должны были утверждаться императрицею, подъ покровительствомъ которой состоитъ институтъ. Начальница и инспекторъ избирались совѣтомъ и утверждались императрицею. Наблюденіе надъ учебною частью ввѣрялось попечителю округа, подъ руководствомъ котораго долженъ былъ завѣдывать ею инспекторъ. Всѣхъ классовъ—три съ двухлѣтнимъ курсомъ. Комплектъ воспитанницъ опредѣленъ въ 120, изъ которыхъ приказамъ трехъ губерній Кіевскаго округа предоставлялось право содержать за свои взносы 60 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей, а 60 другихъ, изъ какой бы то ни было губерніи, могли быть своекоштными съ платою по 800 р. ассигн. въ годъ. На этихъ основаніяхъ инстутутъ былъ открытъ въ 1838 г. во временномъ помѣщеніи (нынѣ губернаторскій домъ); а въ 1839 г. заложено новое зданіе въ 4 этажа на возвышенности по Ивановской (нынѣ Институтской) улицѣ [2]). Съ пере-

[1]) В. Я. Шульгинъ, Кіев. инст. благ. дѣвицъ съ 1838—71 г., К. 1871; М. М. Захарченко, Исторія Кіев. института благородныхъ дѣвицъ, К. 1889 г., съ портретами.

[2]) Бывшій домъ ген.-м. Мих. Сем. Бѣгичева, который поселился въ Кіевѣ въ 80-хъ годахъ XVIII стол. (Сборн. Р. И. Общ., LX, 71).

ходомъ института въ 1843 г. въ собственный домъ комплектъ воспитанницъ увеличенъ до 140, а въ 1852 г.—до 170 [1]). Первою начальницею института была родственница Державина (по второй женѣ) П. М. Нилова (урожденная Бакунина), о которой онъ сказалъ:

«Коей мало въ свѣтѣ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ». (Паранѣ).

Она занимала мѣсто начальницы по іюль 1851 г. († въ Москвѣ 1853 [2]). Преемницей ея была вдова ген.-м. Е. Д. Голубцова, занимавшая эту должность до нач. 1871 г. [3]). Къ этому прибавимъ, что въ Кіевскомъ институтѣ обыкновенно преподавали профессора университета (до 70-хъ годовъ) и лучшіе преподаватели мѣстныхъ гимназій. Кромѣ того, въ 40—50-хъ годахъ въ Кіевѣ существовало нѣсколько пансіоновъ [4]).

и не разъ упоминался нами. Онъ принесъ свою усадьбу въ даръ университету; въ ней былъ большой дерев. 3-этаж. домъ, оцѣненный имъ въ 22000 р. По открытіи университета, въ немъ помѣщались нѣк. коллекціи, доставшіяся отъ Вилен. ун. и Кремен. лицея. Затѣмъ здѣсь предположено было помѣстить 2-ю гимназію, въ пользу которой уплачено 15000 р. (М. М. Захарченко, Ист. Кіев. инст. благ. дѣв., с. 17—18).

[1]) Тамъ же; Матер. для ист. жен. образ. въ Россіи, Е. Лихачевой, 10—12. Въ 1856 г. воспитанницъ было 200.

[2]) Сочин. Державина, II, 184—186.

[3]) Инспекторами инст. состояли: А. Г. Петровъ (дир. 1-й гимн.), съ 1838—44; Н. Д. Иванишевъ (1844—1850); В. Я. Шульгинъ (1850—71) Съ 1838—1863 въ институтѣ преподавался польскій яз.

Посѣтивъ въ 1844 г. Кіевъ, имп. Николай I замѣтилъ, что въ здѣшнемъ инст. дѣти говорятъ хорошо порусски, а въ Полтавскомъ всѣ говорятъ помалорусски, не смотря на все стараніе весьма почтенной директрисы (Воспом. Ге, въ Сборн., изд. въ пользу студ. унив. св. Влад., 64).

[4]) Залѣской (въ нын. кол. Галагана), Ганфъ (потомъ Нельговской, противъ нын. мин. жен. гимн., а затѣмъ, гдѣ нынѣ военно-окр. судъ, Ленцъ (сначала на Лютер. ул., а потомъ возлѣ унив., н. д. Рах-

Той же идеѣ дворянскаго интерната долженъ былъ удовлетворять и открытый въ 1852 г. въ Кіевѣ Владимірскій кадетскій корпусъ на 200 воспитанниковъ, для дѣтей дворянъ юго-западныхъ губерній [1]). Сначала онъ помѣщенъ былъ въ зданіи, отстроенномъ для 2-ой гимназіи, а затѣмъ (въ 1857 г.) переведенъ въ обширное четырехъ-этажное зданіе (на 400 воспитанниковъ), заложенное еще въ 1849 г., въ такъ называемой Шулявщинѣ. Постройка послѣдняго выполнена была архит. Штромомъ, по собственному плану и обошлась до милліона рублей [2]). Зданіе, въ которомъ находился корпусъ до того времени, передано было учебному округу. Въ немъ, послѣ необходимыхъ приспособленій, помѣщена была 1-я гимназія [3]). Въ кадетскомъ корпусѣ, до преобразованія его въ военную гимназію, преподавали часто профессора университета (а именно 11).

манинова, см. Р. Арх. 1899, № 9, с. 105) и на Подолѣ—Виммеръ. Рогге и Смирновой. Въ 1856 г. считалось въ 2-хъ ж. панс. на степени гим. (одинъ образцовый)—218 уч., въ 2-хъ панс. на степ. уѣзд. учил.—121 и жен. школѣ на степ. прих. уч.—20 (Пам. кн. на 1858 годъ, 273).

[1]) Въ 1856 г. въ немъ было 284 воспит. (Пам. кн. на 1858 г., с. 270). Директоромъ корпуса съ 1852—1865 г. состоялъ полк., а потомъ ген.-м. фонъ-Вольскій 1-й.

[2]) По планамъ того же Штрома въ Кіевѣ построены Лютеранская церковь, городской театръ (сгорѣвшій въ 1896 г.) и отчасти Владимірскій соборъ (планъ былъ измѣненъ и сокращенъ архит. Спарро). Послѣдній, задуманный еще въ цар. Николая I, по желанію м. Филарета долженъ былъ составлять эквивалентъ за воздвигнутый Владиміру св. памятникъ-статую, какъ изваяніе, свойственное язычеству (К. Стар. 1884, IX, 346—353).

[3]) Кловскій домъ, въ которомъ находилась 1-я гимназія, потерпѣлъ отъ пожара 10 іюня 1858 г. (К. Стар., VIII, 698), а затѣмъ былъ переданъ дух. вѣдомству и, по отстройкѣ вновь, въ немъ (съ 1863 г.) помѣщено жен. (нынѣ 1-е) дух. училище (Сементовскій, Кіевъ, его святыни и пр., 106).

XXII.

Возстановленіе древнихъ святынь, возведеніе военныхъ построекъ и устройство города по новымъ планамъ привели въ свою очередь къ необходимости болѣе близкаго изученія и разысканія древностей.

Еще въ 1706 г., при постройкѣ Печерской крѣпости, найденъ былъ кладъ, содержавшій въ себѣ большое количество восточныхъ монетъ (2380) и послужившій потомъ основаніемъ нумизматическаго кабинета азіатскаго музея Академіи наукъ. Въ 1851 г., при устройствѣ крѣпости, найденъ былъ снова богатый кладъ куфическихъ монетъ, разошедшійся большею частью по рукамъ и только часть его досталась музею Имп. Арх. общества. Затѣмъ значительный кладъ тѣхъ же монетъ найденъ былъ въ 1863 г. въ Плоской части, близъ Іорданской ц. Всѣ эти монеты приходятся на VIII—X вв. Другіе клады (не монетъ) встрѣчаются на мѣстѣ *стараго города*. Какъ извѣстно, Петръ В. обратилъ вниманіе на сохраненіе древностей въ Россіи [1]), но долго еще эти послѣднія не служили предметомъ постоянной заботливости правительства и научныхъ изслѣдованій [2]). Такъ, въ 1758 г., при возобновленіи церкви на мѣстѣ древней Десятинной, были найдены двѣ мраморныя надгробныя доски, но потомъ опять зарыты въ землю [3]); а въ 1760 г., на запросъ Сената о достопримѣчательностяхъ городовъ, губернская канцелярія отвѣчала, что при Кіевѣ старыхъ городовъ оставшихся развалинъ и городищъ ни-

---

[1]) Изв. Импер. Рус. Арх. Общ., I, 78—79; Труды Моск. Арх. Общ. т. IX, проток., с. 22-23; Рус. Стар. 1882, т. XXXVI, с. 60; Кіев. Стар., т. XXII, стр. 117—143, ст. Н. Бѣляшевскаго, Клады великокняж. эпохи, найд. въ Кіевѣ 1706—1885 (монеты, гривны, вещи); Древн., найд. въ Кіевѣ (золотыя серьги, серебр. запястья), въ саду Анненкова (противъ Десятинной церкви) въ 1847 г. (Зап. Арх. Общ., IV, проток., 152—154).

[2]) Изв. Арх. Общ., V, 360.

[3]) Карамзинъ, I, примѣч. 488; Закревскій, I, 284.

какихъ признаковъ почти не видно [1]). Впервые интересъ къ кіевскимъ древностямъ въ болѣе широкомъ смыслѣ возбужденъ былъ въ цар. Екатерины II, для которой въ 1785 г. составлялись краткія записки о кіевскихъ святыняхъ [2]), а въ 1795 т. появились: «Краткое историческое извѣстіе о Кіевѣ (и лаврѣ») въ типографіи Академіи кіевской, при Печерской лаврѣ [3]), «Достопамятнѣйшія древности въ Кіевѣ» и «Извѣстіе о погребенныхъ въ Кіевѣ князьяхъ и княжнахъ рода Рюрика, 1795 г. (тамъ-же 6 стр.). При Екатеринѣ II возобновляются распоряженія Петра В. относительно архивныхъ источниковъ и памятниковъ древности, хотя въ частности Кіева они мало коснулись. Но интересъ къ кіевскимъ древностямъ все болѣе возрасталъ: уже въ 1803 г. М. Берлинскій началъ составлять свое описаніе Кіева (отрывки въ журналѣ Улей 1811 г.); а въ 1811 и 1814 гг. производились раскопки въ усадьбѣ Михайловскаго мон. и Вышгородѣ, близъ Кіева (въ 14 верстахъ отъ него), хотя существенныхъ результатовъ онѣ не дали [4]). Болѣе живое отношеніе къ кіевскимъ древностямъ совпадаетъ съ эпохою знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія и археологіи—гр. Н. П. Румянцова Посѣтивъ, въ 1821 г. Кіевъ, онъ писалъ: «Въ Кіевѣ сердце сокрушается, видя, каковое тамъ господствуетъ нерадѣніе къ древностямъ нашимъ, никто ими не занятъ и всякій почти убѣгаетъ объ нихъ разговора» [5]). Но переписка того же гр. Румянцова съ кіевскимъ археологомъ М. Ѳ. Берлинскимъ (1815—1825 [6]) и появленіе въ Кіевѣ митр. Евгенія

---

[1]) Матер. изъ арх. кіев. губ. правл., III, 140.

[2]) Закревскій, I, 224.

[3]) Въ концѣ его сказано: «Сіе извѣстіе почерпнуто изъ Высочайшаго путешествія въ полуденный край Россіи, напечатаннаго при Горномъ училищѣ, 1786 г.» 33 стр. Оно перепечатывалось въ 1795, 1798, 1801, 1817 (см. каталогъ Смирдина),—м. Самуила.

[4]) Закревскій, I, 262, 281, 547, 554.

[5]) Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос. 1882, I, 191.

[6]) См. его «Краткое описаніе Кіева», Спб. 1820 («также показаніе достопамятностей и древностей онаго», съ планомъ г. Кіева и снимкомъ надписи на стѣнѣ Десятинной церкви).

(съ 1822 г.), который далъ опредѣленное направленіе изслѣдованію и изученію кіевскихъ древностей, свидѣтельствуютъ уже, что изученіе послѣднихъ пріобрѣтаютъ систематическій, вполнѣ научный характеръ а затѣмъ они привлекаютъ вниманіе путешественниковъ [1]). Митр. Евгеній для подобной цѣли нашелъ здѣсь весьма дѣятельныхъ сотрудниковъ (М. Ѳ. Берлинскій, К. А. Лохвицкій, А. С. Анненковъ и др. [2]) и въ то время, какъ нѣкоторые чаяли уже отрыть могилу Дира, гробъ св. Ольги и крестъ ап. Андрея, м. Евгеній, чуждый подобныхъ увлеченій, заботился о собираніи положительныхъ данныхъ и осторожно дѣлалъ свои выводы.

Первый по времени и важнѣйшій по своей древности и значительности предметъ открытія составляетъ фундаментъ древней Десятинной церкви, созданной Владиміромъ св., разрушенный въ нашествіе Батыя (1240) и съ того времени представлявшій собою однѣ развалины и кучу камней, большая часть которыхъ разнесена была кіевскими жителями на свои потребности и изъ остатковъ которыхъ митр. Петръ Могила пристроилъ къ оставшейся незначительной части одной изъ стѣнъ малую церковь, носившую тоже названіе. Митр. Евгеній (съ 1824) озаботился открытіемъ фундамента ея на всемъ пространствѣ древней постройки, причемъ найдены были два каменныхъ гроба, большіе куски поясовъ, карнизовъ, колоннъ, выдѣланныхъ изъ бѣлаго мрамора, обломки частей съ сохранившимися остатками живописи (альфреско) мозаичнаго пола, краснаго гранита и шифера, относившихся къ церковному обиходу, многіе изъ которыхъ обнаруживали несомнѣнную принадлежность свою греческому искусству, четыре серебряные слитка и т. п. Впослѣдствіи для правильнаго веденія

---

[1]) Грибоѣдовъ (1825) передъ путешествіемъ въ Кіевъ, запасся описаніями его древностей. (Р. Стар. 1885, т. LX, 585, 595).

[2]) Письмо А. С. Анненкова кіев. ген.-губ. Бибикову, по поводу предполагавшихся въ его усадьбѣ раскопокъ въ 1845 г. Усадьба его служила отъ временъ ц. Алексѣя Мих. до постр. Печерской крѣп. складочнымъ мѣстомъ военныхъ снарядовъ и оружія, а также были въ ней погреба для пороха. (К. Стар. 1894, № 4, стр. 152—155).

этихъ работъ, и составленія плана и рисунковъ открытыхъ древностей присланъ былъ изъ Петербурга (1826) художникъ Ефимовъ. Большая часть этихъ предметовъ поступила въ ризницу Кіево-Софійскаго собора и кабинетъ древностей, образованный при вновь учрежденномъ университетѣ [1]). Курскій помѣщикъ А. С. Анненковъ, жившій въ приходѣ Десятинной церкви, принялъ на себя постройку новаго храма (1828—46), по рисункамъ архитектора Стасова, употребивъ въ дѣло остатки прежней церкви, куда поступили на храненіе и предметы древности, найденные при раскопкахъ [2]).

Между тѣмъ, уже съ первыхъ лѣтъ цар. Николая I идетъ рядъ распоряженій, направленныхъ на сохраненіе и приведеніе въ извѣстность старины, болѣе наглядно выразившіяся въ учрежденіи Археографической коммиссіи въ Петербугѣ (1834 г.) и Временнаго комитета для изысканія древностей въ Кіевѣ (1835), а нѣсколько позже (1846 г.) Императорскаго Археологическаго общества въ Петербургѣ. Въ Кіевѣ дѣятельно ведется работа надъ изысканіемъ древностей путемъ научныхъ изслѣдованій и археологическихъ пріемовъ. Такъ, въ 1832—33 гг. были раскрыты изъ-подъ валовъ Золотыя ворота, причемъ императоръ Николай, будучи въ Кіевѣ (1832), прошелъ между открытыми стѣнами ихъ и назвалъ эти послѣднія «памятникомъ, достойнымъ сохраненія» [3]). Вслѣдъ затѣмъ были приняты мѣры для сохраненія остатковъ этого памятника на будущее время, а найденные при раскопкахъ

---

[1]) Труды и Записки Общ. ист. и древностей, кн. I, II и V; Отеч. Зап., 1825 г. и др.; Опис. Кіево-Соф. собора и кіев. іерархіи м. Евгенія.

[2]) О ходѣ работъ, съ рисункомъ церкви, построен. м. Петромъ Могилою (Кіев. Стар. 1888, XXII, с. 3—8; ср. 1896, № 6, с. 365—66). Сборн. Ак. Н. V, в. I, 34—36.

[3]) Проф. архит. Фр. Ив. Мѣховичъ, одинъ изъ самыхъ дѣловыхъ кременецкихъ переселенцевъ... О немъ напоминаютъ въ Кіевѣ — желѣзныя перекладины, вдѣланныя имъ въ древній остатокъ Зол. воротъ Ярославовыхъ», говоритъ Максимовичъ (Письма о Кіевѣ, 84).

предметы военнаго быта древняго періода переданы въ музей университета. На приведеніе Золотыхъ воротъ въ лучшее состояніе ассигновано было 2917 р., сверхъ назначенной отъ казны, въ распоряженіе кіевскаго губернатора, суммы по 1500 р. ежегодно, на разысканіе въ Кіевѣ отечественныхъ древностей.

Одновременно съ тѣмъ (въ 1833 г.) открыты были остатки церкви св. Ирины (монастыря, построеннаго Ярославомъ I) и производились раскопки на Старомъ городѣ, близъ Андреевской и Срѣтенской церквей; на Подолѣ, близъ Іорданской церкви, а по случаю проведенія улицъ, и на Крещатикѣ, гдѣ, при разрытіи земляного вала, найденъ былъ шлемъ съ частью панцыря. Большая часть предметовъ, найденныхъ въ означенныхъ мѣстахъ, направлялась въ университетъ [1]). Во всѣхъ этихъ разысканіахъ м. Евгеній принималъ самое близкое и живое участіе. Конечно, въ виду производившихся работъ, онъ предложилъ студентамъ духовной академіи написать сочиненія на темы: «О древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Иліи, въ которой присягали Игоревы Варяго-руссы въ 945 г.»; «О древнѣйшей кіевской церкви св. Ирины» и т. п. Съ другой стороны, онъ много содѣйствовалъ образованію мѣстнаго кружка археологовъ и средствъ для дальнѣйшихъ разысканій, вызвавшихъ въ 1835 г. возникновеніе въ Кіевѣ «временнаго комитета для изслѣдованія древностей». Въ 1837 г. Максимовичъ избралъ для торж. акта (2 окт.) въ университетѣ рѣчь: «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» [2]).

Археологическія разысканія значительно расширились и получили новое направленіе съ учрежденіемъ въ Кіевѣ университета (1834) и образованіемъ при немъ музея древностей (1837 [3]). Къ этимъ работамъ примкнули новые дѣятели изъ чле-

---

[1]) О ходѣ и открытіи древностей въ Кіевѣ до начала 1836 г. (Ж. М. Н, Пр. 1836, № 11).

[2]) Письма о Кіевѣ, 76.

[3]) Музей древностей, записка В. Б. Антоновича (Учрежд. ун. св. Владиміра, 60—76).

новъ университетской корпораціи (проф. Максимовичъ, Даниловичъ, Орнатскій и др.), а музей при университетѣ является главнымъ хранилищемъ древностей, добытыхъ какъ при указанныхъ раскопкахъ, такъ и вообще при изслѣдованіяхъ этого рода въ южной Россіи. Такимъ образомъ, для обогащенія музея, въ публичныхъ вѣдомостяхъ и посредствомъ печатныхъ объявленій, разосланныхъ къ разнымъ должностымъ лицамъ, приглашены были всѣ любители отечественныхъ древностей къ пожертвованію въ музей предметовъ, какъ находившихся въ обладаніи частныхъ лицъ, такъ и вновь открываемыхъ и притомъ не только въ г. Кіевѣ и его окрестностяхъ, но и вообще въ тѣхъ частяхъ Россіи, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ городу Кіеву или древнему великому княжеству Кіевскому, куда преимущественно относятся всѣ юго-западныя губерніи. А между тѣмъ въ теченіе 1837 и 1838 гг. производились дальнѣйшія разысканія въ предѣлахъ Андреевской горы, церквей Трехсвятительской и св. Ирины, бывшаго монастыря св. Димитрія (близъ Михайловскаго монастыря [1]) и др. Интересъ къ изученію кіевской старины выразился также въ цѣломъ рядѣ изданій, посвященныхъ собственно Кіеву, его исторіи и древностямъ. Сюда относятся: «Историч. извѣстія о Межигорскомъ монастырѣ» 1830; «Краткое описаніе Златоверхаго Михайловскаго мон.» 1835 г.; «Очеркъ исторіи г. Кіева», Н. Закревскаго, 1836 г., дважды потомъ дополненный

---

[1]) Ж. М Н. Пр. 1838, ч. XVIII, 77—89; 1839, ч. XXI, 67—84. (Отчеты комитета древностей); Закревскій, 224- 225. Въ 1838 г. презид. Акад. худ. А. И. Оленинъ писалъ Бибикову, что въ Кіевъ отправляется художникъ Шуруповъ, по выс. повелѣнію, «для снятія плановъ и разрѣзовъ тамошнихъ древнѣйшихъ церквей и для срисованія любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной въ нихъ живописи и мозаики; такъ какъ государь имп-ръ изволитъ съ особеннымъ благоволеніемъ заниматься собраніемъ рисунковъ, изображающихъ въ точности старинное наше зодчество и всѣмъ, что можетъ напоминать степень прежнихъ нашихъ успѣховъ въ художествахъ». Оленинъ просилъ устроить художника такъ, чтобы онъ могъ выполнить данное ему порученіе (К. Стар. 1901, № 5, стр. 83—84).

(М. 1858 и 1868, въ 2-хъ томахъ), съ атласомъ рисунковъ и плановъ; «Кіевлянинъ», изд. М. А. Максимовичъ, К. 1840, 1841; М. 1850 и др. [1]).

Дѣятельность «комитета для изысканія древностей» продолжалась около 10 лѣтъ, когда онъ былъ замѣненъ другимъ учрежденіемъ, основаннымъ на болѣе широкихъ началахъ. Еще въ 1841 г. возникла мысль въ средѣ кіевскихъ ученыхъ и любителей старины объ учрежденіи въ Кіевѣ «Историческаго общества», но цѣль эта оказалась тогда неосуществимою [2]). Однако, вскорѣ затѣмъ (1843 г.), по ходатайству ген.-губ. Д. Г. Бибикова, въ Кіевѣ, по примѣру Виленской, была учреждена «Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ», находящихся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ и монастырей Кіевской, Подольской и Волынской губерній, съ отпускомъ на содержаніе ея по 500 р. изъ земскаго сбора каждой губерніи, въ которой приняли участіе профессора университета, нѣкоторыя лица духовной, гражданской и учебной администраціи, а также любители старины, не исключая и польскихъ помѣщиковъ. Дѣятельность коммиссіи еще болѣе расширилась, когда, во время своего пребыванія въ Кіевѣ въ 1843 г. (25 мая), импер. Николай повелѣлъ учрежденный при университетѣ комитетъ упразднить, а изысканіе древностей не только въ Кіевѣ, но и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, возложить на Временную коммиссію для разбора древнихъ

---

[1]) Кромѣ названныхъ прежде плановъ и матеріаловъ для изученія положенія и древностей Кіева заслуживаютъ вниманія: Инж. Зап. 1853, т. XXIX, кн. 1 (прилож. планъ Кіева 1745 г. и виды лавры 1638 г.); С. Крыжановскій, К. Соф. мон., планъ г. Кіева съ изъясн. на 2-хъ лл., изд. 1849 (В. топогр. депо); П. Г. Лебединцевъ, О планахъ г. Кіева XVIII стол. (планъ 1706 въ арх. В. топ. депо; пл. 1728, 1731, 1740, 1745 въ арх. Воен. инж. упр. и планы зданій, пещеръ и пр., Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., I, 268—269); С. Т. Голубевъ, О древнѣйш. планѣ г. Кіева 1638 г. съ прилож. плана въ 2-хъ картахъ (ibid., XII, 1898, стр. 20—96); Кіевъ теперь и прежде, М. М. Захарченка, К. 1888, fol 276, со множ. рисунковъ.

[2]) Письма о Кіевѣ, Максимовича, Сб. 1871 (стр. 114—116).

актовъ, учрежденну при Кіевскомъ военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ [1]). Во многомъ успѣшная дѣятельность коммиссіи зависѣла отъ личнаго содѣйствія и сочувствія ея предпріятіямъ тогдашняго начальника края. Надо отдать полную справедливость Бибикову въ томъ, что онъ всегда съ величайшею заботливостью относился къ созданной имъ коммисіи, внимательно входилъ въ ея нужды, живо интересовался ея успѣхами, энергично содѣйствовалъ ея начинаніямъ и вообще окружалъ ее своими попеченіями. Помимо политическихъ соображеній, многое объясняется въ этихъ отношеніяхъ личными склонностями Бибикова. Будучи самъ страстнымъ археологомъ, онъ умѣлъ вдохнуть любовь къ ней и своимъ окружающимъ. При Бибиковѣ исторія съ археологіей по истинѣ были модными науками въ Кіевѣ: ими увлекалось и кіевское чиновничество, и кіевскій beau monde; волею-неволею увлекалось и польское дворянство. Благодаря этому, коммиссіи удается собрать массу документовъ не только въ оффиціальныхъ архивахъ, вполнѣ зависѣвшихъ отъ мѣстной администраціи, но и въ многочисленныхъ тогда семейныхъ архивахъ и библіотекахъ края. Были моменты, когда казалось, будто вся администрація цѣлаго края только и занята собраніемъ матеріаловъ для коммиссіи. Такъ продолжалось почти до конца управленія Юго-Западнымъ краемъ Д. Г. Бибикова. Такимъ образомъ въ самое короткое время вышли въ свѣтъ четыре полновѣсныхъ тома «Памятниковъ», посвященныхъ политеческой и церковной исторіи Юго-Западнаго края въ XV—XVIII стол. (1845, 2-е изд. 1848 г.; 1846, 1852 и 1859, съ приложеніемъ множества снимковъ [2]); три тетради «Древностей» (1846), преимущественно касающихся Кіевской губ.; «Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (два большихъ тома, 1859), изданные подъ редакціей проф. Н. Д. Иванишева, и «Малороссійскія лѣтописи» (С. Велички, Г. Грабянки, 1848—1855). Кромѣ того, предсѣдатеь коммиссіи М. О. Судіенко издалъ на свой счетъ:

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1846, LI, 221.

[2]) Первые три тома вновь переизданы въ 1898 (съ дополн.).

«Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества», составленное въ 1786 г. А. Шафонскимъ (1851 г.) и «Матеріалы для отечественной исторіи (2 тома, 1853 и 1855), касающіеся исторіи края въ XVIII столѣтіи [1]).

Къ сожалѣнію, намѣренія коммиссіи издать хотя бы въ скромномъ видѣ археологическіе матеріалы, добытые изслѣдованіями 1845—48 гг., осталось невыполненнымъ, по недостатку средствъ, а многочисленныя и разнообразныя записки о древностяхъ Юго-Западнаго края (описаніе кургановъ, городищъ, древнихъ зданій, съ чертежами и планами ихъ, народныхъ преданій, легендъ и т. п.), какія были собраны командированными для этой цѣли чиновниками ген.-губернаторской канцеляріи, предводителями дворянства и другими административными и частными лицами, за весьма немногими исключеніями, не сохранились въ комиссіи и, на сколько извѣстно, погибли безъ слѣда. Благодаря такому общему увлеченію историческими и археологическими изслѣдованіями въ Кіевѣ, щедрый на пожертвованія для общеполезнаго дѣла гражданскій губернаторъ И. И. Фундуклей (1841—1853) предпринимаетъ рядъ изданій, посвященныхъ археологическиму и историко-статистическому описанію Кіева и Кіевской губерніи. Таковы были: 1) Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ (К. 1847 [2]); 2) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи (К. 1848—оба in folio съ атласами рисунковъ) и 3) Статистическое описаніе Кіевской губ. (3 тома, in 4°, Спб. 1855, четвертый остался въ рукописи [3]).

---

[1]) Въ виду необходимости печатанія изданій коммиссіи разными шрифтами и съ соотвѣтственными изданію снимками, послѣдняя способствовала открытію въ Кіевѣ австрійскимъ подданнымъ І. Вальнеромъ новой типографіи съ необходимыми для того приспособленіями, такъ какъ Университетская типографія не могла принять на себя подобной работы (Пятидесятилѣтіе Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ, К. 1893, стр. 48).

[2]) Рукоп. II тома въ музеѣ древн. при университетѣ.

[3]) Въ этомъ изданіи принимали участіе по исторіи М. А. Максимовичъ, по археологіи С. Крыжановскій и по статистикѣ Д. П. Журавскій (см. Письма о Кіевѣ, 7—8, 24; Д. Журавскій, Пам. кн. на

Уже на первыхъ порахъ (1843) коммиссія обратила вниманіе Бибикова на пользу учрежденія въ Кіевѣ центральнаго архива для храненія историческихъ документовъ юго-западныхъ губерній. Въ этомъ архивѣ коммиссія предлагала сосредоточить актовыя книги по 1799 г., хранившіяся въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ Юго-Западнаго края, и всѣ вообще акты, въ которыхъ не предвидится надобности для присутственныхъ мѣстъ. Послѣ продолжительныхъ перипетій, предположеніе это, по личнымъ настояніямъ Бибикова, осуществилось уже въ 1852 г., причемъ архивъ учрежденъ былъ при университетѣ св. Владиміра, ставъ со временемъ центральнымъ хранилищемъ важнѣйшихъ документовъ края и представляя неизсякаемый источникъ для изданій коммиссіи и многочисленыхъ отдѣльныхъ работъ [1]).

Въ свою очередь и церковная старина не была забыта. Въ 1842 и 1843 гг. произведено было возобновленіе стѣнной живописи въ лаврскомъ Успенскомъ соборѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго художника-археолога Ѳ. Г. Солнцева, въ назначеніи котораго для этой цѣли также принималъ дѣятельное участіе Д. Г. Бибиковъ. Въ церковно-археологическомъ отношеніи это возобновленіе лаврской живописи замѣчательно тѣмъ, что послѣдствіемъ его былъ законъ, охраняющій памятники древняго церковнаго искусства, который гласитъ такъ: «воспрещается приступать безъ выс. разрѣшенія къ какимъ либо обновленіямъ въ древнихъ цер-

1858 г., стр. 139—150); Восп. о Д. П. Ж-комъ (Соч. Ю. Ѳ. Самарина, I, 207—223). Объ изданіяхъ Фундуклея, Барсуковъ, (Погодинъ, X, 75—78).

[1]) Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, сост. А. В. Романовичемъ-Славатинскимъ, 208—237; Пятидесятилѣтіе Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ 1843—1893; Историч. записка, сост. О. И. Левицкимъ, К. 1893; Ист. учрежденія Кіев. центр. архива, О. М. Левицкаго (Чтен. въ Общ. Нест. лѣт., кн. XVII, вв. 1, 3 и дальн.); Къ ист. учр. Кіевскаго центр. арх. (К. Стар. 1902, № 5, стр. 81—86); Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева. Л. О. (ib. 1882, № 10, с. 78—88); Неудач. археол. экскурсія Н. Д. Иванишева (1890, № 3, с. 533—537; ср. 1887, № 12, с. 788—794); Археолог. экскурсія Т. Г. Шевченка въ 1845—46 гг., О. Левицкаго (ib. 1894, № 2, с. 231—254); Письмо Пл. Лукашевича къ ген.-губ. Д. Г. Бибикову, 1848 (о труд. коммиссіи, ib. 1893, № 3, с. 539—546).

квахъ и во всѣхъ подобныхъ памятникахъ. Вообще древній, какъ наружный, такъ и внутренній, видъ церкви долженъ быть сохраненъ тщательно, и никакія произвольныя поправки и перемѣны безъ вѣдома высшей духовной власти не дозволяются». Кромѣ того епархіальнымъ архіереямъ вмѣнялось въ обязанность наблюдать, «дабы нигдѣ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ древнихъ церквахъ не дозволялось ни малѣйшаго исправленія, возобновленія или измѣненія живописи и другихъ предметовъ давняго времени, а всегда испрашивалось на то разрѣшеніе отъ св. Синода» [1]).

Еще въ XVII в. Софійскій соборъ обращалъ на себя вниманіе мозаическими изображеніями, находившимися, какъ въ алтарѣ, такъ и въ главномъ куполѣ и на аркахъ, поддерживавшихъ послѣдній [2]), и даже въ первой четверти XIX в. иностранные и русскіе путешественники любовались значительною частью сохранившейся мозаики [3]). Но уже въ 1845 г. въ куполѣ отъ нея почти не осталось слѣдовъ, а на аркахъ она оказалась зна-

---

[1]) Сводъ Зак. Рос. Имп. 1842, т. XII; Уст. строит., ст. 207. О возобновленіи стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-печерской лавры въ 1840—43 гг., прот. П. Г. Лебединцева (Чт. въ Ист. Общ. Нестора лѣт., кн. II, стр. 34—42).

[2]) Путешествіе Павла Алеппскаго. Какъ относились въ то время представители дух. власти къ древности, рисуетъ намъ извѣстный уже путеш. Лукьяновъ: «Ц. Софіи премудрости Божія, говоритъ онъ, зѣло хороша и образовата, да въ ней презорство строенія; нѣту ничего—пусто; а старое было стѣнное письмо, а митрополитъ нехай все замазалъ извѣстью». Рѣчь идетъ о митр. Варлаамѣ Ясинскомъ. Ср. ст. С. Яремича, Пам. искус. XVI и XVII ст. въ К. печер. лаврѣ (К. Стар. 1900, № 6, стр. 378—390.

[3]) Днѐвникъ м. Серапіона (К. Стар., IX, 427). »Жаль, что никто не умѣетъ или не печется возобновлять ее», говоритъ кн. Долгоруковъ (Путеш. 1810, 276). Ср. Кіевскіе мозаики, С. Крыжановскаго (Зап. И. Р. Арх. общ., VIII, 235—270); рядъ его замѣтокъ о кіев. древн. (Изв. Р. Арх. Общ., I, 29, 178, 306—307, 379, 391); П. Л—въ, Откр. древ. мозаикъ въ глав. куполѣ К. Соф. соб. (К. Стар. 1884, № 9, стр. 162—165); Гр. И. И. Толстой и Н. П. Кондаковъ, Русскія древности, вв. IV и V.

чительно пострадавшею отъ времени. Такимъ образомъ, въ замѣнъ оставшейся мозаики написаны были изображенія масляными красками [1]). Независимо отъ того, въ 1843 г. открыты были въ соборѣ фрески (XI вѣка, сокрытыя подъ нѣсколькими слоями побѣлки, на которой въ XVIII в. сдѣлана была уже новая живопись масляными красками) и началось возобновленіе послѣднихъ и приведеніе собора въ его первоначальнный видъ, закончившееся лишь въ 1853 году.

По поводу открытія фресокъ Солнцевъ представилъ на воззрѣніе государя краткую записку о Софійскомъ соборѣ, въ которой говоритъ: «Кіевскій Софійскій соборъ, древнѣйшій въ цѣломъ государствѣ, сохранился весьма хорошо. Онъ построенъ в. кн. Ярославомъ Владиміровичемъ между 1017—1037 годами и служитъ нынѣ хранилищемъ замѣчательной гробницы знаменитаго князя. Древняя греческая мозаика, можетъ быть единственная въ Россіи, украшаетъ алтарь и нѣкоторыя арки. Но стѣнная живопись въ куполѣ, на хорахъ и въ главномъ отдѣленіи храма значительно попортилась, почернѣла и даже обваливается, точно такъ, какъ и штукатурка. Иконостасы въ придѣлахъ, внизу и на хорахъ, совершенно обветшали, позолота полиняла, краски высохли и отпали. Посему, чтобы сохранить знаменитый сей храмъ въ должномъ благолѣпіи, слѣдовало бы предпринять исправленіе во всѣхъ подробностяхъ, но только съ тѣмъ, чтобы въ немъ осталось невредимо не только все древнее и нынѣ видимое, но даже очистить, гдѣ можно, штукатурку, покрывающую въ нѣкоторыхъ придѣлалъ древнюю живопись альфреско, которою храмъ сей былъ расписанъ при Ярославѣ,—альфреско это по возможности возобновить, а затѣмъ, гдѣ сего исполнить будетъ невозможно, то обить стѣны и купола мѣдью и расписать оные вновь изображеніемъ древнихъ священныхъ событій нашей церкви, въ особенности такихъ, кои совершились въ Кіевѣ».

---

[1]) Опис. Кіево-Софійскаго собора, прот. П. Л., К. 1892, стр. 30—36.

По разсмотрѣніи означенной записки, возобновленіе живописи въ соборѣ возложено было на того же Ѳ. Г. Солнцева, трудамъ котораго отечественная археологія обязана собраніемъ «Древностей Россійскаго государства», изданныхъ съ его рисунковъ по повелѣнію импер. Николая I. По его рисункамъ возобновлены въ Московскомъ кремлѣ царскіе терема, а также украшены палаты кремлевскаго дворца мебелями, коврами, утварями и пр. Съ его именемъ связаны открытіе и возстановленіе первоначальнаго вида многихъ остатковъ древняго русскаго искусства въ разныхъ городахъ Россіи. Во время своихъ работъ въ Софійскомъ соборѣ Солнцевъ составилъ обширное собраніе рисунковъ, которое, по высочайшему повелѣнію, было передано въ Московскую оружейную палату и затѣмъ издано Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ обществомъ (вв. I—IV, Спб. 1873—87).

Мы знаемъ, что импер. Николай въ это время неоднократно посѣтилъ Кіевъ и принималъ лично самое близкое участіе въ ходѣ этихъ работъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующій эпизодъ, случившійся по поводу возстановленія названныхъ древностей. Митрополитъ Филаретъ, по словамъ Солнцева, не особенно сочувствовалъ въ началѣ возобновленію фресокъ, а когда импер. Николай, по пріѣздѣ въ Кіевъ (1843), посѣтилъ Софійскій соборъ, то митрополитъ рѣшился высказать свой взглядъ на это дѣло:

— В. В., сказалъ онъ, открытіе и возобновленіе древней живописи здѣшняго собора повлечетъ старовѣровъ къ поощренію въ ихъ лжемудріяхъ [1]).—Я, владыка, отвѣчалъ государь, не смотрю какъ молятся, лишь бы молились. Ты любишь старину и я люблю. Теперь въ Европѣ дорожатъ малѣйшею старинною вещью. А мы, возобновляя древнюю живопись, можемъ ли думать, что оказываемъ предпочтеніе старовѣрамъ. Не противорѣчь. Митрополитъ ничего не сказалъ на это; но Бибиковъ, идя сзади, чуть слышно

[1]) У нѣкоторыхъ святыхъ на фресковыхъ ихъ и ображеніяхъ открылось *двуперстное*, подобное старообрядческому, *сложеніе руки* (см. ниже, въ статьѣ прот. П. Г. Лебединцева).

замѣтилъ: «паша беретъ». Впослѣдствіи митрополитъ и самъ измѣнилъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Возобновеленіе Софійскаго собора въ полномъ видѣ (стѣнной живописи, иконостаса, пола и пр.) обошлось до 115000 р., составившихся изъ церковныхъ суммъ, средствъ государственнаго казначейства и частныхъ пожертвованій. Въ это же время произведена была надстройка четвертаго этажа отдѣльной соборной колокольни, сооруженной еще въ началѣ XVIII вѣка. По высочайше утвержденному проекту колокольня повышена была до 35 саженей, съ устройствомъ на ней новаго высокаго купола, замѣнившаго собою прежній длинный спицъ. Разрѣшивъ при этомъ принять отъ графини А. А. Орловой [1]) пожертвованіе (50000 р.) на работы по возобновленію собора (1847), императоръ Николай опять подтвердилъ, чтобы соборъ возобновленъ былъ въ первобытномъ видѣ, не допуская отнюдь никакихъ новыхъ безвкусныхъ украшеній, но сохраняя старину во всей ея изящности [2]).

Вниманіе императора Николая къ исторической старинѣ снова подтвердилось по поводу открытія въ 1853 г. древнихъ пещеръ, во время производства земляныхъ работъ для устраивавшагося въ Кіевѣ спуска отъ Военнаго собора къ Цѣпному мосту. Въ одной изъ означенныхъ пещеръ найдено было на стѣнѣ изображеніе въ видѣ образа и земляное возвышеніе, имѣвшее повидимому назначеніе ложа для отдыха. Виднѣвшіяся на стѣнахъ пещеры надписи древними славянскими буквами (съ именами отшельниковъ, упоминаемыхъ въ Патерикѣ) и способъ начертанія нѣкоторыхъ изъ нихъ заставляли предполагать, что въ этихъ пещерахъ обитали отшельники въ первыя времена распространенія христіанства въ Россіи. По докладу о томъ министра внутр. дѣлъ,

---

[1]) Гр. А. А. Орлова пріѣзжала въ Кіевъ (Р. Арх. 1899, № 8, стр. 418) и сдѣлала большой вкладъ въ лавру (1 мил. р.), на который возобновленъ былъ иконостасъ (Москвитян. 1851, IV, 22).

[2]) Возобновленіе Кіево-Софійскаго собора въ 1843--53 гг., прот. П. Лебединцева (Труды Кіев. дух. акад. 1878, №№ 8 и 12 и отд.); Моя жизнь, восп. Ѳ. Г. Солнцева (Рус. Стар. 1873, тт. XV и XVI); Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прот. П.Л., К. 1882.

государь повелѣлъ: «Главноуправляющему путями сообщенія и публичными зданіями отнюдь не трогать этихъ пещеръ, а если сохраненіе сей святыни будетъ препятствовать устройству спуска, то чтобъ было представлено Его Величеству соображеніе, какъ отстранить сіе препятствіе». Составленный для изслѣдованія означенныхъ пещеръ комитетъ пришелъ, однако, къ заключенію, что въ археологическомъ отношеніи, при существованіи въ Кіевѣ и его окрестностяхъ пещеръ всѣхъ родовъ, въ новооткрытой пещерѣ имѣютъ цѣну и заслуживаютъ сохраненія только изображенія и надписи; а потому самая пещера, по снятіи съ нея рисунка и вѣрной копіи образа и надписей, безъ великой потери для церкви и для науки, можетъ быть срыта, особенно когда этого потребуютъ живые интересы современной нашей дѣятельности, тѣмъ болѣе, что изъ изслѣдованія пещеры въ гражданскомъ отношеніи открывается, что, находясь слишкомъ недалеко отъ поверхности земли и, будучи подвержена вліянію сырости, эта пещера въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь находится, грозитъ скорымъ разрушеніемъ». Выслушавъ докладъ комитета, имп. Николай повелѣлъ: »вести дорогу по проекту» [1]).

Обращаясь къ новому Кіеву, напомнимъ, что къ этому періоду относится возведеніе важнѣйшихъ общественныхъ зданій, послужившихъ помѣщеніемъ для административныхъ и учебныхъ учрежденій края и вмѣстѣ съ тѣмъ украшеніемъ города, подвергшагося перестройкѣ въ широкихъ размѣрахъ. Постройки времени Николая I отличаются основательностью, массивностью и въ соотвѣтствіе имъ внѣшней отдѣлкой [2]). Воздвигались онѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, что могли впослѣдствіи, послѣ новыхъ приспособленій, удовлетворить болѣе широкимъ нуждамъ позднѣйшаго времени. Въ этотъ періодъ Кіевъ получилъ уже тотъ общій видъ города, въ предѣлахъ котораго намѣчено было его дальнѣйшее улучшеніе и развитіе.

---

[1]) Ж. М. Вн. Дѣлъ 1856, № 8; Ж. М. Н. Пр. 1853, №№ 9 и 11.

[2]) До постройки присут. мѣстъ, они временно помѣщались бл. Андреевской ц. (Трехсвят. ул., № 20).

Мы видѣли, что въ самомъ началѣ дѣятельности, университетъ, въ лицѣ своихъ членовъ, принималъ ближайшее участіе въ открытіи и приведеніи въ порядокъ древностей г. Кіева. Въ концѣ настоящаго періода онъ принимаетъ не менѣе дѣятельное участіе въ другомъ, важномъ для Кіева и всего края предпріятіи,—описаніи губерній Кіевскаго учебнаго округа. Съ 1851—1864 г. при университетѣ состояла «постоянная коммиссія» для описанія означенныхъ губерній, уставъ который былъ утвержденъ 22 дек. 1850 г. Поводомъ къ ея учрежденію послужили изслѣдованія членами университета Юго-Западнаго края въ естественно-историческомъ отношеніи. Д. Г. Бибиковъ, будучи въ то время ген.-губернаторомъ и управляющимъ Кіевскимъ учебнымъ округомъ (съ 1848 г.) пожелалъ сосредоточить эти изслѣдованія главнымъ образомъ въ предѣлахъ мѣстности, ближайшей къ университету. Усматривая же изъ представленія совѣта университета, что три губерніи Кіевскаго учебнаго округа—Кіевская, Подольская и Волынская—изслѣдованы уже довольно подробно въ естественно-историческомъ осношеніи [1]), онъ полагалъ вполнѣ достойнымъ ученой дѣятельности университета привести имѣющіяся свѣдѣнія въ систему, дополнить ихъ новѣйшими изслѣдованіями и издать ихъ въ видѣ сборника или особаго сочиненія, для каковой цѣли предложилъ учредить редакціонный комитетъ изъ членовъ физико-математическаго факультета. Передавая свою мысль на обсужденіе совѣта, Бибиковъ предложилъ сообщить ему планъ изданія. Представленный планъ, въ который должны были войти изслѣдованія края въ зоологическомъ, ботаническомъ и геогностическомъ отношеніяхъ, былъ одобренъ, и въ то же время, по мысли Бибикова, составлены были также планы описанія края въ отношеніяхъ

---

[1]) Это были экскурсіи, совершенныя въ 1843—1850 гг. профессорами Кесслеромъ, Траутфеттеромъ, Роговичемъ, Ѳеофилактовымъ и др. по Кіевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Полтавской губ., доставившихъ богатый матеріалъ для ботанической, зоологической и минералогической коллекцій университета (Владимірскій-Будановъ, Ист. унив. св. Владиміра, 577—580).

географическомъ, статистическомъ, историческомъ, сельско-хозяйстепномъ и технологическомъ.

Открытіе коммиссіи послѣдовало 21 февр. 1851 г. Каждый членъ университетскаго сословія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнымъ членомъ коммиссіи, коль скоро изъявлялъ желаніе участвовать въ ея трудахъ. Въ дѣйствительные члены и сотрудники принимались лица изъ мѣстныхъ владѣльцевъ и вообще изъ людей, могущихъ содѣйствовать ученымъ цѣлямъ коммиссіи. Въ почетные члены и соревнователи принимались лица, желающія споспѣшествовать коммиссіи денежными средствами. [1]). Дѣятельность коммиссіи распредѣлена была, согласно уставу, по четыремъ отдѣленіямъ: *географическому*, *естественно-историческому*, *промышленному и статистическому*. Такимъ образомъ, коммиссія являлась въ то время и ученымъ обществомъ, учрежденнымъ при университетѣ. Коммиссія просуществовала съ 1850—64 гг., когда новыя явленія жизни потребовали иныхъ условій дѣятельности и иной организаціи учрежденія, несомнѣнно принесшаго пользу въ той скромной сферѣ, какая могла быть предоставлена ему тогда.

Въ теченіе своего существованія коммиссія издала четыре тома «Трудовъ» (1851, 1853, 1854 и 1861), большая часть которыхъ относится къ флорѣ, фаунѣ, минералогіи, геологіи и статистикѣ края. Въ числѣ статей по этой послѣдней находимъ изслѣдованія, посвященныя табачной, желѣзной, свекло-сахарной промышленности, кредитнымъ операціямъ въ Кіевской губ., статистикѣ населенія и т. п. [2]). Кромѣ того, въ трудахъ коммиссіи

---

[1]) Предсѣд. ком. назначенъ былъ пом. попеч. М. В. Юзефовичъ, вице-предсѣд.—ректор. Р. Э Траутфеттеръ, потомъ Н. Х. Бунге; секр. Д. П Журавскій (—1852), Н. Х. Бунге (1852—1854) и кн. В. Д. Дабижа (1854—60). Въ 1851 состояло: дѣйст. член. 59, почет.—60, членовъ сотруд. 16, въ 1853 г. дѣйст. член. 67, почет.— 71, сотруд.—22, въ 1864 г.—д. член. 91, почет. чл.—69, сотруд. 40. Всѣмъ посторон. членамъ предоставлялось право носить вице-мунд. мин. нар. просвѣщ.

[2]) Въ «Трудахъ» ком., кромѣ назв. лицъ, принимали участіе: А. Л. Андржеіовскій, В. В. Тарновскій, С. М. Ходецкій, Г. Базинеръ, Г. Маркевичъ и др.

было помѣщено «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ минцъ-кабинету университета св. Владиміра, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина въ маѣ 1852 г.», Я. Волошинскаго, съ рисунками [1]).

Такимъ обр., основаніемъ университета въ Кіевѣ положенъ былъ краеугольный камень для всесторонняго изученія края; не только въ интересахъ научныхъ, но и его благосостоянія въ частности. Значеніе университета въ этомъ отношеніи обнаружилось на первыхъ же порахъ, когда пришлось обратиться къ рѣшенію вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ исторіею края, его племенными особенностями и экономическими отношеніями. Не напрасно поэтому и въ надписи на университетскомъ храмѣ, въ видѣ девиза, были начертаны слова: «Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ».

XXIII.

Пребываніе м. Евгенія въ Кіевѣ привлекло вниманіе къ этому послѣднему ученыхъ. Польскій филологъ Линде въ 1826 г. направляетъ молодого ученаго Кухарскаго къ м. Евгенію, а затѣмъ въ Москву [2]). Быть можетъ здѣсь сказалось и уваженіе къ м. Евгенію, какъ почитателю польской ученой литературы [3]).

---

[1]) Коммиссія для опис. губерній Кіев. учебнаго округа, К. М. Ѳеофилактова (Учрежд. унив. св. Владиміра, 1—8).

[2]) Th. Wierzbowski, „Materyaly do dziejów pism. polsk.“, II. Warsz. 1904 (инстр., сост. Линде).

[3]) «Поляки гигантскими стопами упреждаютъ насъ въ словесности. Намъ надобно у нихъ учиться», писалъ м. Евгеній канцлеру гр. Румянцеву (1823); на что тотъ отвѣчалъ: «Заключеніе ваше о превосходствѣ нынѣшнихъ польскихъ писателей надъ нашими весьма справедливо» и далѣе онъ говоритъ о критикѣ Лелевеля на Карамзина и пр. (Переписка Румянцева съ м. Евгеніемъ», 91). Тотъ же м. Евгеній писалъ гр. Хвостову: «Нельзя вполнѣ критиковать сочиненія, не сравнивая его со многими той же матеріи и рода. А у насъ едва по-

Съ нимъ былъ друженъ бар. С. И. Шодуаръ, представитель польской интеллигенціи, извѣстный своею нумизматическою коллекціею, а потомъ дѣятельный членъ Кіев. ком. для разбора древнихъ актовъ [1]). Въ 1829 г. посѣтилъ Кіевъ К. Ө. Калайдовичъ, выступившій въ своемъ изслѣдованіи противъ принятаго мнѣнія (по лѣтописи) о пребываніи въ Кіевѣ ап. Андрея, перенося это извѣстіе на Андрея юродиваго, славянина, жившаго въ V вѣкѣ. М. Евгеній писалъ Востокову: «теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ К—чъ и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славили его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями» [2]). Сообщая нѣсколько позже о замѣчаніяхъ на исторію Погодина, которыми занятъ м. Евгеній, Иннокентій прибавляетъ: «лучшаго критика въ нашемъ Кіевѣ вѣрно не сыщется» [3]). Семейныя дѣла, болѣзнь и открытіе университета въ Кіевѣ потянули сюда Максимовича, за нимъ тянулся Гоголь, который хотѣлъ было и Погодина переселить въ Кіевъ, если-бы онъ не обзавелся домомъ въ Москвѣ [4]). Превратившись изъ ботаника въ словесника, Максимовичъ писалъ потомъ: «Поступивъ на каѳедру рус. словесности, я имѣлъ

одиначкѣ еще появились на каждый родъ. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ приравниваніе нашихъ сочиненій къ иностраннымъ... Насъ надобно пока судить только по себѣ самимъ, кто у насъ лучше, а не во всемъ свѣтѣ. Литература наша во всесвѣтной—еще азбука. Вездѣ у насъ только-что переводы и самые журналы набиты ими, такъ что очевидно, что наши писатели, лучше сказать писцы, больше знаютъ чужое, нежели свое. Послѣ сего, какъ можно хвалиться литературою» (Сборн. Имп. Ак. наукъ, V, в. I, 180).

[1]) Библ. (съ славян. рукоп. и автогр. русскихъ дѣятелей) и коллекціи его находились въ м. Ивницѣ, Житом. уѣзда (см. Замѣтку Н. И. Петрова, К. Стар. 1888, № 8, стр. 33—39; Опытъ рус. исторіографіи II, 1421).

[2]) Сборн. Ак. Наукъ, V, 273. Къ 1822—29 гг. относится рядъ писемъ м. Евгенія къ Бантышу-Каменскому, кас. разныхъ вопросовъ по исторіи Малороссіи и портретовъ малорос. дѣятелей (Р. Стар. 1904, № 9, стр. 648—651).

[3]) Барсуковъ, IV, 404.

[4]) Ibidem, 191—193.

счастіе пользоваться бесѣдами многознающаго Евгенія и видѣлъ его любовь къ распространенію знанія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для моихъ лекцій, я находилъ у него немедленно пособіе»; а, похоронивъ (1837) ученаго митрополита, Максимовичъ, обязанный ему частыми вечерними бесѣдами, писалъ: «въ особенности, чувствую себя одолженнымъ, вспоминая тогдашнее занятіе мое исторіей русской словесности» [1]). Въ іюлѣ 1835 г. посѣтилъ Кіевъ, проѣздомъ въ Петербургъ изъ Васильевки или Яновщины,—Гоголь, прогостившій пять дней у Максимовича [2]) и почти весь день странствовавшій по Кіеву со своими лицейскими знакомцами. Возвращался онъ вечеромъ и только тогда зачиналась наша бесѣда, говоритъ. М—чъ Нельзя было мнѣ не замѣтить перемѣны въ его рѣчахъ и настроеніи духа: онъ каждый разъ возвращался неожиданно степеннымъ и даже задумчивымъ. Онъ, между прочимъ, откровенно сознавался въ своемъ небреженіи о лекціяхъ въ петербургскомъ ун-тѣ, и жалѣлъ очень, что его не принялъ фонъ-Брадке въ университетъ кіевскій. Я думаю, что именно въ то лѣто начался въ немъ крутой переворотъ въ мысляхъ--подъ впечатлѣніемъ древне-русской святыни Кіева, который у малороссіянъ XVII в. назывался русскимъ Іерусалимомъ» (у св. Димитрія Ростовскаго, гетм. Самойловича и др.). Съ с. з. угла балкона у ц. Андрея Первозв. они вдвоемъ обозрѣвали Кіевъ. «Я помню, прибавляетъ М—чъ, что

---

[1]) М. А. Максимовичъ, Н. Чаева (Р. Арх. 1874, II, 1077—78).

[2]) Давно уже нѣтъ на Печерскѣ того Кортова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было и мое кратковременное пристанище въ Кіевѣ, писалъ М—чъ въ 1868 г. Но уцѣлѣлъ еще отъ сломки на Никольской ул. тотъ Катериничевъ домикъ, въ который перемѣстился я къ веснѣ 1835 г., перезимовавши на Старомъ городѣ, во дворѣ о. Кирилла Ботвиновскаго. Тотъ Катериничевъ домикъ стоитъ на тычку, первый съ правой руки, при въѣздѣ въ новозданную печерскую крѣпость, возлѣ прежняго Ипсилантіева, нынѣ лаврскаго дома. Тамъ прежде всѣхъ, гостившихъ у меня друзей, былъ Гоголь, нарочно пріѣзжавшій ко мнѣ въ концѣ іюля» (Письма о Кіевѣ, 55—56).

изъ представляющейся оттуда обширной панорамы Кіева, тебѣ (Погодину) и Тургеневу (Ал. Ив.) и другимъ, съ которыми я бывалъ тамъ, всего болѣе нравился видъ на Подолъ и Днѣпръ; а особенно полюбился видъ на Кожемяцкое удолье и Кудрявецъ. Когда же мы снова обходили съ нимъ вокругъ той высоты, любуясь ненаглядною красотою кіевскихъ видовъ, стояла неподвижно малороссійская молодица, въ бѣлой свитѣ и намиткѣ, опираясь на балконъ и глазѣя на Днѣпръ и Заднѣпровьѣ. «Чего ты глядишь тамъ, голубко?» мы спросили. «Бо гарно дивиться!» отвѣчала она не перемѣняя своего положенія; и Гоголь былъ очень доволенъ этимъ выраженіемъ эстетическаго чувства въ нашей землячкѣ. Мы растались въ Кіевѣ надолго, до нашего свиданія въ октябрѣ 1849 г., въ Москвѣ. Гоголь, продолжаетъ М—чъ, завершилъ мнѣ собою въ Кіевѣ то *лѣто пріятное*; а на осень меня обрадовалъ мой родной (дядя) Е. Ѳ. Тимковскій, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай, изд. въ 1824 г. [1]). Докончивъ въ свое консульство въ Молдавіи, онъ возвращался на отдыхъ въ осиротѣлую свою Тимковщину, и на перепутьи прогостилъ у меня въ Кіевѣ первую половину октября [2]). Въ томъ же 1835 г., на пути изъ-за границы, заѣхали въ Кіевъ Погодинъ, Д. М. Княжевичъ, Н. И. Надеждинъ и П. В. Кирѣевскій. У м. Евгенія Погодинъ «выпросилъ» листы Толковой Псалтири», а чрезъ Максимовича настолько «сдружился» съ Иннокентіемъ, что готовъ былъ уже, по свойственному ему, Погодину, эмфазу, посвятить послѣднему извѣстные «Афоризмы», но былъ удержанъ отъ того своимъ другомъ Максимовичемъ, чтобы «сберечь отъ лишнихъ возбужденій» [3]). Осенью того же года, на пути за границу, навѣстилъ Максимовича знакомый ему по Москвѣ—Н. В. Станкевичъ. На замѣчаніе Максимовича, что въ гегелевской философіи онъ не найдетъ себѣ счастья, послѣдній отвѣчалъ: «тогда я не хочу и жить на свѣтѣ, если не найду

---

[1]) Путеш. въ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 гг., Егора Тимковскаго, 3 чч., Спб. 1824.

[2]) Письма о Кіевѣ, 54—57.

[3]) Барсуковъ, IV, 328—329; IX, 96.

его въ ней». То была душа любознательная, и ея скоро не стало», прибавляетъ съ грустью Максимовичъ [1]). Въ началѣ октября 1837 г. посѣтилъ Кіевъ наслѣд. цес. Александръ Николаевичъ, послѣ смотра въ Вознесенскѣ и путешествія по Крыму, а вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Кіевѣ и университетѣ Жуковскій.—«6-е и 7-е окт. провелъ я съ Жуковскимъ, будучи проводникомъ ему по всему Кіеву... Изъ представляющейся съ Андрея Первозваннаго обширной панорамы Кіева... Жуковскій пристальнѣе всего вглядывался въ ту сторону, гдѣ Вышгородъ, городъ Ольгинъ, и срисовалъ себѣ тотъ видъ... Рано утромъ 8 окт. обнялъ меня на прощанье, и это уже было послѣднее мое съ нимъ свиданіе» [2]). И въ томъ же мѣсяцѣ, на пути за границу, заѣхалъ въ Кіевъ Бодянскій. При посредствѣ Иннокентія, онъ осмотрѣлъ библ. Софійскую, Братскую и Михайловскаго мон. Въ послѣдней ему удалось въ одной книгѣ («Цвѣтодарованіе») найти списокъ тѣхъ вельможныхъ южно-русскихъ домовъ, которые приняли католицизмъ. «Я таки довольно порядочно смыслю въ малороссійской исторіи, писалъ онъ Погодину, а признаюсь весьма много встрѣтилъ тутъ такихъ домовъ, которыхъ прежде и не подозрѣвалъ въ православіи и русской крови. Въ этой же книгѣ попалось мнѣ еще другое исчисленіе, именно: *яко которая земля вѣру греческую держала*. Знаете ли, что здѣсь поименованы даже Козары» [3]). Въ то же время Максимовичъ писалъ Погодину: «Бодянскій напомнилъ мнѣ много изъ старой, и насказалъ много изъ новой Московщины, въ томъ числѣ много изъ круга твоей обширной дѣ-

---

[1]) Онъ отправлялся за границу въ авг. 1837 г. и 24 авг. былъ въ Кіевѣ (Н. В. Станкевичъ Анненкова, I, 117, 164), о чемъ вспоминалъ позже Максимовичъ (Барсуковъ, VIII, 236).

[2]) Письма о Кіевѣ, 56, 76; Барсуковъ, V, 9—10. «11 октября, по пріемѣ у себя въ залѣ всего корпуса профессоровъ», имп. Николай принялъ англ. послан., лорда Дургама съ его свитой. «И былъ онъ тогда свѣтелъ и ласковъ необычайно», прибавляетъ Максимовичъ (58).

[3]) Письма къ Погодину изъ словен. земель (1, 2, 37—38; 3, 15, 16, 40). Ср. Отчетъ Бодянскаго о библ. Михайл. мон. (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. XVIII, 401—402).

ятельности. Радуюсь ей отъ души... Я заподозрѣлъ Бодянскаго, что онъ прихвастнулъ относительно *восьми тысячъ* пѣсенъ малороссійскихъ, яко бы имъ собранныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ одной Полтавской губ., не выѣзжая изъ Москвы; но онъ говоритъ, что ты можешь это засвидѣтельствовать. Точно ли такъ? Правда ли? Полно, такъ ли? У меня только *три тысячи* въ десять лѣтъ. «Пѣсенъ я видѣлъ много», отвѣчалъ Погодинъ, «но восемь тысячъ ихъ не считалъ» [1]).

По свидѣтельству очевидцевъ, 11 янв. 1838 г., въ Кіевѣ (и нѣк. мѣстахъ юж. Россіи), въ 9 час. вечера, при 17 град. мороза, послышался необыкновенный гулъ, похожій на лѣтній шумъ экипажей по мостовой (я жилъ тогда на Печерскѣ въ быв. домѣ Семенюты). Смотрю: на стѣнѣ у меня закачался, какъ маятникъ, портретъ нашего приснопамятнаго проф. Даниловича, а на столѣ моемъ зашатался большой подсвѣчникъ. И продолжалось это около трехъ минутъ». Такъ описываетъ бывшее землетрясеніе Максимовичъ, прибавляя словами лѣтописца печерскаго: «се же знаменье не на добро бысть. Такъ и случилось въ то лѣто» (дѣло Боровскаго 1838 г.) [2]). По этому поводу сказалъ свое «слово» Иннокентій на тему «о покояніи», о которомъ (т. е. словѣ) «Кіевскій философъ» Авсеневъ выразился, что оно едва ли не лучшее явленіе, а Погодинъ простеръ еще далѣе свои размышленія по поводу того же событія. Не такъ легко поддававшійся чувству, Надеждинъ писалъ ему въ назиданіе: «Бойся суевѣрія, которое, конечно, извинительнѣе невѣрія,—но все есть крайность. Я не раздѣляю твоихъ боязливыхъ предчувствій... Великія эпохи всемірныхъ кризисовъ конечно сопровождаются особенными, чрезвычайными явленіями въ умственномъ и нравственномъ мірѣ. Но видѣнія и сны частныхъ лицъ ничего не значатъ. Я такъ увѣ-

---

[1]) Письма Погодина къ Максимовичу, 14. Барсуковъ, V, 100—103. — О Бодянскомъ см. также монографію Н. П. Василенка: «О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи, К. 1904 (изъ Кіев. Старины).

[2]) Письма о Кіевѣ, 77—78.

ренъ, что свѣтъ простоитъ еще долго» и т. д. Однако «кіевскій философъ» Авсеневъ писалъ Погодину: «Какъ рада наша академическая философія, что мнимое суевѣріе народа принято вами въ философію вашей исторіи. А мы съ этимъ образомъ мыслей боялись остаться одни, особливо послѣ *гегелевскаго тумана*. Есть философія въ народѣ, которой довѣдомо то, что и не снилось германскимъ мудрецамъ» [1]).

На осень 1842 г. Погодинъ собрался на воды за границу, побывалъ на Михайловой горѣ, гдѣ не засталъ Максимовича, въ Переяславѣ, гдѣ не примѣтилъ ничего древняго, и въ Кіевѣ, гдѣ обошелъ всѣ святыни, а, обозрѣвъ кіевскія пещеры и умилившись подвигами ихъ обитателей, описанныхъ въ Патерикѣ, воскликнулъ: «И мы, несмысленные, отъ такихъ живоносныхъ источниковъ обращаемся къ Уландамъ и Гейне, переводимъ со тщаніемъ ихъ мелочи и попираемъ ногами свои бисеры. Одно основаніе Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая европейская литература. О юноши! какъ мнѣ жаль васъ, когда я вижу васъ стремящихся за потокомъ. «Изъ лавры Погодинъ счелъ долгомъ заѣхать къ ген.-губ. Д. П. Бибикову, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, ибо столько наслышался «о его русскомъ духѣ». Опасаясь «шалостей въ окрестностяхъ», Погодину не хотѣлось выѣзжать изъ Кіева ночью; но опасенія его оказались напрасны. «Ночью, лѣсомъ, въ непогоду, говоритъ онъ, одному ѣхать было такъ безопасно, какъ въ го-

---

[1]) Барсуковъ, V, 126—130. Прибавимъ здѣсь, что въ то время была извѣстна въ Кіевѣ женщина-лунатикъ (Жучиха), которую весь городъ считалъ «страшной вѣдьмой». Никто не хотѣлъ сжалиться надъ нею, всѣ проклинали, боялись ея. «Суевѣры горожане, проходя мимо ея дома, ограждали себя крестнымъ знаменіемъ; нечаянная встрѣча съ нею считалась предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняли ее изъ дому, а съ ея внуками никто не хотѣлъ играть»; «но, замѣчаетъ авторъ записокъ, для меня, прослушавшаго курсъ исторіи души у Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною» (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, стр. 542).

родѣ» [1]). По замѣчанію путешественника, «Малороссія за Днѣпромъ (т. е. отъ Москвы) имѣетъ уже другой характеръ, судя по большой дорогѣ: мѣстоположеніе хуже, селеній мало, кое-гдѣ видишь грязный шинокъ, и только. Поляки и жиды оказали на ней все свое вліяніе»... Но онъ прибавляетъ: «Замѣчательно, что русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т. е. поляками, тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи» [2]). Побывавъ въ Галиціи, Погодинъ писалъ, что тамъ говорятъ всякому русскому путешественнику: «Скоро ли вы насъ возьмете къ себѣ»; а одинъ старецъ сказалъ Погодину: «Хотя бы вы промѣняли насъ на Польшу» и вмѣстѣ съ тѣмъ давали совѣтъ: «выводить польскій духъ изъ губ. Волынской, Подольской и пр., скупая имѣнія отъ польскихъ помѣщиковъ, что очень легко бываетъ на кіевскихъ контрактахъ, возвышать и освѣщать Кіевъ пребываніемъ царской фамиліи, привлекая туда русскихъ капиталистовъ... Австрійское правительство трепещетъ за Галицію и принимаетъ строжайшія мѣры противъ патріотовъ. На обратномъ пути Погодинъ, заѣхавъ въ Кіевъ, опять побывалъ на Михайловой горѣ и столь же неудачно, и въ томъ же году еще разъ побывалъ здѣсь, въ Кіевѣ, Надеждинъ [3]).

Въ 1842 г., по выходѣ въ отставку, переѣхалъ на жительство изъ Москвы въ Кіевъ Даниловичъ; однако, вскорѣ затѣмъ, отправившись за границу (1843) для лѣченія, онъ тамъ и умеръ, послѣ того, какъ его письменное сокровище, пересланное черезъ контору дилижансовъ въ Кіевъ, оказалась пропавшимъ; а въ слѣдующемъ году (1843) прибылъ въ Петербургъ изъ Берлина бар. Августъ Гакстгаузенъ, «въ политикѣ крайній монархистъ, а въ религіи ультра-католикъ», предпринявшій путешествіе по Россіи для ознакомленія съ русскимъ сельскимъ бытомъ. По этому поводу сообщалось, что баронъ очень ласково принятъ былъ при дворѣ

---

[1]) Впрочемъ, поѣздка на контракты въ Кіевъ не считалась безопасною, а по этому поводу ходило не мало легендъ (Ulaszyn).

[2]) Барсуковъ VII, 10—16, съ путев. замѣч. о Малороссіи.

[3]) Ibidem, 48, 60—65.

и, напротивъ, недружелюбно встрѣченъ нѣкоторыми важными особами, которыя не сочувствуютъ его сужденіямъ объ отношеніяхъ дворянства къ крестьянству. По словамъ самого барона, онъ встрѣтилъ величайшую готовность къ содѣйствію его ученымъ изслѣдованіямъ. Имп. Николай приказалъ не только всѣмъ властямъ оказывать ему полное покровительство, но и сообщать ему документы изъ архивовъ и присутственныхъ мѣстъ. Онъ писалъ замѣчанія на указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, которыя понравились. Онъ желалъ познакомиться съ Хомяковымъ и Петр. Кирѣевскимъ. Такимъ обр., бар. Гакстгаузенъ предпринялъ обширное путешествіе: изъ Петербурга онъ поѣхалъ на Новгородъ, Тверь, Москву, по Волгѣ до Саратова; потомъ чрезъ Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую губ., въ Крымъ, на Кавказъ, а черезъ Одессу въ Подолію, Волынь, *на Кіевъ*, Черниговъ и далѣе до Москвы. Плодомъ этого путешествія въ 1847 и 1852 г. явилась книга, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи« [1]).

Мы упоминали, что въ Кіевѣ съ дек. 1849 по дек. 52 г. жилъ Самаринъ, правившій канцеляріей Бибикова, [2]) и А. О. Смирнова говоритъ: «Изъ Кіева Самаринъ писалъ часто, то комическія письма, то серьезныя, рисовалъ карикатуры. Самаринъ часто посѣщалъ кіев. митр. Филарета, который былъ совершенно какъ невинное дитя. Самаринъ написалъ мнѣ длинное письмо или вѣрнѣе диссертацію о кіевскихъ отшельникахъ, Θеодосіи печерскомъ и пещерахъ» [3]). Пребываніе Самарина въ Кіевѣ сблизило всѣхъ здѣшнихъ господъ съ Москвою и познакомило за-

---

[1]) Барсуковъ, VII, 254—256, 281—284.

[2]) Барсуковъ, IX, 471—72.

[3]) Ibidem, 133. Впослѣдствіи онъ написалъ статьи: «По поводу защиты кіевской администраціи М. В. Юзефовичемъ« (Сочин. I, 309—324) и «Замѣч. объ инвентаряхъ, введенныхъ въ 1847—48 гг.» (ib., II, 1—16).

очно со всѣми нами», говоритъ И. С. Аксаковъ [1]). Весною 1848 г. Гоголь, проѣздомъ изъ Одессы въ Васильевку, остановился въ Кіевѣ у А. С. Данилевскаго и видѣлся у него и Юзефовича съ Ѳ. В. Чижовымъ, который не разъ сюда наѣзжалъ. «Мы много ходили по Кіеву, но больше молчали, писалъ тогда послѣдній... Кто сильно вжился въ жизнь римскую, тому послѣ Рима только Москва и можетъ нравиться», сказалъ Гоголь [2]). Въ августѣ 1850 г. К. С. Аксаковъ со своими больными сестрами ѣздилъ въ Кіевъ и здѣсь встрѣтился съ кн. П. А. Вяземскимъ, возвращавшимся съ Востока [3]), и затѣмъ написалъ Максимовичу «Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе» [4]). Въ августѣ 1852 г. былъ въ Кіевѣ С. П. Шевыревъ [5]). Еще въ 1846 собирался сюда и И. С. Аксаковъ, но съ другой цѣлью: «Если я не поѣду въ чужіе края, писалъ онъ отцу, то на будущій годъ отправлюсь въ Кіевъ, разумѣется не для богомолья, но такъ—ради путешствія и любознательности. Оболенскій (кн. Ю. А.) даже можетъ вамъ разсказать теперь много замѣчательныхъ вещей про народъ и бытъ народный» [6]). Въ маѣ 1852 г. онъ посѣтилъ Кіевъ, откуда вмѣстѣ съ Ригельманомъ и кн. Дабижей, въ лодкѣ (а потомъ экипажемъ) отправился въ имѣніе Чижова близъ Триполья, который завелъ

---

[1]) Письма, III, 8.

[2]) Барсуковъ, IX, 471.

[3]) Барсуковъ, XI, 119, 122. К. С. Аксаковъ останавливался въ гост. Лондонъ (на Печерскѣ). Письма къ Максимовичу (К. Стар. 1883, т. V, № 4, стр. 829--841).

[4]) Одесса чествовала кн. Вяземскаго, а Кіевъ проглядѣлъ (Москвит. 1850, № 21, стр. 33; К. Стар., ibid., 835).

[5]) Барсуковъ, XII, 75.

[6]) Ibidem, VIII, 338—339. Они останавливались въ существовавшемъ еще «Зеленомъ трактирѣ», въ 100 шагахъ отъ лавры (прежде считался лучшей гостиницей). Аксаковъ бывалъ у Юзефовича и Ригельмана, гдѣ видался съ проф. Селинымъ и Павловымъ; въ кондитерской онъ читалъ Journal de Francfort; онъ жалуется, что извощики въ Кіевѣ страшно дороги и берутъ вдвое противъ таксы (Письма, стр. 7—9).

тамъ «шелковое заведеніе» и пріучилъ къ этому дѣлу крестьянъ [1]). Въ 1852 г. напечаталъ въ «Сѣв. Почтѣ» свои статьи о Кіевѣ (числомъ три) побывавшій здѣсь А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій [2]).

Можно сказать, что съ учреженія университета Кіевъ становится притягательнымъ пунктомъ—на пути за границу и оттуда, чему не мало способствовали и связи съ Москвою черезъ Максимовича, который былъ главнымъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ. Прежній путь за границу (отъ Карамзина до Грановскаго) замѣняется другимъ, много способствовавшимъ оживленію Кіева.

Академія пріучила кіевлянъ къ публичнымъ экзаменамъ, соединявшимся съ диспутами; ежегодные акты принадлежатъ уже позднѣйшему времени [3]). Съ основаніемъ университета въ стѣнахъ его открываются ежегодные акты (въ первые годы два раза), соединяемые обыкновенно съ отчетами и рѣчью. Иногда рѣчи эти произносились на извѣстную, отвѣчающую потребностамъ настоящей минуты, тему, или брали на себя защиту какой либо научной истины. Так. обр., при открытіи университета пр. Цыхъ произнесъ приличную случаю рѣчь: «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ завѣденій» [4]); въ 1835 г. проф. Неволинъ.: «О соединеніи теоріи съ практикою въ изученіи законовъ и въ дѣлопроизводствѣ»; въ 1836 (15 іюля) проф. Орнатскій: «Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ законодательствѣ и законовѣдѣніи» и (3 окт.) Голубковъ: «О необходимости учрежденія ученыхъ преній»; въ 1837 г. (15 іюля) проф. Новицкій: «Объ упрекахъ, дѣлаемыхъ философіи, ихъ силѣ и важности» и (2 окт.) Максимовичъ: «О значеніи Кіева въ общей жизни Россіи»; въ 1838 г. (15 іюля) проф. Ѳедоровъ: «О мнимомъ противорѣчіи между истинами изъ познанія неба видимаго и истинами неба не-

---

[1]) Ibidem, XIII, 113—14.

[2]) О нихъ Москвитян. 1852, I, 15 (Изъ Кіева).

[3]) Кіев. Стар. 1885, т. XI, 773—776; Москвитян. 1851, V, 38—39. На обратномъ пути изъ-за границы Грановскій только „проѣхалъ" черезъ Кіевъ.

[4]) Записки и рѣчи, читан. при откр. И. У. св. Владиміра К. 1840, стр. 85—119.

видимаго» и (20 окт.); Красовъ: «О современномъ направленіи просвѣщенія»; въ 1839 г. (15 іюля) проф. Нейкирхъ: «О важности изученія древней греческой словесности» [1]); въ 1840 г. проф. Домбровскій: «О вліяніи Греціи на развитіе гражданственности древ. Руси» [2]); въ 1841 г. проф. Иванишевъ читалъ: «Объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ богемскомъ и скандинавскомъ» [3]); въ 1843 г., проф. Козловъ: «О развитіи идеи болѣзни» [4]); въ 1845 г. (28 янв.), проф. Леоновъ: «О развитіи судебной медицины отечественной и объ отношеніи ея къ рус. законодательству»; въ 1845 г. (20 дек.) проф. Траутфеттеръ; «О флорѣ сѣв. полосы Россіи»; въ 1846 г. проф. Кесслеръ: «О происхожденіи домашнихъ животныхъ»; въ 1847 г. проф. Алферьевъ: «Объ отношеніи патологической анатоміи къ терапіи»; въ 1848 г.—проф. Ѳедоровъ: «О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ»: въ 1849—проф. Вальтеръ: «Объ отпошеніяхъ публики къ современной врачебной наукѣ»; въ 1850 г. проф. Фонбергъ: «О необходимости наукъ для успѣха искусствъ и ремеслъ»; въ 1851 г. проф. Дьяченко: «О вліяніи дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія на успѣхи геометріи и механики«; въ 1852 г. проф. Богородскій: «Объ успѣхахъ уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в.»; въ 1853 г. проф. Гогоцкій: «Объ историческомъ развитіи воспитанія у примѣчательнѣйшихъ народовъ древняго міра»; въ 1854 г. проф. Гюббенетъ: «О значеніи гимнастики въ жизни человѣка и народовъ»; въ 1855 г. проф. Ходецкій: «Обозр. успѣховъ сельскаго хоз. въ Россіи съ историч. изложеніемъ правит. мѣръ по улучшенію хозяйства»; въ 1856 г.

---

[1]) Біогр. Слов. проф., стр. 816. Рѣчи, чит. 15 іюля, обыкновенно печатались.

[2]) Отчетъ и Ж. М. Н. Пр., т. XXIX.

[3]) О ней сказано выше и въ Собр. его сочиненій.

[4]) Одинъ изъ первыхъ онъ сталъ примѣнять въ распознаваніи болѣзней химико-гистологическія изслѣдованія; а впослѣдствіи съ его именемъ соединяется изданіе «Военно-Медиц. журнала», съ многочисленными приложеніями переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій, и устройство женскихъ медицинскихъ курсовъ.

Н. Х. Бунге: «О мѣстѣ, занимаемомъ полит. экономіей въ системѣ народнаго образованія» [1]).

Не менѣе важнымъ средствомъ сближенія науки съ обществомъ служили диспуты, въ которыхъ принимали участіе депутаты отъ другихъ факультетовъ и приглашенныя лица, а иногда самые диспуты рѣшали участь защитниковъ (Домбровскаго по рус. исторіи, Красова по словесности, Андржеіовскаго по ботаникѣ [2]). Въ періодъ 1838—55 годъ было удостоено 23 лица степени доктора и 32 степени магистра. Обыкновенно медицинскія и отчасти филологическія диссертаціи бывали на латинскомъ яз. [3]). Не касаясь вполнѣ спеціальныхъ тѣмъ, отмѣтимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ представляли общій интересъ, какъ: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка», «О драматической поэзіи въ Россіи», «О романѣ», «О главномъ направленіи поэзіи въ англ. и нѣмец. литературѣ съ к. XVIII стол.», «О Батюшковѣ и Жуковскомъ», «Ист. очеркъ русской филологіи», «О характерѣ философіи среднихъ вѣковъ», «Исторія просв. въ Россіи въ XVIII в.», «Философія Гегеля, ея достоинства и недостатки», «О залогахъ безсмертія души, скрывающихся въ ея сущности», «Взглядъ на состояніе женщинъ въ языческой Руси», «О правахъ женщины въ Россіи«, «Объ историческомъ значеніи княж. Владиміра Мон.», «Теорія кредита», «Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра В.», «О сущности физіократическаго ученія», «О призрѣніи бѣдныхъ въ государствѣ», «О податной системѣ въ Московскомѣ государствѣ»,

---

[1]) Біогр. Слов. проф., стр. 55, 82, 88, 186, 199, 211, 299. 728, 799, 800, 816. Погреб. поч. членовъ (Сакена, м. Евгенія), рект. Цыха и др. также сопровождались рѣчами универс. членовъ, которыя печатались.

[2]) Подробности (Шульгинъ, 124); Владимірскій-Будановъ; 218—220, 457—465, 573—75; Біогр. Словарь; Максимовичъ, Письма о Кіевѣ, 81—83, 85.

[3]) Часть лекцій послѣдняго (по греч. и рим. литер.) долгое время и потомъ читалась на латин. языкѣ.

«Объ отличительномъ характерѣ Москов. государства», «О трудѣ въ сельскомъ хозяйствѣ», «О преобразованіи естественныхъ луговъ и постоянныхъ пастбищъ въ пахотныя поля» и пр., «О сосостояніи городскихъ обывателей въ Россіи до к. XVIII стол.», «О наслѣдствѣ по римскимъ законамъ», «О выкупѣ родовыхъ имуществъ», «О развитіи понятія о преступленіи въ исторіи рус. законодательства», «О платѣ за убійство въ древ. рус. и другихъ славян. законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою», «О температурѣ земнаго шара»; по вопросамъ, касающимся изученія края въ естественно-историческомъ отношеніи и т. п. [1]). Какъ посвященные вопросамъ большею частью общаго характера, подобные диспуты оказывались доступными большинству публики и, какъ видно, она охотно посѣщала эти собранія, не тяготясь даже продолжительностью споровъ [2]). По поводу диспута Бунге (1—3 ч.) замѣчено: «Уже эта продолжительность показываетъ, что онъ былъ интересенъ и многосторонен. Въ диспутѣ принимали участіе многіе профессора; диспутъ былъ необыкновенно оживленъ и разнообразенъ. Въ обширной университетской залѣ было тѣсно отъ множества посѣтителей» [3]).

Конечно, гораздо шире могло быть вліяніе публичныхъ лекцій; но въ то время онѣ открывались съ большими трудностями и далеко не по всѣмъ предметамъ. Тѣмъ не менѣе о нѣкоторыхъ попыткахъ подобнаго рода мы имѣемъ свѣдѣнія. Такъ, въ 1841 и 42 гг. двѣ зимы сряду читалъ публичныя лекціи по русской исторіи проф. Домбровскій, которыя усердно посѣщались кіевлянами. Лекціямъ этимъ, какъ и въ университетѣ, много помогало краснорѣчіе лектора [4]). Съ 1844—48 г. А. Н. Тихомандрицкій читалъ публичные курсы практической механики по 2 часа въ недѣлю [5]); а съ 1840 по 1856 г. такіе же курсы, по два часа

[1]) См. Академич. списки Унив. св. Владиміра, стр. 12—29.

[2]) Москвитянинъ 1850 г. (о диспутахъ Гогоцкаго и Митюкова).

[3]) Ibidem, 1852, № 13, стр. 47—48.

[4]) Біогр. Словарь проф., 184.

[5]) Ibidem, 645.

въ недѣлю, читалъ по технической химіи Фонбергъ. На его публичныя чтенія, какъ прекраснаго лектора и опытнаго экспериментатора, стекалась многочисленная публика, смотрѣвшая съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ на его опыты и пріемы, полные несмущаемой увѣренности [1]). Читалъ также лекціи по механикѣ Н. А. Дьяченко [2]). Съ 1846—1851 при университетѣ состоялъ проф. сел. хоз. И. Ѳ. Якубовскій, въ званіи преподавателя публичныхъ лекцій, организованныхъ еще раньше по мысли предсѣд. Вол. экон. общ. гр. Мордвинова, въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Въ университетѣ онъ считался весьма талантливымъ преподавателемъ [3]); однако, по неизвѣстной причинѣ, публичныхъ лекцій онъ не читалъ. Проф. Ходецкій, читавшій ихъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, свидѣтельствуетъ, что успѣхъ этихъ лекцій зависѣлъ отъ отношенія того начальства, гдѣ онѣ читались. «Въ высшихъ сферахъ замѣтно было какъ бы два противоположныхъ теченія: одно покровительствовало подобнымъ учрежденіямъ, другое игнорировало ихъ. Послѣднее повидимому одержало верхъ и преподаватели разбрелись въ разныя стороны, не поддержанныя достаточно, хотя предпріятіе требовало мало средствъ отъ казны». Тѣмъ не менѣе, начиная съ 1854 г., въ теченіе 5 семестровъ, проф. Ходецкій читалъ публ. лекціи по технологіи, учрежденныя при университетахъ мин. финансовъ и состоявшія почти исключительно изъ такъ наз. сельско-хозяйственной и лѣсной технологіи, куда входили: свеклосахарное производство, винокуреніе, пивовареніе, сыродѣліе, приготовленіе угля, смолы, дегтя, дубленіе кожъ и пр. [4]). Сообщая о публичныхъ лекціяхъ въ Кіевѣ по названнымъ предметамъ, мѣстный корреспондентъ пишетъ: «Намъ случается слышать въ обществѣ сожалѣніе, почему не читаются публичныя лекціи предметовъ, имѣющихъ бо́льшую степень интереса и болѣе общезанимательныхъ: исторіи и словесности. Много данныхъ ручается

---

[1]) Ibidem, 676.

[2]) Москвитянинъ, 1851, II, № 8, стр. 333.

[3]) Біограф. Словарь, 789—790.

[4]) Ibidem, 691—692, 704.

намъ за успѣхъ, который увѣнчалъ бы лекціи по этимъ предметамъ, имѣющимъ ревностныхъ и воодушевленныхъ представителей въ здѣшнемъ университетѣ» [1]). Напомнимъ, что въ то время въ числѣ его преподавателей по названнымъ предметамъ состояли Шульгинъ и Селинъ, публичныя лекціи которыхъ (позже) пользовались большимъ успѣхомъ [2]). Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ преподавателели университета и болѣе интеллигентные русскіе люди лучшаго круга кіевскагѣ общества собирались по вечерамъ другъ у друга послушать между прочимъ превосходнаго чтенія, или какой-нибудь извѣстной классической пьесы, или новой, только что вышедшей въ свѣтъ, или нигдѣ еще не отпечатанной. На этихъ-то soirées littéraires Селинъ читалъ трагедіи Шекспира, драму «Опричникъ», ходившую еще только въ рукописи, и т. п. Понятно, что широко образованный и прекрасно говорившій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ (франц., нѣмецк., итальян.), Селинъ былъ тогда непремѣннымъ членомъ нѣкоторыхъ кружковъ мѣстнаго высшаго общества; а въ то время интеллигентный кругъ собственно русскаго общества въ Кіевѣ былъ сравнительно немногочисленъ и вообще подавляемъ польской интеллигенціей [3]).

Теперь, нужно ли укрѣпить Золотыя ворота (Мѣховичъ), перевести на русскій языкъ бумаги, присланныя изъ военно-судной коммиссіи надъ польскими мятежниками (ихъ переводили студенты), изыскать средства для истребленія червей, появившихся на поляхъ въ нѣк. уѣздахъ Кіевской губ. [4]), заняться ли борьбой съ холерой (1848, 1850), ея изслѣдованіемъ и описаніемъ [5]), изслѣ-

[1]) Москвит. 1851, № 8, стр. 333—334.

[2]) Біогр. Словарь, 591—593, 770—71.

[3]) Ibibem, 594.

[4]) Владимірскій-Будановъ, 92; Письма о Кіевѣ, Максимовича, 84.

[5]) Обязанности эти возлагались на Вальтера, Козлова, Цыцурина, Кожевникова, Мирама (Біогр. Словарь, 88, 269, 437, 438, 732, 792). Былъ изданъ: «Отчетъ о холер. эпид. въ Кіевѣ въ 1848», сост. проф. Вальтеромъ, Цыцуринымъ и Козловымъ, К. 1848. О холерѣ 1850 г.—Гюббенета. Въ 1852 г. Анд. Яцына защищалъ диссерт. на степень доктора «О холерѣ».

довать причины сильной смертности въ военномъ госпиталѣ (дважды давались порученія Мираму, въ 1846 и 1854) или распространенія скорбута въ разныхъ мѣстностяхъ Ю. З. края (1849) и болѣзней среди рабочихъ, производившихъ работы по сооруженію моста на Днѣпрѣ (Беккеръ, Цыцуринъ и др. [1]), устроить ли выставку (Ходецкій, 1852), командировать ли для поданія помощи раненымъ (Гюббенетъ и нѣсколько студентовъ) во время восточной войны, а также для изслѣдованія развившейся въ южной арміи тифозной горячки (Алферьевъ и Мерингъ [2]),—администрація обыкновенно обращалась въ университетъ и находила въ немъ всегда дѣятельную поддержку и необходимый совѣтъ. Проф. Вальтеръ избралъ предметомъ своей диссертаціи вопросъ «о колтунѣ» (1845). Онъ доказалъ, что колтунъ не болѣзнь, а послѣдствіе неопрятности и предразсудка народа и врачей, особенно польскихъ,—виленской школы, и роста особеннаго микроскопическаго грибка, на склеенныхъ и спутанныхъ волосахъ. Для своего изслѣдованія авторъ воспользовался препаратами быв. виленскаго музея, перенесенными въ Кіевъ, а также матеріалами, добытыми имъ во время поѣздки въ Минскую губ., совершенной на счетъ университета для изученія колтуна [3]). Мы упоминали о многочисленныхъ экскурсіяхъ, произведенныхъ членами университета и доставившими богатый матеріалъ для описанія края и сосѣднихъ съ нимъ губерній. Теперь стали производиться постоянныя метереологическія наблюденія; а затменіе 1851 г. сопровождалось рядомъ наблюденій въ разныхъ мѣстахъ учебнаго округа и подробными описаніями спеціалистовъ и любителей [4]).

---

[1]) Біогр. Словарь, 537—38, 730.

[2]) Владимірскій-Будановъ, 583—585. Отчеты ихъ были напечатаны (Біогр. Словарь, 19, 147, 405—406).

[3]) Біографич. Словарь. 85—86. Диссертація его написана на латин. языкѣ.

[4]) Отчеты Кнорра, Деллена, Полухтовича, Ѳедорова. (Біогр. Словарь, 178, 264, 556, 799).

Астр. наблюд. Полухтовичъ издалъ также «Кіевскій календарь на 1845 годъ» (556).

Въ 1841 г., въ бесѣдахъ между Максимовичемъ и Иннокентіемъ возникла мысль, что пора бы и въ Кіевѣ быть «Историческому обществу», когда есть оно не только въ Москвѣ, но и въ Одессѣ. Въ этомъ дѣлѣ принялъ близкое участіе попеч. учеб. округа кн. Давыдовъ, который собралъ у себя кружокъ любителей исторіи. Составленъ былъ протоколъ засѣданія, программа дѣятельности Общества (заглавіе писано рукою Иннокентія, остальной текстъ—Давыдовымъ). Въ числѣ 9 членовъ основателей были намѣчены: Иннокентій, кн. Давыдовъ, Максимовичъ, Неволинъ, губ. Фундуклей, пом. попеч. Юзефовичъ, бар. Шодуаръ, прот. Скворцовъ, гр. Ржевускій, и предполагалось имѣть 20 дѣйств. членовъ. Иннокентій очень торопилъ съ этимъ дѣломъ; представлена была записка, писанная Максимовичемъ, и уставъ ген.-губ. Бибикову, уѣзжавшему тогда въ Петербургъ. «Но видно не была еще пора исполниться замышленію Иннокентія о Кіевскомъ обществѣ, да и самъ онъ вскорѣ былъ оторванъ отъ Кіева», прибавляетъ М-чъ, а въ маѣ 1843 г. послѣдовало выс. повел. объ учрежденіи при кіев. ген.-губ. «Врем. ком. для разбора древнихъ актовъ» [1]).

Съ именемъ Максимовича и открытіемъ университета связано и другое дѣло—мысль о журналѣ. Мысль эта принадлежала ген.-губ. графу В. В. Левашову, отличавшемуся вообще широкими планами по части образованія края, и прежде всего сочли нужнымъ обратиться (черезъ губернатора) къ Максимовичу, вскорѣ по открытіи университета (2 мая 1835). Журналъ долженъ былъ носить названіе «Кіевскія Новости» и издаваться въ пользу «кіевскаго общества для помощи бѣднымъ». Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ свѣдѣнія о распоряженіяхъ правительства, въ особенности относящихся къ краю, о замѣчательныхъ произведеніяхъ отечественной литературы, о новѣйшихъ событіяхъ вѣка, о направленіи современнаго просвѣщенія и открытіяхъ. Въ частности въ немъ должны были помѣщаться извѣстія, о контрактахъ, ярмаркахъ и вообще статистическія свѣдѣнія, относя-

---

[1]) Письма о Кіевѣ, 114—118; Барсуковъ, VI, 89.

щіяся къ краю, историческія, археологическія и статистическія свѣдѣнія о Кіев. учеб. округѣ и объ университетѣ, даже съ конспектами читаемыхъ въ немъ лекцій; новости политическія изъ лучшихъ иностранныхъ газетъ и журналовъ (въ рукописи прибавлено: «монархическаго направленія»); извѣстія о замѣчательнѣйшихъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, въ особенности относящихся къ мѣстнымъ губерніямъ; извѣстія объ открытіяхъ по части наукъ, искусствъ и промышменности (въ рукописномъ конспектѣ прибавлено: «фельетонъ журнала»). Журналъ предполагалось выпускать по два раза въ недѣлю, въ форматѣ «Сѣв. Почты», по цѣнѣ 25—30 р. ассигн., съ литературными приложеніями.

Быть можетъ чисто-оффиціальный способъ основанія журнала, обнаружившаяся недостаточность подписки (черезъ университетъ 8 подписчиковъ, служащихъ лицъ), а тѣмъ болѣе необходимымъ силъ, привели къ тому, что эта попытка свидѣтельствуетъ лишь о добрыхъ намѣреніяхъ тогдашняго начальника края, предполагавшаго, что съ учрежденіемъ университета, въ чемъ онъ принималъ столь дѣятельное участіе, легко создать—мѣстный литературный органъ, который въ то же время долженъ былъ служить и благотворительной цѣли [1]).

Пребываніе Максимовича въ Кіевѣ оживило занятія кіевскими древностями и исторіей. Къ этому времени относится нѣсколько его статей, посвященныхъ этой послѣдней [2]); а въ 1839 г., по настоянію того же Иннокентія и отчасти Карлгофа [3]), онъ рѣшился предпринять изданіе альманаха или сборника подъ заглавіемъ «Кіевлянинъ» (1-я и 2-я книги, 1840, 1841 изд. въ Кіевѣ, а 3-я въ Москвѣ, 1850), въ которыхъ нашли мѣсто его изслѣдованія и статьи другихъ авторовъ, касающіяся юга Россіи.

Въ подтвержденіе того, что необходимыхъ силъ въ Кіевѣ въ наличности не оказалось, свидѣтельствуетъ и другая попытка, со

¹) Кіев. Стар. 1884, т. X: «Къ ист. газетно-журн. дѣла въ Кіевѣ», В. Науменка, стр. 529—534.

²) Біогр. Словарь, 387, 388, 389; Барсуковъ, V, 461; VI, 130.

³) Р. Вѣст. 1881, № 10, с. 741.

стороны ученаго сословія, издавать свой органъ, въ то время, когда университетъ уже вполнѣ организовался и пополнился новыми членами (1844—46). Предположено было, опять при участіи кн. Давыдова, поднявшаго этотъ вопросъ, издавать «Записки Имп. ун. св. Владиміря», въ 400 экз., съ обращеніемъ дохода въ пользу авторовъ, по 4 книжки въ годъ, соотвѣтственно факультетамъ, содержащихъ въ себѣ оригинальныя статьи, отчеты о состояніи наукъ и критическіе обзоры текущей литературы. Цензура статей принадлежала университету. Предположенія совѣта университета были утверждены министромъ, и преемникъ кн. Давыдова напоминалъ о бывшемъ проектѣ; оказалось, что были намѣчены уже статьи и избранъ общій редакторъ (Новицкій); но изъ этого предпріятія ничего не вышло, и только въ 1861 г. оно было осуществлено основаніемъ «Университетскихъ Извѣстій», сначала въ скромныхъ размѣрахъ и постепенно достигшихъ настоящаго своего объема [1]).

Между тѣмъ, въ означенный промежутокъ въ Кіевѣ появился мѣстный органъ—оффиціальнаго характера. Съ 1836 г. въ губернской типографіи стали издаваться «Кіевскія Объявленія», подъ ред. начальн. отдѣленія Данилевскаго, съ подписной цѣной 2 р., въ которыхъ помѣщались свѣдѣнія о продажѣ имѣній, домовъ, о наймѣ квартиръ, о концертахъ, театрахъ, курсахъ на золото и серебро; а черезъ два года стали выходить, на общихъ основаніяхъ (по закону 3 іюня 1837 г.) «Кіевскія Губ. Вѣдомости» (съ 1838 г.), по пятницамъ, раздѣленныя на оффиціальную и неоффиціальную части. Въ послѣдней помѣщались извѣстія о цѣнахъ, о ярмаркахъ, о лотереяхъ, о пріѣзжихъ и выбывшихъ лицахъ, о вліяніи погоды, о прививкѣ оспы, о разныхъ происшествіяхъ и частныя объявленія. Поэтому при губерн. правленіи былъ образованъ газетный столъ. Въ 1845 г,, со времени преобразованія штата губерн. правленій, Вѣдомости получили тотъ

[1]) Исторія университета, 465—467. Въ то время Кіевскій унив. считался въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Харьковскій (Р. Арх. 1899, № 11, с. 387; К. Стар., VIII, 291).

видъ, въ которомъ онѣ издавались до позднѣйшаго времени. Онѣ подраздѣлялись на отдѣлы: *историческій* (мѣстная исторія) *статистическій* (подр. свѣдѣнія о контрактахъ, ярмаркахъ, городахъ, минер. водахъ въ Кіевѣ и т. п.), *этнографическій*, *промышленный*, *смѣсь* (городскія извѣстія, мѣстная хроника, театръ и пр.). Редакторомъ ихъ состоялъ Я. А. Загорскій. Въ числѣ болѣе постоянныхъ сотрудниковъ по археологіи и исторіи края встрѣчаемъ имена прот. Н. Дашкевича, В. Аскоченскаго (изд. статьи изъ его ист. академіи и Кіева), А. Сементовскаго, и въ промышленномъ отдѣлѣ—Н. Г. Киселевскаго. По поводу ихъ изданія мѣстный корреспондентъ писалъ: «Не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, «Кіев. Вѣд.» выходятъ всегда исправно не чужды разнообразія и нѣкоторой доли занимательности; у нихъ есть читатели, которые съ любопытствомъ ожидаютъ всякаго новаго нумера газеты... Прежде онѣ имѣли цвѣтущіе годы своего существованія (напр. 1846 и 1847 гг.), а теперь много уступаютъ имъ своимъ содержаніемъ... Мѣстная хроника чрезвычайно рѣдка, скудна и умалчиваетъ о многомъ (замѣчали даже въ то время). Не могу умолчать еще, что грамматика *всѣми своими частями* замѣтно и часто хромаетъ во многихъ статьяхъ здѣшней газеты» [1]). Одновременно съ возникновеніемъ этого органа появилось мѣстное періодическое изданіе духовнаго содержанія, это «Воскресное Чтеніе», издаваемое тогда дух. академіей (еженедѣльно отъ $^1/_2$—до 1 листа, подписная цѣна 5 р. 71 к., съ пересылкой) и имѣвшее исключительно назидательный характеръ [2]).

Понятно, что съ расширеніемъ научныхъ потребностей, вызванныхъ университетомъ, усилилась издательская дѣятельность Кіева по разнымъ отраслямъ знанія. Появились печатные труды

---

[1]) Москвитянинъ 1851, ч. V, № 18, стр. 49—52; К. Стар. 1900, № 11, с. 93—94; Крат. ист. оч. Кіев. губ. типогр. 1799—1899 (съ прилож. статьи изъ № 20, 1839 г., о бывшемъ проливномъ дождѣ 25 мая, причинившемъ разныя бѣдствія городу, 20—22).

[2]) Москвитянинъ 1851, VI, 119—123.

по логикѣ и психологіи (Новицкаго); по исторіи литературѣ (Ист. рус. слов. Максимовича, Очеркъ греч. литературы Деллена, 1851); по языкознанію (Чеш. грам. Конечнаго въ перев. Страшкевича, 1847); по исторіи поэзіи (Тулова, 1853); по энциклопедіи права (сочин. Неволина, 2 тт. 1839—1840, стр. 633+646); по естественной исторіи (Ест. ист. Кіев. уч. округа, Кесслера 1847—1850, 5 вып.; соч. Траутфеттера, Роговича, Общая ориктогнозія Гофмана, 1840); по анатоміи (пер. сочиненія Краузе. 1848; Курсъ Вальтера, 1852); по физіологіи (перев. соч. Вагнера, 1846); по патологіи (курсъ Козлова, 1846 и др.); по акушерству (курсы Матвѣева, 1853, 1856); отдѣльныя изслѣдованія (Очеркъ г. Чернигова и его области, Домбровскаго, 1846; Историческое развитіе судоустройства въ Россіи, К. Троцины, 1847; Критическій взглядъ на философію Канта, Гогоцкаго, 1847; О причинахъ усобицъ между русскими князьями и ихъ вліяніи на соврем. общество въ періодъ отъ Рюрика до Ивана Калиты и Гедимина, Лашнюкова, 1850); указатели древностей (Кіевъ, Сементовскаго, 1852); переводы: Жизнеописаніе прус. ген. Зейдлица, соч. Варнгагена ф.-Энзе; Разсужденіе о существѣ, характерѣ и необходимости религіи, Лихтенштейна, пер. съ нѣм.). Книгопрод. Іос. Завадскій предпринялъ на рус. яз. «Галерею польскихъ писателей», куда вошли сочин. Корженевскаго и Крашевскаго (5 вып., К. 1852). Печатались книги на франц., польскомъ и малорусскомъ языкахъ, беллетристическаго содержанія (м. прочимъ собр. соч. Корженевскаго); на нѣмец. языкѣ были изданы: изслѣд. Деллена о Ювеналѣ (1846), соч. Кнорра по геометріи (1849), Gedichte v. J. H. Bachmam, 16°, 1851, Ss. 96, Dichterkanon Нейкирха 1853 [1]). Не упоминаемъ о многихъ учебникахъ, изд. въ кіевскихъ типографіяхъ для среднихъ учебныхъ заведеній [2]).

---

[1]) Учрежден. Унив. св. Владиміра, 348—355; Москвитянинъ 1851, VI, 118--119, 190; 1852, I, 14—16; IV, 47—48; V, 44—48; VI, 187—189.

[2]) Отмѣтимъ еще, что въ 1852 г. вышелъ въ свѣтъ «Кіевскій Альбомъ», изд. И. К. Вильчинскимъ, посвященный изображенію древностей и замѣчательныхъ мѣстностей Кіева, Украины, Подоліи и Во-

Конечно, списокъ разныхъ изданій былъ бы и обширнѣе, и разнообразнѣе, если бы надъ печатнымъ дѣломъ не тяготѣла тогда суровая цензура, въ особенности къ концу періода, когда даже ученыя диссертаціи въ университетѣ перестали печататься. Нѣсколько примѣровъ изъ цензурной практики того времени могутъ освѣтить намъ и тогдашнія требованія, и положеніе литературы. Припомнимъ диспутъ Иванишева и исключеніе въ печатномъ изданіи заподозрѣннаго мѣста. Общая цензура находилась въ то время въ вѣдѣніи учебнаго округа, а предсѣд. комитета былъ пом. попеч., и не смотря на то, что «Кіевлянинъ» былъ предпринятъ Максимовичемъ по настоянію между прочимъ и Карлгофа, послѣдній не рѣшился пропустить нѣкоторыя статьи, для него приготовленныя [1]), а это весьма огорчило издателя и его друга Иннокентія, который тогда же написалъ Максимовичу: «Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не посѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ? Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благого» [2]). Во 2-й книжкѣ не была пропущена статья Надеждина о Палладіѣ Роговскомъ, не смотря на перемѣну цензора, а Надеждинъ сожалѣлъ, что не отдалъ ее на просмотръ, въ Одессѣ, «гдѣ бы вѣрно не тронули ее ни волоскомъ». Онъ собирался отослать ее въ Петербургъ: «тамъ она пройдетъ, не зацѣпляясь за фарисейскія рогатки», писалъ онъ [3]). Въ университетѣ просмотръ сочи-

---

лыни, снятыхъ съ натуры, выполненныхъ лучшими художниками за границею и отпечатанныхъ въ Парижѣ (Москвит. 1852, IV, 43—44).

[1]) Такъ разсказываетъ съ сожалѣніемъ о случившемся жена Карлгофа (Р. Вѣстн. 1881, № 10, с. 741). По указанію Максимовича это было стих. Хомякова «Кіевъ», который, приславъ его, писалъ: «Я увѣренъ, что слово и мысли лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями» (Письма о Кіевѣ, 15—16). Максимовичъ винилъ Богородскаго, какъ цензора.

[2]) Письма о Кіевѣ, 14.

[3]) Ibidem, 111.

ненiй дѣлался нѣсколькими инстанціями. Тѣмъ не менѣе невинный «Dichterkanon» Нейкирха вызвалъ переписку между университетомъ и академіей по поводу статьи о еврейской литературѣ. Дѣло обошлось, однако, здѣсь благополучно; но когда книга была разослана разнымъ лицамъ, то изъ мин. нар. просв. послѣдовало внушеніе, что авторъ, говоря объ извѣстной писательницѣ, пишущей подъ псевдонимомъ George Sand, не упомянулъ о пагубномъ ея направленіи и признаетъ романъ «Jacques» однимъ изъ лучшихъ ея произведеній, а главное лицо, лишающее себя жизни, чтобы освободить отъ тягостнаго супружества молодую жену свою, влюбившуюся въ другаго, авторъ называетъ человѣкомъ строгой и высокой нравственности и т. п. Въ другомъ мѣстѣ, хваля трагедію Гуцкова «Уріэль Акоста», авторъ соч. говоритъ, что весь смыслъ трагедіи выражается въ словахъ «вѣрьте въ то, чему вы вѣрите, но только съ чистымъ убѣжденіемъ. Сила не въ томъ, во *что*, но въ томъ, *какъ* мы вѣримъ». Поэтому кн. Ширинскій-Шихматовъ усмотрѣлъ здѣсь предосудительное отношеніе къ вопросамъ вѣры, а оба мѣста тѣмъ болѣе не приличными, что книга напечатана была по опредѣленію совѣта университета. Между тѣмъ весь вредъ этихъ мѣстъ былъ застрахованъ для русскихъ читателей уже тѣмъ, что книга Нейкирха издана была на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1852 г., въ положеніяхъ къ диссерт. Селина «О драматической поэзіи въ Россіи», подвергся исключенію тезисъ: «существенное отличіе современной русской поэзіи—неясность идеала, *тоска*» [1]).

Преподавателямъ напоминалось, чтобы въ взглядѣ на новую философію они слѣдовали мыслямъ, изложеннымъ въ соч. архим. Гавріила, а также строго соблюдали согласіе съ ученіемъ православной церкви и съ отечественными законами и учрежденіями [2]).

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 571—574; Біогр. Словарь; Барсуковъ (замѣч. на рец. въ Москвит. о польскихъ произведеніяхъ, XII, 276—278).

[2]) Даже ранѣе С. С. Уваровъ предписывалъ, чтобы въ преподаваніи философіи руководствовались статьей о ней Ботэна (Письма о

Адъюнктъ Пилянкевичъ не могъ получить (1843—50 г.г.) разрѣшенія на печатаніе своей «Исторіи философіи права» (напеч. въ Унив. Изв. въ 1870 г.), такъ какъ это было признано «несвоевременнымъ», что печально отразилось на судьбѣ молодаго ученаго [1]), и онъ съ тѣхъ поръ предался тому образу жизни, съ которымъ познакомился въ юности на патріархальномъ Подолѣ [2]). Соч. Шлейдена: «Die Pflanze und ihr Leben» считалось запрещеннымъ для публики и адъюнктъ Роговичъ, получивъ его, обязался (1851) распискою хранить его у себя, «отнюдь не сообщая онаго посторроннимъ лицамъ» [3]). Печатаніе книги иногда сопровождалось оффиціальными запросами до выпуска ея изъ типографіи [4]).

Тѣмъ не менѣе потребности края и времени содѣйствовали расширенію типографскаго дѣла въ Кіевѣ. Губернская типографія (до 50-хъ годовъ, находившаяся въ Липкахъ) была нѣсколько расширена и улучшена [5]); а въ 1835 учреждена университетская типографія изъ остатковъ типографіи 1-й арміи, значительно потомъ увеличенная (съ литографіей). Принадлежности для нея пріобрѣтались въ Москвѣ и Берлинѣ. Съ 1850 1885 г. она была отдана въ арендное содержаніе І. І. Завадскому [6]). Однако, на первыхъ порахъ, типографія эта не могла удовлетворить всѣмъ научнымъ требованіямъ. Такъ, при изданіи «Памятниковъ» коммиссіи для разб. древ. актовъ (1845), въ ней не оказалось славянскихъ шрифтовъ и пришлось прибѣгнуть къ помощи лаврской типографіи [7]):

Кіевѣ, 39), напеч. въ Ж. М. Н. Пр. (ч. I, с. 271 и д.; ср. Система философіи Ботэна, Краевскаго, ib. 317 и д., а также ч. III, 527; IX, 449).

[1]) Ibid., 571; Біогр. Словарь, 551—53.

[2]) Біогр. Словарь, 552.

[3]) Владимірскій-Будановъ, 575.

[4]) Учрежд. унив. св. Владиміра, 347.

[5]) Крат. ист. оч. Кіев. тип., 34.

[6]) Учрежденіе, 341—355. Въ ней печатались преимущественно учебныя книги (Москвит. 1851, VI, 119).

[7]) Въ 1824 г. м. Евгеній исходатайствовалъ право печатать въ Лавр. типографіи книги всякими буквами и ок. 1830 г. имя типогр. академіи Кіевской (при лавр. тип.) прекратилось. На заведеніе же от-

а въ 1846 г., при содѣйствіи коммиссіи, въ интересахъ ея изданій (разные шрифты, рисунки), австр. подданнымъ І. Вальнеромъ открыта была спеціально приспособленная къ ея нуждамъ типографія (съ литографіей [1]), считавшаяся лучшею и устроенною по образцу заграничныхъ. Обладая значительнымъ составомъ, она печатала все необходимое для присутственныхъ мѣстъ Кіевской и др. губ., для помѣщиковъ, купцовъ, аптекарей, виды, портреты, планы и т. п. съ требуемымъ изяществомъ [2]). Кромѣ того, были типографіи—Ѳеоф. Глюксберга [3]), а съ 1852 иностр. Гаммершмидта [4]). Въ 1845 г., послѣ учителя рисованія въ университетѣ Павлова, претендентами на эту должность явились худ. Акад. худ., учен. Брюллова, Тарасъ Шевченко, и помѣщ. Подольской губ., обучавшійся въ Дюссельдорфѣ и Берлинѣ, Наполеонъ Буяльскій, который намѣревался открыть въ Кіевѣ (на Кадетской ул.), въ соб. домѣ, живописную, худож. и мануфактурную рисовальную школу. Министер. рѣшило допустить, въ видѣ опыта, на одинъ годъ Шевченка (но онъ былъ вскорѣ арестованъ) и еще двухъ кандидатовъ (учит. рисов. въ Инст. благ. дѣв. Шлейфера и худож. изъ Лондона Габерцеттеля). Съ своей стороны Акад. худ. разсмотрѣла проектъ «Публичной живописной школы» Буяльскаго, нашла его

дѣльной акад. типогр. ни Евгеній, ни Филаретъ не давали согласія (Максимовичъ, Письма о Кіевѣ, 47—48). Въ 50-хъ годахъ Лавр. тип. стала печатать общеупотребительныя богослуж. книги и гражд. шрифтомъ (Москвит. 1852, IV, 47).

[1]) Пятидесятил. Кіев. ком. для разб. древн. актовъ, 48.

Въ 1847 «Славянская миѳологія» Костомарова (лекціи) была отпеч. у Вальнера славян. шрифтомъ. «О неслыханное дѣло! Славянскими буквами! То-то подымется шумъ и гамъ между чертями. Онъ же приготовилъ къ печати «Исторію Хмельницкаго»; только нѣсколько страшно за его пристрастіе къ полякамъ» (К. Стар. 1899, № 5, стр. 192), писалъ Ригельманъ Г. П. Галагану. Впослѣдствіи Костомаровъ точку зрѣнія на этотъ вопросъ измѣнилъ.

[2]) Фундуклей, I, 375; Москвитянинъ 1851, VI, 119.

[3]) Учрежденія, 355. Въ ней печатались главнымъ обр. польскія книги (Москвит. 1851, VI, 119).

[4]) Памят. кн. на 1858 г., 275; Москвит. 1852, IV, 47.

заслуживающимъ вниманія и обѣщала оказать послѣднему пособіе своими принадлежностями. Въ 1849 г. школа уже функціонировала и въ объявленіи ея учредитель заявлялъ, что цѣлью школы «есть то, чтобы прославить себя въ своемъ искусствѣ и быть полезнымъ юношеству». Платы за преподаваніе не взимались, а вырученныя деньги отъ продажи произведеній учениковъ предоставлялись въ ихъ пользу. Учениковъ въ школѣ было 8. Въ 1852 г. Акад. худ. одобрила успѣхи, достигнутые школой, и ходатайствовала о разрѣшеніи Буяльскому устроить для печатанія рисунковъ, гравированныхъ на мѣди и деревѣ, заведеніе и литографію, которыя и были разрѣшены ему мин. вн. дѣлъ въ 1853 г. Въ 1852 г. въ школѣ обучалось 22 уч., изъ нихъ 6 платныхъ, и 13 учениць, всѣ платныя. Подъ зеведеніе былъ приспособленъ нарочно выстроенный домъ въ 5 комнатъ; а имущество школы состояло изъ 260 оригиналовъ (гравюръ и литографій), 244 медальоновъ и барельефовъ, 68 гипсовыхъ моделей, 52 картинъ, писанныхъ масляными красками, а также книгъ и пособій [1]).

Еще въ 1844 г. издателямъ московскихъ журналовъ приходилось жаловаться, что, по состоянію книжной торговли, въ Москвѣ очень поздно получаются книги изъ Петербурга, а изъ другихъ городовъ, напр. Кіева, Одессы, Казани, Вильны почти не получаются; а потому аккуратное веденіе библіографіи дѣлается невозможнымъ [2]), и только съ расширеніемъ книжной торговли Ст. И. Литовымъ Кіевъ въ этомъ отношеніи могъ соперничать съ столичными издателями, благодаря постояннымъ сношеніямъ основателя фирмы съ важнѣйшими книжными центрами, весьма частымъ поѣздкамъ въ столицы и посѣщеніямъ важнѣйшихъ мѣстъ Ю. З. края и Галиціи, вслѣдствіе чего книжныя новости стали проникать изъ Кіева и въ болѣе мелкіе пункты [3]). Въ

---

[1]) Кіев. Стар. 1904, № 6, стр. 139—140.

[2]) Барсуковъ, VII, 390.

[3]) При передачѣ своей торговли главному помощнику (Н. Я. Оглоблину) владѣлецъ магазина насчитывалъ въ немъ до 200000 тт.

1839 г. переселился въ Кіевъ I. I. Завадскій [1]), сынъ извѣстнаго виленскаго издателя и книгопродавца (съ 1803) и открылъ (на Крещатикѣ, въ соб. домѣ) въ 1841 г. магазинъ иностранныхъ книгъ, впослѣдствіи пріобрѣтенный новою фирмою (Гинтера и Малецкаго, затѣмъ перешедшій въ другія руки). Другіе магазины открылись позже. Такимъ обр. въ 1856 г. въ Кіевѣ было 5 магазиновъ, изъ которыхъ два съ иностранными книгами (Завадскаго и Глюксберга), а три съ русскими (бр. Литовы на Крещатикѣ и Өедорова на Подолѣ). Но еще издавна въ Кіевѣ существовалъ кабинетъ для чтенія, иначе наз. «Аптека для души», какъ значилось на каталогѣ, отстав.» капитана П. П. Должикова, сначала на Подолѣ (по Александр. ул.), а подъ конецъ (въ нач. 60-хъ годахъ)—на Крещатикѣ (№ 31). Съ кабинетомъ соединялась «контора порученій», нерѣдко солоно приходившаяся ея поручителямъ. Такъ, въ 1851 г., одинъ изъ старѣйшихъ нынѣ студентовъ университета, уже тогда предавшійся библіографіи, которой онъ служитъ съ честью и до сихъ поръ, С. И. Пономаревъ, урожепецъ Конотопа [2]), вотъ какъ сталъ жертвою стяжательности «аптекаря души». Въ 1852 г., проѣзжая черезъ Нѣжинъ, онъ пріобрѣлъ 20 дорогихъ монетъ изъ извѣстнаго, открытаго тогда, клада. Шесть изъ нихъ «выманилъ» у него Должиковъ съ «обѣщаніемъ предо-

---

Весь свой капиталъ, по завѣщанію, онъ пожертвовалъ (въ количествѣ 105000) на городскія и народныя школы въ краѣ. Чтобы судить о размѣрахъ означеннаго собранія, напомнимъ, что въ настоящее время на всю Россію (за исключеніемъ Ц. Польскаго) приходится 727 книж. торговца, т. е. меньше, чѣмъ на одинъ Лейпцигъ, гдѣ находится 884 книпрод., а изъ 727 торговцевъ едва ли найдется 30, которые дѣлали бы оборотъ на 200 р. въ мѣсяцъ, а въ большинствѣ случаевъ книга продается вмѣстѣ съ бумагой, канцел. принадлежностями и т. п. (Кіевлян. 1904, № 325: «Коммиссія по разсмотр. промысл. налога»).

1) Родомъ изъ дворянъ Вилен. губ., р.-катол. испов.; оконч. курсъ въ Вилен. гимн.; съ 1850 г. аренд. унив. типографіи; а съ 15 іюля 1860—15 іюля 1863 г. былъ город. головою въ Кіевѣ; † 1885 г. (Учр. унив. св. Владиміра, 355—356).

2) Барсуковъ, XI, 431—432.

ставить право пользоваться книгами изъ его магазина, *постоянно, безплатно и всѣми*, уплативъ, кромѣ того, «по цѣлковому за монету». «Но Должиковъ, пишетъ потерпѣвшій, надулъ меня самымъ безсовѣстнымъ образомъ: черезъ нѣсколько дней онъ вѣжливо отказалъ мнѣ въ пользованіи книгами» [1]).

Впрочемъ «Аптека для души» не стояла на высотѣ требованій университетскаго города. «Общественной библіотеки (писали въ 1856 г.) до сихъ поръ еще въ Кіевѣ нѣтъ (она явилась уже послѣ возстанія 1863 г., въ интересахъ патріотическихъ, и долгое время не была обставлена какъ слѣдовало бы), между тѣмъ какъ въ ней настоятельная потребность, по большему количеству жителей. Кабинетъ для чтенія Должикова не можетъ удовлетворить выборомъ книгъ всѣхъ читателей, различныхъ по воспитанію, образованію и возрастамъ. Въ кабинетѣ находятся только газеты, журналы (до 20 изданій), романы и повѣсти; но книгъ ученаго содержанія почти совсѣмъ не существуетъ» [2]).

Другой наблюдатель, прочитавъ въ журналѣ перечень литературныхъ изданій, получаемыхъ въ Воронежѣ, замѣчаетъ, что число журналовъ и газетъ въ Кіевѣ получается гораздо больше, чѣмъ въ Воронежѣ и рѣшительно всѣ, выходящія въ Россіи, литературныя изданія и нѣкоторыя заграничныя. Многіе кіевляне

---

[1]) Барсуковъ, XII, 72—75, съ повѣствованіемъ о другихъ тогдашнихъ пріобрѣтателяхъ, кіевскихъ и московскихъ. Другой случай, возникшій на денежныхъ же отношеніяхъ (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 10 с. 126; ср. Воспом. Богатинова, Р. Арх. 1899, № 6, 255—257).

[2]) Памят. книжка на 1858 г., стр. 275.

Библ. открыта въ 1866 г., по мысли быв. губ. Н. Г. Казнакова (К. Стар. 1888, № 8, Кіев. публ. библ., В. Г., 27—31), которой было отведено помѣщеніе въ дворян. домѣ (при послѣднемъ выборномъ предвод. дворян., А. Горватѣ уступив. въ 1864 г. часть помѣщенія; потомъ помѣщалась въ част. домѣ, а нынѣ въ зданіи Думы). А. Горватъ—полякъ (одновременно съ нимъ и город. головою былъ избранъ полякъ І. І. Завадскій). Первый назначенный предвод. изъ русскихъ дворянъ—П. Д. Селецкій, быв. в. губерн., авторъ записокъ (К. Стар. 1884, тт. VIII, IX и X).

получали по два и по три изданія; но нельзя по этому перечню, какъ бы онъ ни былъ полонъ, прибавляетъ тотъ же корреспондентъ, заключать о литературномъ развитіи Кіева: въ насъ вообще сильна наклонность къ подражанію и такъ велика сила привычки, что многіе на одномъ этомъ основаніи, придерживаются того изданія, на которое впервые подписались и которое выписывали нѣсколько лѣтъ сряду. Что ни говорятъ наши журналы о развивающейся въ нашей публикѣ наклонности къ многостороннему, энциклопедическому образованію, въ ней все-таки еще сильно преобладаетъ наклонность къ литературѣ въ тѣсномъ смыслѣ и предпочтеніе къ веселой рѣчи и легкому фельетончику» [1]). «Книги тогда мало читали въ семьяхъ, замѣчаетъ о 40—50 гг. кіевлянинъ; книги были большою рѣдкостью [2]). Газетъ никакихъ, кромѣ правительственныхъ. Вообще литература и занятія ею уступали мѣсто жизни, житейскому дѣлу, семейному обиходу и задушевнымъ бесѣдамъ за пріятельскимъ угощеніемъ, предметы для которыхъ брались изъ случаевъ же жизни, въ томъ или другомъ отношеніи или замѣчательныхъ, или рѣдкихъ, или обращавшихъ на себя вниманіе своею высокою поучительностью». Иногда бесѣда разнообразилась пѣніемъ. Очень распространенъ былъ романсъ: «Звукъ печальный фортепьяно, не тревожь тоски моей»; пѣлись также: «Среди долины ровныя»; «Вотъ мчится тройка удалая»; «Віютъ витры буйны»; «Не шей ты мнѣ матушка красный

---

1) Москвитанинъ 1852, VI (Вѣсти изъ Кіева) 188—189.

Всѣхъ журналовъ и газетъ въ Кіевѣ въ 1856 г. получалось 366 экземпл., въ томъ числѣ черезъ почтамтъ 19 иностр. изданій! (Памятн. книжка на 1858 г., 275).

2) Въ учебномъ мірѣ были распространены: «Путешествіе Кука», Вальтеръ Скоттъ, Диккенсъ, соч. Загоскина, Отеч. война, Михайловскаго-Данилевскаго (Воспом. Ге, Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 56). Другіе успѣвали прочесть лучшихъ русскихъ писателей, но выборъ прочихъ книгъ былъ крайне случайный (Р. Арх. 1899, № 5, стр. 68—69). Въ иныхъ гимназіяхъ читать вовсе не давали (Ист. Вѣстн. 1882, IV, 708).

сарафанъ»; были книжки или сборники романсовъ съ напѣвами и безъ нихъ» [1]).

Что касается молодежи, то близкій свидѣтель ея замѣчаетъ: «Мы были глухи и нѣмы ко всему, что дѣлалось внѣ стѣнъ университета. Съ полнымъ равнодушіемъ мы слушали о синопской битвѣ, о возможныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, грозящихъ отечеству, но отечества мы не чувствовали; патріотизма въ насъ не было ни капли: такъ мертва была Уваровская формула, начертанная имъ на знамени русской школы. Мы даже газетъ совсѣмъ не читали, да и мало распространены онѣ были въ это время. Но событія разыгривались—война разгоралась; послышалась бомбардировка Одессы союзнымъ флотомъ накапунѣ свѣтлаго праздника 1854 г.... Мы готовы были послать адресъ герою Щеголеву. Я началъ съ интересомъ читать газеты: «Journal de Francfort» то въ кондитерской Розмитальскаго (уг. Крещатика и Александровской ул., н. № 1), то въ кафе при «Англійской гостиницѣ» (уг. Крещатика и Лютеран. ул., нынѣ д. Попова [2]).

Впрочемъ въ Кіевѣ были уже собиратели болѣе или менѣе цѣнныхъ коллекцій; у проф. Домбровскаго—было собраніе книгъ и рукописей [3]); у Лохвицкаго—рукописей, древностей и картинъ [4]); у Я. Я. Волошинскаго и М. В. Юзефовича—монетъ [5]); у С. И. Краузе (лекторъ университета)—гравюръ [6]), не говоря о прекрасныхъ библіотекахъ кн. Сакена и Бибикова, книгами которой послѣдній иногда ссужалъ постороннихъ лицъ [7]). Сочиненіе Кюстина (8 тт.) о Россіи, вызвавшее сенсацію за границею, среди

---

[1]) Воспом. Богатинова (Рус. Арх., 1899, № 2, стр. 302—303).

[2]) Моя жизнь, Романовича-Словатинскаго (В. Европы 1903, № 2, с. 637).

[3]) Біогр. Словарь профес., 809.

[4]) Барсуковъ, VII, 253 (эстампъ съ картины Рафаэля: «несеніе креста І. Христомъ, подъ тяжестью котораго онъ падаетъ внѣ Іерусалима»).

[5]) Опытъ рус. историографіи, II, 1419.

[6]) Воспом. Ге (Сборн. въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 57).

[7]) Дневн. Аскоченскаго (Ист. Вѣст., т. VII, 558; VIII, 102).

ученыхъ и писателей, и въ высшихъ сферахъ Петербурга [1]), близко заинтересовало и Бибикова [2]).

Вліяніе романтизма выразилось въ собираніи народныхъ пѣсенъ и увлеченій поэзіей. Въ Германіи въ молодые годы увлекались ими даже такіе серьезные умы, какъ Моммзенъ [3]). П. В. Кирѣевскій собираетъ богатую коллекцію русскихъ пѣсенъ; Бодянскій, Метлинскій [4]), Максимовичъ—малорусскихъ [5]). Послѣдній пишетъ русскіе и малорусскіе стихи въ романтическомъ духѣ [6]). Поэзія широко была распространена въ университетѣ; студенты

---

[1]) Погодинъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ (1843 г.): «А много жестокой правды въ Кюстинѣ, хотя онъ и очень скученъ... Прочелъ цѣлую книжку Кюстина. Много есть ужасающей правды о Россіи. Когда онъ дышетъ своимъ аристократизмомъ, я жалѣю, что Робеспьеръ не поцарствовалъ дольше; когда онъ играетъ роль простого наблюдателя, котораго будто хотятъ обмануть и никакъ не могутъ, то бываетъ просто смѣшенъ; когда начинаетъ умничать, то дѣлается скученъ; но за изображеніе дѣйствій деспотизма, для насъ часто непримѣтныхъ, я готовъ поклониться ему въ ноги. Что-то чувствовалъ государь, читая его книги. Боюсь, что отъ него закрыли важныя мѣста... Оканчивалъ Кюстина, отъ котораго часто морозъ подираетъ по кожѣ... Съ Кубаревымъ о Кюстинѣ. Бодянскій пересказалъ ему все прочтенное со мною». Тутъ же мнѣнія Жуковскаго, Тютчева, Бенкендорфа, Герцена. «Императоръ крайне недоволенъ тѣмъ, что авторъ какъ бы старался вездѣ отдѣлить интересы государя отъ интересовъ его нанарода» (Барсуковъ, VII, 284—287).

[2]) По возвращеніи Селецкаго изъ-за границы Бибиковъ разспрашивалъ о познанскомъ происшествіи, о его путешествіяхъ (1843), о впечатлѣніи, произведенномъ за границей книгой маркиза Кюстина: «La Russie en 1839», и остался очень доволенъ его «разсказами» (К. Стар. 1885, IX, 616—617). Въ этомъ мѣстѣ заглавіе соч. Кюстина искажено.

[3]) В. Европы 1904, № 10, с. 615.

[4]) Біогр. Словарь профес., 417—423.

[5]) Малорос. пѣсни, М. 1827; Сборникъ украин. пѣсенъ, Кіевъ, 1849; Біогр. Слов., 347.

[6]) Рус. Архивъ 1874, II, 1079—1086; Кіев. Стар. 1891, № 12, с. 478—482.

подавали даже свои упражненія въ стихахъ; представляли цѣлыя поэмы [1]); писали дружескія посланія въ стихахъ и пр. [2]). Романтизмъ даетъ себя чувствовать и въ стѣнахъ академіи. До насъ дошла тетрадка со стихами студ. М. Булгакова, будущаго московскаго митрополита, показывающая, что онъ не лишенъ былъ и поэтическаго таланта [3]).

Кіевъ и Днѣпръ, въ частности, привлекали вниманіе къ себѣ и своей стариной многихъ поэтовъ и писателей [4]). Напом-

---

[1]) Владимірскій-Будановъ, 498; Кіев. Стар. 1894, № 6, с. 169--174.

[2]) Воспом. М. В. Чалаго (К. Стар. 1889, № 12, с. 342).

[3]) «Три гимна»:

Тебѣ, *о Юность дорогая*,
Тебѣ мой первый сердца гимнъ!
Тобой дышу я—и сгораю
Огнемъ священнымъ, неземнымъ.
О! сладко пить твой нектаръ чудный
Изъ чаши полной, круговой,
И сладко, сладко пѣснью звучной
Пѣть прелесть жизни золотой,
Тобой прекрасна мнѣ природа,
Тобою люди мнѣ милѣй,
Пріятны бури, непогода,
Дороже счастье свѣтлыхъ дней.

Второй гимнъ: «Мечтѣ прелестной», а третій: «Истинѣ святой» и т. д. Напеч. по рукоп., сообщ. С. И. Пономаревымъ (Сборн. И. Ак. Наукъ, т. XXXI, 17—20).

[4]) См. Кіевъ въ русской поэзіи. Сборн. составл. С. И. Пономаревымъ. К. 1878 (произведенія И. Козлова, Н. Маркевича, Е. Гребенки, А. Хомякова, Н. Арбузова, Д. Минаева, С. Пономарева, А. Башилова, Н. Гоголя, М. Загоскина, А. Подолинскаго, А. Фета, М. Розенгейма, Д. Герасимова, А. Муравьева, А. Саларева, Ѳ. Рылѣева, И. Левицкаго. Ѳ. Тютчева, А. Апухтина; народныя пословицы и поговорки о Кіевѣ, къ библіографіи Кіева). Въ томъ же сборникѣ помѣщена поэтическая картина: «Зарожденіе и судьба Днѣпра», въ прозѣ, Иннокентія, архіеп. херсонскаго.

нимъ, что въ Кіевѣ родился (1806) и получилъ начальное образованіе поэтъ А. И. Подолинскій [1]), потомъ воспитанникъ Петерб университета [2]); онъ долго жилъ и умеръ (1886) въ Кіевѣ. «Второстепенный поэтъ Пушкинской плеяды», онъ пользовался въ свое время вниманіемъ читающей публики [3]). Его перу принадлежитъ рядъ стихотвореній, посвященныхъ Кіеву («Дѣвичь-гора», «На развалинахъ Десятинной церкви въ Кіевѣ», «Разливъ Днѣпра», «Панъ Бурлай», «Пѣсня утопленницы», «Змѣй», кіевская быль), и картинъ южной природы въ другихъ произведеніяхъ [4]). Съ Кіевомъ связаны лучшія произведенія поэта-слѣпца, оцѣненнаго Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, и талантливаго переводчика Байрона, Бёрнса, Мура, Шенье, Мильвуа, Мицкевича и мн. др.—И. И. Козлова. Сюда относятся его: «Чернецъ», «Наталья Борисовна Долгорукая», «Кіевъ». Намъ приходилось упоминать о поэтѣ Красовѣ, имя котораго соединяется съ начальной исторіей университета. Уроженецъ отдаленнаго сѣвера (Вологод. губ.), онъ близко сжился съ природой юга («Октябрьскій день»); украинскія ночи вдохновляли

---

[1]) «Въ частномъ, отлично веденномъ, пансіонѣ герман. урож. Графа (о немъ мы упоминали),—человѣка, котораго рѣдкія достоинства я могъ оцѣнить только впослѣдствіи и о которомъ и до сихъ вспоминаю съ глубочайшею признательностью», говоритъ онъ (Р. Стар. 1885, т. XLV, 74). Тутъ же онъ вспоминаетъ весьма образованнаго свитскаго (генер. штаба) офицера Ал. Ѳед. Фурмана, который увлекалъ дѣтей своимъ превосходнымъ чтеніемъ и знакомилъ съ прошлой и современной русской литературой (ibid.), чѣмъ пробудилъ у автора влеченіе къ поэзіи.

[2]) Послѣднія двѣ строки его юбилейнаго посвященія Петерб. унив. въ 1869 г. выбиты на медали въ память торжества:

Гдѣ высоко стоитъ наука,
Стоитъ высоко человѣкъ.

[3]) Въ послѣднее время особенно цѣнилось его стихотв. «Бывшимъ Тургеневскимъ крѣпостнымъ» (1884).

[4]) Сочин. А. И. Подолинскаго, 2 чч., Спб. 1860. Поздн. стихотв. (Р. Стар. 1884 №№ 4 и 5; 1885, № 1; 1886, № 7); некрологъ, Д. Д. Языкова (Ист. Вѣст. 1886, № 12, с. 100—101).

его, какъ и Пушкина, столь ему близкаго. Поэтъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ неоднократно любовался старымъ «Днѣпромъ» (Пѣснь); а разноплеменное населеніе города и края вызвало нѣсколько произведеній съ этнографическимъ оттѣнкомъ Нѣкоторыя стихотворенія Красова получили широкое распространеніе, будучи переложены на музыку (см. выше [1]).

Отъ времени до времени въ Кіевѣ появлялись собственные поэты и писатели, о которыхъ сообщала современная хроника и даже критика; но они, можно сказать, не оставили слѣда въ исторіи литературы. Таковы произведенія: Н. Сементовскаго (Кочубей, историч. пов., Спб. 1845; Наталья Бор. Долгорукая, романъ и пр.); Альфреда ф. Юнка, который дѣлалъ переводы (пов. Корженевскаго), составлялъ водевили на малорусскомъ и русскомъ яз., писалъ украинскія повѣсти, стихотворенія и куплеты [2], а также о томъ, какъ приготовлять варенье (К. 1858) и, наконецъ, издавалъ безвременно погибшую газету «Кіевскій Телеграфъ» (съ 1859 г.). Были свои поэты: Глѣбовъ [3]), Аѳанасьевъ и знаменитый впослѣдствіи В. И. Аскоченскій (Стихотворенія, К. 1846, тип. Вальнера, 200 стр.) и поэтессы: дѣвица Ал-дра Бѣдарева, издавшая свои «Стихотворенія» [4]) (К. 1846, 16⁰) съ посвященіемъ гр. Ек. Ос. Меллиной и эпиграфомъ княг. З. А. Волконской (помѣщались также въ Маякѣ 1844) и многоизвѣстная Кіеву дѣвица Елизавета Сентимеръ, отличавшаяся богатствомъ литературной производительности, теперь вѣроятно совсѣмъ позабытая (Стихотв. дѣвицы Е. С., К. 1850, 12⁰; Достопамят. событія Кіева въ 1853 г., К. 1855; Голосъ патріотки, К. 1854; Поэмы и мелкія стихотв. дѣв. Е. С., К. 1851;

---

[1]) Оцѣнка произведеній Красова въ ст. проф. Дашкевича (Біогр. Словарь, 325—346).

[2]) Москвит. 1852, VI, 188—189; 1851, V, 44—45.

[3]) Учрежд. унив. св. Владиміра, стр. 354. Въ 1849 печаталось его произведеніе: «Прощальный привѣтъ родинѣ», два стихотв. въ 600 экз.; Москвит. 1847, IV, 47.

[4]) Кн. Н. Н. Голицынъ, Біогр. Словарь рус. писательницъ, Спб. 1889, стр. 38, 225.

2-е изд. 1852, 16° и 8°; изд. 3-е 1859, 8°; Элегія Франціи или французско-прусская война, въ стихахъ, К. 1871, 12°; Стихотв. на возвращ. Государя Имп-ра въ столицу съ поля брани (1878), за которое она получила выс. благод.; Разстрѣлъ, разсказъ Е. С., К. 1864; Отзывъ женщины о женщинѣ, К. 1870, 16°; Сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ, т. I, К. 1887). Но всѣ эти пробы пера перечисленныхъ писателей, какъ и нѣмецкаго ихъ соратника (Бахмана), иногда продолжительныя и мучительныя, оказываются лишенными не только поэтическаго творчества, но и соблюденія простаго требованія—размѣра, не говоря о мысляхъ иныхъ изъ нихъ [1]). «О самолюбіе, самолюбіе книжное!» восклицалъ въ свое время Сенковскій.

XXIV.

По словамъ Муравьева (Н. Н.), при дворѣ утвердилось мнѣніе, что м. Евгеній, будучи самымъ образованнымъ (какъ и Филаретъ московскій) изъ числа духовныхъ лицъ, не сохранялъ приличнаго своему сану отдаленія отъ мірскихъ обычаевъ [2]). Однако, тому же м. Евгенію приписываютъ «эпиграмматическій анекдотъ», наглядно характеризующій его взглядъ на отношенія тогдашнихъ кіевскихъ монастырей. «Изъ какого вы монастыря, батюшка»?—Съ Братскаго, смиренно отвѣчаетъ черноризецъ въ запыленной рясѣ и съ загорѣлыми руками, безъ перчатокъ.—«А вы изъ какого»?—Зъ Михайловскаго, говоритъ протяжно отецъ, сбрасывая перчатку и открывая бѣлую и полную руку, чтобы благословить.—«А вы, отче святой, изъ какого мона-

[1]) О стихахъ Аскоченскаго (Отеч. Зап. 1846, т. XLVIII, отд. VI, 43—46); о стихотв. Ал. Бѣдаревой (ib. 1846, XLIX, отд. VI, 47—48; Библ. д. Чт. 1846, LXXVIII, литер. лѣт. 17—18); о стихотв. дѣвицы Е. С. (Современникъ 1850, т. XXIV, № 11, отд. V, 25—28; тоже, Отеч. Зап. 1851, т. LXXIX, № 12, отд. VI, 72—77; Москвитянинъ 1850, № 23; 1854, IV, 76; Книж. Вѣст. 1864, сс. 336, 402).

[2]) Р. Арх. 1894, № 10, стр. 164—165.

стыря?» — «Спытай хлопца», отвѣчаетъ монахъ лаврскій, обыкновенно полный и не щедрый на разговоры» [1]). И отъ того же м. Евгенія дошло весьма суровое письмо, на имя намѣстника лавры Авксентія (1827), направленное къ искорененію, какъ онъ выражается, «развратовъ». «Еще бывшій губ. Бухаринъ, пишетъ м. Евгеній, со вступленія моего въ начальство лавры, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на оные; но я, незная еще ясныхъ обстоятельствъ, ожидалъ открытія оныхъ и нѣкоторыя только гнѣздилища старался упразднить. Доходили о томъ до меня вѣсти и въ Петербургѣ. Но заочно не могъ я также войти въ изслѣдованіе». Затѣмъ, представивъ общую картину лаврскихъ непорядковъ, м. Евгеній заключаетъ: «А какъ вы ближе меня при нихъ находитесь, то вамъ предписываю строжайшее имѣть вниманіе на таковыхъ и отвращать ихъ и увѣщаніями, и угрозами наказаній начальническихъ, и страхомъ казней божіихъ; ибо и мы за нихъ, и за послабленіе имъ должны отдать отвѣтъ Богу» [2]).

Бѣлое духовенство, по свидѣтельству лица, близко стоявшаго къ нему, «здѣсь вовсе не на такомъ счету было, какъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи. Не смотря на заслуги, щедро на-

---

[1]) Дневникъ В. И. Аскоченскаго (Ист. Вѣст. 1882, VII, 341—342; К. Стар. 1883, №№ 9—10, с. 301; 1894, № 10, с. 154). Ср. челобитную монаха Печер. лавры 1773 г. (К. Стар. 1893, № 4, стр. 156—161). Любопытна тяжба между Михайловскимъ мон. и кіев. купцами о продажѣ колецъ св. Варвары 1837—1842 г. (К. Стар. 1899, № 12, стр. 381—389); также воспом. Богатинова (Р. Арх. 1899). Въ кіевск. мон. были поселены и «неблагонадежные» политически уніатскіе монахи (Ист. Вѣст., т. XXI 547—50).

[2]) Древ. и Новая Россія 1877, I, стр. 118. Библіотека и рукописи м. Евгенія поступили въ библ. Соф. соб. въ Кіевѣ, составляя здѣсь важнѣйшую ея часть (Опытъ рус. исторіографіи, I, 645—647; II, 1168—1169). Библіотека тогдашняго коадъютора Кіев. еп. еп. Иринея Фальковскаго (92 тт. рукописей) также перешла сюда (см. ib., 646). О нем. см. Г. Булашевъ, Ириней Фальковскій, коад. кіевскій (Тр. К. Д. акад. 1883, №№ 6—10; К. Стар. 1883, тт. V и VI) и А. Титовъ (К. Стар. 1883, тт. VI и VII—о библіотекѣ).

граждаемыя монаршими милостями, оно мало пользовалось уваженіемъ, особенно людей высшаго класса. Простолюдины, правда, уважаютъ духовныхъ, но и то не искренно, не отъ души. Причина тому прежде всего давняя свычка съ католическимъ духовенствомъ, не въ примѣръ нашему образованнѣйшимъ и умѣющимъ держать себя [1]; наши духовные, по бо́льшей части, погрязли въ семейныхъ, жизненныхъ разсчетахъ... Грубость и невѣжество это самыя обыкновенныя свойства причта; неопрятность, нечистота,—это второстепенныя его качества... Словомъ, кіевское духовенство не пользовалось тѣмъ уваженіемъ, какое приличествуетъ его сану», прибавляетъ тотъ же современникъ [2]. Преподаватель патрологіи, будучи иныхъ мыслей тогда, чѣмъ впослѣдствіи, онъ «старался внести нѣкоторыя новшества въ свои чтенія. И вотъ причина, отчего читатель мой найдетъ въ моихъ запискахъ столько смѣлости и заподозритъ меня быть можетъ въ кощунствѣ». Указавъ на два фоліанта записокъ, стоившіе многихъ трудовъ, онъ прибавляетъ: «Преподаваніе мое идетъ двумя путями: исотерическимъ и экзотерическимъ. Въ аудиторіи оставаясь глазъ на глазъ съ студентами, я говорю или все, что идетъ мнѣ голову и что уже пало подъ перо мое вслѣдствіе заранѣе подготовленнаго истиннаго убѣжденія. Это исотерическое преподаваніе, къ которому я не допускаю никого изъ непосвященныхъ и не преданныхъ мнѣ. Когда же приходятъ экзамены и ареопагъ монашескій судитъ меня, студентовъ и мои лекціи—тутъ мои записки становятся неукоризненны, какъ первыя четыре правила ариѳметики, уступчивы, какъ воздухъ, и невинны, какъ рѣчная вода. Это немножко по іезуитской логикѣ, но что-жъ дѣлать?» [3]). Однако, когда дѣло

[1]) До насъ дошло предостереженіе Бибикова (1840) одному русскому помѣщику и полковнику, который «всегда оказывалъ преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ онъ сажалъ за столъ вмѣстѣ съ собой, а священниковъ отсылалъ обѣдать на кухню». Даже въ торж. праздникъ у большихъ русскихъ помѣщиковъ духовенство (низшее) обыкновенно угощалось въ конторѣ (К. Стар. 1882, III, 575—77).

[2]) Дневникъ Аскоченскаго (341—343,—подробности).

[3]) Ист. Вѣст. 1882, VII, 339—340.

касается университета, то авторъ сразу мѣняетъ свою точку зрѣнія. «Науки, взрощенныя непокорнымъ умомъ, который все желалъ бы подчинить своему деспотическому критеріуму, пошли противоположно тихому, но свѣтлому голосу евангельской истины, обращающейся прежде къ сердцу и уже оттуда приносящей чистый свѣтильникъ вѣры для успокоенія и разрѣшенія тревожныхъ вопросовъ ума. Нѣмцы профессоры, а потомъ и питомцы ихъ, русскіе наставники, не могли или не хотѣли этого понять и полною рукою продолжали сыпать гибельныя сѣмена сомнѣнія и отрицанія, во вредъ уже и безъ того униженному богословію». И если онъ, вопреки другимъ, желалъ бы видѣть въ университетѣ богословскій факультетъ, то не потому, что такъ было въ нѣмецкихъ университетахъ, а для того, чтобы онъ занялъ тамъ свой наблюдательный постъ [1]). Писалось это уже въ то время, когда университеты переживали тяжелыя условія своего существованія, послѣ событій 1848—1849 г. [2]). Но и самъ авторъ не уцѣлѣлъ на своемъ посту. На каѳедрѣ имъ овладѣло «уныніе», «тоска» и онъ превратился въ чиновника губернскаго правленія, а потомъ гражданской палаты [3]), пока не спустился еще позже до болѣе тяжелаго положенія—захудалаго публициста.

Путешественникъ, побывавшій въ Кіевѣ въ 50-хъ годахъ, писалъ: «Кіевъ городъ какой-то смѣшанный: по университету выглядитъ ученымъ, по монастырямъ—священнымъ, по крѣпости—военнымъ, по пристани—торговымъ. Народность тоже разнообразная: поляки, малороссіяне, евреи и русскіе, между коими разительная разница и въ костюмахъ. Я тогда же замѣтилъ между панами и студентами особые польскіе кружки, посматривающіе

---

[1]) Ист. Вѣст., т. IX, 473—482—разсужденіе на эту тему.

[2]) Кіевская хроника свидѣтельствуетъ, что Аскоченскій своею рукописью объ университетахъ (будто бы листовъ въ 70), ходившею по рукамъ, вызвалъ цѣлую бурю въ ученомъ и административномъ мірѣ, былъ призванъ къ воен. губ. кн. Васильчикову и посаженъ недѣли на двѣ на гауптвахту (Н. Лѣсковъ, Печерскіе антики, К. Стар., 1883, V, 706). Сатирич. стихотв. на Аскоченскаго (ibid. 1894, № 10, с. 145—48).

[3]) Ibid., VII, 83—88.

на все русское съ пренебреженіемъ. Извощики неопрятны и дерзки до нестерпѣнья [1]). Есть довольно много порядочныхъ магазиновъ и даже книжныя лавки. Жизнь не дорогая; климатъ умѣренный; мѣстоположеніе очаровательное» [2]).

Въ теченіе разсматриваемаго періода кіевское общество представляется двойственнымъ по своему составу и строго раздѣленнымъ въ своихъ отношеніяхъ и взглядахъ, къ которымъ прилагались различные способы управленія, однако мало измѣнившіе созданный историческими условіями внутренній строй жизни.

Еще въ 20-хъ годахъ, когда отношенія обѣихъ сторонъ были болѣе солидарны, попытка одного изъ видныхъ членовъ польской аристократіи, Густава Олизара, близко стоявшаго къ русскимъ, вступить въ бракъ съ дочерью «изъ общества намъ враждебнаго», по его выраженію, ген. Раевскаго, должна была сопровождаться предварительнымъ разрѣшеніемъ «извѣстныхъ польскихъ патріотовъ, а именно генераловъ Князевича и Крупинскаго, а также кн. Адама Чарторижскаго», причемъ онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что фамилія Раевскихъ, «судя по гербу, была польскаго происхожденія и состояла въ близкомъ родствѣ съ гетманшей Браницкой», а Раевскій, въ свою очередь, выставлялъ на видъ разность религіи и національности настолько существенною, что онѣ ставятъ непреодолимую преграду на пути къ цѣли столь желательной для обѣихъ сторонъ, и оба они искренно признавали эту причину настолько важною, что остались до конца друзьями, а Олизаръ не переставалъ хранить въ душѣ свѣтлый образъ своей Беатриче. М. Н. Раевская тогда же была сосватана за князя Волконскаго—декабриста [3]). Въ 1839 г. состоялся бракъ кн. Любомир-

---

[1]) Такой же отзывъ о нихъ И. С. Аксакова (Письма, т. III, ч. I, стр. 9).

[2]) Автобіогр. записка И. И. Сердюкова (К. Стар. 1896, № 12, стр. 364—365).

[3]) Хотя оба сына Раевскаго не принадлежали къ кружку послѣднихъ и успѣли оправдаться, но прикосновенность обоихъ зятьевъ

скаго съ извѣстной красавицей Голынской, мать которой была урожденная граф. Толстая (сестра Голубцовой), и условіемъ его женитьбы было, чтобъ молодая жена его перешла въ римскую церковь, какъ желала польская аристократія, что и случилось потомъ,—обстоятельство, вызвавшее рядъ репрессивыхъ мѣръ [1]). Мы уже знаемъ, какъ сложились отношенія въ Кіевѣ между «шляхетствомъ» и мѣстными гражданами и въ какомъ направленіи возможна была ассимиляція обоихъ элементовъ. Въ высшихъ слояхъ, при свойственной имъ приспособленности къ положенію вещей, эти отношенія устраивались легче и проще.

Кіевское общество, по свидѣтельству современниковъ, состояло изъ русскихъ и польскихъ семействъ, привлеченныхъ въ Кіевъ гр. Левашовымъ, который заботился о развитіи общественной жизни и добромъ согласіи между двумя національностями [2]). Изъ русскихъ были извѣстны своимъ гостепріимствомъ дома: кн. Кудашева, П. И. Голубцова [3]), А. В. Васильчикова [4]), П. Я. Лука-

---

его къ этимъ событіямъ послужили причиною непріятностей для ген. Раевскаго. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ член. Гос. совѣта.

[1]) Записки гр. М. Д. Бутурлина (Р. Арх. 1897, № 8, с. 588, 591). Подробности этого дѣла (см. въ К. Старинѣ. 1898, № 2, с. 54 — 57).

[2]) Левашовъ бралъ на себя иногда ходатайство за ссыльныхъ поляковъ (Зап. Муравьева, Р. Арх 1897, № 11, стр. 348).

[3]) Женатый на гр. Ек. Дмитр. Толстой (потомъ начальн. инст.). Р. Арх. 1897, № 8, стр. 584.

[4]) Семья Васильчиковыхъ (Ал. Ив., урожд. Архарова) принадлежавшая къ высшему петерб. обществу, переселилась въ Кіев. губ., чтобы воспитывать дѣтей вдали отъ пагубнаго вліянія большаго свѣта. Лѣто они проводили въ украинскомъ имѣніи. Ал Ив. въ молодости была красавицей, блистала при дворѣ имп. Маріи Ѳедоровны и была ея любимой фрейлиной. Мать ея отличалась строгостью правилъ, которыя передала и дочерямъ своимъ. Ал. Ив. была неприступной красавицей и за ней не дерзали ухаживать; а вышла она за человѣка весьма обыкновеннаго, но добраго, богатаго и имѣвшаго большія родственныя связи (Разумовскіе, Репнины, Загряжская; сестра его была за кн. Кочубеемъ... «Мы обѣ жили на Крещатикѣ, не далеко другъ отъ друга. Домъ ея велся па англійскій манеръ и гувернеръ-англичанинъ ми-

шевича и Ф. Р. Иваненка; изъ польскихъ—гр. Тышкевича и Илинскаго, Проскуры [1]), Шимановскаго и др. Во время контрактовъ съѣзжались въ Кіевъ почти всѣ помѣщики Юго-Западн. края съ своими семействами; многіе жители Заднѣпровья жили здѣсь открыто и весело; пріѣзжіе вели большую игру и разъѣзжались обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Въ общественныхъ отношеніяхъ не было различія между русскими и поляками; многіе русскія семейства находились въ тѣсной дружбѣ съ польскими; о преобладаніи той или другой національности не было вопроса, театральныя представленія давались на французскомъ языкѣ труппою актеровъ, выписанною гр. Левашовымъ изъ Парижа; спектакли любителей шли также по большей части пофранцузски; концерты давались въ контрактовомъ домѣ и привлекали, многочисленную, блестящую публику. Тамъ же бывали общественные балы. Каждый годъ контракты открывались утромъ: молебствіемъ съ процессіей, а вечеромъ большимъ баломъ отъ дворянства въ честь генералъ-губернатора. Жизнь въ Кіевѣ была дешева, роскоши въ убранствѣ домовъ и экипажахъ не существовало. Дамы одѣвались просто, но со вкусомъ; на большихъ только балахъ, въ исходѣ сезона, появлялись богатые туалеты, драгоцѣнные камни; красавицъ было много: дѣвицы Муравьева, Астромова, Гинцъ, Швейковская; дамы: Писарева, граф. Илинская, Ржевуская, Понятовская. Студенты составляли принадлежность всѣхъ собраній; изъ нихъ было много хорошихъ танцоровъ и любезныхъ кавалеровъ [2]).

стеръ Джонсъ игралъ важную роль; дочери ея походили на англійскихъ леди, хотя имѣли русскую гувернантку, а старшій изъ двухъ мальчиковъ былъ настоящій мистеръ Peter» (Зап. Карлгофъ, Р. Вѣст. 1880, № 11, стр 734)..

[1]) «Довольно пріятное семейство Проскуры, состояло изъ отца, очень умной матери и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ и вышла послѣ за Н. С. Мартынова. Меньшая очень красивая брюнетка, вышла за Грабянку и тоже не надолго» (К. Стар. 1894, X, 92).

[2]) Селецкій (К. Стар. 1884, VIII, 290).

Между тѣмъ у воен. губ. Левашева съ (1 іюля 1833 г. графъ) возникли неудовольствія съ городомъ по поводу отмѣны мундировъ [1]), такъ что крещенскій обѣдъ (въ контрактовой залѣ) 1835 г. былъ «и очень дуренъ, и скученъ», по выраженію Муравьева [2]). Левашовъ заставилъ духовенство и гостей ждать себя около часа. «Самъ я, говоритъ Муравьевъ, показалъ ему, что если я его дожидался, то не его лица, а не хотѣвъ оставить митрополита одного въ залѣ», а послѣ обѣда митрополитъ и военные поспѣшили уѣхать, «оставя Левашова съ его служащими». Положеніе послѣдняго усугублялось извѣстной уже распрей съ фельдм. Сакеномъ, которая давала себя чувствовать даже въ мелочахъ (тосты на обѣдѣ, перестановка военной музыки, игравшей ежедневно по вечерамъ у гауптвахты, по распоряженію фельдмаршала, несоблюденіе формы [3]); но были и болѣе серьезныя основанія (какъ возраженія по поводу желанія послѣдняго имѣть при себѣ на службѣ сына—ген. м. Гостомилова и т. п.; соперничество между военными и гражданскими чинами по учрежденію «дворянскаго собранія», сопровождавшееся столкновеніями и даже вызовомъ на дуэль уѣздн. предводителемъ дворянства По-

---

1) По словамъ Н. Н. Муравьева, Левашовъ сначала самъ поощрялъ введеніе мундировъ, а граждане украсили ихъ генералъ-адъютантскимъ шитьемъ на воротникѣ и онъ представлялъ ихъ въ такомъ видѣ фельдмаршалу, но государю это не понравилось, что и кончилось совершенною отмѣною мундировъ (Р. Арх. 1894, № 11, стр. 343—44).

2) Недовольство было и отъ того, что на этотъ парадъ всегда собирались деньги, на которыя «старшины городскіе обыкновенно еще три дня праздновали, что довольно накладно для гражданъ, между ними нѣтъ богатыхъ» (ibid., 343).

3) «До свѣдѣнія государя дошло, что будто графъ Левашовъ ѣздилъ по городу въ венгеркѣ и даже въ торжественный царскій день являлся къ фельд-лу въ вицъ-мундирѣ, тогда какъ всѣ были въ парадныхъ мундирахъ. Фельд-лу не могло сіе быть пріятно и, когда Левашовъ пріѣзжалъ сюда въ Петербургъ, государь восемь дней не принималъ его» (Р. Арх. 1894, № 11, стр. 380—381).

нятовскимъ ген. Карпова, близкаго къ фельдмаршалу, причемъ Левашовъ поддерживалъ своихъ чиновниковъ и т. п. [1]). Но болѣе всего вносило вражды между гражданскимъ и военнымъ управленіемъ это несогласіе относительно сосредоточенія въ Кіевѣ управленія штаба 1-ой арміи, которое, по мнѣнію Левашова, отягощало жителей непомѣрнымъ постоемъ, а по мнѣнію лицъ, причастныхъ къ штабу, содѣйствовало обогащенію города и было необходимо въ военномъ отношеніи. Столкновенія эти тѣмъ болѣе обострялись, что къ мнѣнію воен. губернатора склонялся и военный министръ гр. Чернышевъ, а такъ какъ расформированіе 1-ой арміи, вопреки настояніямъ фельдмаршала, все-таки состоялось (1835) и сопровождалось неудовольствіемъ государя по поводу недостатковъ замѣченныхъ на смотру подъ Бѣлой церковью, то это обстоятельство еще болѣе внесло раздраженія въ отношенія обѣихъ сторонъ, печально окончившіяся для Левашова и чуть не вызвавшія самыхъ серьезныхъ мѣръ [2]). Было еще обстоятельсво, повліявшее, быть можетъ, на исходъ столь странной борьбы представителей двухъ вѣдомствъ. Левашова упрекали, за то, что онъ дѣлаетъ свои представленія въ пользу поляковъ и что въ дѣлѣ объ устройствѣ дворянскаго собранія въ Кіевѣ онъ принялъ сторону поляковъ же, въ чемъ видѣли тогда желаніе имъ понравиться. Если вспомнимъ, что все это происходило вскорѣ послѣ со-

---

[1]) Вслѣдствіе такого обостренія дѣла, собраніе тогда прекратилось (Р. Арх., стр. 393).

[2]) Государь пожелалъ знать: «что за женщина графиня Левашова (урожд. Евд. Вас. Пашкова).—«Добрая и хорошая женщина». «Ее такъ разумѣютъ въ Кіевѣ и вообще любятъ», отвѣчалъ нерасположенный къ Л—ву Муравьевъ. – «Полно, такъ ли? Но она кажется спѣсива и много беретъ на себя чванства», сказалъ государь.—«Да умна ли она»?—«Сколько для женщины нужно, ума есть» и т. д. «Конечно есть мѣра ума у нихъ, но чванство не доказываетъ его. Но оставимъ разговоръ сей, сказалъ государь, махнувъ рукой. Впрочемъ и Брадке говоритъ: «супруга Л—ва, въ высшей степени достойная женщина, оказывала мнѣ также много довѣрія и дружбы» (Р. Арх. 1875, I, 275).

бытій 1830—1831 гг. и что посѣщеніе польскихъ домовъ со стороны представителей военной администраціи признавалось нежелательнымъ, а новые слухи, затрогивавшіе тѣ же отношенія [1]), вызывали суровые отзывы со стороны императора Николая I, то легко понять, насколько подобные слухи о дѣйствіяхъ гр. Левашова могли вызывать неудовольствіе противъ него [2]). Прибавимъ къ этому, что среди текущихъ событій ставился одинъ вопросъ, совершенно мирнаго свойства, имѣвшій прямое отношеніе къ Кіеву. «Когда Левашовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ (1834 г.), говоритъ Муравьевъ, то ему государь говорилъ, что онъ желалъ бы изъ Кіева сдѣлать третью столицу, на что Левашовъ отвѣтилъ, что сіе бы можно сдѣлать, но присутствіе главной квартиры, стѣсняющей городъ, постоянно ему въ томъ препятствуетъ». Напомнимъ, что о перенесеніи столицы въ Кіевъ дѣлали представленіе императ. Николаю I кн. М. С. Воронцовъ, а имп. Александру II—кн. А. И. Барятинскій [3]).

Впрочемъ, отношенія, которыхъ намъ пришлось коснуться выше, мало измѣнились и въ кратковременное управленіе преем

---

[1]) Гр. Левашовъ искалъ примиренія съ кн. Сакеномъ черезъ польскихъ магнатовъ (Муравьевъ). Впрочемъ и губ. Катериничъ, въ моментъ самой смуты 1830—31 г. выражалъ свое сожалѣніе полякамъ, велъ знакомство съ помѣщиками и говорилъ, что ни войско, ни народъ не хотятъ принимать дѣятельнаго участія въ наступившихъ событіяхъ (Зап. Чайковскаго, Р. Стар. 1896, № 5, стр. 403). Впрочемъ, авторъ называетъ его «оптимистомъ» (404).

[2]) Всѣ подробности и перипетіи этихъ отношеній см. въ запискахъ Н. Н. Муравьева (Р. Арх. 1894, № 10, стр. 193—206; № 11, стр. 343—432); ср. также: «Къ біогр. фельдм. кн. Остенъ-Сакена», изъ воспом. ген. отъ инф. И. М. Старицкаго (Р. Стар. 1904, № 6, стр. 626—28). Положеніе Левашова было тѣмъ непріятнѣе, что фельдм. Сакенъ пользовался популярностью. У него была огромная библіотека, онъ любилъ принимать гостей, а чаще всѣхъ пріѣзжалъ м. Евгеній. Кн. Сакена приглашали на экзамены въ пансіоны. Онъ слушалъ внимательно и когда дѣвица отличалась игрой на фортепіано или бойкими отвѣтами, то подзывалъ ее къ себѣ, хвалилъ и какъ бы въ награду говорилъ: «поцѣлуй меня» (ibid.).

[3]) Р. Арх. 1897, № 11, стр. 398.

ника Левашова, гр. Гурьева. Гр. Бутурлинъ, близко знакомый съ послѣднимъ и жившій въ то время въ Кіевѣ, замѣчаетъ: «Польскій элементъ уживался, какъ рѣдкое исключеніе, съ русскимъ въ кіевскомъ высшемъ обществѣ» [1]). Онъ даетъ намъ между прочимъ нѣсколько новыхъ типовъ того и другого. «Кіевское общество было немногочисленное. При ген. губ. Гурьевѣ состояли полк. П. И. Голубцовъ и Звягинцевъ, мужъ одной изъ тамошнихъ красавицъ. Жили довольно открыто Трощинскіе. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго дѣятеля этой фамиліи [2]); а она урожденная Кудрявцова, добрѣйшее созданіе, хотя собой не хороша, но имѣла неудачное поползновеніе быть пѣвицею итальянскихъ арій... Другой гостепріимный домъ былъ князя С. Д. Кудашева, женатаго на гр. Шуазель-Гуфье... Общество собиралось также у гр. Бержинскихъ. Онъ былъ полякъ и меломанъ на скрипкѣ, а она рожд. княжна Долгорукова [3])... Дочь ея, тогда еще ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, была уже типъ итальянской или греческой красоты». Гражд. губ. былъ только что назначенный тогда нѣкто Переверзевъ, вопреки ходатайству гр. Евдокіи Петровны Гурьевой [4]) до-

---

[1]) Записки (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 590).

[2]) Домъ гетм. Разумовскаго находился на Печерскѣ въ одной изъ лучшихъ мѣстностей надъ Днѣпромъ. Пріѣзжаетъ однажды къ быв. гетману комендантъ и докладываетъ, что на лѣто ожидаются многочисленныя войска, направляемыя черезъ Кіевъ въ Турцію, а потому проситъ позволить назначить въ его домѣ постой, наравнѣ съ другими обывателями. Разумовскій сначала согласился, а потомъ раздумалъ и распорядился доставкою изъ Яготина подводъ. Такимъ обр. домъ былъ разобранъ, перевезенъ въ Яготинъ, гдѣ и поставленъ; а мѣсто въ Кіевѣ и флигеля онъ подарилъ Трощинскому. Усадьба эта принадлежитъ теперь инженерному вѣдомству (Зап. П. Д. Селецкаго, (К. Стар., IX, 622).

[3]) Ек. Андр., родная сестра быв. потомъ моск. ген.-губ. (въ 70-хъ годахъ) кн. Долгорукова.

[4]) «Эксцентричная графиня Авд. Петр.—дочь гр. П. А. Толстого... Была она оригинальнаго и игриваго ума и не стѣснялась высказывать во всеуслышаніе, что приходило ей въ голову. Не стѣснялась она высказывать и свое нерасположеніе къ супругу» (Зап. гр. Бутурлина, 571—72).

ставить это мѣсто ея обычному партнёру въ картахъ в. губ. П—ну [1]). Жилъ тогда въ Кіевѣ Н. Н. Муравьевъ съ женою, ур. гр. Нат. Гр. Чернышевой. Ведя обширную переписку по своимъ собственнымъ внѣ службы дѣламъ и съ своими друзьями, онъ имѣлъ привычку, по полученіи какого либо письма, немедленно отмѣчать на немъ нумеръ и число дня полученія, и по порядку этой нумераціи отвѣчать на каждое по очереди. Благодаря, вѣроятно, такой аккуратности, мы имѣемъ рядъ его обширныхъ дневниковъ и военныхъ записокъ. Будучи человѣкомъ добрѣйшей души, онъ старался казаться злымъ для своихъ подчиненныхъ. Послѣ расформированія 1-й арміи его замѣнилъ въ Кіевѣ П. С. Кайсаровъ, въ качествѣ нач. штаба 4-го корпуса, «не подходившій къ картоннымъ генераламъ того времени» [2]); нач. корпуса былъ ген. Ридигеръ [3]), артил. генераломъ—кн. Яшвиль [4]). «Между фельдм. кн. Сакеномъ и кн. Яшвилемъ шла, какъ утверждали, курьезнѣйшая городская переписка, дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ переполненная, ради силы слога, болѣе чѣмъ площадными словами, въ видѣ любезностей». Затѣмъ авторъ записокъ называетъ еще нѣсколько семействъ: Могилянскихъ, Бѣлокопытовыхъ, Вишневскихъ, Лопухиныхъ. Послѣдніе жили, никуда не выѣзжая изъ боязни церковнаго преслѣдованія, вслѣдствіе того, что двѣ род-

---

[1]) Я. И. Пенкинъ (К. Стар. 1899, № 12, стр. 382—385).

[2]) Ср. о немъ замѣч. въ зап. Муравьева (Р. Арх. 1894, № 11). Чайковскій говоритъ, что Кайсаровъ былъ человѣкъ замѣчательно образованный и рыцарски благородный, такъ что при немъ военная власть не давала себя чувствовать жителямъ и даже оказывала сильное вліяніе на дѣйствія власти гражданской (Р. Стар. 1896, № 5, стр. 403—404),—въ Житомирѣ.

[3]) Зап. Карлгофъ (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 736, 738).

[4]) По поводу его похоронъ (1836) гр. Бутурлинъ сообщаетъ черту изъ проповѣдничества Иннокентія. «Свидѣтели разсказывали мнѣ, что онъ весьма эффектно сдѣлалъ паузу въ своей рѣчи, во время которой послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и затѣмъ онъ продолжалъ, указавъ на эту почесть, какъ на послѣднюю житейскую дань военнымъ заслугамъ покойнаго» (596).

ныя сестры вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ. Семья Бутурлиныхъ была очень музыкальная и самъ авторъ записокъ положилъ тогда на музыку прекрасныя строфы Баратынскаго:

«Не искушай меня безъ нужды
Возвратомъ нѣжности твоей» и пр.

напечатавъ этотъ романсъ въ Кіевѣ [1]). Въ Липкахъ проживали гр. Растопчина, Судіенко [2]), женатый на Миклашевской, нѣкогда красавицѣ Ризничъ, г. М., съ именемъ которой связанъ эпизодъ о пропажѣ бриллiантовъ, надѣлавшей много шуму и убѣдившей, что бибиковская полиція можетъ оправдать свое назначеніе [3]).

Польскій элементъ игралъ, по прежнему, немаловажную роль въ обществѣ. Губернскимъ предводителемъ былъ камерг. графъ Тышкевичъ, у котораго бывали вечера два раза въ недѣлю съ роскошно сервированнымъ ужиномъ [4]), уѣзднымъ—Л. О. Поня-

---

[1]) Тотъ же Бутурлинъ сообщаетъ, что «въ то время во французскихъ газетахъ (1836) явилось описаніе удачныхъ опытовъ Дагера въ свѣтописаніи; но, какъ почти одновременно съ этимъ появилась въ той же печати статья, описывавшая какой-то вновь изобрѣтенный телескопъ такой силы, что ясно усматривались на лунѣ дикіе люди, обросшіе волосами, то мы вмѣстѣ съ Олизаромъ, привезшимъ намъ эту газету, единогласно рѣшили, что все это журнальная утка» (Р. Арх. 1897, № 8, стр. 601).

[2]) Характеристика его (К. Стар. 1901), № 9, стр. 83—84); ср. Зап. Селецкаго (К. Стар., X, 91—82).

[3]) Записки Солтановскаго (К. Стар. 182, № 5, стр. 232—234—эпизодъ о бриллiантахъ).

[4]) У гр. Гурьева и Тышкевича состояли метръ-д'отелями итальянцы, бывшіе тогда въ модѣ (Бутурлинъ).

По словамъ Чайковскаго, гр. Генр. Тышкевичъ, бывшій уже губерн. предвод. во время мятежа 1830—31 г., отличался большими военными и политическими способностями. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ Наполеона I и былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ польскаго войска; онъ зналъ многихъ знаменитыхъ политическихъ дѣятелей; бывалъ при дворѣ въ Петербургѣ, Вѣнѣ и Дрез-

товскій. Здѣсь же, въ Липкахъ, жили: гр. Янушъ Илинскій, впослѣдствіи сенаторъ,—ярый меломанъ, посвятившій папѣ одну свою оркестрированную мессу, владѣлецъ помѣстья Романова (наз. Roma nuova), гдѣ отецъ началъ строить огромный костелъ, въ подражаніе римскому собору св. Петра; семья Маршицкихъ, имѣвшая также открытый домъ. Густавъ Олизаръ, поселившійся въ Кіевѣ послѣ длинныхъ перипетій, владѣлецъ Коростышева [1]). Онъ былъ крайне забавенъ въ обществѣ, смѣшилъ своими анекдотами и, сверхъ того, владѣлъ небывалымъ искусствомъ рвать пальцами бумагу безъ пособія ножницъ, изъ коей удивительно хорошо у него выходили всякія фигуры, животныя и деревья. Жена его привлекала своимъ пѣніемъ, усовершенствованнымъ въ Италіи. Сюда наѣзжали родственники Понятовскихъ, красавецъ Дзіаконскій съ женою, ур. Пржездецкою, вѣчно хандрившій и лѣчившійся у одной извѣстной тогда ясновидящей, Любомирскіе и др. Но звѣздою польскаго и всего кіевскаго общества была гр. Евелина Ганская, рожд. Ржевуская, сестра гр. Собанской и гр. Адама Рж-го. Въ бытность свою въ Парижѣ она произвела глубокое впечатлѣніе на знаменитаго Бальзака и, какъ говорятъ, онъ изобразилъ ее въ своемъ романѣ «Le lys dans la vallée». Она вела съ нимъ переписку и, по смерти своего стараго мужа, вышла замужъ въ 1850 г. (въ Бердичевѣ) за этого знаменитаго француза.

Въ польскомъ обществѣ до 1839 г. пользовался большимъ вліяніемъ одинъ изъ кременецкихъ профессоровъ, какъ человѣкъ свѣтскій и какъ извѣстный беллетристъ (Корженевскій), и онъ же знакомилъ своихъ товарищей съ тѣмъ, что особенно интересовало общество помѣщиковъ. Русскіе профессора чаще всего являлись у

денѣ, что несомнѣнно повліяло на его развитіе. Поляки надѣялись, что, будучи предводителемъ дворянства, онъ окажетъ вліяніе на возбужденіе движенія въ Украинѣ и тогда братъ его Викентій передастъ ему начальство надъ войскомъ. Авторъ записокъ прибавляетъ, что за это легкомысліе никто изъ нихъ единомышленниковъ не поплатился (Р. Стар. 1896, № 25, стр. 404—405).

[1]) Зап. Селецкаго (К. Стар. 1884, т. X, 92). О Коростышевѣ (Пам. кн. на 1858, стр. 92—93; Фундуклей, II, 117—118).

Троцинскаго, Лошкарева (губ.) и Голубцова; позже у Юзефовича. Вообще въ высшихъ слояхъ кіевскаго свѣта на профессоровъ была мода, все равно какъ имѣть чистый французскій разговоръ или дѣлать визиты. На Подолѣ, въ семействахъ чиновниковъ и гражданъ, профессоръ былъ почетнымъ гостемъ. Даже собратья по наукѣ, профессора духовной академіи, уступали имъ вездѣ первенство [1]). Кавалерами на тогдашнихъ балахъ бывали и студенты: меньшой братъ кн. Любомирскаго, Бутовичъ, изъ богатыхъ малороссійскихъ помѣщиковъ, и Д. А. Сверчковъ, родной плем. Гурьева, большой вѣтреникъ, попадавшійся въ студенческія исторіи, обнаруживавшій большія странности, кончившіяся позднѣе тѣмъ, что онъ впалъ въ умопомѣшательство [2]). Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ бывали также съѣзды и пріемы у окружныхъ помѣщиковъ: въ Таганчѣ у О. И. Понятовскаго; въ Коростышевѣ—у Олизара; у Монтрезора, Казариновыхъ и др., на столахъ которыхъ царило венгерское и т. п. [3]).

Служба считалась тогда какою-то панацеею къ умиротворенію края. Когда надежда создать въ краѣ помѣстное русское дворянство потерпѣла неудачу, то Бибиковъ думалъ выдѣлить въ средѣ польскаго дворянства тотъ служебный элементъ, который могъ играть извѣстную роль въ краѣ, прежде всего лицъ, служившихъ по выборамъ [4]). Онъ всячески хлопоталъ о наградахъ и

---

[1]) Шульгинъ, Ист. унив. 169--174; Письма Аксакова, ч. I, т. III, с. 8. Одинъ Бессеръ, преданный исключительно наукѣ, нигдѣ не показывался.

[2]) Записки М. Д. Бутурлина (Р. Арх. 1898, № 8, стр. 591.

[3]) Записки Бутурлина, 1897, № 8, стр. 571—601.

[4]) Кіевскіе помѣщики владѣли (по даннымъ 1856 г.) болѣе $^3/_4$ всей губ. и болѣе $^2/_3$ всего населенія. Чиновники, по большинству лицъ, были польскаго происхожденія. Богатые помѣщики жили болѣе за границей или въ Варшавѣ (русскіе въ столицѣ) и отдавали свои имѣнія въ аренду (Пам. кн. на 1858, стр. 188—189). Почти $^2/_3$ всѣхъ помѣщ. имѣній Кіев. губ. и болѣе половины ихъ крестьянъ были заложены въ кредит. установленіяхъ, а ссуды, числившіяся на нихъ,=54 р. на каждую залож. душу. Улучшеній по хлѣбопашеству сдѣлано было немного, а больше ссуды ушли на фабрики и заводы, особ. сахарные, однако стоимость ихъ устройства составляетъ менѣе половины долговъ (1847), слѣд.

повышеніяхъ для нихъ, облегчалъ ихъ родственникамъ возвращеніе изъ ссылки или изгнанія, снятіе конфискаціи съ ихъ имуществъ, а одному изъ нихъ даже выхлопоталъ утвержденіе въ графскомъ титулѣ (личномъ), въ которомъ герольдія отказала бы ему, по недостатку ясныхъ документовъ. Въ его канцеляріи числились на службѣ: гр. Ворцель, Олизаръ, Рачинскій, гр. Генр. Тышкевичъ, Модзелевскій, Собанскій и др., которымъ онъ поручалъ переводы съ польскаго языка матеріаловъ въ изданія Коммисіи для разбора древ. актовъ [1]). Въ свѣтской жизни онъ оказывалъ ихъ семьямъ самое обязательное вниманіе, но въ близкія отношенія не вступалъ и дѣловаго значенія они не имѣли [2]). Въ первые годы управленія въ Кіевъ съѣхались было Олизары, Ивановскіе, Ганскіе, Пржездецкіе и др. На балахъ и вечерахъ у нихъ ген.-губернаторъ оффиціально проводилъ около четверти часа, не болѣе. Чаще и проще онъ проводилъ время въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ; а, подъ конецъ (въ 1850 г.) своего пребыванія въ Кіевѣ, ему пришлось констатиравать, что многія лица высшаго класса остаются безъ службы, отдаютъ имѣнія въ аренду и, получая большіе доходы съ нихъ, проживаютъ большія суммы за границей, часто не получая никакого образованія и питая въ себѣ огорченное самолюбіе, пораждающее непріязнь къ Россіи [3]).

болѣе половины (8 мил.) употреблено было на предметы, чуждые интересамъ имѣній (Фундуклей, II, 239 – 240). Богадѣльни еще встрѣчались, но школъ, за небольшими исключеніями, въ помѣщ. имѣніяхъ не было (ibid., 406—413).

[1]) Пятидесятилѣтіе Коммиссіи, 46.

[2]) «Польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить за границу» (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, т. X, 88). Романическая исторія гр. Меч. Потоцкаго, надѣлавшая много шуму въ 40-хъ годахъ, разыгривалась частью въ Тульчинѣ, а частью въ Кіевѣ (К. Стар. 1892, № 4, стр. 77 – 88; ср. № 9 с. 429—430).

[3]) Шульгинъ, Ю. З. край (Древн. и Нов. Рос. 1879, II, 110—111; ср. 105--106, примѣч.). Утверждаютъ, что, по введеніи инвентарей, арендная цѣна на имѣнія, на контрактахъ значительно повысилась (ibid., 99).

Правитель канц. Бибикова, славянофилъ Самаринъ, по словамъ А. О. Смирновой, къ полякамъ не ѣздилъ [1]). И въ 1855 г., будучи въ Кіевѣ съ ополченіемъ, И. С. Аксаковъ писалъ: «Въ Кіевѣ польскій элементъ еще очень силенъ» [2]).

Понятно, почему одинъ изъ кіевскихъ поэтовъ въ своей поэмѣ воспѣваетъ подвиги «пана Бурлая» на Волыни и Украинѣ среди веселья и пировъ [3]); а другой не разъ обращается то къ «еврейкѣ Сарѣ», то къ литвинкѣ («пана стараго жена», въ стих. «Флейта») то къ польской женщинѣ. Какъ живыя встаютъ въ воображеніи читателя фигуры польскаго магната, разъѣзжающаго по Кіеву на показъ, въ краковской каретѣ, и его молодой изящной жены, поселившихся по сосѣдству съ поэтомъ:

Что за пѣсни, за романсы,
Что за танцы каждый часъ!
У нея ль, у милой паньи,

Однако, введеніе ихъ вызвало неудовольствія и опасенія за спокойствіе въ краѣ (Ист. В., т. XXI, 550—56).

Весьма важнымъ матеріаломъ для этого времени должны служить записки правителя канцел. Бибикова—Н. Э. Писарева, которыя были доставлены въ ред. Р. Архива, но пока не могли быть напечатаны (Р. Арх. 1897, № 9, стр. 143). Въ 1847 г. Писаревъ былъ назначенъ губерн. въ Петрозаводскъ, но дѣятельность его здѣсь скоро оборвалась (№ 8, стр. 586—587; Зап. Мамаева, Ист. Вѣст. 1901, № 10, стр. 60—61). Ср. еще «Прохожд. службы Д. Г. Бибикова» (Р. Арх. 1897, № 9, стр. 139—143). Кн. П. А. Вяземскій посвятилъ ему, какъ сослуживцу, стихотвореніе—«Поминки по Бородинской битвѣ», гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

(Р. Арх. 1869, стр. 175—182 и Собр. сочин.).

1) Барсуковъ, XI, 132. А. Е. Тимашевъ командовалъ кавалеріей и онъ проводилъ всѣ вечера у Тимашевыхъ. (Ib., стр. 133).

2) Письма, ч. I, т. III, 165—175.

3) Стихотв. Подолинскаго, II, 57—88 (1840).

Все банкеты да пиры,
Все музыка да собранья,
До полуночной поры.
Старый полякъ, панъ вельможный,
Выѣзжаетъ чуть лишь день,
Усъ сѣдой крутя безбожно,
Вздѣвши шапку на бекрень

(«Сосѣди» въ Стихотв. Красова).

Дачная жизнь въ Кіевѣ еще не была такъ развита, какъ впослѣдствіи [1]). Помѣщики лѣтомъ обыкновенно уѣзжали въ деревни, а дачами пользовались главнымъ образомъ ихъ собственники [2]). Любимымъ дачнымъ мѣстомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прогулокъ кіевлянъ служило урочище «Кинь-грусть», названіе, какъ говорятъ, данное ему Екатериною въ 1787 г., когда посѣтила она этотъ

---

[1]) Шульгинъ, Ист. универс., 175.

[2]) Любопытно, что въ 1866 г. кіевскіе домовладѣльцы, дворяне и чиновники, обратились къ губ-ру съ ходатайствомъ (напеч. было въ Кіев. Телегр.), въ которой заявляли: 1) что «нынѣшнее управленіе городской думы и магистрата могло удовлетворять въ управленіи городскими дѣлами при населеніи города въ 15—20000 чел., теперь же населеніе его доходитъ до 80000 и постоянно возрастаетъ, что при такомъ населеніи производство дѣлъ до того увеличилось, что составъ членовъ нынѣшняго городскаго управленія затрудняется даже въ выполненіи по перепискѣ многочисленныхъ городскихъ дѣлъ и чрезъ это не имѣетъ ни времени, ни возможности обратить должнаго вниманія на управленіе и распоряженіе городскимъ хозяйствомъ, которое дошло до того, что на городѣ образовалось до 150000 р. долгу и вмѣсто возвышенія городскіе доходы упадаютъ. 2) городское населеніе составляютъ ок. 6000 домовладѣльцевъ, изъ которыхъ почти половина дворяне и чиновники, причемъ имущества послѣднихъ большей цѣнности, чѣмъ купцовъ и мѣщанъ, *въ числѣ же всѣхъ домовладѣльцевъ поляковъ не болѣе 300*». Конечно, ходатайство это удовлетворено не было и домовладѣльцы-дворяне получили отвѣтъ, что, на основаніи существующихъ законоположеній, они не могутъ допущены къ выборамъ, какъ и оставалось дѣло городскаго управленія до 1870 года (Кіевлянинъ 1896, № 8).

уголокъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Оно находится къ зап. отъ Подола, за Кирилловскимъ мон., на ручьѣ Сырцѣ, обильномъ прудами, вдоль котораго образовалось много другихъ дачъ [1]). Дача «Кинь-грусть» принадлежала ген. Бѣгичеву, у котораго купилъ ее Пл. Як. Лукашевичъ. Послѣдній выстроилъ помѣстительный домъ, поселилъ нѣсколько семействъ крестьянъ и сталъ жить здѣсь (съ 1838 г.) постоянно. Превосходный садъ, обиліе цвѣтовъ и фруктовъ, обширный прудъ, домашній оркестръ, хорошій столъ и радушіе хозяевъ привлекали постоянно на дачу многочисленныхъ посѣтителей. Потомъ, по завѣщанію, дача «Кинь-грусть» перешла къ Гинцамъ [2]). Въ концѣ 40-хъ и нач. 50-хъ годовъ дача «Кинь-грусть» принадлежала гр. Кушелееву-Безбородку, а другая—М. П. Добринскому. Кромѣ того, кіевляне стали селиться на дачахъ въ Китаевской пустынѣ (въ 5 верст.). Вокругъ Кіева находилось нѣсколько селъ и урочищъ, которыя служили мѣстами прогулокъ: Шулявщина, Борщаговка, Межигорье, съ фаянсовой фабрикой и источникомъ, наз. «звонками», отъ звука струй, падавшихъ нѣкогда «на металлическій грунтъ» [3]), Выдубецкій мон., Китаевская и Голосѣевская пустыни. Въ городѣ, въ теченіе настоящаго періода любимымъ мѣстомъ для гуляній служили Царскій и (позднѣе) Ботаническій сады. Въ Ц. садъ по вечерамъ съѣзжался весь кіевскій beau monde. Тогда можно было увидѣть разомъ почти все общество Кіева; изящные уборы, цвѣтущія красотою лица, а Кіевъ, богатъ ими, замѣчаетъ корреспондентъ. Тутъ слышится бойкая французская или польская рѣчь, русскій или нѣмецкій говоръ. Здѣсь можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣв-

---

[1]) Закревскій, 727. Мѣсто это издавна заселялось (ibid., 28, 349, 524).

[2]) Записки Селецкаго (К. Стар., VIII, 276—77; IX, 616).

[3]) Кіевляне часто отправлялись (лѣтомъ) по вечерамъ на лугъ Днѣпра и весело проводили тамъ время за шумнымъ чаемъ, въ обществѣ близкихъ знакомыхъ (Москвит. 1851, т. V, 44). Необузданны бывали въ старину народныя гулянья въ Шулявской рощѣ 1 мая (К. Стар. 1892, № 5, стр. 232), сопровождавшіяся обыкновенно полицейскими мѣропріятіями.

шаго печальную извѣстность убійцы (на дуэли) поэта Лермонтова, присланнаго въ Кіевъ на епитемію къ о. Панову. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада со своею неизмѣнной спутницей Ш. Бѣлый бешметъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ былъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами [1]). По утрамъ въ Ц. саду пользовались лѣчившіеся минеральными водами [2]), а по праздникамъ въ верхней части его играла музыка, почему сюда спѣшили жители со всего города, не исключая и болѣе отдаленнаго Подола [3]).

---

[1]) Москвит. 1851, т. IV. 31—32; т. V, 43—44; Кіевская Стар. (Воспом. Чалаго), 1889, № 12, стр. 517—519; ср. Зап. Селецкаго (К. Стар. 1894, X, 92). Говорятъ студ. П—скій пошелъ въ пари, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш. и выигралъ. Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка (К. Стар., X, 518, примѣч.). Типы другихъ оригинальныхъ кіевскихъ личностей въ разныхъ отношеніяхъ (Аскоченскаго, фонъ-Юнка, Шіянова, старца Малахіи, о. Евгенія Б—го и др. см. въ воспом. Н. Лѣскова: «Печерскіе антики» (К. Стар. 1883, №№ 2, 3, 4 и Собр. сочин.).

[2]) Сезонъ начинался 15 мая и продолжается до 1 сент. Въ 1850 г. пользовалось водами 138 лицъ; получило облегченіе 125. Дохода заведеніе имѣло 8603 р., расхода 6833 р. (Москвит. 1851, IV, 32).

[3]) Воспом. Чалаго (ibd. 1889, № 9, стр. 718—719). 15 апр. 1828 г. ген.-губ. Желтухинъ писалъ м. Евгенію, что, «по пріѣздѣ своемъ въ Кіевъ, въ бесѣдкѣ Государева сада найдено было множество начерченныхъ карандашныхъ знаковъ и въ особенности стиховъ, показывающихъ вольнодумство и безнравственность. Хотя стѣны по поводу сего были перекрашены, но надписи начали показываться по прежнему. Вчерашній день, обозрѣвъ лично Государевъ садъ, я видѣлъ въ бесѣдкѣ двухъ студентовъ духовнаго вѣдомства, которые, замѣтивъ меня, тотчасъ скрылись, но въ то же время на стѣнѣ я нашелъ недоконченную надпись, весьма неблагопристойную по своему содержанію». «Желая отвратить всякое нареканіе на счетъ людей, принадлежащихъ къ духовному званію», воен. губ. предлагалъ, чтобы воспитанники духов. учеб. заведеій для гулянья въ саду пускаемы были бы не иначе, какъ подъ надзоромъ старшихъ, по примѣру прочихъ учеб-

Изъ общественныхъ удовольствій въ лѣтнее время были обыкновенны пикники, загородныя гулянья и поѣздки на пароходѣ [1]). Поѣздки устраивались въ Китаевскую пустынь и Межигорье, для чего приглашался содержатель гостин. минеральныхъ водъ Линовскій (отецъ даровитаго профессора, трагически погибшаго отъ руки пьянаго лакея), который былъ мастеромъ устраи-

---

ныхъ заведеній. По разслѣдованіи этого дѣла, хотя и оказалось, что никто изъ студентовъ академіи не могъ быть въ саду въ такое время, но митр-тъ, для предотвращенія впредь и подозрѣній на академистовъ, предписалъ обязать подписками «всѣхъ наставниковъ и учениковъ академіи и семинаріи не ходить никогда въ Государевъ садъ, ибо и правилами св. Отецъ запрещено ходить духовнымъ людямъ на позорища» и просилъ приказать полиціи замѣчать ходящихъ туда вопреки запрещенью (К. Стар. 1902, № 4, стр. 017—18). Напомнимъ, что, по случаю ожидавшагося пріѣзда въ Кіевъ, гр. Клейнмихеля, студентамъ университета воспрещалось также въ это время посѣщать Ц. садъ, вѣроятно во избѣжаніе возможнаго нарушенія дисциплины. Впрочемъ „Gaudeamus igitur“ академическаго студенчества (40-хъ годахъ) не говоритъ объ аскетическомъ воспитаніи послѣдняго, не смотря на строгость ферулы того времени. Въ заключеніе этой пѣсни читаемъ:

Избирай кому что мило—
Иль клобукъ, или вѣнецъ,
Или молотъ, или шило,
Все равно—одинъ конецъ.
Вспѣньте-жъ кубокъ и запьемъ!

(К. Стар. 1882, I. 431—434).

[1]) Первоначально контора пароходства завѣдывала двумя пароходами, которые дѣлали до 10 рейсовъ въ теченіе навигаціи на 700 и 500 верстъ, ограничиваясь подвозомъ камня для крѣпостныхъ сооруженій (Фундуклей, I, 376). Въ 1851 г. въ Кіевъ прибыли еще два парохода (Опытъ и Трудъ), бельгійской постройки, «превосходные по быстротѣ своего хода и изящности отдѣлки. Они изъ числа тѣхъ 12 пароходовъ, которые съ 1852 г. должны были курсировать по системѣ Днѣпра, и принадлежали какой-то польской компаніи. Замѣчательно, что они изъ Варшавы прибыли въ Кіевъ водою». (Москвит. 1851, VI, 189).

вать всякія празднества. Иногда въ этихъ пикникахъ принимали участіе Бибиковъ[1]), Ридигеръ и др. власти. «Шумное веселье наше встревожило безмолвіе уединенной обители; мы видѣли, какъ изъ засадныхъ мѣстъ благочестивые иноки посматривали на веселье сыновъ міра сего», говоритъ участница этого празднества. ....«На пароходѣ (на обратномъ пути), при свѣтѣ луны, устроились танцы и днѣпровскія русалки могли бы, если бы захотѣли, полюбоваться на грацію нѣкоторыхъ изъ своихъ земныхъ сестеръ» [2]). Впослѣдствіи, когда дачи въ Китаевѣ умножились, «благочестивые иноки» привыкли къ подобнымъ явленіямъ, нарушающимъ тишину ихъ обители.

Къ услугамъ кіевлянъ были также два клуба: дворянскій, устроившійся съ 1838 г., съ опредѣленнымъ уставомъ [3]), и купеческій (въ контракт. домѣ), отличавшіеся многолюдствомъ. Балы и маскарады составляли главную статью ихъ доходовъ. «Въ разнообразныхъ загородныхъ прогулкахъ, въ неутомимомъ плясаньѣ на ежедневныхъ балахъ въ заведеніи искусственныхъ водъ и на

---

[1]) Карлгофъ говоритъ: «Къ кружку дамъ подошелъ ген.-губ. Бибиковъ и расточалъ свои любезности преимущественно молодой супругѣ пожилаго генерала и m-lle Брамвель, очень милой дѣвушкѣ, за которой неотвязчиво ухаживалъ» (Р. Вѣст. 1881, № 10, стр. 736). О подобныхъ ухаживаніяхъ суроваго на видъ Б—ва постоянно говорятъ современные мемуаристы (зап. Селецкаго, Мамаева, Ге, Чалаго и др.).

[2]) Воспом. Карлгофъ (Р. Вѣстн. 1881, № 10, стр. 735—737). Она прибавляетъ: «По моему ни берега Рейна, ни Эльбы, ни Дуная, не могутъ сравниться съ Днѣпровскимъ прибрежьемъ, начиная съ Подола до самой Китаевской пристани» (736).

[3]) Члены платили по 25 р.; устроителемъ былъ тотъ же Линовскій († 1839 послѣ указаннаго выше пикника, отъ удара) въ одномъ изъ флигелей быв. дворца. На первыхъ порахъ членовъ было 86 (нѣск. профес. унив-та); на балахъ бывало до 200 чел. Гости получали за входн. плату и угощеніе. Для освѣщенія служили сальныя свѣчи и лампы и самая малая часть восковыхъ свѣчей. Вначалѣ выписывалась одна газета «Тыгодникъ». Играли въ карты и на билліардѣ (Кіев. дворян. собр. Первое 50-лѣтіе, 1838—78; К. Стар. 1888, № 2, стр. 495—499). Въ теченіе года бывало до 40 баловъ.

вечерахъ у знакомыхъ, быстро прошло время до половины іюня»—таково было препровожденіе его, по словамъ одной изъ участницъ въ нихъ [1]). Въ залѣ минер. водъ устраивались и концерты [2]). Жили мы въ Кіевѣ въ постоянномъ вихрѣ общественныхъ удовольствій и выѣздовъ, говоритъ гр. Бутурлинъ. Въ продолженіе весны и лѣта, когда удушливо было собираться въ городскихъ бальныхъ залахъ, устраивались загородные пикники по подпискѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ: Вышгородѣ, близъ Выдубецкаго мон. и въ Китаевской пустынѣ. Танцоманія дошла до того, что, перепробовавъ почти всѣ способныя къ тому мѣстности, избрали наконецъ зданіе въ Броварахъ за Днѣпромъ, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, одною степенью выше кабака, во второмъ этажѣ и гдѣ половицы гнулись подъ нашими плясками. Запѣвалою и распорядителемъ этихъ сборищъ былъ иногда Ламб. Ос. Попятовскій. Намъ обоимъ (т. е. автору записокъ и его женѣ) такъ весело жилось въ Кіевѣ, что не хотѣлось ѣхать съ матерью моею въ Италію» [3]).

Единственное эстетическое развлеченіе доставляли въ Кіевѣ—театръ [4]), а иногда концерты. Съ 1825—55 г. театръ пережилъ рядъ перемѣнъ. По прежнему антрепренеры его часто мѣнялись; труппы его не имѣли постояннаго характера; играли иногда съ перерывами (1835, 1843), а выборъ пьесъ не всегда соотвѣтствовалъ требованіямъ времени. Въ началѣ этого періода здѣсь появляется польская труппа изъ Каменецъ-Подольска, гдѣ католическій епископъ не разрѣшилъ представленій въ постъ, находя, что даже бой

---

[1]) Восп. Карлгофъ (№ 10, стр. 737). Въ прежнее время выборы сопровождались большими увеселеніями, но теперь они совершались тихо и скромно (Москвит. 1851, IV, 27).

[2]) Р. Арх. 1894, № 11, стр. 362.

[3]) Р. Архивъ 1897, № 8, стр. 590, 592, 598. Трактиръ въ Броварахъ—Рязанова (Р. Стар. 1883, V, 704), долго существовавшій потомъ и въ особенности привлекавшій сюда во время масленицы.

[4]) Шульгинъ, Ист. унив., 175.

быковъ лучше,—чѣмъ театральныя скачки [1]). Въ 1829—34 г. польскую труппу (Ленкавскаго) смѣнила русская—Штейна, игравшая раньше въ Полтавѣ и Харьковѣ. Репертуаръ ея состоялъ изъ пьесъ Кицебу, Озерова, Княжнина, фонъ-Визина, Ильина, водевилей Хмельницкаго и «Русалки», упомянутой раньше. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались трагикъ Борисоглѣбскій и Острякова, болѣе извѣстная потомъ по мужу—Млотковская. Въ то же время въ верхней части Ц. сада былъ построенъ лѣтній театръ довольно примитивнаго вида (безъ крыши и задней стѣны), который посѣщали преимущественно жители Подола: купцы, мѣщане, ремесленники. Въ 1834 г. снова дѣйствовала въ Кіевѣ польская труппа (Рыкановскаго); на 1835—36 г. была выписана изъ Парижа французская труппа, дававшая спектакли по возвышеннымъ цѣнамъ и посѣщавшаяся аристократіей; но она до конца сезона не выдержала [2]). Затѣмъ снова чередовались (1836—37) то польская (Рыкановскаго), то русская (Млотковскаго) труппы (1837—38), съ чрезвычайно разнообразнымъ репертуаромъ (трагедіи, драмы, комедіи, водевили, оперы, балеты), а въ гастроляхъ участвовалъ знаменитый московскій трагикъ П. С. Мочаловъ, а потому театръ посѣщался усердно даже ученымъ міромъ [3]). Теперь выступили на сцену снова Шекспиръ и Шиллеръ. Тѣмъ не менѣе антреприза Млотковскаго едва продержалась до к. се-

---

1) Къ ист. польск. театра въ Кіевѣ (К. Стар. 1890, № 6, стр. 533—540; № 10, стр. 152); Къ исторіи театра въ Ю. З. краѣ (ib. 1885, № 7, стр. 455—177). Въ это время упоминается о театрахъ въ Минскѣ, Черниговѣ (Двѣ афиши черниგов. театра 20-хъ годовъ, К. Стар. 1889, № 5, стр. 631—32, показ. м. прочимъ, что еще тогда могли удовлетворяться такими пьесами, какъ «Изгнаніе Адама и Евы изъ рая или смерть Авеля, первое убійство по сотвореніи міра»); въ Житомирѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, К.-Подольскѣ (ib. 1889, № 9, с. 774—776; 1904, № 11, с. 217—26).

2) «Порядочная весьма, хотя малолюдная, французская водевильная труппа, содержавшаяся по подпискѣ: обстоятельство, доказывающее цивилизованный уровень мѣстнаго общества и денежные его ресурсы» (Зап. Бутурлина, 592).

3) Шульгинъ, 175.

зона 1839—40 г. Въ 1840—42 здѣсь играла русско-малорусская труппа (Рыкановскаго), а когда пріѣхала въ Кіевъ (1841—42) французская труппа во главѣ съ извѣстной трагической, хотя уже состарѣвшейся, актрисой Жоржъ [1]), то первая переселилась на Подолъ (въ д. Коробкина). Передъ слѣдующимъ сезономъ, получивъ предложеніе антрепренера Каратѣева изъ Москвы, Бибиковъ обратилъ вниманіе губ. Фундуклея на необходимость озаботиться приглашеніемъ въ Кіевъ постоянной русской труппы, состоящей изъ достойныхъ артистовъ, которая могла бы привлечь въ городъ изъ другихъ мѣстъ, хотя бы временно, любителей изящныхъ искусствъ и *оживить здѣшнее общество*. Онъ содѣйствовалъ заключенію болѣе опредѣленнаго контракта (обязателенъ былъ одинъ благотв. спектакль, предоставлялось съ частью труппы отлучаться въ другія мѣста и пр.) и сталъ выдавать награды лучшимъ актерамъ изъ назначенной отъ города суммы (3000 р. [2]). Сезонъ 1842—43 г. (антр. Каратѣева) былъ самый оживленный какъ по количеству труппы, такъ и по обстановкѣ, разнообразію и богатству гастролей, въ которыхъ принимали участіе: Живокини, П. С. Мочаловъ (Гамлетъ, Отелло, Коварство и любовь, Разбойники, Эсмеральда), Щепкинъ (Ревизоръ, Мольеръ и др., Шельменко-деньщикъ, Наталка-Полтавка, артистическое исполненіе которымъ мало-русскихъ ролей вызывало бурю восторговъ), Мартыновъ и балетные артисты мадридскаго театра. Участникъ въ этихъ спектакляхъ свидѣтельствуетъ, что «кіевскіе театралы любили и хорошо понимали драматическое искусство», а Кіевъ имѣлъ репутацію «театральнаго города»; однако и настоящая антреприза окончилась печальнымъ образомъ [3]). Тогда снова взялся за это

---

[1]) О ней см. статью К. А. Военскаго: «Актриса Жоржъ въ Россіи» (Ист. Вѣст. 1901, т. LXXXVI, стр. 240—257).

[2]) Къ заботамъ ген. губ. Бибикова объ устр. въ Кіевѣ постояннаго театра (К. Стар. 1901, № 9 стр. 85—86). Пріѣзжихъ знаменитостей онъ приглашалъ къ себѣ на вечера (случай съ Щепкинымъ, Р. Стар. 1896, № 5, стр. 357—358).

[3]) При всемъ стараніи, Каратѣевъ жаловался на холодность публики и потерпѣлъ неудачу (К. Стар. 1901, № 9, стр. 88). Причина

дѣло Рыкановскій съ польско-русской труппой и оставался владѣльцемъ театра до августа 1851, когда старый театръ, придя въ ветхость [1]), былъ сломанъ. Не обладая большими талантами труппы, антрепренеръ обратилъ вниманіе на обстановку (костюмы, декораціи), разнообразіе пьесъ (въ томъ числѣ «Велизарій», «Ермакъ Тимоѳеевичъ») и представленій (польская опера—«Норма», «Фенелла», «Цампа» и др. въ 1845; итальянская опера изъ Одессы въ 1848, въ 1849—50 г. — балетъ; гастроли столичныхъ артистовъ [2]).

Съ прекращеніемъ существованія «стараго театра», возникаютъ частные театры: въ 1851—52, «товарищество» (домъ ген. Бринкенъ, уг. Лютер. и Крещатика, прот. Англ. гост.), гдѣ привлекалъ вниманіе подвизавшійся долго потомъ въ Кіевѣ — Протасовъ; въ 1852 — 55 гг., въ Липкахъ (д. ген. Бѣлоградскаго), играла труппа Федецкаго и съ 1852—1853, потомъ, соединившись съ предъидущимъ, въ театрѣ на Подолѣ (быв. д. пересыльной тюрьмы),—Морисъ-Піона (балетм. варшав. театровъ), переданномъ затѣмъ Энгельгардту, который образовалъ польскую и русскую труппы, а въ послѣдней тогда выдавались Никитинъ и Кравченкова, но предпріятіе это окончи-

---

этого, лежала въ томъ, что рядомъ съ выдающимися представителями драматическаго искусства часто выступали мало соотвѣтствовавшія имъ провинціальные актеры (К. Стар. 1889, № 12, с. 511, отзывъ объ игрѣ Мочалова). Въ іюнѣ 1843 г. посѣтилъ кіев. театръ кн. Паскевичъ, когда шелъ «Ревизоръ» съ пріѣзжими знаменитостями.

[1]) Уже въ 1843 г. онъ казался балаганомъ (В. Евр. 1903, 1673), а позже настоящей развалиной (Кіев. Стар. 1890, № 10, с. 152).

[2]) Польскіе спектакли имѣли наиболѣе успѣха (Москвит. 1851, VI, 1849.) Записные театралы въ этотъ сезонъ наслаждались «очаровательной актрисой, дочерью антрепр. Рыкановскаго, и ученицей славной Тальони танцовщицей Адель». Когда вышло запрещеніе студентамъ ходить въ рай, они наряжались въ партикулярныя шинели (Воспом. Чалаго, К. Стар. 1889, № 12, 511). Въ 1851 г. пріѣзжалъ, а затѣмъ и перешелъ въ Кіевъ (изъ Харькова) «трагическій актеръ» Львовъ, имѣвшій большой успѣхъ въ роли Гамлета и привлекавшій много публики въ театръ, который очень часто пустѣлъ (Москвит. 1851, IV, 26). Объ игрѣ Львова, Протасова, Кравченковой (V, 44).

лось опять неудачно, а затѣмъ завѣдываніе театромъ перешло въ руки администраціи, вмѣстѣ съ возобновленіемъ представленій въ новомъ зданіи [1]). Въ укоръ бывшимъ антрепенерамъ между прочимъ ставили то, что они пренебрегали новыми пьесами, какъ произведенія Островскаго, которыя ставились тогда въ Петербургѣ и Москвѣ. Преобладаніе польскаго театра сохранялось до 1863 г. (подъ управленіемъ Т. Борковскаго), когда онъ сходитъ со сцены, подъ вліяніемъ политическихъ событій.

Хотя уже въ 1845 г. театръ признавался «довольно выгоднымъ заведеніемъ» (въ 1836 г. доходъ составлялъ=6700 р., въ 1845—15647 р. и, сверхъ того, пособіе отъ города въ 3000 р. [1]), но, принимая во вниманіе все сказанное (разнообразіе труппъ, частыя гастроли) едва ли онъ былъ такимъ на дѣлѣ, не говоря о частныхъ театрахъ, находившихся въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Кромѣ того, бывали домашніе спектакли, на праздникахъ, изъ русскихъ и французскихъ пьесъ [2]). «Въ то время Викторъ Гюго былъ въ ходу и романтическая школа имѣла большое вліяніе на наше литературное воспитаніе. Мы часто играли между собою съ участіемъ дамъ драмы Гюго, трагедіи Шекспира и др. произведенія замѣчательныхъ писателей», говоритъ одинъ изъ устроителей

---

[1]) Воспом. арт. имп. театровъ А. А. Алексѣева (Ист. Вѣст. 1892, т. XLVIII—XLIX, №№ 5—9); Драматич. театръ въ Кіевѣ 1803—1893, Н. И. Николаева (20—38); Москвитянинъ 1852, II, 78—79 (о театрѣ въ д. Бринкена, въ устройствѣ котораго принималъ участіе П. П. Должиковъ); 1852, VI, 186 (о театрѣ въ д. Бѣлоградскаго), возлѣ дворц. сада (К. Стар., т. X, 93).

[1]) Фундуклей, I, 376—377.

[2]) Москвитянинъ 1852, I, 16—17. По словамъ кіевскихъ старожиловъ, въ 40-хъ годахъ имъ случалось видѣть представленіе «вертепной драмы» (конечно на малорус. яз.), въ которой вмѣсто прежняго запорожца главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Богданъ Хмельницкій (Малорусскій вертепъ, Г. П. Галагана съ предисл. П. И. Житецкаго, К. Стар. 1882, IV, стр. 7). Что же касается святочныхъ хожденій со звѣздой и виршами—по домамъ, то они удерживались до позднѣйшаго времени, въ особенности на патріархальномъ Подолѣ.

(директоръ) домашнихъ спектаклей [1]). Въ благородномъ спектаклѣ въ 1850 г. давалось два дѣйствія изъ ком. «Горе отъ ума» [2]). Затѣмъ слѣдовали концерты, панорамы, лотереи и разныя представленія, доставлявшія болѣе или менѣе значительный доходъ предпринимателямъ [3]). Въ концертахъ почти ежегодно принимали участіе: Ромбергъ, Леон. Мейеръ, Дрейшокъ, Іос. Вагнеръ, Тальбергъ, Листъ, Липинскій, Серве [4]), Дёлеръ, и др., Соф. Бореръ, Сеймуръ-Шиффъ, Дмитріевъ-Свѣчинъ). Въ 1838 г. была въ Кіевѣ Паста Мезъ-Мази, примадонна милан. театра [5]). Въ разное время давали концерты: пѣвецъ Соловкинъ, ученикъ Тамбурини, Венявскіе, Ап. и Ант. Контскіе, Джіордани, первый баритонъ милан. театра, барит. Феррари. Далѣе, слѣдовали: Франкенштейнъ, Щепановскій, Косовскій, Соколовскій,—«король гитаристовъ», піанистъ Верникъ, сестры Дулькенъ, леди Кольдъ, m-lle де-Лорренъ, — по ней сходила съ ума въ особенности молодежь и забрасывала ея букетами, которые едва успѣвалъ доставлять садоводъ Христіани; Ниссенъ-Саломонъ, прозванная «шведскимъ соловьемъ»; малютки Марцинкевичи, віолончелистъ Ад. Германъ (15 лѣтъ), слѣпецъ Вирскій, игр. на кларнетѣ, оркестръ помѣщ. Галагана (по утрамъ [6]).

Въ 1848 г. образовалось «Симфоническое общество любителей музыки и пѣнія», которое давало еженедѣльно музыкальные вечера, а разъ въ мѣсяцъ концерты въ залѣ университета, въ пользу пріютовъ [7]).

---

1) Записки Селецкаго (VIII, 395).

2) Москвитян. 1851, II, 332.

3) Въ 1840 выручено отъ конц. 4560 р. с.; отъ представленій 1750 р.; 1843—3600 и 750; въ 1845 г.—3300 и 700 (Фундуклей I, 377).

4) Ibidem, 377.

5) Ист. Вѣст. 1901, № 10, с. 48; Кіев. Стар. (зап. Селецкаго) 1884, X, 290. Въ 1846 г. на контракты пріѣхала польская труппа Шмидгофа, постановка которою оперы «Нѣмая изъ Портичи» имѣла особенный успѣхъ (Ulaszyn, 67).

6) Москвитян. 1851, II, 330—331; IV, 26—27. Объ игрѣ Ап. Контскаго см. 1851, VI, 186—187; 1852, III, с. 18; Ulaszyn, 64—65.

Конц. давались иногда съ благотв. цѣлью (въ пользу уч. Левашовой, пріютовъ и т. п.)

7) Москвит. 1851, II, 333.

Гастроли знаменитостей приходились большею частью на время контрактовъ, когда можно было пожать деньги и лавры. Являлись также то ученый физикъ и химикъ Леммергардъ (сеансы 3 и 5 февр. 1851 г. [1]), то фокусники и шарлатаны, а въ числѣ послѣднихъ привлекалъ вниманіе одинъ французъ который показывалъ «ученыхъ блохъ», возившихъ маленькія пушки, экипажи и т. п., и много собралъ денегъ, пока ни разгадали этотъ фокусъ [2]).

Кіевляне усердно посѣщали лотереи, которыя устраивались съ благотворительною цѣлью [3]), и сельско-хозяйственную и промышленную выставку, въ сент. 1852 г. Это была пятая выставка въ районѣ южнаго края Россіи, устроенная для семи губерній. Большая часть предметовъ была представлена губ. Кіевской, Черниговской, Волынской и Курской и меньшая губ. Подольской, Полтавской и Харьковской (въ Харьковѣ выставка была въ 1849 г.). Она состояла изъ 7 отдѣловъ (произведенія земледѣлія, огородничества и садоводства, шелководства и пчеловодства, крестьянскихъ ремесленныхъ и фабричныхъ издѣлій, хозяйственныя орудія, предметы живописи, рѣзьбы на деревѣ и слоновой кости, балаганъ животноводства). Награды состояли изъ медалей и похвальныхъ листовъ, послѣ раздачи которыхъ въ контрактовомъ домѣ было устроено сельское празднество, причемъ удостоенные наградъ сидѣли за особыми столами. Кромѣ того, крестьянамъ были выданы денежныя награды. Всѣхъ предметовъ было доставлено свыше полуторы тысячи, представителей явилось до 1000; цѣнность вещей опредѣлялась до 30000 р., изъ которыхъ было продано на сумму до 3000 р. Въ нѣкоторые дни число посѣти-

---

[1]) Москвит. 1851, II, 331.

[2]) Воспом. Мамаева (Ист. Вѣст. 1901, № 10, с. 48).

[3]) Въ 1850 году. лотерея, 2 маскарада и спектакль дали сбора 3474 р. (Москвит. 1851, II, с. 332 — 333). Лотерея, устроенная въ 1851 г. въ контр. домѣ въ пользу пріютовъ попеч. ихъ гр-нею А. П. Меллиной, съ выигрышами (до 200 вещей), дала 2500 р.; два маскарада съ тою же цѣлью — 1500 р. О гр. Меллиной (Зап. Селецкаго, К. Стар. 1884, X, 90 — 91).

телей простиралось до 3000 чел., а за все время выставку посѣтило около 20000. Въ числѣ выставленныхъ предметовъ находились издѣлія пріютовъ, монастырей (Флоровскаго), евреевъ-хлѣбопашцевъ и наиболѣе крестьянъ; но были также дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, иностранцевъ. Устройство выставки лежало на особомъ комитетѣ, членомъ котораго состоялъ проф. Ходецкій, завѣдывавшій ближайшимъ устройствомъ главныхъ ея отдѣловъ; а распорядительная часть на чиновникѣ, состоявшемъ при ген. губ., Н. М. Сементовскомъ. Выставки (а въ Кіевѣ это была третья въ такомъ родѣ) являлась въ то время совершенно новостью, общество знало о нихъ только по наслышкѣ и уже затѣмъ послѣдовалъ въ Кіевѣ рядъ выставокъ сельскихъ произведеній и заводскихъ издѣлій (1857, 1862, 1867, 1871, 1880). Судя по отчетамъ о выставкахъ, бывшихъ въ другихъ губерніяхъ, кіевская превосходила многія изъ нихъ. Городъ значительно оживился, проявились шумъ, движеніе, многолюдство, словно во время контрактовъ. Кіевляне заработали не мало денегъ за наемъ домовъ пріѣзжимъ и другія потребности и цѣлыхъ двѣ недѣли разговоры сосредоточивались лишь на выставкѣ [1]). Въ 1855 г. въ Кіевѣ праздновался юбилей Московскаго университета [2]), а осенью того же года кіевляне встрѣчали ополченцевъ, отправлявшихся на югъ [3]).

---

[1]) Москвитянинъ, 1852 I, 21; VI, 175 — 181; Біограф. Слов. профес., 696.

[2]) Барсуковъ, XIII, 348.

[3]) Письма И. С. Аксакова, ч. I, т. III, 163. Повидавши въ этотъ разъ городъ, Аксаковъ восклицаетъ: «Какъ хорошъ, какъ хорошъ Кіевъ, какъ я люблю этотъ городъ. Не смотря на осень (деревья, кромѣ тополей, почти всѣ пожелтѣли, а многія и совсѣмъ обнажились), на холодную и вѣтреную погоду, любуешься имъ безпрестанно». Далѣе авторъ сообщаетъ о пріемѣ ополченія, о вечерѣ у кн. Васильчиковой («вечеръ наискучнѣйшій, не то, что свѣтскій раутъ, а генералъ-губернаторскій, вечеръ подчиненныхъ у начальника»); объ обѣдѣ, данномъ въ универс. залѣ для офицеровъ четырехъ дружинъ отъ дворянства. Кн. Васильчиковъ, говоритъ онъ, сказалъ рѣчь на тему „Москва въ Кіевѣ“, но сбился немного и вышло у него, что предки наши

Впрочемъ, ни оживленіе, ни денежные обороты, ни развлеченія не достигали въ другихъ случаяхъ такихъ размѣровъ, какъ во время контрактовъ. Это была въ полномъ смыслѣ слова бѣшеная пора кіевской жизни. Мы знаемъ уже цифровыя данныя о количествѣ пріѣзжаго населенія въ Кіевѣ въ это время и денежныхъ дѣлахъ, производившихся въ теченіе контрактовъ. Но была еще одна сторона этихъ послѣднихъ—бытовая, которая должна была всецѣло отражается на нравахъ и строѣ жизни населенія. Преобладающее значеніе въ этомъ движеніи занимали, по своей численности, польскій и еврейскій элементы, одинъ какъ болѣе культурный [1]), экономически господствовавшій; другой посредническій, въ роли хорошо извѣстнаго фактора по всѣмъ дѣламъ и услугамъ отъ найма квартиръ для вельможныхъ гостей и посыльнаго, функціи

ополчались по примѣру нашему; это наидобродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ» (конечно фразы пересыпались обычными его «стало быть»). Побывавъ затѣмъ въ провинціи, Аксаковъ набросалъ длинное письмо, посвященное состоянію края и населенія. Онъ говоритъ: «Какъ бы тамъ ни разсуждали, а инвентари *здѣсь*, по моему мнѣнію, истинное благо». Онъ отмѣчаетъ, что поляки хорошо встрѣчали ополченцевъ и прибавляетъ: «Поляки вообще люди довольно образованные, получаютъ и читаютъ иностранныя газеты и въ этомъ отношеніи останавливаться у нихъ было довольно пріятно». Дѣлаетъ онъ и общее замѣчаніе: «Народъ русскій (т. е. малорусскій, дополняетъ онъ) угнетенъ жидами и польскими панами; поляки угнетены правительственными лицами и всѣ угнетены роковою чепухой современной всероссійской жизни» (Письма, I, ч. III, стр. 167—175).

[1]) Объ этомъ сложились своеобразныя легенды. Такъ, разсказываютъ, что знатные польскіе вельможи привозили съ собою по нѣсколько бочекъ золота и серебра; по магазинамъ они не торговались; за квартиру платили назначенную цѣну; не задумывались заплатить баснословную цѣну за вещь хозяину дома, если она понравилась и пр. Въ походахъ пана по магазинамъ за нимъ ходилъ человѣкъ съ мѣшкомъ и по приказу его отсчитывалъ купцу столько денегъ, сколько послѣдній запрашивалъ, не заботясь о сдачѣ (Москвит. 1851, II, 318—332).

котораго тогда не существовало въ городѣ, до посредника въ широкихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ и своего рода банкира [1]). Улучшеній въ этомъ отношеніи, какъ и вообще по части удобствъ и способовъ обстановки городской жизни, мы долгое время вовсе не замѣчаемъ въ Кіевѣ. Въ 1839 семья гр. Бутурлина останавливалась въ постояломъ дворѣ, гдѣ ея посѣщали кн. Сакенъ и воен. губ. гр. Гурьевъ [2]). Въ 1845 въ городѣ находилось всего 6 гостиницъ, остальные заѣзжіе дома (29) были постоялые дворы, въ томъ числѣ 2 еврейскихъ [3]). Притомъ только двѣ

---

[1]) Любопытны сцены пріѣзда поляковъ въ городъ, найма квартиръ, встрѣчи ихъ факторами, надеждъ и разочарованій хозяевъ, болтливости хозяекъ, видовъ дочерей и пр. Преимущественно они останавливались на Подолѣ, а кто желалъ подешевле — за канавой; но также на Старомъ городѣ и на Крещатикѣ; такъ какъ размѣститься бывало трудно (Москвитянинъ, 1852, III, 13—56). Большое количество прислуги и лошадей, приведенныхъ на контракты (см. выше), показываетъ, что помѣщики являлись сюда со своими экипажами, вещами и пр. Вотъ описаніе внѣшняго вида этихъ выѣздовъ: «Въ городѣ мимо меня часто ѣздятъ экипажи разныхъ польскихъ помѣщиковъ, почти все графовъ (впрочемъ, кто въ Польшѣ не графъ): лошади въ краковскихъ хомутахъ (какъ-то высокіе хомуты, съ лентами, перьями и всякимъ цвѣтнымъ убранствомъ, довольно безвкуснымъ); въ шорахъ, переднія лошади бѣгутъ однѣ безъ форейтера, кучеръ съ длиннымъ бичемъ, словомъ упряжь такая, какъ и за границей» (Письма И. С. Аксакова, ч. I, т. III, 173).

[2]) Р. Арх. 1898, № 8, стр. 596—97.

[3]) Кондит. считалось 6, кофеенъ 2, трактировъ 16, ресторацій—1, харчевенъ—4. Лучшими трактирами, привлекавшими публику, называютъ Бурхарда, Круга, Каткова—послѣдній на Подолѣ, бл. Братскаго мон. (К. Стар. 1883, V, 704). Любимымъ студ. погребкомъ былъ находившійся въ стѣнѣ Брат. мон., гдѣ собиралась веселая компанія (за недостаткомъ денегъ продавались универс. эконому вещи, слѣдовавшія къ получкѣ) за краснымъ виномъ и Жуковскимъ табакомъ съ неизмѣннымъ:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!

гостиницы считались—лучшими: «при заведеніи минер. водъ» и «Лондонъ», на Печерскѣ; а позже «Англійская». Прочія гостиницы, а равно постоялые дворы, трактиры и другія заведенія, не представляли ничего особеннаго и сходны были съ подобными же заведеніями въ другихъ губернскихъ городахъ [1]).

Съ первыхъ лѣтъ своего существованія въ Кіевѣ, контракты становятся центромъ хлѣбной торговли и вообще всѣхъ сдѣлокъ, имѣвшихъ связь съ землевладѣніемъ и сельскимъ хозяйствомъ. Хлѣбныя сдѣлки почти всего Приднѣпровскаго края совершались исключительно на кіевскихъ контрактахъ. Не менѣе значительно было количество сдѣлокъ по продажѣ и покупкѣ имѣній, по залогу ихъ, по сдачѣ въ аренду или такъ наз. «посессію» и т. п. Торговля землею въ Ю. З. краѣ въ к. XVIII и первой полов. XIX стол. приняла обширные размѣры, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условій, заставлявшихъ польскихъ кладѣльцевъ распродавать свои огромныя земельныя имущества. Въ 1812 г. въ одной Кіевской губ. русскимъ помѣщикамъ принадлежала четвертая часть всего количества наличныхъ ревизскихъ душъ, сосредоточивавшаяся главн. образомъ въ Черкасскомъ и Чигиринскомъ уу. Въ указанномъ переходѣ земли изъ рукъ въ руки не маловажную роль играли и люди, разбогатѣвшіе

Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus! etc.

(К. Стар. 1889, № 12, стар. 511, воспом. М. К. Чалаго). Трактиръ Каткова славился своими пирожками (Р. Арх. 1899, № 3, с. 421).

[1]) Фундуклей, I, 374—375. Во время постройки моста двое служащихъ лицъ у англичанина Виньоля открыли «Англійскую гостинницу» (уг. Лютер. и Крещатика, д. Попова, уцѣлѣвшій, но перестроенный), которая считалась тогда лучшею въ городѣ. (Москвит. 1852, II, 78). Издавна существовали гостиницы у ц. Добраго Николая (на Подолѣ), въ лаврѣ (съ 1830 г каменная), въ Михайловскомъ мон. (до 1857 г. деревян., Закревскій, 144, 548, 575, 702), но онѣ предназначались преимущественно для богомольцевъ.

съ помощью торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а все это значительно повысило цѣны на имѣнія, и помѣстья, за которыя въ нач. XIX в. платили по 200 р. ассиг. за ревиз. душу, въ полов. его шли ужe по 200—250 р. сер. за туже душу, т. е. повысились въ цѣнѣ почти впятеро. Съ возвышеніемъ Одессы, какъ хлѣбнаго рынка, значеніе Кіева въ этомъ отношеніи ослабѣло, но зато эту роль на контрактахъ сталъ играть сахаръ, который и удерживаетъ свое положеніе до сихъ поръ. Если вообще, возвышеніе Одессы и Харькова въ торговомъ отношеніи и политическія обстоятельства края могли нѣсколько поколебать значеніе Кіева, какъ торговаго пункта[1]), то это было непродолжительно и позднѣйшія операціи кіевскихъ контрактовъ значительно превзошли ихъ прежнее назначеніе. Въ прежнее время контракты были въ полномъ смыслѣ слова и «биржей»[2]).

Въ сезонъ контрактовъ Подолъ становился, какъ въ старое время, центромъ городской жизни. Наибольшее оживленіе царило теперь на площади передъ контрактовымъ домомъ. Паны, шляхта, евреи, купцы, крестьяне, чиновники, лошадники, балагулы, ксендзы, священники, военные—всѣ снуютъ здѣсь взадъ и впередъ. Кромѣ польскаго языка и еврейскаго жаргона, можно услышать русскую и малорусскую рѣчь, нѣмецкій, армянскій, турецкій и татарскій языки. Съѣхавшіеся соединяются въ компаніи и нанимаютъ цѣлые дома, такъ какъ цѣны на квартиры выростаютъ до баснословныхъ размѣровъ. Контрактовый залъ, пустующій въ теченіи цѣлаго года, наполняется купцами, товарами и покупателями. Къ крыльцу контрактоваго дома безпрестанно подъѣзжаютъ кареты, дормезы, сани. Лицевая сторона дома, четыре огромныя колонны, поддерживающія фронтонъ его и всѣ стѣны на пространствѣ широкой лѣстницы, чуть не подъ самую крышу и потолокъ, облѣплены всякаго рода объявленіями. Отсюда обра-

---

[1]) Москвитянинъ, 1851, II, 323. Самаринъ оспариваетъ исключительное вліяніе инвентарей на повышеніе цѣнъ на имѣнія и указываетъ на другія экономическія причины (Соч., II, 1—16).

[2]) Ibidem 1852, III, 55.

щаются къ публикѣ Флери, дантистъ и фабрикантъ безвредныхъ румянъ; Жорго, изобрѣтатель новаго душистаго мыла и краски для сѣдыхъ волосъ; Матіасъ, владѣлецъ одеколона и албанскаго табаку и т. п.; лица, предлагающія свои услуги съ обезьянами, мопсами, бѣлымъ медвѣдемъ, воробьемъ, разрѣшающимъ самыя трудныя ариѳметическія задачи; концертъ знаменитости; еврей, играющій на деревянной гармоникѣ; опера Вебера, водевиль Скриба; кухмистерская Чоко; предлагаются устрицы, анчоусы, опытная горничная, кучеръ, объявленія о товарахъ, имѣніяхъ и т. п. Фраже и фирма «Норблинъ и бр. Вернеръ» привозили серебро, Марсикани раскрашенныя литографіи, Миклашевскій—фарфоръ, Губкинъ—массивныя серебряныя издѣлія [1]). Далѣе слѣдуютъ торговцы казанскаго мыла, тульскіе самовары, кавказскія издѣлія, персидскія матеріи, бухарскія лавки, книжная торговля Щепанскаго изъ Бердичева, русскія книги Литова, обыкновенно изъ года въ годъ занимавшія свои старыя мѣста [2]). Въ верхнемъ этажѣ ежегодно пріѣзжавшій итальянецъ выставлялъ значительное количество картинъ и эстамповъ, нерѣдко большой цѣнности. Около магазина Гайдукова обыкновенно толпился прекрасный полъ, привлекаемый выставленными послѣдними новинками модъ. Старожиламъ были еще памятны пестрые разноцвѣтные костюмы турокъ и татаръ. Многіе магазины помѣщались въ частныхъ домахъ: таковъ былъ магазинъ въ д. Киселевскаго—Шафнагеля, пріѣзжавшаго изъ Бердичева и опустошавшаго карманы различными диковинками: играющими табакерками, бронзами и т. п. Были здѣсь также роскошные мѣха, бархатъ, ліонскіе шелка, кружева, индійскія шали, зеркала, хрусталь, фарфоръ, и въ томъ же домѣ соперничали съ нимъ магазины Матіаса, Копи, Любе, Минтера

---

[1]) Въ 1841 и 42 гг. особенное вниманіе посѣтителей обращали на себя въ контрактовой залѣ бумажныя печи ген.-м. Карелина, который имѣлъ посредниковъ въ Кіевѣ (Москвит. 1843, № 8, стр. 257),

[2]) Число иногор. купцовъ было въ 1835—78; въ 1849—215 (Фундуклей, III, 530). Болѣе другихъ привозили купцы петерб., моск. варшав. и бердичевскіе (551; подроб. 552—560).

и Матье. Можно было встрѣтить раззолоченныя вывѣски съ надписями подобнаго рода: «Magasin de Moschko Bisk», «Magasin de Ryfka» и пр. [1]). Контракты считались своего рода школою свѣтскости. Ал. Еловицкій, упоминая, въ своихъ запискахъ, что отецъ велѣлъ ему ѣхать въ Краковъ для продолженія образованія, замѣчаетъ: «отъ этихъ словъ отца мнѣ чуть не сдѣлалось дурно, и я подумалъ: «я окончилъ школу, былъ въ Кіевѣ на контрактахъ, самъ ѣздилъ въ Одессу, убилъ стараго волка, зачѣмъ же мнѣ еще учиться». На контракты привозили барышень и такимъ образомъ иногда устраивались здѣсь матримоніальныя дѣла. Балы во время контрактовъ отличались обстановкой и роскошью въ нарядахъ. На одномъ изъ вечеровъ хозяинъ привѣтствовалъ каждую изъ дамъ букетомъ въ 10 польскихъ злотыхъ ($1^1/_2$ р.); на другомъ балѣ одни только конфекты, главнымъ поставщикомъ которыхъ былъ Беккерсъ, обошлись въ 100 дукатовъ, а шампанское въ 400 р. Для болѣе веселой компаніи («балагулъ»—въ соотвѣтствіе евр. повозкамъ) былъ подходящій на контрактахъ ресторанъ Белло, изъ Бердичева. Здѣсь гостей услаждали своимъ пѣніемъ арфянки и здѣсь же происходили вакханаліи, на которыхъ вино лилось рѣкой и спускались въ карты цѣлыя имѣнія [2]). Многіе пріѣзжали на контракты только ради картъ. Въ 30-хъ годахъ особенной

---

[1]) Контрактовый указатель. Въ память о столѣтіи контрактовъ. 1797—1897, Кіевъ; Uzaszyn, 47—61; Кіевлянинъ 1900, №№ 35 и 36 (Кіевскіе контракты).

[2]) Мѣстные торговцы бакалейныхъ лавокъ выручали въ день до 10 т. р. ассигн. и болѣе, такъ что едва успѣвали получать деньги; продавецъ пива продавалъ въ день болѣе 1000 бут., которыя тутъ же распивались, и до 150 полубочекъ (въ 20 ведеръ) на вывозъ; за наемъ дома въ 7 комнатъ платили за двѣ недѣли 2500 р. ас., а такой же домъ съ лавками приносилъ дохода за то же время до 7000 ас. Чтобы понять важность всѣхъ этихъ суммъ нужно припомнить то время и то значеніе какое имѣли деньги: тогда 2—3 тыс. руб. считались за великое богатство» (Москвит. 1851, II, 322; Ulaszyn, str. 57—58).

извѣстностью въ этомъ дѣлѣ пользовался ген. Завадовскій, впослѣдствіи атам. черномор. казач. войска, ген. Иелеповъ, ротм. Чорба, Черникъ, семья Нечаевъ изъ Херсонской губ., кн. Голицынъ, женатый на Ходкевичъ; изъ поляковъ: полк. Дембовскій, зять его Витославскій, Ал. и Исид. Собанскіе, полк. Млокосевичъ и др. Славились картежною игрой также нѣкто С—ичъ, странствовавшій за границею, быстро богатѣвшій и проматывавшійся, а также, піанистъ Листъ, нерѣдко спускавшій свою выручку съ концертовъ, въ игрѣ съ которымъ былъ болѣе счастливымъ соперникомъ студ. Котюжинскій [1]).

Въ зиму 1850 г. побывалъ на кіевскихъ контрактахъ знаменитый франц. писатель Бальзакъ, посѣтившій Ю.-З. край, чтобы жениться на Евел. Ганской, ур. гр. Ржевуской. Въ честь его губ. Фундуклеемъ былъ данъ обѣдъ, на которомъ, присутствовали представители русскаго и польскаго общества [2]). О контрактахъ упоминаетъ Мицкевичъ въ «Панѣ Тадеушѣ»; ихъ описываютъ Крашевскій въ «Волшебномъ фонарѣ» и Корженевскій въ повѣсти «Эмеритъ» [4]).

Не смотря на благопріятный климатъ, на красоту мѣстоположенія, на удовольствія свѣтской жизни сравнительно съ другими русскими городами, Кіевъ не удовлетворялъ тѣхъ, кто успѣвалъ познакомиться съ обстановкою и условіями быта западноевропейскихъ городовъ. Путешественникъ, возвратившійся сюда въ нач. 40-хъ годовъ находилъ Кіевъ «скучнымъ и безлюднымъ» [3]). И спустя 15 лѣтъ другой путешественникъ писалъ: «Крещатикъ, которымъ такъ гордятся кіевляне, показался мнѣ ужасно невзрачнымъ. Что особенно поражало мой взоръ, взоръ, привыкшій видѣть западно-европейскіе города, присутствіе дерева въ городскихъ постройкахъ. Такъ вотъ въ какомъ городѣ придется намъ жить!—

---

[1]) Зап. Солтановскаго (Кіев. Стар. 1892, № 4, стр. 75—77); зап. Чайковскаго (Р. Стар. 1896, № 3, с. 635); Ulaszyn, 60—61.

[2]) Wspom. G. Olizara, str. 217.

[3]) Записки Селецкаго (К. Стар., IX, 626).

[4]) О польскихъ писателяхъ и др. извѣстн. лицахъ, побывавшихъ на контрактахъ (Ulaszyn, 68—70).

подумалось мнѣ, забывшему, какимъ великолѣпнымъ казался мнѣ Кіевъ, когда я пріѣхалъ въ 1850 г. поступать въ университетъ» [1]).

Образованный наблюдатель 40-хъ годовъ такъ характеризуетъ лучшія стороны кіевской жизни: «Общество кіевское это ни то, ни сё, но въ замѣнъ есть розноообразіе, которое врядъ ли можно встрѣтить въ какомъ нибудь изъ провинціальныхъ городовъ, писалъ Н. А. Ригельманъ Г. П. Галагану въ 1847 г.; тутъ есть люди, въ особенности женщины очень образованныя и даже довольно милыя; есть нѣчто въ родѣ красавицъ; наконецъ есть добродушныя и милѣйшія своею патріархальностью малороссіянки; потомъ есть клубъ; а главнѣйше есть университетъ, въ которомъ не безъ хорошихъ головъ, хотя зарытыхъ въ хламѣ; онѣ и не обнаруживаются яркимъ свѣтомъ» [2]).

Въ домашней жизни главную роль играли вечера, продолжавшіеся теперь уже до 3-хъ или 4-хъ часовъ утра, сопровождавшіеся обычными развлеченіями, изрѣдка литературными бѣсѣдами, предметомъ которыхъ въ началѣ 50-хъ годовъ служили повѣсти Писемскаго; но преимущественно танцами и картчной игрой [3]), которой такъ славился и прежде Кіевъ. Конечно, игра въ карты

---

[1]) Романовичъ-Славатинскій, Моя жизнь (В. Евр. 1903, № 4, с. 561).

[2]) Часттная переписка П. Г. Галагана (К. Стар. 1899, № 5, стр. 195).

[3]) Москвитян. 1852, I, 16; ср. зап. Селецкаго (К. Стар. 1884. т. X, 91—92.

Въ небольшихъ городахъ играли поголовно. «Никто наукой не занимался, никто не слѣдилъ за своимъ предметомъ, говоритъ современникъ объ учителяхъ. Играли учителя въ карты главнымъ обр. потому, что установить другой родъ развлеченія было невозможно. Литературные вечера, музыкальные или просто собранія знакомыхъ и сослуживцевъ, если только на нихъ происходила картежная игра, никого не занимали. Траутфеттеровскіе (въ Кіевѣ) буттерброды тоже соединены были съ игрою въ карты» (Записки Солтановскаго, К. Стар. 1892, № 7, с. 100). Въ другомъ мѣстѣ (говоря о Ровно), авторъ записокъ продолжаетъ: «Играли днемъ, играли ночью, играли въ

процвѣтала и въ другихъ россійскихъ городахъ, что находилось въ полной гармоніи съ окружающими условіями. «Тогда, (съ 1848 г.) говоритъ Погодинъ, зеленые ломберные столы замѣнили всѣ каѳедры и трибуны, а карты, карты, единственное утѣшеніе, драгоцѣнный предметъ глубокихъ размышленій и горячихъ преній, сладчайшее занятіе, единственное искусство, покровительствуемое правительствомъ, сдѣлалось самымъ важнымъ препровожденіемъ времени, дороже всѣхъ хартій и конституцій, настоящее Habeas corpus, въ буквальномъ смыслѣ слова» [1]). Въ самомъ университетѣ, по словамъ его историка, «wissenschaftliche Tendenz» дѣлается нерѣдко предметомъ насмѣшки въ устахъ слушателей, а иногда и преподавателей. Отъ вліянія тѣхъ же обстоятельствъ страдаетъ и нравственное развитіе университета, и проявляется въ пошлости и огрубѣніи житейскихъ отношеній. Ни общество на университетъ, ни университетъ на общество вліянія не имѣютъ: между ними нѣтъ почти сближенія» [2]).

Припомнимъ, какъ открытіе университета потянуло въ Кіевъ Максимовича, отчасти вслѣдствіе болѣзни, а отчасти по естественной у него симпатіи къ югу. Но уже на первыхъ порахъ онъ не удовлетворился тѣмъ, что нашелъ здѣсь, вокругъ себя. «Посылаю вамъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ, образчикъ кіевскаго варенья,—на новоселье. Пусть хоть это докажетъ вамъ, что *не все въ Кіевѣ хуже московскаго*, писалъ прот. Скворцовъ. Покорно прошу снабдить меня тѣми пѣснями, которыя дока-

---

страстной четвергъ и пятницу; играли во время производства дѣлъ и слѣдствій; играли во время рекрутскихъ наборовъ, на свадьбахъ, поминкахъ, крестинахъ, играли почти непрерывно; карты мерещились во снѣ и похмельи. Другого разговора никогда не было, какъ только о картахъ, о карточной игрѣ. Горсть учителей въ такомъ кругу лишена была всякаго значенія и добрая часть ихъ цѣликомъ посвящала себя и свой досугъ карточной игрѣ» (ibid. 1892, № 8, стр. 206).

[1]) Барсуковъ, XIII, 163. Болѣе серьезныя люди жаловались на юдоль скуки и скорбки, царящей въ Кіевѣ (К. Стар. 1899, № 5, Переписка Галагана, 193—194).

[2]) Шульгинъ, Ист. унив. св. Владиміра, 62.

зываютъ, что и народная поэзія малороссійская *не хуже* великороссійской» [1]). Въ 1838 г. Максимовичъ писалъ Погодину: «Стосковалась душа моя по Москвѣ бѣлокаменной; вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ рѣдкій день пройдетъ, чтобъ я не задумался: какъ бы посмотрѣть Москву. Кіевъ прекрасенъ, но болѣе прошедшимъ, лишь для воспоминанія. Настоящее въ немъ надоѣло» [2]).

Прошло еще много лѣтъ (1854). Повидимому мало перемѣнился тонъ кіевской жизни. И тотъ же ея бытописатель пишетъ своимъ друзьямъ: «Хочется мнѣ переселиться въ Москву, не для службы, для которой уже изветшалъ я, а для того, чтобы дожить вѣкъ въ мирномъ кабинетномъ трудѣ, *въ той атмосферѣ, гдѣ мнѣ было лучше, какъ писателю и какъ человѣку*... Кіевъ хотя и родной мнѣ, но, выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженикъ» [3]).

Послѣдующая хроника Кіева устанавливаетъ быстрый приростъ населенія къ началу XX стол. (до 300000) и созиданіе «каменнаго города» въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ. На основаніи картограммъ, составленныхъ по оффиціальнымъ даннымъ, Юго-Западный край выдѣляется густой, яркой окраской на сравнительно тускломъ фонѣ другихъ губерній, и областей, въ распредѣленіи разнаго вида мѣстныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, а въ числѣ трехъ его губерній Кіевская большею частью отмѣчена самою яркою краской; грузовое и пассажирское движеніе, по ихъ доходности, показываютъ, что Кіевъ имѣетъ всѣ шансы стать однимъ изъ крупнѣйшихъ узловыхъ центровъ русской желѣзно-дорожной сѣти. Бюджетъ доходовъ города достигаетъ

---

[1]) Письма о Кіевѣ, 41.

[2]) Барсуковъ, V, 202. Поѣхать въ Москву ему удалось только спустя 15 лѣтъ со времени выѣзда (ibid., X, 382).

[3]) Письма Максимовича (К. Стар. 1896, № 9, стр. 282).

почти 3 мил. Въ соотвѣтствіе промышленнымъ и торговымъ потребностямъ края въ Кіевѣ, въ означенный промежутокъ возникъ рядъ новыхъ финансовыхъ учрежденій. Въ то время, какъ еще въ 70-хъ годахъ газовое освѣщеніе и водопроводъ многіе признавали ненужною и разорительною роскошью, въ послѣдніе годы (не считая ихъ), городъ обзавелся болѣе усовершенствованными способами освѣщенія и передвиженія. Въ сферѣ духовной жизни Кіевъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. По количеству періодическихъ и другихъ изданій онъ имѣетъ преимущество передъ Одессой, Харьковомъ, Ригой, Казанью, Тифлисомъ и пр. [1]). Его университетъ занимаетъ третье мѣсто по количеству слушателей и далеко превосходитъ слѣдующіе за нимъ; а недавно еще прибавилось одно высшее учебное заведеніе, основанное по частной инициативѣ, не говоря о другихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, музеяхъ и т. п., и Кіеву же, одновременно со столицами, пришлось положить начало высшему женскому образованію въ краѣ, столь внезапно прерванному. Но всѣ эти факторы и явленія мѣстной жизни принадлежатъ позднѣйшему періоду, слагавшемуся на другихъ началахъ и при другихъ условіяхъ, исторія котораго можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія.

9 дек. 1904 г.

В. Иконниковъ.

---

[1]) Кіевлянинъ, 1902, № 94.

В. Л. Беренштамъ.

(Некрологъ).

10-го ноября скоропостижно скончался, 65 лѣтъ отъ роду, нашъ ближайшій сотрудникъ *Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ.* Его общественно-педагогическая и ученая дѣятельность такъ была разнообразна и широка, что редакція нашего журнала рѣшила посвятить памяти его особую статью, которая и будетъ напечатана въ первыхъ номерахъ будущаго года. Теперь же мы, желая помянуть, еще у свѣжей могилы, память почившаго, рѣшаемъ пока познакомить читателей съ тѣми теплыми воспоминаніями о немъ, которыя появились сейчасъ послѣ смерти его въ мѣстной газетѣ «Кіевскіе Отклики».

---

10 ноября, въ 9 часовъ вечера, скоропостижно, отъ паралича сердца, скончался одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, достойный представитель 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, *Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ.* Принадлежа по роду своему къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ г. Кіева, покойный все свое дѣтство и юность провелъ въ этомъ городѣ, получивъ образованіе въ 1-ой гимназіи и въ университетѣ св. Владиміра. Пребываніе въ старшихъ классахъ гимназіи и затѣмъ въ университетѣ совпали съ тѣмъ знаменательнымъ періодомъ въ русской жизни, который характеризуется именемъ «эпохи реформъ» царствованія Александра II-го. Изъ стѣнъ университета вынесъ онъ тѣ чистые идеалы

общественности, ту глубокую вѣру въ созидательныя силы общественныхъ учрежденій, ту непритворную любовь къ народу, съ которыми, по окончаніи университетскаго курса въ 1862 г., вступилъ онъ на путь общественной дѣятельности въ скромной роли учителя гимназіи, и которые сохранилъ до послѣднихъ минутъ своей жизни. Учительская его работа началась съ кіевскихъ педагогическихъ курсовъ, на которыхъ въ тѣ годы будущіе педагоги вырабатывали свои силы и способности, посѣщая уроки учителей въ гимназіяхъ, а затѣмъ ведя самостоятельно преподаваніе своего предмета въ какомъ нибудь классѣ.

Пишущій эти строки живо помнитъ въ своемъ классѣ, въ качествѣ учителя географіи, молодого, энергичнаго, талантливаго кандидата-педагога В. Л. Беренштама, успѣвшаго въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ стать любимымъ учителемъ всѣхъ насъ, тогда малышей 2-го класса. Послѣ двухлѣтней практики кандидатъ-педагога, В. Л. Беренштамъ получилъ назначеніе на должность учителя исторіи въ Каменецъ-Подольскую гимназію, изъ которой черезъ 4 года, въ 1868 г., опять перебрался въ любимый свой Кіевъ, гдѣ занялъ должность учителя географіи въ военной гимназіи. Одиннадцатилѣтняя служба его въ Кіевѣ доставила ему извѣстность, какъ превосходнаго педагога, о которомъ не разъ приходилось слышать самые восторженные отзывы отъ его бывшихъ учениковъ, любившихъ и уважавшихъ его, какъ учителя и человѣка. Прекрасно выполняя свои учительскія обязанности, В. Л. Беренштамъ, будучи человѣкомъ чуткимъ ко всѣмъ общественнымъ дѣламъ, игралъ въ эти годы въ Кіевѣ видную роль въ разнаго рода общественныхъ предпріятіяхъ: онъ энергично работаетъ въ качествѣ члена юго-западнаго отдѣла Императ. географ. общества, къ сожалѣнію быстро исчезнувшаго съ горизонта кіевской жизни; онъ принимаетъ близкое участіе, въ качествѣ сотрудника, въ интересныхъ 90 номерахъ за 1875 годъ газеты «Кіевскій Телеграфъ»; онъ избирается гласнымъ кіевской городской думы; наконецъ, онъ усиленно работаетъ для поддержанія и развитія въ обществѣ тѣхъ идейно воспринятыхъ имъ началъ, которыми характеризуется дѣятельность національныхъ украинскихъ группъ, желающихъ

послужить своему народу. Вся эта его живая дѣятельность имѣла слѣдствіемъ своимъ переводъ его въ 1879 г. въ Псковскую военную гимназію на должность преподавателя исторіи и географіи; но уже черезъ годъ переводится онъ на ту-же должность въ Петербургскую гимназію.

Съ 1880 года и до времени выхода въ отставку, въ 1898 году, В. Л. Беренштамъ провелъ въ Петербургѣ, служа учителемъ въ военной гимназіи и въ учительскомъ институтѣ. Подобно тому какъ въ Кіевѣ, онъ и въ Петербургѣ не могъ жить вдали отъ участія въ общественной дѣятельности: будучи человѣкомъ вполнѣ научно-образованнымъ, любя книжное и литературное дѣло, онъ примкнулъ къ лучшимъ литературно-научнымъ силамъ столицы, и его постоянно можно было видѣть активнымъ участникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ: литературный фондъ, союзъ писателей, редакціи журналовъ, не говоря уже о личныхъ близкихъ, а иногда даже дружественныхъ, связяхъ съ литераторами и учеными.

Слабѣвшія силы заставили его въ 1898 году оставить службу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Петербургъ для того, чтобы остатокъ дней своихъ дожить въ родномъ ему Кіевѣ. Здѣсь, въ эти послѣдніе шесть лѣтъ его жизни, мы встрѣчаемъ его все такимъ-же энергичнымъ, отзывчивымъ на все доброе работникомъ въ нѣсколькихъ общественныхъ учрежденіяхъ: онъ принималъ живѣйшее участіе въ издательствѣ журнала «Кіевская Старина»; онъ съ неизмѣнной аккуратностью работалъ въ Кіевскомъ обществѣ грамотности, въ качествѣ члена совѣта общества и члена нѣсколькихъ коммиссій его; занимаясь самъ археологическими изученіями, онъ примкнулъ къ обществу, устроившему въ Кіевѣ мѣстный музей древностей и искусствъ. Однимъ словомъ, покойный В. Л. Беренштамъ былъ та живая сила, которая не могла отдѣлить понятія о жизни отъ понятія объ общественной работѣ; а въ такихъ силахъ такъ нуждается наше время и наше общество!

До какой степени у покойнаго были логически выдержаны устои его общественныхъ міровоззрѣній, лучше всего видно изъ того, что самъ онъ, не будучи по происхожденію украинцемъ, не

унаслѣдовавши, значитъ, никакихъ родовыхъ традицій въ этомъ направленіи, а только выросши и воспитавшись въ Украинѣ, понялъ, какова дожна быть роль людей мѣстныхъ. Своимъ нравственнымъ обликомъ онъ доказалъ, что національное дѣло не есть шовинистическая утопія, а является естественнымъ выводомъ изъ основъ общечеловѣческаго міровоззрѣнія.

Пусть-же будетъ земля перомъ на твоей могилѣ, добрый, честный, благородный человѣкъ.

В. Науменко.

Скончался Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ...

Еще 10 ноября, послѣ полудня, мы видѣли его здоровымъ, бодрымъ, какъ всегда живо, можно сказать, юношески-страстно интересующимся общественной жизнью. Какъ всегда, неустанно работала его свѣтлая мысль, и взгляды на современное положеніе вещей отличались обычной ясностью, тонкостью анализа сложныхъ явленій, просвѣщенной опытностью долголѣтняго наблюдателя и работника нашей общественности, не сгибаемой принципіальностью и горячностью опредѣленныхъ симпатій...

А къ вечеру его не стало!..

Вѣсть о внезапной кончинѣ Вильяма Людвиговича поразитъ глубокой, искренней скорбью всѣхъ знавшихъ его, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Научно-литературныя, педагогическія и вообще общественныя заслуги покойнаго достойны внимательной оцѣнки. Но сейчасъ мысль и скорбное чувство слишкомъ поражены тяжкой утратой, и въ памяти, какъ живой, встаетъ обаятельный обликъ того, о комъ прежде всего хочется сказать: «человѣкъ онъ былъ!» — чуткій, отзывчивый, добрый, *хорошій* человѣкъ...

Мих. Могилянскій.

Отдавая сегодня послѣдній долгъ и произнося послѣднее «прости» одному изъ видныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ, мы не можемъ не напомнить о той дѣятельности покойнаго В. Л., которая тѣсно связала его имя съ исторіей Кіева вообще, городского самоуправленія въ частности.

Одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ свидѣтелей этой его дѣятельности, я и посвящаю ей эти строки.

Дѣло происходило въ концѣ 1878 г. Два четырехлѣтія городомъ управляла группа лицъ, съ бывшимъ ректоромъ кіевскаго университета Н. К. Ренненкампфомъ во главѣ, и это же управленіе все яснѣе и яснѣе обнаруживало для кіевскихъ жителей несоотвѣтствіе между тѣми задачами, которыя должно было преслѣдовать городское самоуправленіе, и тѣмъ, что происходило въ дѣйствительности. Необходимость измѣнить составъ гласныхъ, измѣнить ходъ и направленіе хозяйственной политики городской управы, политики, направленной въ сторону страшно дорого обходившихся городскихъ построекъ (въ родѣ, напр., зданія нынѣшней городской думы), а не въ пользу удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей городского населенія (санитарныя мѣры, школьное дѣло и т. д.), вызывали все болѣе и болѣе недовольство и жалобы. Къ концу 1878 года движеніе противъ порядка вещей, установившагося въ управѣ и думѣ, стало сказываться съ особенною силою, благодаря въ особенности тому, что въ началѣ 1879 года заканчивались полномочія думы и предстояли новые выборы. Въ этотъ-то моментъ покойный В. Л. выступилъ на арену дѣятельности. Обладая рѣдкою энергіей, не знающей устали, онъ сразу же сталъ во главѣ движенія, сразу же сгруппировалъ вокругъ себя массу недовольныхъ. И здѣсь онъ являлся агитаторомъ не изъ-за личныхъ цѣлей, не изъ-за вопроса о личностяхъ, а агитаторомъ во имя опредѣленныхъ и ясно поставленныхъ цѣлей и принциповъ. Организуя предвыборныя собранія, участвуя лично въ каждомъ изъ нихъ, онъ постоянно выступалъ съ программой, которую онъ выставлялъ, какъ необходимое условіе для дѣйствительной замѣны стараго управленія городскимъ хозяйствомъ новымъ, соотвѣтственнымъ за-

дачамъ городского самоуправленія. И все это время, въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, онъ не покладалъ рукъ, не зналъ покоя, не переставалъ работать. Нужно было видѣть его и до и во время выборовъ, чтобы понять, какую силу и энергію способенъ былъ онъ проявить. Выборы тогда носили иной характеръ, чѣмъ теперь, они производились по тремъ группамъ, и выборы второй группы длились болѣе сутокъ, выборы третьей цѣлыхъ три дня. И за все это время В. Л. былъ постоянно на своемъ посту, постоянно говорилъ, убѣждалъ, разъяснялъ, во имя какихъ принциповъ необходимо произвесть выборы новыхъ лицъ. Насколько при условіяхъ того времени это было возможно, цѣль была имъ достигнута: прежняя управа и прежній городской голова были замѣнены новыми лицами. Но на этомъ В. Л. не успокоился: какъ гласный, онъ обратилъ все вниманіе на организацію между самими гласными, на образованіе изъ ихъ среды группы единомышленной, которая взяла бы на себя проведеніе въ жизнь истинныхъ принциповъ самоуправленія, и былъ душою и центромъ цѣлаго ряда такихъ собраній, составлявшихся передъ каждымъ думскимъ засѣданіемъ.

Работать въ сферѣ общественной дѣятельности, притомъ сравнительно узкой, В. Л. пришлось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Вспоминая, какое умѣніе, какую выдержку и одушевленіе, какое упорство онъ при этомъ проявилъ, чувствуешь невольно въ душѣ горькое сожалѣніе о томъ, что осталась безъ примѣненія сила, которая при другихъ условіяхъ жизни, при другой обстановкѣ, могла бы оказать значительныя услуги обществу.

Не его была вина, если дѣло скоро пріостановилось. Ему пришлось переѣхать въ томъ же самомъ 1879 году изъ Кіева въ Псковъ, а еще раньше ему, какъ и его единомышленникамъ по думѣ, пришлось попасть въ то положеніе, которое прервало всѣ задуманныя начинанія, положеніе, нашедшее своего бытописателя въ Салтыковѣ, въ его «Круглый годъ». «Апрѣль былъ ужасенъ, мая не было», говоритъ сатирикъ.

Не можемъ не вспомнить еще одного момента въ жизни и дѣятельности того же времени В. Л. Первое засѣданіе новой ду-

мы, въ составъ которой входилъ въ качествѣ гласнаго В. Л. состоялось 25 лѣтъ тому назадъ, 4 апрѣля. Правительство обратилось тогда къ обществу. Вопросъ поднятъ былъ объ адресѣ. Нынѣ покойный епископъИриней, тогда священникъ Орда, возбудилъ вопросъ о необходимости составленія соотвѣтственнаго адреса. Трое изъ бывшихъ тогда гласныхъ, вмѣстѣ съ В. Л., составили этотъ адресъ, поддержанный десятью гласными. Изъ этихъ десяти до нынѣшняго года оставалось въ живыхъ четыре. Еще одинъ изъ нихъ, изъ этихъ четырехъ, и самый видный, сошелъ въ могилу.

Да не умираетъ же память о В. Л., какъ о человѣкѣ, дѣятельность котораго должна служить образцомъ и примѣромъ для грядущихъ поколѣній.

И. Лучицкій.

Насъ просятъ напечатать слѣдующія строки, посвященныя покойному В. Л. Беренштаму: «Послѣднее трехлѣтіе покойный Вильямъ Людвиговичъ Беренштамъ состоялъ гласнымъ зѣньковскаго уѣзда полтавской губ. Здѣсь онъ быстро завоевалъ симпатіи мѣстной интеллигентной публики, посѣщавшей земскія собранія. Она (эта публика), утомленная и подавленная всевозможными недоразумѣніями и дрязгами, часто возникавшими на почвѣ узкой партійности, а иногда и личныхъ счетовъ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидала слова Вильяма Людвиговича. Раздавалось оно, всегда спокойное, глубоко продуманное, внѣпартійное — и публика отдыхала: она узнавала, гдѣ справедливость. Весной этого года, Вильямъ Людвиговичъ отказался отъ баллотировки въ гласные. Всѣ были очень огорчены, но надѣялись, что разсѣются тучи, нависшія въ послѣднее время надъ уѣздомъ, и Вильямъ Людвиговичъ вернется. — Этой надеждѣ, къ глубокому сожалѣнію, не суждено было сбыться.

Миръ же праху твоему, неутомимый труженикъ, не задумавшійся отдать свои силы общему дѣлу даже въ то время, когда подточенное здоровье требовало полнаго покоя...

Голосъ изъ толпы.

Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ,
Другіе имъ во слѣдъ идутъ...

Вчера мы опустили въ могилу тѣло В. Л. Беренштама. По случайному стеченію обстоятельствъ, на его могилѣ почти не было ничего сказано. Тѣмъ болѣе на его друзьяхъ и знакомыхъ лежитъ обязанность помянуть его добрымъ словомъ въ печати, однимъ изъ усердныхъ работниковъ которой онъ былъ.

Я узналъ Вильяма Людвиговича въ 1859 году. Семья состояла тогда изъ старика-отца, сыновей Вильяма и Ольгерда и дочерей — Софіи и Евгеніи; старшій братъ Альбертъ, съ которымъ я впослѣдствіи познакомился въ Москвѣ, уже и тогда жилъ тамъ. Старикъ Беренштамъ вышелъ изъ Курляндіи, и потому въ домѣ господствовалъ нѣмецкій режимъ и нѣмецкій языкъ. Вильямъ уже былъ студентомъ, Ольгердъ еще былъ въ гимназіи (старше меня однимъ или двумя классами), барышни были прекрасныя музыкантши. Семья Беренштамовъ жила тогда въ своемъ домѣ, въ тупикѣ, образуемомъ Александровскою улицею (позади нынѣшняго музея). Въ домѣ все было поставлено на европейскій ладъ, на цивилизованную ногу. Здѣсь я впервые услыхалъ хорошую, классическую музыку, здѣсь я впервые познакомился vivo voce съ нѣмецкой литературой, здѣсь я впервые вошелъ въ тотъ кругъ идей, которыми жила лучшая часть русскаго общества въ то время... Братья Вильямъ и Ольгердъ занимали особый флигелекъ во дворѣ; бывая у послѣдняго, я сначала лишь стороной прислушивался къ тому, о чемъ говорили Вильямъ и его товарищи; въ ихъ компанію я не могъ входить — я былъ на цѣлый вѣкъ, на полныхъ шесть лѣтъ моложе ихъ. Но постепенно, подъ вліяніемъ жгучаго любопытства и пробуждающагося сознанія, явились первые робкіе вопросы, неумѣлыя заключенія, и я живо помню, съ какою любовью, терпѣніемъ и умѣніемъ — въ этомъ сказался будущій великолѣпный педагогъ — отнесся Вильямъ Людвиговичъ къ запросамъ 15-лѣтняго мальчика; мало того, я и

теперь еще не могу надивиться той бережности, осторожности и разумности, съ которыми онъ посвящалъ меня въ свое credo.

Прошло много, очень много времени; цѣлыхъ двадцать лѣтъ я почти не встрѣчался съ В. Л. Въ 1879-мъ году, во время моего отсутствія (я ѣздилъ на Кавказъ по извѣстному Кутаисскому дѣлу) я былъ выбранъ въ гласные кіевской думы, гдѣ я встрѣтилъ и Беренштама. Вскорѣ мы образовали небольшую, но крѣпко сплоченную партію, которая, правда, почти всегда оставалась въ меньшинствѣ, но мы этимъ мало смущались: мы вели свою линію и находили нравственное удовлетвореніе въ своей работѣ. Увы, изъ этой кучки гласныхъ въ настоящее время осталось насъ только трое: В. Б. Антоновичъ, И. В. Лучицкій и я. Умерли и Кистяковскій, и Конисскій, — ген. Бутинъ, и священникъ Орда, проф. Афанасьевъ и Ильинскій. 4-го апрѣля 1879 г., въ думѣ обсуждался по предложенію тогдашняго головы Ренненкампфа, адресъ Императору Александру II по поводу покушенія Соловьева. Адресъ былъ написанъ въ обыкновенномъ, торжественно-оффиціальномъ тонѣ того времени. Мы рѣшили предложить нѣсколько иную редакцію. Редакція предполагаемаго адреса была возложена на Беренштама, Лучицкаго и меня, а устная мотивировка въ засѣданіи думы была поручена мнѣ. Но наше предложеніе не прошло.

Прошло еще около двадцати лѣтъ, и я вновь встрѣтился съ В. Л. Беренштамомъ въ кіевскомъ обществѣ грамотности, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ работниковъ, и въ которомъ онъ трудился до самаго смертнаго часа своего.

Резюмируя все, что я знаю и помню о покойномъ, я скажу, что на его умственномъ складѣ и характерѣ лежала печать необыкновенной глубины и сложности. Три культуры отразились на этомъ большомъ и глубокомъ умѣ, три темперамента чудно слились въ его очень выдержанномъ, рѣшительномъ, но въ то же время очень мягкомъ характерѣ. По происхожденію еврей, по первоначальному воспитанію нѣмецъ, по образованію и развитію русскій, Беренштамъ соединялъ въ своемъ характерѣ, жизни и

дѣятельности страстную убѣжденность семита, общественность и порядливость германца и широкій, свободный порывъ славянина. Это былъ гуманистъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Ничто человѣческое не было ему чуждо, и любовь къ родинѣ, ея интересамъ и старинѣ не заглушала ни въ его умѣ, ни въ его душѣ интересовъ высшаго порядка.

Миръ праху твоему, дорогой другъ и учитель!

Л. Куперникъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи „поповой плѣши“ или „гуменца“. Въ рукописномъ историко-статистическомъ описаніи Орловской епархіи, составленномъ въ 50-хъ годахъ XIX ст., главнымъ образомъ, профессоромъ Орловской семинаріи іером. Владиміромъ Петровымъ († 1897 г. въ санѣ казанскаго архіепископа), мы натолкнулись на интересный указъ Сѣвскаго и Орловскаго епископа Кирилла Флоринскаго отъ 16 дек. 1777 г.,—указъ, касающійся священническихъ волосъ.

Извѣстно, что у насъ на Руси духовенство, по примѣру греческаго, длинныхъ волосъ не носило, а поступало съ ними так. обр.: священники, во-первыхъ—подстригали свои волосы въ кружокъ, какъ и теперь подстригаютъ ихъ крестьяне, только значительно выше, при чемъ волосы спереди оставляли висѣть на лбу безъ пробора, и во-вторыхъ—гладко выстригали (или выбривали) большую часть головы, оставляя ниже этой выстрижки полосу подстриженныхъ волосъ шириной въ $2-2^1/_2$ пальца, такъ что эта полоса волосъ вокругъ всей головы образовывала какъ бы вѣнецъ, какъ у грековъ она и называлась (στέφανος). У насъ эта выстрижка носила названіе «гуменцо» или въ просторѣчіи—«попова плѣшь». О величинѣ же ея свидѣтельствуетъ пословица: «не грози попу плѣшью, у него плѣшь съ лопату». Когда вывелось на Руси подстриженіе волосъ у священниковъ и выстрижка ихъ, точно неизвѣстно. О первомъ проф. Голубинскій, у котораго мы и заимствуемъ данныя о гуменцѣ, думаетъ, что оно произошло «не во времена еще кіевскія и домонгольскія, а во времена уже московскія; остриженіе же или выстриженіе верха

головы (гуменцо) оставалось, сколько мы знаемъ въ настоящее время, никакъ не менѣе, какъ до начала XVIII в.» (Исторія рус. церкви, т. I, первая половина, изд. 2 (1901), стр. 578—580).

Печатаемый ниже указъ отодвигаетъ прекращеніе того и другого къ концу XVIII в. Хотя и неизвѣстно, каковы были послѣдствія указа, изъ содержанія его видно, что обычай стричь (брить) извѣстнымъ образомъ головы въ 1777 г. еще существовалъ въ Орловско-сѣвскомъ викаріатствѣ, которое входило въ составъ Московской епархіи, только далеко не всѣми соблюдался. Въ большей силѣ онъ, вѣроятно, оставался въ Малороссіи, такъ какъ Кириллъ Флоринскій, епископъ Сѣвскій (1768—1778), былъ родомъ малороссъ (изъ слоб. Ворожбы харьковской губ.) и первые годы службы провелъ на югѣ же (былъ учителемъ харьковскаго коллегіума).

«Между преданіями церковными не послѣднее, что бритіе іереевъ на главѣ значитъ корону, или терновый вѣнецъ, который вышній Архіерей Христосъ существеннѣ при страданіи своемъ понесъ и намъ знаки того оставилъ. Но понеже сіе благочестивое дѣло, по точному свѣдѣнію нашему, крайне въ Епархіи нашей не наблюдается, такъ что ни въ главѣ ни въ различіи главобритія попа отъ простолюдиновъ никакимъ образомъ различить неможно. Того ради повелѣваемъ во всю нашу епархію послать указы, да ни единъ никако священникъ, не имѣя короны на главѣ своей, въ церкви нашей Сѣвской не пресмыкается, виня Духовнымъ Правленіямъ за всякій разъ изъ преслушниковъ по рублю штрафу до двухъ разъ, за третій въ монастырь подъ начальство». (Кн. указовъ Орловской консист. 1777 г. дек. 16, № 102).

К. Харламповичъ.

Къ родословной гетмана Даніила Апостола. Апостолы принадлежатъ къ одной изъ старѣйшихъ малорусскихъ фамилій, нынѣ угасшей, начало которой восходитъ къ половинѣ XVII вѣка. Уже въ реестрахъ 1649 года (изд. Бодянскаго, стр. 261) мы видимъ въ Андреевской сотнѣ Миргородскаго полка реестроваго козака Апостола; противъ имени его стоитъ пропускъ, но можно почти безошибочно сказать, что этотъ Апостолъ былъ однимъ лицомъ съ Павломъ Апостоломъ, занимавшимъ въ 1659 году урядъ гадяцкаго полковничества. Впослѣдствіи Павелъ Апостолъ, повидимому, возвращался на свою ро-

дину въ Молдавію; этимъ только и можно объяснить, по мнѣнію А. М. Лазаревскаго, то обстоятельство, что въ переписныхъ книгахъ 1666 года (изд. Лазаревскаго, стр. 72) въ мѣстечкѣ Хомутцѣ показаны «два сада *измѣнника* Павла Апостола, а въ немъ яблоки да вишни; а тѣми садами не владѣетъ никто, стоятъ пусты». Въ 1670 году онъ, однако, снова былъ въ Малороссіи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ актъ этого года, по которому «Славетній товаришъ войсковій» Павелъ Апостолъ продаетъ свою усадьбу въ Гадячѣ» (А. Лазаревскій, Украинск. историч. мелочи, I, стр. 29). Переселившись въ Миргородщину, Павелъ Апостолъ вывелъ тамъ въ люди сына своего Даніила. Печатаемый документъ относится къ 1708 году, когда Даніилъ Апостолъ занималъ урядъ миргородскаго полковничества; въ это время онъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Зарудымъ, сперва есауломъ (1690 г.), а затѣмъ миргородскимъ судьею (1695, 1700, 1708 гг.) даритъ Сорочинскому монастырю нѣкоторыя «добра», оставшіяся послѣ смерти своего «родича» п. Матвѣя Годлевскаго, его жены Пелагеи Григорьевны Зарудной и ихъ дѣтей, съ обязательствомъ, чтобы монахи «за преставшіе миліе дѣти ихъ при офѣрахъ безкровнихъ, при панихидахъ и иннихъ правилахъ церковнихъ щоденне Господа Бога молствовали и благодаренія чинили довѣчно». Кто такой былъ панъ Годлевскій и какимъ образомъ онъ приходился «родичемъ» Апостолу,—неизвѣстно. Терминъ «родичъ» въ актовомъ языкѣ того времени былъ равнозначущимъ слову *родитель*, *отецъ;* поэтому умѣстна догадка, не былъ-ли Годлевскій «родичемъ» Апостолу въ смыслѣ отчима, или, быть-можетъ, тестя? Упоминаемый въ документѣ Моисей Зарудный былъ сотникомъ миргородскимъ еще и въ 1723 году; онъ былъ сыномъ полкового судьи Григорія.

«За призволеннемъ его царского пресвѣтлого величества войска запорозкого его милости п: п: Даниила Апостола, полковника миргородского, яко тежъ і ми, Григорий Зарудний, судия полку миргор(одского), позосталие добра преставшихся од временыя сея дочасная(?) милихъ дѣтей нашихъ, якъ его мил(ости) славное памяти пана Матфея Ѳодлевского, зятя нашего, а родича его мил(ости) добродѣя нашего пана полковника миргородского, такъ и милой дщери нашей Пелагии Зарудновни, малжонки его, и дѣтей ихъ: Василия, Феодора, Марии и Елены, а внуковъ нашихъ, до которихъ то позосталихъ добръ будучими сукцесорами и жадаючи родителско, аби за наши змершие дѣти било довѣчное за души ихъ по Богу молствование, якъ и з

ласки и уваги добродѣйской, такъ тежъ и з нашей, надаемо у вѣчность на монастиръ Сорочинский храма святаго архистратига Христова Михаила: напродъ млинъ, в которомъ куль три (двѣ мучнихъ, а третое ступное), стоячихъ на Пслѣ, (на) греблѣ Портянской, а до того еще лугъ в островѣ, межи млинами стоячий; плецъ, где хата била и нива, которое близко села Портянокъ, лежачое отъ Баранувки; а пребиваючие монахи в томъ монастиру, якъ теперешнего времены отецъ Арсений строитель з братиею, такъ тежъ и по нихъ наступуючимъ, належатие доходи ис тихъ ґрунтовъ отбираючы, повинны будутъ за преставшие милие дѣти наши прѣ офѣрахъ безкровнихъ, при панихидахъ и инних правилахъ церковнихъ щоденне Господа Бога молствовати и благодарения чинить довѣчно; на що для лѣпшого успокоения в держаню помененнихъ ґрунтовъ предреченимъ монахомъ и сей записъ до рукъ ихъ подаемъ, с подписомъ рукъ и именъ нашихъ и под печатю нашею, которая естъ до сего запису притисненна.

Року 1708, мѣсяця генвара 13 дня.

Григорий Зарудний рукою.

Моисѣй Зарудний, сотникъ миргородский, рукою и печать приложилъ. М. П. М. П.

(Съ подлинника).

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

Полтавскій уѣздъ сто лѣтъ назадъ [1]). Населеніе уѣзда въ началѣ XIX ст. состояло изъ 50884 д.; изъ нихъ помѣщичьихъ крестьянъ 24903, козаковъ 22973, остальное населеніе составляли казенные, ранговые, магистратскіе и монастырскіе крестьяне—1487 д. Крестовоздвиженскій монастырь имѣлъ крестьянъ, жившихъ въ нынѣшнемъ предмѣстьи Полтавы—Кривохаткахъ. Евреевъ было—мѣщанъ 285, а купцовъ—18. Генералитета, имѣющаго помѣстья, было 5, а штабъ-офицеровъ 29 д. Изъ помѣщиковъ наиболѣе богатыми были: В. П. Кочубей, министръ внутр. дѣлъ при Александрѣ I, владѣвшій родовой Диканькой, затѣмъ тайный совѣтникъ Поповъ, служившій при

---

[1]) Однородные статистич. матеріалы о другихъ уѣздахъ полт. губ., сообщенные тѣмъ же авторомъ, были помѣщены въ нашемъ журналѣ за 1902 г. №№ 6—11. Тамъ же указанъ и поводъ собранія этихъ свѣдѣній.

императрицѣ Екатеринѣ II, которому была пожалована Рѣшетиловка, съ 1 тыс. слишкомъ душъ крестьянъ, и В. И. Чарнышъ, занимавшій должность губернскаго предводителя дворянства (первый съ учрежденія полтавской губерніи). У Кочубея былъ большой каменный домъ, единственный въ уѣздѣ; у него же, а также у Чарныша, были оранжереи, а у Попова—«капеллія музыкантовъ». Всѣхъ церквей въ уѣздѣ было 55, изъ нихъ 7 каменныхъ; такого числа каменныхъ церквей не было въ то время ни въ одномъ уѣздѣ полтавской губерніи. Священниковъ и церковно-служителей было 120. Мѣстечекъ, гдѣ было нѣсколько церквей, было 3—Мачехи (4), Старый Санжаровъ—6 и въ Рѣшетиловкѣ—8 (изъ нихъ одна каменная). Священники не занимались обученіемъ грамотѣ, но во всякомъ селѣ этимъ занимались дьячки и пономари. Обучалось въ каждомъ приходѣ отъ 20—50 дѣтей.

Монастырь въ уѣздѣ былъ одинъ лишь женскій въ селѣ Пушкаревкѣ, въ которомъ въ 1804 г. было 22 монахини (нынѣ упраздненъ). Ярмарки были въ то время только въ 6 селеніяхъ уѣзда: въ Рѣшетиловкѣ—4, Старомъ Санжаровѣ—3, Мачехахъ, Черняховкѣ и Чутовѣ по 3 и въ Диканькѣ—1. Уѣздъ въ то время изобиловалъ строевымъ лѣсомъ; по сообщенію нижняго земскаго суда числилось его около 4500 десятинъ (Архивъ Губ. Правленія, по описи № 200).

И. Фр. Павловскій.

Приданое знатной малорусской паніи XVIII в. и расходъ на ея похороны и поминки. Пани эта—*Прасковья Андреевна Товстолѣсъ*, бывшая въ первомъ бракѣ за какимъ-то п. Стрыевскимъ, вѣроятно Иваномъ, значковымъ товарищемъ Черниговскаго полка, сыномъ Константина, служившаго сперва генеральнымъ бунчужнымъ у гетмана Многогрѣшнаго, а затѣмъ (въ 1671—1672 г.) бывшимъ переяславскимъ полковникомъ и подъ конецъ жизни—черниговскимъ полковымъ судьей. Овдовѣвъ, она вторично вышла за кіевскаго полкового обознаго (1722—1737 г.) Өедора Лаврентьевича *Ханенка*, родного племянника извѣстнаго уманскаго гетмана Михаила Ханенка, при чемъ былъ составленъ нижеслѣдующій реестръ ея приданаго:

172. году, мѣсяца іюля 15 дня.

«Реестръ для памъяты мнѣ *Параскевыи Андрѣевны Стрыевской*, якъ веле вноше́нья моего до второго мужа моего *Феодора Ханенка*, обозного Киевского полку, а какие вещи, то значитъ ниже сего.

Коновка сребряная позлочоная в полgарца; ковшъ сребряный в полgарца; роструханъ сребраній позлочоный из накришкою; кубковъ шѣсть сребрянихъ из накришками; кубковъ два рознихъ позлочонихъ; кубковъ два срѣбнихъ; кубочокъ маленъкий; чарка сребряная позлочоная с средѣ—лебедь; чарка срѣбная великая; душниковъ тры сребрянихъ; ложокъ сребрянихъ позлочонихъ тузень; два тузнѣ ложокъ сребрянихъ не позлочонихъ и пять ложокъ; поясъ сребряний позлочаний; рондзикъ сребряний из наперстьемъ и подоgоньемъ; шабля под срѣбромъ позлоцоная! кулбака добрая с подушечкою гаптованою и с потникомъ и с платомъ гаптованимъ; ножъ черенъка сребряний и ножна сребряннии; червонихъ золотихъ пятнадцятъ; монисто перловое червонихъ осмъ, всѣхъ двадцятъ пять червонихъ; коновъ двѣ мѣднихъ; пановокъ двѣ мѣднихъ; ковшовъ три мѣднихъ и кандѣйка; казанъцовъ чотири мѣднихъ; носокъ мѣдний; казанокъ мосендзовий; цѣни полумисковъ осмънадцятъ; тарѣлокъ цѣновихъ тузневъ два; пляшка цѣновря gарци в три; кухлевъ цѣновихъ два в полgарца; приставокъ цѣновихъ три; товару рогатого семнадцатеро; свынней тридцатеро великихъ; коней четверо»...

1752 году генваря 5 важили срѣбро: чашка з лебедемъ вѣсу полъ фунта и 8 лотовъ; в томъ числѣ лебедь—5 лотовъ 2 зол.; чарка бѣлая срѣбряная—10 лот. 2 зол.; роструханъ—полфунта 13 лот. безъ ползолотника; ковшъ бѣлый подъ іменемъ K. S. (т. е. *Константинъ Стрыевскій*)—полфунта 14 лот.; в двохъ кубкахъ позлоцаныхъ—полфунта 7 лот.; в другихъ двохъ кубкахъ—полфунта 7 лот. и 1 зол., с кришкою; полбарилца—7 лот.; в трохъ ложкахъ таких же и столко жъ вѣсу; в двохъ ложкахъ бѣлыхъ, на которыхъ подписъ K. S—7 лот.; в кубку простомъ бѣломъ подъ карпею лускою—6 лот. из золотникомъ.

Неизвѣстно, какъ долго прожила со 2-мъ мужемъ обладательница этого приданаго и когда именно умерла; но вотъ реестръ расходовъ на ея погребеніе и поминки, весьма интересный въ бытовомъ отношеніи, такъ какъ онъ дастъ довольно полную картину похоронъ и поминокъ малорусскаго панства XVIII в. Отсюда мы узнаемъ, наприм., что гробы въ то время снаружи раскрашивались малярнымъ способомъ, а внутри обивались матеріей съ тесьмой, звонили по душѣ покойника не въ одной приходской церкви, а по всѣмъ церквямъ и монастырямъ города, что къ участію въ церемоніи похоронъ привлекались городскіе цехи съ своими значками. Любопытно также не-

обыкновенное обиліе тогдашнихъ поминальныхъ обѣдовъ: въ день погребенія, на «третины» (3-й день по смерти), «девятины», «полсорочины» (20-й день), «сорочины» (40-й день) и т. под.

«Реестръ, что розійшлося денегъ, и на якіе потребности, по преставленной *Параскевіи Ханенковой*, такъ при погребеніи ея, яко для поминовенія души ея-жъ, на сорокоусти, и на другіе необходимости, и на обѣди поминалніе, что все слѣдуетъ нижей. 1751 года, октовріа 2 дня.

Попамъ за читанне Евангеліа—1 р.; на позвонное в катедру и в Елецкій монастири по рублю—2 р.; в Пятницкій монастиръ—40 коп.; къ церквамъ всѣмъ градскимъ и загороднимъ чернѣговскимъ по двадцяти копѣекъ—1 р. 80 коп.; за гробъ теслѣ—50 коп.; за маліованне гроба маляру—1 р.; дуклѣ к вибытю гроба полдесята локтя, локоть по 50 копѣекъ,—4 р. 50 коп.; цвяшковъ (гвоздей) и тясомъ к вибытю гроба—19 коп.; попамъ за похоронъ з дяками—3 р. 54 коп.; цехамъ—1 р. 35 коп.; неволникамъ за копанне ями—20 коп.; воску и свѣчокъ—96 коп.

На первій *обѣдъ по погребеніи* октовріа 2-го:

Купили рибы свѣжой и олѣю—1 р. 20 коп.; рибы вялой—18 коп.; булокъ пшеничнихъ—30 коп.; паляницъ—16 коп.; пива и меду—1 р.; вина кварту—14 коп. Итого 20 р. 48 коп.

На *третины* октоврія 3-го:

Курей и мяса—74 коп.; попамъ и дячкамъ—2 р. 4 коп.; пива и меду—58 коп.; на шпиталѣ старцамъ—50 коп.; вина 3 кварты—42 коп.; булокъ—20 коп.; кухарци—10 коп.; попамъ и дякамъ за панахиду—1 р. 10 коп.; неволникамъ мяса под шопу(?)—22 коп.; старцамъ на мясо и на пиво—43 коп.; до церкви Всемилостивого Спаса на вино—14 коп.; на воскъ для свѣчъ—28 коп.; итого 6 руб. 75 коп.

На *девятины* октоврія 9-го:

Попамъ и дякамъ с причетники за панахиду в церкви—60 коп.; при обѣдѣ в дому имъ-же 2 р.; булокъ и паленицъ—40 коп.; мяса—60 коп.; пива и меду—60 коп.; кухарци—8 коп.; на разные расходы—31 коп.;—итого 4 руб. 59 коп.

На *сорокоусты* въ монастирѣ:

Въ Катедралный—6 р.; въ Елецкій—10 р.; въ Троецкій—6 р.; в Пятницкій—6 р.; въ церквы градскіе: въ соборную церковъ святого Спаса—10 р., а на строеніе 10 р.,—20 р.; до Воздвиженія—5 р.; до Богоявленія—5 р.; до Николая—5 р.; до Воскресенія—5 р.; до

святой Екатерины—5 р.; до Вознесенія—5 р.; березанскому протопопу—6 р.; сѣлскимъ: киселювскому—5 р.; онисовскому—5 р.; петрушскому—5 р,;—итого 99 р

Да октоврія 14-го, в память тезоименитства покойной:

В монастиръ дѣвичій Пятницкій на панахиду, на трапезу и на милостыню черницамъ—3 р.

На *обѣдъ полусорочинный*, октоврія 19-го:

Булокъ, бубликовъ, мяса, рибы, курей, вина, пива, меду, свѣчокъ, ня милостиню по шпиталямъ, такожъ попамъ, дякамъ с причетники—5 р. Итого по сее мѣсто чинытъ росходу 138 руб. 82 коп.

Да сверхъ того за копіи крѣпостей паней дано писару магистратовому—2 р. 40 коп., с которими выходитъ сумма—141 руб. 22 коп

25-го дня октоврія: дано Красовскому 10 руб. для производженія з соперниками дѣла, а собѣ взялъ панъ Товстолѣсъ 23 рубля, такъ для оправы поминанія сорочинъ, яко и для росходу по дѣлу зачинаючомсь з соперниками, из чего повиненъ дать записный росходъ обстоятелный.

Тогожъ числа взялъ я, Янушкевичъ (бывшій черниговскій полковой писарь Иванъ Я., приходившійся какимъ-то свойственникомъ Ивану Стрыевскому и Товстолѣсамъ; весь документъ писанъ его рукой) 2 рубля для отдачи священнику замковому отцу Корогодскому для поминовенія».

Съ подлинниковъ

Сообщ. **В. Модзалевскій.**

О расширеніи предѣловъ Переяславской епархіи въ 1756 и 1757 годахъ. Въ началѣ 1756 г. протопопъ крѣпости св. Елисаветы Іоаннъ Орловскій обратился въ св. Синодъ съ ходатайствомъ о причисленіи церквей крѣпости и близлежащихъ 23 новонаселенныхъ козачьихъ слободъ къ кіевской епархіи, въ виду того, что эти приходы не были еще причислены ни къ какой епархіи. 26 іюня 1756 г. Синодъ постановилъ: приходы крѣпости св. Елисаветы и близлежащихъ 23 козачьихъ слободъ, недавно населенныхъ малороссійскими выходцами и состоявшихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Сената, причислить въ церковномъ отношеніи къ переяславской епархіи, такъ какъ эта епархія ближе лежитъ къ крѣпости и слободамъ, чѣмъ кіевская;

изъ приходовъ этихъ образовать особый, въ зависимости отъ епархіальной власти переяславской, церковно-административный округъ съ духовнымъ правленіемъ, правителемъ («заказчикомъ») котораго назначить протопопа Орловскаго. 4 іюля объ этомъ посланы были указы—въ Кіевъ, Переяславъ и крѣпость св. Елисаветы. Но, получивъ этотъ указъ, переяславская епархіальная власть, пользуясь болѣзнью кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, стала «привлекать» въ подчиненіе себѣ и сосѣдніе съ новопріобрѣтенными приходы, которые, «издревле» причисляясь къ кіевской епархіи, образовывали особую протопопію этой епархіи,—Крыловскую, только что, въ 1756 г., раздѣленную на двѣ—Крыловскую и Новомиргородскую. Болѣзнь кіевскаго владыки и близость Переяслава посодѣйствовали тому, что духовенство Крыловской и Новомиргородской протопопій охотно поддалось—въ началѣ 1757 года—«привлеченію» себя въ переяславскую епархію.

Однако кіевская консисторія не захотѣла примириться съ этимъ «ненадлежнымъ» положеніемъ вещей и 16 мая 1757 г. подала въ Синодъ жалобу на незаконныя дѣйствія переяславской епархіальной власти. По разсмотрѣнію дѣла, Синодъ 27 августа 1757 года опредѣлилъ: протопопіи Крыловскую и Новомиргородскую, дотолѣ числившіяся въ кіевской епархіи, «изъ кіевской, яко во оной і без тѣхъ протопопей доволное число црквей состоитъ, изключить» и причислить ихъ, принимая во вниманіе близость разстоянія, къ переяславской епархіи. Объ этомъ перечисленіи протопопій изъ одной епархіи въ другую посланы были 9 сентября указы, полученные на мѣстахъ въ октябрѣ. (См. дѣло архива св. Синода 1756 г., № 61).

Такъ произошло, въ два пріема, причисленіе приходовъ Новой Сербіи къ Переяславской епархіи—въ 1756 и 1757 годахъ, о которомъ сплошь и рядомъ въ печати встрѣчаются неточныя свѣдѣнія; именно утверждается: или 1) въ 1756 г. къ переяславской еп. были причислены двѣ протопопіи кіевской еп., или 2) въ 1756 г. къ переяславск. еп. приписаны слободы новопоселенныхъ сербовъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ видимъ, было не одно, а *два* причисленія: во-первыхъ, въ 1756 г. къ переяславской еп. былъ приписанъ одинъ церковно-административный округъ, новонаселенный малороссами-переселенцами; во-вторыхъ, въ 1757 г. изъ кіевской епархіи въ переяславскую перечислены были двѣ протопопіи (еще два

церковно-административныхъ округа), въ которыхъ жили преимущественно заграничные выходцы—сербы и молдавано-влахи.

Въ обоихъ случаяхъ расширеніе предѣловъ переяславской епархіи было дѣломъ вполнѣ оффиціальнымъ—совершилось силою синодскихъ указовъ, хотя и не противъ воли населенія.

Вл. П.

Древнѣйшее малорусское причитаніе. Украинскія похоронныя причитанія—плачи́, тужиння, голосиння,—связанныя съ древнимъ обычаемъ оплакивать умершаго, представляютъ въ этнографической литературѣ уже большое количество поэтическихъ, проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ образцовъ. Точная запись ихъ началась съ А. Метлинскаго (Народн. южнорусск. пѣсни, 1854 г.); раньше А. Терещенко въ своемъ сочиненіи «Бытъ русскаго народа» (1848 г.) приводилъ образецъ украинскаго причитанія, но въ русскомъ изложеніи. Самое же древнее причитаніе (по мѣстности принадлежащее Галиціи, а, можетъ быть, Волыни) относится къ XVI вѣку, и украинская этнографія можетъ гордиться столь древнимъ памятникомъ народнаго творчества, хотя и дошедшаго до насъ въ обработкѣ польско-латинскаго поэта. Я говорю о причитаніи, находящемся въ поэмѣ «Roxolania» Себастіана-Фабіана Клёновича-Acernus'а какъ онъ называлъ себя (отъ acer—кленъ; р. 1545 г.—ум. 1602 г.). Какъ самая поэма, такъ тѣмъ болѣе включенный въ нее памятникъ народной поэзіи мало кому знакомы, и не будетъ лишнимъ привести его здѣсь и посвятить ему нѣсколько строкъ. Насколько мнѣ извѣстно, въ русской литературѣ лишь въ книгѣ покойнаго проф. Кіев. унив. А. Котляревскаго «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ» приводится часть даннаго причитанія. Самой же поэмѣ «Roxolania» и ея автору посвящена статья А. Стороженка «Польско-латинскій поэтъ Севастіанъ-Фабіанъ Кленовичъ» (Кіевск. Унив. Из. 1881 г.). Тамъ же находится неполный переводъ относящагося къ причитанію мѣста поэмы. Прежде чѣмъ привести названное причитаніе, укажу на необходимую для пониманія его характеристику всей поэмы Кленовича, принадлежащую А. Стороженку.—«Roxolania»—говоритъ онъ—самое интересное для насъ изъ всѣхъ сочиненій Кленовича. Оно—настоящій кладъ для занимающагося южнорусской стариной. Въ сущности это не что иное, какъ записки о Червонной или Галицкой Руси археолога и этнографа

XVI вѣка въ родѣ современныхъ намъ записокъ о Южной Руси П. Кулиша. Къ сожалѣнію превосходный и драгоцѣнный матеріалъ загроможденъ напыщенными фразами классической учености [1]). Если бы всѣ свѣдѣнія, заключающіяся въ поэмѣ Кленовича, изложены были проще, безъ приторныхъ и ненужныхъ риторическихъ прикрасъ и съ удержаніемъ большого числа терминовъ народной рѣчи, они получили бы еще большее значеніе; но, впрочемъ, нужно признать, что и въ своей теперешней формѣ они незамѣнимы».

Привожу текстъ причитанія съ сохраненіемъ правописанія имѣвшагося у меня изданія поэмы (Roxolania Sebastiani (Sulmyrcensis) Acerni, civis Lublinensis. Cracoviae, Typis Andreae Petricovij. Anno Domini, M. D. LXXXIIII).

Restat Russicos in funere dicere fletus,
Exequiasue solent quo celebrare modo.
Cum volat exanimi postremus anhelitus ore,
Vitalis linquit frigida membra calor.
Mox anus ingeminat doctas mercede querelas,
Nonque suum deflet foemina iussa virum.
Venales lachrymas invitis torquet ocellis,
Et querulos luctus anxia fingit anus.
Conductis pretio resonat singultibus aether,
Ex oculis emptae progrediuntur aquae.
Et lamentratrix lugubria carmina miscens,
Exprimit in fletu talia verba suo.
Heu moreris coniux, moreris fidissime coniux,
Ibis in aeternas non rediture domos.
Cui viduata domus parebit? Cui me proles?
Qui pingues agros te moriente colet?
Qui pecudes pascet? qui promet stipite mella?
Quis calathos plectet caseolisque meis?
Miror cur moriare amens, quasi plurima desint,
Non te viventem prestit acerba fames.
Commoda fert hortus, fert commoda plurima campus,
Multa reposta tibi sunt alimenta domi.

[1]) См., напр., въ причитаніи „capitolinus anser“ въ устахъ простой крестьянки. В. Д.

Sunt matura operi, bis septem colla juvencum.
Sunt quinquaginta libera colla jugo.
Ad mulctram veniunt viginti vespere vaccae,
Et totidem medio corpora lecta die.
Sus quoque dependet tugurri de parte suprema,
Est in fiscelis caseus esse meis.
Parturit exercens crebras gallina querellas,
Edit stramineis ova relicta toris.
Et capitolinus tacite mihi parturit anser,
Occultat nido callidus ova suo
Dulces exercent apiaria nostra susurros,
Truncus habet flavas ventre cavatus opes
Heu moreris coniux, moreris fidissime coniux,
Ibis in aeternas non redituré domos.
Cui mea colla viro cedent stringenda lacertis?
Cuius in amplexus ibo relicta viri?
Certe ego perpetuos producam te sine luctus,
Nil erit o coniux te sine dulce mihi
Ferreus, heu miserae, clausit tua lumina somnus,
Verba tibi infoelix non valitura loquor.
Jamque vale longum sommo requiesce perenni,
Surdus es in voces ferreus ipse meas.
Haec lamentratrix tumulo prostrata sepulti,
Hoc repetit lachrymas verba subinde modo.

Переводъ. Остается сказать о русскихъ плачахъ при погребеніи, съ которыми русскіе обыкновенно провожаютъ тѣло покойника. Когда послѣдній вздохъ вылетаетъ изъ бездыханныхъ устъ, и жизненная теплота оставляетъ холодные члены, тотчасъ за плату старуха заводитъ заученныя причитанія, и такъ по заказу женщина оплакиваетъ не своего мужа. Продажныя слезы противъ воли выжимаетъ она изъ глазъ. Печальная старуха измышляетъ скорбныя жалобы. Нанятыми за деньги рыданіями она оглашаетъ воздухъ, и на глазахъ выступаетъ купленная влага. Плакальщица, придумывая жалобные стихи, выговариваетъ среди своего плача такія слова: «Увы! ты умеръ, супругъ, умеръ, самый вѣрный супругъ. Ты пойдешь въ вѣчныя обители, обреченный не возвращаться домой. Кому будетъ повиноваться осиротѣлый домъ? Кому будетъ повиноваться мое потомство? Кто будетъ воз-

дѣлывать послѣ твоей смерти тучныя поля? Кто будетъ пасти скотъ? Кто будетъ добывать медъ изъ улья? И кто будетъ плести корзины для моихъ сыровъ? Я удивляюсь, чего ты, безумный, умеръ, какъ будто тебѣ не доставало многаго! Лютый голодъ не угнеталъ тебя при жизни. Прибыль приноситъ садъ, много выгодъ даетъ поле; много пищи у тебя запасено дома. У тебя семь паръ бычковъ, годныхъ въ работу, пятьдесятъ головъ скота для запряжки въ ярмо. Къ подойникамъ идутъ вечеромъ двадцать коровъ, и столько же отборныхъ коровъ доится въ полдень. На стропилѣ въ коморѣ виситъ свинная туша; въ моихъ плетенкахъ находится сыръ. Курица кладетъ яйца, постоянно кудахтая; кладетъ она яйца, оставляя ихъ на соломенной подстилкѣ. Молча несется у меня капитолійская гуска,—она, хитрая, прячетъ яйца въ въ своемъ гнѣздѣ. На нашихъ пчельникахъ раздается пріятное жужжанье; улей хранитъ внутри золотистыя соты. Увы, ты умеръ, супругъ, умеръ, самый вѣрный супругъ; ты пойдешь въ вѣчныя обители, обреченный не возвращаться домой. Къ какому мужу пойду я, чтобъ онъ сжалъ руками мою шею? Въ чьи объятья брошусь я, покинутая? Вѣрно, безъ тебя я вѣчно буду скорбѣть, безъ тебя, о супругъ, нѣтъ ничего для меня пріятнаго. Желѣзный сонъ—увы мнѣ несчастной!—сомкнулъ твои очи. Я, несчастная, говорю тебѣ слова, ничего для тебя не значащія. Такъ уже прощай надолго, покойся вѣчнымъ сномъ. Ты глухъ къ моимъ воплямъ, самъ ты желѣзный!—Плакальщица, простершись надъ могилою покойника, такимъ образомъ плачетъ и тотчасъ причитываетъ.

Если теперь мы сравнимъ современныя украинскія причитанія жены по мужѣ съ причитаніемъ Кленовича, мы найдемъ много общаго между ними даже въ деталяхъ. Для образца привожу нѣсколько отрывковъ.

Хазяину мій мылый,
Що мени теперъ безъ тебе робыты?
До кого мени головочку прыхылыты,
Кому мени своихъ дитокъ оддаты,
Хто ихъ буде годуваты?..
Хазяину мій мылый, хазяину мій любый,
Скажы мени хочъ одно словечко,
Якъ мени зъ диткамы горюваты,
Якъ мени ихъ до розуму доводыты?

Якъ мени зъ ными роспоряжатысь?..[1])
Хазяинъ мій мылый,
Хазяинъ мій любый,
Чого жъ ты не хочешъ у сій хати жыть?..[2])
Ой мій муженекъ, мій ридненькый,
Та на що ты мене саму
Покынувъ одну?
Чы я тебе не любыла?
Чы у насъ тоби жыть не понравылось,
Чы мы тебе не годувалы и не одягалы?..[3])
Мій чоловиче, моя й дружыно
На кого жъ ты мене кыдаешъ?
Та кому ты свое хазяйство вручаешъ?..
Хазяину мій, дружыно моя,
Скажы мени, якъ жыть на билому свити безъ тебе?..
Осталыся мои плугы, мои волы?..
Скажы жъ мени, кого жъ мени просыты,
Да кого жъ мени зваты,
Щобъ у поле йихаты ораты?..[4])
Мій чоловиче, мій дружыне,
На що жъ ты мене покыдаешъ,
На що сыротышъ?
Не такъ ты мене сыротышъ,
Якъ дитокъ своихъ ридныхъ...
Мій чоловиче, мій хазяинъ,
Хто мени намолоте, хто й намеле?..
Що ты день и ничъ не спавъ,
А все хазяйнувавъ и прыдбавъ...
Що ты насивавъ, насивавъ,
Прыдбававъ, прыдбававъ,
А никому й прыбраты...
Прощай, чоловиче, прощай, дружыне!
Що я тебе пытала, що я тебе просыла,

---

[1]) Запись Ю. В. Федорцевой.
[2]) Этногр. Об. 1898 г. Малинка.
[3]) Милорадовичъ. Нар. обр. и пѣсни Луб. у.
[4]) Р. Фил. Вѣс. 84 г. Брайловскій.

А ты мени ничого не розсказавъ, не ростовкувавъ;
Що ты, якъ жывъ бувъ, то до мене говорывъ,
А теперъ що я до тебе говорыла и тебе просыла,
А ты и не озвався [1]).

При сопоставленіи этихъ отрывковъ съ причитаніемъ Кленовича нельзя не видѣть въ нихъ общаго характера лирическихъ обращеній и вопросовъ и не признать за причитаніемъ Кленовича значительной близости къ народнымъ произведеніямъ того же вида, хотя, съ другой стороны, ясно, что Кленовичъ имѣвшіяся у него или слышанныя имъ причитанія также значительно амплифицировалъ.

Владиміръ Даниловъ.

Православные sui generis. Въ напечатанной у насъ перепискѣ М. А. Максимовича съ П. Г. Лебединцевымъ (см. №№ 9—12) находится одно мѣсто, которое представляется какимъ-то страннымъ, такъ какъ сразу и не догадаешься, въ чемъ тутъ дѣло. Вотъ это мѣсто.

Максимовичъ въ письмѣ своемъ отъ 3 іюля 1865 года извѣщаетъ Лебединцева, что онъ прочелъ 12-й номеръ «Кіевскихъ Епархіал. Вѣдомостей» (редактировавшихся тогда Лебединцевымъ), «въ которомъ особенно понравилась мнѣ замѣтка о дорожныхъ крестахъ». Въ одномъ изъ отвѣтныхъ своихъ писемъ (11 окт. 1865 г.) Лебединцевъ замѣчаетъ по этому поводу: «за статью о крестахъ и стриженыхъ макушкахъ прозвали меня и латинникомъ, и уніатомъ или, по крайней мѣрѣ, сыномъ уніатскаго священника. Одинъ господинъ прислалъ даже ругательное по сему случаю письмо на меня—безъименное—въ двухъ экземплярахъ: одинъ Крамареву (каѳедральному протоіерею Софійск. собора), другой—мнѣ. Какихъ дураковъ нѣтъ на свѣтѣ! Мѣриломъ православія берутъ не исторію церкви, а status quo Великороссіи, и все отличное отъ великороссійскихъ обычаевъ въ южнорусской церкви клеймятъ титломъ католическаго» (См. № 9, стр. 398). Въ письмѣ Лебединцева отъ 16 яв. 1866 года встрѣчаемъ еще нѣсколько словъ, относящихся къ этому-же вопросу. Максимовичъ, услышавшій, что появилась книжка о *придорожныхъ крестахъ*, спраши-

---

[1]) Этн. Об. 98 г. Малинка.

валъ Лебединцева о ней, въ отвѣтъ на что Лебединцевъ написалъ: «О придорожныхъ крестахъ написалъ Малышевскій; вещь зѣло добрая въ обличеніе желавшихъ заводить на югѣ Россіи *нижегородское православіе»*. Какой былъ поводъ для этихъ всѣхъ строкъ въ письмахъ Лебединцева. мы узнаемъ изъ найденнаго нами письма къ нему, писаннаго въ 1865 году въ Житомірѣ тремя лицами, имена которыхъ не интересны для опубликованія, но каждый изъ нихъ характеризуетъ себя прибавленіемъ къ фамиліи справки, откуда онъ родомъ;—одинъ изъ Калуги, другой—изъ Нижняго-Новгорода. третій—изъ Воронежа. Какъ сей тріумвиратъ очутился въ Житомірѣ, догадаться не трудно, вспомнивши, что въ тѣ годы много было охотниковъ примоститься къ хлѣбному мѣстечку въ юго-западномъ краѣ для охраны его отъ полонизма и католичества. И вотъ въ невиннѣйшей статейкѣ о дорожныхъ крестахъ эти охранители усмотрѣли своего рода интригу даже со стороны *православнѣйшаго* П. Г. Лебединцева и закричали чуть не caveant consules! Для характеристики тѣхъ годовъ въ нашемъ краѣ это настолько любопытный документъ, что мы печатаемъ это письмо цѣликомъ, не увѣковѣчивая только для потомства именъ сихъ достославныхъ мужей.

В. Н.

Милостивый Государь.

Пріѣхавъ въ г. Житоміръ по своимъ дѣламъ, мы нечаянно наткнулись на издаваемыя Вами Епархіальныя Вѣдомости №№ 11-й и 12-й. Признаемся, читая ихъ, мы не вѣрили своимъ глазамъ.—Пусть бы тать пропоганды нашла уже путь, подъ разными видами и родами, въ нашу свѣтск. русскую литературу, но намъ и въ голову никогда не приходило, чтобы она нашла доступъ и въ духовенствомъ издаваемый журналъ. Ваши статьи въ защиту польскаго звона и польскихъ фигуръ такъ и дышатъ тѣмъ іезуитскимъ духомъ, который, прикрывая свои богомерзкія цѣли, ищетъ себѣ защиты будто-бы въ изысканіяхъ иностранной древности, желая отдѣлить обычаи этого края отъ православныхъ обычаевъ остальной Россіи. Неужели Вы не поняли, что пришло, наконецъ, намъ время бросить эти уніатскія привычки и брать примѣръ не съ древности привитой сюда чуждою намъ религіею и народностію, а съ обычаевъ остальной Россіи, которая также, благодареніе Богу, просуществовала 1000 лѣтъ, а, слѣдовательно, и обычаи ее также не очень новы. Къ чему намъ поддерживать обы-

чаи, усвоенные Польшею, когда мы и внутренно и наружно должны поскорѣе стараться примкнуть къ нашей матери Православной Россіи,—это наша первая и самая священная обязанность и тѣмъ болѣе эта обязанность должна быть священнѣе со стороны здѣшняго духовенства, еще такъ недавно возвращеннаго въ лоно Православной Церкви. Дѣйствовать такъ, какъ Вы,—это доказывать Правительству, что изъ уніата, Вы здѣлались Православнымъ Священикомъ только по наружности, внутренно же Вамъ все жаль за свой прежній звонъ и за Ваши фигуры католическаго характера, потому, что это рѣшительно не изображеніе Православною Русскою Церковію принятое Св. Креста. Отъ чего, наконецъ, Вы повѣрили тому что, напечатано въ 49-мъ номерѣ «Дня» неизвѣстнымъ авторомъ, что нѣкоторые чины будьто-бы рубили—уничтожали на Волынѣ кресты и не повѣрили открытому заявленію духовенства въ томъ же «Днѣ» № 7 этаго года, что это ложъ и что духовенство само способствовало даже, конечно не къ рубленію крестовъ, которое существовало только въ воображеніи клеветниковъ іезуитско-хохломанскихъ,—а къ снесенію ихъ на болѣе приличествующее мѣсто по православному Русскому обычаю, а именно на кладбища. Отъ чего же нашъ Высокопреосвященный Антоній также сочувственно и даже съ благодарностію отозвался къ искорененію этаго польско-уніатскаго обычая, обращеннаго даже въ последнѣе время въ кощунство самими же поляками. Думаете ли Вы, что и Митрополитъ Кіевскій Арсеній, Іерархъ уважаемый всею Россіею, поблагодаритъ Васъ за эти статьи возвратясь изъ С.-Петербурга?

Пріобщатся и исповѣдыватся, безъ предварительнаго говенья, во всякое данное время, есть тоже здѣшній обычай, оставшійся у простаго народа отъ уніатизма. Что жъ, напишитѣ и про этотъ обычай, что и въ древности дѣлали христіанѣ тоже самое, а потому и обязанность приступать къ этому величайшему Священному таинству, безъ предварительнаго приготовленія, какъ это дѣлается въ остальной Россіи, не есть особенная необходимость для жителей здѣшняго края, а можно, и даже, кажется, по Вашему лучше, и говѣть и звонить поуніатски и ставить польскіе фигуры.. Да не лучше ли ужъ надѣть и прежднія іезуитскія ризы, да завести и органы въ церквахъ, ведь Бога восхвалять дозволяется древностію не только на органахъ, но и на гусляхъ..

Духовенство Волынское отрѣклось отъ обычая ставить кресты-фигуры, въ ущербъ даже своимъ матеріальнымъ выгодамъ; ужъ не защищаетѣ ли Вы этотъ обычай въ угоду *своихъ* выгодъ?

Вашъ покорный слуга С......,—изъ Калуги—Кіевскому уніату въ православіи г. Лебединцеву. 1865 г. 28 іюня г. Житоміръ.

NB. Вообще, какъ я замѣтилъ, Ваши историческія розысканія о древнихъ обычаяхъ Церкви, основываются на весьма фундаментальныхъ данныхъ—это «вѣроятно» «говорятъ» и т. д. Обрѣйте и Вы себѣ макушку и оставтѣ только вокругъ ея не много короткихъ волосъ, какъ совѣтуетѣ рисовать св. православныхъ,—это будетъ признакомъ терноваго вѣнка Вашимъ незбыточнымъ уніатскимъ мечтаніямъ, «вѣроятно» постепенное уничтоженіе которыхъ, все-таки послѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ не смотря на желаніе Ваше примѣнятся не къ обычаямъ Православной Россіи, а къ безплоднымъ изысканіямъ Польскихъ продѣлокъ и даже въ самой греціи, гдѣ Вы сами же говоритѣ, что были же такіе несчастные Императоры, которые тоже хлопотали, какъ и Вы, объ уніи.

Ежели Вы поступитѣ въ монахи и будитѣ носить свитку какъ носилъ «говорятъ» Ѳеодосій, то все таки Ваши іезуитски-хохломанскія продѣлки не повѣдутъ къ желаемому Вами результату, кромѣ позора, въ лице Вашемъ, Православнаго Духовенства.

Л........,—изъ Нижняго-Новгорода.

Г. редактору Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей съ уніатскимъ звономъ, съ польскими фигурами, но безъ иконостаса въ Православныхъ Церквахъ и безъ волосъ на макушкѣ какъ у древнихъ уніатскихъ Святыхъ.

1865 г. 29 іюня г. Житоміръ.

NB. Настоящее письмо наше, просимъ мы всѣ русскіе Л........ и С........ напечатать въ уважаемой Вашей газетѣ всѣми хохломанами, уніатами и даже поляками.

Не ужели и послѣ этого Васъ еще оставятъ редакторомъ, чтобы продолжать проводить идею Вашей уніи съ уніею и сеператизма съ остальною Россіею?

Л..... изъ Воронежа, г. редактору-хохломану Лебединцеву.

Текущія извѣстія.

Докладъ объ измѣненіи правилъ по изданію и распространенію народныхъ популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ. Въ общемъ собраніи членовъ Кіевскаго Общества Грамотности, состоявшемся 27 октября текущаго года, утвержденъ былъ слѣдующій докладъ совѣта Общества о необходимости ходатайствовать въ подлежащихъ вѣдомствахъ объ измѣненіи существующихъ правилъ по изданію и распространенію народно-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ.

—

Вопросъ, который Совѣтъ предлагаетъ для обсужденія Общему Собранію не новъ. О расширеніи правъ малорусскаго печатнаго слова неоднократно возбуждались ходатайства уѣздными и губернскими земскими собраніями, сельско-хозяйственными комитетами, различными съѣздами, обществами грамотности и пр. Такъ, по докладамъ гласнаго г. Шрага и Борзенскаго уѣзднаго земства, Черниговское Губернское земское собраніе постановило (въ 1900 г.) ходатайствовать, между прочимъ, объ отмѣнѣ стѣсненій для изданія книгъ педагогическаго, научно-популярнаго и художественнаго характера на малорусскомъ языкѣ и о допущеніи таковыхъ книгъ въ школьныя и сельскія библіотеки-читальни на общихъ основаніяхъ. Вопросъ о языкѣ возникалъ въ Черниговскомъ губ. земскомъ собраніи еще въ слѣдующихъ случаяхъ.

Съѣздъ земскихъ врачей и представителей земствъ черниг. губ. высказался за необходимость изданія популярныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ на мѣстномъ народномъ языкѣ и о разрѣшеніи бесѣдъ съ народомъ по медицинѣ и гигіенѣ на томъ же языкѣ; по распоряженію губ. зем. собранія 25 января 1898 г. было возбуждено ходатайство объ измѣненіи всѣхъ распоряженій, стѣсняющихъ устныя публичныя бесѣды врачей съ народомъ, а также о дозволеніи такихъ бесѣдъ и чтеній на мѣстномъ языкѣ, съ цѣлью проведенія въ народъ здравыхъ понятій о сифилисѣ.

2 февраля 1898 г. губ. зем. собраніемъ возбуждено ходатайство о включеніи рекомендованныхъ комиссіей по народному образованію книгъ въ списокъ разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній и для сель-

скихъ библіотекъ; въ числѣ рекомендованныхъ книгъ много малорусскихъ.

Въ экономическомъ совѣтѣ губ. земства вопросъ о малорусскомъ языкѣ возникъ по поводу доклада Г. Н. Волка-Карачевскаго о мѣрахъ къ поднятію и развитію сельско-хозяйственной промышленности; въ ряду мѣръ, предложенныхъ докладчикомъ и принятыхъ совѣтомъ, совѣтъ призналъ желательнымъ распространеніе брошюръ и др. изданій по сельскому хозяйству на мѣстныхъ народныхъ языкахъ [1]).

Въ 1901 г. *Полтавскому* губернскому земству гласнымъ В. Н. Леонтовичемъ представленъ былъ подробно разработанный докладъ, въ которомъ были высказаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія пожеланія: «малорусскія книги должны быть допущены какъ вспомогательный, развивательный матеріалъ, въ школьныя и народныя библіотеки, при чемъ, въ виду мѣста, занимаемаго Священнымъ Писаніемъ въ дѣлѣ народнаго развитія, необходимо возбудить ходатайство: о разрѣшеніи изданія Св. Писанія на малорусскомъ языкѣ, такъ какъ для распространенія знаній среди народа путемъ внѣшкольнаго чтенія лучшимъ средствомъ можетъ служить популярная литература на малорусскомъ языкѣ, то является необходимымъ возбудить ходатайство объ устраненіи существующихъ по отношенію къ ней спеціальныхъ ограниченій и о сравненіи малорусской литературы въ цензурномъ отношеніи съ литературою русскою» [2]).

Разработкѣ вопросовъ, касающихся насущныхъ нуждъ населенія, много времени и труда посвятили сельскохозяйственные комитеты. Въ 14 изъ нихъ, насколько это намъ извѣстно, поднимался вопросъ о народномъ языкѣ, вездѣ встрѣчая полное вниманіе къ себѣ и сочувствіе: комитеты въ той или иной формѣ высказались въ пользу свободы національной рѣчи. Такъ, напр., *Полтавскій и Хотинскій* уѣздные комитеты признали необходимость допущенія въ народныя библіотеки и читальни книгъ на родномъ для населенія малорусскомъ языкѣ, особенно ощутительную при популяризаціи среди населенія прикладныхъ знаній, гдѣ требуется вполнѣ отчетливое усвоеніе; *Хорольскій уѣздн. комитетъ* высказался за необходимость свободно печатать и издавать книги, брошюры, руководства и объявленія спеціально агрономическаго

---

[1]) См. „Южныя Записки" 1904 г. № 12. Статья *Черниговца* 4—5 стр.

[2]) См. Южныя Записки 1904 г., № 25. Ст. *Черниговца* 4-5 стр.

и промысловаго содержанія на народномъ малорусскомъ языкѣ; *Новомосковскій и Ананьевскій*—за допущеніе періодическихъ изданій на этомъ языкѣ. А *Лохвицкій уѣздн. ком.* по интересующему насъ вопросу постановилъ ходатайствовать, *чтобы права малорусскаго языка были уравнены съ русскимъ въ томъ смыслѣ, чтобы при разрѣшеніи къ печати книгъ и періодическихъ изданій на малорусскомъ языкѣ принималось во вниманіе ихъ содержаніе, а не языкъ* [1]). Не менѣе важны для насъ и мнѣнія, высказанныя по вопросу о народномъ языкѣ различными съѣздами, на которые собираются представители самыхъ разнообразныхъ идей, стремленій и направленій. *Агрономическій* съѣздъ, собиравшійся въ Москвѣ (въ 1901 г.) постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи издавать книги и сельско-хозяйственную газету на малорусскомъ языкѣ. *Кустарный* съѣздъ, бывшій въ Полтавѣ въ томъ же году, высказался за необходимость изданія книгъ и руководствъ для кустарей на малорусскомъ языкѣ. *Петербургскій* кустарный съѣздъ, состоявшійся въ мартѣ 1902 г. призналъ необходимымъ, согласно предложенію Н. В. Левитскаго, составленіе для кустарей руководствъ на инородческихъ и мѣстныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ по отдѣльнымъ отраслямъ кустарнаго производства.

Въ послѣднее время Харьковскимъ обществомъ грамотности возбуждено ходатайство о разрѣшеніи издавать популярно-научныя книги на малорусскомъ яз. и о допущеніи этихъ книгъ въ народныя библіотеки и читальни.

Помимо того, на страницахъ ежедневныхъ и періодическихъ изданій неоднократно различными авторами въ той или иной формѣ поднимался вопросъ о крайней нуждѣ украинскаго народа въ доступной для него по языку научно-популярной книгѣ.

Основанія, на которыя опираются всѣ вышеуказанныя ходатайства, въ общемъ сводятся къ слѣдующему. Малороссійскій языкъ—родной и общеупотребительный языкъ малорусскаго крестьянина, вслѣдствіе чего книга, написанная на малорусскомъ языкѣ, есть наиболѣе понятный способъ популяризаціи полезныхъ знаній среди простого украинскаго народа. Русскій языкъ мало распространенъ въ украинской деревнѣ; книга, написанная на русскомъ языкѣ, въ значительной степени недоступна для пониманія малорусскихъ крестьянъ не только

---

[1]) См. „Южн. Зап." 1904, № 25 ст. *Черниговца* 5—7 стр.

по своему лексическому матеріалу, но и по синтаксическому складу рѣчи, и это необходимо сказать въ особенности о научно-популярной книгѣ. Въ народномъ языкѣ нашли свое выраженіе особенности мѣстнаго сельско-хозяйственнаго быта, на немъ созданы термины для названій сельско-хозяйственныхъ работъ и всѣхъ вообще явленій промышленной жизни; мѣстный народный языкъ и земледѣлецъ неотдѣлимы. При исключительномъ господствѣ въ книгѣ русскаго литературнаго языка возникаетъ неуваженіе къ народному языку и къ самому поселянину, говорящему на этомъ языкѣ.

Не имѣя вполнѣ доступной по языку книги для домашняго чтенія, малорусскій крестьянинъ, научившись грамотѣ, постепенно теряетъ охоту къ чтенію, у него ослабѣваетъ жажда знанія, вслѣдствіе чего такъ часты въ украинской деревнѣ случаи рецидивизма безграмотности. Статистически провѣренъ тотъ фактъ, что наименьшій процентъ рецидивизма безграмотности замѣчается среди новобранцевъ московскаго округа, и наибольшій въ кіевскомъ военномъ округѣ. Любопытенъ также и тотъ фактъ, что въ губерніяхъ малороссійскихъ открыто по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ сходовъ гораздо меньше библіотекъ, читаленъ и другихъ самообразовательныхъ учрежденій, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ [1]), фактъ, свидѣтельствующій о томъ, насколько слабо поддерживается и питается у малорусскаго населенія жажда къ знанію и любовь къ чтенію и самообразованію, безъ которыхъ положительно невозможно дальнѣйшее духовное и экономическое развитіе крестьянина.

Всѣ ходатайства о правахъ народнаго языка, возбуждаемыя при томъ цѣлыми учрежденіями, близко знающими нужды народа, свидѣтельствуютъ о томъ, что вопросъ о расширеніи правъ малорусскаго языка въ печати, есть жгучій вопросъ и что необходимость такого расширенія вполнѣ сознана нашимъ обществомъ.

Между тѣмъ руководящія сферы относились и продолжаютъ относиться съ очевиднымъ предубѣжденіемъ ко всякой вообще малорусской книгѣ, а къ научно-популярной въ особенности. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что представляемыя для цензурнаго разрѣшенія малорусскія научно-популярныя брошюры, ничего предосудительнаго въ себѣ не заключающія, обыкновенно не дозволяются къ печати; лишь

---

[1]) См. „Южныя Записки“ № 25 ст. *Черниговца* 7 стр.

для весьма немногихъ брошюръ удается получить разрѣшеніе и то при томъ только условіи, если ихъ изложенію придана беллетристическая форма. Мы могли бы привести здѣсь длинный перечень научно-популярныхъ брошюръ, представленныхъ различными авторами въ цензуру и неразрѣшенныхъ для напечатанія вслѣдствіе того, что онѣ написаны по-малорусски. Для примѣра назовемъ одобренную особой комиссіей изъ спеціалистовъ при «Петербургскомъ Благотворительномъ Обществѣ» рукопись г. Задёры: «Якъ годуваты малыхъ дитей», которая была представлена «Обществомъ» въ цензуру и этой послѣдней не разрѣшена къ печати. Случается иногда, что дозволенная и уже бывшая въ печати рукопись не разрѣшается для вторичнаго изданія. Такъ запрещена, напр., брошюра «Де-що про свитъ Божый» и запрещена, очевидно, за языкъ, потому что раньше въ переводѣ на русскій языкъ она безпрепятственно разрѣшается къ изданію (подъ заголовкомъ «Божій свѣтъ» вышла уже едва ли не десятымъ изданіемъ).

Отношеніе руководящихъ сферъ къ украинской книгѣ яснѣе всего сказалось въ изданіи закона 1876 г., которымъ воспрещено печатаніе и изданіе оригинальныхъ произведеній и переводовъ на малорусскомъ языкѣ за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и б) произведеній изящной словесности. На основаніи этого закона запрещаются всѣ книги характера научно-популярнаго, педагогическаго и утилитарнаго. Равнымъ образомъ отклоняются всѣ ходатайства объ изданіи періодическаго органа на малорусскомъ языкѣ. Сверхъ того, изданныя при такихъ ненормальныхъ условіяхъ книги на малорусскомъ языкѣ, какъ научно-популярнаго, такъ и беллетристическаго содержанія, не допускаются подлежащими вѣдомствами въ школьныя сельскія и общественныя библіотеки. Всѣ ходатайства въ такомъ родѣ обыкновенно признаются не подлежащими удовлетворенію; только М. З. и Г. И. нашло возможнымъ допустить въ свои училища нѣкоторыя изъ изданныхъ «Петербургскимъ Благотворительнымъ Обществомъ» научно-популярныхъ брошюръ.

Признавая, что пользованіе народнымъ языкомъ есть наиболѣе цѣлесообразная мѣра для проведенія въ народъ наибольшей суммы знаній и для пробужденія въ народѣ жажды къ знанію, любви къ чтенію и самообразованію, Совѣтъ Общества предлагаетъ Общему Собранію обсудивъ этотъ вопросъ, обратиться съ заявленіемъ отъ имени К. Общ. Грамотности въ подлежащія вѣдомства о необходимости: а) устранить препятствія, затрудняющія разрѣшеніе къ печати науч-

но-популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, т. е. отмѣнить законъ 1876 года и б) устранить тѣ препятствія, въ силу которыхъ изданныя книги на малорусскомъ языкѣ не допускаются въ училищныя, сельскія и безплатныя библіотеки-читальни.

Ходатайства объ изданіи газеты и журналовъ на украинскомъ языкѣ. «Русскій Врачъ» сообщаетъ, что нѣсколько земскихъ врачей южныхъ губерній возбуждаютъ ходатайство объ изданіи народной медицинской газеты на малороссійскомъ языкѣ.

Въ Россіи, какъ извѣстно, болѣе 10,000,000 населенія говорятъ по-малорусски; едва ли поэтому можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ходатайство это должно подлежать удовлетворенію, хотя бы для того понадобилось отмѣнить законъ 30-го мая 1876 года, допускающій печатаніе на малороссійскомъ языкѣ только произведеній беллетристики и историческихъ документовъ. По этому же закону до настоящаго времени воспрещалось изданіе на малороссійскомъ языкѣ общедоступныхъ брошюръ по медицинѣ и гигіенѣ.

Въ «Южн. Обозр.» (№ 2644) сообщаютъ, что въ отвѣтъ на ходатайство объ изданіи газеты «Громадянинъ» на украинскомъ языкѣ въ сл. Покровской сотрудникъ «Прив. Края» Г. Ф. Семешко получилъ отвѣтъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, что газета на «малорусскомъ нарѣчіи» не можетъ быть разрѣшена.

Къ устройству музея имени Котляревскаго. Въ «Полт. Вѣстн.» (№ 562) сообщаютъ, что Полтавской городской думой принципіально рѣшенъ вопросъ о постройкѣ при школѣ им. И. П. Котляревскаго музея, и имѣется уже нѣкоторая сумма для образованія фонда на устройство музея. Управа, озабоченная сборомъ коллекцій для этого музея, проситъ всѣхъ, кто желалъ-бы придти на помощь этому дѣлу, приносить вещи, связанныя съ памятью знаменитаго полтавца-поэта, или указать адреса лицъ, имѣющихъ такія вещи, направляя свои сообщенія и приношенія въ музей Полтавскаго губернскаго земства на имя завѣдующаго, гдѣ онѣ будутъ храниться впредь до открытія музея въ спеціальномъ помѣщеніи.

Школа имени И. П. Котляревскаго въ Одессѣ. Одесскій городской голова Зеленый обратился къ городской думѣ съ предложеніемъ открыть на предмѣстьи Дальникъ школу имени Котляревскаго. «Вся интеллигентная Россія,—говорилъ въ своей рѣчи г. Зеленый,—всегда чтила и чтитъ память выдающихся своихъ писателей—главныхъ дѣятелей просвѣтительнаго движенія. Одесса, основу которой составляетъ элементъ украинскій, обязана почтить память своего поэта, открывъ одну изъ народныхъ школъ его имени». Городская дума приняла это предложеніе Постановленіе думы уже утверждено и Министерств. Вн. Дѣлъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще одну школу имени И. П. Котляревскаго (одну рѣшено открыть въ Полтавѣ); но съ чувствомъ сожалѣнія должны прибавить, что въ школѣ им. Котляревскаго обученіе происходитъ не на томъ языкѣ, на которомъ писалъ Котляревскій; да и самыя произведенія его остаются для учащихся этой и другихъ малорусскихъ школъ недоступными.

Новые труды по исторіи Украины. Извѣстный украинскій ученый, львовскій профессоръ М. Грушевскій, подарилъ недавно нашей литературѣ два выдающихся труда: одинъ на русскомъ языкѣ, «Очеркъ исторіи украинскаго народа» (Спб., 380 стр.),—первый у насъ цѣльный очеркъ исторіи нашего народа отъ древнѣйшихъ временъ и вплоть до нашихъ дней; другой—«Істория Украіни-Руси. Том І. До початку XI віка», (во Львовѣ, 628 стр.),—значительно переработанное и дополненное второе изданіе перваго тома обширнѣйшаго труда, начатаго печатаніемъ въ 1898 году. Перваго изданія перваго тома давно уже не имѣется въ продажѣ. Въ данное время во Львовѣ приступлено къ печати V тома «Історіі Украіни-Руси», обнимающаго внутреннюю исторію литовскаго періода.

Рукопись XI вѣка. По сообщенію «С.-Петерб. Вѣдом.», въ послѣдней книжкѣ данцигскаго журнала «Numismatiker» помѣщена интересная статья г. Карла Болсуновскаго о «русскихъ монетахъ при Ярополкѣ». Въ этой статьѣ авторъ упоминаетъ объ открытіи, сдѣланномъ графомъ Бобринскимъ, президентомъ Императорской русской археологической коммиссіи, во время путешествія его по Западной Европѣ.

Открытіе графа имѣетъ большое значеніе для исторіи княжества кіевскаго XI в. Имъ найдена рукопись въ формѣ псалтиря епископа Эгберта Тріё, которая хранится въ музеѣ собора въ Цивидалѣ, недалеко отъ Тріеста и извѣстна ученымъ въ Тріё. Рукопись носитъ названіе «Codex Gertrudianus». Гертруды—супруги великаго князя Изяслава Ярославовича (1054—1078), дочери короля польскаго Болеслава I Братаго.

Рукопись эта необыкновенно цѣнна благодаря многочисленнымъ миніатюрамъ и византійскимъ рисункамъ. Кромѣ псалмовъ и различныхъ молитвъ, она содержитъ особую молитву княгини Гертруды за своего сына, Ярополка съ христіанскимъ именемъ «Петръ».

Въ псалтирѣ имѣется миніатюра, подъ которою, вмѣсто извѣстнаго въ исторіи имени Ярополка, стоитъ имя «Петръ». На миніатюрѣ, очевидно, изображены великій князь и великая княгиня въ богатыхъ византійскихъ одѣяніяхъ. По мнѣнію Геролофа, князь Ярополкъ на этой миніатюрѣ написанъ съ натуры.

Украинская художественная выставка во Львовѣ. «Товариство прихильників украінськоі літератури, науки і штуки» устраиваетъ 1 января 1905 г. выставку картинъ украинскихъ артистовъ, художественной рѣзьбы на деревѣ гуцульскихъ мастеровъ и украинскихъ старинныхъ килимовъ и плахтъ. Выдилъ Товарыства обращается къ публикѣ и артистамъ съ просьбой принять участіе въ предположенной выставкѣ. На выставку будутъ приняты: украинскія плахты, кылимы (не позже первой четверти XIX ст.), ткани на этнографической территоріи Украины, гуцульская рѣзьба и картины артистовъ украинцевъ, не считаясь съ ихъ содержаніемъ и тенденціями. Въ объемъ выставки не войдутъ предметы, имѣющіе лишь этнографическое значеніе, не художественные, и тѣ произведенія искусства, которые были уже на выставкѣ во Львовѣ. Обращаться можно къ головѣ Товариства проф. М. Грушевскому или секретарю Ивану Трушу (Львовъ, ул. Чарнецкого, 26).

Постройка новаго русинскаго театра во Львовѣ. Бюджетная коммиссія галицкаго сейма, дѣйствуя подъ вліяніемъ воцарившагося въ послѣднемъ примирительнаго настроенія, согласилась на выдачу суб-

сидіи въ 300,000 коронъ на постройку новаго русинскаго театра въ Львовѣ, который по разсчету предпринимателей, долженъ обойтись въ 900,000 коронъ. Коммиссія требуетъ при этомъ, чтобы въ составъ совѣта, вѣдающаго дѣлами новаго учрежденія, который будетъ состоять въ общемъ изъ 11 членовъ, входило 5 членовъ, назначенныхъ автономными властями. При этомъ большинство этихъ членовъ отъ правительства должно принадлежать къ русинской національности. Директоръ утверждается правительствомъ. Такимъ образомъ, постановленіе коммиссіи, обезпечивая дѣло постройки (600,000 коронъ кридитуютъ банки на амортизаціонныхъ началахъ), въ тоже время гарантируетъ ея національный характеръ и обезпечиваетъ правительству извѣстное вліяніе на новое учрежденіе. Радикальные русинскіе листки недовольны такимъ рѣшеніемъ вопроса и угрожаютъ, что русины, построивъ театръ безъ помощи сейма, будутъ сдавать таковой, во время поѣздокъ русинской труппы въ провинцію, въ аренду труппѣ... нѣмецкой!

Мицкевичъ и галицкій сеймъ. На торжествѣ открытія памятника Мицкевичу во Львовѣ присутствовалъ проживающій обыкновенно въ Парижѣ сынъ автора «Пана Тадеуша» г. Владиславъ Мицкевичъ, которому участники празднества устроили рядъ горячихъ овацій.

Галицкій сеймъ, желая почтить еще разъ память и заслуги его великаго отца, единогласно постановилъ назначить ему пожизненную почетную пенсію въ 4000 коронъ въ годъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить находчивость, съ которою поступили оппозиціонные русины. Такъ какъ они составляютъ въ сеймѣ незначительное меньшинство, то, конечно, неотложное предположеніе о назначеніи пенсіи было бы принято и безъ ихъ голосовъ. Съ другой стороны, естественно, желательно было, чтобы оно было принято единогласно. Не имѣя ничего противъ этого и сочувствуя самому проекту, но въ тоже время не желая подавать свои голоса за одно съ большинствомъ, оппозиціонные русины въ подходящій моментъ по одиночкѣ вышли изъ зала. Предложеніе прошло единогласно, а сумма 4,000 кр. внесена въ бюджетъ текущаго 1904 года.

Постановленіе сейма и отношеніе русиновъ къ данному дѣлу произвело во всѣхъ кругахъ польскаго общества прекрасное впечатлѣніе. Несомнѣнно, послѣднее обстоятельство замѣтно усилитъ уступ-

чивость, которую сеймъ сталъ въ настоящую сессію проявлять по отношенію къ требованіямъ русиновъ.

Къ польско-русскимъ отношеніямъ въ Галиціи. Гр. Дзѣдушицкій внесъ въ нынѣшнюю сессію галицкаго сейма предложеніе относительно обязательнаго изученія въ среднихъ школахъ Галиціи второго «Земскаго» языка (въ польскихъ—малорусскаго, въ малорусскихъ—польскаго). Это предположеніе, однако, не находитъ себѣ сочувствія въ мѣстныхъ педагогическихъ сферахъ. По крайней мѣрѣ, отрицательно отнеслось къ предложенію «Общество преподавателей средней школы» («Towarzystwo nauczycieli szkol wysszych»), которое устроило спеціальное собраніе для обсужденія вопроса. И вотъ, послѣ продолжительныхъ дебатовъ, большинствомъ голосовъ была принята такая резолюція: «собраніе выражетъ свое убѣжденіе въ томъ, что предположеніе гр. Дзѣдушицкаго, практически излишнее, вредно съ точки зрѣнія педагогической и національной, а съ точки зрѣнія здоровья юношества въ рамкахъ современнаго учебнаго плана и неисполнимо»...

Вибліографическія новости. Недавно въ Львовѣ вышла изъ печати (изданіе Укр.-руськоі Видавничоі Спілки) повѣсть И. С. Левицкаго «Хмары», впервые съ нѣкот. пропусками напечатанная въ Кіевѣ въ 1874 г., но затѣмъ не переиздававшаяся болѣе въ Россіи. Вторично повѣсть «Хмары» была издана во Львовѣ въ 1890 г. (въ XXXV т. «Бібліотеки найзнаменитших повістей» (съ незначительными отличіями отъ перваго изданія. Въ настоящеее время «Хмары» изданы въ третій разъ, но въ полномъ видѣ *впервые*: помимо нѣкоторыхъ измѣненій, сдѣланныхъ авторомъ, имъ даны для этого изданія три новыхъ, нигдѣ еще не напечатанныхъ главы (XIII—XV).

Въ № 317 «Кіевской Газеты» помѣщенъ фельетонъ г. Вс. Чаговца «Японская и малорусская легенда о мстящей женѣ», въ которомъ проводится параллель между одной японской легендой, помѣщенной въ «Мірѣ Божьемъ» (1904 года г., ноябрь: «Ингва банашши») и легендой, записанной авторомъ близъ Почаева. Послѣдняя приведена авторомъ въ фельетонѣ.

Художественный журналъ. Въ скоромъ времени во Львовѣ начнетъ издаваться новый журналъ: «Артистичний Вістник», посвященный музыкѣ, живописи, скульптурѣ и пр. изящнымъ искусствамъ. Журналъ будетъ издавать коммиссія, основавшаяся уже для этой цѣли. Кромѣ статей въ журналѣ будутъ помѣщаться также репродукціи произведеній нашихъ артистовъ и композиціи нашихъ композиторовъ,— послѣдніе въ видѣ приложеній. (Літерат.-Науковий Вістник).

—

Въ №№ 43—45 «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» помѣщена интересная статья «Суевѣрныя молитвы и сказанія, распространяемыя и распространенныя въ нашемъ народѣ». Интересъ представляетъ не статья сама по себѣ, а матеріалъ изъ области «отреченной литературы», заимствованный изъ тетрадки средины XIX ст., принадлежащей одному отставному солдату Каменецъ-Подольской губ. Въ этой тетрадкѣ имѣются: молитвы на разныя болѣзни, Сонъ Богородицы, Сказаніе Климента папы Римскаго, какъ подобаетъ каждому православному христіанину поститься въ году дванадесять пятницъ, Таблица, составленная великимъ Альбертомъ, что въ цѣломъ году находится 32 дня, въ которые не должно ничего предпринимать или совершать важнаго.

Библіографія.

Руска Письменність. I. Твори Івана Котляревского, Петра Артемовского-Гулака, Евгенія Гребінки. *Видане «Просьвіта» у Львові, 1904, стр. 1—533; in. мал. 8⁰. Ціна 1 корона (40 коп).*

Г. Романчукъ, голова Товариства «Просьвіта», предпринялъ весьма важное и полезное изданіе—изданіе произведеній выдающихся писателей украинскихъ (галицко-украинскихъ), въ хронологическомъ порядкѣ, при томъ возможно лучшее (наиболѣе исправный текстъ) и возможно дешевое. Первый томикъ, вышедшій недавно, заключаетъ въ себѣ произведенія Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и Гребенки; слѣдующій будетъ обнимать сочиненія Квитки-Основьяненка, третій—М. Шашкевича, Головацкаго, Н. Устіяновича и Могильницкаго, четвертый—Метлинскаго и Костомарова, пятый—Шевченка [1]). Судя по цѣнѣ перваго томика (40 коп. на наши деньги), изданіе при своемъ значительномъ изяществѣ, дѣйствительно будетъ чрезвычайно доступнымъ для галицкаго народа.

Разсматриваемое нами изданіе интересно не только, какъ начало систематическаго изданія произведеній лучшихъ нашихъ писателей, но и какъ изданіе, въ извѣстной степени наиболѣе совершенное и при томъ приносящее нашей литературѣ нѣчто новое—такъ какъ содержитъ нѣсколько *неизвѣстныхъ* доселѣ произведеній Гулака-Арте-

[1]) Г. Романчукъ еще въ 1901 г. издалъ „поезіі Т. Г. Шевченка", о которыхъ въ свое время (въ рецензіи на „Записки въ Тов. ім. Шевченка"—„Кіевск Стар.", 1904, февраль) мы имѣли случай говорить.

мовскаго. На этихъ послѣднихъ мы и остановимся спеціально, оставивъ въ сторонѣ произведенія Котляревскаго (провѣренныя и сличенныя по заявленію издателя, по всѣмъ изданіямъ отъ 1798 до 1898), а также и Гребенки (перепечатка извѣстныхъ произведеній).

Сочиненіямъ Гулака-Артемовскаго предпослана коротенькая біографія (2 страницы), не лишенная тѣмъ не менѣе нѣкоторыхъ промаховъ. Такъ, говорится, что Г.-Артем. родился въ *«селі* Городищі» (вмѣсто «мѣстечкѣ»); учился сначала дома, «потім въ Киівській Академіи»,—при чемъ не объяснено, что въ то время при Академіи было и низшее училище, которое долженъ былъ пройти Артемовскій, прежде чѣмъ попасть въ Академію; упоминается, по нашему мнѣнію, излишне о томъ, что «через кілька днів годувався тілько лушпинами з кавунів; які визбирував на базари»,—фактъ въ данномъ случаѣ мелкій, да къ тому же и не вполнѣ доказанный (хотя, впрочемъ, извѣстно изъ рукописнаго формуляра, что въ Академіи „онъ испытывалъ страшную нужду“). Далѣе говорится, что во время польскаго повстання 1831 г. «оден урядник зробив на него донос, що він враз з двома іншими профессорами стоіть на чолі тайноі революційноі громади». Это тоже не совсѣмъ вѣрно: на самомъ дѣлѣ упомянутый казусъ, по словамъ вдовы Артемовскаго, случился въ концѣ 40-хъ г.г. *«Въ тім же році* (т. е. 1831) поставлено его інспектором інститута «благородныхъ дѣвицъ», а в р.р. 1841 до 1849 він був ректором університета. В р. 1850 спенсіонував ся; умер в Харкові 1 жовтня 1866 р.» Здѣсь цѣлый рядъ неточностей, которыя мы исправляемъ по имѣющейся въ нашихъ рукахъ выписи изъ бумагъ Г. С. Чирикова, роботавшаго надъ составленіемъ «Біографическаго Словаря» Харьковского университета [1]). Оказывается, что инспекторомъ въ «Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ» въ Харьковѣ Артемовскій былъ съ 1827 г., а съ 1831 г. управлялъ учебной частью Полтавскаго и Харьковскаго Институтовъ; въ отставку вышелъ въ 1848 г. (а не 1850) и умеръ, какъ всѣмъ извѣстно, въ 1865 г. (а не 1866; эта ошибка повторена и въ рукописи Потебни,—«Кіевск. Стар.» 1888 г.—«Сочиненія П. П. Артемовскаго».

Но переходимъ къ произведеніямъ Г.-Артемовскаго. До послѣдняго момента, считая и новыя произвед. въ «Руской Письменності»

---

[1]) За любезное сообщеніе выписи приносимъ искреннюю благодарность г-жѣ В. А. Матушевской.

всѣхъ произведеній его извѣстно: 66—безусловно ему принадлежащихъ, и два «Пан» и «Муха» —лишь болѣе или менѣе гадательно [1]). Изъ этого количества г. Романчукомъ приведено въ данномъ изданіи лишь 49, при томъ нѣсколько, о которыхъ будетъ рѣчь впереди, впервые или въ болѣе полномъ видѣ. Недостаетъ, такимъ образомъ, до полнаго собранія сочиненій, еще 19 произведеній: 5 —напечатанныхъ г. Романчукомъ послѣ выхода «Рускої Письмености» в «Записках Наук. Товариства» (см. примѣчаніе) и 14, болѣе мелкихъ, напечатанныхъ въ «Кіевской Старинѣ» 1897 г. («Неизданныя сочиненія Гулака-Артемовскаго»), а именно: «Петро мужыкъ Непокорный»; «Сыдыть Петро у Полтаві», «Надудлывсь чого», «Булы мы й въ Святогорськимъ», 2 письма къ Вагнеру: «Голывся я на тыждень разъ» и «Якъ тилько дозвонять 4 годыны», «Послухавъ жинку», «Ой мени тяжко, ой мени нудно», «Андрію, Андрію» (вторая часть напечатана въ «Рус. Письменості» подъ загл. «Пісні» (стр. 414, П), «Де ты бродышъ, моя доле», «Свитыть мисяць у виконце», «Ой дежъ вона залетила», «Ну вже такы далась въ знакы»... Столько пьесъ не достаетъ еще въ изданіяхъ г. Романчука, чтобы назвать собраніе сочиненій Г. Артемовскаго полнымъ!

Обращаемся къ каждому изъ помѣщенныхъ въ «Руской Письменности» произведеній Г.-Артемовскаго.

1. *Панъ та Собака.* Это стихотвореніе, впервые помѣщенное въ 1818 г. въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» и перепечатанное впослѣдствіи въ «Основѣ» Кулишомъ,—насколько намъ извѣстно, имѣло до сихъ поръ одну редакцію. Между тѣмъ у г. Романчука оно подверглось значительнымъ водоизмѣненіямъ. Значитъ ли это, что г. Романчукъ пользовался какомъ-либо новымъ источникомъ?—Вѣроятно, но на это не находимъ никакихъ указаній въ данномъ изданіи. Какъ бы то ни было, считаемъ необходимымъ отмѣтить всѣ разночтенія противъ редакціи «Основы»:

Стр. 365, стр.	2	у Романчука:	*«Денегде»* — у Куліша	*«де-куди»*
— „	4	—	*«на небі ні зорі»* —	*«нема а ні* зорі»
— „	5	—	«*От* ледве крадькома яка *сонлива* зірка»,	
		— у Куліша	«*I* ледве крадькома яка *маленька* зірка»,	

---

[1]) Изъ этого числа 5 (6-ое значит. часть „Справжней добрості") напечатаны въ LX томѣ „Запис. Н. Товариства", а именно „Нагайка", „До Юхима", „Сину моэму, „Слівіцкому" и „До Варки".

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 87-го:

октябрь, ноябрь, декабрь, 1904 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—ноябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
